1812

Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году

Юбилейное издание

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ

ЮБИЛЕЙНОЕ
ИЗДАНИЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С 55

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 15-04-16027

Редакционная коллегия:
И. А. Айзикова (гл. редактор),
В. С. Киселёв, Н. Е. Никонова

С 55 Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / Подгот. текстов и приложений И. А. Айзикова, В. С. Киселёв, Н. Е. Никонова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 640 с., ил.

ISBN 978-5-94457-247-9

Предлагаемое юбилейное издание представляет собой первое переиздание и первый опыт научной публикации «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», вышедшего в Москве в 1814 г. Важнейший памятник русской культуры и литературы, содержащий почти все написанные в 1812 — начале 1814 г. русские стихотворения, имеющие отношение к теме Отечественной войны 1812 г., отражает общественное настроение, национальное сознание и живой литературный процесс 1810-х гг. Тексты стихотворений в данном издании сопровождаются комментариями к ним, исследовательскими статьями И. А. Айзиковой, В. С. Киселёва и Н. Е. Никоновой. В Приложении приводится также «Именной указатель авторов “Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году”».

Редакторский коллектив надеется, что данное издание будет способствовать введению этого памятника как в научный, так и в общекультурный оборот.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-94457-247-9

© И. А. Айзикова, В. С. Киселёв, Н. Е. Никонова, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 13

Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году

Часть первая

I. Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского 17 505

II. Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества 37 512

III. Ода на случай войны с французами 1812 года 42 513

IV. Певец во стане русских воинов 46 513

V. Молитва израильского народа во время нашествия Сеннахиримова воинства на Иерусалим 62 518

VI. Освобождение Москвы 66 518

VII. Ода на освобождение Москвы 68 519

VIII. Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое 72 520

IX. Ода на победы над врагами 74 520

X. Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни 75 521

XI. Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в августе 1812 года 77 522

XII. Ода на изгнание врага 78 523

XIII. Песнь Богу, покровителю России 80 524

XIV. Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому 81 524

XV. Князю Смоленскому 84 525

XVI. Благодарственная песнь Богу, избавителю России 87 526

XVII. Стихи по случаю крестного хода на другой день по освящении Архангельского собора, в день празднества Сретения Господня ... 89 526

XVIII. Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7- и 8-го числ того же ноября ... 91 527

XIX. К Отечеству ... 93 529

XX. Ода на Новый 1813-й год ... 96 530

XXI. Песнь на поражение галльского фараона, посвященная знаменитому покровителю сочинителя, его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову ... 99 531

XXII. К россиянам. Дифирамб ... 102 532

XXIII. К друзьям ... 104 532

XXIV. Стихи в день Богоявления Господня. На войну ... 106 533

XXV. Песнь великому вождю героев ... 108 533

XXVI. На разрушение Москвы ... 112 534

XXVII. Надпись на поле Бородинском ... 114 535

XXVIII. Стихи светлейшему князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому ... 116 535

XXIX. Глас московского жителя на освобождение России от врагов ... 118 536

XXX. Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому ... 120 537

XXXI. Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года ... 123 538

XXXII. Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года ... 126 538

XXXIII. Гимн, петый на концерте, данном российскими музыкантами в доме его высокопревосходительства С. С. Апраксина, в пользу рожденного и воспитанного в Москве музыканта г. Рейнгардта, января 7 дня 1814 года ... 131 539

XXXIV. Чувствования россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества ... 132 539

XXXV. На бегство Наполеона с остатком войск его ... 136 540

XXXVI. Прощание с 1812 годом декабря 12, во всерадостный день рождения его императорского величества ... 138 540

XXXVII. Певец на гробах братьев-воинов россиян ... 140 541

XXXVIII. Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам ... 143 541

XXXIX. Песнь соотечественникам по прогнании злодеев из земли русской ... 146 542

XL. Исповедь Наполеона французам ... 149 542

XLI. Возвращение тирана Наполеона во Францию ... 152 543

XLII. Побег Наполеона Карловича из земли русской. Шутливое стихотворение ... 155 544
XLIII. Надпись к победам светлейшего князя М. Л. Кутузова-Смоленского ... 163 545
XLIV. Надпись к портрету его светлости князя Кутузова-Смоленского ... 164 546
XLV. Солдатская песня ... 165 546
XLVI. Песня к русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым. Июля дня, 1812 ... 166 547
XLVII. Солдатская песня ... 168 547
XLVIII. Авангардная песня. Сочинена во время командования авангардом главной армии графом Михайлом Андреевичем Милорадовичем, в Бунцлау, марта 16, 1813 ... 170 548
XLIX. Кубре. 1812 года ... 171 548
L. Стансы ... 173 549
LI.Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского ... 175 549
LII. Стихи в память князю Кутузову-Смоленскому ... 177 550
LIII. Шаманство ... 179 550
LIV. Песнь богатырям русским ... 181 550
LV. Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани ... 183 551
LVI. Стихи графу Витгенштейну на одержанные им над французами победы ... 189 552
LVII. На присягу испанцев в Сарском селе ... 190 552
LVIII. Хор (для польского) на новый 1813 год, начавшийся под звуками славы победоносных россиян ... 191 553
LIX. Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона ... 193 553
LX. Моя молитва ... 195 553
LXI. На совершенное истребление неприятельских войск в пределах России ... 196 554
LXII. Чувствования русского в Кремле ... 197 554
LXIII. На смерть спасителя Отечества ... 199 555
LXIV. На погребение генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Июня 13 дня 1813 ... 202 556
LXV. Песнь на смерть светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского ... 203 557
LXVI. На кончину генерал-фельдмаршала князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского ... 207 558

LXVII. Песнь барда на кончину князя Г. К. Смоленского 208 558
LXVIII. Мысли при гробе князя Кутузова-Смоленского 210 559
LXIX. Солдатская песня в память князя Кутузова-Смоленского 211 559
LXX. Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина и на монаршие щедроты, излиянные на них 213 560
LXXI. На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26 ..... 214 561
LXXII. Стихи в день Светлого Христова Воскресения матери от детей 216 561
LXXIII. Цидулка к соседу при получении известия о совершенном изгнании врагов из России 218 561
LXXIV. Память князю Багратиону 219 562
LXXV. На смерть князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского 220 562
LXXVI. В Симе, селе князя Бориса Андреевича Голицына, марта 7 дня 1813 года 221 562
LXXVII. К портрету графа Витгенштейна 222 563
LXXVIII. На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова 223 563

Часть вторая

I. Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года 227 564
II. Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву 229 565
III. Стихи, писанные по прочтении в «Московских ведомостях» высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13-го июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы 230 565
IV. Стихи, написанные по прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13-го июня 1812 года, по случаю вероломного разрыва мира с французами 232 566
V. Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года 233 567
VI. Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытии его величества в Москву июля 12 дня 238 568
VII. Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года 241 570
VIII. Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года 243 571

IX. На манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года ... 245 572
X. Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут ... 246 573
XI. По случаю известия о нашествии неприятеля ... 247 574
XII. На отъезд государя императора из С. Петербурга по отпетии путешественного молебствия в Казанском соборе ... 249 574
XIII. На выступление гвардейских полков из С. Петербурга ... 251 575
XIV. Молитва русских при опоясании на брань ... 254 576
XV. Глас к Богу московских жителей во время нашествия французов ... 255 576
XVI. Песнь русского воина перед сражением ... 256 576
XVII. К воинам московской силы, вышедшим в поход 14-го августа ... 259 577
XVIII. На пожертвование в пользу нового ополчения, учиненное Всеавгустейшею матерью государя императора ... 260 577
XIX. Стихи, написанные по прочтении рескрипта ее императорского высочества, государыни великой княгини Екатерины Павловны, в котором изображено желание ее пожертвовать на службу государя императора некоторое число воинов ... 262 578
XX. Стихи, написанные по прочтении письма Преосвященнейшего Платона, при котором препровожден к государю императору образ Преподобного Сергия, игумена Радонежского ... 263 579
XXI. На соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 июля ... 265 580
XXII. К российскому дворянству ... 267 581
XXIII. Любовь к отечеству. Ода ... 269 582
XXIV. На единодушное избрание С. Петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова ... 272 582
XXV. Польской на прибытие императорской гвардии в город Вильну ... 273 583
XXVI. К жителям Нижнего Новгорода ... 275 584
XXVII. Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича ... 276 585
XXVIII. Сражение при Бородине ... 277 585
XXIX. На отличие гвардейских казаков при начале военных действий ... 282 587
XXX. К московским стихотворцам на день 2-го сентября 1812 года ... 283 588
XXXI. Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая страждущих сынов своих ... 285 589
XXXII. Послание к Д. В. Д. ... 306 590

XXXIII. Чувствования русского в Кремле ... 308 592
XXXIV. Молитва Богу при воспоминании Полтавской победы ... 310 592
XXXV. Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове по изгнании всеобщего врага из пределов российских ... 312 593
XXXVI. Песнь Отечеству на победы над французами ... 319 594
XXXVII. Ода на чудесные российские победы ... 321 594
XXXVIII. На новую победу российских войск, одержанную под начальством графа Витгенштейна ... 326 596
XXXIX. Песнь россиянина на новый 1813 год ... 328 597
XL. К прошлому 1812-му и наступившему 1813-му годам ... 338 598
XLI. На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского ... 344 599
XLII. Ода на смерть фельдмаршала князя Смоленского. Апреля в 16-й день 1813 года ... 350 599
XLIII. Встреча Суворова с Кутузовым, или вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским ... 352 600
XLIV. Лирическая песнь при известии о новых победах ... 362 604
XLV. Ода победам российского воинства ... 363 604
XLVI. На незабвенные подвиги россиян для освобождения народов ... 368 606
XLVII. На поражение французов и Наполеона под Бриенной 20 января 1814 года ... 369 606
XLVIII. Храм славы истинных героев ... 370 607
XLIX. Ода его императорскому величеству, государю императору Александру Первому, на покорение столицы Франции победоносным его оружием ... 373 609
L. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великого государя императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона ... 381 610
LI. На возвращение ополчения ... 387 611
LII. Ода на всерадостное известие о покорении Парижа ... 388 612
LIII. Освобождение Европы и слава Александра I ... 390 612
LIV. На последние происшествия в Европе ... 402 613
LV. Надписи к портрету Александра I ... 403 613
LVI . Александру Первому по взятии Парижа ... 404 614
LVII. Торжество веры и добродетели ... 405 614
LVIII. К портрету светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского ... 406 615
LIX. К портрету генерала графа Витгенштейна ... 407 615
LX. К портрету генерала Кульнева ... 408 616

LXI. К портрету князя Петра Ивановича Багратиона 409 616
LXII. Стихи генералу Раевскому 410 616
LXIII. Солдатская песня 411 617
LXIV. Три народные песни 412 617
LXV. Песнь русских поселян русским воинам 416 618
LXVI. Песнь Донскому воинству 418 619
LXVII. Песня ратников Санкт-Петербургского ополчения 421 619
LXVIII. Наполеонов бостон 423 619
LXIX. Акростих 425 620
LXX. Надпись короновавшемуся железной короной 426 620
LXXI. Надгробие французам на Руси 427 621
LXXII. Совет русского французам. Народная песня 428 621
LXXIII. Завещание Н. Бонапарте 430 621

Приложения

И. А. Айзикова. Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» 433

В. С. Киселёв. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» 449

В. С. Киселёв. Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» 470

Н. Е. Никонова. Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» 494

Примечания к текстам 505

Указатель авторов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» 623

ОТ РЕДАКЦИИ

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» было опубликовано в двух частях в Москве, в 1814 г.[1] Инициатива издания, как было недавно доказано А. С. Бодровой, принадлежала Н. М. Кугушеву[2]. В связи с малым тиражом оно уже в начале прошлого века стало библиографической редкостью. С тех пор книга не переиздавалась, и важнейший памятник русской культуры и литературы, в частности, единственный сборник, содержащий почти все написанные в 1812 — начале 1814 г. русские стихотворения, имеющие отношения к теме Отечественной войны 1812 г. (и шире — к теме войны с Наполеоном в целом), до сих пор остается практически неизвестным широкому читателю. К сожалению, не привлек он и должного внимания исследователей-литературоведов. На сегодня в специальной литературе о нем говорится лишь вскользь и попутно (напр., в работах Г. А. Гуковского, А. С. Янушкевича, В. Э. Вацуро и некоторых др.)[3].

Между тем «Собрание…» крайне интересно и как явление духовной жизни русского общества периода Отечественной войны 1812 г., и как факт в творческой биографии авторов и издателя стихотворений, вошедших в издание. Осмысление телеологии издания и стратегии издателя антологии Н. М. Кугушева, определение жанрово-стилевых особенностей и основных принципов «Собрания…» как целого текста, установление имагологических доминант, реализующихся в сборнике; анализ эволюции концептов национальной идентичности, стихийно складывающихся в процессе реакции на события 1812—1814 гг. и зафиксированных на страницах издания Н. М. Кугушева, выявление отзывов современников о «Собрании…» и определение характера его критической рецепции; наконец, воссоздание основных контекстов «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» — все это становится особенно актуальными сегодня, позволяя бесспорно утверждать большое значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» для русской литературы и культуры в целом как важнейшего фактора их развития в нравственно-философском, эстетическом и поэтическом аспектах. Это значение определяется отражением в «Собрании…» общественного настроения, национального сознания и живого литературного процесса

[1] Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812-му году. В 2-х частях. М.: Унив. Тип., 1814.

[2] *Бодрова А. С.* Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 (6). С. 158—167.

[3] См. подробнее во вступительной статье И. А. Айзиковой в настоящем издании.

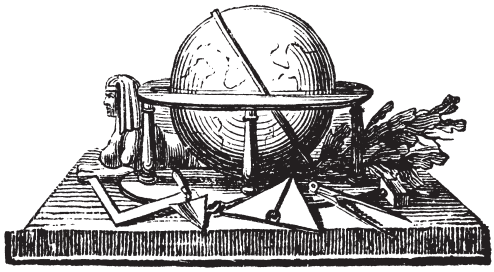
1810-х гг., взятого во всей полноте эстетических и поэтических взаимодействий и взаимосвязей, и прямо указывает на необходимость возвращения «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 г.» читателю и введения его в научный оборот. Предлагаемое издание представляет собой первый опыт научной републикации «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году.» Тексты стихотворений в данном издании сопровождаются комментариями к ним, исследовательскими статьями И. А. Айзиковой «Историко-литературное значение "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"», В. С. Киселева «Идеологический контекст "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"», «Книжные и журнальные источники "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"» и Н. Е. Никоновой «Образы Наполеона в "Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"». В Приложении приводится также «Именной указатель авторов "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"».

Основной текстологической трудностью при подготовке данного издания было отсутствие большинства автографов стихотворений, созданных забытыми ныне авторами. Тексты публикуются по «Собранию…». Отличительной чертой этого издания является вариативность орфографии, которая, по-видимому, объясняется и недостатком редактуры, и стремлением сохранить правописание оригинала. В связи с этим редакторский коллектив счел целесообразным публикацию текстов по нормам современной орфографии и пунктуации (за исключением тех случаев, когда это разрушает рифму). Исправлены также очевидные орфографические и пунктуационные ошибки и опечатки. Разночтения с другими публикациями текстов «Собрания…» приводятся в комментариях.

Авторский коллектив выражает сердечную благодарность кандидату филологических наук А. С. Бодровой и старшему библиографу РНБ Л. В. Карпущенко за помощь в работе над изданием.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА 1812 ГОДА ВО СЛАВУ ВСЕМОГУЩЕГО БОГА, ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ, ВЕРНОГО НАРОДА, МУДРОГО ВОЖДЯ И ХРАБРОГО ВОИНСТВА РОССИЙСКОГО

посвящает Державин

Благословен Господь наш, Бог!
На брань десницы ополчивый
И под стопы нам подклонивый
Врагов надменных дерзкий рог!
Восстань, Тимпанница[1] царева,
Священно-вдохновенна дева(1)!
И, гусли взяв в багряну длань,
Брось персты по струнам — и грянь,
И пой победы звучным тоном
Царя славян над Авадоном(2)!

Что ж в сердце чувствую тоску
И грусть в душе моей смертельну?
Разрушенну и обагренну
Под пеплом в дыме зрю Москву[2],
О страх! — О скорбь! — Но свет с эмпира[3]
Объял мой дух, — отблещет лира,
Восторг пленит, живит, бодрит
И тлен земной забыть велит. —
«Пой! (мир гласит мне горний, дольний)
И оправдай судьбы Господни».

Открылась тайн священных дверь!
Исшел из бездн огромный зверь(3),
Дракон, иль демон змиевидный(4);
Вокруг его ехидны
Со крыльев смерть и смрад трясут,

Рогами солнце прут;
Отенетяя[4] вкруг всю ошибами[5] сферу,
Горящу в воздух прыщут серу,
Холмят дыханьем понт[6],
Льют нощь на горизонт
И движут ось всея Вселенны.
Бегут все смертные смятенны
От Князя тьмы и крокодильных стад[7].
Они ревут, свистят и всех страшат;
А только агнец(5) бело-рунный,
Смиренный, кроткий, но чело-перунный[8],
Восстал на Севере один,
Исчез змей-исполин!

Что се? Стихиев ли борьба?
Брань с светом тьмы? Добра со злобой?
Иль так рожденные утробой
Коварств крамола, лесть, татьба[9]
В ад сверглись громом с Князем бездны,
Которым трепетал свод звездный,
Лишались солнцы их лучей;
От пламенных его очей
Багрели горы, рдело море,
И след его был плач, стон, горе!..

Иль галл[10], творец то злых чудес,
Похитивший у ветра крылы,
У доблести, у веры — силы,
Скиптр — у царей, гром — у небес,
У правосудия — законы;
Убив народов миллионы,
Изгнав к Отечеству любовь,
Растлил всех дух, оподлил кровь,
Став хищна раб Наполеона,
Возмнил быть царь Вселенной трона?

Так — он, то галл с своим вождем,
Навергнув на царей ярем
И всю почти пленя Европу,
Дал страшному Атропу (6)
Не раз ее же кровью пир;
Прервал звук нежных лир,
Пресек спокойствие, торги, труд сельский, мирный,

И в блеск разбойника порфирный
Одев, возвел на трон —
То был Наполеон.
Он ветви ссек лилей несчастных,
И в замыслах своих ужасных
Превозносясь, как некий дивий Гог[7],
В гордыне мнил, что все творить возмог;
Но на спокойну зря Россию,
Что перед ним одна не клонит выю,
Вспылал, простер завистну длань —
И дхнул из зева брань.

Уже, как смрадных тучи круг,
Его летящи легионы
Затмили свет, иль быстры волны
Как рек пяти[8] шумящих вдруг
Чрез Неман прорвались преградный.
Сам он, как тигр на трупы гладный,
Предспеющий своей молве,
Шагнул к Днепру, шагнул к Москве:
Кровавы вслед моря струились,
И заревы по небу рдились.

В стремленьи быстр, в бою жесток,
Уже своей победой дмился,
Что мы (с насмешкою хвалился)
Бежим его и праха ног[9];
Что быстрый полк его орлиный
На дом П е т р а, Е к а т е р и н ы[10]
Воссядет скоро средь столиц
И вкусит он от царских лиц,
По жатве звучной, громкой славы,
В Петрополе, в Москве забавы[11].

Уже блаженств своих с одра
Россия внемлет глас царя,
Зовущего на ополченье[12].
О радостно виденье!
Так Май, блестя своим лицом,
Сквозь туч чрез тихий гром
Скликает сонм с полей, с лесов к себе пернатый —
Различно племя, в разны латы
Облекшись, росский род

Как исполин встает!
Идет на брань единодушно,
Монарху своему послушно,
За трон его, за веру умереть;
Нигде сей ревности подобной нет!
И старцы, дети, жены, девы,
Богатства все свои в сокровища царевы
Отдав, идут в Господень храм
Взнесть душ их фимиам.

Держащий небо, землю, ад
И равновесье меж мирами,
Дышай зефирами, громами
И все в един вмещаяй взгляд,
Воззрев на лесть Наполеона,
На святость А л е к с а н д р а трона,
В нощь темных туч себя облек
И тихим гулом грома рек:
«Полна нечестья галлов мера,
Спасает россов тепла вера».

И бысть. — Молебных капля слез,
Упадши в чашу правосудья,
Всей стратегистики (13) орудья,
Как прах, взметнула до небес.
Раздвиглись Чермна моря волны,
И фараон, гордыней полный,
Ступил в невлажный понт ногой[11].
Морских зверей, чудовищ строй
Хотя сей дерзости глумились,
Но будто бы боясь — странились
И отверзали сами путь;
А он, чтоб паче страх вдохнуть,
Со всадники, со колесницы,
Как бы закрыл зеницы,
Бесстрашно вшел во сердце вод
И гнал Иаковль род[12],
Избранный искони и ввек хранимый Богом,
Тесня его поспешным ходом.
Но Бог воззрел на Норд[13]:
Слился двухолмный понт —
И с шумом поглотил тирана —
След стал его лишь влага слана[14];

Лишь выплывал там щит, там тул[15], там бронь,
Там с всадником выказывался конь,
Блестела чуть в зыбях порфира —
Не честолюбья ли то образ мира
И гибели надменных сил?
Се Бог как их казнил!

Но ужас дух еще объял!
Царь Сирии, властитель мира,
Явя в себе торжеств кумира,
Безумным вдруг животным стал (14)!
И на стене пред всех очами
Писала длань (15) огня чертами,
Что скоро власть царя пройдет,
Который правды не блюдет.
Всевышний управляет царствы,
Дает (16) — отъемлет за коварствы[16].

Не видим ли и в наши дни
Мы сих чудес в Наполеоне?
На зыблемом восседши троне,
Не возлюбил он тишины,
Но, злобу злобами умножа,
Спокойны царства востревожа,
Во храмы запустенье внес,
Святых не пощадил телес (17),
Пол нежный посрамленный
Заставил втайне лить ток слезный —

И Бог сорвал с него Свой луч:
Тогда средь бурных, мрачных туч
Неистовой своей гордыни,
И домы благостыни
Смердя своими надписьми (18),
А алтари коньми (19),
Он поругал. — Тут все в нем чувства закричали,
Огнями надписи вспылали,
Исслали храмы стон,
И обезумел он.
Сим предузнав свое он горе,
Что царство пройдет его вскоре,
Не мог уже в Москве своих снесть зол;
Решился убежать, — зажег — ушел —

Вторым став Навходоносором[17];
Кровавы угли вкруг бросая взором,
Лил пену с челюстей, как вепрь,
И ринулся в мрак дебрь.

Но Муза! Тайнственный глагол
Оставь — и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на галла шел;
Как Запад с Севером сражался,
И гром о громы ударялся,
И молньи с молньями секлись,
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном (20).

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
Там всадники, как вихри бурны,
Темнили пылью свод лазурный;
Там бледна смерть с косой в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала.

Там рвали друг у друга гром (21),
Осмь крат (22) спирали град челом
И царство поборали царством,
Зла гения коварством,
Который так, как жгущий Эвр (23),
Смотря на древний кедр,
Стоящий на челе Святой горы Синайской,
Всех прохлаждавший тенью райской,
Преклоншися лицом
Над чистых вод стеклом,
Простерт быв на полсвете корнем,
Цвел в покровительстве Господнем;
Но Эвр его давно сносить не мог,
Решился с высоты низринуть в лог:
Напал, игл несколько сшиб зевом,
Но стебля сбить не мог всех сил набегом,

Вздохнул впервый на неуспех
И с срамом вспять побег.

Бежит, — и пламенным мечем
Его в тыл ангел погоняет,
Отвсюду ужасом смущает,
След сеет огненным дождем.
Встревоженный, взъяренный, бледный,
Он с треском в воздух мещет стены,
С Кремлевского их рвав холма;
С чела его в мрак искр косма,
Сквозь дыма сыплясь, как комета,
Окровавляла твердь полсвета.

Бежит, и несколько полков,
Летящих воздуха волнами,
Он видит теней пред очами
Святых и наших праотцов,
Которы в звездном чел убранстве,
Безмерной высоты в пространстве,
Как воющей погоды стон,
«Наполеон! Наполеон!»
Лиют вслух жалобы: «Из злости
Ты наши двигал прах и кости!» (24)

Бежит, и зрит себя вокруг
Он тысячи невинных вдруг,
Замученных и убиенных,
Им не запечатленных (25),
Что полумертвым взором зрят,
С уст посинелых хлад
Дыхав, со всех сторон кричат ему с укорой:
«Ты, ты предвременной и скорой
Нас смертию посек,
Когда на брани тек.
И се, наполненну слезами
Семейств и нашими кровями,
Обвиту жалами шипящих змей,
Ту чашу (26) смертну, в жизни что своей
Ты наполнял бесперестанно,
Желал и требовал несыто, жадно
Еще, еще себе кровей,
Прими теперь — и пей!»

Бежит, себя сам упреждав;
За скорыми его шагами
Лишь поспевает смерть прыжками,
Тел груды по странам бросав;
Там медные лежат драконы,
На кони наваленны кони
И колесницы друг на друг.
Великого здесь вождя дух,
Искусство, смельство видно бранно,
Что он бежит лишь беспрестанно!

Бежит, хотя и жажды полн
К сокровищам неоцененным,
В чертогах, в храмах похищенным;
Но их и всех кидает он
Друзей, больных без сожаленья.
Сей гений ищет лишь спасенья!
Его страшит и ветров свист,
И скрып дерев, и падший лист,
В сердечных отзываясь недрах,
Как страшный гром во мрачных дебрях.

Бежит, и сам себя внутрь рвет,
Что сильно росс его женет[18];
Но кажет, будто бы бесстрашно
Он шествует обратно.
Так волк в леса бежит назад,
Быв прогнанный от стад,
Оставя добычу, и рыщет хоть скачками,
Но, взад озрясь, стуча зубами,
Огнь сыплет из очей.
Иль аспид, лютый змей,
Бежит так с поль, коль Север дует
И афра[19] за собою чует:
То вверх главу, то вниз клоня, ползет,
Шипит, крутит хребет, хвост в кольцы вьет —
И сколько змий сей ни ужасен,
Но поползок его тем паче страшен,
Что дым струится в нем и смрад,
А воздух дышит яд!

Бежит, и видит наконец,
Что за его все злодеянья

Готовит небо наказанья,
И падает с него венец;
Что, став пред собственным уж взором
Кладбищным рать его позором —
От глада, ран и мраза мрет.
О ужас! Галл здесь галла жрет! (27)
Но с сердцем Бонапарт железным
И сим смеется бедствам слезным! (28)

Бежит, но сорока двух лун
Уж данный срок — на возвышенье,
Еще пяти — на осквернение (29)
Ему прошел. — Уже перун
Предвечного висит закона
Поверх главы Наполеона,
Еще немного — он падет,
И сонм тех царств, что с ним идет,
Вдруг на него весь обратится (30),
Содом, Гомор с ним вспепелится.

О! Так — таинственных числ зверь (31),
В плоти седьм-главый Люцифер,
О десяти рогах венчанный (32),
Дни кончит смрадны.
Сей мнимый гений, царь царей,
Падет злый вождь вождей —
Судьбы небесные издревле непреложны:
Враги Христовы суть ничтожны.
От них нам вера щит,
Он праведных хранит.
Кто ж щит дает сей царств в отпору?
Царь, не причастный Вельфегору (33).
Так: А л е к с а н д р о в глас наш дух вознес,
Прибег он в храм — и стал бесстрашным росс,
Упала демонская сила
Рукой избранна князя Михаила (34) —
Сей муж лишь Гога мог потрясть,
Россию верой спасть (35).

Какая честь из рода в род
России, слава незабвенна,
Что ей избавлена Вселенна
От новых Тамерлана орд!

Цари Европы и народы!
Как бурны вы стремились воды,
Чтоб поглотить край росса весь,
Но буйные! Где сами днесь?
Почто вы спяща льва будили,
Чтобы узнал свои он силы?

Почто вмещались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?
Где царственны, народны правы?
Где, где германски честны нравы?
Друзья мы были вам всегда,
За вас сражались иногда;
Но вы, забыв и клятвы святы,
Ползли грызть тайно наши пяты.

О новый Вавилон (36) — Париж!
О град мятежничьих (37) жилищ,
Где Бога нет, окроме злата,
Соблазнов и разврата;
Где самолюбью на алтарь
Все, все приносят в дар!
Быв чуждых царств не сыт, ты шел с Наполеоном,
Неизмеримым небосклоном
России повратить,
Полсвета огорстить[20].
Хоть прелестей твоих уставы
Давно уж чли венцом мы славы;
Но, не довольствуясь слепить умом,
Ты мнил попрать нас и мечом,
Забыв, что Северные силы (38)
Всегда на Запад ужас наносили,
Где ж мамелюк твой[21], где Элит?
О вечный Сене стыд!

Так, дерзка Франция! И вы,
С ней шедшие на нас державы!
Не страшен нам ваш ков кровавый,
Коль члены мы одной главы.
От хижин, церкви до престола
И дети все до нежна пола (39) —

Суть царски витязи у нас.
Вы сами видели не раз,
Как вел отец детей ко брани [40],
Как сами шли бесстрашно к казни [41].

А ваша где надменность слов
И похвальбы Наполеона,
Что к обладанью росска трона
Не меч он нес, а пук оков?
Где на монете, им тисненной [42],
Тот царь Москвы, тот царь Вселенной,
Кто произнес толь дерзку речь,
Что он, поколь наверх свой меч
П е т р о в а не положит гроба,
Не даст покою нам [43]? О злоба!

Но дух П е т р о в, сквозь звездну мглу
С улыбкой вняв сию хулу,
Геройской кротости в незлобьи
Вспарил орла в подобьи [44] —
И грянул бородинский гром.
С тех пор Наполеон
Упал в душе своей, как дух Сатанаила[22],
Что древле молньей Михаила
Пал в озеро огня
И там, стеня,
Мертв в помыслах лежит ужасных
Под ревом волн, искр смрадных, страшных.
А если он когда еще и жив,
То только тем, что, взоры искосив
На Север, с зависти и злости,
Грызет свои, беснуясь, ссохши кости,
На славу А л е к с а н д р а зря,
Всем милого царя.

Лежит! — О радость! — О восторг!
Кавказ и Тавр встают мне выше,
Евксин и Бельт[23] шумят мне тише:
Мы победили — с нами Бог!
Вселенна! Знай, и все языки,
Коль благ Бог в бранях нам Великий!
Внемли, враг скрытый, нам хвалу,
Гладь, змей, язык свой о пилу [45];

Кричи, что Рейнски страшны силы,
Их с Немана по Обь — могилы [46]!

Так, щит нам Бог, мы страшны Им!
Его мы волей торжествуем,
Ему победы восписуем,
Им русский царь непобедим,
Будь одного Его держава;
Славян всегда наследье — слава!
Не блещут доблести без бед,
И превосходств нет без побед.
Бог посетил нас — Бог прославил,
Всех выше царств земных поставил.

Хвала Ему! Хвала, Творец,
Тебе! Из глубины сердец
Благодарение приносим,
Молебны чувствы взносим
Тебе в пространны небеса
За явны чудеса,
Которыми Ты нас возвысил непостижно,
Из всех земных держав так дивно,
Что честью превознес
И славой до небес!
Отечество мы оградили,
Царя и веру защитили
От угрожавших рабственных оков,
Не зря на лесть и на соблазн даров,
На ужасы и самой смерти;
Галл не возмог нас пред собой простерти;
И сим ужасным бедством росс
Еще превыше взрос.

О росс! О добльственный народ!
Единственный, великодушный,
Великий, сильный, славой звучный,
Изящностью своих доброт!
По мышцам ты — неутомимый,
По духу ты — непобедимый,
По сердцу — прост, по чувству — добр,
Ты в счастьи — тих, в несчастьи — бодр,
Царю — радушен, благороден,
В терпеньи — лишь себе подобен.

Красуйся ж и ликуй, герой,
Что в нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем твоем наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!
Лобзайте, родши[24], чад, их чада,
Что в вас Отечеству ограда
Была взаимна от врагов;
Целуйте, девы, женихов,
Мужей супруги, сестры братья,
Что был всяк тверд среди несчастья!

И вы, Гесперья, Альбион (47)!
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,
Но понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,
Уж близилось оно;
Но мы, как холмы, быв внутрь жуплом наполненны,
На нас налегший облак черный
Сдержав на раменах,
Огнь дхнули — пал он в прах.
С гиганта ребр в Версальи трески,
А с наших рук вам слышны плески:
То в общем, славном торжестве таком
Не должны ли и общих хвал венцом
Мы чтить героев превосходных,
Душою россов твердых, благородных?
О, как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух!

И се, как въяве вижу сон,
Ношуся вне пределов мира,
Где в голубых полях эфира
Витает вождей росских сонм —
Меж ими там в беседе райской
Рымникской, Таврской, Задунайской[25]
Между собою говорят:
«О, как венец светлей стократ,
Что дан не царств за расширенье,
А за Отечества спасенье!

Мамай, Желковский, Карл[26] путь свят
К бессмертью подали прямому

П е т р у, Пожарскому, Донскому;
Кутузову днесь — Бонапарт.
Доколь Москва, Непрядва и Полтава
Течь будут, их не умрет слава.
Как воин, что в бою не пал,
Еще хвал вечных не стяжал;
Так громок стран пусть покоритель,
Но лишь велик их, свят спаситель».

По правде, вечности лучей
Достойны войны наших дней.
Смоленский князь, вождь дальновидный [48],
Не зря на толк обидный,
Великий ум в себе являл,
Без крови поражал
И в бранной хитрости противника, без лести,
Превысил — Фабия он в чести —
Витгштейн легче бить [49]
Умел, чем отходить
Средь самых пылких, бранных споров —
Быв смел — как лев, быстр — как Суворов.
Вождь не предзримый, гром как с облаков,
Слетал на вражий стан, на тыл — Платов [50]!
Но как исчислить всех героев,
Живых и падших с славою средь боев?
Почтим Багратионов прах [51],
Он жив у нас в сердцах!

Се бранных подвигов венец!
И разность меж Багратионом
По смерти в чем с Наполеоном?
Не в чувстве ль праведных сердец?
Для них не больше ль знаменитый
Слезой, чем клятвами покрытый;
Так! Мерил мерой кто какой,
И сам возмерен будет той.
Нам правда Божия явила,
Какая галлов казнь постигла.

О полный чудесами век!
О мира колесо превратно!
Давно ль страшилище ужасно
На нас со всей Европой тек!

Но где днесь добычи богаты?
Где мудрые вожди, тристаты[27]?
Где победитель в торжествах?
Где гений, блещущий в лучах?
Не здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не льститься на хищенье?

О, так! Блаженство смертных в том,
Чтоб действовать всегда во всем
Лишь с справедливостью согласно,
Так мыслить беспристрастно,
Что мы чего себе хотим,
Того желать другим.
Судьбы Всевышнего, отняв скиптр у Бурбонов,
По чертежу своих законов
Взяв червя из червей,
В сан облекли царей.
Долг был его, к чему был званный;
Но он, нечестьем обуянный,
Дерзнул Господню волю пренебречь,
Не стерть ток слез, суд правый не изречь
И быть отрекся миролюбным,
Великим; но склоня свой слух ко трубным
Он гласам, мнил быть и судьбе
Царь, Бог — и се не бе![28]

Не бе! Но ты, м о н а р х! Блистай
Т в о е й небесной красотою!
То кротостью, то правотою
Владей, пленяй и успевай
Лук наляцать[29] т в о й крепкий, сильный,
Чрез все т в о и страны обширны
Ко ужасу т в о и х врагов,
И грозный строй т в о и х полков,
Как туча, молньями чревата,
Кругом возляжет царства свята.

Юг, Запад, Север и Восток
Под т в о й покров прострут их длани,
Уйдет вражда, умолкнут брани,
В пшенице не взрастет порок;
Цари придут к т е б е на сонмы,
Чтоб миром умирить их громы,

И скромну власть т в о ю почтут;
Обымет совесть — правый суд;
Всем чувство в грудь вольется ново,
И царство снидет к нам Христово.

Печалью мрачныя главы
Лучем возблещут вновь Москвы,
Вновь внидет благолепье в храмы,
С обетом фимиамы
Возжгутся наши и сердца
Не забывать Творца —
Отца Отечества несметны попеченьи
Скорбей прогонят наших тени;
Художеств сонм, наук,
Торгов, лир громких звук —
Все возвратятся в их жилищи;
Свое и чуждо племя пищи
Придут, как под смоковницей, искать
И словом: быв градов всех русских мать,
Москва по-прежнему восстанет
Из пепла, зданьем велелепным станет,
Как феникс, снова процветать,
Венцом средь звезд блистать.

И сей прелестный град П е т р о в
От удовольствиев сердечных,
От радостей невинных, честных,
Да с тем сравнится, с облаков
Что снидет душ святых в ограду,
В блаженство, в сладость и в прохладу,
Где с камней, стен драгих лучи
Под гусльми взблещут и в ночи;
Зной вздремлет древ под осененьем,
Осветит царь своим все зреньем.

И из страны российской всей
Печаль и скорби изженутся[30],
В ней токи крови не прольются,
Не канут слезы из очей;
От солнца пахарь не сожжется,
От мраза бедный не согнется;
Сады и нивы плод дадут,
Моря чрез горы длань простру т,

Ключи с ключами сожурчатся,
По рощам песни отгласятся.

Но солнце! Мой вечерний луч!
Уже за холмы синих туч
Спускаешься ты в темны бездны,
Твой тускнет блеск любезный
Среди лиловых мглистых зарь —
И мой уж гаснет жар;
Холодна старость — дух, у лиры — глас отъемлет,
Е к а т е р и н ы Муза дремлет:
То юного ц а р я
Днесь вслед орлов паря,
Ни предыдущих благ виденья,
Что мною в день его рожденья
Предречено[31], достойно петь
Я не могу; младым певцам греметь
Мои вверяю ветхи струны,
Да черплют с них в свои сердца перуны
Толь чистых, ревностных огней,
Как пел я трех царей!

Примечания

(1) У Давида и Соломона были хоры певцов, между которыми и *Тимпанницы* девы. Здесь дева разумеется то же, что Муза.

(2) *Авадон* по-еврейски, а по-гречески *Аполлон*, значит истребитель. Апокалипсис. Гл. 9, ст. 11.

(3) *Зверь исходит от бездны.* — Апокалипсис. Гл. 11, ст. 7 и гл. 13, ст. 1.

(4) *Змий древний, нарицаемый диавол.* — Апокалипсис. Гл. 12, ст. 9. — Под видом змея здесь разумеется коварство.

(5) *Змий с агнцом брань сотворит, и агнец победит его.* Апокалипсис. Гл. 17, ст. 14. — Здесь под видом агнца представляется христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий император вступил на престол под знаком Овна.

(6) *Атрон*, Парка или смерть.

(7) Гог — слово еврейское, значит противоборника Христу. Апокалипс. Гл. 20, ст. 7. — И у Пророка Иезекииля Гл. 38, ст. 2 и гл. 39, ст. 11.

(8) Наполеон пятью колоннами, более нежели в 500 000 человек, перешел пограничную реку Неман. — Реляция от 17-го июня[32].

(9) В письмах в Париж и бюллетенях тщеславился Наполеон таким образом.

(10) Слух носился, что так отзывался он послу нашему в Париже.

(11) Некоторые парижские дамы, по уверению Наполеона, писали к петербургским французским торговкам, чтоб оне к Петрову дню приготовили им платья для бала в Петергофе.

(12) Манифест об ополчении 6-го числа июля 1812 года.

(13) *Стратегистика*, слово греческое, значит военный обман или хитрость, которою французы столь много превозносились.

(14) У Пророка Даниила, Гл. 4, ст. 10, сказано о Навуходоносоре: *траву яко вол ядяше*.

(15) У Даниила же, Гл. 5, ст. 5, при пиршестве Валтасара: *В той час изыдоша персты руки человечи и писаху*.

(16) Там же, Гл. 4, ст. 22: *Владеет Вышний царством человеческим и ему же, восхощет, даст е*.

(17) Смотри «Северной Почты» № 94, статью из Москвы о неистовстве французов.

(18) Слух носился, что Наполеон в Москве своими надписями богоугодные заведения присвоил своей матери.

(19) Смотри «Северной Почты» № 78, статью из Твери.

(20) При сих местах три славных победы решили участь не токмо России и Европы, но, так сказать, целой Вселенной[33].

(21) В реляции от 27-го Августа[34] видно, что батареи при Бородине переходили несколько раз из рук в руки.

(22) В журнале о военных действиях от 16-го числа октября[35] видно, что Малоярославец восемь раз тоже переходил из рук в руки.

(23) *Эвр*, африканский полуденный палящий ветр.

(24) Видно из письма доктора Рокруа к доктору Граю[36], что Наполеона не только сны, но и привидения ужасали.

(25) *Да даст им начертание на руце или на челах их.* Апокалипс. Гл. 13, ст. 16. Наполеон принятых в свою службу клеймил или печатал своим именем. — Смотри журнал «Сын Отечества», № 4, с. 168.

(26) *Чашею, ею же черпа, черплите ей сугубо.* — Апокалипсис. Гл. 18, ст. 6.

(27) Сие видно «Северной Почты» в № 99.

(28) В том же письме доктора Рокруа к Граю видно, что когда Наполеону предсказывали о подобных ужасных картинах, то он улыбался.

(29) 42 месяца некоторые разумеют 42 года его, может быть, политической жизни по сей 1812 год; а другие 42 месяца принимают в прямом смысле время его успехов по Гишпанскую войну, и объясняют оные числом звериным, как ниже видно. — Касательно же 5 месяцев, то оные полагают со дня вступления его в Россию, с июня по ноябрь месяц.

(30) *Сии возненавидят и запустевшу сотворяют ю, и сожгут ю огнем*, то есть Вавилон. Апокалипсис. Гл. 17, ст. 16.

(31) *Число зверино 666.* — Апокалипсис. Гл. 13, ст. 18. — Видно из исчисления дерптского профессора Гецеля[37] в письме к военному министру Барклаю-де-Толли, от 22-го числа июня 1812 года, что в числе 666 содержится имя *Наполеона*, как и приложенный при сем французский алфавит то доказывает:

AbcdefghI k l m n o p q r s t u v w x y z
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 20 30 40 50 60 70 80 90 100 110 120 130 140 150 160
L e e m p e r e u r N a p o l e o n
20 5 5 30 60 5 80 5 110 80 40 1 60 50 20 5 50 40 666
Q u a r a n t e d e u x
70 110 1 80 1 40 100 5 4 5 110 140 666

(32) *Имеет седмь глав и рогов десять*. Апокаллипсис. Гл. 17, ст. 3. Под главами разумеются здесь семь королей, поставленных Наполеоном, как-то: *неаполитанский, вестфальский, виртембергский, саксонский, голландский, испанский, баварский;* а под рогами — десять народов, ему подвластных, а именно: *австрийский, прусский, саксонский, баварский, виртембергский, вестфальский, италиянский, гишпанский, португальский* и *польский,* как в Манифесте от 3 ноября сего 1812 года явствует.

(33) *Вельфегор идол* — разумеется здесь Наполеон, которому Государь не причастился, или союзником не был.

(34) *Восстанет Михаил Князь Великий*, у Пророка Даниила Гл. 12, ст. 1. — Замечательно, что фельдмаршал Кутузов, при поручении ему в предводительство армии, как бы нарочно пожалован князем, чтобы сблизиться с Священным Писанием; впрочем он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения.

(35) По некоторым известиям видно благочестие князя Кутузова, что он пред Бородинским сражением пред иконою Божией матери с генералами в виду всего войска присягнул, чтобы ни шагу с места не отступать.

(36) *Вавилон великий, мати любодейцам и мерзостям земским.* Апокаллипсис. Гл. 17, ст. 5 и гл. 18, ст. 2 и 3. Разврат, соблазн, нечестие и само безбожие французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в истории самых давних веков христианства. Их упрекают, что они еще во время обладания Гишпаниею и Франциею готфами при короле Вамбо, совокупясь с некоторым похитителем престола Павлом Греком, как ныне с Бонапартом, поругали христианскую веру разными бесчиниями[38]. — Во время четвертого крестового похода в Константинопольском Софийском Соборе плясали с распутными девками, из коих одна припевала сквернословную песню. — То ж и в лучшие дни своего просвещения при Людовике IV в Голландии, какие французы делали жестокости и варварства, того без омерзения к ним напомянуть не можно. Потомство и о нынешних поступках их в Москве не лучше отзовется.

(37) Якобинцы.

(38) Известно по истории, что всегда северные народы одолевали западных, и сам Рим пал от них.

(39) Двенадцатилетние даже дети тайно от своих родителей убегали в ополчение, как то сын покойного тайного советника Муравьева и пр.

(40) Генерал Раевский выводил вперед на сражение своих детей[39].

(41) Когда по оклеветании некоторых крестьян в убийстве французов приговорены они были к казни, то они, простясь между собою, выходили без всякой робости под ружейные выстрелы, ознаменовав себя только крестным знамением. — Смотри журнал «Сын Отечества» № 6, с. 244.

(42) Уверяют некоторые, что будто в Москве выбита была, по приказанию Наполеона, монета или медаль, на которой изображен его портрет с надписью: *«Мой мир и моя воля»*.

(43) Отзыв Наполеона в разговорах о мире при вступлении в российские границы.

(44) Известно, что при Бородинском сражении при осмотре российской армии князем Кутузовым виден был парящий над его главою орел. — Северная Почта. № 71.

(45) Некоторые скрытные недоброхоты при получении известий о победах хотя показывали радость, но всегда предвещали ужасы от Рейнского союза.

(46) *Неман* — известная пограничная река; а *Обь*, протекающая в Сибири, куда отсылаются преступники.

(47) *Гесперия и Альбион*, древние имена Гишпании и Англии.

(48) Из реляции от 23 августа[40] видно, что князь Кутузов предсказал, с которого места Наполеон атаковать его будет, и что, впустив в Москву, он его истребит. — Смотри «Северную почту», № 70 и 75.

(49) В одном донесении графа Витгенштейна[41] видно, что легче ему было побеждать французов, нежели от них ретироваться.

(50) Никто столько не беспокоил Наполеона, как сей генерал своими казаками, так что французы названия их боялись. Журнал «Сын Отечества», № 9, с. 128.

(51) Багратион получил такую рану при Бородине, от которой скончался.

II

ОДА
НА ИСТРЕБЛЕНИЕ ВРАГОВ И ИЗГНАНИЕ ИХ ИЗ ПРЕДЕЛОВ ЛЮБЕЗНОГО ОТЕЧЕСТВА

Восстань, о Муза вдохновенна!
Ко солнцу очи возведи,
Дел громких звуком возбужденна,
Дерзай — и к Пинду вновь гряди!
Настрой златые лиры струны,
Гласи, что росские перуны
Врага сразили, стерли в прах;
Скажи Европе изумленной,
Что росс, победой возвышенный,
Хранит судьбу ее в руках!

В нас силы духа упадали,
Скорбел встревоженный Парнас;
Уж звуки лирные молчали,
Печалей раздавался глас!
Год новый — с ним и чувства новы!
Среди снегов — венцы лавровы!
Свободно[1] бьются в нас сердца!
Поведай, Муза, как Россия
Разрушила наветы злыя,
Как враг исчез с ее лица!

Я вижу страшного дракона,
Парящего в огнистой мгле;
На нем железная корона,
Смерть, ужас носит на челе;
В чреслах он тартар весь вмещает,
Ревет и пламень изрыгает,
Крылами воздух он мрачит;
В стремлении неизмеримом
Клубяся в искрах с черным дымом,
На полночь с Запада парит.
Так гневом, яростью горящий
Сын адской тьмы, Наполеон,
Идет с десницею грозящей,
И мнит России дать закон;

В ее вторгается пределы:
Коварства яд и лести стрелы
От смрадных уст его летят;
Им грады, веси разорились,
Им храмы Божьи осквернились,
Все бедства вслед за ним спешат.

Но что я вижу? — Дух крылатый
Летит на рдяных облаках,
Блестит броня и шлем пернатый,
Перун и огнь в его руках;
Он их в дракона злобы мещет:
Кичливый сонм его трепещет,
Низвержен с гор, стремглав упал,
И в ярости своей безмерной
В кипящей адской бездне серной
Добычей лютой смерти стал.

Так Богом избранный чудесно
Великий храбрых россов вождь
Свершает мщение небесно:
Как гром, как вихрь, как град, как дождь,
Как туча грозна налетает,
Врагов разит и сокрушает;
Персть, кости только видны их
Среди побед, трофеев дивных:
Не так ли злых духов противных
С небес карал Архистратиг?

Где ж адски скрылись исполины,
Мечтавши стать на верх небес?
Где ж мнимые полки орлины,
Производители чудес?
Как мгла, исчезли легионы;
Вдали остатков слышны стоны;
Как прах, вас всех развеял росс!
Но где ваш вождь, покрыт кровями?
Как робкий зверь бежит лесами;
Где ты, тягчивший всех колосс?

Не ты ль возмнил себя прославить
Подрывом всех Кремлевских[2] стен?
На камне камня не оставить
Твои злобный дух был устремлен:

Подвел подкопы неприметны;
Но что ж? Твои все ковы тщетны;
Ты жег Москву — оставил смрад;
Но целы древности почтенны,
Не все тобою сокрушенны.
Не ты ли новый Герострат?

Кремлевы стены знамениты!
Тебе ль, тебе ль их колебать?
Они кровьми дворян омыты;
На них священная печать
Блаженства вашего и славы,
Кровьми начертанны уставы
Любви и верности к царям.
Москва, как феникс обновится,
Из пепла в блеске возродится,
Главу возвысит к облакам.

А ты бежишь, о враг Вселенной,
Почувствовавший россов гром!
Явись Европе удивленной,
Покрытый срамом и стыдом;
Явись, поруганный, с тоскою,
К царям, обманутым тобою,
Скажи, каков есть россов[3] меч!
Скажи, как он карать умеет!
И кто ж из них теперь посмеет
Рабов к пределам нашим влечь?

ЦАРЬ россов! ЦАРЬ сердец полсвета!
ТЫ наших радостей вина:
Не ТЫ ли мудростью совета
Прославил наши знамена?
Всех благ ТЫ красная денница!
Не явно ль Божия десница
ТЕБЕ победы лавр дала?
Не ТЫ ли с благостью прощаешь,
Любовью, милостью венчаешь
Геройски славные дела?

ТОБОЙ Европа огражденна
Избегнет козней и коварств;
ТЕБЕ самим Творцом врученна
Судьбина и царей, и царств;

ТЫ укротишь свирепства брани,
Прострешь к несчастным щедры длани,
Избавишь страждущих от зол;
И кто к ТЕБЕ главу приклонит,
Из сердца скорбь и мрак изгонит:
Там радость, мир, где ТВОЙ престол!

России честь, краса героев!
Меч Божий, витязь Михаил!
Надежда , щит российских строев!
Тобой сам Бог врага казнил.
Тебе единому прилично
Сражаться чудно, необычно,
Сбирая лавры и зимой,
Рождая огнь средь льда и хлада,
Ты россов слава и ограда,
Ты будешь всех веков герой!

Велики подвиги, конечно,
Страшить победами Стамбул[4];
Нам незабвенны будут вечно
Рымник, Силистрия, Кагул[5]!
Но спасть Европу, спасть Россию,
Попрать ногою льва и змию,
Когда к нам в сердце враг вошел:
Се подвиг дивный, несравненный,
От Бога сил благословенный,
Всех высший громких россов дел!

А вы, лишенные войною
Супругов, братьев и детей!
Не рвитесь горестию злою,
Отрите слезы от очей!
Сам Бог вам будет утешитель;
Он всех судеб един правитель,
И жизнь и смерть в Его руках;
В Нем сирые найдут подпору:
Предстаньте только царску взору,
Исчезнут в вас печаль и страх.

Россия, Богом огражденна,
Пред Ним колена преклони!
Ты Им избавлена, спасенна,

Ты Им вкушаешь сладки дни;
Ты паки шествуешь к покою;
Низвержен враг Его рукою.
Не Бог ли стер кичливый рог?
Не Он ли слезы отирает?
Не Он ли россов утешает?
Благословен Господь наш Бог!!

Павел Г. Кутузов

III

ОДА
НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ФРАНЦУЗАМИ 1812 ГОДА

Одеян молнией, громами,
Грядет от *Севера сам* Бог,
Трясет землей и небесами!
Кто б стать Ему противу мог?
Сыны Отечества! Падите
Пред Ним и в жертву принесите
Ему смиренные сердца!
Россия! Ополчися, стани,
Воздень к Нему свои ты длани!
Ты в Нем найдешь всегда Отца.

Твой враг как Голиаф кичится
И в упоении своем,
Как алчный, лютый зверь, стремится
Возжечь пожар в дому твоем;
На силу, козни уповая,
Надменну выю воздымая,
Он разом мнит тебя попрать;
Подобяся реке бурливой,
Сей враг, без меры горделивой,
Твои оплоты мнит сорвать.

Но Бог на страже нашей станет,
Покроет нас щитом Своим;
Он крепкий с нами лук натянет,
И мы спасенны будем с Ним;
Не силой многой Бог спасает;
Он кротких агнцев возвышает
И тигров покоряет им.
К Нему возопием, о россы!
Падут пред нами все колоссы;
Бог с нами, коль мы будем с Ним!

Бог с нами, коль мы не забудем
Щедрот Его великих к нам;
Коль верными к Нему пребудем,
На брань пойдет Он с нами Сам!
О россы ! Бойтесь Бога, чтите

Царя и ближних возлюбите,
Соединитеся узлом
Родства и дружбы неразрывным;
Бог явится среди нас дивным
Вождем героев и Отцом.

Воздвигнем знамя чистой веры,
Надежды крепкой и любви!
Бог превзойдет все с нами меры,
Упьется в вражией крови;
Склонит пред нами гор вершины,
Рвы уравняет и долины,
Иссушит бездны и моря.
Возлюбим, верные, друг друга!
Господь вдохнет в нас свыше духа
Умреть за веру и царя.

Кто Богу нашему есть равен,
И кто Ему подобен есть?
Он был, и есть, и будет славен,
Ему за все да будет честь!
К Нему приидем, поклонимся,
И в чистоте сердец явимся;
К Нему душами воззовем:
«Услыши, Господи, нас ныне,
Будь по великой благостыне
Вождем царю и людям всем!»

Царю, о россы, вслед идите
И поклоняйтесь Богу с ним,
Колена, сердца преклоните
Вы с ним пред Господом своим:
Как солнце красное меж нами,
Владеяй АЛЕКСАНДР душами,
Явился и с собой ведет
Нас кротко пред алтарь священный,
Чтоб там излить дух умиленный;
И Бог к нам тако вопиет:

«Россия! Ты Израиль новый,
Избраны Мной сыны твои,
На всех врагов твоих готовы
Мечи и молнии Мои!

Повергнутся они Мной мертвы!
Еще курятся чисты жертвы
Пред Мной на алтарях твоих;
Есть, есть еще сердца смиренны
В тебе и души сокрушенны,
И Я спасу тебя для них.

Я помню дани все сердечны,
Которы воскурил пред мной
Твой АЛЕКСАНДР, и вечный
С ним сохраню завет Я Свой.
Он знаменал себя любовью;
Не дам при Нем омыться кровью
Российскою врагам Моим.
Ступайте, россы, ополчайтесь,
И смело с галлами сражайтесь,
Не дам здесь буйствовать Я им.

Вельможи, князи и дворяне!
Смирите предо Мной главы!
Вы тем гордитесь, что славяне —
Но будьте славны делом вы!
Оставьте роскошь и забавы,
От коих падают державы;
Спешите на голос царя;
Его, Отечество спасайте,
И Именем Моим карайте
Врагов злых Церкви Моея!

Сокровищницы отворите,
Всех состояний богачи!
И в дар Отечеству несите
Скорей сокровища с в о и;
Примером, словом научайте,
Моленья жарки воссылайте,
О пастыри, вы к небесам;
Друг другу, бедным помогите,
Чем можно — всем и все служите:
Так буду милостив Я к вам.

Всех состояний росских роды,
Воздвигните мольбы ко Мне;
Я укрощу потопны воды;

Россия, буду благ к тебе!»
Таков с Олимпа глас священна!
Моя же Муза вдохновенна
Гласит: «Мы сломим вражий рог,
На Севере галл постыдится;
Здесь тайна Божия хранится:
От Севера грядет Сам Бог!»

Максим Невзоров

IV

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ

(Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине)

Певец

На поле бранном тишина!
Огни между шатрами!
Друзья! Здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами!
Наполним кубок круговой!
Дружнее! Руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку!
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя!
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя!
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья! Уже могучих нет!
Уж нет вождей победы!
Их домы вихорь разметал,
Их гро́бы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги…
Но дух отцов воскрес в сынах:
Их поприще пред нами!
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами!

Смотрите: в грозной красоте,
Воздушными полками,

Их тени мчатся в высоте
Над вашими шатрами!
О *Святослав*![1] Бич древних лет!
Се твой полет орлиной!
«Погибнем! Мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверным страх, *Донской*![2]
С четой двух соименных
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных!

И ты, наш *Петр*, в толпе вождей!
Внимайте клич: *Полтава*![3]
Орды пришельца — снедь мечей!
И мир отгрянул: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! Твой конь и всадник пал!
Твой след — костей громады!
Беги! И стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом!
Отчизны враг сопутник твой!
Злодей владыке братом!

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья! На спящий вражий стан
Вперил он страшны очи!
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем!
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров!..
О горе, горе, супостат!
То грозный наш *Суворов*.

Хвала вам, чада прежних лет!
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый!
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами!

Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами!

Наполни кубок! Меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!..
«За гибель — гибель! Брань — за брань!
И казнь тебе, губитель!»

В о и н ы

Наполни кубок! Меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!..
«За гибель — гибель! Брань — за брань!
И казнь тебе, губитель!»

П е в е ц

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия;
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки!
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая!
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там все — там родших милый дом,
Там наши жены, чада, —
О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их ограда! —
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный!
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный!
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы!
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы!

В о и н ы

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы!

Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы!

П е в е ц

ТЕБЕ сей кубок, русский ЦАРЬ!
Цвети ТВОЯ держава!
Священный трон ТВОЙ нам алтарь!
Пред ним обет наш: слава!
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью!
О ЦАРЬ! Здесь сонм ТВОИХ сынов!
К ТЕБЕ горим любовью!
Наш каждый ратник — славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный!

В о и н ы

Наш каждый ратник — славянин!
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный!

П е в е ц

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам!
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство!
Друзья! Мы чужды низких уз!
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз!
Одной пылаем славой!

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата!
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата!
Он взором жизнь дает полкам!
Он махом мощной длани

Их мчит во сретенье врагам,
В среду шумящей брани!
Ему веселье битвы глас!
Спокоен под громами!
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами!

Хвала тебе, наш бодрый вождь![4]
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами!
О сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом!
И сколь врагу ужасен!
О диво! Се орел пронзил [(1)]
Над ним небес равнины;
Могущий вождь главу склонил …
Ура — кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды! Вождь наш перешел
Путь гибели и чести!
С ним опыт, сын труда и лет!
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след!
Доверенность герою!..
Нет, други, нет! Не предана
Москва на разрушенье!
Там стены! В россах вся она!
Мы здесь! И Бог наш мщенье!

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный![5]
Ты ратным брат, ты жизнь полкам!
И страх твои перуны!
Раевский, слава наших дней[6],
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей

[(1)] Сказывают, что в самую ту минуту, когда Главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте. Полководец снял перед ним шляпу; войска закричали: ура! *Ж.*[8]

С младенцами сынами!
Наш *Милорадович*[7], хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью!

Наш Витгенштеин, вождь-герой![9]
Петрополя спаситель,
Хвала! Он щит стране родной,
Он хищных орд смиритель.
О сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг движением руки
Их сонмы рассыпает!

Хвала тебе, славян любовь,
Наш *Коновницын* смелый![10]
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы!
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя —
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя!
Себя забыл — одним врагам
Готовит истребленье,
Пример и ратным и вождям
И храбрым удивленье!

Хвала, наш вихорь-атаман,
Вождь невредимых, *Платов*![11]
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов!
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь;
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь!
Они лишь к лесу — ожил лес;
Деревья сыплют стрелы!
Они лишь к мосту — мост исчез!
Лишь к селам — пышут селы!

Хвала, наш Нестор, *Бенингсон*[12],
И вождь и муж совета!
Врагов блюдет не дремля он,
Как змий орел с полета!
Хвала, отважный *Воронцов*[13],
Младой, но духом зрелый!
И *Тормасов*[14], гроза врагов,
Во брани поседелый!
И *Багговут*[15], среди мечей[(1)],
Средь громов безмятежный!..
Хвала вам, бранный сонм вождей,
Отчизны щит надежный!

В о и н ы

Хвала вам, бранный сонм вождей,
Отчизны щит надежный!

П е в е ц

Друзья! Кипящий кубок сей
Вождям, сраженным в бое!
Уже не при́дут в сонм друзей!
Не станут в ратном строе!
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья!
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья!
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы,
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где *Кульнев*[16] наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал, главу на щит склонил
И стиснул меч во длани;
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила [(2)];
Где колыбель его была,

[(1)] Эти стихи сочинены прежде Тарутинского сражения. Храбрый Багговут был первою его жертвою. *Ж.*

[(2)] Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество. *Ж.*

Там днесь его могила!
И тих его последний час;
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенной!

А ты, *Кутайсов*[17], вождь младой…
Где прелести? Где младость?
Увы! Он видом и душой
Прекрасен был, как радость!
В броне ли грозной выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны…
О горе! Верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит,
И нет на нем героя(1)!

И где же твой, о Витязь, прах?
Какою взят могилой?
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милой…
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней;
И к ней твой Гений прилетит
Из та́инственной сени,
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружней тени.

И ты, и ты, *Багратион*!..
Вотще друзей молитвы!
Вотще их плач! Во гробе он,
Добыча лютой битвы!
Еще дружин надежда в нем(2)!

(1) Никто в армии не может говорить без восхищения и горести о Кутайсове. Он был не только храбрый генерал, но и весьма ученый человек; любил словесность и сам прекрасно писал стихи; имел приятный ум и редкое добродушие. После Бородинского сражения увидели его лошадь, покрытую кровью, бегающую без седока, и долго не могли отыскать его тела. *Ж.*

(2) Эти стихи сочинены прежде Тарутинского сражения. Храбрый Багговут был первою его жертвою. *Ж.*

Все мнит: с одра восстанет!
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! Скоро грянет!»
А он?.. Навеки взор смежил,
Решитель бранных споров!
Он в область славных воспарил,
К тебе, отец *Суворов*!

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени!
Там ваша верная семья,
Вождей минувших тени!
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы;
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды.
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

В о и н ы

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

П е в е ц

Сей кубок мщенью! Други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! Наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья!
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья!
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги!
Мы села — в пепел, грады — в прах!
В мечи — серпы и плуги!

Злодей! Он лестью приманил
К Москве свои дружины!

Он низким миром нам грозил
С Кремлевския вершины!
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду — и все восплещет,
И в прах падут с своим царем!» —
Пришел — и сам трепещет!
Подвигло мщение Москву!
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стена́ми!

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада!
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный!
Пустыни в пепле позади!
Пред ними — сонмы ратны!
Отведай, хищник! Что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец! Мы в родине своей!
За правых Провиденье!

В о и н ы

Отведай, хищник! Что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец! Мы в родине своей!
За правых Провиденье!

П е в е ц

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому Создатель дал
Усладу жизни, друга!
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе Провиденье.
О будь же, други, *святость уз*
Закон наш под шатрами!
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями!

В о и н ы

Друзья! Да будет *святость уз*
Закон наш под шатрами!
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями!

П е в е ц

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья! Святой питайте жар!
Любовь одно со славой!
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен,
Тот смело, с бодрой силой
На все великое летит!
Нет страха; нет преграды!
Чего, чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! Мысль о той, кто все для нас,
Ты друг наш неизменный!
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья,
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой!
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты;
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге, слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружний глас,
Твои мне слышать звуки?

Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки!»

Друзья! Блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем!
Когда ж предел наш в битве пасть,
Погибнем с наслажденьем!
Святое имя призовем
В минуту смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки!
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой!
О други! Смерть не все возьмет!
Есть жизнь и за могилой!

В о и н ы

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой!
О други! Смерть не все возьмет!
Есть жизнь и за могилой!

П е в е ц

Сей кубок чистым Музам в дар!
Друзья! Они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя!
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в бранны латы!
Ничто им стрел свистящих град!
Ничто твердынь раскаты!
Певцы — сотрудники вождям!
Их песни — жизнь победам!
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам!

О, радость древних лет, *Боян*!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный!
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы![18]
Честь Задунайскому Петров![19]

О Камские дубравы!
Гордитесь! Ваш *Державин* сын!
Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин!
Державин грянет в струны!

О старец! Да услышим твой
Днесь голос лебединый!
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщения дружины!
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками;
Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами!
Пой, лебедь![20] Свергнуть их мечам
С племен порабощенье!
Самим губителя рабам
Победы их, спасенье!

Так, братья, чадам Муз хвала!
Но я, певец ваш юный!..
Увы! Почто судьба дала
Незвучные мне струны!
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира;
Вдруг жребий выпал: *к знаменам*!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И все!.. Я там, где стук мечей,
Где ужасы военны!

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела
И мне удел паденье!
Но что ж? Навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире!
Пускай губителя во прах
Низринет месть кровава…
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

В о и н ы

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам!
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам!

П е в е ц

Подымем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена!
Бессильным щит Его закон
И гибнущим спаситель!
Всегда союзник правых Он
И гордых истребитель!
О братья! Взоры к небесам!
Там жизни сей награда!
Оттоль Отец незримый нам
Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье! Тихий, светлый брег!
Наш путь — к нему стремленье!
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой —
Сын брани мигом ношу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает!

А мы!.. Доверенность к Творцу!
Что б ни было, Незримой
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! Прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба!
В высокой доле — простота!
Нежадность в наслажденье!

В союзе с равным — правота!
В могуществе — смиренье!

Обетам — вечность! Чести — честь!
Покорность — правой власти!
Для дружбы — все, что в мире есть!
Любви — весь пламень страсти!
Утехи — скорби! Просьбе — дань!
Погибели—спасенье!
Могущему пороку — брань!
Бесславному — презренье!
Неправде — грозный правды глас!
Заслуге — воздаянье!
Веселие — в последний час!
При гробе — упованье!

О! Будь же, русский Бог, нам щит!
Прострешь Твою десницу —
И мститель-гром Твой раздробит
Коня и колесницу!
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами!
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало!
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

В о и н ы

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало!
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

П е в е ц

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над хóлмами играет;
Редеет сумрак; сквозь туман
Прогля́нули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,

И спящие дружины!
О други, скоро!.. День грядет;
Недвижны рати бурны;
Но рок уж жребии берет
Из та́инственной урны!

О новый день! Когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!
И се блеснул!.. Чу!.. Вестовой
Перун по хо́лмам грянул!
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите! Стан воспрянул,
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем!

Друзья, *прощанью* кубок сей!
И смело в бой кровавой
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой!..
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами!
Вам, вам все блага на земли!
Будь Промысел над вами!
Всевышний царь! Благослови!
А вы, друзья! Лобзанье
В завет: *здесь верные любви,*
Там — сладкого свиданья!

В о и н ы

Всевышний царь! Благослови!
А вы, друзья! Лобзанье
В завет: *здесь верные любви,*
Там — сладкого свиданья!

В. Жуковский

V

МОЛИТВА ИЗРАИЛЬСКОГО НАРОДА ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВИЯ СЕННАХИРИМОВА ВОИНСТВА НА ИЕРУСАЛИМ[1]

Почто, царь правды, попущаешь
Неправде миром обладать?
Почто кровь нашу не отмщаешь
И медлишь по делам воздать
Тому страшилищу природы,
Которым всей земли народы
Времен блаженных лишены?
Попранны алтари, престолы,
И веры истинной глаголы
Неверием заглушены?

Доколе, обладая роком,
Имеяй мощь убийц карать,
Господь, спокойным будешь оком
На бедствия земли взирать?
На тысящи злодейств ужасных,
На пепел городов несчастных,
На поруганье алтарей?..
Доколе хищных рук не свяжешь,
Примерной казнью не накажешь
Грабителей Святых церквей?

Уже в Сионские пределы
Сей новый Голиаф вступил,
Святые храмы, грады, селы
Разграбил, в пепел превратил.
Уже, гордясь своим успехом,
Вещает нам со громким смехом,
Что Ты могуществом Своим
Преграды сильным не положишь;
От их нашествия не можешь
Избавить Свой Ерусалим.

Уже отяготил полками
Святую землю супостат;

Уже кровавыми мечами
Звучит вблизи Сионских врат!
Звучит — и мыслит в гневе яром
Великих сил одним ударом
Оплот Вселенной истребить,
Ерусалим Твой обесславить,
На камне камня не оставить
И в нем все царства победить!

Восстань к отмщенью, Вседержитель,
И громом на врагов ударь!
Да видит гордый их властитель,
Что Ты один Вселенной царь;
Что все под солнцем фараоны,
Убийц отважных миллионы,
Безгласны на суде Твоем;
И что он сам с великой силой,
Как тонкий призрак над могилой,
Ничтожен в существе своем.

Воскресни, Боже, нам в защиту,
И воззови убийц на суд!
Да в пропасть, ради нас изрыту,
Пусть сами снидут и падут.
Рассыпь, рассыпь полки несметны,
Развей их лавры долголетны
И злобный разори совет;
Да не речет в успехе новом
Иноплеменник гордым словом,
Что нам в Тебе спасенья нет!

Довольно жертв принес кровавых
Наш враг тщеславью своему;
Довольно в замыслах лукавых
Успех предшествовал ему!
Воззри на хижины, на троны:
Везде несчастных миллионы
О мщенье вопиют к Тебе.
Еще ль терпение прибавишь,
Тирана царствовать оставишь,
И не поможешь нам в беде?

Ты был… Ты есть… И будешь вечно
Спасителем Сионских стен;

Израиль верует сердечно:
Не дашь людей своих во плен.
Хотя Ты строг и правосуден;
Хотя злодей наш многолюден,
А мы виновны пред Тобой,
Но не слабеем в упованье:
Наш ратоборец — покаянье,
А полководец — промысл Твой!

Напрасно хищник чуждых тронов
И нашим льстится завладеть!
Напрасно хочет враг законов
Израиля преодолеть!
Не сбудутся его желанья;
Здесь кончатся завоеванья
И слава всех его трудов.
Мы погребем души надменной
Надежду обладать Вселенной
Под пеплом собственных домов.

Настал ужасный час отмщенья!
Уже врагам Ты казнь изрек,
И наших стран для защищенья
Меч правосудия извлек;
Послал на землю Серафима
Внушить царю Ерусалима
К оружию народ воззвать,
Составить грозные дружины
И под щитом Твоей судьбины,
Сразить иноплеменну рать.

Как тучи, полны влаги серной,
На крильях ветренных летят,
Крутятся в широте безмерной,
Зияют пламенем, гремят;
Дубы столетние ломают,
Кремнисты горы сотрясают
И гонят воды на брега:
Так крепкие полки Сиона
В защиту алтарей и трона
Помчатся — и сразят врага.

За веру, за царя бессловно
Под крепкою Твоей рукой

Готов Израиль поголовно
Против врагов идти на бой.
Уже Твоей внимая воле,
Без страха на кроваво поле
Полцарства движется, спешит;
Уже гремят доспехи ратны,
Уже звучат мечи булатны,
И копий миллион блестит.

Гряди, Бог сил, и препояши
Царя Сионского на брань;
Благослови хоругви наши
И в помощь воинству предстань!
Дай вождю взоры Серафимски,
А войску силы исполински,
Чтобы сломить гордыни рог!
Да узрит враг, плоть нашу жрущий,
Что пред Тобой он червь ползущий,
А Ты — наш Всемогущий Бог!..

Николай Шатров

VI

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ[(1)]

Холмистого Олимпа житель,
Херасков, вдохновенный Фебом,
Венчанный собеседник Муз!
Твоей бессмертной лиры звуки
Вновь исторгают слезы россов,
Вещая тяжкий плен[1] Москвы;
Они и громко и согласно
Изображают предков нам
Неколебимый, твердый дух
Недавних горестей в отраду.
Твой Гетман *Вьянко*, твой *Желковский*[2],
Вина свирепые[3] напасти,
В Москве рекою лили кровь;
Густым и темным[4] мраком нощи
Они чело ее покрыли;
Златыми башнями Москва
Рукой седых веков венчанна,
Стояла бездны на краю:
Дремали окрест все места
И ждали верных чад защиты.

Но днесь Наполеон свирепый
Несытый боле, чем Аттила,
Стал миру зверства образец;
Все стогны[5] трупами покрыты;
Смерть, огнь, грабеж текут свободно,
Святыня в дебри правит путь;
Дыханьем ада потрясенный,
Сам Кремль отторжен от земли,
В пространстве воздуха несясь,
Являет огненну громаду.

Предаст деяния ужасны
Для поздних дней летописатель;
Потомство строгое певцу,
Почтя за вымысл, не поверит:

[(1)] Сии стихи написаны по случаю представления трагедии покойного М. М. Хераскова, называемой: *Освобожденная Москва*, октября 28 дня 1812 года, в Санкт-Петербурге[6].

Но совокупно оба могут
Изобразить, что россов ЦАРЬ,
Подвигнув Север за собою,
Разил надменного врага;
Что росс злочестие земли
Рукою сильно исторгает.

Гр. Д. Хв.

VII

ОДА
НА ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

Москва взята! — Благодаренье
Всевышнему царю царей
Столицы сей за избавленье,
Которой овладел злодей;
Он лютостям не зная меры,
Попрал закон святыя веры,
Жег, грабил все, что только мог,
Коснулся праху душ блаженных,
Дерзнул и в алтарях священных
Лить кровь. — Но есть Всесильный Бог!

Есть Бог! — Он извергов карает
И мещет с молньей гром на злых;
Могущество Свое являет,
Спасая праведных Своих
Десницей мощною героев.
Лежат попранны сонмы воев[1],
Дерзнувших осквернить сей град:
Оплоты хищников крушатся,
Вотще спастись во Кремль стремятся;
Но росс стоит уж у ворот[2].

В стенах зрит галлов заключенных,
И сердце яростью кипит;
Он жаждет мстить за умерщвленных,
С мечем в руках, как вихрь, летит.
Огнь страшный с стен не устрашает;
Идет — и дерзких презирает;
Препоны все исчезли в миг.
Остаток древности священной,
Освободясь толпы смятенной,
Готов принять сынов своих.
Но вдруг раздался шум подземный[3];
Герои слышат страшный треск:
Колеблется земля, дым черный[4]
Виется клубом вверх, и блеск
Сияющих вершин соборов

Скрывает ясный день от взоров
Благоговеющих граждан;
Взрываются стена, палаты;
Мятутся сами сопостаты,
Дабы не потерпел их стан.

О чудо из чудес великих!
Объяло пламенем дворец,
Где буйны раздавались крики
Неистовых — всему конец!
Трещит, колеблется, взлетает,
И с громом в бездну упадает!
Так Кремль изчез! Но храм Того,
Теченьем правит Кто Вселенной,
Нетленен средь громады тленной:
Коль дивен Бог в Святых Его!

Москва, российских царств столица!
Где знаки древности твоей?
Ужель должна и ты, царица,
Во время славы пасть твоей[5]?
Ты зрела пред собой капчаков[6],
Питала в недрах и сарматов[7],
Имела внутренних врагов;
Но все напасти презирала,
Незыблема, тверда стояла
Средь непогод чрез шесть веков.

Тебя и варвары щадили,
Не знавшие народных прав,
Тебя и в рабстве самом чтили,
Свободу даже в вере дав;
А ныне галлы просвещенны
Попрали все права священны,
И в буйстве, злобе превзошли
Татар, сармат и Пугачевых!
Да узрят в летописях новых,
Что галлы вслед Аттилы шли!

Все в мире тленно и не вечно,
Все прах, все рушится, падет;
Одно лишь время быстротечно
Всегда своей чредой идет.

О вы, герои знамениты,
Дивившие собой Алкиды![8]
Где слава ваших громких дел,
В концы Вселенной что трубила?
Увы! Все вечность поглотила:
Забвение есть ваш удел!

Где Вавилон, колосс Родосский[9],
Которым удивлялся свет?
Где вы, пирамиды Мемфиски?[10]
Останков[11] даже самых нет!
Где слава звучная гремела,
Страна та даже запустела:
Таков Всевышнего закон!
Мы высимся — и упадаем,
Родимся в свет — и умираем,
И жизнь есть токмо краткий сон.

О честолюбец кровожадный,
Убийства алчущий злодей!
Доколь богине своенравной
Ты будешь жертвовать людей?
Иль мало кровь лилась реками?
Иль недоволен ты слезами,
Что сиры и вдовицы *льют?*
Тобою царства разоренны
И граждан кровью обагренны
Давно на Небо вопиют.

Услышал Бог мольбы несчастных:
Карать тебя росс избран Им!
Жди бедствий, для тебя ужасных;
Конец злодействиям твоим.
Везде ты обещал свободу;
А рабство, *цепи нес* народу,
Кто лести доверял твоей;
Но здесь, достойный сын Аттилы!
Падут твои несчетны силы!
Здесь не рабов найдешь — мужей!

Мы все любовью пламенеем
К Отечеству, своим царям;
За них и жизни не жалеем —

Смерть не страшна за веру нам.
Не с скиптром и венцом встречаем
Тебя — с оружьем ожидаем;
Ты нас покорными найдешь,
Коль все на бранном ляжем поле,
Не будет в свете русских боле:
Иначе гроб ты обретешь,

Воззри, о Боже правосудный,
На плач несчастных вдов, сирот!
Воззри с небес на мир подлунный,
В цепях как страждет смертных род;
Воззри, как прах градов дымится,
Кровь льется, пеною клубится;
Воззри — и гневом возгреми,
Да в буйстве гордые смирятся,
Да имена их истребятся
И славой воссияем мы!

И. Ламанский

VIII

ОДА
НА БЕГСТВО НАПОЛЕОНА ОТ МАЛОЯРОСЛАВЦА ЧРЕЗ МОЖАЙСК, ГЖАТСК И ВЯЗЬМУ, БЕСПРЕРЫВНЫМИ ПОРАЖЕНИЯМИ ЕГО АРМИИ СОПРОВОЖДАЕМОЕ

Бежит… Россия! Веселися
О мужестве сынов т в о и х…
Бежит твой враг, кем пролилися
Беды во всех концах земных!
Бежит… Вселенна совосплещет
Священной радости твоей…
Бежит неистовый злодей
И с скрежетом зубов трепещет,
Зря меч в деснице роковой,
Блистающ над его главой.

Ты мнил, муж смерти, что коварства,
В железный, тяжкий твой ярем
Вовлекшие различны царства,
Соделают тебя царем
И над российскими странами,
Чрез коих дивну крепость сил
Алкал ты власть простерть на Нил
И над Индийскими морями,
Но ныне дан тебе урок,
Колико духом росс высок!

Познай, познай — где вера чтима,
Народом добрый ЦАРЬ любим,
Где родина боготворима,
Тот край вовек неодолим!
Вотще ты десять царств[1] подвигнул
И с их ордами к нам притек:
Меч росский замысл твой рассек;
Ты гордой цели не достигнул,
Лишь клятвы мира заслужил
За то, что кровь реками лил.

---

[1] Империи: Французскую и Австрийскую, королевства: Итальянское, Неаполитанское, Баварское, Виртембергское, Вестфальское, Прусское и Саксонское, и Республику Швейцарскую.

О буйна страсть завоеваний!
Когда престанешь быть виной
Невинным скорби и терзаний?
Но се уж близок век златой;
Он в наших громах зародился
И галлов гибелью растет!
А вы, над кем Аттилы гнет
Доселе ужасом крепился,
Воспряньте — вам Россия щит:
И мир Вселенну озарит!

Ив. Кованько
29 октября 1812

IX

ОДА
НА ПОБЕДЫ НАД ВРАГАМИ

Велик, велик твой Бог, Россия!
Народы чужды возгласят;
Он уничтожил козни злые
И ниспровергнул сопостат,
Которых бурное стремленье
Внесло в Россию разоренье,
Готовя ей печальны дни.
Враги победу воспевали,
Москвою обладать мечтали;
Но Бог восстал — и где они?

Европа с Францией алкала
России применить судьбу,
Вселенна с ужасом взирала
На страшную сию борьбу;
Но может ли что там злодейство,
Где весь народ одно семейство
И ЦАРЬ где подданным отец?
Где веру чтят и чтят законы,
Там все надменны фараоны
Найдут со срамом свой конец!

Хвала Всевышнему благому!
Еще враг нами побежден.
Стремитесь к алтарю святому,
И с преклонением колен
Победну песнь воспойте, россы!
Уже разрушены колоссы,
Которые страшили свет,
И ваших братиев геройство
Вам скоро возвратит спокойство,
А им помощник — Бог побед!

Марин

X

СТИХИ, ПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ИЗВЕСТИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА ОТ 28 ОКТЯБРЯ ИЗ г. ЕЛЬНИ[1]

«Велик Бог сил!.. Победа!» — пишет
Герой к монарху и отцу.
Кто верой к Богу в брани дышет,
Начало приведет к концу.
ЦАРЬ, Небом кротким вдохновенный,
Живительный, благословенный
Свет на стенящих излиет:
Убоги сетовать престанут,
От брани падшие восстанут,
Все паки в мире процветет.

Спокойся, все славянов племя
И жди с терпением премен!
Приидет вожделенно время,
Скорбящих разрешится плен!
Все злополучные народы,
Лишенные драгой свободы,
Обымут благо и покой;
Суд, милость паки водворятся,
Пределы счастья расширятся
Благотворящею рукой!

Воззрите! Молния сверкает
Сквозь мрачно-снежных туч с небес!
Воззрите! Солнце померкает,
Пред ночью полдень вдруг исчез!
Что се? — Посланник скорый, верный
Летит сквозь тверди к нам безмерной,
И воздух пламенем сечет;
Одеян светом, вниз спустился,
Архангел на земли явился
И гласом велиим[2] речет:

«Падет злодей! Грядет кончина!
Здесь новый воссияет свет!
Творец Помазанника, Сына
Ко избавленью всех блюдет.
Дерзайте, людие! Дерзайте!
Мечу Христову споборайте![3]
Я твердый щит вам и покров;
Я укреплю десницу вашу,
Небесной силой препояшу,
Дерзайте убо[4] на врагов!»

Язвицкий
С. П. Б. Нояб. 3, 1812

XI

ОДА
НА ПАРЕНИЕ ОРЛА
НАД РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ
ПРИ СЕЛЕ БОРОДИНЕ В АВГУСТЕ 1812 ГОДА

Орел, вияся над главою
Полков российских, ввысь[1] парит;
Се знак: вождь славный под Москвою
Победу дивную свершит…
Перунов сын, носитель грома,
Средь мирного вздремавши дома,
Лишь полчища врагов узрел,
Вспрянул, разгорячась уроном,
Со скрежетом, геройским стоном,
Взмахнул крылами, полетел!
И се! На высоте ширяясь[2],
Он зрит чудовищ вдалеке.
Полки российские, сближаясь,
Подобно огненной реке,
Эхидн шипящих облегают,
Бесстрашно грудь им подставляют…
Так разъяренный, мощный лев,
Ловца предерзкого завидя,
Хвост кверху, на среду изыдя,
Стремится в бой, рассвирепев.

Не всуе храбрые стремятся,
Их верою пылает грудь;
Не всуе жару средь томятся,
Сам Бог им показует путь.
Во светлы брони облеченный,
Щитом небесным покровенный,
Се Михаил предыдет им;
Средь битв, в дыму, во мгле сгущенной
Пылает меч его священной…
Архистратиг непобедим!

К. - З - кий

Тверь. Нояб. 8, 1812

XII

ОДА
НА ИЗГНАНИЕ ВРАГА

Во мраке *туч* — в густом тумане
Орлиный, быстрый скрыв полет,
Врагов зря торжество во стане,
Кутузов грянул вдруг — и свет,
От молнии его блестящий,
Москве свободу приносящий,
Низверг злодеев в бездну зол —
Простер свой ход — и войск колоссы
Врагов кичливых гонят россы,
Как робких стадо птиц орел.

О радость! О восторг! Россия
От уз поносных спасена!
Внемлите все страны земныя,
Сколь с россом тягостна война!
Вы мнили, что Румянцев[1] в гробе,
Что нет Суворова — и в злобе
Считали торжествами дни;
Но се вождь мудрый взял правленье
Дал войскам быстрое стремленье,
Врагам на выю сел. — Они —

Они, как волки кровожадны,
Бегут в дремучие леса
Без пищи, наги, босы, хладны.
От солнца утрення роса
Не так поспешно иссыхает;
Что шаг вперед — то исчезает
Часть исполинских гордых сил. —
Бежит Европы всей гонитель,
Не смеет вспять взглянуть — Спаситель,
За ним вождь славы — Михаил.

Суворов, доблестию славный,
Сиял, как солнце, средь побед;
Но кто тому да будет равный,
Кто спас Отечество от бед?

Кто защитил его свободу?
Кто славу возвратил народу,
Восстановил порядок, связь?
Щит твердый, верный росска трона,
Кто победил Наполеона?
Кутузов то, Смоленский князь!

Где сила войск разнонародных?
Где гений полководца их?
Как капля средь потоков водных,
Исчезли во единой миг.
Где хитры замыслы, лукавства
Поработить земные царства
И властелином *быть* судеб?[2]
Где жерла медны, громовые[3],
Носящи *смерть* и раны злые?[4]
Творец воззрел — и се не бе!

Преклонь колена пред Всевечным,
Разгнавшим мрак, Россия! Твой,
Со умилением сердечным,
Гимн благодарственный воспой!
Врагов твоих мечтанья[5] злобны
Он обратил им в плач надгробный;
Моленью твоему внемля,
Отмстил грабеж, пожары, раны:
Их трупы раздирают враны,
Костьми усеяна земля!

Сей правый суд Его святыни
В *грядущих* возвестит веках
Пример низверженной гордыни,
Тиранам алчным в стыд и страх;
Да так же ведает Вселенна,
Что та страна непобежденна,
Где дух привержен к алтарю;
Преткнется враг о твердый камень,
Любовь к Отечеству где пламень
Сердца где преданы ЦАРЮ!

Александр Аргамаков
Декабря 6, 1812. Местечко Шклов

XIII

ПЕСНЬ БОГУ, ПОКРОВИТЕЛЮ РОССИИ

Велик Господь! Велик и дивен чудесами!
Велик, и милости Его к нам нет конца!
Россия! Он твой щит, поборник над врагами:
Исчезли все они земли твоей с лица.
Воскликнем велие во славу Всеблагого!
Взыграем в радости, прияв Его покров!
Что силы сильного? Что люты ковы злого?[1]
Он рек… и где он? — Свят, свят Бог Саваоф!!

Гр. Волков
Пенза. 1813, Января

XIV

СТИХИ
НА ИЗГНАНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ ИЗ РОССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЕГО СВЕТЛОСТИ, КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЛАРИОНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

Приник с превыспренних небес
Бог сил к нам милосердья слухом,
Приник — и росс главу вознес,
Геройским воскриленный духом;
Рек с верой в сердце: с нами Бог!
Шагнул — и враг его у ног,
И гордость пала низложенна!
В первый по нескольких годах
Явит улыбку на устах
Европа, страхом пораженна.

Осклаби[1] в ней уста свои
И ты, Отечество драгое!
Веди отныне дни твои
В величьи, славе и покое!
Спеши упасть пред алтарем,
Зря изготовленный ярем
На выю вражью возвращенный;
В едину цепь связуй сердца,
И чтоб достойно петь Творца,
Подвигни весь твой лик священный!

Усердье зря своих сынов,
Твой ЦАРЬ к ним нежность усугубит;
Он зрел в нашествие врагов,
Как росс своих монархов любит.
Он видел, как дворянский род
За веру, за царя, народ,
Взгорел простерт к оружью длани,
Презря жен, дщерей токи слез,
Именье, кровь на жертву нес,
Как к пиршеству, летел ко брани.

За ним сословья все вослед,
Горя единодушным жаром,
Спешат на поприще побед
К врагу с решительным ударом;
Оратай, мещанин, купец,
Одним движением сердец
Карать злодеев воружились;
Одним усердьем воспалясь,
В сей горький для России час,
Отчизну защищать сдружились[1].

Смоленский! Русских вождь сынов,
Чьей ныне враг трепещет длани!
Не тщетно взрос ты средь громов,
Уматерел[2] на лаврах брани:
Кунктатор новый[2] в страшный час
Искусно[3] ты Россию спас,
А мужеством врагов развеял,
И страшный бич Европы всей,
Страшася сам руки твоей
Своих телами след усеял.

Уж мнил вращать Наполеон
Судьбою нашея Отчизны,
Мечтал предписывать закон
Иль новы нам готовить тризны;
Но ты воспрянул — он дрожит;
Ты грянул — он стремглав бежит,
Разграбя в ярости столицу:
Так тот, чье имя носишь ты,
Как молнию от высоты
Низверг надменную Денницу[3].

Докончи поприще, герой!
Жни новы лавры в поле чести,
Забудь для Отчества покой,
Простри к врагу меч правой мести;
Тебе всяк русский воин вслед

[1] Некоторые части ополчения наименовались дружинами.

[2] Известное прозванье римлянина Фабия, соединившего с храбростию величайшее благоразумие.

[3] Луцифер, светоносец, звезда утренняя, Денница.

Летит сквозь огнь искать побед;
Им труд, опасность брани милы;
Тебе поборник русский Бог:
Велик, велик Он! — Кто возмог
На брани против Бога силы?

Князь Дмитрий Горчаков

XV

КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

О вождь славян! Дерзнут ли робки струны
Тебе хвалу в сей славный час бряцать?
Везде гремят отмщения перуны!
И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с россом мир тебе рукоплескает!..
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?
Но как молчать? Я истый славянин!
Я зрел, как ты, среди своих дружин,
В кругу вождей, сопутствуем громами,
Как Божий гнев, шел грозно за врагами!
Со всех сторон дымились небеса!
Окрест земля от громов колебалась!..
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мне краса!
О старец-вождь! Я мнил, что над тобою
Тогда сам Рок невидимый летел,
Что был сокрыт Вселенныя предел
В твоей главе, венчанной сединою!..

Сколь Промысел для нас неизъясним![1]
Надменный сей не Им ль был храним?
Вотще пески ливийские пылали[2] —
Он путь открыл среди песчаных волн;
Вотще враги пучину осаждали[3] —
Его промчал безвредно легкий челн!
Ступил на брег — в руке его корона!
Уж хищный взор с похищенного трона
Вселенную в неволю оковал!
Уж он царей — рабов своих — созвал…
И восстают могущие тевтоны,
Достойные Арминия сыны[4],
Неаполь, Рим сбирают легионы,
Богемец, венгр, саксон ополчены,
И стали в строй изменники сарматы!
Им нет числа! Дружины их крылаты!
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят — уж все под их стопою!
Уж росс главу под низкий мир склонил!..[5]

О, замыслы! О, Неба суд ужасной!
О, хищный враг!.. И труд толиких лет,
И трупами устланный путь побед,
И мощь, и злость, и козни… все напрасно!
Здесь грозная судьба его ждала!
Она успех на то ему дала,
Чтоб старец наш славней его низринул!..
Хвала, наш вождь! Едва дружины двинул —
Уж хищных рать стремглав бежит назад!
Их гонит страх; за ними мчится глад,
И щит и меч бросают с знаменами!
Везде пути покрыты их костями!
Их волны жрут, их губит огнь и хлад!
Вотще свой взор подъемлют ко спасенью!
Не узрят их отечески поля,
Обречены в добычу истребленью!
И будет гроб им русская земля!..
И скрылася, наш старец, пред тобою
Сия звезда, сей грозный вождь к бедам!
Как Промысел, явился ты полкам[6],
И пред твоей священной сединою
Безумная гордыня пала в прах!
Лети, неси за ними смерть и страх!
Еще удар — и всей земле свобода!
И нет следов *великого народа*!

О, сколь тебе завидный жребий дан!
Еще вдали трепещет оттоман[7],
А ты уж здесь! Уж родины спаситель!
Уже погнал, как гений-истребитель,
Кичливые разбойников орды!
И ряд побед — полков твоих следы!
И самый враг, неволею гнетомый,
Твоих орлов благословляет громы.
Ты жизнь ему победами даришь!..
Когда ж, свершив погибельное[8] мщенье,
Свои полки Отчизне возвратишь,
Сколь славное тебе успокоенье!..
Уже в мечтах я вижу твой возврат!
Перед тобой венец, трофеи брани!
Во сретенье текут и стар и млад;
К тебе их взор, к тебе подъемлют длани!
«Се он! Се он![9] Сей грозный вождь, наш щит!

Сколь величав, покрытый сединами!
Усейте путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой о нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!»
Когда ж, сложив с седин своих шелом
И щит с рамен[10], ты возвратишься в дом,
Да вкусишь там покоя наслажденье[11],
Сколь будет ток твоих преклонных лет
В сей тишине величествен и ясен!
О! Дней благих закат всегда прекрасен!
С веселием водя окрест свой взор,
Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачущи стада по скатам гор,
И хижины оратая счастливы —
И скажешь: мной дана им тишина!
И старец, в гроб ступивший уж ногою,
Тебя в семье воспомянув с мольбою,
Речет сынам: «Мне им сбережена
В стране отцов спокойная могила!»[12]
И скажет мать, любуясь на детей:
«Его рука мне милых сохранила!»
На пиршествах, в спокойствии семей,
Пред алтарем, в обители царей,
Везде, о вождь! Тебе благословенье!
Тебя предаст потомству песнопенье!

В. Жуковский

XVI

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ПЕСНЬ БОГУ, ИЗБАВИТЕЛЮ РОССИИ

Господь сил с нами: заступник наш Бог Иаковль[1]

Господь! Вселенной повелитель,
Земли Создатель и небес,
России Бог и избавитель!
За нашу скорбь, за токи слез,
Невинностию пролиянны;
Народ, Тобой Самим избранный
За то, что правдой, верой тверд:
Господь! Ты Свой народ спасаешь;
Средь туч любовию сияешь;
Ты к нам и в гневе милосерд.

Восстал вождь яростный, строптивый
Злоумыслитель[2] всех коварств,
Несытый злом, властолюбивый,
Смутитель областей и царств;
Восстал, из праха он извлекся,
Владыкой той страны нарекся,
Где ад свирепствует давно!
Восстал — и возвестил Вселенной:
«Хочу Вселенную зреть пленной;
Все мне покорствовать должно».

Изрек — и тучей громовою
К стране российской полетел;
Влек всю Европу за собою,
Шагнул[3], — и нас попрать хотел.
С ним злоба, мщение, коварство,
С ним вероломство, с ним лукавство,
С ним все народы — с нами Бог!
Бог правосудья нам заступник;
Смирится злой клятвопреступник:
Бог сломит вероломства рог.

Сломил! И наглое киченье
Бежит в отчаяньи стремглав;
Зрит страх, зрит смерть, уничиженье;

Гордыни злобной жертвой став,
Злодей всего теперь страшится;
Не смеет вспять он обратиться,
Боится он воззреть вперед:
Самовластитель, страха узник;
Он ада самого[4] союзник,
И в ад сей лютый тигр падет.

Господь! Ты был нам упованье;
Ты сонм языков низложил;
Соблюл Свое Ты достоянье,
От плена нас Ты сохранил!
Умолкнут дерзновенья клики,
И горды не рекут языки:
Где Бог России?.. Ты явил,
Что Бог Иаковль — Бог России.
Падут там гордые Батыи,
Где предводителем Бог сил!

Господь! Ты предводил полками,
Ты гром и молнию метал;
Ты смертоносными путями
Враждебную гордыню гнал!
И днесь будь наш Ты повелитель,
Сердец будь наших учредитель,
Учи нас Твой закон любить;
Храни от зол иноплеменных,
От обольщенья ухищренных;
Дай твердость — россами нам быть.

(Из Р. Вест.)

XVII

СТИХИ ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНОГО ХОДА НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ОСВЯЩЕНИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА, В ДЕНЬ ПРАЗДНЕСТВА СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Велик наш Бог, Господь, Спаситель,
Велик России избавитель!
Еще мы ход священный зрим:
Бог с нами, россы! Будем с Ним!..

Давно уж здесь враги строптивы,
Развратны, буйны, горделивы,
Все умышляли истребить,
Все в прах и пепел[1] превратить.

В *Наполеоне* ад грозился, —
И ад сей Богом истребился!
Нечестья нет, святыня здесь;
Велик Господь и царь небес!

Господь! Здесь души сокрушенны,
Твоей любовью оживленны,
Парят к Тебе; Ты наш Отец!
Ты новых наших благ Творец!

Архангел Михаил великий,
С тобой небесные все лики
Хранили твой священный храм;
И Бог, на страже был Бог сам!

Ты, пламенным мечем сверкая
И кровопийцу устрашая,
Преследовал его и гнал;
Ты — аду победить не дал!

Приник от высоты надзвездной
Приник лик ангелов небесной,
Когда, Кем мир весь стал спасен,
Во храм был в пеленах несен.

И днесь, о жители священны!
На град взгляните[2], обновленный
Возвратом знамений святых!
Сам Бог нам возвращает их.

Где ад, России угрожавший?
Он в аде!.. Вождь бежавший
Развратных, нечестивых сил,
Сей ад — для ада пережил.

В своей он злобе безотрадной,
В душе неистовой и смрадной,
Ад ныне временный несет,
И с ним — в ад вечный упадет.

Велик наш Бог, Господь Спаситель,
Велик России избавитель!
Еще святыню предков зрим:
Бог с нами, россы! Будем с Ним!

(Из Р. В.)

XVIII

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНИИ МАНИФЕСТА ОТ 3 НОЯБРЯ 1812 ГОДА И ВСЛЕД ЗА НИМ ИЗВЕСТИЯ ОТ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО 7- И 8-го ЧИСЛ ТОГО ЖЕ НОЯБРЯ

Велик и дивен правды Бог!
Смиренных узы Он расторг,
Попрал главу безумца величаву,
Как дым его развеял славу!

Давно ли злобный, дерзкий враг
Повсюду сеял трепет, страх
И удивлял злодействами Вселенну,
Его коварством уловленну?

Пылающей со всех сторон
Среди Москвы, — давно ли он
Торжествовал, мня видеть духом злобы
Сынов России с нею гробы?

Давно ль? — И се, как робка лань,
Ловца почуя крепку длань,
Бежит, зря смерть кровавою стезею,
Во след текущу за собою!

Так дерзкий враг от нас бежит,
И все, что бег его коснит[1],
Он в робости, уничижен, бросает,
Лишь быстротой спастися чает.

Кто всю Европу обольстил,
Свободу нашу рушить мнил,
Попрать закон, влить развращенье в нравы,
А тем достать верх адской славы:

И тот приверженцев своих
Быв богом брани чтим от них,

Полки на месть нам в жертву оставляет,
Бежит — и жизнь стыдом спасает!

Велик и дивен правды Бог!
Смиренных узы Он расторг,
Попрал главу безумца величаву,
Как дым, его развеял славу!

*Б**
Село Борисовка

XIX

К ОТЕЧЕСТВУ

О русская земля, благословенна Небом,
Мать бранных скифов, мать воинственных славян,
Юг, запад и восток питающая хлебом!
Коль выспренний[1] удел тебе судьбою дан!
Твой климат, хлад и мраз, для всех других столь грозный,
Иноплеменников изнеженных мертвит,
Но крепку росса грудь питает и крепит.
Твои растения не мирты — дубы, сосны;
Не злато, не сребро — железо твой металл,
Из коего куем мы плуги искривленны
И то оружие, с которым сын твой стал
Освободителем Европы и Вселенны.
Не производишь ты алмазов, жемчугов:
Седой гранит, кремень — твой драгоценный камень,
В которых заключен струей текущий пламень,
Как пламень мужества в сердцах твоих сынов.

О русская земля! Ты ввек не производишь
Ни тигров яростных, ни алчных крови львов,
Ни злых крамольников, страшнейших тех чудовищ.
Нет, матерь! Не твоей утробою рожден
Сей лютый крокодил, короны похититель,
Чертогов, алтарей, престолов сокрушитель,
Не уважающий законов естества,
Враг человечества, враг дерзкий Божества,
Которого рука полмира оковала
И угрожать тебе неволею дерзала,
Которого алчбе подлунный тесен круг!
Твой росс есть ада враг, твой росс есть неба друг!
Великосердая решительница споров
Меж царствами земли! Тобой рожден Суворов,
Петр — диво, АЛЕКСАНДР — краса земных владык,
И Задунайский вождь, и Крымский, и Чесменский[2],
И громом свергший в ад денницу князь Смоленский.

О, да прильпнет навек к гортани мой язык,
Десная пусть рука моя меня забудет[3],
Когда не ты, не честь твоя и слава будет
Восторгов, хвал моих единственный предмет.

О русская земля, Отечество героев!
С благоговением тебе дивится свет.
Не драгоценностей ты ищешь среди боев,
Не царства, не града прияла мздой побед,
Но благодарность лишь единую стяжала
И, лавроносная, едино удержала
Из прав, присвоенных над слабыми мечом,
Лишь право быть царям и царствам образцом
Великодушия; народам показала,
Как независимость и веру защищать,
Как жизни не щадить, как смерть предпочитать
Ярму железному, цепям позорным рабства.
В сердцах сынов твоих пылает бранный жар,
И пусть пылает он! Еще один удар —
И идол сокрушен, наказано коварство,
И в преисподнюю низвергнуто тиранство!

О росс! Вся кровь твоя Отчизне; довершай!
Не Риму, праотцам великим подражай;
Смотри, перед тобой деяний их зерцало:
Издревле мужество славян одушевляло.
Царица скифская, рассеяв персиян,
Несытного[4] кровей главу отъемлет Кира[5];
Опустошителю Персеполя и Тира[6]
Вещают их послы: «Богами скифам дан
Плуг — чтоб орать поля[7], меч — биться за свободу;
Будь другом, не врагом ты храброму народу.
Женоподобных нет меж нами индиян;
Нет тканей пурпурных, смарагдов, перл[8] и злата;
Стрелами, копьями и бронями богата
Лишь скифская земля. Мужей увидишь здесь;
За независимость все, все мы ополчимся,
Или смирим твою неистовую спесь,
Иль ляжем все костьми; тебе ж не покоримся».
Мамай с ордой татар, как волк на верный лов,
Зубами скрежеща, бежит из ныриц[9], гладный;
Но, развернув хоругвь свободы, на врагов
Димитрий с громами[10] — и варвар кровожадный
Нашел не добычу, а вечный срам и смерть.
Лев Скандинавский, Карл[11], грозит Россию стерть,
Мечтает увенчать себя бессмертной славой;
Но погребает честь и гордость под Полтавой.
Стремится Фридерик Европу возмутить[12],

По воле править мнит Вселенныя судьбою;
Но равновесие меж царств восстановить
С полками Салтыков[13] едва выходит к бою —
И низложен других народов покоритель:
Непобедимости исчезнула мечта.
И се восстал еще ужаснейший грабитель!
И вновь обеты всех к тебе: гряди, спаситель!
Гряди, о росс! Вина такой войны свята;
Но, возвратив покой Отчизне, миру кровью,
Над миром царствуй ты не ужасом — любовью.

Воейков

XX

ОДА
НА НОВЫЙ 1813-й ГОД

Разверзи мрачный зев твой, Вечность,
И год протекший поглоти,
Сокрой от нас бесчеловечность,
Ужасные ее черты;
Сокрой те ужасы природы,
Вселенну кои потрясли,
От коих росские народы
Труды с уроном понесли:
Повсюду было здесь смятенье,
На брань кроваву ополченье,
Во всех российских городах
Был зрим один всеобщий страх.

Сокрой от нас всю брань кроваву,
Сокрой весь сильный гнев судьбы,
И изверга ужасну славу
С протекшим годом истреби!
Довольно россы потерпели ,
Рекою кровь лилася их;
Не раз ужасный пламень зрели
В селеньях, городах своих.
«Здесь зрят врага надменность дерзку,
Там извергов всю лютость зверску,
То сильные герои мрут,
То грады изверга трясут».

Смоленск, сколь древний, столь прекрасный,
Огнем в конец разрушен был[1];
Тут сильный враг, опасный
Народов тысячи губил.
Сама России мать — царица,
Краса всех росских городов,
Москва, древнейшая столица,
Поколебалась от врагов.
Какой, какой, о град любезный,
Подпал ты участи здесь слезной!

Какие ты премены зрел,
Какие ужасы терпел!

С смятеньем жители ужасным,
Спасая лишь самих себя,
Врагам сколь злобным, столь опасным
Тогда оставили тебя:
Богач именье покидая,
Сребро и золото скупой,
Родных в болезни оставляя,
Кто мог, спешили все толпой.
В минуту все переменилось.
И ново зрелище открылось.
О зрелище, достойно слез!
Се казнь разгневанных Небес!!

Се злобные враги вступили
Продерзкою своей ногой,
И — злоба, буйство заступили
Здесь место тишины святой.
Все то, что свято, оскверняют,
Забыв и совесть, и Творца,
Саму Природу оскорбляют
Злодеев дерзкие сердца;
Всю ярость днесь[2] они излили
На святость, кою россы чтили,
И град, где Бога всяк любил,
Разбойников вертепом был!

Здесь домы, храмы расхищают,
Ругаясь дерзостью[3] всему;
Там зверство кровью насыщают,
Не внемля воплю ничьему;
Здесь сотнями дома пылают,
Рядами здания горят;
Там башни минами взрывают,
Громады с треском вверх летят;
Здесь клубом смрадный дым несется;
Там громом вся земля трясется;
Весь град как Этна клокотал
И ад собой изображал!

Ах! Сжальтесь, Небеса благие!
Пошлите новый лучший год,
Явите действия другие,
И росских дел счастливый ход!
МОНАРХА россов сохраните
От хитрых, пагубных льстецов,
И мудрых, истинных пошлите
К НЕМУ Отечества столпов:
Да в всех делах ЕГО правдивых,
В поступках всех чадолюбивых
Узрят Отечества сыны
Дела счастливые одни!

Склоните вы неутомимым
На помощь россам всех духов,
И их щитом непобедимым
Покройте пред лицем врагов.
Вождям полков, героям мудрым
Пошите ангелов благих,
Да в лаврах и трофеях узрим
Безвредных воевод своих;
Да ими россы оживятся,
Смоленск, Москва преобразятся
Из праха в прежний образ свой!
Да будет всюду мир, покой!

Перуны ж ваши обратите
В надменных славою своей,
И гордецов одних разите
К спокойствию Европы всей!
Взгляните оком благосклонным
На россов, сердцем чтущих вас;
Влияньем чистым, благотворным
От новых бед спасите нас!
Пролейте благости рекою
Своею щедрою рукою
Москве — несчастной жертве сей,
Для счастия России всей!

Михайла Виноградов

XXI

ПЕСНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ ГАЛЛЬСКОГО ФАРАОНА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЗНАМЕНИТОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ СОЧИНИТЕЛЯ, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

Восстани свыше вдохновенный,
Вознесший гимнами Сион!
Реки, вещай, греми Вселенной:
Погибнул галлов фараон!
Где гордость западного змия?
Ликуй и радуйся, Россия!
В тебе прославился Господь;
Пресек Благий твои печали —
И конь, и всадник купно пали![1]
И хищным птицам в снедь[2] их плоть!
Господь, заступник, покровитель
Израиль новый паки спас;
Вотще враг Божий — всегубитель
Россию варварством потряс!
Неся убийства пред собою,
Он мнил повелевать судьбою,
Рассеять россов, яко прах!
Но, *Боже! Кто Тебе подобен?*
Воззрел — и хищник инороден
Блуждает в адских глубинах!

Потрясши горняя десницей,
Ты, Боже, двигнулся за нас —
И всадник гордый с колесницей
В земле зияющей[3] *погряз!*[4]
Прешла со шумом буйных сила,
Подобно тартару, могила
Пожрала плотоядный стан;
По дебрям кости сопостата,
На утлом черепе тристата
Пустынный восседает вран!
Заступник наш, покров единый!

Как дивно Ты сразил врагов!
Покрыл их тьмою, как пучиной[5],
В очах израильских сынов!
О радость! Сын геенны злостной
Твоею мышцей бранноносной
Попран — повержен в вечный студ[6],
Избавлена страна российска —
И порожденье Василиска
Прияло правый Божий суд!
Как молнию из тучи черной
Ты, Боже, долу гнев послал;
Послал — и се язык неверный
Подобно былию увял!
Покрывшись яростью, бронями,
Протек Ты местью над врагами;
Ты дхнул — отверзлася земля,
Послал в лукавый полк перуны;
Ты, Господи, Израиль юный
Избавил *ныне* от змия!

Карая древле[7] фараона,
Ты, Боже, море огустил;
Предтечу днесь Аполлиона
Землей, как морем, поглотил.
Там бездна понта[8] заключилась,
И суша на море явилась
Среди оцепеневших вод;
Но здесь, Благий, Твоя десная
Отверзла недра вся земная —
Пожрать мятущийся народ!

Безумец, совестью сожженный,
Мечтал в кичащемся уме:
«Страны достигну вожделенной —
И все поработится мне;
Корыстию исполня душу,
Российской кровью море, сушу
Для вечной славы обагрю;
Пойду на самую святыню —
Из царства мрачную пустыню
В одно мгновенье сотворю».

Мечтал — но Бог, на брань восставый,
Изрек — явился дивный вождь;
Лиется гибель в полк лукавый,
Как в нощь осенню хладный дождь.
Познала разнородна сила
И мощь, и мудрость Михаила![9]
Злодея нет! — Весь замысл прах!..
О Боже! Кто Тебе подобен?
Колико к нам благоутробен[10]
Непостижимый в чудесах!

А. Урываев

XXII

К РОССИЯНАМ. ДИФИРАМБ

Година страшных испытаний
На вас ниспослана, россияне! Судьбой.
Но изнеможете ль во брани,
Врагу торжествовать дадите ль над собой?
Нет, нет! Еще у вас оружемощны длани
И грудь геройская устремлена на бой,
И до конца вы устоите,
Домов своих, и жен, и милых чад к защите,
И угнетенной днесь Европы племенам
Со смертью изверга свободу подарите:
Свой мстительный перун вручает Небо вам!
Вотще сей бич людей, одет в броню коварства,
Не могши лестью вас, как прочих, уловить,
Всю собрал мощь свою, все покоренны царства
Свои привел, чтобы Россию подавить.
Вотще граблением свои питает силы,
Как саранчу пустив по селам и градам;
Не снедь обильную оне находят там
Но цепи и могилы —
Проклятие и вечный срам
Сбирают в дань Наполеону!
Но АЛЕКСАНДРУ в дань — бесчисленных сердец
Любовь. Она есть страж[1], она подпора трону,
Когда царь не тиран, но подданных отец.
Не ТЫ, о добрый ЦАРЬ! Не ТЫ для адской славы
Чингисов[2] и Аттил
Покой народов возмутил:
Но ТВОЙ противник, муж кровавый,
В вертеп разбойничий Европу обратил!
Он утомил ТВОЕ терпенье.
Друг человечества! ТЫ должен был извлечь
Молниевидный свой против злодея меч,
И грозное свершить[3] за всех людей отмщенье!
ТЫ верный свой народ воззвал —
И мирный гражданин бесстрашный воин стал!
Вожди явились прозорливы,
И вражьи замыслы кичливы
Уничтожаются! — *Кутузов,* как Алкид,

Антея нового в объятиях теснит[4];
От оживляющей земли подняв высоко,
Собраться с силами ему он не дает.
Стенающий гигант, вращая мутно око,
Еще упершеюсь пятою в землю бьет;
Дыханье трудно в нем, с него пот хладный льет;
Еще последние он силы напрягает,
Из уст злохульных яд и пламень изрыгает;
Но сильная рука его отвсюду жмет.

Чудовища ему послушны,
Подобье басенных[5] кентавров и химер,
Лежат вокруг его изъязвлены[6], бездушны.
Там *Витгенштейн* троих драконов жало стер![7]
Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
Которыми враги отражены, разбиты,
И коих доблестью Россия спасена?
Священны ваши имена
У благодарного останутся потомства.
И вы, которые легли на брани сей,
Встречая славну смерть средь Марсовых полей;
Или *от* лютости врагов и вероломства
Стяжавшие себе плачевный мавзолей
Под пеплом городов — усопших россов тени!
Вы с пренебесных к нам взираете селений
И утешаетесь, достойну видя месть
Врагам, забывшим честь.
Мы оскверненную от них очистим землю
И возвратим себе и всем народам мир.
Трясыйся, хощет пасть страшивший их кумир.
Я звук его паденья внемлю,
Для слуха моего сладчайший лир!
С падением его подъемлется Россия,
Венчанна славою. Как солнце после бурь,
Яснее озарив небесную лазурь,
Простpет на все свои влияния благие;
Растенья нову жизнь в лучах его пиют,
Стада выходят в луг, и птички вновь поют:
Так оживем мы все, гремя победны песни
И прославляя мир, благое Божество!
Тогда разделят все россиян торжество;
Тогда и ты, Москва, священный град, воскресни,
Как феникс златокрыл, из праха своего!

А. Востоков

XXIII

К ДРУЗЬЯМ

Ах! Можно ли забыть год, россам незабвенный,
Когда в погибельном раздоре были все,
Когда сражались мы за кров родной, бесценный,
И враг с надменностью свирепствовал везде!
Одеян бурями и ложными громами,
С преступною душой и с злобою в очах,
С мечтою покорить Россию — и над нами
Повергнуть тучи зол — все превратить во прах!
Ах! Можно ли забыть?.. Нет! Сердце представляет
Тирана, воинов, упоенных в крови,
Хищенье ко вражде которых вспламеняет,
Которых омрачен путь злобой на земли!
Тирана гордого, надеждой воскриленна
Народов сильных мощь навеки истребить,
Попрать величие десницей разъяренной
И с звуками побед грозой Европы быть!
И с сонмом избранных рукою обольщенья
Забывши в ярости и Бога, и людей,
В последний раз узреть России возвышенье,
И славу, и покой, и счастье мирных дней!
Ах! Можно ли забыть картины толь ужасны,
Когда Москва средь бурь, с поникшею главой
Средь стонов жалобных, несчастных,
Являла нам себя долиной гробовой!
Отвсюду грозными объятая врагами,
В дыму, в огне, в крови, с пылающим лицом,
Опустошаема злодейскими руками,
Являла страшный вид — с страдальческим венцом!
И храмы Божии с бесчестьем разрушенны,
Где поклонялись мы пред Вышним Судией!
И веру, и закон поруганны, презренны
Врагом, бесчувственным к религии святой!
Являла всюду ад! — И враг был в исступленье,
Что цели он своих намерений достиг,
Что нет препон ему в неистовом стремленье,
Что лавры с ним побед!.. Но лавры счастья[2] вмиг,
Как воспаленный вихрь, тирану прекратились;
И тысячи смертей предстали сим врагам,
И россы с мужеством на злобных устремились,

И где надменный галл?.. Рассеян по полям!
Без сил, во ужасе, в досаде ноет тщетной!
Без пищи, без надежд, без войска и друзей
Терзает грудь свою — спасенья ищет, бледной
От мщенья[3] праведных и гибельных огней!
Бежит, забыв свой сан и гордые мечтанья,
И человечество. Вот злобе воздаянья!..
В Истории времен примеров нет нигде,
Кто б мог равняться с сим убийцею в душе!
Калигула, Нерон, Филипп ожесточенный[4],
И Цезарь, и Алкид, и дерзновенный Карл[5]
Не так в крови людей невинных обагренны,
Как Франции глава, который с силой пал
И имя громкое навеки потерял!..
Друзья! Все воздадим свое благодаренье
Властителю судеб, Властителю царей
За счастье наших дней, за славу, за спасенье
От грозных варваров России и людей!
Дела великие в сердцах запечатлеем,
Украсим доблести нельстивою хвалой
И возгордимся тем, что россы, что умеем
С мечем в руках спасать Отечество собой!..

Александр Прожик
Харьков.
Января 22 дня 1813 года

XXIV

СТИХИ В ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНИЯ ГОСПОДНЯ. НА ВОЙНУ

Блеснула молния — мгновенно
От Севера ударил гром!
И сил безбожие лишенно,
Погиб злочестия Содом.

Где злобна фурия ада?[1]
Где змий[2] *француз* Наполеон?
Где гидра смертоносна яда?
Уполз тьмоглавый сей дракон!

Куда? Не в царство ли Плутона
На тартар узы налагать?
Кому, кроме Наполеона,
Геенский пламень изрыгать?[3]

Зол, горд, подобен Луциферу
Во гневе, ярости[4] своей,
Не он ли гнал закон и веру
И был бичом Европы всей?

Довольно! Тьма ему служила
И ангел бездны — алчна смерть;
Судьба Небес предположила
Злой прах с лица земли стереть.

Настало время лютой казни,
Разит его великий росс!
Дрожит — от страха и боязни,
Валится гордый сей колосс!

Ликуй торжественно, Россия,
Воздвигнув славы свой чертог!
Величием твоим Мессия
Сломил врагу кичливый рог.

Как в Иордан кристальну воду,
Россию в благость погрузил
И духом выспренним природу
Омыл[5], очистил, освятил.

Свет гонит мрачну тьму — кончает —
Лазурь покрыл небесный свод;
Россию лаврами венчает
Творец Всевышний в новый год.

Герои! Чтит вас Гений мира —
Кутузов, Витгенштейн, Платов!
Вас петь пред ним — поверглась лира!
Язык мой не находит слов!!

Андрей Кулаков
Января 1813 года.
Молога

XXV

ПЕСНЬ ВЕЛИКОМУ ВОЖДЮ ГЕРОЕВ

Маститый сын Беллоны![1]
Могучий Севера перун!
Всемочна счастия разрушивый законы!
Сквозь стоны, молний треск внуши бряцанье струн
Твою поющих славу,
Разбитый истукан Европы под ярмом,
У ног раздавленну гордыню величаву
И росский всепалящий гром!
Из ила ржавых блат, из тины неизвестной
Возник внезапу исполин:
Шагнул — льет ужас повсеместной;
Взмахнул мечем Европы властелин —
За ним лежат в пыли престолы раздробленны,
Чернеют веси, грады опаленны;
Несется всюду плачь и стон;
Герои от его бледнеют взора,
Владыки от него ждут славы и позора;
Судьбины колесом вертит Наполеон.
Где край тот неизвестной,
Куда бы силою чудесной
Злодей не доступил?
Достиг — за ним возможны кары,
Разбои, грабежи, пожары!
Там старец пал; тут меч младенца обагрил
На персях матери полмертвой, осрамленной!..
Как тигр, алчбою разъяренной,
В Россию ворвался,
Со скрежетом зубов чрез холмы, долы рыщет,
Как вепрь очьми грозит, как змий прельщеньем свищет;
В обмане не успел — ток крови полился!
Бесстрашный, твердый росс в волшебном изумленье
Теснится в отступленье.
«Колосс Полночный пал!» Весть скорбная летит:
Европа в ужасе дрожит,
И стерту выю протягает.
«Погибло все!» — гласит. —
«Москва пылает!»

Спокойтесь, робкие! — Еще Кутузов жив!
Не верьте — слух тот лжив,
Что все пред галлом погибает,
И Северный не пал колосс;
Он только уязвлен глубоко.
Дивись, сколь в бедствиях велик, чудесен росс;
В нем чувствие высоко!
Как кедр под бурями, твердеет и растет;
Как кедр, пусть сломит вихрь, но к долу не погнет;
Пусть грянет гром — скала лишь озарится,
Не дрогнет, не смутится.

Таков Смоленский, ты!
От ярости громов твой бодрый дух крепчает,
Ум невозможности считает за мечты,
И к гибели врага махины созидает.
В змеиный вьется ль клуб иль страшно рычет львом,
Глядит — и жмет в деснице гром;
На шлем твой сыплются удары,
И искры вкруг летят,
Как на гранит перуны яры;
Зубчаты молнии с чела его скользят:
Так ты лица не изменяешь,
Ни веждей[2] не смежаешь;
Но быстрый устремивши взгляд,
Все меришь вражески и взмахи, и движенья,
Ждешь буйных сил изнеможенья,
Чтоб изверга послать во ад…
Приспел твой час — пустил перуны;
Грохочет эхо по горам.
Враг гулом изумлен; погибли мысли буйны;
Спасенье не мечу вверяет уж — ногам.

Широки степи тесны стали
Для бегства — о злодей!
Тебя корысть и злость в Россию звали;
И се мзда лютости твоей!..
Очнулся поздно, кровопийца!
Где грезы льстившие, неслыханный убийца!
Где горы золота? — Давай!
Где слава? Лавры где? — Вещай!..
Бесчисленны полки, послыша росски громы,
Узнали их (они Вселенной всей знакомы),

И лютый страх
Завыл в сердцах.
Не смеют уж в лицо увидеть росса в поле;
Постыдно тыл предав его всемощной воле,
Закрыв глаза, бегут;
Доспехи, колесницы,
Дышащи смертию бойницы,
Бросают все — лишь срам несут.
Усеялись поля несчетными телами,
Пирует черный вран, пируют псы костями
Воителей твоих, вождей.
А ты, творец их бедства и позора,
Ты к ним не обращаешь взора!
Бежишь — и слезы брызжут из очей,
Остатки ярости, дань сраму и боязни!
Бежишь — куда, злодей? — Тебя ждут всюду казни,
И нет нигде отрад:
Впреди проклятие встречает,
В тылу Смоленский ужасает;
Убежище — единый ад!
Разверсты челюсти его к тебе зияют.
Батый, и Тамерлан, и Нерон восклицают:
«Приди, дражайший брат!
О превосшедший нас во злобе!
Довольно! Отдохни — у полвселенной в гробе!
Се ты достиг желанья своего!
Живущие тебя вовеки не забудут;
Тираны имени ужасна твоего,
Как поношения, стыдиться будут».
А ты! Муж доблестный, непобедимый
Ни клеветою, ни мечом!
Ты оживил полки, тобой водимы,
И возвратил орлу его палящий гром.
Он при тебе взмахнул крылами,
Налег на облака — давнул — и вихрей свист,
Как осенью опадший лист,
Погнал, клубя, полями.
Так злобный враг, твоей развеянный десницей
За лютость, грабежи и в селах, и градах,
Бежит, приявши мзду достойну со сторицей.
Мужайся, доблий муж! И при закате дней
Сверши твой подвиг исполинский:
Даруй спокойствие подлунной всей,

И да герой чудесный Италийский
В тебе воскреснет для полков!
При имени твоем обымет страх врагов!
И да смятутся их советы;
Да славы твоея не потемнят наветы,
И клевета у ног безмощная шипит,
Как лютая змия, ярящась на гранит!

Ф. Иванов

XXVI

НА РАЗРУШЕНИЕ МОСКВЫ

Челом во прах! — Благоговейте,
О сильные земли! — Бог правды[1] возгремел.
Во трепете виновных слез не лейте!
Его так промысл восхотел,
Чтобы сбылось несбыточно явленье,
Чтоб мудрые во изумленье
Познали в силе суету
И в мудрости мечту.

Москва! Владычица полмира,
Мать храбрых искони, обитель Муз, любви,
Страдальца тихий кров и упованье сира,
Объята пламенем и тонет во крови!
Но где ж бесстрашных миллионы?
Пред ней — за ней — кругом,
Пылают[2] в ярости сразиться со врагом…
Подобно[3] гибли Вавилоны,
Когда предвечные законы
Погибель изрекли.
Ни мудрых волхвованья,
Ни сильных состязанья
От рока не спасли.

Вспоенный кровью вепрь[4], бич роковой десницы,
Полсвета воружив и лестью, и мечом,
Обильный в хитростях татей, цареубийцы,
Пришел покрыть всю Русь и пеплом, и стыдом[5].
Уже во дерзостном мечтанье[6]
Мнит: «Ждут меня не брань, одне рукоплесканья.
Я чрез глашатая рабам
Свободу дам,
И прах от ног моих полижут в униженье…»[7]
Очнися, гордый враг, от льстивой[8] дремоты!
Не встретишь здесь рабов — влечешь их сонмы ты.
Неведом рок тебе — оплачешь заблужденье![9]
Любезен нам отцов и прадедов закон;
Мы все ему рабы, владыка наш лишь он[10].
И се во гневе Бог и в милостях богатый,
Россиян поразя, простер к ним щедру длань;

В них мести жар[11] горит, кипит кровава брань.
Уже в победах враг крылатый познал
Россиян чудну мощь;
Трепещет страха в изумленье,
Меч гложет свой в остервененье
И рыщет в ужасе, как *скимн*[12] в *осенню*[13] *нощь*.

В Москве отвсюду смерть зияет,
В лесах с ним бледный глад блуждает,
В полях российский стан.
Убийца ужасом и думой обуян,
О славе позабыл, лишь мыслит о спасеньи,
Со ядовитых уст в обманчивом смиренье
Льет пагубную лесть и сеет злой обман;
«Да будет мир меж нас!» Твой мир есть отдых змея!
А дружба — ков злодея!..
Вражда! Вражда![14] Кровава брань,
И гнусных полчищ истребленье!
Вот договор с тобой, вот дружественна дань!
Других союзов нет тому, кто разоренье[15],
Разбои, грабежи, обетов нарушенье,
Все лютости своей дозволенным считал;
Из грязи кто восстав, свет тесным почитал…
Европа, целый мир к нам длани простирают,
Народы — тишины, отъятых прав — цари,
Жертвокурения святые алтари
От россов ожидают.
О Севера предивный сын,
Смиренный в счастии, в бедах великодушный![16]
Ты мира участи стал ныне властелин.
Сбери свои все чудны средства,
Подвигнись, исполин!
Спаси[17] стенящий мир от бедства,
И да бразды твоих полей
Под плугом зазвучат от вражеских костей!
Пусть дерзкий в замыслах во времена грядущи
Заглянет в летопись и сердцем содрогнет,
Послышит хладный пот, с чела его текущий,
И Бога мстителя почтет![18]

Ф. Иванов

XXVII

НАДПИСЬ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

Стой, росс! Ты подошел к полям Бородина!
Здесь грозные лежат полки надменна галла;
Они бросали гром — Вселенна трепетала;
Но здесь их встретила гранитная стена!
Не ратников число, не ряд огромных башен,
Их встретила любовь к Отечеству, к царю.
О росс! В ней мощь твоя; ты ею силен, страшен
Ты ею засветил спокойствия зарю.
Она пылала здесь, и глас ее священный
Носился меж рядов: «О росс! Сам Бог твой щит!
Умри, умри, иль будь спасителем Вселенной!
Будь верен мне: тебя никто не победит».
И русские сердца рвались с кровавой клятвой
Иль сбить врага, иль всем костьми в полях сих лечь.
Здесь утомилась смерть столь новой, тучной жатвой!
Здесь бились русские! Здесь их носился меч!
Ревели громы здесь — и дол и холм стонали!
Затмился солнца свет, земля тряслась, и дым
Нагнал на россов мрак; но в них сердца пылали!
Сквозь дым, сквозь мрак врага указывали им.
Но вера, их светоч, и верность, вождь надежный,
Вели бесстрашных в бой — и росс врага сломил;
И враг, погибели страшася неизбежной,
Содрогся и с стыдом с полей сих отступил.
Здесь робко на поля иноплеменник взглянет
И мимо сих холмов со страхом поспешит;
Но росс здесь мощь свою и славу воспомянет
И скажет с гордостью: «Кто русских покорит?»
Сюда придет старик, и внучат за собою
С благоговением, как к храму, приведет.
«О дети! Слушайте». И повестью простою
В их юные сердца жар доблестный прольет:
«Я помню, приходил враг с силой исполинской,
И жег и грабил все — здесь русских встретил он;
Я помню славный день, день битвы Бородинской!
Здесь дрогнул в первый раз злодей Наполеон!
Здесь он почувствовал, что может горсть героев
Против несчетных орд, со всех скопленных стран.
Сей беспримерный бой из всех известных боев

Явил, что может дух великих россиян!
Здесь бился Божий меч [(1)], князь русский Михаил[1].
Я помню, как он шел, украшен сединами,
Как он пред битвою с полками говорил.
Он страшен был, когда сражался со врагами.
Тогда на месте сем парил над ним орел;
В час сечи роковой над старцем опустился;
Вождь обнажил чело и духом ополчился.
Ура, воскликнул росс, ударил, загремел!..
Тогда на месте сем и русских много пало.
О дети! Кланяйтесь! Они легли за нас;
Паденьем славным их Отечество восстало.
Вовек священным их да будет прах для вас!»

Российский Марафон! Село Бородино!
Ты славою славян в бессмертье заблистаешь;
Твоим святым холмам отныне суждено
Вещать: О смертный! Стой! Бессмертных попираешь!

Ник. Иванчин-Писарев

[(1)] Так назван сей Великий Полководец в оде Павла Ивановича Г. Кутузова. Желательно, чтоб потомство в своих преданиях говорило: *Князь* М. Л. Г. К. С., *прозванный Меч Божий. — Сочин.*

XXVIII

СТИХИ СВЕТЛЕЙШЕМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЛАРИОНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

Отмщай врагу за слезы, раны
Веками чтимыя Москвы!
Да смоют пепл с нее тираны
Своею кровью! И молвы
Уста гремящия потомству
Да не престанут возвещать,
Чем платит правда вероломству,
Как должно варварству отмщать!

Герой, заслугами, сединой
Привлекший воинов сердца!
Твой за врагом полет орлиной
Да свеет зло земли с лица —
И вертоград спокойства, мира
На ней со счастьем расцветет!..
Уже руки твоей секира
Зловредно терние сечет!

И жадный взор Европы целой
На подвиг славный обращен!
И каждый шаг твой быстрый, смелой[1]
Ее вниманьем изочтен;
Уже она с себя готова
Ярем тиранства низложить,
И росс спасителем ей снова
В тебе, герой! Назначен быть!

Спасать царей, спасать народы,
И первое из лучших благ —
Дар возвращать златой свободы
(Лишь пагубной в дурных сердцах)
Давно есть славный жребий россов!
Так древле светлый, яркий луч
От всюду зримого колосса
Хранил пловцов под мраком туч[2].

Надежда мира оправдится
Успехами трудов твоих!
Уже надменный враг дивится
Внезапному сиянью их;
И на корысть подъяты очи
С ужасной болью опустил:
Их тьма покроет вечной ночи
Со славой страшною Аттил![3]

Князь Петр Шаликов

XXIX

ГЛАС МОСКОВСКОГО ЖИТЕЛЯ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ ОТ ВРАГОВ

Где силы адского владыки,
Дерзнувшего против небес?
«К мечам! сыны!» — рек царь великий,
И враг сокрылся от очес.
Терзайся, злоба ухищренна,
Явясь попранна и презренна,
С перуном тысящным в руках!
И сам глава рабов несчетных,
С остатком сил едва приметных,
Бежал смертей… *чрез свой же прах!*

Исчез — и славу Герострата[1]
Затмил всех прав гоненьем злым:
Победа, слава сопостата,
Градов, селений огнь и дым,
Святыни, храмов осквернень[2],
Стон слабых старцев, жен, детей!..
О ужас!.. Веры враг, любови,
Как злейший *Нерон*[3] жаждет крови
Низвергнутой Вселенной всей…

И ты — Москва! Невинна жертва,
Отечеству пылала в дар!
Бледна, поругана, полмертва,
Снесла тягчайший вновь удар.
Как змий, по стогнам враг извился,
Повсюду яд его излился,
И смрад разнесся по следам!..
Земля и небо вдруг пылали,
И огнь и меч в дыму сверкали,
Все рушилось… и дом и храм![4]

Падут, падут сыны коварства,
И зыблем хищника престол;
Лишь истиной хранимы царства
Блистают, как цветущий дол,

Красой весенней, неизменной;
Там ЦАРЬ, величьем украшенный,
От неба смертным дарован:
И Север, истиной блистая,
Вещает смертным, поучая,
Что ЦАРЬ для их блаженства дан.

Но чье же имя миллионы
Народов сих кропят слезой?
Кем горести прервались стоны,
Низшел к нам сладостный покой?
Кем храмы Бога осквернены
Отверсты стали, освященны?
Раздался в них хвалебный глас,
Несущийся ко Творцу щедроты?
Кем вновь от тяжкия работы
Израиля средь бед Он спас?..[5]

Смоленский князь![6] Тебе хваленье
Пребудет ввек в твоих делах!
Твой лавр — России вожделенье,
Твой сан — бессмертие в веках.
Черкес, тавридец, финн, лифлянец,
Башкирец, камчадал, лапланец —
Всяк в сердце дань тебе несет;
Но тем еще ты боле громок,
Что храбрый росс — славян потомок,
Тебя спасителем зовет!

О росс! о истинный свидетель
Народов доблести прямой!
Скорей исчезнет добродетель,
И примет вид ее святой
Порок, народами венчанный;
Скорее целый мир попранный
В пучину свергнет всех людей,
Чем дух твой — верой озаренный,
Явится лестью помраченный…
Бреги, бреги светильник сей!

Д. Глебов

XXX

КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

Князь славы! Именем народов и царей,
Иноплеменничья избавившихся плена,
Объемлю я твои священные колена:
О! Будь благословен, верховный вождь вождей[1],
Завоевавший гроб священныя свободы,
Расторгший рабства цепь и сокрушивший бич!
Тебе со плесками воскликнули народы;
Тебе звук арф, глас труб, торжеств и славы клич:
Ты не Отечества — Вселенныя спаситель!

Уже господствуя, Европу зря в цепях,
В цареубийственных вращая скиптр руках,
Играл судьбою царств коварный похититель;
Уже, пронырствами и дерзостью велик,
На троны возводил и низводил владык;
Безверный, потоптал законы и святыню,
Мнил мир весь положить в безлюдную пустыню,
Мнил видеть славы храм вдали уже отверст,
Мнил свой поставить трон высоко, выше звезд.

И тьмы тем, всадники, кони и колесницы,
Тристаты[2] и пешцы по манию десницы
Готовы ринуться. Как сонмы вешних вод,
Свирепые, сломив спасительный оплот,
Уносят хижины и затопляют нивы,
Пастух, оцепенев, зрит прежде край счастливый
И плод рачения лет многих и трудов
Добычей жалкою свирепости валов:
Так галлов полчища несметны, нечестивы
В Россию хлынули и полились в Москву.

Успехом упоен, враг верит горделивый:
Росс склонит под ярмо позорное главу.
Но гибельны пути лукавы и строптивы![3]
И справедливый Бог не тако совещал;
Он перстом на тебя МОНАРХУ указал.
О, вид торжественный! О, зрелище прекрасно!
Доверенностию полсвета окружен,

Поник седым челом, коленопреклонен,
Не в лыстех мужеских, не в силе войск ужасной,
Не в конской крепости… слезящий взор простер;
Ты в Боге положил сердечно упованье
И молишь, в бой идя за веру, за царя,
Благословить твое святое начинанье.

И не умедлил Бог! Кто сильный постоит?
Ты стал в лице врагам, как ангел-истребитель:
Все вспять! Полки, вожди, сам мира победитель…
Вослед им мразы, глад, отчаяние, стыд
И твой губящий гром — посол твоей десницы,
Как Вышнего глагол, несущий казнь для злых,
От коего дрожит в основах мир своих.
И где Сеннахериб? Где кони, колесницы?[4]
Проклятый Господом, исторгнут корень злых;
И на распутиях их трупы воссмердели,
Как жабы мерзкие, излезшие из блат.
И россы цепи рвать германцев полетели:
Ликуют небеса, и стонет мрачный ад![5]

Теки, о исполин! Рази, карай злодейство![6]
Мир миру славными победами даруй
И раны сограждан спокойством уврачуй:
Да будет целый мир единое семейство![7]
Да обнимаются, как братия, цари!
Да встанут новые для Феба алтари!
Под АЛЕКСАНДРОВОЙ счастливою державой
Дадут науки плод, искусства процветут;
Тебе обязаны спокойствием и славой,
Отчизне и тебе дань сердца принесут.
Уже бессмертие от муз тебе готово:
Векам провозгласит дела твои Платон[8];
Хвалами возгремит об оных Цицерон[9];
Созвездье в небесах откроет Гершель[10] ново
И именем твоим великим наречет;
Рафаэль[11] оживит твой образ на холстине;
В меди и мраморе твой вид — гроза гордыне.
Я зрю: твой обелиск до облак восстает,
И восседит орел полночный на вершине.
Я слышу гласы лир: славнейшие певцы,
Державин, Дмитриев[12], плетут тебе венцы;

Коломбы росские вкруг света обтекают,
Дела твои в концах Вселенной возвещают,
И имя славное твое из рода в род
В благословениях к потомству перейдет.

Воейков

XXXI

ПЕСНЯ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЦАРСТВУЮЩЕГО ГРАДА МОСКВЫ ОКТЯБРЯ 11 ДНЯ 1812 ГОДА

Не в чистом поле, не в пустой степи,
Не в темном лесу, не в сыром бору,
Да не пташечки, не касаточки
Вкруг тепла гнезда увивалися;
А слеталися *орлы северны*
И садились вкруг каменной Москвы,
Вкруг *сердечушка* царства русского.
Они думали крепку думушку —
Думу крепкую, пригорюнившись:
Да когда ж было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
Храмы Божии златоглавые
Опустели все — службы нету в них?
Не видать в Москве силы русския;
В светлых теремах красных девушек;
Не видать по Москве золотых карет;
Не слыхать совсем шуму градского?
Только видно лишь красно зарево,
Тучи мрачные дыму черного;
Только слышны там хреставень да треск,
Вздохи тяжкие, вопли смертные!

Как возговорят могучи орлы:
Не прогневался ль православный царь?
Не губит ли он каменну Москву?
Да не быть тому, не бывать вовек,
Чтобы *батюшка* православный царь
Так прогневался на детей своих;
И не слыхано, и не видано,
Чтобы *кроткий царь* крепко гневался,
Чтобы *наш отец* так карал детей!
Видно, *матушку* каменну Москву
Разорил злодей, *неприятель* наш,
Неприятель наш — *Бонапарт лихой!*
Да и что ж ему сделал русский царь?
Никому наш царь не завидовал,

И на царства он не ходил войной;
Всех царей чужих он за братьев чтет,
Любит подданных, как отец детей.
Видно, *варвару* много надобно,
Видно, *извергу* не вместим весь свет!
Бога вышнего *он* совсем забыл,
Православным всем *он* присяжный враг.

Уж как слышно нам: *Бонапарт злодей*
Не одних *скворцов* на Москву пустил,
А привел он с собой и *гусей,* и *грачей,*
И *чижей*, и *синиц, воробьев, журавлей*,
И *сорок*, и *ворон, коршунов* и *сычей*,
Вислоухих сов и *ночных филинов*,
Да и тех дураков — *полевых дудаков*…
Так возможно ли могучим орлам,
Могучим орлам, *орлам северным,*
Таковую *дрянь* на себя пустить?
Слово молвлено — дело сделано.

Не густой туман подымается,
Не черны тучи собираются,
Не леса шумят, не моря кипят,
Поднялись орлы, *орлы северны*
На бесчисленны стада *мелких птиц:*
Где *орел* махнет — лежит стадо птиц;
А где два и три — там и *сметы нет!*
Как поднялся крик да от *мелких птиц:*
Бонапарт злодей! Ты *ушатый сыч!*
Ажно меж орлов ты *летуча мышь!*
Да зачем ты нас, мелких пташечек,
Ты завел в Москву на *святую Русь?*
Поднялися стада и грачей, и сорок,
Полетели стада, куда Бог унеси!
Неоглядкой летят, темны ночи не спят,
Не садятся стада покормиться в лугах;
Меж собою стада перешептывают:
Вот такая-то честь *нам, незваным гостям!*
Будь *ты* проклят от нас, враг, *ощипанный сыч!*
Не из рода орлов — *корсиканский петух!*
Осрамил *ты* нас всех, *мелких* пташечек[1],
Разорил, поморил, побираться пустил;
Вперед, *песский ты сын*, не обманешь уж нас!

Да и кто же видал, да кто же слыхал,
Чтоб *ободранный сыч* мог сразиться *с орлом*?
Орел — всем птицам царь, всему свету судья!..
А ощипанный сыч всему свету — смех!

Степан Юшков
26 Ноября 1812 года
Белгород

XXXII

ПЕВЕЦ СРЕДИ МОСКОВСКИХ ГРАЖДАН 11-го ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА

П е в е ц

Настал день славы, торжества,
Москвы освобожденья!
Пойдем во храмы Божества,
Исполнясь умиленья,
Пойдем, сограждане! И там[1],
Составя красны лики,
Возжем сердечный фимиам,
Дань должную Владыке!
Он в гневе посылал на нас
Годину испытанья;
К Нему прибегли мы — и спас;
Исчезли дни страданья!

Г р а ж д а н е

Бог в гневе посылал на нас
Годину испытанья;
К Нему прибегли мы — и спас;
Исчезли дни страданья!

П е в е ц

Исполнив первый долг, почтим
Хвалой нелицемерной
Того, к кому мы все горим
Любовию примерной —
Почтим хвалой ЦАРЯ-отца!
Во время треволненья
Мы, зря в нем смелого пловца,
Спаслись от потопленья;
Владея нашим кораблем,
В дни видимой напасти
Бесстрашно правил ОН рулем,
Искусно двигал снасти.

Г р а ж д а н е

Хвала ТЕБЕ, наш ЦАРЬ-отец!
ТЫ[2] ангел наш хранитель,

ТЫ душ владыка и сердец,
Отечества спаситель!

П е в е ц

И днесь, когда полночный край
В пристанище надежном
И мы находим паки рай
В спокойстве безмятежном,
Для блага ОН страны родной
И счастья полвселенны
Забыв веселье и покой,
Средь ужасов военных
Еще сражается со злом,
Дать миру мир желая.
О! Будь ЕМУ везде вождем[3],
Премудрость всесвятая!

Г р а ж д а н е

Еще ОН ратует со злом,
Дать миру мир желая.
О! Будь ЕМУ везде вождем,
Премудрость всесвятая!

П е в е ц

Второй исполнив долг, друзья,
Дружинами под кровы!
Ждет каждого из нас семья,
Вино и стол готовы!
Там, полны сладких чувств, живых,
Мы брашном насладимся,
И хлеб вкусив с полей родных,
Веселью предадимся!
Пусть пенится в бокалах кровь
Златая винограда;
К Отчизне так кипит любовь
Сынов престольна града.

Г р а ж д а н е

Пусть пенится в бокалах кровь
Златая винограда;
К Отчизне так кипит любовь
Сынов престольна града.

П е в е ц

Кипи, вино, звени, кристалл,
И множься наша радость!
Уже наш славный град восстал,
Облекшися во младость!
Уже наш ангел-ЦАРЬ простер
Благую к нам десницу,
И слезы сирых ОН отер
И препитал вдовицу!
Верна надежда на него,
Не тщетно упованье;
Всегда отверста длань его[4]
На милость и даянье!

Г р а ж д а н е

Верна надежда на него,
Не тщетно упованье;
Всегда отверста длань его
На милость и даянье!

П е в е ц

Изгладим же скорее след
Здесь галлов развращенных;
Но не забудем страшных бед,
Их злобой порожденных;
Да чувства мщенья так кипят
И в нас, и в наших чадах,
Как сонмы вод себя клубят
В гремящих водопадах!
Уже враг дерзкий испытал
Сего удары мщенья;
Но он еще, еще восстал —
Для нового паденья!

Г р а ж д а н е

Уже враг дерзкий испытал
Мощь праведного мщенья;
Но он еще, еще восстал —
Для нового паденья!

П е в е ц

О витязи! Славянска кровь!
России щит надежный!

Напрягши мышцы, гряньте вновь!
Разите род мятежный![5]
В день радостный сыны Москвы,
Рося лицо слезою
И долу преклоня главы,
Взывают к вам душою:
Отмстите вновь за древний град,
За мать градов полночных!
Сей подвиг, други! Подвиг свят[6],
Достоин дланей мочных!

Г р а ж д а н е

О кровь славян! Отмсти за град,
За мать градов полночных!
Ударь еще; сей подвиг свят,
Достоин дланей мочных!..

П е в е ц

Сограждане! Я духом зрю
Свершенье сих желаний…
Восторгом сладостным горю
Средь радостных мечтаний!..
Уже мятется враг, как вепрь,
Ловцами окруженный;
Уж ищет скрыться в мрачну дебрь,
Стократно пораженный.
Напрасен злого галла труд;
Быстрее ветров мщенье!
Вожди и рать его падут!..
Один им плен — спасенье!..

Г р а ж д а н е

От мщенья скрыться тщетен труд;
Быстрее ветров мщенье!
Постигнуты враги падут!..
Один им плен — спасенье!..

П е в е ц

Жив дух славян, и Бог наш жив:
Мечты сии свершатся;
И глас восторга, глас нелжив:
Злодеи потребятся!

Удвоим же мы наше днесь,
Сограждане, веселье!
Мы все сыны России здесь[7],
И — все на новоселье! —
Подайте чаши нам! Нальем
И будем пить чредою;
Мы паки в честь столицы пьем!
О! Будь Москва Москвою!..

Г р а ж д а н е

Подайте чашу нам! Начнем,
Но с сладкою слезою:
Мы паки в честь столицы пьем!
О! Будь Москва Москвою!..

И. Попов

XXXIII

ГИМН, ПЕТЫЙ НА КОНЦЕРТЕ, ДАННОМ РОССИЙСКИМИ МУЗЫКАНТАМИ В ДОМЕ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА С. С. АПРАКСИНА, В ПОЛЬЗУ РОЖДЕННОГО И ВОСПИТАННОГО В МОСКВЕ МУЗЫКАНТА г. РЕЙНГАРДТА, ЯНВАРЯ 7 ДНЯ 1814 ГОДА

О Кутузов! Истребитель
Человечества врагов!
Ты Отечества спаситель!
Богатырь ты всех веков.
Хвала, хвала тебе, герой!
Попран — растерзан галл тобой.
Слава вечно не затмится,
Не увянет твой венок;
Гул чрез веки так промчится,
Как чрез горы чистый ток.
Хвала, герой, тебе хвала!
Россию длань твоя спасла.
Тень священная! простри́ся
К нам из облачных долин;
Кликом нашим взвеселися;
Память мы твою блажим.
Из века в век тебе хвала!
Россию длань твоя спасла.

Ф. Иванов

XXXIV

ЧУВСТВОВАНИЯ РОССИЯНКИ, ВОЗБУЖДЕННЫЕ ПОБЕДАМИ РОССИЙСКИХ ВОЙСК НАД БЕГУЩИМ ВРАГОМ ОТЕЧЕСТВА

Жестокий, грозный вихрь, несяся,
Крылами воздух колебал,
На Север яростно стремяся,
Все, что ни встретит, сокрушал;
Пред ним Вселенна содрогалась,
Скрывался солнца светлый луч,
Со светом черна мгла сражалась,
Лишь молний блеск сверкал из туч:
Среди сих ужасов природы
Смятенный смертный трепетал;
Дымился лес, кипели воды,
И страх повсюду пролетал;
Но вдруг — о радостно явленье!
Восторг и мыслям и сердцам!
О сладостное прехожденье
От грусти к счастливым часам!
Повеял от страны полнощной
Спасение несущий ветр,
Оттоль, десницей где всемощной
Воздвиг столицу славный Петр;
Дохнул — и тучи удалились,
Открыв небесную лазурь;
Покой с надеждой возвратились,
Промчались стоны мрачных бурь.
Сей вихрь, соотчичи любезны!
Сей вихрь — се смертоносный галл!
Открыв пред вами адски бездны,
На вашу пагубу дерзал,
Невинных смертных кровь рекою
Для тщетной славы проливал,
Всеистребляющей рукою
Вселенну покорить мечтал;
Но Управляющий мирами,
Вещей начало и конец,
Колебля смертного судьбами
И зря во глубину сердец,

Злодея средь торжеств карает,
Разруша пагубный обман.
С него личина упадает:
Исчез герой — предстал тиран!
Как гордый древний дуб ветвистой,
Главой касаяся небес,
Стоя на высоте кремнистой,
Окружный презирает лес,
Себя бессмертным почитает,
Гигантской гору жмет пятой,
Ветвями гордо помавает
И с бурями вступает в бой;
Но вдруг Борей[1], шумя крылами,
С размаху дерево разит —
И дуб, воспитанный веками,
Валится, ломится, трещит:
Так славы пагубной алкая,
Европы враг Наполеон,
С стыдом от русских убегая,
Свою погибель видит он.
Где милосердие на троне
Дарует подданным покой,
Где кротость ангела в короне
Возобновляет век златой,
Там труд коварства бесполезный
Нас бедствий отягчить ярмом.
Нет — АЛЕКСАНДР, наш ЦАРЬ любезный,
От злобы будет нам щитом;
ЕМУ подвластные народы,
Водимы мудростью вождей,
Себя прославят в род и роды
Безмерной храбростью своей.
Премудрых словеса свершились:
На начинающего Бог!
Кутузов, Витгенштейн[2] явились
И гордости сломили рог;
Блеснул их меч — и отразился
Сей блеск во глубине сердец;
Им дух россиян ободрился,
Снискав бессмертия венец.
Уже удары за ударом
Врага бегущего разят,
И воины во гневе яром

Вослед губителей летят.
Тебе ли, росс непобедимый!
От галлов побежденну быть?
Тебе ль, в трудах неутомимый,
Коварству, злобе уступить?
Тебе подлунный мир дивился,
Твои законы почитал;
Возможно ль, чтобы луч затмился
Той славы, коей ты сиял?
Нет! — Он во мраке бед блистает
И будет вечно нам светить:
Десница россов поражает
Тех, кто мечтал их покорить.
С каким стремленьем ополчались
Герои Севера на брань,
Все несть наперерыв старались
Отечеству кроваву дань,
Покрытый старец сединою
И юноша в цветущих днях,
С неустрашимою душою,
Питая славы жар в сердцах,
Природы гласу не внимали —
Страдала сирая любовь;
Всех милых сердцу оставляли,
Спеша пролить злодейску кровь.
Умрем иль победим! Вещали.
Возник у нас Лакедемон[3].
Враги коварны испытали
Россиян мощь чрез свой урон.
Какой народ с тобой сравнится,
Великодушный, храбрый росс!
Как может дух твой измениться,
Коль ты под тенью лавра взрос!
К МОНАРХУ верность сохраняя
До гробовой твоей доски,
Нигде в трудах препон не зная —
Стремнины, горы и пески,
Ничто тебя не устрашает,
Бестрепетно встречаешь смерть!
Ничто тебе не помешает
Надменных галлов гордость стерть!
Несись — лети на крыльях славы,
Стремись врага искоренить,

Труды вменя себе в забавы,
Спасителем Европы быть.
Кровавые иссякнут реки,
Престанут их злодеи лить;
Кутузов, Витгенштейн навеки[4]
В сердцах россиян будут жить!

А. Волкова

XXXV

НА БЕГСТВО НАПОЛЕОНА С ОСТАТКОМ ВОЙСК ЕГО

> Презорливый же и обидливый муж и величавый ничесо же скончает. Понеже ты пленил еси страны многи, пленят тя вси оставшии людие, крове ради человечи, и нечестия земли и града, и всех живущих в ней.
>
> *Прор. Аввак.*[1] II, 5 и 8

«Земля познает мой закон,
Иль будет вся как холм могильный!»
Речет во злобе сильный,
Несчастных презирая стон;
Как ад, свою расширив душу,
Заграбить мнит моря и сушу
И сесть Вселенныя на трон.

Как смерть — несыт, как буря —лют,
В дыму курений ложной славы
Воздвиг войны кровавы…
Но Бог изрек — свершился суд!
Бежит попранный враг — и клики
Возносят вслед ему языки
И в посмеяние рекут:

«Се тот, кто чтил своим весь мир!
Се муж презорлив, сам в позоре,
Бежит… О горе, горе
Тому, кто сам себе кумир!
Чужого достоянья жаждет
Мучитель злой, сам зле постраждет,
И труд его — геенне пир!

Твой всюду путь — грабеж и плен;
Страшись! Языки все восстанут,
И громы мести грянут!
Разграблен сам, уничижен,
Ты дорого, злодей! Заплатишь;
Чужое брал, свое утратишь,
Узришь своих паденье стен!

Твой кровью залит адский след,
И быть великим в мире чаешь?
Тиран ! Ты собираешь
На дом свой тучу лютых бед! —
Се ястреб вьет гнездо высоко,
Едва верх кедра видит око;
Вдруг гром — гнезда и кедра нет!»

Так, властолюбием влеком,
Все зиждет всуе нечестивый.
Что стен верхи кичливы,
Коль чужд благословенья дом? —
Из недра их и камень воет,
И хрущ от древа возглаголет,
И в день и в нощь там ропщет гром.

О! где сокроется злодей,
На крови созидаяй грады!
Погибнет он и с чады,
Не примет гроб его костей!
Позор обрящет вместо славы,
Испьет, испьет от той отравы,
Что уготовал для людей!

Смирил Господь гордыни рог,
Совет лукавых сокрушился,
В них дух весь возмутился,
И сильный в злобе изнемог!
Ливан бесчестье кровью смоет —
Он след твой трупами покроет;
Защита правым — правды Бог!

Ф. Кокошкин

XXXVI

ПРОЩАНИЕ С 1812 ГОДОМ ДЕКАБРЯ 12, ВО ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Как древле, бегствуя, израильский народ,
К обетованному покою,
Пустыню, Чермный понт[1] невлажною стопою
Прошел — так мы, прошед, оставим за собою
Сей лютый, но и славный год!
И на краю его, как на брегу спасенья,
Отцу всесильному алтарь соорудим,
И жар на нем благодаренья
В сторичных жертвах воскадим,
Что мы средь хлябей Им избыли потопленья,
От ига вражия освободились Им!
Уже текла на нас шумящими волнами
Пучина пагубы с той и с другой страны;
Но Бог десницею и шуйцею пред нами
Раздвигнул море в две стены
Кутузовым и Витгенштейном;
Мы идем живы посреде, —
Протекшей мимо нас взираем вслед беде,
Не зная, верить ли очам!.. В благоговейном
Ко Богу чувстве днесь колена преклоня,
Воскликнем все: «Господь Россию не оставил,
Неслыханных побед трофеями прославил,
Умножил радость нам торжественного дня,
В который некогда ущедрил нас рожденьем
Любезна отрока, держаща росский трон».
Бог рек: «Да будет сей полсвета утешеньем!
Да будет адския каратель злобы он!»
Исполнилось… и ТЫ, о АЛЕКСАНДР счастливый!
Смирив противных нам шестьнадесят племен
И честолюбия сломивши рог кичливый,
Днесь будешь от самих врагов благословен;
Облобызают все твой скипетр справедливый;
Искорененные Беллоной насадишь
Повсюду мирты и оливы!
Мир, мир Европе возвратишь!

И с человечества спадут постыдны узы;
Оно из рук твоих назад свои права
Приимет, как из рук благого Божества,
И выше звезд твое доставят имя музы!

А. Востоков

XXXVII

ПЕВЕЦ НА ГРОБАХ БРАТЬЕВ-ВОИНОВ РОССИЯН

В пустынной тишине, средь зданий диких, мшистых,
Иссеченных из глыб кремнистых,
В жилище смерти, там, где прах усопших тлеет,
Где голос гордости немеет,
Но где проникнет в гроб печальный глас сердец;
И чувствий горестных исполненный певец[1],
Оставя *малости* людей туманна света,
Меж мертвых тел ищу *великого* предмета.
День света общего, казалось, наступал,
Мир с восхищением сиянья ожидал;
Но солнце лишь взошло, желанный день затмился;
Он, встретясь с темнотой, во сумрак претворился.

Пускай рабы страстей… Но что им говорить?
Не упрекать пришел, одну лишь скорбь излить…
Пускай рабы страстей ходить сюда не смеют,
От страха здесь они оцепенеют!..

Когда серпы смертей телесну ниву жали,
Когда от ужаса дубравы трепетали,
Тонули в гибели и веси и поля,
Рыдала кровию увлаженна земля;
Когда все в пламени ужаснейшем пылало:
Тогда разбойники… Но языков всех мало
Злодействия сии во свете описать;
Лишь ад о извергах понятье может дать!

О! сколь тщеславье здесь ничтожно!
Здесь сердце, вздохи есть, еще здесь плакать можно!
Здесь горестью моей о братьях наслажусь;
О мертвых в сих местах с Природою крушусь! —

Возможно ль не внимать и совести и чести?
Как сожаление к собратиям терять?
И раболепствуя на жертвенниках лести,
Дары смирения гордыне посвящать?..

Сокрывшись от мирских погибельных смятений,
Оставя пышность, блеск, в юдоли жизни сей

Лишась благих надежд, любви и наслаждений,
Я буду странствовать средь отческих полей,
О падших воинах я стану воздыхать,
И *малое* давать *великим* воздаянье;
Оставшу братию тем к жизни ободрять,
Начертывать в душах терпенье, упованье…

Лети, мой дух, туда, где рок и *галл* надменной;
Где росс — друг правоты, где *галл* — злодей Вселенной,
Сраженный смертию в боях…
Росс с славой, *галл* с стыдом сокрылся в прах!
И *галл* под тяготой земною
Бесславья подавлен пятою!..
Злодействию — позор,
А добродетельных и в прахе ищет взор!
Россия на лице своем изобразила,
Как должно в свете жить и славно умирать!
Воспомним время то, как к нам отцы взывали,
Как матери детей на брань благословляли,
Как древня *мать Москва*, лия потоки слез,
Сложа венец с главы, отдавшись в власть Небес,
Прискорбья полный взор вокруг себя вращала,
Во пламени, в плену еще не унывала,
Еще надеялась ночь смерти отвратить,
Обнять детей своих, дни радостны вкусить! —
О, сердце русское! Те дни воспоминая,
Священным чувствием еще сильней пылая
К Отечеству, ЦАРЮ и матери своей,
Превозносись всегда гремящей славой сей!
Она есть радуга и знак *небесной силы;*.
Потоп и *смерть* прешли! И пепл сей, и могилы,
Немолчны вестники блестящих новых дней.
Попранна *смертью смерть* — и в ад падет злодей.
Ликуй, священная российская держава!
Питайся вечностью, паряща к небу слава!
Взносися на крылах к Владыке всех царей!
Хвали, благодари за подвиг дивный сей!

Да поколеблют мир сии мои слова!
Коварство, трепещи! Невинность, ты жива;
Жива! Россия мать от бедствий злых изъята;
Пожертвовавши всем, она еще богата —
Богата доблестью, душевной красотой,

Любовью, верою и истиной святой;
И язвой лютою она не умерщвленна;
Россия *верностью* и *верой* возрожденна!
У всех ее сынов сыновния сердца;
И в Боге и в царе — чтут нежного отца!
О вы, почиющи в глубокой тишине,
Вы, падшие в своей родимой стороне,
Чьи славны имена жизнь царствам возвращают,
Полсвета от цепей и рабства свобождают!
Примите малу дань певца уединенна,
Ко праху вашему тоскою принесенна.
Он к вашим подвигам любовью воспален.
Кто росс, тому ваш прах любезен и священ!..

С. Петербург

XXXVIII

РУССКАЯ ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЯ МОСКВЫ НЕПРИЯТЕЛЯМИ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЛЮБЕЗНЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

Где ты, матушка белокаменна,
Москва красная, златоглавая,
Царства русского дщерь любимая,
Милой родины коренной удел,
Царя белого самопервый град,
Трудолюбия мать заботлива,
Древней старости слава вечная?[1]

Где краса твоя?.. Где величие?
Облаков главой ты касалася
И молвой людской возносилася;
Чем гордилися православные,
Дети верные, люди русские.

Ах! В тебе ль, Москва, сердцу милая,
Цари русские православные
Золотым венцом увенчалися?
Ах! В тебе ль клялись Богу вечному,
Нас как чад любить, нас от бед хранить?

О престольный град правоверных всех!
В тебе юноши обучалися
Свой закон блюсти и царям служить;
За Отечество, веру русскую
Смерть наградой чтить, кровь ручьями лить.

Ах! В тебе ль, Москва величавая,
Красны девицы воспиталися,
Дети сирые, беспризорные
Царской милостью воскормилися?
Стариков была… гнездо теплое,
А убожества мать-кормилица!

Но где блеск твоих лучей солнечных?
Где глава твоя престарелая?
Уж не видим мы золотых крестов[2],

Крыльца красного, славной площади,
Зданий пышных, ни Кремлевских стен,
Ни князей, бояр палат каменных,
Ни купеческих светлых теремов,
Ни убогого мирной хижины…

Уж не слышим мы колокольный звон;
Ах! не слышим мы песней радостных.
Пепел, смрад и страх, и развалины[3] —
Вот что видится в Москве матушке;
Вопли, стон и печаль — вот что слышится
В славном городе царства русского!

А Москва река… обагрилася,
Не струей течет — но котлом кипит,
Не мосты по ней… тела мертвые,
Не суда плывут… жертвы мщения.

Чудо дивное, небывалое,
Во святой Руси совершилося;
После двух веков славы, счастия,
Страна русская сокрушилася,
Так, как встарь была, в время слезное,
Во нашествие злых литовских сил[4].

Сокрушил ее не *сармат*[5] лихой,
Не *Отрепьев*[6] злой, самозванный царь;
Погубил ее враг неистовый,
Корсиканец злой[7], ада выродок.

Встань, Пожарский[8] князь!.. Встань, великий муж,
От глубока сна пробудись на час[9];
Смерти лютыя ты разрушишь власть[10].
Ах! Взгляни на град, ты который спас,
Посмотри Москву в унижении;
Посмотри славян, скорби преданных![11]
Сбрось свой саван бел, вождь российских сил[12];
Облекись в броню ты нетленную,
Препояшься, князь! Ты стальным мечем,
В праву длань возьми страшну палицу
И булатным ты воружись копьем;
Оградись щитом веры русския;
Вострубi в трубу громогласную,

Собери ты рать, рать могучую,
Силу грозную, богатырскую.
Воспали ты кровь храбрых воинов,
Ободри ты дух русских юношей;
Поведи полки исполинские
На разбойника *Бонапартия.*

Тень священная! Устраши врагов,
Отомсти ты злым за Отечество,
За престольный град, за славянску кровь!
Ты рассей во прах адски полчища,
Сокруши врага нечестивого;
Защити еще царство славное;
Ты прославь, прославь веру русскую,
Царя белого, храбро воинство!

А… Н…

XXXIX

ПЕСНЬ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ ПО ПРОГНАНИИ ЗЛОДЕЕВ ИЗ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Самозванец злой, нечестивый враг,
Бич невинности, враг спокойствия[1],
Не мечи точил, не кинжал острил,
Чтоб напасть на Русь тучей грозною;
Ветром буйным и порывистым
Развратил сердца, соблазнил умы
Многочисленных Европейских стран.

Все сословия им расстроены,
И все правила им нарушены;
Царства сильные покорил себе
Не оружием, адской хитростью.
Он Вселенною завладеть хотел[2],
Из великих слыть величайшим всех;
Веру истинну христианскую
Истребить хотел нечестивый враг!

Но не мог успеть в лютых замыслах
В царстве русского православия;
Двадцати он орд с буйной сволочью,
Его глупостей почитателей,
Его лютостей исполнителей,
В царство русское вшел разбойником,
Чтоб потрясть закон, пошатнуть престол,
В цепи тяжкие заковать славян,
Возмущением помрачить их честь,
Звонким золотом ослепить глаза[3],
Мнимой вольностью обольстить умы.

Закипела кровь русских всех людей,
Ретивы сердца в них забилися,
Слезы горькие покатилися,
Громким голосом все воскликнули:
«Прочь, злодей, с лестью адскою!
Дорогой казной не прельстимся мы,
Буйной вольности не завидуем.
Не бывали мы ввек предатели,
Милой родине злы изменники,

Царю белому непокорными,
Гласу совести непослушными.

Корсиканец злой! Ты ошибся в нас;
Не расстроишь наш коренной закон;
Мать родимую, землю русскую
Не дадим тебе во владение;
Не подымешь нас на любезного
Царя белого, справедливого
Богом данного царству славному».

Озлобился враг русской верностью,
Ворвался в Москву, словно хищный зверь;
Поругал злодей храмы Божии,
Разорил изверг дворцы царские,
Белокаменны горды здания,
Башни древние, величавые.

Кровь славянскую он ручьями лил;
Девиц красных посрамил злодей,
Юных отроков во полон он брал,
Гнал в носильщики без разбору всех.
Не оставил он бедным жителям
Ни отцовский кров, ни насущный хлеб;
Уж и мертвых он потревожил прах;
Всю Москву зажег с четырех концов.

Но царь белый наш не без действа был,
Храбро воинство не задумалось;
По велению царя доброго[4]
Собралась в Руси сила грозная,
Рать могучая, богатырская,
Не наемников иноплеменных,
Но Отечеству сынов преданных.
Стар и млад копьем воружилися,
Саблей острою препоясались;
Окружить в Москве все пошли врага,
Изнурить его лютым голодом,
Уморить льстецов русским холодом.

Устрашенный враг в своей ярости
Подорвать хотел весь престольный град.
Супостат лихой, адский выродок!

Ты на нас пошел с лютой буйностью;
Мы восстали все со крестом в руках[5].

Зри в руках у нас ты булатный меч,
Наших прадедов невредимый щит;
Твердокаменна грудь геройская
Сокрушит твои стрелы острые.

Люди русские, православные,
Возмолилися Богу вечному:
Суд им дал Господь, покарал врага;
Нас простил в грехах и помиловал.

Дивен русский Бог, дивен в милостях;
Но ужасен Он в гневе праведном:
То узнал злодей на самом себе!
Рог кичливый твой стер Кутузов князь,
Истребил твои люты полчища,
Усмирил бродяг буйны головы,
А тебя прогнал со стыдом домой.

Не крушись, Москва белокаменна!
Бог и добрый царь обновят тебя;
Твои здания все возвысятся,
Храмы Божии возблистают вновь;
Благолепием ты украсишься[6];
Пуще прежнего ты прославишься,
Пуще прежнего осчастливишься.

А… Н…

XL

ИСПОВЕДЬ НАПОЛЕОНА ФРАНЦУЗАМ
(РУССКИЙ ПЕРЕВОД ХВАСТЛИВЫХ НАПОЛЕОНОВЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ ИЛИ ВОЕННЫХ ИЗВЕСТИЙ)

Я винюсь и признаюся,
Что полки все растерял,
И что второпях я мчуся,
Чтоб впросак сам не попал!

Растерял я пушки, войски,
Нет и конницы со мной;
Но поверьте, что геройски
Я поход окончил мой.

Через *Неман*[1] осторожно
Тучи войска перевел;
Говорили: *то безбожно!*
Я смеялся и летел.

Занял *Вильну;* за Двиною
Очутился; как был тут,
Я сказал: и *за Окою*
Мне венки побед плетут!

От *Двины* шагнул к *Смоленску,*
Стал смирнее течь и *Днепр;*
Много было шуму, треску:
Но где я — там все лишь ветр!

Скоро сказка говорится:
Дело сделал я скорей;
Я шагнул… *Москва* мне зрится!
Ну, ребята! удалей!

Бородинская потеха,
Правда, жарким днем была;
Но французам что помеха?
Хмелем трусость их прошла.

Страшен стал для нас Кутузов,
Я умел перехитрить;
Весь мой сброд и всех французов
Зельем я давай поить.

Будто лист перед травою[2],
Точно так и я, друзья!
Очутился под *Москвою:*
Помутилась мысль моя!

Думал: «Тут-то пир горою,
Голь мою тут разряжу;
И владея над *Москвою,*
Всю *Россию* я свяжу».

Но погудка мне иная!
Ростопчин так все смекнул,
Что пришла мне доля злая:
В ус с досады я подул![3]

Кое-как приосамился,
Голь мою чтоб ободрить,
В разны замыслы пустился,
Начал все кутить, мутить.

Но *Тарутино* лихое
Стало новой западней;
Бородинска треску вдвое
Тише было мне, но злей!

Как в Москве ни умудрялся,
Все я делал невпопад!
Чем пришел, скорей убрался;
Но и тут попал не в лад…

Русские за мной бежали;
Я от них давай бежать:
Так они меня прижали,
Что не ведал, что начать.

Наконец, рассудком здравым
Я в *Париж* направил бег;

И чтоб быть пред вами правым,
Я один летел наспех.

Ничего хотя с собою
К вам, друзья! Я не принес;
Прав я!.. Надо мною
Русский подшутил мороз!

XLI

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТИРАНА НАПОЛЕОНА ВО ФРАНЦИЮ

(ВЫПИСКА ИЗ «ГАЗЕТЫ МУЗ» 1813 ГОДА № 1)

Когда Наполеон, в чреде своей греховной,
С остатком *Маршалов*, клейменых русаком,
Бежав с Москвы за Рейн едва не босиком,
Явился наконец пред свой совет верховной:
Тогда, скрывая стыд, бесчестие, напасть
И тщася поддержать свою тиранску власть,
Как новый *Дон-Кишот,* мечтой победы света,
Он с гордостию так вещал среди совета:
«О верноподданны цари мои, друзья!
Министры Франции, и дюки[1], и князья!
Хоть я не совершил вам данного обета,
Престола русского в шесть лун не покорил,
Полмиллиона войск в России поморил,
Оружия, казны потратил неисчетно;
Но это всё виват!.. Всё славно, всё бессмертно,
Когда Наполеон, ваш бог, пред вами здесь!
Весна… и власть мою познает Север весь!
И вы увидите Россию под стопами!
Я божеством моим клянуся в том пред вами».
— Прочь с глаз и удались! — ответствовал совет;
Дай дух перевести… терпенья больше нет!
Твоя гордыня нас в победах уверяет;
Дыхание ж твое так воздух заражает,
Что если б был твой нос отрублен казаком,
В минуту бы тебя сочли мы калмыком.
Так можем ли теперь твоим обетам верить,
Не разуметь, что ты приходишь лицемерить,
Сулить по-прежнему златые горы в дар,
А делом Франции приготовлять удар?
Но как!.. Как смел предстать, о чародей зловредной!
С такою наглостью в твоей судьбине смертной?
Осмелился еще владыкой чтить себя,
Потратя войска всё, всю Францию сгубя,
Дав зреть… о вечный стыд! Тщете своей в угоду,
В породе славных галл… калмыцкую породу [(*)]!

[(*)] Это относится к тому, что скопища Наполеоновы питались лошадиным мясом.

Как мог польстить себя, что старым мастерством
Раздавленный червяк, как прежде, будет львом?
Или надеешься в высокомерном духе,
Что правдой ложь твоя еще осталась в слухе?
Что *карла* силою, а *великан* тщетой,
Иль кочка низменна сравняется с горой?
Что к долу твоему верхи небес преклонишь?
Что северных орлов в полетах перегонишь?
Что АЛЕКСАНДРОВЫХ храбрейших верных чад
Склеенной сволочью из рая сгонишь в ад?
Тебе ль, беснующу задором богатырским,
Пускаться на бои с богатырем российским,
Кого не пронял в век ни голод, ни мороз?
От первых зимних ты окостенел угроз.
Что ж было бы с твоей ватагой европейской,
Когда б на вас дохнул еще мороз крещенской?
Советуем тебе в норе своей корпеть,
Доколе русский Бог не отдал повеленья,
За козни подлые, тирански преступленья,
Аркана на тебя козацкого надеть;
Или, пока совет терпенья не лишился,
Пока тебя казнить достойно не решился,
Пока народ тебя не разорвал в клочки.
Так, верь! Хоть зрит народ еще в твои очки,
Но различил уже от действия причины,
Но видит твой обман сквозь все твои личины,
Тщеты величия, а государства вред,
Неизбежимое последствие всех бед.
Но зрит уже все зло благ будущих в посуле;
Единый звук пустой империи в титуле,
Когда поддерживать сей звук твоей тщеты
Посредством должен он всеобщей нищеты,
Чрез океан кровей австрийских, польских, прусских,
А более всего, о враг!.. Кровей французских…
Позором в вечности тобой прельщенных царств,
И только для того, чтоб власть твоих коварств,
Тиранства, гордости пробавить на престоле!..
Нет, изверг! Нет… не льстись остаться в прежней доле!
И так довольно ты в Европе колдовал,
И оскотиня всех, короны раздавал;
Довольно призраком народы обольщались,
И немец и прусак тебе порабощались;
Гишпанец пострадал — чуть турок не ослеп,

От русских за тебя чуть не ушел в Алепп[2].
Довольно от твоих сулимых миру раев
Потомки сирые покойников героев
В шестнадцать лет твоих неистовых проказ
Страдали — и от слез не осушали глаз!
Признав от трусости властителя в тиране,
В чертоге, алтаре, в сенате, в Ватикане,
Вельможа, кардинал и папа с буллой сам,
Почетной гвардии покорствуя усам,
Хотя неволею, средь страха к печали,
Под дудочку твою довольно поплясали!
Но, Богу слава! Русь спасла от пляски мир;
По гласу труб ее сам заплясал кумир.
От грома музыки геройства, постоянства,
Разноголосица замолкнула тиранства.
Полночный исполин хитрейший узл рассек,
И обнажился всем… творец кровавых рек.
С кумира слабых душ лишь спала позолота,
Изчезнул Геркулес… и видим Дон-Кишота…
Сказал… и ждущему лаврового венка
Совет из Франции дал извергу толчка!
Тиран завыл, как волк… и в ад вдруг провалился!..
О Боже! Если б смысл *газеты* сей свершился!

Николай Николев

XLII

ПОБЕГ НАПОЛЕОНА КАРЛОВИЧА ИЗ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. ШУТЛИВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Чтоб Бонапартьевску петь шайку,
Возьму нестройну балалайку;
В разладе брякну по струнам,
Как стало тошно шалунам,
Когда Москву они златую,
Всех русских матушку родную,
Мечом ограбя и огнем,
И все поставя в ней вверх дном,
Лишася хлеба и бутылок,
Вернули нехотя затылок.

О, Карлович Наполеон!
Разладной балалайки звон,
Звенит делам твоим подобно!
Когда затеяв дело злобно,
Всю Русь святую осквернить,
И нас в Камчатку всех забить,
Скажи: как, не спросяся броду,
Нырнул по шею в мутну воду?
Как в дурь себя ты потопил?
И *Дон-Кишот* умнее был!
Желая удальцом казаться,
Во чтоб ни стало — но подраться,
На стадо он баранов шел;
А ты — сброд шутовской повел
На бой, на рать с богатырями!
За то и доказал ногами,
Чего не сделал головой:
Как заяц, уплелся домой.

Но за тобой помедлю гнаться,
И ног проворству удивляться:
Иной мне подвиг предлежит;
Еще в Москве твой сброд стоит,
В Москве сей сброд… но уже страждет;
Желудок пуст, и горло жаждет.
Уж сволочь, хлеб свой переев,

Голодной смерти видя зев,
Повсюду ропот начинает:
«Нет хлеба, пиво пропадает;
Уж нет почти и *душника*(*);
Придет невольная тоска!
Похлебки б галачей наелись;
Беда! Все галки разлетелись(**).
Хорош же наш Наполеон!
Куда завесть нас вздумал он?
Ему ведь по колено море!
Мы терпим голод, холод, горе;
А он *с египетским* страмцом,
С своим *Рюстаном*[3] удальцом,
Коньяк лишь в кофе подливает,
И горе хмелем прогоняет. —
В Москве он рай нам посулил;
А кажется — впросак всадил[4].

Но что ж *великий* из *великих*
В напастях делает толиких?
В дворце Кремлевском он сидит
И в мыслях — целый свет вертит:
«Уж я в Москве! Он восклицает —
Во всем мне счастье угождает;
Оно за мной, как скороход,
Куда пойду, туда и мчится.
Французский ветреный народ
Моей премудрости дивится;
Европа под моей пятой,
России буду я главой!..
Тогда все кончу без помехи!
Потом для рыцарской утехи,
Я сволочи моей махну,
И с нею — в Индию шагну!
Там английскую спесь унижу,
И с *Индией Париж* так сближу,
Как будто б — нет совсем морей!
Безделка быстроте моей
И в Африку шагнуть оттоле;
В Америке — в моей быть воле.

(*) Так называли французы простое наше вино[1].
(**) В этом уверяли все те, которые оставались в Москве[2].

Уж все, уж все придумал я;
И вся Вселенная — моя!»

В таких приятнейших мечтаньях
И в *дон-кишотских* ожиданьях
Он кофе с коньяком глотнул,
Облокотился и заснул.
И без вина ума буянство
Есть тот же хмель, есть то же пьянство.

Заснул! Вдруг вихорь заревел;
Леса дремучи закачались,
И воды бурно взволновались,
И с молниею гром гремел,
И вся была природа в страхе!
В такой ужасной передряге,
В железной ступе с помелом
Летит старушка вековая,
В полете вихрь перегоняя,
Опережая быстрый гром;
Пестом клячонок погоняет
И костяной ноги толчком
Еще им рыси прибавляет,
А помелом след заметает.
Вздрогнул во сне Наполеон!
«Постой! Задам тебе трезвон», —
Старушка грозно возгласила. —
«Какая нечисть осквернила
Святую Русь, старинный град?
Какой тут бусурманский чад?
Как на *Руси* не *Русью* пахнет?
Но нечисть скоро горько ахнет:
Вон, вон отсель, нечистый дух!
Ты здесь, Наполеон! Сам-друг
С своим любимцем закоптелым,
И с ним одним ты улизнешь…
С *Рюстаном* ты оледенелым
От сброда своего качнешь;
На место золота с собою
Картофлей наберешь кой-как
И быстро пустишься стрелою,
Услыша: *вон! Летит казак!*
Ты придурью так очадился,

Что с целой Русью в спор пустился!
Наглец!.. Ты вести шлешь в Париж,
Что колдуном ты здесь проказишь,
Луной, звездами, солнцем правишь,
Зиме быть русской запретишь,
Прогнав за тридесять земель,
Куда и сам ты с дурью мчишься.
Напрасно так, дружок! Храбришься;
Как рак, столкнешься ты на мель.
Смотри! Русак вон престарелый
Там под Тарутиным засел[5];
Смотри! Ведь он шутить не любит;
В военный только рог затрубит,
Ты, брат, запляшешь *горюна.*
Ты мнил: *бирюлька ведь война;*
Умей собрать лишь только шайки,
И грянь наглее по-буянски.
Постой же, удалой дружок,
Задаст тебе старик урок!»

Сказав, пестом вдруг полновесным
Старуха, размахнувшись, — хлоп
В затейливый и буйный лоб;
Вдобавок же еще чудесным
Ноги ударом костяной
Со стула бухнула долой.
Шут-корсиканец повалился;
Очнулся, вскрикнул, изумился,
И близь *Рюстана* очутясь,
Робея, злобствуя, бесясь,
Вскричал: «Не ты ли, дерзновенной!
Самовластителя Вселенной
Со стула на пол повалил
И чуть мне лба не раскроил?..

Нет! Нет! Не ты, *Рюстан* мой милой!
Волшебницы какой-то силой
Так нагло опрокинут я;
Ну, дан толчок мне исполинской!
Хоть помутилась мысль моя,
Но помню, что в стране российской
Яга есть *баба* меж духов;
Об ней *Левек* писал рассказы![6]

Но я дрожу от тумаков;
Мне что-то очень стало страшно!
Нет! В Индию идти опасно;
Рюстан! Без всех обиняков,
Напившись кофею с коньяком,
Махнем к спасению голов…
Пусть скажут, что пополз я раком;
Хоть бег бесчестен, да здоров[7].
Поди ж! И маршалов скорее
Ты скликай изо всех сторон;
Я трушу — будь ты посмелее;
Скажи: *зовет Наполеон!*»

С поспешностью *Рюстан* уходит;
Великий пуще колобродит,
Страшнее стало одному!
Куда ни взглянет — все боязни;
Все страхи грезятся ему!..
Равно приговоренный к казни
Преступник в ужасе дрожит,
И меч, и смерть и ад уж зрит!
Кто с совестью своей в разладе,
Кто Бога правды позабыл,
Боится тот живущих в аде,
Себя чертям тот подчинил.
Давно *Наполеон* проказник,
Друг ада, сатаны согласник,
И трус великий и подлец,
По картам, запершись, ворожит,
Гадать колдовок часто просит;
Тогда ж отважный он храбрец,
Когда себя заслонит стражей;
Когда толпа гвардейцев, пажей,
Его как туча облежит:
Он смел тогда, затем — что скрыт!

«Что приключилося со мною?» —
Великий яростно гласит. —
«Чьей дерзкой сброшен я рукою,
И кто бедами мне грозит?
Я с Богом властию делюся,
И никого я не боюся[8].
Однако ж лоб я так зашиб,

Когда со стула повалился,
Что чуть совсем не позабылся:
К таким толчкам я не привык».

Меж тем новопечатна стая
Наполеоновских чинов,
В пути друг друга обгоняя,
Летит на властелинский зов.
Тут дюки, маршалы различны,
Давно к затеям хоть привычны,
Но, в нашу забредя Москву,
Они во сне и наяву
Скорей кой-как хотят убраться,
Чтобы казакам не попасться!

Пришли: восстал Наполеон;
Восстал и громко возглашает:
«О вы, мой чтущие закон!
Кто всю Вселенну удивляет,
Кто герцогов и королей
По воле жалует своей:
Тот в Кремль вас русский созывает.
Россия наша! Мир весь знает…
Вы герцоги Московских стран;
В награду вам — весь Север дан!
По воле, мною вам врученной,
Россией правьте и Москвой;
А я — чтоб быть царем Вселенной,
Я должен поспешить домой.
Я кончил все; не выдавайте!
Россия ваша! Управляйте!»

Все маршалы, остолбенев,
Поглядывают друг на друга;
В волнении, в смятенье духа,
Ни слова вымолвить не смев,
Стоят, как будто истуканы.
Ней[9] быстроногий, дерзкий, рьяный,
Из *Богородска* прибежав,
И напролет всю ночь не спав,
Чуть может на ногах держаться[10].
Гвардейский генерал *Мортье*[11]
Язык свой закусил зубами;

И наконец хитрец *Бертье*[12]
Речь начал хитрыми словами:
«Великий из великих всех!
Твои деянья все — успех!
Ты наш владыка, наш создатель;
Как мрак ночной мы без тебя:
Нет! Не лишай ты нас себя!
Коль мы Россию победили,
Не мы, не мы то учинили;
Твое всеведенье одно
Дела бессмертны совершает,
Победою повелевает;
Тебе в управу все дано.
Мы без тебя оцепенеем;
Здесь быть — минуты не посмеем;
Твоим мы движемся умом.
Ты нас привел; ты вывесть можешь;
Шагнешь! Россию уничтожишь!
Куда велишь — туда пойдем!»

Сквозь лесть и хитрости приправы
Смекнул Наполеон лукавый,
Что друг его *Бертье* хитрит
И что нашла коса на камень.
Властительский сдержав свой пламень,
Он начал просто говорить:
«Ведь мы давно друг друга знаем;
На что же нам слова терять?
Друзья! Нам нечего зевать.
Итак, оставя лишни лясы,
Скажу вам: *надо восвояси*
Кой-как отсюда поспешать.
Поход мы в *Индию* отложим,
А быстроту свою умножим,
Чтоб быть в *Париже* поскорей.
Приходит нам не до затей!
Оденьтесь-ка вы потеплее,
И чтоб убраться повернее,
Друзья! Вот что придумал я:
Особа будет где моя,
И вы туда все поспешайте;
О войске же не помышляйте.
Как думать нам о пустяках!

Мы только б были на ногах!
Все ж прочее — пустое дело.
Людей бросайте, пушки смело,
Не затрудняйтеся ни в чем.
Когда себя мы сбережем,
Все будет! Мы французов знаем;
Вновь сброд и сволочь нахватаем!..
Итак мы выступим — уйдем!»

Взор Маршалов всех прояснился;
В Кремле их голос повторился:
«Мы за властителем своим
Все побежим, все побежим!»

Село Старорусино

XLIII

НАДПИСЬ К ПОБЕДАМ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ М. Л. КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Идет… гремит… разит!.. Пред ним и смерть и слава!
Там ужас с трепетом, куда подвигся он!
Дрожит пред ним весь свет и каждая держава! —
Но кто? — Се мнимый бог, тиран *Наполеон*,
Полсвета собрано в его несчетно войско,
И с ним орудия свои отправил ад,
Россию низложил чтобы сей супостат.

Но крепкий в бранях сам воздвиг чело геройско…
Сей крепкий, что всегда с победой дружен был,
Который множество сил вражьих низложил —
Кутузов с россами сего не устрашился.
Бог с нами! Рек герой; с Его щитом идем!
Любовь к Отечеству, предыдет вера в нем.
Пошел — враг пал, сражен, погиб и посрамился;
Ему Россия — гроб; тебе же честь, герой!
С ним каждый росс хвалу Всевышнему воспой!

В… Л…

XLIV

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

I

Кому подобен он? — Тому, Мамай кем пал[1],
Тому, кем Карл сражен[2], рассеян, не восстал;
Се вновь что россов спас от гибели и стона,
Который низложил врага Наполеона.

В… Л…

II

Восстань, Суворов! — Зри сотрудника побед,
Которого любил: се в твой вступил он след.
Без зависти взирай его на подвиг славы —
Ты с ним спасал царей; спасает он державы!
В два месяца сармат тобою покорен[3];
В три месяца и им галл гордый низложен!
К геройству духом ты своим его направил,
И в нем как бы себя россиянам оставил,
Тирана чтоб попрать с несчетной ратью всей,
Воздвигнуть росский рог и горы из трофей!

В. Левшин

XLV

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда! —
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Их на смерть впустил туда.

Вспомним, братцы, что поляки[1]
Встарь бывали также в ней;
Но не жирны кулебаки —
Ели кошек и мышей.

Напоследок мертвечину
Земляков пришлось им жрать(*),
А потом пред русским спину
В крюк по-польски изгибать.

Свету целому известно,
Как платили мы долги;
И теперь получат честно
За Москву платеж враги.

Побывать в столице — слава,
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то *Варшава*[2],
И *Париж* то будет знать!

Ив. Кованько

(*) Истина историческая, что поляки во время освобождения Москвы сынами Отечества под предводительством князя Пожарского, доведены были до сей жестокой крайности.

XLVI

ПЕСНЯ К РУССКИМ ВОИНАМ, НАПИСАННАЯ ОТСТАВНЫМ ИЗ ФАНАГОРИЙСКОГО ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКУ СОЛДАТОМ НИКАНОРОМ ОСТАФЬЕВЫМ. ИЮЛЯ ДНЯ, 1812

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага
И Вселенной докажите,
Сколько Русь вам дорога!

Посмотрите, подступает
К вам соломенный народ;
Бонапарте выпускает
Разных наций хилый сброд.
Не в одной они все вере,
С принужденьем все идут;
При чувствительной потере
На него же нападут(*).

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага
И Вселенной докажите,
Сколько Русь вам дорога!

Всем наверно дал он слово,
Что далеко к нам зайдет;
Знает, дома нездорово,
Дома также пропадет,
Мыслит: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Так от русского народа
Мне и смерть честней принять.

Братцы! Грудью послужите,
Гряньте бодро на врага,
И Вселенной докажите
Сколько Русь вам дорога!

(*) Истина сих слов сбылась в 1815 году. *Изд.*[1]

Вся Европа ожидает
Сей погибели его;
Бонапарта почитает
За злодея своего.
Ах! Когда слух разнесется,
Что от нас сей враг исчез,
Слава русских вознесется
До превыспренних небес!

Вологда

XLVII

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Ночь темна была и не месячна,
Рать скучна была и не радостна;
Все солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдат слезы градом сыпались[1].
Не люта змея, кровожадная,
Грудь сосала их богатырскую[2],
Что тоска грызла ретивы сердца,
Ретивы сердца молодецкие,
Не отцов родных оплакивали,
И не жен младых, и не детушек,
Как оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартием[3].
Тут как вдруг они встрепенулися,
Словно вихрь — орлы взор окинули
Во все стороны и воскликнули[4]
Все в один голос, как в злату трубу:
«Молодцы братцы, удалы друзья,
Неизменные чада русские!
Что дадим, братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную,
Чтоб не взвидеть нам и домов своих,
Ни отцов родных, ни младых нам жен,
Малых детушек, роду-племени,
Ни самой души красной девицы,
Не побив силы Бонапартовой,
Не отмстив врагу за родну Москву![5]
Отсечем ему мы возвратный путь,
И мы примемся по-старинному[6],
По старинному, по-суворовски;
Закричим: ура! И пойдем вперед;
На штыках пройдем силы вражие;
Перебьем мы их, переколем всех;
Кто пяток убьет, кто десяточек,
А лютый боец до пятнадцати.

Не дадим, друзья, люта промаху[7];
Постараемся все, ребятушки,
Чтобы сам *злодей* на штыке погиб,
Чтоб вся рать его здесь костьми легла,
Ни одна б душа иноверная
Не пришла назад в свою сторону;
А народы все матерой земли,
Чтоб поведали, каково идти[8]
Со оружием во святую Русь.
И тогда, братцы, закричим, друзья:
Еще дай, Боже! Сто лет царствовать
АЛЕКСАНДРУ царю на белом свете!»[9]

Николай Ильин

XLVIII

АВАНГАРДНАЯ ПЕСНЯ. СОЧИНЕНА ВО ВРЕМЯ КОМАНДОВАНИЯ АВАНГАРДОМ ГЛАВНОЙ АРМИИ ГРАФОМ МИХАЙЛОМ АНДРЕЕВИЧЕМ МИЛОРАДОВИЧЕМ[1], В БУНЦЛАУ, МАРТА 16, 1813

(НА ГОЛОС: ВЕСЕЛЯСЯ В ЧИСТОМ ПОЛЕ)

Скоро зов послышим к бою
И пойдем опять вперед;
Милорадович с собою
Нас к победам поведет!

Над дунайскими брегами
Слава дел его гремит[2];
Где ни встретится с врагами,
Вступит в бой, врагов разит.

Вязьма, Красный, Ней разбитый[3]
Будут век греметь у нас;
Лавром меч его обвитый
Бухарест от бедствий спас.

Чтоб лететь в огни, в сраженье,
И стяжать побед венец,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полков и вождь сердец!

Друг солдат! Служить с тобою
Все желанием горят,
И к трудам готовясь, к бою,
Общим гласом говорят:

«Милорадович где с нами,
Лавр повсюду там цветет;
С верой, с ним и со штыками
Русский строй весь свет пройдет!»

В главной квартире российской армии

XLIX

КУБРЕ.
1812 ГОДА

Кубра! Ты прежде поселяла[1]
Мне в мысль отрадные мечты
И на брегах своих являла
Луга, душистые цветы;
Прияв вид грозна Ахерона[2],
Ты днесь вина печали, стона.
Прощай спокойство, мир, любовь!
Ты, окруженная войною,
Грозишь смешать с своей волною
Родных и ненавистных кровь.

Мать, сердцу многих вожделенна[(*)3],
Что храм пеклась твой украшать,
Чья в долгий век рука смиренна
Навыкла бедным помогать,
Днесь отягченная летами,
Недугом лютым и бедами,
Взглянув на твой уныло мыс
И окрест на места высоки,
Скрывается в леса глубоки,
Оставя милый кипарис.

Кого печальна колесница
Кубры являет на брегах?
Се та Суворова десница,
Чей гром на Альпа высотах
В концы Вселенной раздавался!
Се тот, кто ныне подвизался
Врага надменного карать!
Се сын, Отечеству любезный,
Багратион, свой век полезный
Приходит близ Кубры кончать[(**)4].

(*) Смотри Лирические творения графа Хвостова, пребывание его семейства в селе Слободке на реке Кубре. Там покоится прах родителя его. Оттоле удрученная летами и болезнями мать его отправилася, при вступлении злодея в Москву, искать себе спасения. — *Примеч. соч.*

(**) Князь Петр Иванович Багратион, которого Суворов называл правою своею рукою, скончался в Симе, селе родственника его, князя Бориса Андреевича Голицына, неподалеку от Кубры и Слободки. — *Примеч. соч.*

Река, мной к славе приученна,
Теки, как прежде ты текла!
Но коль, войною возмущенна,
Желаешь быть причиной зла,
Стигия хладного струями[5]
Клубись пред лютыми врагами,
Будь им рекою роковой!
Дерзай! ненасытиму врану
Внеси глубоку в сердце рану
И гнусный труп в волнах сокрой!

L

СТАНСЫ

Первопрестольная столица,
Москва! Любезный россам град!
Ты в сердце рану получила,
Но духом выше вознеслась!

Враг мог потрясть Кремлевски стены;
Главы ж твоей не преклонил.
Гордись пред Веной, пред Берлином,
Подав Европе всей пример.

Он шел давать тебе законы,
Брать дани, россов покорять;
Повсюду он встречал преграды,
Повсюду смертью был грозим.

Увидев ясно неудачу
В коварных замыслах своих,
И духа русского он твердость
Не в силах быв преодолеть,

Как тигр, он злобой распалился,
Пределов оной не познал;
И ад в душе своей вмещая,
Извергнул оной внутрь земли.

Но Бог чудесною десницей
Перуны ада удержал,
Злодейство извергов открылось,
И храмы явно спасены! —

Гордись, Москва, и веселися,
Ликуй, угодный Богу град!
В церквах куритесь фимиамы,
Да воспоем Царя царей!

Велик наш Бог, защитник правды,
И славны русские цари,
Народ же тверд, единодушен —
Россия будет век славна!

На что чужие нам примеры?
Славяне славны по себе!
Испанцев дух ничто пред нашим[1];
Любовь к Отчизне в нас сильней!

Мы ею снова воспылали:
Прославься, АЛЕКСАНДР, вовек!
Умрем иль истребим злодея!
Гласят Отечества сыны.

А ты, Москва, утешься ныне
И новым светом озарись!
Сердечны проливаем слезы,
Узрев мы скорбную тебя.

Но скоро будешь исцеленна
От ран глубоких ты своих;
Твой царь промолвит только слово:
«Да будет град!» — И бысть Москва!

Москвитянка

LI

СТИХИ НА КОНЧИНУ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Како паде сильный, спасая Израиля!..[1]

Пал, россы! Вождь победоносный,
Великий верой и душой!
Ослабли мышцы громоносны,
Сомкнулся взор, покрылся мглой!..
Как пал сей сильный победитель?
Как пал России защититель?
Уже ль врагом он низложен?
Враг прогнанный не смел являться;
Спешил от мест тех укрываться,
Где был великий поражен.

Но вождь в сиянье, в блеске славы,
Был смертный!.. И во гробе он!
Сколь дивны Вышнего уставы!
Смерть там — где менее препон…
Вождь пал тогда, когда Россия
Низвергла нового *Батыя*[2];
Сын верный пал, а жив злодей!
Господь! Роптать мы не дерзаем!
Но… мы героя вспоминаем,
И слезы льются из очей.

Он спас Отечество от бедства,
Под кров родной он возвратил
Рассеянны врагом семейства,
Себя — для нас он не щадил.
Преклонных дней забывши бремя,
Трудам свое последне время,
Трудам неслыханным обрек.
Врагу, в злодействе утвержденну,
Коварству адом наученну,
К злодейству он пути пресек.

Спаслась Россия!.. Он во гробе!..
Нет! Не во гробе — в небесах!

На казнь оставлена жизнь злобе,
Зреть стыд, свое бессилье, страх.
А ты, вождь сильный и великий!
Ты там, где радостные лики
Великих верой предстоят…
Ты там, где правда лишь едина!
Пожарский, Петр, Екатерина,
О русский вождь! К тебе спешат.

Ты с ними! И живешь ты с нами;
Ты верою живешь своей,
Живешь великими делами;
Твой гроб — начало новых дней!
Доколе солнце не затмится,
И сердце русских будет биться,
Не будешь россами забвен!
И с нами прочие народы
Рекут, дар возвратя свободы:
«Им путь нам к счастью проложен».

Не пал Израиля спасавший;
Жив будет в новых он вождях:
Бог, славою его венчавший,
Еще в израильских полках.
Едва злодей дерзнул вновь к бою,
Сражен!.. Умершему герою
Так честь герои воздают!
Врагам к стыду, врагам на бедство,
Великих дел прияв наследство,
Герои следом их пойдут.

А если б Бог, душ испытатель,
Премену в счастии послал,
Что и тогда, Бог, зла каратель,
Ты, вождь нам русский, показал.
Когда Россия вся стонала,
Столица древня умирала:
Ты верой сердце утверждал.
Бог наградил тебя за твердость;
Уничижил злодейства дерзость,
И верой ты бессмертен стал.

Сергей Глинка

LII

СТИХИ
В ПАМЯТЬ КНЯЗЮ КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

Где ты теперь, герой, России избавитель!
Вождь грозных наших сил,
Каратель гордости и буйства низложитель!
Уже ты в горняя по славе воспарил! —
Знать мал тебе предел,
И тесен круг для дел
На сей земле скудельной?
Ты воспарил туда, где жребий неизменной…
Я слышал ярый гром, который ты метал
На пораженье орд кичливых;
И видел, как ты истреблял
Врагов тьмы горделивых!
Как Богом ты ниспосланный с небес
Для россов на спасенье,
Нам благодать с собой принес;
Врагам же — сокрушенье!
Как стер ты их с земли российской
И гибель им вконец послал;
Как в славе исполинской
Среди венчанных восседал!
Но подвиг совершив в потомстве незабвенный,
Великий дух твой возлетел
Стяжать себе венец бессмертья неизменный!
Туда — где смертным всем предел! —
Пари, великий муж! В небесное селенье,
Отколе бытие твое проистекло;
Но зри и от небес всех россов сокрушенье!
Отечество тебя бессмертным нарекло;
Европа о тебе моленья воссылает,
Что ты ей рабства цепь расторг,
И в удивленье восклицает:
«Велик и славен русский Бог!»
Лишь галл один порабощенный,
Гнетомый изверга пятой,
Коснуться не дерзнет священной
Земли, где прах почиет твой!
О! Будь же нам ты ангел покровитель

Во всех напастях и бедах!
Да дух твой, скорбных утешитель,
Врагам наносит зельный страх!
Летай всегда в волнах воздушных
С хоругвью веры на битвах,
Средь россов храбрых и послушных;
Противных им — рассей как прах!
Когда же мир к нам водворится,
Престанет бранный гром звучать,
То жертв усердных воскурится
К тебе на небо аромат!

И… Н. ч…в
Воронеж

LIII

ШАМАНСТВО

Вчера, когда заря вспорхнула,
Звездами небо облеклось,
На дне морская тварь уснула,
В брегах шаманство началось;
По пламю, с стуком барабана,
Бурят скакал со звуком струн,
В руке с ногою от *ямана*[1],
Шаманил час войны колдун —
С нахмуренным челом, бровями,
Ужасный взор вокруг метал;
То кровью полными глазами
Он быстро в пламя упирал.
С лицом, как смерть, в луне багровым
Пускал он вопль на небеса
И страшным голосом суровым
Ревел и рвал себе власа,
Стоявшие во страхе дыбом, —
Зубами скрежетал на всех.
Потом, стремясь с ужасным видом,
С подъятыми руками вверх,
К стране, где камень, ими чтимый,
В водах Байкала погружен,
Вопит — и ужасом разимый,
Ответ как будто слышит он;
И в ту минуту исступленья,
Простря свой взор ко небесам,
Зря ужас жданного явленья,
Как в ветер лист, трясется сам.
«Погибнет!» — Прыгая, вещает:
«Погибнет галл! Исчезнет стон,
Врагов геенна поглощает,
Колеблется их с скиптром трон!
Там слезный ток в полях струится,
Громады вражьих тел, костей!
Чрез них поток кровавый мчится,
И блещут тысячи мечей! —
Геройство россов наградится,
Исчезнет лживый галлов дух!

Полсвета россам покорится!
Погибнет галл, как в бурях пух».
Погибнет! — Ветр из щелей с воем
Погибель галла возвещал —
Колеблет буря грозным морем;
Шум волн ревет: *погибнет галл!*

П. С…в
С. Петербург

LIV

ПЕСНЬ БОГАТЫРЯМ РУССКИМ

Слава вам, герои Севера!
И вам, храбрые солдатушки!
Подшутили над врагом своим,
Врагом веры православныя,
Подшутили — и потешились.
Скрепив сердце молодецкое,
Присмирели, приутихли вы,
Будто, будто и не видите
Всех затей его неистовых;
Будто, будто и не слышите
Стуку грозного цепей его,
Кои нес для вашей родины,
Для России — и для вас самих.
Вы вступить ему дозволили
В царство русское, в престольный град;
Вы дозволили занять Москву[1].
Все народы изумилися;
Легковерные подумали:
Умерла Россия славная!
Из них добрые поплакали,
Вспомня, сколь для всех добра была!

Начался грабеж неслыханный,
Загорелись кровы мирные,
Запылали храмы Божии,
Полилися слезы горькие
У старушки каменной Москвы.
Где вы, где мои родимые?
Начала так вопиять она:
Куда, други, разлетелися,
Соколы, орлы могучие?
Вы парили выше облака,
А теперя и в виду вас нет!
Как цвела я, красовалася,
Вы слеталися со всех сторон;
Вас кормила, вас поила я!
Веселила и покоила;
Было солнце — были вы со мной,
Настал черный день — покинули!

Иль сробели? — За неробких Бог!
Соколы, орлы тут вскликнули
Богатырским громким голосом:
«Не тужи ты, мать родимая,
Не печалься, не горюй, Москва!
Скоро славу поновим твою —
Будет время, будешь выше всех!
Позавидуют сынам твоим!
Уж не долго горевать тебе,
А врагу не долго тешиться;
Всех рабов его бесчисленных
Мы отправим во сыру землю,
Сказать нашим дедам, прадедам,
Что дела их у нас в памяти,
Что мы также любим родину!..»
Как воскликнули, так и сделали
Соколы, орлы могучие;
Как снопы, враги попадали.
Слава вам, герои Севера!
И вам, храбрые солдатушки!
Велик Бог российский на небе,
АЛЕКСАНДР велик на сей земле!

В. Колосов

LV

ЖЕРТВА ХРАБРЫМ РОССИЯНАМ, ПРИНОСИМАЯ ОТ СООТЕЧЕСТВЕННИКА ИХ, НЕКОГДА СЛУЖИВШЕГО НА ПОЛЕ БРАНИ

О россы! Чада вечной славы!
Оплоты твердые царей!
Столпы великия державы,
Защитники Европы всей!
Не вам ли ныне свет дивится?
Не вам ли фимиам курится
От искренних везде сердец?
Не вы ли твердой грудью стали,
Отечество от бед спасали,
Державу, скипетр и венец?

О россы! Кто толико славен?
Кому дивился столько свет?
В геройстве вам никто не равен,
И в мире вам примера нет!
Текли вы все единодушно,
Усердно, пламенно, послушно
На глас любезного царя.
Вы крепкой грудью вдруг сомкнулись,
Врагов своих не ужаснулись;
Настала кроволитна пря!

Покрылось небо облаками;
Скопились тучи!.. Сильный враг
С несметными пришел полками,
И каждый в бешенстве свой шаг
Следил кровавою браздою
И пламя разливал рекою.
Побитый россом — шел вперед[1].
И что ж? Узря верхи златыя,
Вскипела кровь в груди *Батыя*;
В Москву он с лютостью идет[2].

Безбожный вождь и враг коварный
Грозил нас счастия лишить
И свет России лучезарный
Тьмой вечною хотел покрыть.

Батый, пылая злобой адской
Задумал подвиг сей гигантской
Как дело легкое свершить,
И враг сей злобный христианства,
Звуча цепьми поносна рабства,
Возмнил Россию покорить!

Батый, идя путем Аттилы,
Тираном сделался людей.
Но где его девались силы? —
Все стали пищею червей.
Но где *Батый новорожденный?*
Где факел, лютостью возженный?
Еще ли он в Москве горит?
Еще ль, изрыгнутый из ада,
Живет среди престольна града
И зло ужасное творит?

Еще ли злоба торжествует,
Возникшая из мрака вдруг?
Гордится, высится, ликует
Среди своих достойных слуг?
Еще ли кажет враг притворство,
Питая в сердце вероломство —
Погибель целыя страны?..
Исчезли казни, миновались;
Следы лишь лютости остались,
Следы деяний сатаны.

Москва! К тебе я обращаюсь!
Среди развалин содрогаюсь;
Но пепел я лобзаю твой.
Ты чашу горькую вкусила,
Но тем Россию искупила,
Как мать нежнейшая, собой!..
Надменный враг хотел в пустыню
Тебя и царство обратить;
Попрать желал твою святыню
И нравы русских развратить.

Когда ты в пламени пылала,
Когда и Кремль в плену стонал[3],
Ты всех на жалость преклоняла,

И всякий по тебе рыдал.
Во всей подсолнечной народы
Последний день своей свободы
В твоих все заревах почли(*).
Злодеи ж радостно взирали
И твердо в мыслях уповали
Зреть гибель русския земли[4].

Сам враг надменный утешался
Среди унылого Кремля;
В палатах царских любовался,
На пламя хладнокровно зря.
Свирепствуя в Москве ужасно,
Искал он средства ежечасно,
Чтоб ад во злобе превзойти.
Нашел — на том остановился;
Против всего вооружился
И с Небом прю хотел вести.

Главу, исполненну химеры[6],
Щитом безверия покрыл,
И не имея в сердце веры[7],
Он храмы Божьи разорил,
Святыней попускал ругаться
И вздумал наконец сравняться,
По дерзкой мысли, с Божеством.
Мечтал он обладать Вселенной
И с сею мыслью дерзновенной
Вошел в Москву, напитан злом[8].

Самим водимый сатаною,
Повсюду хищный взор вращал;
Едва ль не собственной рукою
Во храмах злато похищал.
Творил злодейства с палачами;
Велел кровавыми мечами
Сынов Отечества казнить…
Они пред сильным не робели,
Служить тирану не хотели,
Желая лучше смерть вкусить[9].

(*) Слова высочайшего манифеста ноября 3 дня 1812 года[5].

Имея в сердце Бога славы,
Храня к Отечеству любовь,
Не страшны им мечи кровавы,
Не дорога своя им кровь.
Тут каждый твердым оставался,
Без страха смерти дожидался,
Лишь милость Божью призывал.
Чреду увидев, шел спокойно,
Без жалоб, вздохов, добровольно
С крестом главу на плаху клал(*).

О жертва злобы и тиранства,
Достойная хвалы и слез!
О дети веры, христианства,
Ликующи среди небес!
Не кровь ли ваша возопила,
На милость Бога преклонила,
И Он спасенье нам послал?
Россия снова ободрилась,
Лучом надежды осветилась,
А страх злодеев обуял.

Так, ваша кровь и кровь героев,
Усердных Отчества детей,
Пролитая средь жарких боев,
Услышана Царем царей!
Так Бог на россов обратился[11],
И в АЛЕКСАНДРЕ ополчился
Против великих вражьих сил!
Его угодно воле было,
Чтоб счастье россов озарило —
И к нам ниспослан Михаил![12]

Сыны России грудь открыли,
Пошли на тысячи смертей.
Пошли, ударили, сразили!
И где напыщенный злодей?
Где враг и веры и закона?
Где сильна рать полмиллиона,
Вступившая с Россией в бой?
Где кони их и колесницы?

(*) См. журнал: Сын Отечества, 1812, № VI, стр. 262[10].

Где зажигатели столицы?..
Лежат под нашею пятой!

Мечи геройски засверкали,
Раздался треск во облаках!
Везде злодеев поражали,
Повсюду наносили страх.
И се достойны им награды!
Деревни наши, селы, грады
Набиты пленными людьми;
Луга все кровию облиты[13];
Дороги пушками покрыты;
Поля усеяны костьми!

Восторг и радость несказанна![14]
России сам помощник Бог!
Стонает гордость, Им попранна,
И стерт врага кичливый рог.
Уж нет ни лютости, ни злобы;
Враги нашли в России гробы.
Среди полей, долин, в лесах
Погибла память нечестивых,
Коварных, лютых, горделивых,
И ветер их развеял прах!

Се блеск величия и славы,
Чем высился Наполеон!
Се замыслы его лукавы,
Какими веселился он!
Лице его стыдом покрылось,
И ныне то над ним свершилось,
Чем с адской злобой нам грозил[15].
Смоленский князь с мечом явился,
За *Веру*, за *царя* сразился…
И силу вражью истребил[16].

О, вождь всехвальный, знаменитый!
Отечества почтенный сын!
Обильно лаврами покрытый!
Славяно-росский исполин!
Тебе Вселенная дивится;
Тобой Россия вся гордится;
Ты ангел наш, не человек.
Твое да будет имя чтимо,

Из уст в уста переходимо
Из рода в род, из века в век!

А вы, сподвижники героя!
Когда приспеет брани час,
Мужайтесь вновь во время боя,
И с вами царь, и Бог по вас!
За притесненных вы вступитесь,
Единодушьем укрепитесь,
Просите помощи Творца!
К победам, к почестям идите!
А между тем, друзья! Примите
И дань безвестного певца.

Кн. Ник. Кугушев

LVI

СТИХИ ГРАФУ ВИТГЕНШТЕЙНУ НА ОДЕРЖАННЫЕ ИМ НАД ФРАНЦУЗАМИ ПОБЕДЫ

Бессмертным лавром осененный
Герой полнощныя страны,
Лучами славы озаренный,
Средь бурь, средь ужасов войны,
На дерзких галлов гром бросая,
От бед Отечество спасая,
Внемля признательности глас,
О, Витгенштейн непобедимый!
О, вождь, в трудах неутомимый!
К тебе Россия всякий час,
Надежд исполнена, взывает,
Сердечных чувствий дань несет,
Твои победы прославляет,
Тебя спасителем зовет.
Рази врага, — и не восстанет,
Кровавы токи лить престанет.
Где меч в руке твоей блеснет,
Там сонмы дерзких расточатся,
Тобою в бегство обратятся,
Их ков разрушится, падет.
Прими взамен венца лаврова,
Бессмертный Севера герой!
От сердца чистого, простого,
Прими сей стих, сотканный мной.
С моею лирой тихозвучной,
Но с истиною неразлучной,
Я душу сопрягла свою;
Любя Отечество драгое,
Мне место милое, родное,
Его защитника пою.

А. Волкова

LVII

НА ПРИСЯГУ ИСПАНЦЕВ В САРСКОМ СЕЛЕ

Стремленье ревностно рождая друг во друге,
Готовая средь бед лить собственную кровь,
Пылай во всех сердцах к Отечеству любовь!
Средь Норда солнце ты, зарею быв на Юге.

Предубеждением увенчанный кумир
Зрит мраками покрыт перед собой эфир.
Испанцы прежде всех его презрели злобу [1];
Но россов грянул гром — он близок стал ко гробу!

Тиран! пред тобой уже умолкла лесть,
Отверсты пропасти, близка кровава месть:
Враги твои земля, и небеса, и воды.
Страшися правды стрел, страшилище Природы!

Средь Норда окрилясь, испанцы в Юг текут —
Пред ними ужасы и страх, и смерть идут;
Спешат питающи высокий дух и рвенье
Свершить в сей славный день Отечества спасенье;
Священны имена прияв себе в завет,
Пред Фердинандов трон несут сердца в обет [2].

Гр. Хвостов

LVIII

ХОР
(ДЛЯ ПОЛЬСКОГО)
НА НОВЫЙ 1813 ГОД, НАЧАВШИЙСЯ ПОД ЗВУКАМИ СЛАВЫ ПОБЕДОНОСНЫХ РОССИЯН

Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им.
Давид[1]

Год преславный, возрожденный
Под венцами россиян!
Счастьем будь сопровожденный
Громких верностью племян!
Хор Вселенной, трубы славы,
Разносите похвалу
Гению-Царю Державы,
Самодержецу орлу!

Протекая скоротечно,
Кончись год, как начался;
Возрождайся бесконечно,
Как ты ныне родился.
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

От сарыни[2] лютой, гладкой
Росс очистил свой предел;
Ветр унес и запах смрадный
На Секвану[3] падших тел.
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Чести он храня уставы,
Всю Европу превозмог;
Доказал на поле славы,
Что лишь росс… есть, брани Бог.
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Чем тиран насытил душу?
Что пожал с злодейских нив?
Обагря кровями сушу,
Пал… исчез, как злочестив!
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

А тирану хвальны хоры
И трофеи от людей
Будь проклятие и горы
Человеческих костей!
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Ты же, дщерь старейша царства,
Градов Северных глава!
Скорбь забыв, на зло коварства
Обновись красней, Москва!
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро матерь нашу зрящу
В сердце язвы роком бед,
Мы узрим, как день, блестящу
Обелисками побед.
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Скоро сверх венцов лавровых
Ветвия олив узрим,
А в Москве средь зданий новых
С счастьем, славой… древний Рим.
Хор Вселенной, трубы славы, и пр.

Но уже отвсюду плески
Раздалися в честь Ему!
От венцов бессмертных блески
Светят миру уж всему.
Хор Вселенной, трубы славы,
Разносите похвалу
Гению-Царю Державы,
Самодержецу орлу!

Н. Николев

LIX

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ ПРИ ИЗВЕСТИИ О КОНЧИНЕ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

Гул страшный в воздухе несется!
У воинов и плач и стон!
Из ряду в ряд передается:
«Ты мертв, ты мертв, Багратион!
Воспитанник Екатерины!
Герой, который росский дух
Хранил до самыя кончины!
О, светоч наш! Ты днесь потух!

С тобой мы царства прелетали,
Ты наш везде предтеча был,
С тобой всегда мы побеждали,
Коль ты препон не находил
Оказывать свое геройство!
О, вождь, преславный из вождей!
Гнать супостатов — было свойство
Отличное руки твоей.

Увы! Расстались мы с тобою!
Так смерть предел дает всему!
Сраженный пулей роковою,
Ты пал — мир праху твоему!»
Вопль сими прекратив словами,
Безмолвьем ужас придают;
На дула преклонясь главами,
Лишь ток сердечных слез лиют.

Так! Плачьте! Он сего достоин.
Он был России верный сын:
На поле брани храбрый воин,
В дни мира истый гражданин.
Об нем и зависть, мать раздоров,
Хулы не смела произнесть;
Его любил и чтил Суворов…
Какой венец ему соплесть?

О муж, на лаврах опочивый,
Бессмертия вошедший в храм!
Внемли россиян глас тоскливый,
Взносимый ныне к небесам:
Да тень твоя в часы сражений
Появится средь облаков,
Да будет крепости нам гений
И ужас вражиих полков!

Да посрамится супротивник,
Что бурю брани к нам несет!
Господь всегда наш был защитник,
Накажет Он, и Он спасет:
Терпенье наше испытавши,
Сотрет злодеев наших рог;
И мы, веселый вид принявши,
Воскликнем громко: с нами Бог!

Николай Остолопов

LX

МОЯ МОЛИТВА

Сбылось предчувствие мое!
Сбылось — Россия торжествует!
Воззрел Всевышний на нее,
И паки милость ей дарует!
Уже возникшие на нас,
Погибли сонмы супостатов!
Их вождь, никем непобедимый,
Бежал от русского меча!

О, Ты, Творец и Судия
Царей, народов и Вселенной!
К Тебе стремится мысль моя
И глас, с душою умиленной!
Великий! Ты Россию спас!
Твоя десница всеблагая
От бездны зол ее отторгла
И в славе днесь превознесла.

Продлив над нею благодать,
Ты испытал ее терпенье —
На нас дерзающим восстать
Пошли и кротость и смиренье!
Их дерзость только им вредна,
А нам — число побед умножит.
Да процветет у них спокойство;
Мы братий зрим и во врагах.

Продли, Всесильный, благодать!
Да счастливо жить будем в мире,
Сердцами станем обожать
Нам данна Ангела в порфире!
Да зря на нас, познает свет,
Сколь та страна благополучна,
Где царь любим своим народом,
И где народ любим царем!

Н. Остолопов
18 Января 1813

LXI

НА СОВЕРШЕННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ВОЙСК В ПРЕДЕЛАХ РОССИИ

(ПОДРАЖАНИЕ 78 ПСАЛМУ)[1]

Исчадие вражды, крамолы,
Виновник зла, несметных бед,
Потрясший алтари, престолы,
Следивший кровию свой след —
Ниспал — и в прахе пресмыкает,
Сознавый собственный свой студ!
Так Бог противных низлагает,
Метет их ум и рушит суд.

Господень гром со тверди грянул,
Гордыни сокрушился рог;
Но мы, хотя б весь ад воспрянул,
Не устрашимся… россы! С вами Бог![2]
Так праведны пути надежны,
Надежен так Господень щит;
Злодею казни неизбежны:
Всевышний мстит!..[3]

Так буйные против Сиона
Восстали в бешенстве своем;
Ругались святостью закона,
Все рушили огнем, мечом.
«Где Бог есть ваш?», — они взывали.
Не мнили мщения себе;
Егда ж заутра повстречали —
И се не бе!..

А ты, народ благословенный,
Возвеселись душою всей!
Поведай ты в концы Вселенны,
Сколь дивен Бог страны твоей!..
Десница Вышнего явила,
Сколь в брани ты врага премог:
Их слава — стыд, их трупы — сила…
На зачинающего Бог!

Писарев

LXII

ЧУВСТВОВАНИЯ РУССКОГО В КРЕМЛЕ

Ограда святости, Кремля высоки стены![1]
О, вы, безмолвные свидетели веков!
Не сокрушились вы от злобы и измены,
Не устрашилися неистовых врагов.

Упадших зданий, стен ужасная громада
Не торжество для злых — но вечный будет стыд.
Могила хладная для них была награда;
Побег несчетных сил… небесна мщенья вид.

Потомки Рюрика! В вас то же сердце[2],
Которое в полях *Донского* вознесло —
И доблесть *Невского* не с кровью ли в вас льется?
Отечество… оно во брани вас влекло.

В том силен сердца глас, тот истинный лишь воин,
Кто изощряет меч за Бога, за царя;
Но буйный враг всех прав — сей чести недостоин[3],
Ко наглой хищности лишь алчностью горя.

От сокрушения спасенны Божьи храмы
Чудесных, вышних сил являют нам покров.
Моления сердец, как чисты фимиамы,
Еще возносятся превыше всех миров.

Царевой кротостью Россия ополченна,
Рекла: — и от сих мест сокрылся Юлиан[4].
Падением его да ведает Вселенна,
Доколе в русском Бог — он всех властитель стран.

Прохожий, стой! Воззри с сыновнею любовью
На тьму несчетных жерл, отбитых у врагов;
Воззри и на весь град: все куплено лишь кровью
Бессмертных, доблестных Отечества сынов.

Не слезы горести, не слезы побежденных,
Но слезы пламенны признательных сердец
Прольем в развалинах сих зданий разрушенных;
Там все вещает нам: здесь буйству был конец!

Освободя народ от сонмища неверных,
За целость чуждых прав царь россов меч извлек.
Славнейшее из дел в Его делах примерных,
Он, славой окружен, полкам гордыни рек:

«Или достойный мир, народам всем свобода;
Иль непрерывная кровавая война!
Скорее вечный хлад пошлет в наш край Природа[5],
Но, да не снидет к нам постыдна тишина».

Он рек: и *Бауцен* и *Люцен* встрепетали[6].
Царь Севера[7] в полях сам тысячи разил!
И стены Лейпцига пред доблестными пали…[8]
Впервые зрелся бой толиких грозных сил.

Пари ты к небесам, пари, орел двуглавый!
И с горней высоты к народам брося взгляд,
Перунами блеснув, вещай им с громкой славой:
«Бог с нами, АЛЕКСАНДР!.. Ничтожен галлов ад!»

Дм. Глебов

LXIII

НА СМЕРТЬ СПАСИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВА

Но, ах! Жестокая судьбина
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком;
Внушив рыданий наших слух,
Верхи Парнасски восстенали,
И Музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

Ода Ломоносова[1]

Какое скорбное виденье!
Какой ужаснейший позор!
В туманном, мрачном отдаленье,
Где солнце скрыло светлый взор,
Я зрю страну иноплеменну,
В печальну ризу обличенну;
Едва там слышно по водам
Валов унылых колебанье,
Плачевный шум дерев, вздыханье
Зефиров; — мертво все! — И там

Зрю одр, из лавров соплетенный,
На нем маститый старец спит;
Безмолвной горестью сраженный,
Героев сонм вокруг стоит; —
Главы их к персям преклоненны,
Глаза от скорби затворенны,
Мечи поверженны к ногам;
Вкруг кипарисами обвиты,
Злодейской кровию омыты,
Носящи всюду смерть врагам!

Се АЛЕКСАНДР в их круг вступает![2]
Померк свет ангельских очей:
Он взор на труп лишь обращает,
Стремится горьких слез ручей;
Тут все герои возрыдали, —

Дубравы древни застонали;
В реках вдруг волны поднялись,
Ревут, бунтуют — рвут препоны;
Их мчат свирепы Аквилоны —
С печальной вестью понеслись!

И грянуло: «Его *не стало!*
Смоленского уж боле нет!» —
И сердце в русских встрепетало;
Их стон внимая, целый свет,
Казалося, в печаль повергся[3].
Повсюду громкий глас разнесся:
«О, лютый рок! О, страшный час?[4]
Кого, несчастные! Лишились? —
Кем адски ковы сокрушились?[5]
Кто беспредельно царство спас?[6]

Кто грозного *Наполеона,*
Как вихрь слабейший прах, погнал?
Кто был Европы оборона,
И тяжки цепи разорвал?[7]
Делами кто себя причислил
К богам бессмертным — и не мыслил
О славе? — Счастья всех творец![8]
С тобою слава сочеталась
И ни на миг не разлучалась —[9]
Плела невидимо венец!»

Нет! Слава, почести и троны,
Награда слабая для тех,
Кто *миллионов* плачь и стоны
Преобратил в собор утех!
Так, нет достойных воздаяний
За тьму бессмертных сих деяний
Тебе, великий из славян! —
Сердечное лишь уваженье,
Душевное благоговенье —
Вот дань святая россиян!

Один всемощный Бог награда
Достоинств, выше всех похвал, —
Из светлого небесна града
К тебе, *Смоленский князь*, воззвал:

Бестрепетно пред Ним явился,
Ты блеском славы озарился. —[10]
Какой священный, сладкий пир!
Любовь к Создателю питаешь,
Земные блага забываешь, —

С тобой ликует горний мир!..
Сыны Отечества! Отрите
Источник горьких-сладких слез!
Коль памятник соорудите
В сердцах ему, — он не исчез!
Утештесь! С вами ваш Хранитель[11],
Бессильных щит, сирот покров; —
Сам АЛЕКСАНДР грядет с полками!
Се Витгенштейн, покрыт громами[12],
Кидает молньи на врагов!

Ап. Нестеров

LXIV

НА ПОГРЕБЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ МИХАИЛА ЛАРИОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО. ИЮНЯ 13 ДНЯ 1813

Ужасная смерть! Устремила ты жало…
И великого в воях не стало!
И в совете премудрого нет!
Увы! Преселился в безоблачный свет!

Се персть охладевшую зрим перед нами.
Мы ее не согреем слезами,
Не разбудим героя тоской!
Кутузов! Навек мы расстались с тобой!

Но имя свое ты бессмертным оставил;
Ты от бездны отторг нас, прославил,
И вселил во врагов древний страх…
Твой вечно для россов священ будет прах!

И самое время тебе покорится;
До конца всех творений промчится,
Не изгладив с могилы твоей:
«Сокрыт здесь спаситель Отчизны своей!»

Н. Остолопов

LXV

ПЕСНЬ
НА СМЕРТЬ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ
ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Какой, какой удар свершился,
Россия! Ныне над тобой? —
Колосс златой твой повалился
И все поколебал собой!
Твои победы знамениты,
Геройский дух твоих сынов,
Триумфы, лаврами покрыты,
Корысть, отъяту у врагов,
Поколебал и страх рассеял,
Которой галлы зрели в нем,
И в россах ужас он посеял
Своим паденья страшным днем![1]
Он пал — и россы ужаснулись,
Лишившись навсегда его;
Он пал — и вои содрогнулись,
Столпа не видя своего,
Столпа — на коем опирались,
Сражая гордого врага;
Столпа — кем лавры пожинались
С Москвы за эльбски берега[2].
Он пал — и гул глухой раздался,
России сердце он пронзил,
Раздавшись, зашумел — помчался —
И россов средь побед сразил!
Печальна воинов одежда;
Несется томный звук трубы:
О, росс! Где, где твоя надежда?
Увы! Разрушили судьбы[3].
Уже надменный враг вступает
В пределы россов наконец;
Уже к сынам своим взывает
Чадолюбивейший отец;
Уже в Россию сам явился
Престолов хищник, не герой;
И росс не раз с врагом сразился,
Не раз имел с ним страшный бой.
Уж галлов полчища ужасны

С полсвета собраны идут;
Уж все усилия напрасны,
Чтоб преградить злодеям путь;
Уже потоки крови льются,
И враг победою грозит,
Хоть россы с ним как львы дерутся,
Но враг в отчаянье спешит.
Уже Смоленск — Смоленск прекрасный
Огнями адскими пылал;
Им хищник овладел ужасный,
И росс от раны сей стенал.
Казалось, не было спасенья,
И росс в отчаянье впадал;
Казалось, тщетны все моленья,
Казалось, Бог им не внимал;
Казалось, что врага разяща
Призвал во гневе сам Творец,
Чтоб им Россия, рог взносяща,
Разрушена была вконец. —
О, росс! Найдешь ли в том сомненье,
Что здесь сам Бог тебя карал? —
Он зрел разврат — и на паденье
Спокойным оком здесь взирал
Он мог тогда ж врагов заставить
Бежать назад своим путем;
Но в гневе удержал поставить
В сей раз Кутузова вождем; —
Сломив рога Луне кичливой,
Сей вождь на лаврах отдыхал,
Победой не гордясь счастливой,
Творцу моленья воссылал. —
И — вот! — Услышано моленье
Счастливого вождя сего;
Он слышит кроткое веленье
Отца-МОНАРХА своего,
Явясь тогда ж на брань кроваву
Свое Отечество спасать,
Пресечь врагов воздушну славу,
И их собою ужасать. —
Тут вождь с молитвою сердечной
Пред Богом в храм святый предстал.
Здесь внял мольбам его Превечный,
И вождь путь к славе восприял,

Летел, как Геркулес ужасный,
Столпы врагу постановить;
Но, ах! России враг опасный
Давно готов ей грудь пронзить:
Вождь зрит старание бесплодно
Столицу россов защитить,
Когда Творцу было угодно
На казнь несчастну осудить;
Он зрит — и снова не дерзает
Творца во гневе раздражать;
Врагам столицу оставляет?
Стараясь славу удержать.
Собравши россов за Москвою,
Он мудрый план здесь начертал.
Он рек: «Я твердой стал ногою!»,
И враг победу потерял. —
Здесь, здесь ему наш вождь поставил
Столпы — как новый Геркулес,
И неподвижным быть заставил,
Его расстроив замысл весь;
Все были тщетны покушенья,
Чтоб новый шаг здесь учинить;
Враг видел планов разрушенье
И далее не мог ступить.
Упорной бранию кровавой
Он был тогда же поражен;
А мудростью героя славной
Бежать с уроном принужден. —
Здесь вождь ваш, россы знамениты!
Вам славу вечную стяжал:
Не реки крови им пролиты;
Но враг с потерею бежал —
Бежал, путей не выбирая,
И россы по следам гнались;
Бежал, и полчища теряя,
Спешил лишь только сам спастись;
Бежал — и вождь ваш знаменитый
Всегда, везде его разил;
Разил — и лаврами покрытый
Триумфы россам становил. —
Какую, россы, здесь доставил
Смоленский часть для славы вам![4]
Он лавры вас собрать заставил

До Эльбских берегов — и там
Окончил жизнь свою великий[5],
Россию славой увенчав,
В триумфах средь побед толиких
Теченье громкое скончал[6];
Скончал, сражен рукою вечной
В почтенной старости своей;
Скончал — и росс слезой сердечной
Вздыхает о потере сей.

Творец! Поставь Ты вновь преграду
Злодеям хитрый строить ков,
И Витгенштейна нам в отраду
Соделай страшным для врагов![7]
Да, он защитником престолов
МОНАРХА кроткого явит,
Рассеет скоп Наполеонов,
И мир в Европе водворит!

А вы, родные безотрадны!
Слезами, горестью своей
Не оскорбляйте прах уж хладный,
Утешьтесь в грусти мыслью сей:
Кутузовых почтет потомство
И им с признательной душой
Всегда отдаст то превосходство,
Какое им стяжал герой!

Михайла Виноградов

LXVI

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

О, весть плачевная! Отечества спаситель,
Злодейских полчищ истребитель,
Вождь, мудростью прославленный в боях,
Кутузов, галлов страх,
Любовь всех россиян, Вселенной удивленье…
Как солнце в ясный день, скончал свое теченье![1]

Кто даст нам столько слез,
Чтобы оплакали достойно мы героя?
Сограждане! Он жизнь на жертву нам принес,
В преклонных летах он лишал себя покоя,
В недугах тяжкие труды переносил
И не щадил для нас своих последних сил,
Любви к Отечеству, к царю пример великий![2]
Кто приобрел себе блестящий столь венец?
Кто умирал когда со славою толикой?
И зависть, наконец,
Змея, которая у ног его шипела,
Умолкла, онемела.

Да в мире твой почиет прах!
Герой! Ты чтить себя весь свет заставил.
Твой памятник у нас в сердцах:
Ты наших жен, детей от гибели избавил,
Ты честь восстановил оружья россиян.
Уже над пропастью тиран!
И скорое его паденье,
Европы всей освобожденье —
В селениях небес твой дух возвеселит:
Там только Бог твои заслуги наградит!

А. Измайлов

LXVII

ПЕСНЬ БАРДА
НА КОНЧИНУ КНЯЗЯ Г. К. СМОЛЕНСКОГО

Чьи вопли жалобны, чьи стоны раздаются?
Чьи слезы пламенны на хладный мрамор льются?
Какой зрю твердый дуб поверженный во прах?..
Беллона, — чья рука рай в ад преобращает,
С которой бледный рыщет страх,
И ужас царствует в дымящихся полях, —
Пернатый сброся шлем, безмолвна, унывает…
Богини грозной скорбь *Россия* разделяет —
И землю — храбрых одр — кропит потоком слез!..
«Чьи дни пресеклися велением небес?»[1]
Смущенна барда глас уныло вопрошает.
«О, росс, печальный сын!» — Россия отвечает:
«Внемли, коль можешь ты, без трепета меня!..
С Беллоной были мы на грозном поле славы,
Где в лаврах блещущих сынов моей державы[2]
С восторгом радостным полки считала я…
Вдруг — вижу с ужасом — чудовище пред мною:
Со взором пламенным, с безжалостной душою,
С медяной дланию, с неистовым челом,
Вооруженное сверкающим с е р п о м …
Его дыханье — страх во все сердца вселяет,
Внимая глас его — природа замирает…
Как яростный перун свершая свой полет —
Так остов сей крылатый,
Пылая бешенством, с десницею подъятой[3],
Крылами воздух весь смутившийся сечет,
И твердь всю махом раздирая,
Летит как бурный в и х р ь , все в прах преобращая…
С душою трепетной, прияв Беллоны щит,
Героев — чад моих — щитом с и м покрываю.
Спаси *Смоленского*! Я скорбно умоляю;
Но серп чудовища безжалостно разит…
Из рук отчаянных щит твердый упадает…
Чудовище — сразив — довольным прочь летит;
К убийствам новым поспешает…
Земля содроглася; свет солнца померкает;
Сын мрака — под пятой моих преславных чад,
Уже подъял чело, и с ним хохочет ад…
Чей вздох, последний вздох дубрава повторяет,

К и п и т с л е з русских ток?.. *Смоленский* умирает!
Свершилось! Нет тебя, полночных вождь вождей![4]
И русская хоругвь уныло развевает
Над хладною могилою твоей!»
Едва скончала речь печальная Россия[5],
Как круги выспренни златые
Отверзлися пред ней.
На светлом облаке, блистающем зарей,
Нисходит ангел-утешитель:
Он кротостью дышал —
Как россов повелитель;
Как Он — отрадою взирал;
Спасением — вещал…
И росских слез поток так осушил приходом,
Как утренню росу светило дня — восходом…
Потом утешенным он россам говорит:
«О, россы! Небеса вам щит;
Мужайтесь, чада славы!
Еще вас ждут пиры кровавы —
На бранном поле со врагом!
Воспряньте! Грянул гром![6]
Воспряньте — и тогда *Смоленский*
Еще воскликнет среди вас!
Ужель его забыли глас[7],
Который он, — разя полки геенски, —
Велик российский *Бог*[8]! — Средь лавров восклицал?
Тот Бог, чьей силою *Смоленский* побеждал,
Тот Бог еще и ныне с вами;
И если — грозными судьбами —
Светильник славных дней *Смоленского* погас,
То дух его живет еще меж вас,
И в каждом воине всечасно воскресая,
Блистаньем дней *своих себя* напоминая,
Делясь и возрастая,
Он с вами вечно будет жить[9].
О россы! Небеса вам щит.
Мужайтесь, чада славы!
Еще вас ждут пиры кровавы
На поле бранном со врагом!
Воспряньте! Грянул гром!» —[10]
Бард с трепетом слова бессмертного внимает,
Во струны робко ударяет, —
Звучит… и умолкает…

П. Корсаков

LXVIII

МЫСЛИ ПРИ ГРОБЕ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Как изумленный свет делам твоим дивился
И дух унывшия Европы оживал,
Росс, видя образ твой, в веселии гордился,
И избавителя, тебя, благословлял[1],
Когда всеобщий слух тобою был пленяем,
Цари завидовать могли твоей судьбе —
Кутузов! Твой ли гроб в печали мы сретаем?
Такое ль торжество готовили тебе?
Восторгов наших глас в плачь тяжкий превратился![2]
Где ты, спасение, надежда россиян?
Лишь славу их вознес — и в вечности сокрылся!
Так солнце от очей скрывает океан.
Кто ныне поведет полки осиротелы?
Кто мужеством врагов заставить трепетать?[3]
Кто будет защищать Отечества пределы?
Кому спасать царей и царства восставлять?
Увы! Ты уже мертв! Пусть рок ожесточенный
В отраду нам тебя бессмертием дарит;
Пусть слава временам твой кажет гроб священный:
В нем славы наших дней залог уже сокрыт.
Какой России сын удержит слез теченье?
Не есть ли торжество врагам твой гроб один?
Сей глас, сей огнь души вместится ль в исступление?[4]
Здесь пишет не поэт — здесь плачет гражданин.
Соотчичам твоим отрада лишь едина,
Что гром твоих побед всю вечность обтечет,
Что их Отечество в тебе имело сына[5].
Во славе лишь сынов Отечество живет.

М. Милонов

LXIX

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ В ПАМЯТЬ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Что солдатушки, что кручинны так?
Не беда ли вам от злодейских рук?
Уж не дрогнуло ль сердце русское,
Сердце русское, богатырское?
Не ослабли ли руки крепкие?
Не колыхнулся ль ваш булатный штык?
Как промолвили все солдатушки:
Не бывать тому, чтоб злодей сломил!
Не дрожать сердцу русскому; богатырскому!
А печаль, тоска, горе лютое
От очей как ночь гонит белый свет.
Ах! Не солнышко закатилося,
Не светел месяц тучей кроется;
Как от нас ли, от солдатушек,
Отошел наш батюшка Кутузов князь!
Не за горы, за высокие,
Отошел он от нас в мать *сыру землю*.
Ах! Не темный бор завыл, зашумел,
Разрыдалося! Слезно всплакало
Войско русское, христианское!
Как не плакать нам, не кручиниться?
Нет отца, у нас нет Кутузова!
Как бывало нам он возговорит:
Вы ли, русские, добры воины,
Вы ль, солдатушки, царя белого,
Царя белого, православного,
Вы припомните приказание,
Приказание богатырское,
Как Суворов шел по крутым горам,
Как он войско вел по темным облакам;[1]
Он солдатушкам завет завещал:
Вы солдатушки земли русския,
К царю русскому верой твердые,
Вы не бойтеся ни злодеев злых,
И ни холоду, и ни голоду[2].
Разгорелися все солдатушки,
Как он батюшка дал приказ такой.

И как кланялся он солдатушкам[3],
Как показывал седины свои,
Мы, солдатушки, в один голос все
Прокричим: *ура! Ура! С нами Бог!*
И идем в поход припеваючи.
Ах! И зимушка не знобила вас[4],
И бесхлебица не кручинила;
Только думали, как злодеев гнать
Из родимыя земли русския…
Побежал злодей не оглядкою,
Побежал злодей со злодеями.
Мы за ними вслед… и бить некого!
Так потешился наш отец родной,
Наш отец родной, государев слуга.
Ах! Лишь в радости, по своей земле,
По своей земле, по Руси святой
Возопили мы: велик русский Бог!
Уж печаль-тоска налегла на грудь;
Нет Кутузова, славна воина!
Мы ль, солдатушки православные,
Позабудем то, завещал что нам?
Нет, не радуйся, супостат лихой!
С нами Бог земли русския,
С нами память славна воина,
Славна воина Кутузова.
Не кажись, злодей! — Грудью бросимся[5];
Не страшна нам смерть, ты увидишь сам.
У престола Царя Небесного[6]
За нас молится наш отец родной;
А мы молимся о душе его!
И клянемся все клятвой русскою,
Послужить вперед, как служили с ним!

Село Загорье

LXX

СТИХИ НА ПОДВИГИ ДВУХ СМОЛЕНСКИХ ПОМЕЩИКОВ ЭНГЕЛЬГАРДА И ШУБИНА И НА МОНАРШИЕ ЩЕДРОТЫ, ИЗЛИЯННЫЕ НА НИХ

Сыны Отечества, защитники державы![1]
Се подвигам пример, щедротам образец!
Воззрите: Энгельгард[2], ревнуя вечной славы,
За Отчество вкусил страдальческий венец;
Ни улещения, ни вражески угрозы
Не в силах Шубина[3] к измене преклонить:
Все муки — радости, — и терния — им розы —
За веру и царя поклявшись кровь пролить.
Отечество заслуг толиких не забудет,
Скрижаль потомственна сих дел не умолчит;
Семейство и родня их славою жить будет,
Признательный МОНАРХ героев вновь творит…

А. Писарев

LXXI

НА КОНЧИНУ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУТАЙСОВА, В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ УБИТОГО 1812 ГОДА АВГУСТА 26

Ужель и ты… и ты
Упал во смертну мрежу![1]
Уже ль и на твою могилу свежу
Печальны допустил мне рок бросать цветы,
Потоком слезным орошенны?[2]
Увы! Где блага совершенны?
Где прочны радости?.. Их нет!
Вотще объемлюща надежду лживу
Нежнейша мать *тебя* зовет[3];
Твой заперт слух к ее призыву!
Вотще в свой дом, ликуя твой возврат,
Отец, сестры и брат
Заранее к тебе простерли руки[4];
Их дом ликующий — стал ныне храмом скуки!
Как светлый метеор, для них
Ты миг блистал лишь краткий!
И сонм друзей твоих,
Алкающих твоей беседы сладкой[5],
И сонм отборнейших мужей,
Что юного тебя с собой чли равноденным[6],
С кончиною твоей
Увяли сердцем сокрушенным!
Вотще и сонм краснейших дев,
Устроя громкие тимпаны,
Ждет в пиршества тебя избранны.
Не будешь т ы !.. Тебя похитил смерти зев!

Так жизни на заре коснулся он заката!
На место гипса и агата
На гробе у него с бессмертным лавром шлем,
И вопли слышны Муз по нем.

Но что герою обелиски?
Что мой несвязный стих?
Не будет славен он от них!

Низверженные в ад враги российски
Твоею, граф, рукой
Воздвигнут памятник нетленный твой;
А жизнь, Отечеству на жертву принесенна,
Есть слава, храбрым вожделенна!

А. Бунина

LXXII

СТИХИ
В ДЕНЬ СВЕТЛОГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ МАТЕРИ ОТ ДЕТЕЙ

Не бушуют грозны бури,
Не туманит хлад лазури,
Замолчал Борей;

Вьюги к Норду уклонились,
С шумом реки распустились,
И журчит ручей;

Зеленеют холмы, горы,
Птичек слышны громки хоры
В честь весенних дней.

Не гремят вблизи перуны,
Не бежит и стар, и юный
Хижины родной.

Страшная гроза промчалась; —
Там вдали еще осталась;
Там лишь слышен бой!

Расцвела природа снова: —
Мы, избавясь рока злого,
Расцвели душой!

Кто ж нам радости виною?
Кто провел от бед к покою?
Кто нас воскресил?

Тот, Кто сам воскрес из мертвых,
Тот, Кому приносим жертвы,
Кто сам жертвой был.

Он был жертвой галлов лютых!
О, ужасные минуты!
Лик Христов попран!

Опустели Божьи храмы,
Не курятся фимиамы, —
Трепещи, тиран!

Бог воскреснет — расточатся,
Громом, молньей поразятся
Все полки твои!

Бог воскрес — и где сей злобный?
Пали все ему подобны; —
Торжествуем мы!

Торжествуем — но известны ль
Нам концы судеб небесных?..
Боже, суд Твой прав!

Будь, как был, щитом России,
И во образе Мессии
Мир нам даровав[1],

Укрепи нас новой силой! —
А любезной нашей, милой
Маменьке с небес

Ниспошли благословенье!
Мы же скажем в утешенье
Ей: *Христос воскрес!*

(Из Вестн. Евр.)

LXXIII

ЦИДУЛКА[1] К СОСЕДУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О СОВЕРШЕННОМ ИЗГНАНИИ ВРАГОВ ИЗ РОССИИ

Хвала да будет Богу
За милость к нам премногу!
Пресекся *общий* стон:
Разбит Наполеон. —
Врагов мы истребили,
Побрали и побили.
Порадуйся со мной!
Все пушки до одной
Почти у нас остались.
Враги хоть и спасались
В ущельях и в лесах,
Но и последний прах
Их свеян[2] за границу. —
Прочтя сию былицу,
Порадуйся, сосед!
Дивится русским свет;
Народы все ликуют,
Победы торжествуют,
Судьбу благодаря
И нашего ЦАРЯ.
Хвалами превозносят,
Всевышнего все просят:
Да милостью Своей
Число умножит дней
Любимца Своего. —
По благости Его
Останемся в надежде,
Что будем жить как прежде.
Но кончить мне пора:
Ура! Сосед, *ура!*

Кн. Николай Кугушев

LXXIV

ПАМЯТЬ КНЯЗЮ БАГРАТИОНУ

Можайские поля, свидетели ударов[1],
Которыми врагов меч русский поражал!
Средь сечи и громов, сквозь марево пожаров
Вы зрели, как великий пал!
Когда все русское за родину стремилось,
Он двигнулся с мечом — и пал… и стихнул гром.
Герой! Отечество в тебе одном
Ста тысячи сынов лишилось!

Николай Иван. Писарев

LXXV

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Отечество в слезах — познало весть ужасну:
Кутузов кончил век средь славы и побед!
Надежду наш злодей питает пусть напрасну,
Что будто бы ему преграды боле нет;
Кутузова парить дух будет над рядами!
Народ, средь коего сей муж родиться мог,
Не преклонит главы пред хищными врагами;
Возникнет новый вождь — и будет с нами Бог!

А. Пушкин

LXXVI

В СИМЕ[1], СЕЛЕ КНЯЗЯ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ГОЛИЦЫНА, МАРТА 7 ДНЯ 1813 ГОДА

Прохожий! В Симе зри того героя прах,
Который гром метал на Альпа высотах;
Защитник ревностный Отечества и трона,
Он кончил жизнь свою, разя Наполеона.

Племянник Суворова правой его руке, покойному князю Петру Ивановичу Багратиону

LXXVII

К ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА[1]

Петрополю грозил в Наполеоне пламень,
Иль разъяренный понт[2] свирепостию волн;
Но кто его скала, был ограждавший камень?
Он!

Державин

LXXVIII

НА СМЕРТЬ КАПИТАНА ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ РОСТИСЛАВА ИВАНОВИЧА ЗАХАРОВА[1]

Узря простерта на плаще меня,
Не сетуйте, родители любезны!
И мрачну горесть прогоня,
Отрите токи слезны!
Я сладким сном покоюся и славным;
Здесь долг мой на земле я свято чтил;
В боях — под знамем ратным
Врагов Отечества бестрепетно разил;
В дни мира тих, как агнец был незлобный;
В сообществе — усердный гражданин,
В семье — надежный брат, покорный сын,
К супруге, к чадам — я до двери гробной
Любовью нежной пламенел:
Днесь к Богу отошел
Принять за подвиг мой награду.
А ты, о юный друг моей души!
Оставшемусь тебе в отраду
Младенцу нашему внуши,
На ранню указав мою могилу:
Сколь сладко смерть вкусить за родину нам милу!

Анна Бунина

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Предаст деяния ужасны
Для поздних дней летописатель;
Потомство строгое певцу,
Почтя за вымысл, не поверит:
Но совокупно оба могут
Изобразить, что россов царь,
Подвигнув Север за собою,
Разил надменного врага;
Что росс злочестие земли
Рукою сильной исторгает.

Гр. Д. Хвостов

РАДОСТНЫЙ ГЛАС ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОГО ГРАДА МОСКВЫ ПРИ ВОЖДЕЛЕННОМ ПРИБЫТИИ МОНАРХА И ОТЦА, АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО, ИЮЛЯ 11 ДНЯ 1812 ГОДА

Ты входишь в древнюю столицу,
Ты лавры с пальмами несешь,
Тебя сретаем[1], как денницу,
Ты в души нам покой лиешь,
Ты мир приносишь вожделенный,
И мир во все сердца Вселенной;
Одним пришествием твоим,
Нам мнится, солнце показалось:
Чего же нам желать осталось,
Когда лице твое мы зрим?

*

Ты здесь в первопрестольном граде,
Ты здесь — среди твоих сынов,
Ты с нами, к общей всех отраде!
Здесь всяк умреть с тобой готов.
Не страшны здесь все козни злобы;
Воззри — твоих здесь предков гробы;
Их тени нас приосенят,
Они из недр земли восстанут,
Их россы верные вспомянут,
И тьмы противных сокрушат.

*

Воззри ты на Кремлевы стены,
Омыты кровью праотцов;
Но в их потомках нет премены,
Для них не страшен сонм врагов.
Течет та ж верность с кровью в жилах;
Они потрясть Вселенну в силах,
Когда в монархе зрят отца.
Не нужны для тебя бойницы;
Под кровом Божеской десницы
Оплот твой — россов всех сердца.

*

Как прах, исчез весь мрак сомненья,
Лишь твой приход восхитил нас.
Среди восторгов упоенья,
Один торжеств здесь слышен глас!
Мы зрим монарха, мы блаженны!
Не грозны нам враги надменны;
Мы их сотрем кичливый рог.
Сердца лишь радостью трепещут,
Лучи нам новой жизни блещут:
Ты с нами здесь — и с нами Бог!

Павел Г. Кутузов

II

ГОЛОС РУССКОГО НАРОДА ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТИЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНЫЙ ГРАД МОСКВУ

Воспойте Господеви песнь нову![1]

Слышишь ли сердечны клики,
Царь-отец, своих всех чад?
«Здравствуй, ГОСУДАРЬ великий!
Всяк душой тебе здесь рад.

*

За тебя мы все молились:
“Господи! Царя спаси!
Им одним мы все живились;
Жизнь в царе нам принеси!”»

*

Жизнь Господь нам возвращает;
Зрим тебя мы, царь-отец!
Где война теперь пылает,
Там хранил тебя Творец.

*

Бог хранит нас всех тобою.
Ты изрек: *нам враг грозит!*
Все мы жертвуем собою;
Бог, сам Бог нас ополчит.

*

Ополчит!.. Пусть враг трепещет;
За царя-отца идем!
Пусть из ада смерть он мещет;
Победим, или умрем!

*

С нами царь и Бог, Бог с нами!
Богу нову песнь поем;
И клянемся все сердцами:
Победим, или умрем!

С. Г.

III

СТИХИ, ПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» ВЫСОЧАЙШЕГО РЕСКРИПТА НА ИМЯ ГРАФА Н. И. САЛТЫКОВА, ОТ 13-го ИЮНЯ 1812, О БУЙНОМ ВТОРЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В РОССИЙСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

К оружию! К защите, россы!
Вам галлы гибелью грозят;
Готовьте громы смертоносны
И злобу отразите вспять;
Рассейте сонмы сих лукавых,
Коварство тщитесь истребить;
Защитник Бог всегда есть правых:
Мы пасть должны иль победить!

*

К оружию! Пусть враг познает,
Коль дивен росс в делах своих!
Как он врагов всегда карает,
Кичливость посрамляет их;
Как он могуществен во брани;
Как смерть идет во след,
Перуны грозны мещут длани
И лавры как всегда он жнет.

*

К оружию! Ко ополченью,
Славянов грозные сыны!
Друзей, родных ко огражденью,
К защите отческой страны!
Теките варварам навстречу;
Карайте, истребляйте их!
Не в первый раз кроваву сечу
Вам зреть против безбожных сил.

*

Альпийски горы неприступны
О ваших подвигах гласят,
Во дни как безначалья смутны

Вы галлов обратили вспять;
Как их попрали, низложили
Гигантской мощною рукой;
Как путь бессмертья совершили,
Летя пернатою стрелой.

*

Все части света полны славой
О ваших подвигах, делах:
Пойдете вы — и путь кровавой
Проложите в своих следах;
Взмахнете меч — тьмы целы лягут
Или рассеются, как прах….
И днесь нам россы, днесь докажут
Любовь к Отечеству в сердцах!

Гр. Волков

IV

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ПОЛУЧЕННОГО ПРИКАЗА, ОТДАННОГО ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ ДЕЙСТВУЮЩИМ АРМИЯМ 13-го ИЮНЯ 1812 ГОДА, ПО СЛУЧАЮ ВЕРОЛОМНОГО РАЗРЫВА МИРА С ФРАНЦУЗАМИ[1]

МОНАРХ, владеющий сердцами!
Мы вняли глас твой, добрый ЦАРЬ!
Ты движешь нашими душами,
В них твой сооружен алтарь.

*

Ты рек, и — пагуба киченью!
Несытый ястреб сам падет;
Злохитростному умышленью
У нас он пищи не найдет.

*

Мы чисты совестью, делами,
Злодей лишь крыть ехидство мог;
Будь презрен он! — МОНАРХ, *ты с нами!*
На зачинающего Бог!

*

Веди, и пусть ручьи кровавы
Врага повсюду смоют след;
Где чает рвать он лавры славы,
Свою погибель обретет.

*

Сам Бог каратель лицемера!
И россы ли уступят шаг?
Где ангел-ЦАРЬ — где правда, вера,
Конец там в деле вечно[2] благ.

А. В.

V

ЧУВСТВОВАНИЯ ВЕРНОПОДДАННОГО, ВОЗРОДИВШИЕСЯ ПО ПРОЧТЕНИИ ПРИЗЫВАНИЯ К ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА, ОБНАРОДОВАННОГО В 10 ДЕНЬ ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Сыны Отечества! Внемлите,
Что вам вещает царский глас;
Делами самыми явите,
Что дух геройской не угас;
Пред целым светом оправдайте,
Что в вас Пожарских кровь течет;
С благословеньем приступайте,
К чему вас долг и честь зовет!
Спасать Отечество спешите;
Оставьте жен, детей, родных,
На поле ратное летите;
Мечем врагов карайте злых,
Пусть лесть коварная узнает,
Колико страшен россов гнев:
Когда Отечество страдает,
То и младенец — духом лев.
Чего нам ждать? Мы ополчимся!
Допустим ли закон попрать?
За веру, за царя сразимся!
Долг русских — край родной спасать.
Коварство презрим и лукавства;
Помощник в правде будет Бог;
Пусть чужды обольстились царства,
Но мы притупим козней рог;
Врага злым умыслам поставим
Любовь к Отечеству в оплот;
Судить прю[1] нашу предоставим
Властителю земли и вод.
Пусть Он виновных наказует,
Невинных сердцем защитит;
Уже Всевышний негодует,
И скоро, скоро возгремит.
Отечества ль не пожалеем,
Коль рабством оному грозят?

Иль духа предков не имеем?
Нет! Предки нас не обвинят!..
Сердца и души пламенеют,
Горят бесчестие отмстить;
Лишь изверги не порадеют
Всю кровь за родину пролить.
Кто хочет в злой страдать неволе?
Постыдно рабство кто снесет?
Мы все умрем на ратном поле,
Когда Отечество зовет!
Отчаянью не предавайтесь,
Мужайтесь, росские сыны!
Во всем на Бога полагайтесь:
Не раз мы были спасены.
Сбирайте силы, ополчайтесь,
Ступайте бодро на врагов,
Во имя Бога подвизайтесь;
Он нам защитник и покров!
Тебя ль, Отечество драгое,
Тебя ли мы не защитим?
Все, что ни есть для нас святое,
Себя самих не пощадим.
Имущество, все, что имеем,
Тебе на жертву принесем,
Коварство с злобою рассеем,
Умрем или тебя спасем!
Спасем, мне сердце так вещает,
Надежду верну подает:
Всяк гражданин, всяк долг свой знает,
Всяк чести по следам идет.
Ужель толпы врагов коварных
Над россами одержат верх?
Толпы сынов неблагодарных
Лукавством мнят найти успех?
Что мы такое учинили,
Почто идут войной на нас?
Союз давно ли заключили?
И вдруг пресекся мирный глас.
Где клятвенное уверенье,
Чтоб век в союзе пребывать?
Слова злодея — обольщенье;
Он хочет аду лишь внимать… [2]

Мы ль отняли его уделы,
Обманом ворвались во стан?
Почто страны других преходят,
От Юга к Северу текут?
Разнодержавными предводят,
К их пагубе на нас ведут?
Большие реки преплывают,
Жестокий терпят глад и зной?
Корысть, алчба их подстрекает,
Знакомят с чуждой им страной.
О суета сердец надменных!
Ты властолюбия виной;
Тебе в крови полков несчетных
Курится фимиам одной!
Где властолюбия границы?
Оно само себя пожрет!..

*

Воскресни, Минин, из гробницы,
Да добрый[3] дух твой в нас живет!
Внуши любовь в сердца гражданам,
Вещай устами их в народ!
На помощь идут пусть дворянам,
Собою воскресят твой род!
Твоим примером оживленны,
Сберем имущества свои;
Умрем… но чада, тем спасенны,
Благословят дела твои.
Престольный град, вооружайся,
Царица всех градов, Москва!
В доспехи ратны облекайся,
Предшествуй нам и будь глава!
Ты бедства все собой узнала,
Что могут быть от вражьих сил;
Вражда ужасна раздирала,
Когда сармат тебя сразил.
Днесь мы в согласьи пребываем,
Одними чувствами горим;
К тебе, как к матери, взываем:
«Идем, врага искореним!
Прими, Москва, сынов российских,
Прими в объятия свои;

В опасностях, России близких,
Идем под знамена твои!»

Оставь обители небесны,
Суворов, Рымникский герой!
На воинов тебе любезных
Воззри и озари собой!
Излей в сердца их твердость, бодрость!
Герой! Препровождай их сам;
Врагов останови упорность,
В полках себя яви ты нам!
Но ты и так уже предводишь
В лице учеников твоих;
Повсюду страх и трепет носишь
И мещешь гром десницей их;
Всегда Багратион и Платов
Тебя нам будут вспоминать;
Ты их своим примером галлов
Учил на Альпах побеждать.

Разверзлось небо предо мною!
Что зрю?.. Исходит нека тень,
Одета чистой белизною,
Превосходящей ясный день;
За нею сонм течет героев,
Отличных среди ратных боев,
Которы, светом озаряясь,
В одежду снежну облачаясь,
В румяных облаках нисходят,
К российским воинствам текут,
К ним взоры кроткие низводят,
И радость воинам несут.
Се тень, россиянам любезна,
Великого Петра грядет,
Собой отца являя нежна,
К сынам Отечества речет:
«Друзья! Врагу не покоряйтесь,
Не посрамите россов честь!
За Бога и царя сражайтесь,
И сердцем презирайте лесть.
Давно ли Александр Полночный
Хотел россиян истребить?[4]
Уже простер к нам длани мочны
И взмахом чаял всех сразить!

Но что ж? — Полтава показала,
Непостоянен сколько рок!
Десница Божья наказала
И сим дала царям урок
На счастие не полагаться,
Но мудрым, добрым быть царем;
Страстям своим не покоряться
И быть Отечества отцем.
За жен, детей вооружайтесь,
За родину, любезну нам;
Перед врагом не унижайтесь;
В бою предшествую я сам!»

Умолк — и призрак сей священный
Сокрылся от очей моих.
Не унывай, народ блаженный!
Еще о счастье дней твоих
Цари премудрые пекутся
И с высоты небес блюдут;
Защитники всегда найдутся,
И злостные враги падут;
Падут и сокрушат кумиры,
Судьбой воздвигнуты слепой;
Вдовы ограблены и сиры,
Господь, гром вызывают Твой…

К Тебе, о Боже, прибегаем,
Внимай рабов усердных глас,
Моленья теплы воссылаем,
Защитой будь царя и нас!
Не попусти врагам лукавым
Над истиной торжествовать;
Уже ли нам, в войне сей правым,
Под игом тягостным страдать?
Воззри на нас с высот небесных,
Напасти люты отврати,
Избавь нас от оков железных;
Врагов свирепость укроти!
Всесильный Боже, умоляем,
Противника искорени!
К Тебе с слезами припадаем,
Спасеньем нас не закосни[5]!

И. Ламанский

VI

ОТГОЛОСОК ЛИРЫ НА СЛУЧАЙ ИЗДАННОГО МАНИФЕСТА ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ ПЕРВЫМ ПО ВЗЯТИИ НЕПРИЯТЕЛЕМ СМОЛЕНСКА И ПРИБЫТИИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В МОСКВУ ИЮЛЯ 12 ДНЯ[1]

Зовет к защите ЦАРЬ, определяет Бог
Сомкнуть нам груди в щит Отечества любезна:
И мы ль не отдадим именья, жизнь в залог
Усердной верности и рвения безмездна[2]?
Дворянству ль в жертвах оскудеть,
Врага угрозам потерпеть?
Нет! Нет! Оно долгам всем жертвовать умеет;
И враг в пронырствах не успеет.
Уже услышан глас Отечества отца,
Вспылала кровь сынов, забилися сердца,
Стеклись в единый круг слуги его и други,
Стеснились города, наполнились округи.
Старик и юноша — усердием герой,
Лишенный зрения, безрукий и хромой
Дыханьем мщения является ужасен;
Рекут: «И наш живот Отчизне не напрасен;
Ей польза и добро не от одних мечей:
Когда слаба ступень[3], коль мрачен свет очей,
Так словом истины Отечеству послужим,
Здесь робость ободрим, там леность обнаружим,
Там заблужденному прямой покажем путь,[**]
Напомним долг обета,
И жарким рвеньем уст возжем остылу грудь.
Что сила, если кровь любовью не нагрета,
Что войско с громами без доброго совета?
Коль в сердце у меня Отчизна, ЦАРЬ и Бог,
Коль пользой только их дышать и мыслить стану,
Так и без зоркости и без проворных ног,
И не служа с мечем на Марсовых полях,
От брата-воина заслугой не отстану!»
Рекли, и бодрственно несут на костылях
В сословия свои рассудок и вниманье,
Догадку, опытность, искусство и познанье.

О восхищающе видение сердца!
О чада верные российского отца!
Цель нужды общия, МОНАРХОМ объявленной,
Связует в крепкий узл в минуту полвселенной.
Раздался в воздух согласной воли шум,
У миллиона душ одна душа и ум,
Бесчисленность сердец единым сердцем зрится,
Слеза усердная из глаз сынов катится —
И в то ж мгновение пылает мщенья гнев,
Всяк духом для врага ожесточенный лев,
Все вопиют: «Скорей во гробы снидем,
Положим в них с собой к Отечеству любовь,
Скорей прольем свою, прольем до капли, кровь,
Чем в родине врага в венце увидим![4]»
О речь геройская! Кого хвалой вознесть,
Чьи действа таковы, чья верность, доблесть, честь,
В ком чувствование столь сильно и велико?
Кого дивотворить за рвение толико?
Тебя, почетное[5] сословие дворян[6],
Тебя, побед и славы знамень,
Громады царственной краеугольный камень,
Законов твердый столп, порфироносцев жезл,
Посредством коего властители престола,
Стоя на высоте, дыханьем движут дола,
Кем сам Великий Петр к бессмертью путь отверз,
Спасен, препровожден к торжественной судьбине,
И чья любовь к российскому добру,
Провидя к доблестям подобную Петру,
Дала венцы Екатерине?
Кто ж может, кто дерзнет, о сильный исполин,
Рожденный средь садов лавровых,
Лишить тебя трофеев новых,
Отъять из рук твоих цветущий славы крин[7]
Под скиптром правнука Петрова,
В правление геройства и любви,
Где свой и чужд не дышат без покрова?
Стой, гордость адская, омытая в крови!
Грабленьем царств не возносися;
Но, отогнав тщеславные мечты,
Со трепетом пред россом уклонися!
Все он, все он велик, — не ты,
В очах всея Вселенной.
Ты лишь чудовище, тиран окровавленной!

Но се! Имев всяк час простерт на Север взор,
Уже увидел враг почетных[8] чад собор;
Смущается, дрожит, как туча хмурит брови,
Как гидра жадная, лишенна в пищу крови,
Влача от Вислы хвост, сквозь ста устен шипит(;)
Но росс в очах — и дух надежда не крепит,
Коварство более обманами не служит;
Лишь козни вымыслит — сам Бог их обнаружит
И в краже чертежей не помогает ад!
Все норы заперты, куда ни кинет взгляд.
Друзьям Отечества к бессмертию дорога,
А общему врагу повсюду в тартар путь.
Куда наемной тьме придвинуть дерзку грудь?
Нет средств, возможности вознесть гордыни рога:
Впреди бесстрашный росс, и с ним вся сила Бога,
А сзади глад, болезнь и груды мертвых тел,
Наполеоновых следы великих дел,
И сам дракон, средь галлов появленный,
Фортуной холенный, тщеславьем отравленный,
Стоя за Вислою, не ведает того.
Но пусть он спросится у сердца своего!
Оно укажет путь к смиренью,
К взаимному всех царств Европы примиренью,
Геройство согласит с общественным добром;
Иль предречет ему, что скоро грянет гром,
И росса исполинским махом
Трофеи все его представит миру прахом.
Врагу две крайности, а нам венцы побед,
Лукав иль верен будь союзный наш сосед!
Одни за всех отмстим, перешагнем чрез царства,
Повергнем, сокрушим оплоты зла, коварства,
Дойдем до нырища дракона самого,
Низринем трон его,
И троны сверженных властителей восставим,
Свое Отечество и Тита[9] своего
На все грядущи дни в подсолнечной прославим!

Н. Николев

VII

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫСОЧАЙШЕГО МАНИФЕСТА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ОБ ОПОЛЧЕНИИ НА ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА ИЮЛЯ 15 ДНЯ 1812 ГОДА

Стремися, грозно ополченье,
Под сенью отческих знамен
Туда, где лесть, коварство, мщенье
Готовят россам вечный плен!

Х о р

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз?
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

*

Наш царь — наследник Ярослава;
А мы — потомки тех славян,
Пред коими летала слава
И гром бросала в вражий стан!

Х о р

Внимая гласу воли царской и проч.

*

Пойдем! — Душами съединимся,
России храбрые сыны!
Усердьем, верой ополчимся
К защите отческой страны!

Х о р

Внимая гласу воли царской и проч.

*

Дружину нового Мамая
С лица земли родной сотрем,
И местью праведной пылая,
Иль лавр в бою — иль смерть найдем!

Хор

Внимая гласу воли царской и проч.

*

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь все Отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!

Хор

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз?
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

К.-в.

VIII

СТИХИ ПО СЛУЧАЮ СОБРАНИЯ ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА В СЛОБОДСКОМ ДВОРЦЕ ИЮЛЯ 15, 1812 ГОДА

Велия дела Господня, изыскана во всех волях Его[1].

Ты повелел, Творец Вселенной,
Любить царя, закон святой;
В душе, Тобою вразумленной,
Суд правый утвердится Твой.

*

Рек царь, Тобою вдохновенный:
«Сыны! Я призываю вас!
Враг лютый, адом воспаленный,
Идет как злобный тигр на нас:

*

Идет, лукавствует устами,
А в сердце хитром возжелал
Сковать Россию всю цепями,
И ад на помощь он призвал!»

*

Сыны России отвечали:
«Враг вызвал ад; но с нами Бог!
Мы души все царю отдали;
Против любви кто стать возмог?

*

Собою, жизнию, именьем,
Всем жертвуем Тебе, МОНАРХ!
Ты дан святым нам Провиденьем;
Ты царь в венце, ты царь в сердцах!»

*

Сыны России так вещали;
И что их произнес язык,
То все делами оправдали:
Бог русский славен и велик!

*

Сам Бог в совете, в сонме правых,
Сам Бог сердцами управлял;
Сам Бог против врагов лукавых
Любовь к царю и веру дал.

*

С крестом в душе, с оружьем в длани
На лютого врага пойдем;
Где вождь полкам Бог сил ко брани,
Не страшен там коварства гром.

*

Коварств и лжи злоумышлитель!
С тобою ад, но с нами Бог!
Нам царь, нам Бог сам предводитель!
Кто ж против Бога что возмог?

*

За братий, за царя, за веру,
Блаженство смерть, наград венец;
Отмстить злодею, лицемеру
Идем! Веди нас, царь сердец!

Р. Вест.

IX

НА МАНИФЕСТ, ДАННЫЙ В МОСКВЕ 18 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

Отец — МОНАРХ! *Кто россов знает*
И ревность их к тебе внимает,
Помыслит ли противостать?[1]
Не мыслил гордый враг, дерзая
Державе русской угрожать;
Лукавства ковы соплетая,
Мечтал умы поколебать.
Не знал он россов; но узнает,
Что силу душ их составляет.
Изрек отец — и все сыны,
Душами все устремлены
Разить и гнать врагов строптивых,
Надменных, злобных, горделивых.
Изрек отец — пылает жар
Нести Отечеству все в дар.
Не буйные мятут нас страсти;
За благости царевой власти
Имущества и жизнь несем;
И все лукавства лицемера
Мы твердой верой отженем.
По вере нашей неизменной
Узнает нас злодей Вселенной;
Размыслит о себе самом…
Нет! Враг наш размышлять не может;
Чье сердце злобно чувство гложет,
Не мыслит тот — тот раб страстей,
Тот жертва ярости своей.

Сколь наш МОНАРХ благополучен!
Он будет в свете славой звучен,
В потомках будет он греметь:
Он знает россами владеть![2]

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ МАНИФЕСТА О НОВОМ НАБОРЕ РЕКРУТ

МОНАРХ! Одно твое реченье
Есть щит, есть царства огражденье.
Ты рек, властитель наш, отец:
«Сыны! Отечество спасайте,
Россию, веру защищайте!»

*

Где Бог — Властитель всех сердец,
Там жертва жизни — есть отрада;
Там смерть за родину — награда;
И там гремит всеобщий глас:
«МОНАРХ! Употреби всех нас!»

С. Г.

XI

ПО СЛУЧАЮ ИЗВЕСТИЯ О НАШЕСТВИИ НЕПРИЯТЕЛЯ

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его![1]

На зачинающего Бог!
О росс! Сам Бог, Бог будет с вами[2];
Пойдет пред вашими рядами!
Неправде, злобе сломит рог.
Пусть вероломство днесь ликует,
Себе искусство приписует
Во мраке жало испускать,
Обманом правду нарушать.

*

Несет и молнию, и громы
В крови воспитанный народ,
И алчет, яростью влекомый,
С геенной свой сравнять приход!
К коварству приложа коварство,
Грозится свергнуть наше царство,
Избить младенцев, старцев, жен,
Сковать в России россам плен!

*

Народ сей, адом возмущенный,
Во злобе пожирал своих;
Кровавой жаждой воспаленный,
Пил кровь и ближних, и родных;
Как ад, он злобствовать умеет:
Но Бог воззрит — ад онемеет:
Гордыни буйной смолкнет глас:
Мы с Богом — сохранит Бог нас!

*

Пойдем! У алтарей священных
С смиреньем слезно припадем,
За братий, к брани устремленных,
Моленье к Богу вознесем!
Воскреснет, россы, Бог России;
Мамаи, лютые *Батыи*
Падут пред Господом во прах.
Блажен тот край, где Бог в сердцах!

*

Нам предки веру сохранили,
Господних святость алтарей,
В храненье наше поручили
И прах, священный прах царей.
За край родной и за семейства
На все отваживались бедства;
За *Бога*, *веру* и *царя*
Все шли на смерть, смерть люту зря.

*

Мы ль славу предков потеряем,
Их край, их веру предадим?
Мы ль плен и стыд от тех узнаем,
В ком ада порожденье зрим?
Мы ль, россы, русский край забудем,
России не сынами будем?
Мы ль станем иго лобызать,
Чтоб жизнь, мгновенну жизнь спасать?

*

Клянемся, царь! След нечестивых
В пределах наших истребить,
Неправду, лесть врагов строптивых
Им в гибель смертну обратить.
Глагол царев Бог подтверждает;
Хотящих брань Он расточает.
Господь вдовиц, Господь сирот,
За ложь отмщеньем воздает.

*

Грядет отмщение Владыки,
Вселенна в трепете пред Ним;
Исчезнут буйные языки,
Равно как исчезает дым!
Не мы, Господь, себя спасаем;
В Тебе надежду полагаем!
Ты Царь небес, Ты Царь царей:
Спасемся силою Твоей!

(Р. Вест.)

XII

НА ОТЪЕЗД ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ С. ПЕТЕРБУРГА ПО ОТПЕТИИ ПУТЕШЕСТВЕННОГО МОЛЕБСТВИЯ В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

С кругов превыспреннего свода,
О Матерь Божия, внемли!..
Христолюбивого народа
Зри, зри усердье от земли
К престолу Вышнего текуще,
Желанье общее несуще!

*

Царь молится! Священный лик
Свершает сердца в умиленье
О шествующих в путь моленье.
Бог русский в благостях велик!
В пути с царем Он русским будет,
Нигде Его не позабудет!

*

Исшел — из храма наш властитель,
Исшел — и новый глас гремит:
«Ура! Отец наш, повелитель!
Пусть Бог твой путь благословит;
А мы и сердцем, и душами
Твоими все пойдем стезями.

*

Твой каждый шаг себе представим;
Повсюду будем зреть тебя;
На стражу все сердца поставим,
В тебе царя-отца любя.
Не в сей лишь час, но ежечасно,
О царь, вещаем так согласно!»

*

Господь! Еще к Тебе взываем,
Еще возносим глас сердец!
В царе все счастье полагаем:
В венце всевластном он отец!
Как он народ свой охраняет,
Пусть так покров в Тебе встречает!

*

Спаси царя! Его храненье
Дороже наших дней для нас!
Господь! Всех душ соединенье,
И общий россиян всех глас
К тебе усердно восклицает:
«Спаси царя! Он нас спасает».

С. Г.

XIII

НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ГВАРДЕЙСКИХ ПОЛКОВ ИЗ С. ПЕТЕРБУРГА

Наследники, друзья героев,
Которых Петр сам вскормил[1],
С которыми средь дивных боев
Сам Бог, полков Бог русских был!
И вы по их следам пойдете
За веру нашу, за царя,
Победу, славу, честь найдете,
Российской верностью горя.

*

О вера! Ты душа едина
Великих и бессмертных дел!
С тобою отрок исполина
Сразить и победить умел.
Гольяф[2] неверный величался
И Бога одолеть мечтал;
Давид[3] с ним верный состязался:
Смирился исполин — и пал.

*

Сыны России! И пред вами
Так все низвергнется, падет;
Вы Богу отдались душами,
Ко славе вера вас зовет.
Герои! Вместе с вашей кровью
Пылает верность, жизнь сердец!
Сей верной, твердою любовью,
Сплетется чести вам венец.

*

Сынов России верность зная,
К ним Петр вещал сии слова:
«Грозит врагов нам наглость злая,
Гремит о них везде молва;
Молву мы верой одолеем,
Начало довершим концом:
Мы веру твердую имеем,
Что все труды перенесем.

*

Славян воскреснет древня слава;
И предков мы не постыдим:
Падет гордыня величава,
Неправду правдой победим.
Друзья! Бог правды будет с нами!
А я, Отечество любя,
Как друг делить все буду с вами:
Для вас не пощажу себя!»[4]

*

Взгремел сей глас в душах героев,
Проник в их кровь и в их сердца,
Гласят: «Среди кровавых боев
Сразимся за царя-отца.
Храни себя! А мы душами
За край наш, за тебя пойдем;
Иль будем русскими сынами,
Иль все со славою умрем!»[5]

*

Что Петр изрек сынам России,
То АЛЕКСАНДР полкам вещал;
И Петр от высоты святыя,
Сам Петр словам Его внимал.
МОНАРХ-отец! Твоей душою
Сыны оживлены твои:
Так россы, жертвуя собою,
Надежды совершат твои[6].

*

Своей ты верой оживляешь,
МОНАРХ, все души, все сердца;
Как Петр, согласный глас внимаешь:
«Умрем все за царя-отца!»
Блажен народ, непобедимый
В наследной верности сердец!
Бог русский! Мы тобой хранимы;
Ты русской верности творец.

*

Бог добродетель укрепляет;
Бог тем предшествует полкам,
Где вера, верность обитает:
Бог щит, отец, помощник нам!

Господь низвергнет в ад коварство;
Бог русский край всегда берег;
И днесь хранит Он наше царство:
Воскликнем россы: *С нами Бог!*

*

Бог с нами! Племена, познайте!
Воззрите! Правды свет блестит;
И гласу общему внимайте:
«Росс иль умрет, иль победит!»
А меч коварства притупится;
Где Бог, что враг там злобный мог?
Когда ж день славы совершился,
Воскликнем снова: *С нами Бог!*

С. Г.

XIV

МОЛИТВА РУСКИХ ПРИ ОПОЯСАНИИ НА БРАНЬ

Иди и пребуди на поле, и да будет Господь
с тобою. Пойду и пожену его и отъиму
днесь поношение от Израиля; понеже кто
необрезанный сей, иже уничижи полк Бога?
Цар. гл. 20, ст. 12 и 37

Помолимся! Да Бог услышит
Наш глас в день битвы и средь зол;
Да святость веры Он защитит,
Российску землю и престол!

*

Да свет от горнего Сиона
Предыдет воинам, царю;
Полкам российским оборона
Да будет Бог, смиряющ прю!

*

Помолимся! Господь помянет
Усердну жертву — всех спасет.
О Боге крепкий росс восстанет,
Престол свой выше вознесет.

*

Желанья кроткие сердечны,
Намеренья, благой совет
Исполнит Царь царей предвечный,
И жизнь народов соблюдет!

*

Верховный мира покровитель!
Вонми наш глас у алтаря!
Повсюду будь нам предводитель,
Спаси и возвеличь царя!

*

Спаси вождей и полководцев
И спутствующих им вельмож!
Спаси усердных ратоборцев,
Еще их доблести умножь!

(Р. Вест.)

ГЛАС К БОГУ МОСКОВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВИЯ ФРАНЦУЗОВ

Всесильный Господи, премудрый
Творец Вселенныя всея,
В щедротах благостей пречудный!
Спаси создания Своя!
Нас враг надменный разоряет;
Велит кумиры обожать;
Священны храмы оскверняет,
Намерен веру он попрать;
Щедрот и благ[1] свою десницу,
Великий Бог, на нас простри!
Подай несчастным нам защиту;
Врагов же гордых рог сотри!
Колена наши[2] преклоняем
С смиренным сердцем и душой,
Горчайши слезы проливаем,
Всесильный Бог, перед Тобой.
Ты общий смертных покровитель,
Единый нежный всем отец,
Премудрый светом всем правитель,
Подай злым горестям конец!
Расторгни мысли их высоки,
И в трусость храбрость предложи,
Пролей кровавы в битве токи,
Врага надменна низложи!

З. П.

XVI

ПЕСНЬ РУССКОГО ВОИНА ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

О други! О восторг! О брани сладкий час!
Уж веют знамена, по ветру распущенны!
Гремит оружие! Летает трубный глас!
Блеснули молнии, булатом изощренны![1]

Други, храбрых воев сонм!
Нам открыто поле славы!
Не страшит нас бранный гром!
Стук оружий, бой кровавый
Воспоенным на щитах
Чадам Севера — забавы:
Жребий битвы в их руках!
Сильны храбрые средь бою,
Стены медны — ратный строй!
Знак ко брани… и стрелою,
Как на пир, летят на бой!
Сеют смерть воспламененны,
Полной дланью сыплют гром…
Бойся ж, бойся, враг надменный!
Ты падешь под их мечем!

О други! О восторг! О брани сладкий час!
Где сопротивные? Где вы, враги надменны?
Уж веют знамена! Летает трубный глас!
Блеснули молнией булаты изощренны!

Посмотрите: на холмах
Растянулись вражьи силы…
Тщетно, други, гордый враг
Роет в мыслях нам могилы,
И себя победой льстит;
Лишь, махнув мечем три краты,
Росс ко брани полетит,
Лишь на дерзостных пернаты
Стрелы тучей устремит —
И враги падут грядами…
Как ветер[2] бурный на полях
Желтый лист крутит буграми

И вздымает пыль и прах:
Так и бранное стремленье
Храбрых Севера сынов
Восколеблет ополченье
Многочисленных врагов!
Как лучи златой денницы
Прогоняют мрак ночной,
Так от сильныя десницы
Расточится вражий строй.

О други! О восторг! О брани сладкий час!
Рассеются враги, падут сопротивленны…
Уж веют знамена! Летает трубный глас!
Блеснули молнией булаты изощренны!

Враг падает…[3] и храбрых сонм,
Свежим лавром увенчанный,
С торжествующим челом
Возвратится в край желанный,
В милый край страны родной.
Луг веселый! Бор кудрявый!
Холм и дубы над рекой!
Вы дадите чадам славы
Тень прохлады и покой.
Нимфы резвые, прекрасны!
Вы, сплетяся в легкий круг,
Им споете песни страстны
И к любви склоните дух!
Ах! Опять мы, нимфы, с вами
Увенчаемся цветами,
Станем дружно в душу жить,
Веселиться и любить!

О други! О восторг! О брани сладкий час!
Красуйтесь, мужеством герои вспламененны!
Уж веют знамена! Летает трубный глас!
Блеснули молнией булаты изощренны!

Вижу, храбрые, в очах,
Вижу брани огнь сияет…
Вам сопутница в боях
Слава дух ваш окрыляет…
О друзья! Смыкайтесь в строй!

Съединитеся душами!
Скоро мы в кровавый бой
Вступим с дерзкими врагами! —
Слышите ль? Булат звучит!
Застонало ратно поле!
Бранный гром с холмов гремит!..
О друзья! Не медлим боле!
Вихрем, быстрою стрелой
Устремимся мы ко брани,
Соберем со славы дани,
Поражая вражий строй!..

О други! О восторг! О брани сладкий час!
Уж веют знамена, по ветру распущенны!
Гремит оружие! Летает трубный глас!
Блеснули молнией булаты изощренны!

Г.

XVII

К ВОИНАМ МОСКОВСКОЙ СИЛЫ, ВЫШЕДШИМ В ПОХОД 14-го АВГУСТА

Ступайте, воины! Сразитесь со врагами!
Не зрели вы врагов; но нашими руками
Бог будет действовать: врагов Он поразит,
И верность ваших душ Бог делом подтвердит.
Давид был пастырем[1]: он Бога призывает;
И сильного врага сей пастырь поражает.
Хоругви Божии нам, воины, даны:
Вещайте: *с нами Бог!* Идем; *никто на ны*[2].

XVIII

НА ПОЖЕРТВОВАНИЕ В ПОЛЬЗУ НОВОГО ОПОЛЧЕНИЯ, УЧИНЕННОЕ ВСЕАВГУСТЕЙШЕЮ МАТЕРЬЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА[1]

Солнце, восходящее на высотах Господних,
и доброта жены добрыя в красоте дому ея.
Из книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова[2].

Когда от горнего к нам свода
Блеснет средь мрака солнца луч,
Вновь оживляется природа,
И мрачность исчезает туч:
Так днесь, под мраком бурь военных,
Коварством злых врагов скопленных,
Лучи спасительны блестят.
С врагом — духов зло преисподних;
Луч с нами благостей Господних!
Враги нам зла не сотворят.

*

О МАТЕРЬ ангела России!
Твой дом для нас есть солнца свет;
Нам в чадах ПАВЛА и МАРИИ[3]
Залог спасенья Бог дает:
Твой дом — есть солнце лучезарно,
Вещает чувство благодарно:
«Твой сын наш царь, и царь сердец;
Он свергнет замыслы коварства.
Где дом доброт, цветут там царства;
Твой дом благословил Творец».

*

В твоем все доме нераздельно,
Душа единая во всех;
Во всех усердье беспредельно,
Чтоб россам Бог послал успех:
Все всем пожертвовать готовы,
Чтоб истребился враг суровый,
Чтоб русский край спокоен был».
Блажен тот край, где добродетель,

Где в МАТЕРИ небес Владетель
Пример добра сынам явил!

*

Как яростным врагам ни злиться,
Как завистью им ни пылать;
Враг Бога лишь того страшится,
Чтоб душ согласных не встречать.
Но дом, МАРИЯ, твой являет,
Что всю Россию оживляет —
Согласье мыслей и сердец.
Враги рассеются, исчезнут,
Себя в ров гибельный повергнут:
Где вера, Бог — там злу конец.

С. Г.

XIX

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ РЕСКРИПТА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ, В КОТОРОМ ИЗОБРАЖЕНО ЖЕЛАНИЕ ЕЕ ПОЖЕРТВОВАТЬ НА СЛУЖБУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НЕКОТОРОЕ ЧИСЛО ВОИНОВ

Где Бог сердцам законы пишет,
Незыблема держава там;
Пусть злобой адской враг наш дышит,
Сам Бог за нас отмстит врагам.
Союз родства, союз семейства,
Согласье мыслей и сердец
Есть добродетелей венец
И основанье благоденства.

*

Твоя сестра, отец-МОНАРХ,
Пример сих доблестей являет;
Тебе душевно посвящает
Сонм воинов врагу во страх!
Так, страх врагу!.. Где добродетель,
Где вера, верность и любовь,
Там адских замыслов содетель
Себе в позор сплетает ков.

*

Позор врагу!.. Но честь и слава,
Где добродетелью держава
Цветет властителей своих;
Народ ведут примеры их,
Пример, дела порфирородных
Устав добра вещают нам,
Падет врагов гордыня злобных;
Где добродетель — слава там!

(Р. Вест.)

XX

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ПЛАТОНА, ПРИ КОТОРОМ ПРЕПРОВОЖДЕН К ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО[1]

Всесильный возвеличит род правых[2].

Нет! Не стареет дух, парящий к небесам!
Платон! Кто мог без слез внимать твоим словам?
Божественное в них включил ты предреченье:
Увидим лютой мы гордыни низверженье,
И веры кроткия увидим блеск побед!
Исчезнет Голиаф, исчезнет злобы след;
Давид Господнею рукою вознесется:
Мгновенно торжество нечестия минется,
А правда навсегда как солнце возблестит!

Платон, чье имя росс с благоговеньем чтит,
Ты образ Сергия к царю препровождаешь,
Ты подвиги сего Святого вспоминаешь:
Он был ревнителем о благе россиян,
И ты ко благу им, о муж великий, дан.
Горишь к Отечеству любовью ты святою,
Как должно чтить царя, пример даешь собою;
Как веру сохранять, ты в том нам образец.
Уже ты был давно властителем сердец,
И днесь могущество умножил ты над ними;
Мы все оживлены предвестьями твоими.
Падет второй Мамай, свирепый, кровожадный,
Пожравший столько жертв и все еще, все гладный!

Злодей в злодействиях всегда ненасытим.
Великий наш монарх идет путем иным:
С ним Бог! Доволен он: народ свой охраняет,
Во имя Господа рать нову созывает
И образ Сергия в защиту ей дает:
Блажен, кто с именем Всевышнего грядет!

Он возвеличится во всех предначинаньях,
Во всех успеет он благих своих желаньях…
Платон! Ты предвестил, что нам готовит Бог:
Бог правду вознесет, злодейства сломит рог.

(Р. Вест.)

XXI

НА СОЕДИНЕНИЕ АРМИИ ПОД СТЕНАМИ СМОЛЕНСКА 1812 ГОДА 22 ИЮЛЯ

Граждане, радуйтесь! Приспел желанный час!
К нам русски воины пришли великосерды;
Гремит повсюду трубный глас,
Гремит предвестие победы.
О русские полки! Вы крепче наших стен,
Которы времени коса уже разбила…
Не дайте, братья, нас, не дайте в тяжкий плен!
Не дайте, чтоб война наш край опламенила!
Наперсники побед! Сыны гремящей славы!
Трепещет в радости под вами здесь земля;
Вас ждут смоленские поля:
Да славой превзойдут чрез вас поля *Полтавы!*
И днесь, о братия, равно как и тогда,
Как туча, двинется на русский край беда,
Текут от запада злодеи разъяренны,
Как змеи ядом упоенны,
И стон глухой дает под силой их земля;
И в трепетных полях мутятся светлы реки…
Грозят неистовцы нам плен сковать навеки,
И кровью усырить цветущие поля;
Грозятся нашими костьми посеять землю
И долы трупами устлать.
Уже я дикий рев и вопль злодеев внемлю;
Текут стада волков России грудь терзать.
О! Как ты сетуешь, Отечество любезно!
О сколь ты древний край российский несчастлив!
Что будет в оно время слезно,
Что будет с вами, жатвы нив?
О старцы древние, седые!
О девы юные, младые!
О жены, льющие потоки горьких слез!
Какой вас жребий ждет? Что будет ныне с вами?
Вам мрачен в горести и светлый свод небес!..
Чья грудь заслонит вас? О россы! Бог сил с нами;
И братья и друзья, усердных россов строи,
Пришли во множестве полночные герои…

……
……
……

О исполнители великих произволов
Мирами правящей судьбы!
Не выдайте *смолян* навек врагам в рабы!
Постойте на полях под нашими стенами
И удержите меч, носящийся над нами!
Чрез час, под бурями, спокойство обретем,
Под тению мечей мы жатву соберем;
А если нужны мы — готовы все оставить
И грудь свою врагам, равно как вы, представить!
Днесь вои и вожди, хранимые судьбой,
Мы духом все летим к Творцу за вас с мольбой,
Везде священный звон зовет народ к моленью;
Я внемлю общему во храмах росских пенью:
«О Боже! — все гласят. — Карай, рази врагов!
Се люди дерзкие, лихие[1],
Текут, как воду пить, в России россов кровь!
В их дланях меч, язык в гортанях изострился.
Огнь брани, лести яд, на русский край полился.
Восстань за россов, *Бог богов!*
И положи в Своем совете,
Чтоб сеющих вражду на свете
Смести, как прах с земли, врагов!
Да в бездны мрачные сольется их народ,
Как ток мимо журчащих вод.
За души, за царей, за веру ополчимся;
Под кровом крыл Твоих врагов не убоимся.
Когда в могуществе святыни,
Творец, нисходишь Ты в подлунные пустыни,
Ко трепетным полям склоняются леса,
От взора ярости сгорают небеса,
И ломится земля под тяжкою стопою…
Властитель, правящий судьбою!
Робеет и молчит весь мир перед Тобою,
Трясутся в ужасе престолы и цари;
Громами облака Твой гнев на нас вещают,
И молнии Твои Вселенну освещают:
Покрой российский край, святые алтари!
Узри, как дождь, текущи слезы,
Узри! Услышь! Спаси! Рассей шумящи грозы!
Вступись за Свой народ! Лук бранный натяни!
Двинь бури — и врагов с земли своей сгони!

Федор Глинка

XXII

К РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ

Сыны Отечества избранны!
Се вашей славы час приспел;
Непримиримый, кровожадный
Галл ныне в наш вступил предел…
Течет — и в ярости стремленья
Считает жертвы, расхищенья,
Грозит со скрежетом зубов
Омыть в крови российской длани.
К щитам, друзья! О братья, к брани!
За алтари, за прах отцов.

Уже МОНАРХ великодушный
Ударил в щит, несется гул…
Воспрянь, о росс, царю послушный!
Воспомни *Пультуск* и *Кагул*,
И *Гейльсберг, Гутштад* и *Ейлау*[1],
Свою и предков вспомни славу!..
И се — отвсюду внемлю глас:
«Вот злато, дети, вот мы сами;
Готовы лечь в бою грядами!
Пожарский, Минин живы в нас».

Познай, о враг, вспоенный кровью,
На зыби основав мечты!
Сонм, братской связанный любовью,
Во бранях с нами встретишь ты.
Изгибы тщетны днесь змеины;
Соблазна чужды исполины:
Повсюду встретишь медну грудь,
К тебе кипящу ярой местью.
Ты златом побеждал, иль лестью…
Теперь о чарах сих забудь.

Воспомни Карла[2] в громкой славе;
Весь Норд руки его дрожал:
Но гордость завела к Полтаве,
И гордый с колесницы пал!
Стремись — стремись к подобной части;
Не лавры ждут тебя — напасти.

К знаменам, россы! Ко щитам!
К царю, друзья! С ним в ратном поле,
Что славу любим жизни боле,
Явим грядущим мы векам!

Ф. Иванов

XXIII

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ. ОДА

Душа всех царств и их ограда,
Надежнейший оплот царей,
Бессмертие кому награда,
Трофеи чьи — ряд алтарей,
О доблесть истинныя славы!
О непорочны, тверды нравы!
О благороднейшая кровь,
К Отечеству любовь!

*

Любовь к Отечеству! — Жар чувства,
Восторг великия души!
Ты под эгидою ль искусства,
Сама[1] свой образ опиши,
Иль в лепоте предстань природной —
Всегда и всем равно красна,
Равно хвальбою всенародной
В веках освящена.

*

Освящена самим законом,
Самою верою святой,
И с сердцем чистым став пред троном,
На зависть наступя пятой,
Ходатайствует у Владыки
Не за себя, за всех сирот.
Цари! Единым вы велики:
Числом своих доброт…

*

Числом доброт стяжая славу,
Пребудете в потомстве ввек;
Тот с радостью вкушал отраву,
Свершал кто благо человек;
Тому название героя
Приличнее из всех честей,
На страже общего покоя
Кто бодрствует душей…

*

Кто бодрствует при общих бедствах,
Рачит в беспечности других,
Неистощим в трудах, во средствах
Спокоить сограждан своих:
Коль царь — закона он во власти,
Коль воин он — то страх врагам,
Коль судия — отмещет страсти —
Причтен к полубогам.

*

Причтен ко сонму их, и равен
С соименитыми в делах…
Отечеству служа, муж славен —
Отечество живет в сынах;
Взаимностью крепясь одною,
Взаимно славимы у всех:
Законом, миром ли, войною —
Всегда во всем успех.

*

Успех во всем, коль свято чтимы
Права граждан, народов честь;
Коль власти истиной водимы,
Коль трону предстоит не лесть,
Но верных груди для защиты,
Не гнувших выи под ярем…
Цари народом знамениты,
Народ блажен царем!

*

Блажен народ и с ним владыки —
Соплещет им в восторге мир!..
Хвала царям — народны клики,
Отечеству — бряцанье лир!..
Отечество своих ироев
Почтит бессмертия венцом;
Они суть в мире, среди боев
Потомству образцом.

*

Потомству дел их важность зрима,
Времен скрижали прочтены:
Вожди Афин, граждане Рима,
России верные сыны!

В веках примеры ваши громки!
На троне, средь суда, в войне
Да поревнуют вам потомки
В отеческой стране.

*

В стране, издревле преобильной
Числом прославленных мужей;
Народ могущественный, сильный
Да служит для Вселенной всей
Примером истинныя славы!..
Да сохранятся древни нравы —
Да не остынет русска кровь:
К Отечеству любовь!

А. Писарев

XXIV

НА ЕДИНОДУШНОЕ ИЗБРАНИЕ С. ПЕТЕРБУРГСКИМ ДВОРЯНСТВОМ В НАЧАЛЬНИКИ НОВОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

Еще, Кутузов, прибавляешь
Ко славе ты своей венец,
Еще, еще ты глас внимаешь
От душ усердных и сердец:
«В Петровом граде силы новой
Будь устроителем, вождем!
Беснует в злобе враг суровой;
С тобой против врага пойдем.
В душе твоей монарх и вера;
Ты силой своего примера
Сердца и души укрепишь
И славный подвиг совершишь».

Где общество единодушно
В избранье польз страны родной;
Где все *царю-отцу* послушно;
Где мыслью все живут одной:
Усилия врагов там тщетны.
Враждебны замыслы бесчестны
Расторгнутся, как слаба нить!
Нельзя лишь правду победить.

Пусть вознесется нечестивый,
Как кедр ливанский горделивый;
Подует ветр — и кедр падет,
И места странник не найдет,
Где кедр дотоле возносился.

Наш враг в тщеславии забылся;
Но не забыли Бога мы:
В юдоль падет гордыня тьмы.
Смиренье, правда вознесутся,
И верой верные спасутся.

(Р. Вест.)

XXV

ПОЛЬСКОЙ
НА ПРИБЫТИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ
В ГОРОД ВИЛЬНУ

Гром оружий раздавайся,
Раздавайся трубный глас…
Сонм героев, подвизайся!
АЛЕКСАНДР предводит вас!
Славьтеся, сыны России!
АЛЕКСАНДР предводит вас.

*

Ликовствуйте вы, герои…
Подвигам ваш час настал;
Торжества героям — бои,
Честь тому — кто в брани пал…
Ликовствуйте, торжествуйте!
АЛЕКСАНДР предводит вас.

*

Новы лавры — мирты новы
Обовьются вкруг чела;
Души и сердца готовы
На примерные дела…
Увенчает вас Россия,
АЛЕКСАНДР почтит всех вас.

*

Град сей полн веселий, плесков,
Презирая вражий ков;
Бурь войны, оружий тресков
Не страшится мирный кров.
Благоденствуйте, граждане,
АЛЕКСАНДР рачит о вас.

*

Пламенеют к вам сердцами
Юны девы, жизни цвет,
Мыслью, взором и устами
Вам желают всех побед…
Их желания свершатся,
АЛЕКСАНДР предводит вас.

*

Гром оружий раздавайся,
Раздавайся трубный глас…
Сонм героев, подвизайся!
АЛЕКСАНДР предводит вас.
Славьтеся, сыны России!
АЛЕКСАНДР предводит вас.

А. Писарев

XXVI

К ЖИТЕЛЯМ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов![1]
Примите нас: мы все родные!
Мы дети матушки Москвы.
Веселья, счастья дни златые,
Как быстрый вихрь, промчались вы!
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!
Чад, братий наших кровь дымится,
И стонет с ужасом земля,
А враг коварный веселится
На башнях древнего Кремля!
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!
Святые храмы осквернены[2],
Сокровища расхищены,
Жилища в пепел обращенны![3]
Скитаться мы принуждены.
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!
Давно ли славою сияла[4],
Своей гордилась красотой?
Как нежна мать, всех нас питала?
Москва! Что сделалось с тобой?
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!
Тебе ль платить поносны дани[5],
Под игом пришлеца стенать?
Отмсти за нас, Бог сильный брани!
Не дай ему торжествовать!
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!
Погибнет он! Москва восстанет!
Она и в бедствиях славна!
Погибнет он! Бог русский грянет!
Россия будет спасена!
Примите нас под свой покров,
О волжских жители брегов!

В. Пушкин

XXVII

ЧУВСТВОВАНИЯ КАЛУЖСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПО ПРИЕЗДЕ ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

Кого все жители встречают
И радостно *хлеб-соль* несут?
К кому и старцы поспешают
И матери детей ведут?

Весь град спешит. Кто ж посетитель?[1]
Герой по сердцу, по делам;
Суворова побед ревнитель[2],
Идущий по его следам.

С ним был в странах он Италийских,
Его живился быстротой;
С ним на вершинах был Альпийских,
Ад грозный видел пред собой[3].

Ад новый россам угрожает
И алчет край наш поглотить;
МОНАРХ сердец и душ вещает[4]:
«Кто росс! На злобный ад ступай!»

В отпор изменника, злодея
Еще является герой;
Он, жаром славы пламенея,
Уже летит душой на бой.

Себя с героем поздравляем;
Принес он радость всем сердцам;
К отцу-МОНАРХУ все взываем:
«Отец! Ты дал героя нам!»

Калужский житель

XXVIII

СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНЕ

Эпическая песнь, посвященная храброму российскому воинству

Когда ночной покров с лица земли исчез,
И алая заря покрыла свод небес,
Какая грозная открылася картина![1]
Необозримая пространная равнина
Представила очам со стороны одной
Европы всех племен вступить готовых в бой;
С другой же — россиян победоносны строи:
Они без чуждых сил, как истинны герои.
В тех злоба, ненависть, безбожие и страх;
В сих вера с верностью и мужеством в сердцах.
Там горесть — тут покой, там голод — тут довольство;
В тех дух отчаянья — в сих духа благородство;
Там ропот, крик и шум, мечей, оружья звук,
На лицах вид тревог, корыстолюбья мук…
Тут русских воинство в спокойстве пребывало,
Хоть с нетерпением час битвы ожидало.
Услыша хитрый вождь несметных галльских сил[2],
Что ропот в воинстве насилием вселил,
Встревожен, раздражен, в ланитах изменился,
Потом, как хитрый змий, пред воинством извился
И, жало испустив, торжественно вещал:
«Уже ль победами гремящий в свете галл
Трепещет, видя бурь сих грозных приближенье?
Или в постыдное он пал уничиженье,
И ропщет, удручен от нужды и трудов?
Ужель вдали не зрит ко счастию следов?
Первопрестольный град Москва, столь знаменита,
Столь лаврами побед во древности покрыта,
Сей битвы славныя являет вам конец.
Вот ждет какой в сей день вас мужества венец!
Жилища роскоши, златы Сибири горы,
Всех упоенье чувств, пиров веселы хоры…
И славы нашея блестящий новый луч.
У вас, у вас в руках от сих сокровищ ключ.
Добычей овладев, орлом самодержавным[3],
Окончим подвиг свой мы миром достославным;

Потом же, возвратясь к пределам мы своим,
На лоне тишины и лаврах опочим». —
Изрек — и воинство к оружью устремилось.
Но что за зрелище у россиян явилось?
Их знаменитый вождь[4], объехав все ряды
С величьем на челе, где храбрости следы
Знаменовалися для воев в тяжких ранах,
Одерживал коня во всех полках и станах;
И прежней юности воспламеняясь огнем,
Рек тако воинству в усердии своем:
«О россы! Вы, чей дух бессмертный, знаменитой
Является в веках нам древности маститой.
Чей дух Владимира и Ольгу ополчил[5],
И к вере истинной Россию обратил!
О вы! Кем новый блеск российская держава
Во дни княжения прияла Святослава![6]
О вы! Кем Невский мог престол ваш защитить[7],
Димитрий, Иоанн врагов в бою смирить![8]
В ком Минин лептами, а мужеством Пожарский[9]
Подвигнулись на смерть за веру, скипетр царский!
Вы! Коих славные в победах знамена
Страшили целый мир и в поздни времена!
Там готфов Петр смирил[10], спас россов близь пучины;
Там понт перунами смущен Екатерины[11]:
Луна кровавая бледнеет перед ней,
Склоняется челом средь тысячи смертей…
И галл, сей хитрый галл, сей адский сын гордыни,
Которому преград не ставят и твердыни
Сил, мужества и прав, и веры глас самой,
Сто раз сраженный пал, о росс! перед тобой.
Уже ль не зрится вам герой ваш Италийский[12],
Который, как орел, чрез высоты Альпийски
С Россией пролетел быстрей, чем Аннибал?[13]
Дивился Сен-Готар, и ад вострепетал,
Узря ее полки, над безднами висящи,
И громы их, врагов над оными разящи!
О храбры воины! Се днесь настал тот час,
В которой за царя, за веру всяк из вас
Явит в полях смертей, что мы — славян потомки!
К оружию, друзья! Перуны ваши громки
Готовьте на врага, кто против Неба мог.
С ним рать сильнейшая… с ним ад… а с нами — Бог!» —
Вещал — и с высоты лазоревой, небесной,

Из облаков златых на радуге прелестной
При плесках воинства тут огненный орел,
Неся лаврову ветвь, над их вождем нисшел.
В сем знамении зря Всевышнего защиту,
В сединах лаврами главу свою покрыту
Со умиленьем он, слезами, обнажил,
Колена преклоня, признательность излил.
«*Умрем, иль победим!*» — восстав, он восклицает:
«*Умрем, иль победим!*» — глас воинства вещает.

И се раздался звук, о битве возвестил;
Построился весь сонм необозримых сил.
Разверзся ад, и треск, гор недра потрясая,
Огнь тысячьми смертей, гром громом провожая,
В бездонных пропастях и тучах повторясь,
Казалось, на оси Вселенную потряс!
Пещеры и леса и долы все завыли,
И солнечны лучи и свод небес сокрыли
Густые облака молниеносных сил!
Впервые бледна смерть познала тяжесть крыл!..
Как страшной бурею, как молнией небесной,
Иль сверхъестественной и силою чудесной,
Стал вдруг бы низложен дубов столетний ряд,
И вмиг разрушился б веков цветущий сад:
Так ряд сих воинов, на битвах возмужавших,
Со стоном падает от жерл громоносящих.
Сей пал без ног, а сей повергнут без руки.
Сей, зрю я, раздроблен во персях на куски!..
Тут юный пал герой, главы своей лишенный,
А близь валяется в пыли изнеможенный,
Которого поверг издохший конь с собой!..
Повсюду на полях багровою рекой
Смочилася трава, цветы на них растущи!
Но что я зрю! Как вод пролив быстротекущий
Оплот остановя, — в оковах содержал,
И сей стремительно оплот развергнут стал,
И воды понеслись шумящим океаном…
Так злобный россов враг, воспользуясь туманом,
Стремился с воинством разбить, низвергнуть в прах
Их левое крыло. О всей природы страх!
Трикраты громы их врагами похищенны;
Трикраты верностью и верой возвращенны!
Смешались молнии, стон смерти, гул и гром,

И мертвые тела возносятся холмом!
А там — как Этна[14], треск и пламень изрыгая
И лаву смрадную кипящу изливая,
Отовсюду молнией летящей возжено,
Пылает, рушится в среди Бородино!
А там — два вихря зрю, как бурею пущенны,
Несутся всадники, друг к другу устремленны!
Стеклись — и страшный вид является очам!..
Сквозь дым светило дня, открыв свой путь лучам,
Представило в красе ужасну, грозну сечу!
Сверкают молньями булаты всем навстречу,
Ударились… звенят… посыплись искры с них,
Сразилися — и кровь уже дымится их!..
Тут острым копием с разлету прободенный
Упал — и смертный вздох исторгнул пораженный!
Окрест булатами упорный страшный бой,
И трупы всадников повергнулись грядой!
Кони ретивые испуганны, в свободе
Ржат, землю рвут, бегут… раздор по всей природе!
Повсюду скрежет, стон и алчущая смерть
Все губит, все мертвит, косой стремится стерть!

Меж тем российская победоносна сила
Во всех рядах полков зрит князя Михаила;
Повсюду мужество являет он собой
И левого крыла усиливает бой…
Как вдруг он слышит стон средь войска огорченна…
Героя Кремского несут окровавленна![15]
И тот, кто перед сим бесстрашно гром бросал,
Безгласен, недвижим, обезоружен стал!
Изнеможенный вождь, свои подъемля очи,
Как тусклы, слабые светила бледной ночи,
Начальному вождю сим взором изъявил,
Что для Отечества еще желал бы сил…
Четыре воина, несущие героя,
Противу всех смертей бестрепетны средь боя
И сами в горести лишались сил своих…
Но сколько пало тут героев и младых!
Любимый воинством, заслугой отличенный
И в лаврах доблестной душою украшенный,
С начала битвы пал от раны Воронцов![16]
Ударом роковым повержен и Тучков![17]
Но чей без всадника бегущий конь ретивой,

С подъятым в верх хвостом, распущенною гривой,
Бросая пену ртом и пламя из ноздрей,
Обрызган кровию, стрелы летит быстрей;
Покрыл ряд воинов он пыли облаками
И снова произвел стенанье меж полками?
Кутайсова то конь! Вождь храбрый низложен![18]
Сей вождь, кто был от всех и в юности почтен!

Вдруг враг, озлобленный упорством беспримерным,
И вяще возгоря отчаяньем безмерным,
Стремился вторгнуться в средину росских сил,
И громы и мечи к ней быстро устремил.
Но что ж? Как бунт стихий, природе всей грозящий,
Окрест твердыни все со треском в прах дробящий[19],
Вотще на скалу весь свой обращает гнев,
Волнующася хлябь расторгнула свой зев…
Так силы вражия в порывах сих ужасных
Не властны устрашить, поколебать бесстрашных!
Вотще стоглавая та гидра мещет гром,
Вотще главы ее рождаются кругом,
По мере, как их росс подобно злаку косит,
В геройские ряды погибель не наносит!
Они недвижимы — и всюду дым густой,
Затмивший для очес и яркий свет дневной,
Невидимо низвел мерцающе светило!
Но Севера сынов тож мужество крепило.
О, сколь же их сердцам священна ты, Москва!
Мамая страшный бой, Полтавская битва,
Прейсиш-Эйлавское, Рымникское сраженья[20]
Не зрели злых врагов столь дивна низложенья!

Уж вечереет день — и скоро ночи мрак
Скрыл смерти бледныя необозримый зрак.
Сокрыл он и позор полков иноплеменных,
Перунами небес отвсюду пораженных.
Враги бегут — и гром кой-где уж гремел.
Умолк — и храбрый росс всем полем овладел.

Д. Гл. б. в.

XXIX

НА ОТЛИЧИЕ ГВАРДЕЙСКИХ КАЗАКОВ ПРИ НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе![1]

За первый к славе шаг героев[2]
Тебя, Господь! Мы воспоем;
Ты верных воинств вождь средь боев,
С Твоим мы именем идем.

Когда с оружием гордыня
Стремится на Твоих сынов,
Твоя хранит их благостыня,
Строптивых Ты смиришь врагов.

Смиришь!.. И гордых обличая,
Позор клевет покажешь их;
Сынов Твоих уничижая,
Хотят вознесть себя одних.

Неправду Небеса карают!
Кого злословит боле враг,
Те первые приобретают
Честь, славу в ревностных полках[3].

Бог правит вашими душами;
В сердцах у вас — к царю любовь:
Отмщайте вашими делами
За клеветы, за ложь врагов.

Господь! Ты благо посылаешь;
Сердца сынов своих Ты зришь!
Сион Ты славой увенчаешь,
И гордый *Вавилон* смиришь[4].

Р.<усский> Вест.<ник>

XXX

К МОСКОВСКИМ СТИХОТВОРЦАМ НА ДЕНЬ 2-го СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА

Где вы, питомцы российского Феба[1],
Кроткие чада смиренных богинь?
Где вы сокрыты, счастливый дар неба?
Во мраке пустынь.

Там вы склонили на томные лиры
Взор ваш унылый в молчаньи, в тени;
Струн их безгласных не движут зефиры[2]
В печальные дни.

Бурные галлы с грозой налетели,
Как пышущий зевом разверстый Эрев[3],
В нашу Отчизну, на праг колыбели,
На гробы отцев.

Движутся гробы, мутятся в них прахи,
В облаке черном дымится земля;
Тени кровавы и бледные страхи
Одели поля.

Хижин убогих и мраморных храмин
Сыплются стены и тонут в крови.
Царствует злоба; на груде развалин
Нет места любви.

Места нет в мире любви и покою
В грозном паденьи перунов и жертв;
Смотрим на небо с надеждой святою:
Глас Промысла мертв!

Тщетно сын мудрый бестрепетным оком
С брега на волны сей жизни взирал;
Зрите! И мудрых, сражаемых роком,
Несет тот же вал!

С пристани гонит дракон кровожадный
Нас, песнопевцев, и с мудрыми вдруг

Все на полете разит беспощадный —
До царства наук.

Долго ли музам на Пинд[4] не являться?
Долго ль в дубравах молчать соловьям?
Росским пиитам без солнца скитаться
По диким местам?

Скоро, о други! Сей гидры стоглавой
Зев сокрушится пред строем граждан!
Бог увенчает иль смертью, иль славой
Потомков славян!

Вл. Измайлов

XXXI

МОСКВА, ОПЛАКИВАЮЩАЯ БЕДСТВИЯ СВОИ, НАНЕСЕННЫЕ ЕЙ В 1812 ГОДУ РУКОЮ ЖЕСТОКОГО И ЗЛОЧЕСТИВОГО ВРАГА, И ВМЕСТЕ УТЕШАЮЩАЯ СТРАЖДУЩИХ СЫНОВ СВОИХ*

Плач Иерем.
I. 1. Како седе един град умноженный людьми…
I. 2. …плача плакася в нощи, и слезы его на ланитех его, и несть утешаяй его от всех любящих его…
I. 8. Грехом согреши Иерусалим, того ради в мятеж бысть…
I. 9. Нечистота его пред ногама его, не помяне последних своих и низведеся пречудно: несть утешаяй его.
V. 21. Виждь, Господи, смирение мое, яко возвеличися враг. Обрати ны, Господи, к Тебе и обратимся; и вознови дни наша, якоже прежде[2].

Москва, престольный град российския державы!
Венец градов, престол величия и славы!
Москва! Где образ твой? Где красоты твои?
Где велелепие? — Увы! Кто даст ручьи
Мне слез оплакать все, Сион![3] Твои руины,
И превращенный рай в вертепы и стремнины?
Кто крепость даст моим младенческим словам,
Чтоб мог я то внушить России всем сынам,
Как мстящею рукой Всевышнего сраженна,
И в сердце самое мечем врагов пронзенна,
Столица древняя, мать северных градов,
Пускает вопль своих о участи сынов? —

Сыны Отечества! Столицы глас внемлите!
К ней взоры полные слез и отрад прострите;
С ней научитесь суд и милость чтить Творца:
Страшиться Судии в нем и — любить Отца.

Вдовицы в образе — без крова, жизни света,
Под пеплом на главе и в рубище одета,
В оковах тягостных, нося в утробе глад,

* Примеч. Сии стихи писаны в 1812 году в продолжение самого разорения Москвы и в первые дни ее избавления от неприятеля[1].

Снедаема тоской, лишенна всех отрад,
Москва слез горестных в потоках утопает
И с стоном, с воплями, с рыданьем так вещает:
«Давно ли центром всей России я была,
Царицею градов и матерью слыла?
Давно ли целого была я света дивом?
Давно ль всех благ земных приливом и отливом
Я подавала жизнь Отечеству всему —
И сердце телу что, то я была ему?
Давно ль под мой покров текли всех званий роды,
Всех стран и областей, всех государств народы?
Давно ли немец, прусс, поляк и самый галл
В моих объятиях блаженну жизнь вкушал?
Здесь — здесь покоились и добрый христианин,
Католик, армянин, еврей, магометанин —
Все здесь покоились — и се! — Увы! — Одна —
Врагов неистовых ногами попрана,
Терплю жестокие мучителей удары,
Грабеж, насилия, убийства и пожары,
Опустошение и плен несносных уз!
Что целых труд веков и что изящный вкус
Могли образовать, соединить, составить,
Собрать, соорудить, вновь завести, исправить:
Все вмиг расстроено; все в прах превращено,
Иль алчного врага рукой похищено.
А где мои сыны? Мои где красны дщери?
В то время, как меня терзают алчны звери,
Как кровожаждущий стран западных орел
Из сердца выпить кровь на грудь мою взлетел,
Куда птенцы мои несчастны удалились?
Где от когтей его, несущих смерть, сокрылись? —
Ах! Странники они в Отечестве своем!
И многих, может быть, ни нощию, ни днем
Не закрываются покоем сладким вежды.
Лишены, может быть, и пищи и одежды,
Не знают, бедные! Что делать, где пристать!
И можно ль горестных им слез не проливать?

Что делать? К матери, о дети! Возвратитесь,
В объятиях моих душами съединитесь:
У сердца моего согрею паки вас —
Но, ах! Кого — куда мой призывает глас?
Зову — куда? Зову — и вдруг объемлюсь страхом!

Все вижу вкруг себя покрыто пеплом, прахом,
Где трон величия? — Где виды красоты?
Все в пламенных волнах исчезло, как мечты.
Где зданья древности? Где те чертоги трона,
Откуда слышали народы глас закона?
Где домы промысла? — Где бедности покров?
Благословенных где пристанища трудов?
Смиренных поселян где хижины простые?
Где непорочности убежища святые? —
Где к ближнему любви священные следы?
Где просвещения бесценные плоды —
Произведения талантов и свободы?
Веками собранны где редкости природы?
Где храмы мудрости? — Так! Жертвы нищеты. —
Мать бедна сирых чад! Куда прибегнешь ты?
К кому прострешь твои дрожащи, старость! Руки?
Торговля, промыслы, художества, науки!
Где обретете вы пристанище себе?
Невинность! Ах! И ты найдешь защиту где?

Руины страшные и пепла черны горы
Чьи, видя, ужасом не поразятся взоры? —
Тристаты ж злобы взор тем веселили свой,
Что пожирал меня, разлившись, огонь рекой.
Так гордость адская, быв в фурии одета,
В неистовстве ты тех лишаешь крова, света,
Кто ига твоего не хочет понести!
Не могут от тебя бессильного спасти
Ни слезы матерей, ни сирых вопли, стоны:
В том состоят твои права все и законы,
Чтоб факел взяв в одну, в другую руку меч,
Иль смертью поражать, иль пламенем все жечь.
Куда пойдешь ты, там все в пепел обращаешь.
Из мертвых тел себе помосты устрояешь
Чрез реки, полные смешенных с кровью слез;
Гигантов дерзких мать — врагов самих небес!
Главу змеиную ты к облакам подъемлешь,
Оттуда стран земных пространства все объемлешь
И алчешь чуждых царств престолов и корон:
Так может ли тебе быть внятен дольний стон? —
Но знай, мой злобный враг! Что кровь и капли слезны
Невинных с воплями проникнут свод небесный;
И — правда вечная отомстить восстанет их.

Ты хитр, — но сам в сетях погибнешь ты своих.
Ты горд и — славишься; но тем твое падение
Страшнейшее тебе готовить сокрушенье. —
Ты носишь по земле с собой мучений ад
Для граждан истинных, для верных церкви чад.
Но что? — Еще твои неистовы желанья
Какие страшные родили злодеянья?
Ты в гордости попрал честь Бога самого!
О! Поразит тебя всемощный перст Его! —

О Боже праведный! Еще зла не осталось,
Которое б уже сто раз не совершалось
В руках нечестия, в руках моих врагов!
То мало, что моих рассеявши сынов
И к ближним погасив останок всей любви,
Алкают лишь смертей и вечно жаждут крови,
Вопль человечества, природы глас презрев;
То мало, что честь жен и непорочность дев
Или достались их желаньям гнусным в жертвы,
Иль под мечем они должны пасть были мертвы;
То мало, тяжкое что бремя уз влеку
И глубочайшую пью горестей реку;
То мало, что в моих пожрал все недрах пламень
И опаленный лишь повсюду зрится камень,
Расседин иль руин имея страшный вид;
То мало, что весь грунт земли моей изрыт,
И хищников рука остатком завладела,
Который сохранить для нужды я хотела.
Все мало! Боже мой! — Мой враг есть враг и Твой.
Как он ругается святынею самой!
С какою наглостью в Твои стремится храмы,
Где чистые любви курились фимиамы
Тебе, великому, святому Существу
И верных, добрых душ благому Божеству!
Там огнь свирепствует неистовств нечестивых,
Как мира средь путей греховных и строптивых!
Богоизбранные венчались где цари,
Там грабит святотат и рушит алтари!
Тебе где и Твоим царям клялись народы:
Там хулит промысл Твой глас буйныя свободы!
Где песнословия от искренних сердец
Гремели пред Тобой, о всеблагий Отец!
И славили Тебя, как ангельские лики:

Безумных слышатся пиянственные крики,
И необузданных там ржание коней!
О ужас! — Где престол был святости Твоей,
И жертвенник даров Божественных, небесных,
Там место непотребств иль ясли бессловесных!
Так, Бог мой! Ты себе где храмы освятил,
Там враг Твой нечистот все роды поместил!
И мало ли уже бесчинств сих дерзновенных? —
Но, о страшнейших сцен! — Мой царь! — Мой Бог! — в священных
Изображениях мужей Твоих святых,
И Сына Твоего и в собственных Твоих
Ты сам стал обнажен и терпишь оплеванья,
Ударов тьмы и язв, хулы и поруганья,
И самый крест, Твой крест, дражайший Иисус!
Твой крест — спасение людей от вечных уз,
Крест — знамя всех побед, крест, коим тверды троны,
Крест, освящающий и скиптры и короны —
Сей самый крест, златых был совлечен одежд,
Се попирается ногами злых невежд!
О Боже, Боже сил! Царю царей! Доколе
Путей не пресечешь врага строптивой воле?
Доколе дашь Себя нечестию ругать,
Смеяться истине, святыню попирать?
Доколе церковь рук дрожащих воздеяньем
И бесспрестанным слез горячих излияньем
На своего врага Тебя не ополчит?
Доколе за меня Твой ангел не отмстит?
Доколе?» — С словом сим в безмолвье погружена
И в размышление святое углублена,
Вдруг содрогнулася — взор к небу возвела,
И так, из внутренних недр воздохнув, рекла:

«О бедствиях моих я к Богу вопияла,
И Промысла на суд едва не возроптала;
Но мысля, горек сколь моих источник слез,
Я милостливым чту гнев праведный Небес.
Сыны мои! О вас болея — к вам взываю
И матернею вас любовью обличаю:
Не прежде ль бедствий сих и к ближним и к Творцу,
К собратиям своим — к благому всех Отцу
Забыли вы любовь? И — пало основанье,
Которое одно дел добрых держит зданье!
Тогда стал царствовать порок у нас в сердцах;

А добродетели блистали лишь в устах.
И может ли там быть жилище их святое,
Где самолюбие жестокое, слепое,
Разрушив истинной любви священный трон,
К всеобщему вреду приемлют за закон? —
Тогда исполнена смертельным зависть ядом,
На всякое добро дыша внутрь скрытым адом,
Чреватев злобою, тьмы бед рождала вдруг.
Ах! Стрел не избегал ее и самый друг.
Когда же зависть так вас, чада! Уязвляла,
Иль с вами мало я уже тогда страдала? —
Но гордости еще вселился дух во мне:
И сколько душ тогда лежало в смертной тьме! —
Сколь многие честьми одними лишь дышали! —
Но истинной цены достоинствам не знали.
Изнежен праздностью, породой, гордый дух
Не мог сносить трудов, не мог терпеть заслуг.
Тщеславия рука давала часто чести
Не добродетелям, но ползающей лести,
И — истина открыть таланты где б могла,
Там гробом им еще их колыбель была.
А воспитание — увы! Иноплеменно,
На яде замыслов зловредных растворено,
Мне нравы принесло чужих народов, стран!
И где был россов дух? Где храбрых род славян?
Где трудолюбие, благословенно Богом?
Где прежня крепость сил? — Сыны! Вот что залогом
Имела я всех благ и славы моея!
Но негой, роскошью когда пленилась я
И праздности из рук любила пить забавы:
Сии невинных душ подслащены отравы
Ослабили, увы! К погибели моей,
Пульс крепких нерв моих заразою своей!
Тогда я ложных благ на лоне задремала
И вечным моему блаженству быть мечтала,
В беспечном сне одной корыстию дыша,
Корысть, о горе мне! — Была моя душа.

Где царствует корысть, там честность, верность, вера
Прекрасны лишь в словах, а в сердце — суть химера.
Мздоимцу Бог — сребро, и в нем царя чтит он.
Прибыток — вот его и честность и закон! —
Не чтит он милости, а правду ненавидит:

Ему лишь свято то, свою в чем пользу видит.
Так, где сильна корысть, там правда изгнана,
Невинность страждет там, честь, совесть попрана;
Там водворяются невежество, презорство,
Лесть медоточная, и хитрое притворство,
Вина общественных, неисцелимых ран;
Там наглость, варварство — ложь, клеветы, обман,
Обман между родных, обман между друзьями,
Между супругами, между сынов с отцами;
Обман на торжищах, в судах и — вкруг царей,
Обман в святилищах, обман у алтарей!

Увы! Корысти всю жестокость я познала,
От алчных рук ее все скорби испытала.
Когда я начала боготворить сребро,
Тогда любить могла лишь мнимое добро.
Тогда злость, мщение, приявши силы новы,
Не редко рушили невинных мирны кровы.
Тогда купилися богатство и покой
И правосудие и истины ценой;
И часто именем и славой знаменито
Являлось зло, добра личиною покрыто.
Смиренье ж чистых душ — при доблестях прямых,
Иль лицемерия, или характеров злых,
Или невежества считали за пороки.
Тогда учения небесного уроки, —
Божественной любви единственный залог
И веры истинных сынов первейший долг,
Не столько нравились, как слов блестяща внешность;
Тогда любовь к отцам и даже к чадам нежность
Основывалися на выгодах одних,
А не на правилах божественных, святых.
Тогда сокровища мои мне стали вредны.
Как скупость с роскошью, всегда быв сами бедны,
Из бедных с потом их, с слезами пили кровь;
(Ах! Сколько к ближнему страдала в них любовь!)
В то ж время — нищета, жизнь в лености влачаща,
О благе и своем и ближних не радяща,
Впивала с жадностью в себя пиянства страсть,
И в необузданну ее предавшись власть,
На все бесчиния и наглости решалась,
На грабежи, татьбы, убийства устремлялась.
Любимцы счастья, среди забав и нег,

На лоне роскоши, в объятиях утех,
Тогда для собственных лишь удовольствий жили
И благодеющий им Промысл позабыли.
Противен даже им был церкви нежный глас:
Казалось, самый луч в них разума погас.
Они храм всех страстей — не мысля о святынях,
Богопочтения воздвигли на руинах.

В забвеньи Бога — скрыт источник бедствий всех.
Кто спит сим смертным сном, живет один в том грех,
И к человечеству любви в том быть не можно.
«Я счастием живу, — так мыслит он, — и должно
Мне счастью и служить, его блеск умножать,
И где кого могу — теснить и разорять».
На сих правах не знать ни уз родства, ни дружбы,
Ни добродетелей, ни верной, рабской службы,
Ни обязательства, ни клятвы никакой
Не чтить, и — нарушать общественный покой
Пронырством, кознями, изменой, клеветами,
Хулой, ругательством, иль льстивыми словами,
Иль наущением, иль скрытием злодейств,
И словом — помощью всех гибельнейших средств,
Рождая в обществах, в семействах брани, ссоры,
Вражды, злопамятства, открытые раздоры:
Вот мира правило — причина многих зол,
Потрясших моего величия престол!

Когда сии меня обуревали волны
И недра сих мои смятений были полны,
Тогда ж — средь бездны сей греховных, смертных вод,
И любострастий я познала горький плод.
Ах! Узы самые священного закона
Прелюбодейств была малейшая препона!
«Во всем нам даровал свободу наш Творец,
И сей бесценный дар чувствительных сердец!
Почто же на себя класть волею оковы?»
Такие чувствия, такие мысли новы,
Растлив невинные сердца, влекли в разврат.

А, наконец, разлив свой вольнодумство яд,
Исполнило меня нечестием без меры —
Померк небесный свет Божественныя веры.
Но сколько слез еще мне надобно пролить,

Чтоб тайные следы лжеверия омыть! —
Творец! Сколь часто зрел и Твоему престолу
Ты предстоящую в смирении крамолу!
Сколь часто пламенны молитвы на устах
Таили хладный лед бесчувствия в сердцах!
Сколь часто полными заразных стрел очами
Дерзала пред Тобой лесть слезы лить реками!
О страх! — И кровь Христа, бесценный бисер Твой,
Сколь часто был попран немысленных ногой!
Что ж напоследок дней? — Рабов средь непокорных
Я не могла избрать сынов, Тебе угодных —
Спасенья моего в достаточный залог,
Как Аврааму Ты давал обет, мой Бог! —

Чего ж мне ждать тогда, о дети! Оставалось,
Когда в вас сердце зол таких не содрогалось?
Когда приличный вам не внятен был для вас
Сей ко Израилю гремящий свыше глас:
«Сынов Я породил, украсил блеском славы;
Но отреклись они от Моея державы.
Бессмысленный осел, вол буйный познает
Того, кто их, стяжав, питает и блюдет.
Но не познал Меня Израиль, Мной хранимый,
Ядущий снедь Мою, Моей рукой водимый,
Мое стяжание — Мой избранный народ.
Увы! — Нечестия, грехов исполнен род! —
Сыны лукавствия, неправд растленно семя!
Какое тяготит вас беззаконий бремя!
Вы отвратилися от Бога своего,
Святого презрели, и — гнев на вас Его!
Почто, еще свои злодейства умножая,
Вы губите себя, тем смертно уязвляя? —
В вас безболезненной главы единой нет,
В вас сердце каждого скорбь лютая грызет.
От ног в вас до главы нет целости: все члены
Иль струп, иль язвы суть, иль раны разпаленны;
Не может их елей, ни пластырь врачевать;
И не даете вы их даже обвязать.
Жестокосердые! Что бездна приношений,
Мне ваших? — Не хощу Я овних всесожжений,
И не угодны Мне от ваших хищных рук
Ни юнческая кровь, ни агнцев чистых тук[4].
Ничто есть семидал[5], от вас Мне приносимый,

И гнусен фимиам ваш, предо Мной куримый.
Я ваших более грехов не потерплю,
И даже в час молитв на вас Я не воззрю».

Ах! Сколь народ Творцу противен беззаконный,
Сыны! Вы слышали, но были непреклонны.
И наконец Мне стал необходим сей рок,
Сиону древнему что возвестил пророк:
«Сион! Жестокая тебе судьба постигнет,
И красота твоя и твой покой погибнет.
Восстанет враг — твоих преграды рушить стен,
И повлечет тебя оков несносных в плен.
То, вековыми что ты приобрел трудами,
Мгновенно алчными расхитится руками.
Дхновенье пагубно кровавыя войны
Все сокрушит твоей забрала тишины.
Что ж узы и грабеж носящих рук избегнет,
То под мечем падет, иль в пламени исчезнет».

Все, все исполнилось на мне! — От всех зрю стран
Меня покрывший зол безмерный океан.
Се твой Сион, се мать твоя, Израиль новый.
Лежит, повержена в тягчайшие оковы,
Нага, поругана, покрыта срамотой
И окруженная повсюду пустотой;
Благоговеньем созданных Богу храмов,
И благовония чистейших фимиамов,
И жертв, и алтарей и церкви верных слуг,
Увы — несчастная! Всего лишена вдруг.
Без проповедников Божественного слова,
Без благовестия учения Христова,
Не зная ни торжеств в честь Богу моему,
Ни памяти мужей, возлюбленных Ему,
Ни славословия дел творческих, чудесных,
Уже не пажитью овец Христа словесных,
Не материю чад бессмертных стала я,
Не дщерью избранной великого царя,
Не градом Божьим, не царством благодати;
Но, ах! Вертепом злой разбойнической рати,
Которой наглости нет никаких препон!
Ни человеческий, ни Божеский закон
Ни от каких злодейств ее не отвращает:
Святыни все она ногами попирает,

Ругая честь Твою, Вселенныя Творец!
О зверства крайнего неистовых сердец!
Не дивно, если бы род, чтущий Магомета[6],
Или иной народ, лишенный веры света,
С такою дерзостью стремились в Божий храм,
И похищали все, иль оскверняли там. —
Но хвалящиеся о имени Христовом,
И воспитавшиесь в Его законом новом,
Народы не одних обычаев и стран,
Но съединенные под титлом христиан,
Единого Христа, единой веры чада,
Как изверги ее, как порожденья ада,
На Бога своего и на Его Христа,
Простерли мерзостей исполнены уста
И руки, кровию собратьев обагрены!
Злодей! Иль мало быть врагом всея Вселенны,
И бездну адских сил с вмещающей душой,
Разить и погублять убийственной рукой
Не тысячи, не тьмы, но целы миллионы,
И к блеску лестию похищенной короны
Хотеть, чтобы под ней стонала вся земля,
А вкруг стояли бы кровавые моря?
Иль мало то? — Почто ж на Небо ополчаться? —
Чтоб самый ад себе заставить удивляться!
Злодей! Ты сколько б стрел мне в сердце не вонзил,
Чего бы ты меня, тать хищный! Ни лишил;
Но менее бы я терпела сокрушенья
Без страшного святынь великих разрушенья.

О Боже! Или Ты их сохранить не мог?
Нет! Чувствую, что сим меня разит сам Бог.
Сколь много Он следов своих благословений
Врагам моим, — моих виновникам мучений
Изгладить попустил от моего лица!
Премилосердного прогневать так Отца,
Что может быть сего несчастия страшнее?
Сыны мои! Сердец что ваших жесточее,
Коль Благость самая, в их глубину прозрев,
Подвиглась против вас на столь великий гнев?
Очувствуйтесь, себя познайте, умилитесь,
Примите веры свет и к Богу обратитесь!
Рук с воздеянием молитеся Ему:
Надежда Он один к спасению моему.

Молитесь, долу пад и слезы проливая;
Но помните всегда, чтоб вера в вас живая
И сокрушение сердечно о грехах,
Не суеверие, не грубый рабский страх,
Иль лесть притворная те слезы проливала.
Молитесь, но не так, чтобы душа не знала,
Что говорит язык, или что внемлет слух.
Молитвы существо — суть истина и дух.
Хвалы Всевышнему и жертвы приносите;
Но все то будет грех пред Богом, коль возмните
Лить слезы ближнего — свободу тем купить,
Иль право похищать и клеветой язвить. —
Молитеся в любви, с благоговеньем сердца,
С смирением, в простоте, в незлобии младенца;
И — чтобы вашим внять отечески мольбам,
Внемлите, что сам Бог повелевает вам:
«Омойте вы свой грех, и сердца с чистотою,
А не с лукавством душ являйтесь предо Мною.
Познайте долг свой — долг суд правый соблюсти,
Невинных оправдать, обидимых спасти;
Примите сирого, вдовицу защитите,
Любите истину и всем добро творите:
Так научившися закон Мой исполнять,
Дерзайте пред Меня с молитвою предстать.
Услышу и грехи рабов Моих омою,
Прострy свой свет на них и славой их покрою.
Тогда рекут враги, зря верных Мне сынов:
«Сион есть правды град и матерь всех градов».
О дети матери несчастной! Где ни скрылись,
Куда от вражеских вы стрел ни удалились,
Везде сей Божий глас ваш да проникнет слух,
В вас умягчит сердца и оживит ваш дух!

Быть может, что моих величий разрушенье
Остановило б в вас сердечное влеченье
Ко перстям матери без крови — без млека;
Но вечно благ полна Всевышнего рука.
Пусть адской злобою неистовой гордыни
Разрушены мои жилища и святыни;
Пусть я лежу нага — Вселенной на позор,
Но Бог прострет ко мне свой милосердный взор,
И жребий мой… Но, ах! Какие бедства новы
Готовят мне души ожесточенной ковы!

Когда расхитили сокровища мои
Без насыщения алкающи враги,
И даже — ах! Гробниц коснулись сокровенных
И прах рассыпали мне предков драгоценных,
Когда во вретищный я траур обреклась
И матерью сирот несчастных нареклась;
Когда мои пути под трупами стонали
И кущи бедные в отчаянье рыдали;
Когда уже живых глад начал пожирать
И воздух смертною заразой угрожать:
Тогда — я чаяла — злодей меня оставит,
Страх смерти в нем — моих от смерти чад избавит.
Но он, когда свою мысль к бегству простирал,
Тогда мне новое паденье устроял.
Ах! Не могу я той ужасной ночи вспомнить,
Чтоб взора моего слезами не наполнить, —
Той ночи пагубной, в которую злодей
Всю на меня излил желчь ярости своей! —
Как кровожадный тигр, тигр гладный, разъяренный,
Стрелою ловчего внезапно пораженный,
Добычей пойманной отчаявшись владеть,
Бежит — и растерзав, свою бросает снедь:
Так корсиканский тигр, меня лишаясь, в жертву
Умыслил принести неслыханному зверству.
«Не мне и никому!» — изрек второй Нерон[7]
И огненных разлил подземно море волн.
Тогда центр подо мной земли поколебался
И воздух над моей главою взволновался.
Казалось мне — земля вступила с небом в бой,
И мнила я, что час пришел последний мой.
Вдруг с треском тысячи перунов загремели
И горы камены на воздух возлетели
Из дышущих огнем и черным дымом жерл:
Тут на меня хаос густую мглу простерл…

Умолкло — день настал — и вдруг какие сцены
Мой поразили взор! — Кремлевски пали стены,
И благовестия колосс едва не пал.
Вселенная! зри, как злодей меня терзал!
Но ни развалинам моим ты не чудися,
Ни гордости врага жестокой не страшися;
А только научись суд вышний почитать,
И правду вечную и милость лобызать.

Я не Творца ль спаслась всесильную рукою,
Когда враг варварством с наполненной душою
Той фурий яростью против меня горел,
Что в замыслах, духам злым свойственным, хотел
Разрушить все мои столетние твердыни
И древности рукой воздвигнуты святыни? —
Вот на меня его последний приговор:
«Да будут стерты в прах сердца Кремлевских гор;
Да от лица земли Москву изгладит пламень,
И не останется на камени в ней камень!»
Вселенная! Моих вняв самых камней стон,
Познай, что твари всей есть бич — Наполеон.
Он носит душу, столь убийством разъяренну,
Как бы кипящую сил тартарских[8] геену;
Он алчет рушить всех величие корон,
Лишь на развалинах поставить бы свой трон[9]
И одному царем быть на земле державным.
Вселенная! Ты зришь, как замыслом тщеславным
Сын беззакония — злой властолюбец сей,
Уничтожает честь и власть твоих царей.

Но что еще? — Когда нечестия стрелами
Уже воюет он с самими небесами:
То скоро сам падет. — Падет! — Но от кого,
Коль не от мужества, Россия! Твоего?
Коль верностью твои сыны единодушны,
Велениям царя единого послушны,
В оружие всех сил — облекшись в Божий страх,
Приимут веры щит — падет Вселенной враг!
Как к солнцу гром орла парящего сражает,
Иль с корнем из земли вихрь дубы исторгает:
Россия! Так твой Бог злодею рог сотрет;
А дней твоих судьбу, как полдень возведет.
И паки я явлюсь во славу облеченна,
Прекрасна — как Эдем[10], как солнце — вознесенна.
Свет буду чад моих — в блистании святынь;
Врагов страх — в крепости нерушимых твердынь.

Но ах! Какой себя надеждой я ласкаю?
Откуда помощи себе я ожидаю,
Я — жертва бедности, достойна горьких слез,
От самых, кажется, оставлена небес?

Хоть матери на вопль и соберутся чада,
Но в них какая мне иль им во мне отрада?
Где кокош[11] без гнезда, без крыл — нагих птенцов
Согреет, соблюдет? Где им найдет покров?
И чем птенцы сии, еще не оперенны,
Помогут матери, быв сами сил лишенны?
Какая ж мне еще скорбь лютая грозит! —
Какой удар меня, несчастную, сразит,
О драгоценностях своих когда всяк вспомнит,
И голос воплей сих здесь воздух весь наполнит:
«Где сердобольный мой, дражайший мне отец,
И жизни моея и счастия творец?
Где сын мой? где моей единый луч надежды?
Ах! Кто в последний час мои закроет вежды? —
Где благодетель мой? — Где истинный мой друг? —
Где чад моих отец и верный мне супруг? —
Где сердцу моему возлюблена супруга,
В которой я имел себе жену и друга? —
Где нежна мать моя? — Моя где юна дщерь?
О жертва! Боже мой! Как знать ей к гробу дверь
Отверзлась чистотой ли невинности рукою? —
Где дети милые сынов, рожденных мною? —
Где сродники мои, с которыми делил
Я радость и печаль и тем лишь счастлив был? —
Где брат усердный — плод со мной единой крови? —
Где кроткая сестра, достойная любови? —
Где драгоценные сокровища мои,
Для коих истощал все силы я свои? —
Где мой чертог? — Моя где хижина простая?»
Сих поражающих гром воплей я внимая,
Что возвещу им? — Что мой им покажет перст? —
Здесь пепл и прах — а там — труп по земле простерт,
Труп обезглавленный, от гнойных ран смердящий,
В которых уж давно гнездится червь точащий.
А там — подобный труп, уже внутрь полный вод,
Влекомый быстротой, вниз по реке плывет,
А там — под камнями тел груды раздробленных;
А там — от пламени в персть[12] черну превращенных;
А там — какой позор! — Но слез, увы! Ручей,
Претит исчислить мне всех образы смертей,
Что плоть людей Твоих, о Боже! Поедали
И тем грудь матери жестоко поражали.

Что ж? иль унынию и я тебя предам,
И покажу пример отчаянья сынам?
Никак! — Пусть красоты мои в прах обратились,
Пусть вы несчетных благ, сыны мои, лишились;
Но — избавляется чрез то Россия вся.
С какой отрадою сим утешаюсь я!
Мгновенно горести мои все забываю;
С живым лишь чувствием себе то представляю,
К бессмертной славе что под игом кратких бед
Премудрый Бог мое Отечество ведет.
Злой враг, под свой ярем всех царств склоняя выю,
Мысль горду — алчный взор простер и на Россию,
И жесточайших ей готовя море зол,
Своими кознями полсвета обошел,
Там страха, здесь родства оковы налагая;
Там пышные слова, здесь злато расточая;
Там дружески слепой народ опустошив,
Здесь с братской нежностью царя всех прав лишив;
А наконец — собрав бесстыдства все, всю злобу,
Корысти алчность всю, вместил в свою утробу
Сих фурий сонм, чтоб в прах Россию обратить
И вечным славы блеск ее стыдом покрыть.
Но правды Бог на мне исполнил гнева меру:
И се — безбожный враг мой, чтущий за химеру
Закон, религию и Вышнего судьбы
И мыслящий, что все народы суть рабы
Единого царя земли — Наполеона,
Се — сей воздушного всех царств мечтатель трона
Трепещет — внутрь нося отчаянье и страх;
Мятется, как с земли подъятый вихрем прах!
Боясь всего — бежит через села, веси, грады,
Бежит — и в память сей постыдной ретирады[13]
Несчетны тьмы его жизнь, славу и покой
Брегущих воинов бросает за собой —
На жертву хладныя зимы, меча и глада.
Так мстит врагам моим мой Бог, моя ограда! —
Злодей! Еще не все злодейства учинил,
Не все здесь ниспроверг, не все ты осквернил;
Почто ж, не совершив намерений толиких,
Бежишь — весь страха полн — при силах столь великих? —
«Я ваш отец», — своим ты воинам так льстил,
Когда при наготе их смертный глад томил. —
«Умрем, иль победим! — Всегда я с вами всюду,

И браны подвиги делить и лавры буду».
Но где, когда, каких ты не нарушил клятв?
Ты обманул своих — и побежал стремглав,
Их трупами следы кровавы застилая,
Свою жизнь тысячьми невинных жертв спасая.
Се образ к подданным нежнейшего отца!
Се вождь, достойнейший бессмертного венца!
О! Ужасов каких исполнит все потомство
Сие неслыханных жестокостей геройство! —
Враг человечества! — Но время ли тебе
Теперь напоминать о будущей судьбе? —
Бежишь ты — и о том лишь только помышляешь,
Что гибелью себя народною спасаешь.
Бежишь! — Но можно ль где от мести Вышней скрыться?
Злодей, убийствами привыкший веселиться!
Уж крови подданных твоих течет река:
Но Божья еще десница высока! —
Придет час — на тебя Вселенная восстанет,
Земля возопиет, — гром мщений с неба грянет…
И — ад пожрет тебя! — Беги ж — беги, злодей!
Но не пришла ль уже твоих кончина дней? —
Всего боишься ты! — Какая ж тайна сила
Отчаяньем твой дух геройский поразила? —
Трепещешь! — Кто же сломил твоей гордыни рог? —
Вождь россов — Михаил[14] — в нем веры дух — с ним Бог!

Сокрылся враг — мои разрушились оковы,
И тишина златит спасены Богом кровы;
В долину мирну с гор как льются токи вод,
Отовсюду так ко мне стекается народ.
Уже поселянин плод классов драгоценных
Несет ко мне, и — мзду трудов благословенных
Приемлет из моих с благодареньем рук.
Уже я слышу здесь секир и млатов звук.
Художник всяк свой труд без страха начинает,
Кисть полотно — резец металл одушевляет.
Но кто? Каких, увы! Художников рука,
Рассеяв мглы, меня покрывшей, облака,
Осуществит моих великолепий виды?
Восставит кто мои колоссы, пирамиды,
Огромны здания, Кремлевских крепость стен?
И — чтоб я свой могла забыть скорее плен,
Кто облечет мои в величие святыни?

Возможно ль, чтоб была я раем из пустыни
И вдруг из вретища оделась в блеск красот?

Надежда веры — Бог, источник всех щедрот.
Сыны! В напастях сих смущаться нам не должно:
Надежда веры — Бог, от Бога все возможно.
Он рек — и облеклось в прекрасный мир ничто;
Речет — и в чем есть жизнь, в миг прахом будет то!
Творит и бури Он и тишину природы,
Приемлют от Него ж и казнь и честь народы.
Он отвратит лице — падет цветущий град;
Воззрит — и расцветет пустыня в вертоград[15].
Источник Он чудес! — Коль мещет гнева взоры —
В тьму превращает свет, в сушь бездны вод, в пыль горы.
Но милостью воззрит — ручей из камня бьет,
Родит неплодие, и облак манну[16] шлет.
Благ и всесилен Бог! — От Бога все возможно!
Сыны! Средь бедствий сих смущается нам не должно.

Отец, Спаситель наш — и в гнев Бог своем.
Ожесточился враг, — и Он его мечом,
Как врач стал действовать над вашими сердцами,
Цепь рассекая, их связующу с грехами.
Враг мыслил лишь в ничто преобратить меня
И видеть, в пламени как исчезла я, —
То было для его богатым пиром злости;
Но Бог его рукой — огонь в мои свел кости,
Чтобы растленья в них всю гнилость попалить.
Он крепость стер мою, чтоб дух ваш утвердить
Не на ничтожности, не на подпорах тленных,
Но на столпах своих надежд благословенных.
С благодарением благословим Творца! —
Безумен сын, когда он ропщет на отца,
Казнь от руки его жестокую приемля
И вместе глас его, сей глас нежнейший внемля:
«Сын мой! Любовь мою порок твой огорчил;
Отец твой хочет, чтоб ты добр и счастлив был».
Но се — се глас Отца Небесного любви:
«Израиль, купленный ценой бесценной крови!
Доселе грех Меня с тобою разлучал;
Доселе в счастии Меня ты забывал.
Прельщенный суетой — назвал ты чрево Богом
И миру предался. — Когда бы в гневе строгом

Я на тебя хотел всю месть Мою излить,
Тебя б оставил в след сих идолов ходить.
Но о спасении твоем ко Мне взывает
Кровь Сына Моего, — любовь Моя внимает, —
И ты от вражеских великих, злобных сил
Лишаешься того, к чему пристрастен был.
Я попускал — и вот мои последние меры, —
В Сионе утвердить престол любви и веры!
Исполню Я тебя земных и вечных благ,
Прибегни лишь ко Мне в сердечных ты слезах!»
Бог — наш Отец! — Сыны! Смущаться нам не должно.
В Его десниц все — от Бога все возможно.
Он взор отеческий едва на вас простреть,
Мгновенно горестей мрак ваших разженет.
Воззрит к России Бог — все твари ополчатся
На общего врага, а россы воружатся
Непобедимою, всемощною рукой.
В них отрок — будешь муж, поселянин — герой.
Тогда — среди торжеств, в сиянье новой славы,
Во плоти ангел — царь российския державы,
Как нежный друг людей, как поданных отец,
Отрадой оживит вдруг тысячи сердец. —
Тогда Елизавет — мать россов и царица[17],
И благотворная вдов и сирот десница —
МАРИЯ кроткая[18], лучи щедрот прольют, —
И запустения вертепы процветут.
Воззрит Бог милостью — и новы здесь твердыни,
К досаде, к рвению злодейския гордыни,
Возникнут новых внутрь незыблемых забрал,
Чтоб враг их потрясти и мыслить не дерзал.
Воззрит — и пастыри, исполняясь кротка духа,
Утешат страждущих — в сердца, через чувство слуха,
Надежды мирныя к ним простирая луч;
А светом добрых дел разгонят мраки туч
Греховных — и тогда истает камень в слезы,
И терн произрастит благоуханны розы.
Тогда и к ближнему любовь и правый суд
Воскреснуть здесь — и все закона в след пойдут.
Тогда в величие святыни облекутся,
И фимиамы в них чистейши разлаются,
Как плод смиренных душ — в небесный внидут храм
И будут жертвою благоугодной там.
Тогда благ потекут ко мне отвсюду реки

И измеряемы годами будут веки,
В которые наверх я славы той взошла,
Где удивлением Вселенныя была.
Тогда, столицей быв земныя славы трона,
Я буду образом и горнего Сиона.
Се слава истинна, величий всех венец!
Се любящих Сион едина цель сердец!

Великий Боже! Взор к Тебе я простираю,
А дух к подножию Твоих ног повергаю
И благодарные лью слезы пред Тобой.
И в самом гневе Ты — Отец, Спаситель мой!
Ты Бог мой и покров, мой щит, моя ограда:
Ты свет очей моих, моей души отрада.
Моя надежда Ты — блаженство Ты мое:
В Тебе едином зрю спасение свое.
Отец любви! в любви повергшись пред Тобою,
Я умиленною молю Тебя душою:
Сердца сынов моих к себе Ты обрати,
Согрей любовью их и верой просвети,
Даждь добры чувствия и совесть им благую;
Даждь мудрость с кротостью, жизнь чистую святую!
Из глубины души пролив мольбу сию,
Еще, о Боже мой! К Тебе я вопию:
«Небесных милостей Ты осени покровом
МОНАРХА моего, и славы в блеске новом
В владыках царств земных его превознеси!
Его рукой — меня, Отечество спаси;
Злодея сокруши все силы дерзновенны,
И утверди Твой мир во всех концах вселены!
О Боже! — Но еще ль не успокоюсь я? —
Мой Бог! — Ты — все мое… в Тебе душа моя! —
Безмолвствую — к Твоим судьбам благоговею;
Живу — и жить хочу лишь волею Твоею». —

Сыны! Так пред престол представ Творца святой,
Вопила наша мать, мастита сединой:
Сыны Москвы! Хотя плач жесток сей для слуха,
Но животворную отраду льет для духа:
Святая истина в нем поражает нас;
Но греет и живит любви и веры глас.
Прольем мы с матерью горячи слезы сердца,
И с ней же, в простоте незлобива младенца,

Дух на горе надежд небесных утвердим
И в руки Вышнего свой жребий предадим.
Сыны Москвы! Средь бед смущаться нам не должно:
Бог прах одушевит — от Бога все возможно!

Священник Матфей Аврамов

XXXII

ПОСЛАНИЕ К Д. В. Д.

Мой друг! Я видел море зла[1]
И неба мстительного кары;
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.
Я видел сонмы богачей,
Бегущих в рубищах издранных;
Я видел бледных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав грудных,
Они в отчаянье рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом!
Трикраты с ужасом потом
Бродил в Москве опустошенной[2]
Среди развалин и могил,
Трикраты прах ее священной
Слезами скорби омочил;
И там — где зданья величавы
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы
И новой славы наших дней;
И там — где с миром почивали
Останки иноков святых
И мимо веки протекали,
Святыни не касаясь их;
И там, где роскоши рукою,
Дней мира и трудов плоды,
Пред златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады, —
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры…
А ты, мой друг, товарищ мой,
Велишь мне петь любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой,
И шумную за чашей младость!

Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирныя цевницы[3]
Сзывать пастушек в хоровод!
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы,
Мне петь коварные забавы
В столице ветреных Цирцей![4]
Нет, нет! Талант погибни мой
И лира, дружбе драгоценна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем(*)[5],
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем, —
Мой друг! Дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты[6],
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

Б.

* Г. Б.

XXXIII

ЧУВСТВОВАНИЯ РУССКОГО В КРЕМЛЕ

Ограда святости! Кремля высоки стены!
О вы, безмолвные свидетели веков!
Не сокрушились вы от злобы и измены,
Не устрашилися неистовых врагов.

Упадших зданий, стен ужасная громада
Не торжество для злых — но вечный будет стыд.
Могила хладная для них была награда;
Побег несчетных сил… небесна мщенья вид!

Потомки Рюрика![1] В нас то же сердце бьется,
Которое в полях *Донского*[2] вознесло,
И доблесть *Невского*[3] не с кровью ли в вас льется?
Отечество — оно ко брани вас влекло!

В том силен сердца глас, тот истинный лишь воин,
Кто изощряет меч за Бога, за царя!
Но буйный враг всех прав сей чести недостоин,
Ко наглой хищности лишь алчностью горя.

От сокрушения спасенны Божьи храмы
Чудесных, вышних сил являют нам покров.
Моления сердец, как чисты фимиамы,
Еще возносятся превыше всех миров.

Царевой кротостью Россия ополченна,
Рекла — и от сих мест сокрылся Юлиан[4].
Падением его да ведает Вселенна:
Доколе в русском Бог — он всех властитель стран!

Прохожий, стой! Воззри с сыновнею любовью
На тьму несчетных жерл, отбитых у врагов;
Воззри и на весь град: все куплено лишь кровью
Бессмертных, доблестных Отечества сынов.

Не слезы горести, не слезы побежденных,
Но слезы пламенны признательных сердец
Прольем в развалинах сих зданий разрушенных;
Там все вещает нам: здесь буйству был конец!

Освободя народ от сонмища неверных,
За целость чуждых прав царь россов меч извлек.
Славнейшее из дел в его делах примерных!
Он, славой окружен, полкам гордыни рек:

«Или — достойный мир, народам всем свобода!
Иль непрерывная кровавая война!
Скорее вечный хлад пошлет в наш край природа,
Но да не снидет к нам постыдна тишина!»

Он рек — и *Бауцен* и *Люцен* встрепетали[5];
Царь Севера в полях сам тысячи разил!
И стены Лейпцига пред доблестными пали…[6]
Впервые зрелся бой толиких грозных сил!

Пари ты к небесам, пари, орел двуглавой![7]
И с горней высоты к народам брося взгляд,
Перунами блеснув, вещай им с громкой славой:
«Бог с нами! АЛЕКСАНДР! — ничтожен галлов ад».

Д. Гл. б. в.

XXXIV

МОЛИТВА БОГУ ПРИ ВОСПОМИНАНИИ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ

Что хвалишися во злобе, сильне?[1]

Пусть злобой хвалится строптивый,
В неправдах ликовствует льстец;
А мы, Царь неба справедливый!
Смиреньем хвалимся сердец.

Мы хвалимся благодареньем
Всегда и в день бессмертный сей;
Живем Твоим мы охраненьем,
Любовью хвалимся Твоей.

Петр[2], громкой вознесенный славой,
Смирения не забывал,
И торжествуя под Полтавой,
«Господь вас спас!» — к полкам вещал.

Сто лет ноги иноплеменник
В российский край не заносил;
А днесь грядет, спешит изменник
И в наши области вступил.

Так появляется *Карл* новый,
Но в АЛЕКСАНДРЕ Петр живет!
Как Петр, союз хранит готовый,
Мир в сердце, гром в руках несет.

Спаси, Господь! Царя смиренна,
Столь сильного в любви своей,
Сколь алчет злоба исступленна
Погибели Твоих людей.

Господь! Когда б в сей день бессмертный
Второй Полтавский день послал!..
Твои к нам блага несчетны,
Твори, что прежде сотворял!

Из века в век Ты упованье,
Ты наш защитник, наш отец;
И всех сынов Твоих желанье
Лишь то, что повелишь, Творец!

Забудь нас, если мы забудем,
Что мы одним Тобой живем!
Людьми Твоими ввек мы будем,
А Ты ввек будешь нам отцом!

Р.<усский> Вест.<ник>

XXXV

ГИМН ПЕСНОПЕВЦА, СОЧИНЕННЫЙ В ТАМБОВЕ ПО ИЗГНАНИИ ВСЕОБЩЕГО ВРАГА ИЗ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКИХ[1]

Сый, троичный и повсеместный:
Премудростию — свет светил,
Любовью — океан небесный,
А силою — всемощность сил,
Седай превыспрь духовных ликов!
Склони от сладкогласных кликов
На дол любови отчий слух!
Услыши с высоты надзвездной
Поющий после доли слезной
Тобой, Господь, восторжен дух!

Лишенный зрения[2] — оставлен
На произвол своей судьбе
И благостью Твоей избавлен,
Я ль не воздам, Господь! Тебе?
Я ль не познаю милосерда,
Сил не лишаясь духа тверда
И посреди ужасных бед,
Убийств, грабительства, пожаров,
Летящих громовых ударов
Отовсюду — в встречу мне и вслед?

Ах, нет! Ты был и мощь, и зренье
В сии напасти для слепца;
Ты показал чудотворение,
Да славит все любовь Творца;
Ты даровал ему возможность,
Надежду, бодрость, осторожность,
Собрать оставшу верных горсть
В защиту родины любезной
Ты в час отчаянный и слезной
Жезлом слепцу — соделал трость.

В сии ль часы окрепнуть души,
Умолкнут пред своим Творцом,
Средь бурь, и на водах и суше

Спасенные сыны Отцом,
В сии ль минуты благодатны
Цари, вельможи, вожди ратны,
Россия вся — и целый мир,
От чувств богата и убога
Не воспоют во славу Бога
На струнах благодарных лир?

Нет! — Прежде токи Енисея
Зальет Секваны мутный ток,
Увидят галлов Асмодея[3],
Увенчан в небеси порок,
Чем глас признательности вечной
Во глубине моей сердечной
Ревуща зависть заглушить,
Чем всей геенны дуновенье
Горящее благоговенье
В груди у росса затушит!

Народ ли — сердцем камень будет,
Потратит чувствия и ум,
Творца и Бога позабудет
Во тьме неблагодарных дум,
Чье искони бессмертно племя,
Прейдя обуреванья время,
Все пожирающе в пути,
Что токмо дышит, существует;
Се — и над оным торжествует,
Уничтожая мрежи льсти!

Кто вопреки коварств, обмана,
Злой зависти всех царств земных,
Как Божий, горний кедр Ливана,
Плодяся в ветвиях родных,
Стократ творится велелепней,
Сильнее, выше, долголетней,
Несясь священною главой
В превыспренность небесна края
Безгранные юдоли рая
Под твердой зрит своей стопой?

Воззрев, Предвечный, Безначальный,
Непостижимости судом

На дол, от стран небесных дальный
Лишь человеческим грехом,
Ты положил в Твоем совете
Очистить дышащее в свете
Не по закону Твоему,
Сотрясть наростки с плоти страстны,
Да воли горды и несчастны
Вспять придут к истинну уму.

Ты положил — и Творча воля,
Невольников не сотворя,
Всемощной правды не доволя,
Насильственну покорность зря,
Свободно действовать удобных,
На опыт воззвала свободных;
Да свойства зрят обнажены,
Свою вину покажут действа,
Дух слабости и дух злодейства
К решимости осуждены.

И древний Божий враг закона,
Преобразясь, сатанаил
Под именем Наполеона
Мгновенно образ свой явил;
Дхнул адской лютости дыханьем,
Потряс растленных чувствованием
Окованных страстьми властей,
Путь правый к благу потерявших
И блага без заслуг жадавших,
Очаровал порок людей.

Мечтой величия прельщенны,
Унизя дух, расслабя плоть,
Для очищенья попущенны,
Забыли образ Твой, Господь!
Тщете волшебной удивились,
Сатанаилу поклонились,
И грех к греху явился наг;
И Отчая благотерпимость
Зрит в строгости необходимость
К восстановлению мира благ.

По степеням грехов несметных
Потребна стала казнь суда,

Терпение страдальцев смертных,
Горчайших опытов чреда —
Орудья гнева правосудна.
И зрю средь подвизанья трудна
Тебя — о русская любовь!
Бог повелел — и неослушно
На опыты великодушно
Несет свои мечи и кровь.

Бог повелел — и без роптанья
Москва на жертву предалась;
Разрушились бессмертны зданья,
Мать градов — кровью облилась,
Рассыпалась на камни, кости,
Попрано все — до капли, горсти,
Корыстью ада пожрано;
Погибла старость без пощады,
Отцы, и матери, и чады,
Все — все тиранством попрано.

Сего ли мало, Милосердый,
Смягчишь разгневанну любовь?
Еще ли дух россиян твердый,
Низринувший греховный ков
С повиновением безмолвным,
Пред правосудием любовным
Себя увидит без защит?
Еще ли варвар ненасытый,
Дух, кровию своей омытый,
В чреде терпенья истощит?

Умолкни, дерзкое сомнение!
Душа, в надежде оскудев,
Через сердечное биенье
Познай любви смягченной гнев,
Воскресши прежни духа силы!
Бог возвращает орли крилы
Народам верным — да парят!
К отмщенью призывает Сына,
Да паки длани исполина
Вслед громов громы покатят.

И се! Как феникс оживленной,
Предстал на подвиги чудес

Перед очами всей Вселенной
Славено-росский Геркулес[4];
Грудь мраморну в отпор поставя,
Свидетельствовал, Бога славя,
Что на пространстве всей земли
Чад русских мужеством сильнее,
Ни Богу, ни царю вернее
Свет не увидит николи.

Так в повсеместности природы,
Блюдя гармонии устав,
Существ несметных виды, роды
В трецарственный сложа состав,
Творец-художник очищает,
Да все растет и ощущает
Единство общей чистоты;
Там в шаре огненном катится,
Здесь в человеке Богом зрится,
Там в злате — в цвете красоты.

Как грозный вихрь, дыханьем бури
Взвиясь, столпами пыль несет
В подоблачны края лазури,
Дебрь, горы, здания трясет,
Брега валами заливает
И дуб, и кедр с корней срывает,
Все губит, сретя на пути,
И сила никакая смертна,
Колико б ни была несметна,
Себя не может упасти.

Так росс ужасен появился,
Кода приял закон казнить,
Как вихрь — сам вихрь остановился,
Орла не смея потеснить
В полете, молнии подобном,
Преобратить все в прах удобном!
Как войску Михаил предстал[5]
В венце, победами блестящем,
С орлом, впреди его парящем,
Как Бог Спасителя послал!

Каких свидетельств просишь боле,
Мечтою очарован мир,

Что росс есть бог на бранном поле,
Атлант[6] Господень — щит порфир,
Отмститель всех народов света,
Что верой грудь его нагрета
В одной себе всю мощь найдет,
Сквозь огнь, сквозь гром по морю крови,
С ударом родины, любови
Навстречу тартару пойдет?

Еще ли казни, нанесены
Десницей Божьего суда
На толпищи, соединены
Его любимцу для вреда,
Не обнажили бед личины?
Еще ль Харибды[7] злой пучины
Пловец, став зрением убог,
И в бурный час не замечает?
Дракон все царства поглощает;
А все еще дракон — твой Бог!!!

Господь! Господь! Венчай начало,
Разрушь союзов злых состав,
Да гидры многоглавной жало
Исторгнуто из корня став,
Не появится в свете боле;
Да варваров тиранской воле
Европа зрит свою беду;
Да вера прежня в ней воскреснет,
Надутый адом горволь[8] треснет
И в тьме кромешной — примет мзду!

А ты, о матерь! Пострадавша
Необходимостью судеб
И тысячи венцов приявша
За принесенье должных треб
Угодной жертвы Отчей воли,
Средь благ преображенной доли,
Из рода в род бессмертна будь,
Сильна, богата и велика!
Посредь величия толика
Чистилища не позабудь!

В страх праздности и вероломству
Терпенья твоего судьбу

Воспоминай! — Предай потомству!
Да вредных прихотей алчбу
Росс изженяет вечно — вечно;
Уверит умственно, сердечно
Свободный свой бессмертный дух,
Что нет нигде без Бога счастья,
Ни с Богом — в благости участия
Без добродетельных заслуг!

Уверь и в том себя и Тита[9],
Да всюду правда освятит,
Что доблесть, сединой покрыта,
Есть трона, царства верный щит;
Слаба ли зрением, иль слухом,
Могуща все великим духом,
Как опыт — Божьих дум совет;
И там, где младость с ней бунтует,
Бог в гневе — смертных наказует,
Закон без сил — Отчизны нет!

Н. Николев

XXXVI

ПЕСНЬ ОТЕЧЕСТВУ НА ПОБЕДЫ НАД ФРАНЦУЗАМИ

Граждане-россы! Пал сын брани, сей надменный,
Кто в гордости мечтал потрясть столпы Вселенны
И подпереть главой громады падших царств.
На вас полки его стремились,
Но вы воззрели и сразились:
Смятен во прахе царь коварств!
Давно ли ты, о враг народного спокойства!
Изгибом скрытых змей несяся в путь геройства,
Вбежал в великий град и в царственный чертог;
Рукой сокровища хватая,
Другою храмы возжигая,
Ты сам себе казался бог?
Но Бог постиг тебя, неправый пастырь стада!
Во гневе рек: «Беги из царственного града,
Из древних стен и Мной благословенных мест;
Да идет страх перед тобою,
Да двинется народ Мой к бою
И славой возгремит до звезд».
Свершился суд Его. Злодей, полсытый кровью,
Стремглав пустился в бег, а сильный росс любовью
К Отечеству, к царю, к священным алтарям
Ударил вслед на супостата;
С ударом русского булата
Бог сил и воинств грянул сам.
И тот, кто воссидел на западном престоле,
Ввергал народы в плен, царей влачил к неволе
И с ними строем шел похитить наш венец, —
Тот, с горстью сил, в виду колосса,
Стоящего стеною росса,
На поле ратном стал беглец!
Так в мраке невзначай, когда орлины клики
Стихают под крылом их стражи и владыки,
В гнездо младых орлов влетает хищный вран;
Но глас орла к сынам несется,
Полк орлий вкруг его сомкнется, —
И мигом хищник гнезд попран.

А ты, водимый полк орлов рукой героя[1],
К победам от побед, ко браням от покоя!
И ты, ты, Господом возлюбленный народ!
Вас лавр бессмертия венчает,
Вам воля Вышнего вручает
И жезл судьбы и смертных род.
Ликуй, Отечество! И росский царь державный!
Народ твой, верностью к царям издревле славный,
Ко трону приступ злых сам грудью отразил.
Удары вражьи были скоры;
Но росс твой ускорил отпоры.
Кто против Бога русских сил?
Кто впредь дерзнет на брань, о росс! С непобедимым
Российским воинством, с МОНАРХОМ столь любимым,
Когда пред ними пал всемощнейший язык,
Легли во прахе Энцелады?[2]
Там крепкие в сердцах ограды,
Где верою народ велик.
Се к россам в трауре Европа взоры мещет
И молит их: да враг сильнее вострепещет,
Да вдаль путем побед течет их ратный строй;
Как ныне своему народу,
Да возвратят другим свободу,
Да в мире воцарят покой!
Вы ж, в брани падшие герои! Ваши тени
Священны; мы падем пред ними на колени.
Герои в памяти Отечества живут.
Вам дань приносят миллионы,
Вам, Кульневы, Багратионы,
Тучков, Денисьев[3], Багговут!

Влад. Измайлов

XXXVII

ОДА НА ЧУДЕСНЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОБЕДЫ

Синайски восшумели бури[1]
На небесах и на земли,
Зарделись пламенем лазури,
Вселенна, с трепетом внемли!
Богов Бог глас свой простирает
И землю свыше призывает
К нелицемерному суду;
Блистанием Его все тмится.
Он шествует — и все дымится!
Гремит! — Я, слыша гром, паду!

Гремит! Ударил час! Идите,
Жених в полунощи грядет![2]
Готовы ли? Он близ, внемлите,
Се грозным гласом он зовет:
«Я дал вам чистые уставы
Быть добрыми, иметь дух правый,
Закон любви во всем хранить;
Царям, властям повиноваться,
Над бедностию не ругаться
И Мне покорными в том быть».

Мирская мудрость возрыдала,
Увидев наготу свою;
И Франция затрепетала,
Зря правду, Судия! Твою.
Грабительства, коварства, лести
Дождалися небесной мести;
Ум лжи неправой обуял;
Столпы связей всех разорились,
Потопы мятежей разлились,
И галл цареубийцей стал!

Тут месть за местью, ков за ковом,
Европы часть покрылась мглой;
В неслыханном хаосе новом
Был только слышан стон и вой;
Алкающая смерть летала
И миллионы пожирала;

В полях, лесах и городах
Знамена крови развевали:
Одно губительство все знали,
Над всеми царствовал лишь страх.

Узрел плененный ум собою
Плод спелый мудрости своей,
Исполнен горестью одною!
Ах! Если б в крайней скорби сей
Склонил он рог свой вознесенный
И глас смиренный, сокрушенный
Возвысил к Богу своему;
Искал бы в Нем одном спасенья
И бедствиям всем облегченья!
Но не был он учен сему!

Путем блуждая Вавилона,
Ища цельбы в водах его,
Увидел вдруг Наполеона
Владыкой рока своего.
Увы! Тут начал ад являться
И мукой смертных забавляться:
Французский дерзкий властелин
Не знал границ своей державы,
И мчась пустой холмами славы,
Мнил в мире царствовать один.

Французы снова застонали;
Мрак и соседов их покрыл;
Геены всюду запылали,
Ум новый снова все смутил.
По наглым чертежам Мамая[3]
Поля вкруг Эбра[4] и Дуная
Кровь человеческих сынов
С бесчеловечием омыла;
Европа с жалостью вопила
От По до Вислы берегов[5].

Обняв кровавыми крылами
Европу всю, Наполеон,
Завистными весьма глазами
Взирал на тучный север он:
Благословенная Россия

Под кровом благости святыя,
Как плодовитый сад, цвела,
И образуя исполина,
Для новогалльска властелина
Опасна и страшна была.

На дерзость славную решился
Вечерний новый Чингис-Хан,
В средину самую пустился
Могущественных русских стран:
Как буря, с вихрем все ломая,
Все фараонски потопляя,
Он шел, все грабил, разорял;
Достигнул древния столицы
И в сердце сей градов царицы
Губительнейшим станом стал.

Мечтами разными пленялся
В Кремле французский стенобой!
То мыслями он поднимался
Превыше солнца над Москвой;
То вдруг, уныньем пораженный,
Казался часто иступленным;
Однак мечты все тем кончал:
«Я буду русских победитель
И общий в свете дел решитель;
Мой ум обманут не бывал».

Но тайна правды в небе крылась,
И Бог там свой имел совет;
Любовь Предвечного носилась
Над Севером и Божий свет!
«*Мне милы суть Мои творенья,*
И Я свои определенья
Любви своей к ним соблюду;
Не дам покрыться миру тьмою;
С любовию Моей святою
Я сам от Севера иду!»

Таков глас свыше в мир раздался!
И Ветхий деньми в гневе зрел,
Как сын погибели ругался
Святыне всякой и хотел

Превыше Бога быть взнесенным;
Тогда над чадом персти бренным
Гром всемогущий возгремел;
И святотатски легионы,
От коих пали миллионы,
Вздрогнули!.. *Бог на трон воссел!*

Какая бодрость, крепость, сила
Россиян свыше облекла!
Каким геройством ополчила
На брань их души и тела!
Как быстрые орлы, летали
Они и всюду галлов гнали;
Дух Божий духом их водил.
Коль Вышнего дела суть дивны!
Он стер полки все сопротивны
И колесницы их смутил.

Египетские орды пали,
И гордый вождь их побежал;
Донцы и россы, все их гнали,
Чудесный трепет их объял!
Под Ярославцем, Вязьмой, Красным[6]
Их поражением ужасным
Все были мы изумлены;
Снаряды все их изломались;
Богатства в руки нам достались,
Их пагубой мы спасены!

Европа скоро вся узнала,
Что враг ее был поражен,
И к Богу русскому взывала
Быть Богом и ее племен!
Народы и цари склонились
К России, с нею съединились,
И кроткий АЛЕКСАНДР — творец
России нова совершенства
И стран бесчисленных блаженства,
Стал вождь Европы и отец!

Раздался новый шум военный,
И победительный орел
Российский, славой облеченный,

В эфире снова восшумел:
Поля германские, богемски,
Брега одерски, эльбски, рейнски[7]
Державным шумом крыл его
Оглушены, и все народы
Благословляют в род и роды
Избавителя своего!

Уже в Париже развевают
Российски славны знамена[8],
И галлы сладко воспевают
Героев русских имена!
Превознесенная Россия!
Прославленный твой Иосия[9]
Средь бывших некогда врагов
Святую Пасху торжествует!
Земля и небо сликовствует
Собору там твоих сынов!

Россия! Ах, какою славой
Гремишь ты днесь во всех концах!
Но над твоей еще державой
Блестит луч новый в облаках:
В тебе польется свет рекою!
Какой я вижу под Москвою[10]
Огонь и в ней торжествен пир!
В развалинах ее родится
Любовь, которой озарится
С громами весь пространный мир.

Наполеоновцы! Вы спали,
не просыпаясь никогда;
Вы Жениха не ожидали,
И с Ним грядущего суда!
Вы б каяться теперь готовы;
Но поздно! Се порядок новый
В правленье мира вводит Бог!
Цари и царства Им держатся;
Кумиры ж ваши сокрушатся!
Кто б стать Ему противу мог?

Максим Невзоров

XXXVIII

НА НОВУЮ ПОБЕДУ РОССИЙСКИХ ВОЙСК, ОДЕРЖАННУЮ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

Бог яве приидет, Бог наш, и не премолчит.[1]

Не премолчит наш Бог! Вещает;
Еще злодейство низлагает
Оружием своих сынов.
Где галльских цвет, краса полков,
Где славимое ополченье?[2]
Кичился галл чем столько лет,
Трехдневное то пораженье[3]
Низвергло в прах!.. Велик наш Бог!
Бог правит нашими полками,
Вождей глаголет Он устами:
«Я преломлю коварства рог;
Я с русскими; они со Мною»[4].

Веди, Господь, нас за Собою,
Надменных поражай врагов;
Смиренных охраняй сынов!
Тобой, Тобой мы торжествуем,
Тебе всю славу приписуем;
И днесь Твоя всесильна длань
Венчала славой нову брань.

Но что? О воины Христовы!
Венцы побед приемля новы,
Почто лиете токи слез?
Или герой какой исчез?..
Нет Кульнева! Полки вещают[5]
И слезы скорби проливают,
И все клянутся отомстить:
Второй день кроволитна боя
Похитил русского героя;
В день третий… лютый враг бежит!

Не умер Кульнев! Он с полками
Геройскою душой живет;
Вождь храбрый Кульнев, россы! С вами:

Герой в героях не умрет.
Не умрет храбрый!.. Он пред Богом;
Нам вера, верность в том залогом,
Что верным сам небес Творец
Готовит в небесах венец.

Друзья, товарищи героя!
Утешьтесь! Он не пал средь боя;
Он жив и будет жить в сердцах;
Он жив — бессмертен в небесах!

Р.<усский> Вест.<ник>

XXXIX

ПЕСНЬ РОССИЯНИНА НА НОВЫЙ 1813 ГОД

Помчался год, как вихрь ужасный,
Обтек пространный круг небес
И солнце пламенник свой ясный
Вокруг Вселенныя обнес,
Как витязь, бранью побежденный,
Оставил поприще свое
И с шумом пал в небытие. —
Се брат его новорожденный
Полн силы, взъемлет свой полет,
Парит, держа светильник мира,
И сыплет долу от эфира
Дары Царя времен и лет.

Несись, сын времени крылатый!
Вещай народам и странам,
Что Вышний, в милости богатый,
Вспомнил в гневе милость к нам;
Послал с высот свою десницу,
Злодеев сокрушил — и нас
От бездны бед возвел и спас;
Блаженства воссиял денницу
В густой на нас зиявшей тьме. —
Вещай — да научатся царства
Блюстися злобы и коварства,
Храня их казнь в своем уме.

Как вержутся со скал потоки
И злачный потопляют дол,
Так вторгшись варвары жестоки
Потопом ужасов и зол
Обширной росския державы
Покрыли западны страны. —
Сражаются ее сыны,
И трупов их бугры кровавы
Растут высоко к облакам;
Кипят их кровию равнины,
И каплют горные вершины,
И кровь их льется по рекам!

Как пещи воспылали грады,
Громовый издавая треск —
Падут — и падшим нет пощады!
Пылал Смоленск[1] — и тусклый блеск
Далече разливал со смрадом,
И дымом солнце очернил,
И пеплом Днепр оземленил.
Пылала и Москва[2] — и адом
Борима в молниях на смерть,
Шаталась древними стенами,
И пламень ударял волнами
В багрову раскаленну твердь.

Как Этна зрится в нощи темной,
Огнями роющая мир,
Когда пожар от дна подземной
Столпом возносится в эфир;
Толь страшен вид Москвы горящей:
И рдяный пламени отлив
Полсвета светло озарив,
Европе кажется стенящей
Ее лютейших бед зарей,
Ее светильником надгробным,
Огнем забав убийцам злобным,
Тиранам царств, бичам царей.

Увы! И к алтарям священным
Злодей злодеев устремил,
И где пред Богом воплощенным
Стояли сонмы горних сил,
Закрыв лице свое крылами
И долу преклонив чело,
Там смех кощунство вознесло
И в буйстве хвалится хулами. —
Где манна, сшедшая с небес,
Питала верных брашном[3] вечным,
Там ад толпам бесчеловечным
Устроил пир кровей и слез. —

Где в честь всемирного Владыки
Гремел сионских песней[4] звук,
Там шумства раздаются клики,
Тимпанов бранных громкий стук

И шум нечестию хвалений.
Грабеж, закон поправ ногой,
Хватает хищною рукой
Из дольних Вышнего селений
Добычи утварей златых
И, небу нанося обиды,
Святых уничтожает виды
И вид Святого во Святых!

Кивая гордыми главами,
Кипящи желчию вражды,
Враги считают празднествами
Напасти наши и беды;
Из недр поруганной святыни
Благому Промыслу в укор
На небо мещут наглый взор.
Как жаждут знойные пустыни
Росы небесныя прохлад,
Так россы свыше ждут избавы,
И сами с плесками от славы
Боря врагов, свергают в ад.

Кипели воинством противным
От крови скользкие поля,
И шумом браней непрерывным
Тряслась ревущая земля:
За строями неслися строи,
За страхом страх, и зло за злом;
Но россы, малые числом,
Велики мужеством, герои,
Против сражающих лучей
Уставив грудь от адаманта[5],
Воюют — и в крови гиганта
Калят булат своих мечей.

Как лев стремится на ловитву,
Орел на добычу летит;
Так мчится росс от битвы в битву,
Перун царя и царства щит! —
Под силой росса исполинской
Трещал Европы бранный рог,
И стать во брани не возмог,
И гром победы Бородинской[6]

Потряс Вселенну и обтек,
И прейдет грозен, быстр и звучен,
Со славой росса неразлучен
От рода в род, от века в век!

Напрасно вновь с киченьем многим
Грозят злодействами враги,
Уже пред Богом правды строгим,
Уже исполнились грехи
И мера зверских их развратов:
Он росса преисполнил сил,
Он меч России поострил,
Как молнию, на супостатов;
И се! Свирепствует сей меч
В руках к Отечеству любови,
Насытился, упился крови,
Но жаждет корень зла пресечь.

И враг, начальный меж врагами,
Который лествицей[7] крамол
Из пыли, топтанной ногами,
Взбежал с убийством на престол,
И раб страстей, раб ложной славы
Между царей воссел царем;
Который, наложив ярем
На земли, племена, державы,
Взалкал России жизнь пожрать,
Взыграть поверх ее могилы,
Притек во тьмах ужасной силы,
Привлек лютейшу тигров рать;

Который царства двигал словом
И грозным манием главы,
При звуке труб, во блеске новом
Вносился во врата Москвы
И гордо восседал на троне
Царей российских и князей
Бежит — торжеств своих стезей,
По страшном страшных сил уроне,
Бежит с отчаяньем одним;
Бежит, томящийся от глада;
Бежит, трепещущий от хлада:
Смоленский вслед летит за ним[8].

Летит за извергом гордыни,
Крушит хребет, льет кровь рекой,
Палящи медные твердыни
Отъемлет смелою рукой
И гонит в плен бичом боязни,
Как стадо, тьмы и тьмы врагов.
И се — у неменских брегов[9]
Наносит чадам неприязни
Последний гибельный удар;
Останки их низверг во гробы,
Очистил от чудовищ злобы,
От скверн убийства земный шар.

Как кит, пучины преплывая,
Волнует моря широту,
Меж льдяных гор гора живая!
Разит небесну высоту
Пущенной из главы рекою
И жизней тысячи вокруг,
Разинув пасть, глотает вдруг;
Сквозь тук пронзенный острогою
От сына северной страны,
Взревев, окровавляет воды,
Ликуют рыб несчетны роды,
И море чает тишины.

Так варвар, сокрушавший троны
Тиранства своего жезлом,
Алкающ миру дать законы,
Своей несытости жерлом
Во бранях поглощал народы
И злом деяний и словес
Сражался с благостью небес;
Но росс страдания природы
Отмстил — и разразил кумир,
Взнесенный пагубы рукою;
Европа предалась покою,
Вселенная лобзает мир.

Я зрю — из бездны вод лазурной
Восстав, утесиста скала
В эфир возносится небурной
И сверх кремнистого чела

Возносит к солнцу вечны снеги,
Подпорой служит небесам,
Противясь ребрами грозам,
И ветров прерывает беги,
И море отражает вспять:
Так грудью, в крепость облеченной,
Против Европы ополченной
Могла Россия устоять.

И ныне в славе обновленной
Сретает[10] новый славный год,
Стоит — столп крепости Вселенной,
Небесный притесняет свод
Лесистой лаврами главою,
И взор, соседственный звездам,
Вперяет к неменским водам
И зрит: гремя побед молвою,
Текут, летят ее сыны
Чрез многи Запада пространства
Извлечь из челюстей тиранства
Еще враждебные страны.

Предходит ангел благодатный
И духом кротости своей
Смягчает гнев и пыл их ратный;
Ниже, как оный муж кровей,
Жадает землю зреть пустую;
Несет на ближни племена
Не уз железных бремена,
Но цепь согласия златую,
Связать сердца царей и царств
И в матерь им подать Россию;
Несет и гром в погибель змию,
В рушенье всех его коварств.

И се — пред сонмами героев
Сей нежный Севера отец,
Зря Север, чистый от разбоев,
Предстал — повергнул свой венец,
Повергся ниц челом священным,
Помост слезами оросил
И к Богу мира, Богу сил
Взывает сердцем восхищенным,
К Тому, Кто чудною судьбой

Разрушил ковы преисподней,
И лета благости Господней
Начаток дней святит мольбой:

«О Ты, Который в вечных летах
Превыше меры и числа!
Коль страшен Ты в Твоих советах!
Коль страшны все Твои дела!
Заступник Мой! Моя ограда!
Мое прибежище! Мой Бог!
Ты благ и милостиво строг;
Ты зрел — Твои нельстивы чада
Склонялись сердцем ко льстецам
И сладким их прельщались ядом;
Ты зрел — расторг плетенный адом
Союз, противный небесам.

Ты часто потрясал Вселенной
И тем являл во всех веках
Словесной твари ослепленной,
Что жребий царств в Твоих руках,
Что Ты властей земных Властитель,
По всей земле Твои судьбы,
Цари людей — Твои рабы,
Судей народов — Ты Судитель.
Ты ныне истину сию
За грех наш оправдал войною,
Но спас меня — и спас со мною
Россию верную мою.

Никто из перстных не безгрешен,
Хотя бы жил единый день;
Но гнев Твой милостию взвешен!
Прешла печаль моя, как тень,
Как солнце, воссияла радость,
И радости пресветлый луч
В России не сретает туч;
Из горести исходит сладость,
И зло добром побеждено;
Изрыло нам тиранство яму,
Но к вечной гибели и сраму
Само обрушилось на дно.

Обрушилось — и казнь и муку
Ему уготовляет ад;
Всещедрый отверзает руку,
Вселена полнится отрад;
И песнь победы величава
Поется Севера сынам;
Но, Боже сил! Не нам, не нам,
Тебе достоит честь и слава:
Ты кончил тьмы со светом спор,
На промысл предварил упреки;
Да будет тверд наш мир во веки,
Как тверд хребет Рифейских гор![11]

Не Ты ли, сокрушаяй брани,
Был россам в Бога и в Отца?
К Тебе мы воздеваем длани,
К Тебе возносим мы сердца,
Тебе мы кланяемся духом
И с громкой ревностной мольбой
Падем на лица пред Тобой;
Склонися милостливым слухом
К нестройным нашим похвалам,
И глас прими благодарений,
Как дым от жертвенных курений,
Как Савский чистый фимиам!»[12]

Скончал, с восторгом бесконечным,
Невместным в мысли и слова,
С приятным трепетом сердечным
И с духом, полным торжества,
Молитву слышала Россия,
И дщерь, достойная Отца,
Гласит величие Творца
Устами радости святыя:
«Начните Богу моему,
Народы ближние и дальны!
Начните пения похвальны
И пойте с плесками Ему!

Настройте струны сердца громки,
Взыграйте, дщери и сыны!
Взыграйте, поздние потомки!

И вы от ига спасены! —
Хвалой небес неухищренной
Восхитим слух небесных чад
И грянем ужасом во ад!
Господь к рабе своей смиренной
Призрел, негневный, до конца,
Призрел — и сильные народы,
Как бурею гонимы воды,
Бегут от моего лица.

Призрел — и свет блеснул в полнощи,
Он дал мне мужество на прю
И дар неодолимой мощи,
Дал крепость моему царю, —
И царь, незыблемый в напасти,
Живит меня и славит вновь:
При нем в Отечество любовь,
Наперсница Верховной Власти,
Воззвала племена славян
Служить Отечеству драгому,
И глас ее, подобно грому,
Протек моих обширность стран.

Протек — и воспалил геройством
Орлов, готовых для побед!
Текут подвижники с устройством
На подвиг ужасов и бед,
Живые стены и забрала
Боримой мне от бурь войны!
И дети сельской тишины
На копья расковали рала[13],
В мечи расправили серпы,
Помчались в битвы с равным жаром,
И все слияных сил ударом
Крушат разбойников толпы.

Призрел — и возгремел Бог славы,
Трепещут твердь и земный шар;
На сонмы зверски и лукавы,
Как ветром реемый пожар,
Который попаляет нивы,
Который пожигает лес,
Низвергся гнев Его с небес
И губит строи нечестивы;

Расседшись толщею своей,
Земля глотает полных злости;
При аде расточились кости,
Вскипели реки их кровей.

За злыми россы устремленны,
Несутся вихря быстротой,
И злых фаланги раздробленны
Истерлись под моей пятой.
Но что, сыны мои избранны,
Смоленский, Платов, Витгенштейн!
Уже спешат лететь за Рейн,
Нанесть ехидне в сердце раны.
Я вижу: Галлия [14] впадет
Во мстящи сильных россов руки,
Сама восчувствует те муки,
Которыми терзала свет.

Тебя, Господь превознесенный!
Возносит вся со мною тварь;
Твоею силою спасенный
Мой мирный веселится царь,
И я благословляюсь миром:
Предшествуй пред моим царем
Отъять от царств земных ярем,
Как древле предходил пред Киром[15];
Разруши медные врата,
Разруши вереи железны,
Да снидет в бездну аггел[16] бездны,
Прослави своего Христа!»

Князь Сергий Шихматов

XL

К ПРОШЛОМУ 1812-му И НАСТУПИВШЕМУ 1813-му ГОДАМ

Прости навек, о год ужасный!
Прости — пусть твой исчезнет след;
Пусть время ток твой, столь несчастный,
Из памяти всех изженет!

Но тщетно, суетно желанье!..
Успел от плуга до венца
Ты водворить везде стенанье,
Ты поразил умы, сердца.

Иссякнут ли те реки крови,
Которой Запад оросил?
Ты страшный к Отчеству любови
Залог в Можайске положил[1].

Не изженят деяний грозных,
Свершенных в шесть недель тобой,
Ни огнь, ни стужа дней морозных,
Бедами памятен ток твой.

Вряд заглушат трофеев звуки
И гром побед новейших дней
Ужасны стоны бледной муки:
Несчастье мира — твой трофей.

Все ропщут на тебя, взывают,
Свидетельствуют каждый час;
Здесь веси и града пылают,
Тут скорби раздается глас.

Бородино еще дымится[2]
От крови ближних и родных;
И тем лишь дух наш веселится,
Что в нем могила галлов злых.

Еще орудий слышу звуки
И раненых я слышу вой;
Тут кровь течет, летят там руки;
Обрызнуло здесь мозгом строй.

Убитых тьмы, и тьмы имеют
Надежду умереть от ран;
Их прах иль ветры там развеют,
Или крылом прикроет вран!..

Но что за страшное виденье
Мой смутный поражает взор?
Иль рушено вещей теченье,
Иль новый создан метеор?

Недаром вдруг зардело небо,
Недаром — сердце мне вещает то:
Должно злодейство быть особо,
Пред коим все беды ничто.

Ужасный гул в том уверяет;
Все небо — искры лишь одне…
Увы, Олегов град пылает![3]
Везде огонь: и внутрь и вне!

Валятся замки, горды стены,
Враг наш на пиршество пришел.
Мечтал обресть, но не обрел измены,
Так мстить за верность восхотел.

Зажег Москву, Москва сгорает[4];
Но росс неколебим в бедах.
Казнит Господь, но и прощает:
Вещают все, — злодей наш прах.

Покорность, твердость беспримерна!
Враг наш исчезнет, яко тень.
Но чаша бедствия безмерна
Иссякнет ли в единый день?

Хотя вкушаем дар свободы,
Вождей в лавровом зрим венце,
Еще осталось многи годы
Младенцам плакать по отце!

Москва горит, — и в ней несчастный
Воитель язвенный, больной,
Влачит, пожаров в день ненастный,
Себя и одр болезни злой.

Там старец дряхлый, изнуренный,
Лишившись пятерых детей,
Врагами к бегству принужденный,
В степи кончины ждет своей.

Там в дом свирепый враг вбегает:
Нашед в нем женщину с дитей,
Младенца об пол поражает,
Взяв мать насильною рукой.

От глада и ночей холодных
Там у сосцов младенцы мрут;
Там многие в местах безводных
Себе от жажды смерти ждут.

А здесь, над телом верна друга,
Прелестна, нежна красота
Мнит воплем воскресить супруга:
Утешна ей сия мечта!

Сестра по брате, мать по сыне
Проводят в плаче ночи, дни;
И сирые невесты ныне
Лишь погребальны зрят огни.

Подобным зрелищем смущенный,
Я шел, блуждая по полям;
В ночи, туманом помраченной,
Внимал ревущим лишь ветрам.

Восшел на гору, сел на камень
И мнил о бедствии миров;
Как вдруг ужасный свист и пламень
Встревожили мой разум вновь.

Земля, казалось, адом дышит;
Треск оглушил, мрачил блеск взор…
Я мыслил: перст Господень пишет
Последний свету приговор.

Я встал: что ж зрю? Се Кремль взрывают!..
Туда спешу я доступить
Враги в безумии мечтают,
Что могут небо устрашить.

Во храмах слышу конски ржанья;
Помост весь трупами покрыт;
Но тщетны все врагов старанья:
Бог наш всесилен — Кремль стоит.

Яви лице Твое, мой Боже,
И потребленье наше зри!
Не дай святых расхитить ложе
И судия будь нашей при!

Виждь, градом кто Твоим владеет,
Твое же Имя в оном чтят;
Святилище Твое пустеет,
В нем, Боже! Срамоту творят(*)

Воспряни, Господи! Воспряни!
Где ж правосудие Твое?
Услыши вопль наш, Боже, гряни!..
Ты грянул, — враг зрит зло свое.

Был победитель многостранный[6],
Был славный вождь, страшил весь свет,
Был всюду и вселял дух бранный,
Казался силен, был — и нет!

Сии деяния ужасны
Суть главные твои черты,
О год, вначале столь несчастный,
Сколь счастливо свершился ты!

Уже врагов несметна сила
Исчезла, разнеслась, как дым.
Россия — Франции могила,
Изрыта Господом самим.

Бегут те войска знамениты
Быстрей, чем ветр перо несет;
Им к смерти все пути открыты;
Их росский меч везде женет.

От глада мрут, от изнуренья,
От множества трудов, недуг;

(*) Пророчество Даниила, гл. IX, ст. 17, 18 и 19[5].

И целые полки средь пренья
От стужи костенеют вдруг.

Иные, спя близ жара, тлеют,
Другой, не чувствуя, горит;
Днепра уж волны не белеют,
Как льдом, весь трупами покрыт.

Ты славу нашего злодея
Увлек с собой, о страшный год!
За то, к тебе благоговея,
Прешед, ты будешь в род и род!

Почто лишь славу нам ценою
Бесценной ты купить велел,
И мира сделав нас главою,
В одежду мрачную одел?

Теперь прости! Скажи младому
Преемнику ты своему,
Чтоб доброму, отнюдь не злому,
В тебе он подражал всему;

Чтоб благоденствие вседневно
В России возрастало с ним;
Чтоб бед чудовище тризевно
Всяк миг считало злом своим;

Чтобы дела России громки
Усугублялись каждый час,
И чтоб победы лавры ломки
Цвели, твердели век средь нас;

Чтоб Михаила(*), Витгенштейна[7]
Дни безболезненно текли;
Чтоб до брегов обильных Рейна
Победу россы принесли.

Чтоб правда пребывала с нами,
Чтоб места не было бедам,
Курился бы пред алтарями
Молитвы чистый фимиам.

(*) Сие писано в январе 1813 года. Тогда К. М. И. еще был жив. Возможно ли было не желать продолжения полезных дней его для блага всех народов, для славы России? Жалеть только должно, что желание сие не исполнилось.

Чтоб мира сладость вожделенна
Одушевила вновь весь мир,
И тишина благословенна
Везде уставила свой пир;

Чтоб АЛЕКСАНДРА дни бесценны
Текли, красуясь от доброт,
Как рек брега распространенны
Ширеют с дальним током вод.

Елизаветы кротки свойства[8]
В ненастье были б нам покров,
И общего залог спокойства
Была бы к нам ее любовь.

Небесные чины воспрянут,
Зрев смертных в радостях таких;
Тогда все в лике общем грянут:
«*Бог дивен во Святых Своих!* (*)

В языцех сотворил отмщенье;
Царей и славных их связал;
Явил Он в людях обличенье
И преподобным славу дал (**)».

Тогда, о год благополучный!
Я не дерзну тебя воспеть;
Воскреснет Пиндар благозвучный[9],
Чтоб счастие сие иметь.

Или певцу Екатерины[10] (***)
Подам златую лиру я,
Иль в злачны пренесусь долины,
Где беспрерывно зрят свет дня.

Да Ломоносов громогласной[11],
Воспомня выспренний свой дух,
Днесь песнью стройной и прекрасной
Наш паки услаждает слух!

Граф Сергей Потемкин

(*) Псалом LXVII, ст. 36[12].
(**) Псалом CXL, ст. 8 и 9[13].
(***) Г. Р. Державин.

XLI

НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО

Горе и горе! Скрылась, угасла
Молния Бога, сильного в бранях,
Зависть и злобу свергшая в прах!
Первенец славы в витязях росских,
Чуждым народам щит от тиранства,
Кроткой России столп и оплот,
Пал под ударом острия смерти;
Пал — и убийством смерть возгордилась,
Люто тщеславна в выбор жертв.

Север и Запад вдруг восстенали,
Разные царства вместе рыдают,
Вешний природы сетует вид.
Тучи печали, с сердца подъемлясь,
Очи России мглою покрыли,
Льются шумящим слезным дождем;
Плачет Россия плачем великим,
Плачет о сыне, данном ей свыше
Жизнь и свободу матери дать.

Тщетно я силюсь, бедством гнетомый,
Скорбью, как терном, в грудь уязвленный,
Песнию лирной горесть прельстить.
Чая утешить страждущу душу,
Тщетно блуждают персты дрожащи
Вновь по незвонким, томным струнам;
Песненны гласы медлят в гортани,
К звукам отрадным нудима лира,
Стон издавая, плачет со мной.

Россов живитель! Ты ли во гробе?
Сколько вы тленны, сколько ничтожны,
С дольним блаженством связи людей!
Волос тончайший, нить паутины,
С вами сравненны, кажутся верви.
Пал! — И давно ли падал пред ним
Враг, ополченный силой Европы,
Враг, ухищренный хитростью ада,
Бич земнородных, ужас войны?

Вижу героя в подвигах ратных:
Благом Отчизны дышущ и движим,
Благу Отчизны жизнь посвятив,
Выше и выше славой взносился.
Лавром дунайским, свежим, ветвистым[1],
Блеск заслоняя гордой луны,
Орлим полетом с жаждой стремится
Гнать от России скопища тигров,
Гнать от престола хищника царств.

Двигнул на злобу строи тенисты,
Сильный управить битву браздами,
В помощь зовущий Господа сил,
Страшен, как буря, бросил перуны
В челюсти змия пламенны, дымны,
Алчно разверсты Север пожрать;
Бросил — и реки вражией крови,
Черны, кипящи, роют долину;
Зыблется небо, стонет земля!

Россы, воспомнив праотцев крепость,
Груди смыкая в твердую стену,
В брань соступились, силою львы,
Громы громами вспять отражая;
Помысл единый в сердце питали:
В славу России жить и умреть.
Галлы низверглись тысящьми, тьмами:
Тако, пред вихрем зыблясь, дубравы
С шумом и треском падают в дол!

Бой Бородинский[2] — диво потомству!
Славой, как звезды, воины блещут,
Солнцу подобно светится вождь,
Мудростью свыше тайно наставлен,
Зная, что было, видит, что будет,
Взором пронзая мраки судеб;
Воев собою тьмы заменяя,
Разумом тонким ткал он советы,
В коих лукавый вязнет злодей.

Буря мешает небо и море,
Ветр, упираясь в парусы, в снасти,
К пагубе клонит зыбкий корабль;
Водные горы, пеной кипящи,

В ребра ударив, льются в утробу!
Ужас объемлет робких пловцов;
Бодрственный кормчий, опытный в бедствах,
Щоглу ссекает[3], вержет в пучину;
Вдруг облегчился, спасся корабль!

Так искушенный в битвах воитель,
Градом престольным жертвуя року,
Целое царство жертвою спас!
Сонмами сильных строи сгущая,
В плач обращает изверга радость,
Бранью стесняя, градом томя,
Нудит чудовищ рыскать из лога;
Гонит их бегство, детище страха;
Тучей над ними гибель висит.

Туча, обрушась, варваров губит,
Губит их Небо, губят их россы,
Губят их мразы, губит их глад.
Первые тигры, ныне елени,
Трепетны, наги, тощи и бледны,
Раны приемля в выи, в хребты,
Падают с воплем груды на груды;
Тысячи поприщ трупами полны;
Множеству теней тесен стал ад.

Окрест Смоленска брань распылалась[4],
Мещет из меди молний пожары;
Тьмы сопостатов землю грызут,
Тьмы, припадая к росским коленам,
Россом щадятся, к мести несродным.
Вражески громы в росских руках.
Витязь победный, сила России!
Именем новым славься, красуйся:
Витязь Смоленский — имя тебе[5].

Немен с Москвою кровью слиялся[6];
Видели Висла, Одер и Эльба[7]
Россов геройство, мудрость вождя.
Царствам германским, в рабстве лежащим,
Скованным цепью рейнския козни,
Солнца свободы блещет заря.
Так подвизаясь в вечере жизни,

Чтимый Россией, дивный в Европе,
Славы земныя верха достиг!

Славой высокий, высший смиреньем,
Славит от сердца Господа славы:
«Боже отмщений! Боже щедрот!
Страшный во гневе, в милости чудный!
Призришь ли гневом с неба на землю —
Трепет обымет сердце земли,
Горы растают, море побегнет,
Прейдут народы, царства погибнут,
Так Ты соделал нашим врагам.

Призришь ли свыше милостью к смертным —
Тварь обновится, жизнью взыграет,
Тучи искаплют тук на поля,
Классы и грозды землю украсят,
Склонятся ветви, тяжки плодами,
Сушу и воды мир осенит,
Вкусят народы сладость блаженства,
Царства скрепятся силой и славой,
Так Ты соделал россам Твоим.

Ты, поборая, Правый! по правде,
Крепкой рукою, мышцей высокой,
Гордых низринул, кротких вознес;
Брань сокрушая буйных языков,
Миру познался Богом России,
Дщери любезной нежным Отцом.
Ты возвеличил росса под солнцем;
Ревностью веры, строгостью нравов,
Росс возвеличит благость Твою.

Вечную смертным мощь проявляя
Действом чудесным слабых орудий,
Ты, Всемогущий! Избрал меня;
Внедрил мне в сердце крепость надежды,
Мужество в душу, бдительность в разум,
Тяжку со старца старость совлек:
Виждь — и не презри слез благодарных.
Нашей болезни Ты исцелитель,
Нашей победы Ты похвала!»

Рек — и молитвы глас умиленный
Быстро сквозь звезды выспрь возлетает,
Входит во уши Господа сил;
Слышит Всещедрый мужа желаний,
Слышит — и щедрит. — Видя, что в мире
Всякие чести ниже его,
Честью премирной верность венчает,
Близкого к небу верой и славой
Выше возносит — в небо небес.

Странник, претекший смерти пустыню,
Входит в отчизну, жизни жилище,
Входит, отрясший смертности пыль.
Нового друга, нового брата,
Все там сретают, все там объемлют,
Радуют чашей райской любви.
Он возвеличен, дышит блаженством,
Тает в восторгах, зря издалече
Свет неприступный Господа сил.

Радуйся в вышних, радость России!
Сам утешаясь благом верховным,
Нам в утешенье призри с высот!
Ты, возвращаясь к Богу от мира,
Нас не оставил сирых во брани,
Предал герою громы свои;
Ими ударив, Галлию зыблет,
Росс торжествует. — Клики победны
К небу несутся вслед за тобой.

Радуйся, витязь, дважды бессмертный!
Царь и Россия данию новой
Чтут пред Вселенной память твою,
Чтут — и Вселена чтущим соплещет;
Жив ты меж ангел, в граде Господнем,
Жив ты меж нами, дышишь в меди;
Дышишь, вдыхая страх в сопостатов,
Дышишь, вдыхая мужество в россов,
Пламень к России, пламень к царю.

С вечера, с утра, с полдня, с полночи,
Россы стекутся к Невскому брегу
Кланяться с нами славе твоей:
Дщери российски, матери нежны

Слабых младенцев, зреющих к слову,
Славить научат имя твое;
Старцы маститы, образ твой видя,
Градом роняя теплые слезы,
Внемлющим внукам с чувством рекут:

«Се избавитель нашей России!
Мудрость и храбрость в нем обнимались;
Галла-Батыя[8] он поразил;
Верой незыблем, сладок был нравом,
Страшный во брани, миловал слабых,
Гордых сражая, сердцем жалел;
В счастии шумном духом трезвился,
В буре несчастий духом мужался;
Небу и россам вечная честь!

Стой нерушимо, образ священный!
Стой, побеждая времени силу;
Стой, отражая споры стихий;
Вождь Задунайский, вождь Италийский[9],
В видах их славы, россам любезных,
Вяще возблещут блеском твоим;
Стой — и дерзая, слейся лучами
С дивным колоссом славы Петровой[10],
Град и Россию с ним озаряй!

Князь Сергий Шихматов

XLII

ОДА НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО. АПРЕЛЯ В 16-й ДЕНЬ 1813 ГОДА

Отколе пал внезапно гром
И молния покрылась паром?
Грохочет всюду гул кругом!
Каким гордится смерть ударом,
Что дрогнула твоя коса?

Давно ль, давно ль, страна преславна!
В блаженстве царствовала ты,
Где ж красота твоя державна?
Не тот и взор, не те черты!
Отколь там грусть, где дух великий?

Военный гений твой в слезах,
В густом тумане ратна сила,
Всеобща скорбь слышна в речах,
По лаврам ты идешь уныло!
Где сын твой, где бесстрашный вождь?

О рок! Где вождь наш сильный?
Где воевода грозных стрел?
Он в родине своей обильной
На глад и мор врагов навел
И их заставил жрать друг друга!

Где он, со пламенным мечом
Женящий князя тьмы и злобы,
Глотавшего в пути своем
Болезни, муки, смрад и гробы,
Бегущего, как хищный волк?

Откликнись, вождь наш несравненный!
Осиротел твой меч в ножнах!
На твой лежащий шлем священный
Уже валятся ржа и прах!
Не спишь ли ты в сиянье славы?

Злодей земли из бездн встает
И страшны рвет с себя оковы!
В лице луны кровавый цвет

Огнистый мещет взор суровый,
И змеи дыбом на главе!

Проснись! — Но что? — Желанья тщетны!
Молчит весь мир на голос мой!
Ссеченный дуб наш кратколетний
Не тмит уже лучей собой!
И шум вокруг лишь в листьях мертвых.

Вот гения блестящий век!
Где ум? Где дух? Где блеск и сила?
И что такое человек?
Когда вся цель его — могила!
А сущность — горсть одна земли!

И свет и прах он здесь мгновенно!
Но скрытый сей небесный гром
Единым мигом в жизни тленной
Быть может вечности лучом!
О призрак света непостижный!

Ты раб — и раб благий, иль злой,
С закатом солнца тень растуща!
Единый Бог — светильник твой.
Струя, в пути тебя несуща,
Несет и червя за тобой!

Отечества сыны прямые!
Не унывайте в скорбный час.
Все Бог! — Его лучи святые
С рождением в сердцах у вас.
Орлу что пропасти бездонны?

Предшественница вера вам.
Царь Севера, отец народный,
Повергнув зло к своим стопам,
Откроет к счастью путь свободный
И землю от оков спасет.

Ступай, о росс! Воитель ада,
Горою бей и вихрем рви,
Ударь дождем в подобье града,
Усей врагов костями рвы.
Заря блаженства за тобою!

Державин

XLIII

ВСТРЕЧА СУВОРОВА С КУТУЗОВЫМ, ИЛИ ВЕСТИ, ПРИНЕСЕННЫЕ В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ КНЯЗЕМ СМОЛЕНСКИМ

(ПОСВЯЩЕНО ЛЮБИТЕЛЮ СЛОВЕСНОСТИ ОСИПУ СЕРГЕЕВИЧУ ШИРЯЕВУ)

Суворов

Тебя ли вижу я? Кутузов! Ты ли здесь?
О старый друг!..

Кутузов

Устав всеправящих небес
Хотел — и я с тобой.

Суворов

Скажи, что в мире ныне?
Какую весть несешь Петру, Екатерине?[1]
Чей гром звучнее всех? Чей внятнее закон?
Где слава, наконец, свой утвердила трон?
Молва различно здесь дни ваши оглашает;
Но кто Кутузова подробнее все знает?
Я многих спрашивал, но только то узнал,
Что добродетелям путь жизни тесен стал.
В день каждый, каждый час они к нам прибегали,
И власть ужасного злодейства проклинали.

Кутузов

Как начал мир стоять, в течении всех лет
Подобных случаев еще не видел свет!
Представь ты запад весь, представь страны восточны,
И отдаленный юг и хладный край полночный —
В губящем пламени, везде лиется кровь,
В долинах и морях, средь сел и внутрь градов!
Как в бурю бездны вод, так круг всея Вселенной
Мутился и кипел в шуму грозы военной.
Повсюду гром ревел, повсюду меч блистал;
Что веки, то наш год единый совершал:
В год царства рушились, в год новые являлись;
И силы в бой один страшнейши сокрушались!

Суворов

Помилуй Бог! Из всех веков ваш чудо век!

Кутузов

И этому всему один лишь человек
Виною был и есть один, тиран Вселенны,
Лютейший всех Аттил, исчадие геенны,
Тот самый, что учил при временах твоих
В Египте грабежу толпы рабов своих[2].

Суворов

Так, слух о том, равно как о твоей, друг, славе,
Уже здесь носится бессмертия в державе:
О нем нам известил невинных смерть и стон,
А о тебе сказал герой Багратион.
Премена чудная! Кто б думал в наши лета,
Что некогда сей корс грозою будет света?
Как жаль, что не видал его, как в сих руках
Носил я Павлов гром на Альповых хребтах![3]
Как жаль, что он тогда со мной не повстречался!..

Кутузов

Он знал Суворова — и от него скрывался,
Чтоб славу вредную и жизнь свою сберечь:
Ему и многим твой внушал смиренье меч.
Ты в память призови ужасные те веки,
Как вольность, власть поправ, лила кровавы реки[4]:
Ты знаешь, что тогда чудовище сие
Из недр той вольности прияло бытие.
Но что возвысило его и укрепило,
То — несогласье царств, в те дни какое было.
О! Если б прешагнув Суворов Альпов верх,
Достиг в Лютецию(*) и в оной ниспроверг
Толпы мятежников, безбожьем порожденны,
Не отягчило б днесь толико бедств Вселенны.

Суворов

Сей речью ты меня не хочешь ли винить?..
Ты знаешь, что я мог тогда в Париже быть…
Но…

(*) Так называется другим именем Париж.

Кутузов

Нет, никто тому, Суворов, не виною.
Неотвратимою все делалось судьбою;
Небесный гнев крал порочных чад земли —
И славны подвиги свершаться не могли.
Хотела мщенья гром принесть Екатерина
За Рейн к мятежникам, но скорая кончина
Сии желания остановила вдруг;
Хотел и Фридерик, Бурбонов крови друг[5],
Продерзких наказать попрателей их дому,
Но случай воспретил намеренью благому:
Меж ним и Австрией возникла неприязнь[6],
Надолго отвлекла безбожью должну казнь.
Так изверги всегда без мщенья пребывали
И беспрепятственно в их буйствах возрастали;
Так неба самого верховный произвол
Злодеев сохранял для общих свету зол.
Равно как в дни твои и по твоей кончине
Вращалась Галлия всех прежних бед в пучине;
Всех тех же ужасов являлся в ней позор.
Между злодеями горел кровавый спор
О первенстве, о том, кому, для бедств Вселенной,
В злодействах предводить толпою исступленной.
Кто больше сил имел, чтоб больше зла творить,
Тот мог надеяться жезл власти получить,
И изверг сей тогда, обильней всех в коварстве,
Возрос, как исполин, в сем зол смятенном царстве:
Мечом и лестию на груде мертвых тел
Трон своевластия воздвигнуть он успел;
И там, где божеством безвластье почитали,
Где в жертву оному лишь кровь за долг вменяли,
Там узы днесь звучат, там мерзостный пришлец
Бурбонов скиптр златой преобратил в свинец[7]
И несколько уж лет им вольнодумцев давит
И сан помазанных злодействами бесславит.
В жизнь целую его минута не вошла,
Когда б не делал он или не мыслил зла.

Суворов

Ужель во Франции, героями толь славной,
Поднесь нет никого, кто б был Тюреннам равной[8],
Кто, ежели не трон Бурбонам возвратить,

То мог бы пагубных злодеев истребить?
Что делает Моро[9], зря счастие тирана?

Кутузов

Моро, быв слишком добр, стал жертвою обмана,
И ныне, как и все, кто злобе был врагом,
О бедствах отчих стран скорбит в краю чужом.

Суворов

Итак, Моро отдал граждан под бич кровавый!
Великий человек, достойный многой славы!
Оставить дом огню, оставить кровных там
И самому бежать, скитаться по лесам!..
Он слишком добр, но что доброты бесполезны?
Ах! Лучше, если б он исторг граждан из бездны…
Не так Катон, не так Брут строгий вел себя[10]:
Враги тиранов злых, отечество любя,
Герои древности в то время не молчали,
Когда согражданам оковы угрожали.

Кутузов

Суворов! Не вини достойного Моро.
Не меньше Брута он любил граждан добро,
Не меньше обоих тех древности героев
Скорбел, Отечество зря добычей разбоев.
Но что он сделать мог? Где средства? Да и с кем
Он стал бы действовать умом или мечом?
Средь бунтов таковых, горевших столько время,
Героев истинных и верных граждан племя
Изгнанье, эшафот, Бастиль[11], яд тайный, меч
Успели уж давно рассыпать и пресечь;
И ныне, о позор! В отечестве Кондеев[12]
Остались лишь одни везде толпы злодеев:
Разбойники средь войск, преступники в судах,
В церквах безбожники, разврат во всех местах.
Что б сделал Брут, Катон, иль Сципиона гений[13]
Средь сверхъестественных толь страшных сих явлений?
За славны подвиги, в мзду доброты своей,
Гонимый счастием, забытый от людей,
Моро, велик в себе, но злополучен в средствах,
Влачит остаток дней, как Велизарий, в бедствах[14].
Под небом чуждым он уж девять лет живет —

И столько ж времени мужей меж галлов нет.
Ах! Галлия, с тех пор как лилию (*) попрала,
Уже не гениев, лишь извергов рождала,
……..
……..
……..
……..[15]
Которые, ее не престая разить,
Не укоснят в волнах кровавых погрузить!

Суворов

Оставим Францию — пускай она достойна
Тирана, злейшего еще Наполеона.
Известны все ее преступные дела:
Цареубийству в мзду казнь всякая мала.
Но страны прочие — постигнуть не умею —
Как уступить могли жезл царственный злодею?

Кутузов

Удачи, золото, измена, лесть, обман,
А больше, как я рек, между сильнейших стран
Горевшее всегда зловредно несогласье
Доставили ему, к несчастью света, счастье,
И слабостью других он всех сильнее стал;
Шесть лет Германии законы подавал[16];
Шесть лет то силою, то чрез свои крамолы
По воле разрушал и созидал престолы.
И дом Фридерика, и Австрия, и Рим,
Все, кроме Севера, упало перед ним:
Одна Британия с наследием Петровым[17]
Причастны не были сим бедствам толь суровым.
Но наконец пришел со стаею царей
На Север — и, о страх! О память грозных дней!
Чего Мамай, чего Батый не совершали,
Аттилы зол каких изобретать не знали,
Те все, увы! Те все безбожною рукой
Свершили изверги над древнею Москвой!
Девицы юные и жены посрамленны,
Младенцы слабые и старцы пораженны,
По стогнам, внутрь домов, у самых алтарей

(*) Герб французского королевства.

Являлись грудами везде в крови своей!
Престолы Божии, мужей избранных гробы,
Потоптаны пятой надменной сильной злобы!
Смеясь в неверии нетлению святых,
Терзали варвары на части мощи их!
И всякую святынь, котору расхищали,
Как некую корысть простую разделяли!
Сам тартар удивлен казался, как узрел
Злодейства, коих он творить бы не посмел.
Содроглись небеса продерзостью сил адских!
И тени Мининых, Димитриев, Пожарских[18],
И тени Сергиев, в прискорбьи смутном злом,
Носились над Москвой, объятой вкруг огнем[19],
И чаяли, что день последний ей блистает.

Суворов

Досада смертная все сердце раздирает!
Как русский жизнь сносил, смотря на сей позор!
Похвал, не знаю, ты достоин иль укор;
Но я, хотя б во всех надеждах растерялся,
Я в поле бы один против врагов остался,
И в гроб бы…

Кутузов

Легче б в гроб и мне тогда вступить;
Но долг, Отечество мне повелели жить.
Я, жизнь и смерть презря, и все народны мненья,
Пожертвовал Москвой России для спасенья[20].
О вы, примерные Отечества сыны,
Которых имена в век будут почтены,
Которые в полях пространных Бородинских[21]
Скончали дни свои достойно чад российских!
О вои храбрые! Клянуся вами я:
Не слабость росских рук и не боязнь моя
Виною, что Москвы священны пали стены…
Враг, в десять крат числом нас больше умноженный,
Готовность в бой его, усталость малых сил,
В которых я судьбу Европы всей носил,
В той час решительный мне осторожность боле
Внушали, чем стоять в сомнении на поле.
Я отступил — враг вшел в Москву — и в ней он гроб
Нашел для сил своих и для своих всех злоб!

Суворов

Ах! Лучше б Немана в волнах погребесть злодеев![22]
Но продолжай: твоих дай важность знать трофеев.

Кутузов

Я отступив, щитом России сердца стал,
Где в грозном для врага молчанье пребывал.
Меж тем Борей ко мне с морозами, снегами
На помощь прилетел вдруг с росскими сынами,
Которым в храбру грудь влияли мщенья жар,
Разбои средь Москвы, убийства и пожар.
Противные ж полки, подобно как в темнице,
Томились, заперты в разрушенной столице,
В которой глад, и хлад, и язвы всех родов
Свирепствовали вдруг средь наглых их рядов.
Возникло между них мятежное роптанье,
К виновнику сих бедств вражда, непослушанье…

Суворов
(*прерывает*)

Довольно, меньше б был и сам Суворов смел,
Когда б против него полки Кутузов вел;
Сам *Цесарь* с *Фабием* иначе бы сражался[23]:
Не столько *быстроты*, как *взору* бы держался.

Кутузов

Тогда-то грозну месть российских я сынов
Пустил на варварство ослабленных врагов;
И нанесенны им оружьем нашим бедства
Их величайшие превысили злодейства.
Нет слов изобразить, сколь тяжко Царь небес
На горды выи их длань мщения вознес!
Ты веки все прейди, исчисли все сраженья:
Ни Дарий, ни сам Ксеркс такого пораженья[24]
Не пренесли среди превратностей своих,
Коликим казнены толпы злодеев сих.
То гладом, то мечом, то пламенем пожерты,
Сыны нечестия, на тысяч верст простерты,
По холмам, по полям, в лесах, в реках легли,
И враны их костей поднесь не разнесли!
Бородино, Москва, и с ней *Смоленск* отмщенны[25],
И кровью *Красного* равнины упоенны[26];

Тарутински поля[27], где сквозь багровых туч
Европе просиял свободы лестный луч,
Потомство известят вернее всех колоссов
О казни извергов и о геройстве россов;
И бой у Саламин, бой у Платейских стен[28]
Забудет свет, сих битв величьем изумлен.

С у в о р о в

Хвала Кутузову!

К у т у з о в

Хвала Творцу благому!

С у в о р о в

Кутузов! говори по дружеству прямому;
Здесь скромность не нужна, здесь сердце и язык —
Одно и тож. Скажи: *я истинно велик!*
Бывали многие, как ты, герои славны;
Но обстоятельства не виданы, сим равны:
Смотри, как Александр, смотри, как Цесарь, Кир[29]
Летают средь побед! Трепещет целый мир.
Но что? Пусть Александр — Вселенной покоритель,
А ты его славней — Вселенной ты спаситель!
Кто меньших в мире зол, а больших благ виной,
Тот должен большею почтен быть похвалой.

К у т у з о в

Так, ежели ценить по общим пользам славу,
Конечно, мне она принадлежит по праву.
Но, друг мой — больше бы отрады я вкушал,
Чем в лаврах, кои я при старости стяжал,
Когда бы гений чей для общего покою
Свершил, что начато с толикой славой мною.

С у в о р о в

Какой росс при тебе был в поле всех славней?

К у т у з о в

Кто сильных трех один мог двигнуть вспять вождей.
Но чтоб к хвале его изречь слова пристойны:
Талантов всех твоих наследник он достойный,
Искусен, зорок, быстр, ни чем не устрашен,

Ничем не утомим, и словом, Витгенштейн.
Сам град Петров сему обязан тем герою,
Что части равной он не испытал с Москвою.
Спасенный Полоцк им, шум быстрых двинских вод,
Громчайший слух о нем промчат из рода в род.
Сей гений, как Лукулл[30], едва впервые в длани
Приял начальный гром — и вдруг стал богом брани;
И вдруг искуснейших героев изумил,
Быв в первый опыт тем, другой чем в сотый был.
Не русский именем, росс кровью и душою,
Пребудет вечно он российских стран красою,
И будет в род и род жить в памяти людей!

Суворов

Так Север не престал рождать богатырей.
Но кто сподвижники его? Что друг наш Платов?

Кутузов

Он вихорь среди битв, он ужас супостатов.
Француз при имени бледнеет казака!

Суворов

А Милорадович?[31]

Кутузов

Мне правая рука
Он с Дохтуровым[32] был в советах и средь боя;
Достойны трое все учителя-героя!
И много доблестных еще других вождей
Надеждой отчих стран остались средь полей.

Суворов

Что мыслят прочие соседние державы?

Кутузов

Все удивляются сиянью росской славы,
И обнажили все, отринув тщетный страх,
Мечи отмщения на Марсовых полях.
Гишпанцы, полные к царям своим любови,
Падущий свой престол спасли ценою крови[33],
И показали всем, сколь страшны те врагам,
Кого на брань ведет любовь к своим странам.

Властитель Австрии, воспрянув напоследок,
Воспомнил, что его Иосиф славный предок,
И вред от связи зря Вселенной со врагом,
Свой с АЛЕКСАНДРОВЫМ соединяет гром.
Но что мне о тебе? О Фридрика потомок!
Не меньше Фридриха сей будет в мире громок.
Он кровию граждан и кровию своей
Поклялся не сходить со Марсовых полей
(Куда он прежде всех вступил вслед нашей славы),
Доколь все гидры злой не сокрушатся главы[34].
Но ты представь себе две гордые скалы,
О кои рушатся и бури и валы:
То государства два над всеми вознесенны,
Россия с Англией союзом съединенны.
Ко благу общему старание вперя,
Спрягает с сушею их дружество моря
И на Вселенну всю покров свой простирает.

С у в о р о в

Какой восторг в сей час мне сердце наполняет!
О! Верно, Пруссии и островитян *взор*,
И русских *быстрота* и сильный их *напор*,
Войну погибельну вон вытеснять со света
И возвратят земле златые мира лета.
Ты видишь ли вдали великий света храм?
Войдем в него, герой! Героев узришь там,
Которы в жизни быв щитом Отчизны, веры,
Являли чудные великих дел примеры.
Пожарский, Дмитрий там, татарских бич полков,
Румянцев и Репнин, Голицын и Орлов[35],
И множество других героев там достойных
Ликуют вечности в обителях спокойных.
С Екатериной там Великий Петр царят
И райски радости нам сладостней творят.
Пойдем: плени их слух российских чад хвалами
И облекись потом бессмертия лучами.

Г. Окулов

XLIV

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ ПРИ ИЗВЕСТИИ О НОВЫХ ПОБЕДАХ

Еще победы глас раздался![1]
Российский страшный грянул гром!
И враг, что сильно ополчался,
Бежит, сражен, покрыт стыдом!
Бежит — беги, злодей, ко аду!
Скорее там найдешь отраду:
Там узришь наших край побед!
К сей счастливой тебе юдоли
Одни лишь жертвы злобной воли
Для мщенья полетят вослед.
О радость! — Злые! Трепещите!
За правых есть заступник — Бог!
Пример на галле ныне зрите:
Он меч на целый мир исторг,
Он в буйстве не щадил святыни —
И се конец его гордыни!
Уже остаток мощных сил
Пришел во ужас и в смятенье;
Одно, одно ему спасенье,
Чтоб росс во гневе пощадил.

Но зарево Москвы блистает[2]
Еще на вражеских щитах!
И кто из нас не пожелает
Преобратить злодеев в прах?
Гряди, МОНАРХ, наш вождь, спаситель!
Будь за Отечество отмститель,
Последний доверши удар!
И россы в славе вознесутся,
И царства чуждые спасутся,
Их счастие — твой будет дар.

Н. Остолопов

XLV

ОДА ПОБЕДАМ РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

Ура! Меч Божий, броня света!
Земли и неба Геркулес!
Чья кровь из рода в род нагрета
Для жертвы, пользы и чудес
Любовью к родине бесценной —
Ура! Защитник всей Вселенной,
Возобновленье древних царств,
Непобедимых победитель,
И Бога самого отмститель,
Казнь злобы, гордости, коварств! —

Тебе, великому… но прежде
Падем перед виною благ,
Не в очарованной надежде,
Но в совершившихся делах,
Очам Вселенныя явленных;
Но прежде чувствий умиленных
Дань — жертву Богу принесем!
Он наказует и спасает,
Он ныне тартар потрясает,
Сняв с мира демона ярем. —

Его, Его к тебе любовью
Ты смог, благословенный росс,
Замкнуть зев вражью суесловью,
Грозящу потрясти колосс,
Десницей Божьей вознесенный;
Дал видеть мир, тобой спасенный,
И восприял с земных концов
Из края в край, в века от веков,
От вечной правды человеков
Несчетность пальмовых венцов.

Идем их зреть на поле брани.
Кто се прекрасный в гневе Бог?..
Окрест полсвета!.. Скипетр в длани
И царства изобилья рог;
В очах его — сердец законы,
Он словом движет миллионы —
Народов и языков тьмы.

Не сей ли Севера властитель,
Российских граней расширитель,
Пленяющ души и умы? —

Не он ли, злобой раздраженный,
Родяся ангелом любви,
Как Зевс, громами воруженный,
Идет — в преступничей крови
Омыть честь подданных усердных,
Тиранов наказать злосердных,
Дерзнувших Благость раздражать?
Или не сам ли Петр Великий[1]
Злодейства толпищи толики
С небес нисходит поражать? —

То АЛЕКСАНДР, владыка строев,
В боях Геркул, на троне Тит[2],
Как правнук Марса[3] — щит героев,
Как внук Фемиды[4] — правды щит;
Он с братом, князем Константином[5],
Вторым престольна рая крином,
Пред верным воинством представ,
Сраженья чертежи рисует,
Победы, славу предписует,
Полсвету своему устав.

И се! — В погибель зверя злобна,
Рушителя земных устройств,
Геенне — лютостью подобна,
Змие — злоухищреньем свойств,
Что в хищные заграбя лапы
Царей короны — митру папы,
В берлог их царства обратил,
Дерзнул вползть в леса лавровы,
Грозил пожрать плоды Петровы —
Росс гром на запад покатил. —

Европа! Средь тоски, боязни
Под тяжестью его оков
Все видит правосудны казни,
Глад, мор, повальну смерть врагов,
За скорбь любезна града россов,
Колосса — выше всех колоссов:
Служеньем Божьим алтарям,

Благословением небесным,
Любовью, рвением безлестным
К Отчизне милой и царям. —

Все видя то без исчисленья,
Минуй события чудес,
Неимоверное явленье,
Час гнева и любви небес,
Потехи смертоносны ада,
Пожар первопрестольна града[6],
Подрыв крепчайших стен Кремля,
Как в воздух разливались лавы,
Валились храма златоглавы,
Дрожали воды и земля! —

Как вождь вождей времен из давних
Снегами старости покрыт,
Обматерелый в бранях славных,
Плодом побед упитан всыть,
Благословенный князь Смоленский[7]
С брегов Пахры на бреги Рейнски[8]
Полмертва вспять врага прогнав,
Низринул в ад полмиллиона
Рабов строптивых фараона,
И ада потряхнул состав. —

Как Витгенштейн — явленье ново
Чад русских и даров, и сил! —
Бессмертно здание Петрово
Своею грудью заслонил;
Как смертны изрекали доли
Багратион, Барклай-де-Толли,
Раевский, Бенигсен, Толстой[9]
И сокол гурб донских удалый[10],
И войск предтеча безусталый —
Граф Милорадович, герой. —

Как все стихии съединились,
И огнь, и мраз, и вихрь, и ветр,
Чтоб галл с тьмой Рейнской сокрушились
В стране, где сеял лавры Петр,
Великий — по своей заслуге,
Бессмертный — на земном округе,
Вознагражденный от небес;

Минуй все то — спеша на Сену,
Взгляни на Лейпциг, на Бриену[11],
Где росс свершал дела чудес. —

Гряди за мной на ратно поле
Дивотворить и трепетать,
Зреть галлов в смертоносной доле,
В соборе всей Европы рать,
Полсвета в бранном воруженьи,
Полмиллиона вдруг в сраженьи,
Смесь гула, топота, громов,
Сиянья молний сопротивных,
Трофеи ратоборцев дивных,
Венцы вождя полубогов! —

Закройся, книга древней славы
Всех царств, племен и всех веков!
Сын грозный северной державы,
Казнитель адовых сынов,
И царь его, властей властитель,
Громодержавец — и спаситель,
Великий доблестью даров,
Всю славу древних заглушили,
Венцы героев всех затмили
Сиянием своих венцов! —

Все росса-исполина ниже —
Велик, как средь холмов Сион[12];
Шагнул с Москвы, ступил — в Париже,
И галл приял его закон.
И Марса, в ратном поле строга,
Приемлет сам, как кротка Бога;
Не казнь — но благи восприяв,
В смиренна агнца пременился,
Пред АЛЕКСАНДРОМ преклонился,
Гордыни замыслы поправ.

Воспрянула лилея снова,
И к человечеству любовь,
Щедротой правнука Петрова,
Взвела на трон Бурбонов кровь[13];
Царей законных возвратила,
Спокойство царств восстановила,
Произрекла Вселенной мир;

Десницей ангела полночна
Связала узл блаженства прочна,
Риз — рубищ — митры и порфир. —

Свершай, свершай, Верховна воля!
Неподражаемый Твой труд,
Да будет всех народов доля
Законом власти — правды суд,
Долгов взаимность — смысл законов,
Дух милосердья — слава тронов,
Мир повсеместный — узл людей,
Любовь блаженством — без доводов,
Великий росс — пример народов,
Великий АЛЕКСАНДР — царей!

Н. Николев

XLVI

НА НЕЗАБВЕННЫЕ ПОДВИГИ РОССИЯН ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ

Для россов нет столпов Алкида[1],
Делам бессмертных тесен мир;
В их духе доблестном — эгида[2],
Пред коей злобы пал кумир.
Досель на памятниках зрели
Великих… в буквах золотых;
Но россам ставить их нет цели:
Вселенна памятник для них!

Д. Гл. б. в.

XLVII

НА ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ И НАПОЛЕОНА ПОД БРИЕННОЙ(*) 20 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА

Где солнце днесь весны и славы,
Где АЛЕКСАНДРА озарит?
Кому предпишет он уставы?
Кого оружьем покорит,
Любовью и благотвореньем?
Кем обожаем будет ввек,
Превозносим с благоговеньем,
Как царь, герой и человек? —

И гордая столица в мире
С народом буйственным своим,
В презренной властелин порфире,
Европа, мучимая им,
Потомство внуков изумленно;
Непостижимых цепь чудес
В ум представляются мгновенно,
И сердце молит у небес:

«Да бодрствуют всегда над нами,
Да совершит священный путь
Великий АЛЕКСАНДР делами!
Его лишь дух возмог препнуть
Стремленье гидры, кровожадной
К попранью тронов, алтарей
И над Вселенной безотрадной
Вознесшей власть своих мечей![2]

Да ангел мира воплощенный
На землю блага возвратить,
Тираном лютым похищенны!
И чувством счастья озарить[3]
Страны, стонавши под железным
Ужасным скипетром его!»
И с благодарным током слезным
Замолк глас сердца моего!

К.<нязь> П. Шаликов

(*) Бриенская военная школа была первою и, вероятно, последнею *военною школою* Наполеона. Союзники преподали ему *окончательный* урок. Мудрецу корсиканскому нечему будет учиться иному, кроме несколько трудной науки — умирать при пламенниках фурий! *К. Ш.*[1]

XLVIII

ХРАМ СЛАВЫ ИСТИННЫХ ГЕРОЕВ

О ты! Что смертного бессмертием венчаешь
И на холмах веков престол свой созидаешь,
Дщерь правды, славы! Где твой истинный герой?
Поведай мне о нем! Да днесь твоей трубой
Я возвещу ему хвалу в пример Вселенны;
Да гласом истины нелестным вдохновенный
Дерзну проникнуть я в святилища твои!
Стремится горе, о мысли вы мои!
Теките, взоры, вслед за мыслями моими!
Пари, пари, мой дух! Пари в миры незримы!

Какой мечтается мне лучезарный храм?..
Его незыблемым сапфировым столпам
Крепчайший адамант я вижу основаньем;
Венец — составлен звезд чудеснейшим сияньем;
Глашатая — молва парит над храмом тем;
Алмазные врата его горят огнем,
Чистейшим пламени небесного блистаний…
«Се храм — предел забот и смертного желаний!»
Рекла мне Истина: «се славы храм прямой!
Се храм бессмертия! Се храм священный мой!»
Рекла — и вдруг врата алмазны растворились;
В одежды дел своих герои облачились,
И в блещущих лучах явилися пред ней.
Мой дух за истиной во храм проникнул сей.
Героев сонм исчез — их имена остались.
И взоры к ним мои с вниманьем устремлялись…
Сократов, Кодров я, Зопиров(*) там обрел[1];
С Пожарским Минин там, как светлый луч, блестел;
Там — имена Петра, Ликурга соплетались[2];
Там — Фабий, Цинциннат с Румянцевым являлись[3];
Там — Курций, Леонид, Гораций, Сципион[4];
Там — верный Гермоген[5]; там ты, Багратион!
Там — Ольга мудрая[6], и с ней — как райски крины,
Цветущи славою дела Екатерины…[7]

(*) Здесь разумеется не отец Сеидов, трагический Вольтеров Зопир[14]; но Зопир — ассириянин, сын Мегабизов, способствовавший своим редким самопожертвованием взятию славного Вавилона; Зопир — удивительнейший пример героизма и приверженности к своему государю.

Там — Нума, Антонин, великодушный Тит[8];
Там были — Регулы, Суворов, Аристид[9];
Я видел Сцеволу, зрел Дециев, Катонов[10];
Не зрел лишь хищников чужих венцов и тронов;
Бичей Вселенныя — мой взор не видел там:
Их тени бедные, не смея вникнуть в храм,
Как страшны призраки, окрест его блуждали;
Лучи отверстых врат — их взоры пожигали;
Кровь жертв их лютости — лилась на них дождем
И дух терзала их снедающим огнем…
«Се поздних суд веков!» — богиня мне вещала:
«Героев сонм прямых, которых я избрала,
Вовеки будет жить, как ныне он живет;
Их память на земле — бессмертьем процветет;
Их слава — в род родов трубой молвы промчится,
И прах их — блеском дел, как солнцем озарится….
Познай героя ты, о бренный человек!
Познай: не тот герой, кто свой минутный век
Слезами, кровью жертв, надменья прославляет;
Но тот, кто слезы всех злосчастных отирает;
Кто благодетельной щедроты льет рукой;
Кто царь страстей своих — тот истинный герой!
Так, он один пример явить удобен миру,
Что не венец его, но он — златит порфиру;
Что он и в рубище — богат и знаменит;
Что и в безвестности он славой дел гремит;
Что храбрость истинна — раздоров убегает,
И меч — лишь за свою отчизну исторгает…
О россы! Зрю и днесь меж вас героев сих;
Алкиды Севера![11] Вы блеском дел своих
И немерцающий свет солнца помрачили;
Вы, смерти не страшась, бессмертье заслужили;
Природы вы собой нарушили устав:
Над вами навсегда и смерть лишилась прав…
Уже зрю в храме вас, преславные герои,
Чьи за Отечество сомкнулись груди в строи!
Мир вам, защитники полночныя страны!..
Молва средь ужасов кровавыя войны
Цепь славных ваших дел пред мною расплетает:
И в каждом воине героя мне являет…
Здесь ужас вражеских рассеянных полков —
С донцами быстрыми сверкающий Платов,
Платов, — с чьим именем меж галлов страх летает,

Платов, — что молнию в полете предваряет;
Здесь — лаврами покрыт почтенный Бенингсен[12];
Здесь — спасший град Петров, бессмертный Витгенштейн[13],
Достойный меч носить святого Гавриила(*)[15].
Но здесь — маститого зрю князя Михаила(**)[16]:
Как древний грома бог, среди грозивших туч
Он, мощною рукой прияв бессмертья луч,
Тьмы дерзостных врагов лучом сим пожигает,
И день их торжества — в день казни превращает…

А ты, чьей дланию воздвигнут мой алтарь,
Избранный от небес, младой прекрасный царь!
Аврелий Севера![17] Под чьей златой державой
Полночные орлы парят с толикой славой!
Хвала тебе! Я зрю — как злобу ты сразив,
Склоняешься под сень и лавров, и олив;
Я зрю — как сонм царей, тобой освобожденный,
Спешит к стопам твоим — избавитель Вселенны!
Ликуйте россы все! — Меч Бога сил — за вас!»
Так Истина рекла, умолк священный глас…
Мой дух — наполнился чудесным сим виденьем,
И я — один — с моим остался восхищеньем.

Петр Корсаков

(*) Все помнят, что благодарные псковичи прислали графу Витгенштейну образ Св. Гавриила с надписью, на мече его находящейся: Honorem meum nemini dabo, т. е. чести моей никому не отдам.

(**) Кто не узнает здесь вождя вождей, предводителя полночных орлов, Смоленского князя?

XLIX

ОДА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ, НА ПОКОРЕНИЕ СТОЛИЦЫ ФРАНЦИИ ПОБЕДОНОСНЫМ ЕГО ОРУЖИЕМ

Где ты, с огромными крылами
Наш быстрый северный орел?
Паришь ли ты под облаками,
Иль звезд превыше возлетел?
В эфире ль солнца светом блещешь,
Иль пламенны перуны мещешь
И гидру адскую разишь?
Иль с неба, благу всех радея,
Ты, огнь приемля Прометея[1],
Всей твари нову жизнь даришь?

Где ты поставил грозны станы,
Алкидов сильны рамена?
О чудо! — На брегах Секваны(*)
Се веют россов знамена[2];
Попрана вся противна сила;
Главу Лютеция(**) склонила
К стопам полночных стран царя;
Вселенна в радости взыграла,
И всей Европе воссияла
Дней новых красная заря.

Свершился подвиг сей чудесный!
Пал гордый, пышный Вавилон![3]
С мечом луч благости небесной
Блеснул — и дал ему закон;
Царь россов, с лавром свив оливу,
Дарит судьбу ему счастливу
Единым манием руки;
Сын вечной тьмы во мрак сокрылся;

(*) Древнее имя реки Сены.
(**) Древнее имя Парижа.

Бежит, поруган, сокрушился;
Как прах, рассеяны полки.

Давно ли ты, дракон крылатый,
Из тартара рожденный в свет,
Убийством, лютостью чреватый!
Простер на полночь свой полет?
Давно ли хищны, алчны враны,
Нам к ранам прилагая раны,
Несли к нам в сердце огнь и смерть?
Давно ль ты, дерзкую десницу
Простря на древнюю столицу,
Мечтал России выю[4] стерть?

Ты шел — и реки лил кровавы!
Тебя царь россов превозмог:
Сын веры, доблести и славы,
Он к галлам шел как некий Бог!
Ты шел — ярясь, кипящ и злобен!
Он — Богу благостью подобен:
Как ангел, посланный с небес,
Круша железную корону[5],
Любви последует закону
Среди побед — среди чудес!

Не так ли Гейнрих незабвенный[6]
Входил, как подданных отец,
Как ныне входит несравненный
Царь Севера и царь сердец?
Противный град щадит, покоит,
Своих и чуждых благо строит;
Как солнца теплый луч живит:
И лавроносный победитель,
Народов многих избавитель
Европу кротостью дивит.

О странность дел невероятных!
О щедра милость Бога к нам!
О цепь событий непонятных!
Как может ум поверить вам?
Как после пройдут многи годы,
То все потомственны народы
Почтут то вымыслом одним;
И то пославят чудесами,

Что ныне мы перед глазами
В естественном порядке зрим.

О весть громчайша! Пронесися
Во все Вселенныя концы!
В восторг, Россия, облекися,
Готовь лавровые венцы!
Восстань, Москва, восстань из праха,
Забудь дни ужаса и страха,
Все чувства в радость преврати;
Как феникс, ею обновляйся;
Царя сретать приготовляйся
И мысленно к нему лети!

Восстань, великий вождь, Суворов,
Жерл медных звуков пробужден!
Внемли предметам разговоров:
«Град гордый галлов покорен!»
Как против них ты ополчался,
К нему всем сердцем устремлялся;
Но докончать чего не мог,
То ныне россов царь свершает:
В сем деле чудном управляет
Оружием его сам Бог.

Почивший на венцах лавровых
Смоленского священный прах[7],
Россию зря в триумфах новых,
Во блеске, в славе, в торжествах,
Во гробе мрачном потрясенный
И радостию оживленный
Венец МОНАРХУ подает;
А дух, бессмертием венчанный,
Вчинен в геройский лик избранный,
Победну в небе песнь поет.

Царь россов! Божеским советом,
Его начертано рукой,
Чтоб всех очей ты был предметом
И громкой славился молвой;
Бог дал тебе толико власти,
Чтобы Европа вся в напасти
К тебе простерла робкий взгляд,
Чтоб зреть полночное светило,

Которо царства озарило,
Излив на них лучи отрад.

Не чудо ль то пред взором света,
Не свыше ль разума и сил,
Что ты в одно теченье лета
Толико подвигов свершил,
На кои нужны многи годы?
Ты выше став самой природы,
Не знав к спокойствию часа,
Ничем себя не утомляешь,
Трудами бодрость обновляешь:
Не явно ль видим чудеса?

Не ты ль, как Марс, царям предходишь
И бодрой силой их живишь?
Не ты ль в наследия их вводишь,
И жизнь, и счастье им даришь?
Не ты ль чрез мудрые примеры
В прекрасну стройность ставишь сферы,
Где смутный, пагубный хаос?
Не ты ль, разгнав сей мрак суровый,
Родя везде порядок новый,
Явил, каков быть должен росс?

Каков он есть, тобой водимый,
Чудяся видит целый свет:
Уж меч его непобедимый
В Лютецию свой лавр несет;
Противных россы низложили
И в кратко время то свершили,
Что будет дивом всех веков;
Разруша ковы зла, коварства,
Ты спас царей, им отдал царства.
О царь! Се плод твоих трудов!

Не все ль народы прославляют,
Сколь ты велик в царях земных?
Не все ль стихии возвещают
Победы грозных сил твоих?
Вода Секваны робко стонет,
Кичливый враг низвержен, тонет,
Земля от войск твоих дрожит,

Огонь противных поражает,
Со свистом воздух раздирает, —
И галл у ног твоих лежит.

Под сению твоей порфиры
Священна отрасль процвела;
Упали гнусные кумиры,
Главу лилея подняла:
Тобой восходит царь законный[8];
Крин древний, белый, благовонный
Блаженство галлам возвратит;
У них исчезнет вероломство,
И их позднейшее потомство
Тебя, наш царь! Благословит.

Кто ж так сиял между царями
И в самы древни времена?
Кому с толь громкими делами
Душа толь кроткая дана?
Не для корысти или мести,
Но, полн любви, щедроты, чести,
Царям ты скипетры вручил;
Да душу зрят твою велику,
Что человека и владыку
В тебе с смиреньем Бог вместил.

Я зрю Петра, Екатерину[9],
Сидящих в светлых облаках,
Благословляющих судьбину,
Им давшу радость в небесах:
Увидеть россов славу громку,
И их достойному потомку
Быть выше всех царей земных;
Исполнить их предначинанье,
Свершить, в чем было их желанье,
И цель премудрых действий их.

Но что? Лучи я вижу новы,
С небес блеснувшие ко мне!..
Не тела ль я сложил оковы?
Иль я в сверхчувственной стране?
Горит во мне огонь священный,
Пронзил он весь состав мой бренный,

Все силы духа озарил;
Прогнал весь мрак телесной ночи,
Открыл мне умственные очи;
Я их в духовный мир вперил.

Исчезла чувственна препона,
С времен грядущих спал покров,
Открылась вечности запона
И тайна будущих веков;
Небесны своды потряслися,
Гром с быстрой молнией слилися,
Огнем эфирным твердь горит;
Из недра светлого чертога
Я, слабый смертный, слышу Бога;
Глас Божий тако говорит:

«Россия, край благословенный!
Мой перст царя тебе хранит:
Да Мной во веки подкрепленный,
Как солнце, он в царях блестит;
Да будет россам он отрадой
И всех владык земных оградой;
Да он им скиптры возвратит;
Да злу положит он препоны;
Восставит веру и законы
И мир всеобщий водворит!

Небесных сил послал Я вои,
Да шествуют всегда пред ним;
Да где пойдут его герои,
Враги исчезнут, яко дым;
Никто ему противостанет;
Где огнь его с перуном грянет,
Там все падет к его ногам;
Им вновь престолы утвердятся,
Законны власти водворятся,
Венцы возложит он царям.

Кому ж Я дал толико славы?
Кому такую мощь вручил?
На что толь многие державы
Вотще теряли много сил,
То скоро ныне он свершает;

Мой дух его приосеняет, —
Он царь по сердцу Моему;
Сломя ему противны стрелы,
Благословлю его пределы, —
Я щедр и милостив к нему.

Он теплой верою своею
Во Мне обрел себе покров;
Его десницею Моею
Спасу вовеки от врагов;
В нем суд и милость Я вмещаю,
Ему разрушить поручаю,
Противно воле что Моей;
Да примет от него Россия
Устав премудрости святыя
И дивный блеск ее лучей.

Послал Я мудрость Соломона[10],
Да с ним она всегда живет,
Да с ним сидящая у трона
На всех блаженство пролиет;
Да им вселена озарится,
Его доброте удивится,
Да ей поклонятся цари;
Да мир он нем с хвалой взывает,
Как хор пернатых воспевает
Восход блистающей зари».

Бог рек — и сей глагол священный
Мне в слух и в сердце возгремел;
Дал бодрость лире вдохновенной,
Чтоб я на ней царя воспел;
Да блеск его на песнь прольется,
В потомство поздно да несется
Любви к царю усердный глас;
Да вся Россия хор составит,
Да громкие дела прославит,
Ликуя в радости, Парнас[11].

Хвала и слава буди Богу
За дар щедрот Его благих,
Царю пославшу силу многу
К свершенью действий таковых!

Лишь силой Божеской единой
Направлен был полет орлиной;
К нему чистейший луч истек;
Премудрым Божеским советом
Он быстро то свершил пред светом,
На что потребен целый век.

Возможно все руке Господней!
Она из тьмы рождает свет!
От бездн возводит преисподней
И твари нову жизнь дает;
Не Бог ли, рог смиря противных,
Вознес царя в победах дивных,
Спасая им земных владык?
Возжем Творцу души куренье,
Воскликнем в радости, в смиренье:
Господь наш дивен и велик!

О Боже! Всех веков Зиждитель!
Продли царя бесценны дни;
Ему будь вечно покровитель,
Его для россов сохрани!
Да он, водим Твоей рукою,
Ведет нас к славе и покою;
Да век наш будет век златой;
Да вся Вселенна подтверждает,
Что росс сладчайший рай вкушает,
В МОНАРХЕ видя образ Твой!

Павел Г. Кутузов

L

РАДОСТНАЯ ПЕСНЬ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНЫХ ПОДВИГОВ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО, ВОССТАНОВИТЕЛЯ ЦАРЕЙ И ЦАРСТВ, ПОКОЯ И БЛАГОДЕНСТВИЯ ЕВРОПЫ, НА НИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ВРАГА И НИЗВЕРЖЕНИЕ ЕГО С ПОХИЩЕННОГО ИМ ТРОНА

Луна полкруга не свершила,
И паки новы чудеса!
Молва трубою возвестила,
Что вновь нам щедры небеса
Послали к радостям причины!
Дай муза мне крыле орлины,
Мой дух! Пари до облаков[1],
Да лира стройно воспевает,
Да новы силы ей вливает
К царю, к Отечеству любовь!

Атланта вижу пред собою,
Несуща бодро целый мир;
Он льва и змия жмет пятою
И раздробляет в прах кумир,
Исчадие самой геенны;
Он горы, к небу возвышенны,
Равняет в гладкие поля,
Стопой стезю расширил тесну,
И шествию сему чудесну[2]
Дивятся море и земля.

Так сильным духом царь полнощный,
Европы бремя восприяв
И подвигом десницы мощной
Врага всеобщего поправ,
Сотря взнесенный рог гордыни,
Бойницы, стены и твердыни,
Себе пространный путь творит;
Народы взоры обратили,

Пред ним колена преклонили, —
В нем мир свое спасенье зрит.

Какую вижу толь смущенну
Жену, сиявшу красотой,
Стенящую, изнеможенну,
С поникшей томною главой,
С исполненными слез глазами!
Отягощенная цепями,
Не знает, помощь где сыскать;
Над ней чудовище ужасно
Несется и грозит всечасно
Дыханье, жизнь ее прервать.

Так вся Европа, утомленна
Войной кровавой многих лет[3],
Ярмом тиранским отягчена[4],
Терзаема стеченьем бед,
Мечом, огнем, опустошеньем,
Не зря конца своим мученьям,
Возведши очи к небесам[5],
Ко Северу простерла длани[6],
Прося защиты в лютой брани[7]
Несчастным, страждущим странам.

Но вдруг с перуном налетает
Орел в сиянии, в огнях,
Жену скорбящу осеняет;
Исчезли в ней печаль и страх;
В ней чувства, жизнь и силы новы,
Ниспали с рук ее оковы;
Орел, взвиваяся над ней,
Мгновенно молнии ударом
Химеру[8], сущу в гневе яром,
С небес свергает в дно морей.

Там с вихрем облака густые,
Клубясь с полночи, запад тмят,
И черны тучи громовые
На Этну грозную летят;
Гром грянул с треском, — и громада,
Из чресл лиюща пламень ада,
В единый миг сокрушена,

Надменный свой хребет склонила,
Замолкла, стихла, огнь сокрыла,
Упала, с долом став равна.

Так общим бедством огорченный,
Ревнуя корень зла пресечь,
Царь, верой, правдой ополченный[9],
Подъял от Севера свой меч:
Палящи громы раздаются,
Чрез Одер, Эльбу, Рейн несутся;
Галл в сердце ранен, поражен;
Уже с огромною столицей,
Хотевшей мира быть царицей,
Покорен, кроток и смирен[10].

Что вновь бунтуя против неба,
Кичится дух упадший тьмы,
С толпою хищной чад Эреба[11]
Колеблет слабые умы;
Но Марсова меча сверканьем,
Единым перста указаньем
Все жалы змий притуплены,
Дракон повержен, связан, скован,
Ему в жилище уготован
Мрак адской, смрадной глубины.

Так многих тронов похититель,
Рабов презренных горсть собрав,
Еще быть чает победитель
И предписать царям устав;
Но северный орел с полками
Лишь только восшумел крылами, —
Рассеялись остатки сил;
Народ, лишенный многи годы
Покоя, счастия, свободы,
Тирана свергнул, низложил.

Кумир безумцев ослепленных,
Вселенну мнивший покорить
И в мыслях буйных, дерзновенных
Мечтавший Богу равен быть!
Что ты? Где ты? Где власть? Где слава?
Где сила? Где твои все права?

Где воинство? Где блеск мечей?
Во прахе все! — Ты червь ползущий,
Проклятье общее несущий,
И тартар весь в душе твоей!

Очувствуйся! Пади в смиреньи,
Пади перед царем сердец,
К его ногам в благоговеньи
Повергни скипетр и венец!
Ты ужас — он краса природы;
Ты мучил — он спасал народы;
В тебе гнев, злоба — в нем любовь;
Ты бич — он смертным утешенье;
Ты будешь миру в омерзенье —
Он слава, радость всех веков!

Что вижу? После грозной бури
Везде настала тишина!
Из туч открылся свет лазури,
Природа радостна, стройна!
Иль Феб, как будто бы весною,
Лучами, светом, теплотою
Рождает зелень и цветы,
Деревья в листья облеклися,
Пернатых песни раздалися, —
Все полно жизни, красоты!

Так солнце красное с полночи
На запад Александр грядет,
Открыв померкши галлов очи,
Им новых дней дарует свет,
Раздоры, брани прекращает,
Отцов семейства возвращает,
Зовет оратаев[12] к полям,
Прямое ставя в том геройство,
Чтоб водворилося спокойство
И счастие по всем местам.

Под тенью дуба знаменита,
Где бардов песнь слышна была,
Лилея, от очей сокрыта,
От бурь убежище нашла.
Таила блеск, главу склоняла;

Но вдруг, подвигнута, восстала,
Смиренный оставляет кровь,
Волшебной силой непонятной
Приходит в пышный сад приятной
И высится среди цветов.

Так, полный доблести и чести
Британский бодрственный народ
От пагубной тирана мести
Хранил Бурбонов славный род[13].
Они спокойны, безопасны;
Им вдруг лучи блеснули ясны,
Перунов орлих слышат гром;
Внимая истины закону,
Царь россов их зовет ко трону[14]
И вводит в светлый предков дом.

Что все стихии так в волненье[15],
Борясь одна против дугой?
В хаосе будто и в смешенье
Являют токмо мрак густой;
Но Божие всесильно слово
Творение рождает ново,
Лиет повсюду чистый свет,
В лучах огня животворящих
Огромный сонм светил горящих
В прекрасной стройности течет.

Так Бог, рабам во испытанье,
Послал в подлунный мир колосс,
Который смертным в наказанье
Соделал нравственный хаос;
Но вдруг из тьмы повсюду сущей
Господь десницей всемогущей
Исполнил всяческая благ;
От бедствий всех ведет к покою,
И Александровой рукою
Венцы сияют на царях.

Познайте, гордостью надменны,
Что Бог единый все творит;
Что все мы грешны, слабы, бренны,
Что Бог карает и живит.

Не ясно ль мир то видит ныне,
Что Бог противится гордыне,
Дает смиренным благодать?
Он АЛЕКСАНДРА возвышает,
Он кротости его вручает
Вселенной всей законы дать.

Россияне! Народ избранный!
Алкиды, истый род славян!
Кому от Бога ниспосланный
К блаженству царь великий дан![16]
Как ныне, будьте непременны,
Всем сердцем к Богу прилепленны,
Монарху верны! — Бог вам щит;
Он даст всегда вам новы силы,
Народам будете в светилы,
Вас целый мир не победит![17]

С небес Астрею призывает[18]
На землю сильный россов царь,
С ней дни златые водворяет,
Живит и радует всю тварь;
Гортани медны замолчали,
Летящи ядры свист прервали,
Престала кровь ручьями течь;
Герои в станах веселятся,
К семействам мыслями стремятся,
Почил на лаврах россов меч.

Монарх! Свершай дела велики!
О них потомство возгремит;
Да видят всей земли языки,
Что Бог тобой им жизнь дарит;
Спеши приходом лучезарным
К сынам усердным, благодарным,
Скорее дай им зреть себя:
Все лица радостью возблещут,
Сердца в восторгах вострепещут,
Прославят Бога — и тебя!

Павел Г. Кутузов

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ОПОЛЧЕНИЯ

России мощные сыны миролюбивы,
Святя крестом чело, неся в руках оливы,
Слезами окропя священны знамена,
Гласят Отечеству: Европа спасена!
Мы, Богу и царю явя усердья дани,
Участье приняли в свирепой мира брани.
Надменной Галлии столь дальний нам предел
Свидетель ныне стал высоких росса дел!
Российский АЛЕКСАНДР, царя являя свойство,
Несет тирану гром, стране его спокойство.
Там Сейна[1], зря Его и слуху вняв молвы,
Величью, счастию завидует Невы.
Щедротою Его к семействам возвращенны
Мы в плуг обратим меч, кровью упоенный;
Мы скажем средь трудов в отдохновенья час:
Среди военных бурь Европа зрела нас!
Вселенну убедим, вновь мирны и спокойны,
Что АЛЕКСАНДРУ быть мы чадами достойны!

Граф Д. Хвостов

LII

ОДА
НА ВСЕРАДОСТНОЕ ИЗВЕСТИЕ
О ПОКОРЕНИИ ПАРИЖА

Раздался гром из жерл медяных;
По стогнам льется шумный клик:
«Велик наш царь средь глав венчанных!
Победа! — Русский Бог велик!
Возвысил рог Он нашей славы;
Потрясшей целый мир державы[1]
Сломил кичливый, дерзкий рог.
Победа! АЛЕКСАНДР десницу
Вознес, — и галлов зрит столицу
Простерту, как рабу, у ног».

О радость! О восторг сердечный!
И слава нашему царю!
Титана в стыд облек Он вечный,
Последню тмит его зарю, —
Кого страшилася Вселенна,
С престола, буйством вознесенна,
Низверг Он, изверга, стремглав[2];
Крамолу поразил строптиву,
И мирную вознес оливу.
К спасенью всех земных держав[3].

Средь страха и среди сомненья
Пав к АЛЕКСАНДРОВЫМ стопам,
Ждала столица галлов мщенья
За бедства, нанесенны нам;
Но в Нем зрит милость воплощенну,
К прощенью, к жалости склоненну
Покорством пленницы своей;
Зрит руку, в бранну непогоду
От давних, тяжких уз свободу
Дарующу с пощадой ей.

Примера доблести толикой
Не зрел в веках протекших свет:
Великого царя — великой[4]
Душе не лестен лавр побед:

Перуном он сразил Антея;
Но кровь и сопостат жалея,
Простер к ним милующу длань. —
О, кротости всемощна сила!
Без битв она врагов пленила,
И их любви приемлет длань.

Не для победы он кровавой,
Не для стяжанья лавров тек;
Гнушаясь громкой, бранной славой,
Он на престоле — человек[5].
От буйств покров — его профира[6]:
Не хочет покорять он мира,
Но мир завоевать хотел;
Хотел, чтобы по всей Вселенной,
Гордыней наглой потрясенной,
Подобно крину[7] он процвел[8],

Орел полнощный! Возносися,
Ликуй победоносный росс!
Отцом твоим царем гордися[9]:
Светящий миру он колосс.
Низринуты восставит троны,
Преобратит на радость стоны,
Изгладит бедств народных след. —
На путь добра привесть злодеев
Ему приятней всех трофеев,
И плод, достойнейший побед![10]

Капнист

LIII

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ И СЛАВА АЛЕКСАНДРА I

Quae homines arant, navigant, aedificant, virtuti omnia parent.
Саллустий[1]

Конец победам! Богу слава!
Низверглась адская держава:
Сражен, сражен Наполеон!
Народы и цари! ликуйте:
Воскрес порядок и Закон.
Свободу мира торжествуйте!
Есть правды бог: тирана нет!
Преходит тьма, но вечен свет.

Сокрылось нощи привиденье.
Се утро, жизни пробужденье!
Се глас Природы и творца:
«Уставов я не променяю:
Не будут камнями сердца,
Безумства в ум не обращаю.
Злодей торжествовал, где он?
Исчез, как безобразный сон!»

О радость! В духе умиленный
И делом бога восхищенный,
Паду, лью слезы и молюсь!..
Отец!.. Пусть бури мир волнуют!
Над ними ты: не устрашусь!
И бури благость знаменуют,
Добро, любовь и стройный чин.
О! Ты велик, велик един!

Умолкло горести роптанье.
Минувших зол воспоминанье
Уже есть благо для сердец. —
Из рук отчаянной Свободы
Прияв властительский венец
С обетом умирить народы
И воцарить с собой Закон,
Сын хитрой лжи, Наполеон,

Призрак величия, героя,
Под лаврами дух низкий кроя,
Воссел на трон — людей карать
И землю претворять в могилу,
Слезами, кровью утучнять,
В закон одну поставить силу,
Не славой, клятвою побед
Наполнить устрашенный свет.

И бысть! Упали царства, троны.
Его ужасны легионы
Как огнь и бурный дух текли
Под громом смерти, разрушенья,
Сквозь дым пылающей земли;
А он с улыбкой наслажденья,
Сидя на груде мертвых тел,
Страдание и гибель зрел.

Ничто Аттилы, Чингисханы,
Ничто Батыи, Тамерланы
Пред ним в свирепости своей.
Они в степях образовались,
Среди рыкающих зверей,
И в веки варварства являлись, —
Сей лютый тигр, не человек,
Явился в просвещенный век.

Уже гордились мы наукой,
Ума плодом, добра порукой
И славились искусством жить;
Уже мы знали, что владетель
Отцом людей обязан быть,
Любить не власть, но добродетель;
И что победами славна
Лишь справедливая война.

Сей изверг, миру в казнь рожденный,
Мечтою славы ослепленный,
Чтоб быть бессмертным, убивал!
Хотел *всемирныя державы,*
Лишь небо богу уступал[2];
Топтал святейшие уставы;

Не скиптром правил, а мечом,
И был — державным палачом!

В чертогах, в хижинах стенали;
В венцах главы рабов сияли:
Престолы сделались стыдом.
Темнели разум, просвещенье:
Долг, совесть, честь казались сном.
Слабела вера в провиденье:
«Где мститель? Где любовь отца?»
Грубели чувства и сердца.

Среди гробов, опустошенья,
Безмолвия, оцепененья —
С кровавым, дерзостным челом
Насилие торжествовало
И, веселяся общим злом,
Себя хвалами величало,
Вещая: «Властвует судьба!
Она мне служит как раба!»

Еще в Европе отдаленной
Один народ благословенный
Главы под иго не склонял,
Хранил в душе простые нравы,
В войнах издревле побеждал,
Давал иным странам уставы,
Но сам жил только по своим,
Царя любил, царем любим;

Не славился богатством знаний,
Ни хитростию мудрований,
Умел наказывать врагов,
Являясь в дружестве правдивым;
Стоял за Русь, за прах отцов,
И был без гордости счастливым;
Свободы ложной не искал,
Но все имел, чего желал.

Уже тиран свирепым оком,
Влекомый к казни тайным роком,
Измерил путь в сию страну
И поднял для нее оковы:

Изрек погибель и войну.
Уже рабы его готовы
Последнюю из жертв заклать —
И началась святая рать.

Для нас святая!.. Боже мститель!
Се ты, злодейства истребитель!
Се ты на бурных облаках,
В ударах молнии палящей!
Ты в сердце россов и в устах,
В руке за веру, правду мстящей!
Кто бога воинств победит?
У нас и меч его и щит!

Тирану служат миллионы;
Героев росских легионы
Идут алмазною стеной;
А старцы, жены простирают
Десницу к вышнему с мольбой,
Слезами благость умиляют.
Везде курится фимиам:
Россия есть обширный храм.

Лежат храбрейшие рядами;
Поля усеяны костями;
Все пламенем истреблено.
Не грады, только честь спасаем!..
О славное Бородино!
Тебя потомству оставляем
На память, что России сын
Стоит против двоих один![3]

А ты, державная столица,
Градов славянских мать-царица,
Создание семи веков,
Где пышность, нега обитали,
Цвели богатства, плод трудов;
Где храмы лепотой сияли
И где покоился в гробах
Царей, святых нетленный прах!

Москва! Прощаемся с тобою,
И нашей собственной рукою

Тебя мы в пепел обратим![4]
Пылай: се пламя очищенья!
Мы землю с небом примирим.
Ты жертва общего спасенья!
В твоих развалинах найдет
Враг мира гроб своих побед.

Свершилось!.. Дымом омраченный,
Пустыней, пеплом окруженный,
Узрел он гибель пред собой.
Бежит!.. Но бог с седым героем[5]
Шлет казнь из тучи громовой:
Здесь воины блестящим строем,
Там ужасы зимы и глад
Его встречают и мертвят.

Как в безднах темной адской сени
Толпятся осужденных тени
Под свистом лютых эвменид,
Так сонмы сих непобедимых,
Едва имея жизни вид,
В страданиях неизъяснимых
Скитаются среди лесов;
Им пища — лед, им снег — покров.

В огонь ввергаются от хлада;
Себя терзают в муках глада:
Полмертвый мертвого грызет.
Стадами птицы плотоядны
Летят за ними с криком вслед;
За ними звери кровожадны,
Разинув челюсти, бегут
И члены падающих рвут.

О жертвы хищного злодейства!
Вы были радостью семейства;
Имели ближних и друзей, —
Почто вы гибели искали
В дали полуночных степей?
Мы вашей крови не жадали;
Но кто оковы нам несет,
Умрем — или он сам падет!

Где ваши легионы страха?
Лежат безмолвно в недрах праха;
Осталась память их одна,
И ветры пепел развевают.
Се ваши громы, знамена:
Младенцы ими здесь играют. —
Свободны мы, но в рабстве мир:
Еще тиранов цел кумир.

Еще Европа в изумленье;
Но скоро общее волненье
Вселяет мужество в сердца.
Гласят: «И мы хотим свободы
И нашим бедствиям конца!»
Подвиглись троны и народы;
Друг с друга в гневе цепи рвут
И с яростью на брань текут.

О диво! Зрелище святое!
Кто в шумном, благолепном строе,
Венчанный лаврами побед,
С лицом умильным и смиренным
Народы к торжеству ведет
И перстом, к небу обращенным,
Им кажет бога вышних сил,
С кем он уже врагов сразил?

России царь благочестивый,
Герой в душе миролюбивый!
Он долго брани не хотел;
Спасал от бурь свою державу:
Отец чад-подданных жалел
И ненавидел крови славу;
Когда ж меч правды обнажил,
Рек: с нами бог! И победил.

Вотще злодей окровавленный,
Как вепрь до сердца уязвленный,
Остаток собирает жертв
Коварства, лютого обмана:
У них мечи, но дух их мертв:
Идут сражаться за тирана!

И с кем? С любовью к алтарям,
К свободе, к истинным царям!

Ничто все хитрости искусства
Против восторга, правды чувства.
Толпы героев и вождей
Война народная рождает,
И первый из земных царей
Собою им пример являет.
(Россия! Не страшись: над ним
Господь благий с щитом своим!)

Днем в поле, нощию не дремлет:
Советам прозорливых внемлет,
Все думы Александр решит;
Предвидит замыслы лукавых;
Союз от зависти хранит;
Стыдя виновных, хвалит правых
И слабым мужество дает.
Он силен: в нем коварства нет!

Стократно в битвах одоленный,
Иссохших лавров обнаженный,
Ознаменованный стыдом,
Тиран перун угасший мещет —
И се последний грянул гром,
И новый Вавилон трепещет!
Колосс Наполеон падет
К ногам царей: свободен свет!

Земли подвиглось основанье!
Гремит народов восклицанье:
Он пал! Он пал! Кипят сердца;
К надеждам счастья оживают.
Как дети одного отца,
Все, все друг друга обнимают…
Он пал! В восторге целый свет!
Народы братья! Злобы нет!

В сем общем, радостном волненье,
Царей, героев прославленье,
Чье имя первое в устах?
Кому гремят Вселенной лики:

Без лести, в искренних хвалах
Дают название Великий?
Отечество мое! Ликуй
И с Александром торжествуй!

Отверзлися врата эфира,
И духи выспреннего мира
Парили над главой твоей,
Помазанник, сосуд избранный
Ко избавлению людей,
Монарх, Россиею венчанный,
Но данный богом всем странам,
Языкам, будущим векам;

Когда врагам, уже смиренным,
Твоею славой удивленным,
Вещал ты в благости: *мир вам!*
Когда с любовью восхищенной,
Дотоле чуждой их сердцам,
Они в сей час благословенный,
Внимая ангельскую речь,
Лобзали твой победный меч;

Когда, их чувством умиленный,
Оливой, пальмой осененный,
Среди народа и вождей,
На месте, обагренном кровью
Невиннейшего из царей,
Ты с чистой верою, любовью,
Молясь, колена преклонил
И бога гнева укротил[6];

Когда, злодеями гонимый,
Но втайне добрыми любимый,
Святого Лудовика сын,
Несчастием сопровожденный
От цвета жизни до седин,
На трон тобою возведенный,
Тебя с слезами обнимал
И сыном неба называл!

Вещайте, летописи славы!
Каких веков, какой державы

Монарх столь блага совершил?
Ищу… Закройтесь: нет примера!
К величию подвигнут был
Он вами, добродетель, вера!
На бога твердо уповал
И выше всех героев стал.

России слава, царств спасенье,
Наук, торговли оживленье,
Союз властей — покой, досуг,
Уму и сердцу вожделенный, —
О! Сколько, сколько счастья вдруг!
Как мир, грозою потрясенный,
В разрыве смертоносных туч
С любовью видит солнца луч,

Так все мы тишину встречаем,
Приветствуем душой, ласкаем
Изгнанницу столь многих лет!
Забудем зло, но рассуждая.
Нас опыт к мудрости ведет:
Из глубины веков блистая,
Как ясная умов заря,
Сия другиня алтаря

К нам ныне руку простирает —
Страстям велит молчать — вещает:
«Цари, народы! Благо вам,
Десницей вышнего спасенным!
Но клятва будущим войнам,
Безумцам, славой обольщенным!
Велик отец и друг людей,
Не гений зла, не муж кровей.

Кто следом Галлии тирана,
Путем насилия, обмана,
Для ада радостных побед,
Еще к бессмертью устремится?
Стократ он прежде смерть найдет,
Чем с ним победами сравнится, —
И сей Наполеон в пыли;
Живет теперь в позор земли,

Несчастный пьет стыда отраву!
Цари! Всемирную державу
Оставьте богу одному!
Залог, вам небом порученный,
Вы должны возвратить ему
Не кровью слабых обагренный
Для умноженья областей,
Но с мирным счастием людей.

Не для войны живет властитель:
Он мира, целости хранитель.
Пусть каждый собственность блюдет
И чуждого да не коснется!
Тогда спокоен будет свет.
У диких кровь рекою льется:
Там воин — первый человек;
Но век ума гражданский век.

Судить, давать, блюсти законы,
С мечом в руке — для обороны
От чуждых и своих врагов —
Есть дело вышней царской власти.
Не будет праздных вам часов,
Пока, увы! Пылают страсти.
Любите знаний тихий свет:
От них — Наполеона нет![7]

Народы! Власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призрак, страстей обман.
Вы зрели галлов заблужденье:
И своевольство и тиран
Отметили им за возмущенье
Против законного царя,
Уставов древних, алтаря.

Питайте в сердце добродетель,
Тогда не будет ваш владетель
Святых законов попирать.
Ко злому только зло влечется:
Благим и царь есть благодать.
Господь небес о всех печется,

И червь его рукой храним.
Над вами царь, а бог над ним.

В правленьях новое опасно,
А безначалие ужасно.
Как трудно общество создать!
Оно устроилось веками,
Гораздо легче разрушать
Безумцу с дерзкими руками.
Не вымышляйте новых бед:
В сем мире совершенства нет!

Цари да будут справедливы,
Народы верностью счастливы!
Не искушайте никогда
Всевышнего в долготерпенье:
Спасает бог — но не всегда».
Рекла — и мир в благоговенье;
Умолкла — но ее совет
Есть глас ума в деяньях лет.

Исчезните, примеры злые!
Теките счастья дни златые
Для всех народов и царей!
А ты, наш царь благословенный,
Спеши, спеши к стране своей,
Победой, славой утружденный!
Везде ты искренно хвалим,
А здесь и славим и любим.

Тебя как солнце ждем душею!
Ах! Благодарностью своею
Достойны мы *твоими* быть!
Гряди с геройскими полками,
Которых память будет жить
Вовек с чудесными делами!
Российских древних царств глава,
Седая в доблести Москва

С себя прах смерти отрясает;
Развалины свои венчает
Цветами юныя весны.
Не бойся мрачных лиц, стенаний:

Печали все погребены.
Услышишь громы восклицаний:
«Для счастья нашего живи!»
Узришь один восторг любви.

Н. Карамзин

LIV

НА ПОСЛЕДНИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В ЕВРОПЕ

У тихих вод Москвы пернатых обладатель
С холма на древний Кремль свой быстрый взор взносил;
Как вдруг из мрачных нор ползущий обитатель,
Отважно ринувшись, его в грудь уязвил.
Летит за дальние грозящих туч пределы,
Кто насылает с них разженны грома стрелы,
И не смотря, что весь опутан, брань ведет,
Извившегося он с собой змия несет.
Орел, врага в когтях сжимая, раздирает,
Прияты раны им стократно отмщевать[1];
На землю с высоты кипяща каплет кровь,
Лютее брань меж ими вновь.
Вотще чудовище всю ярость истощает,
С остатком духа в нем смешенный яд дымит;
Разит еще орел; труп смрадный в дол бросает,
И выспрь торжественно парит[2]:
Равно Наполеон, шед к Северу кичливо,
Возмнил, что русску мощь с лица земли сотрет;
Но то, что создал Петр, — то ввек неколебимо:
Тебя ж, Наполеон, и сил твоих уж нет!

(Из Сына Отеч.)

LV

НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА I

1.

Дарами мужества и мудрости обилен,
Сколь милостив, столь тверд; столь справедлив, сколь силен;
Европы бедствиям соделал Ты конец:
Благословен, Велик, Отечества отец!

А. Х.

2.

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель[1].
Какой венец Ему? Какой Ему алтарь?
Вселенная! Пади пред Ним: Он твой спаситель!
Россия! Им гордись: Он Сын твой, Он твой царь!

Кн. Вяземский

3.

К изображению безпримерного во владыках Александра I

Боголюбивый царь, и царь, любимый Богом,
Блаженства, славы нам ниспосланный залогом,
Освободивый днесь полсвета от оков![1]
Ты выше всех похвал, Ты выше всех венцов![2]
Тебе бы древний мир храм Божеский поставил,
И гимнами Тебя, как Божество, в нем славил;
Но царь наш, наш герой, в смирении велик:
Живет в сердцах — в хвалах и нужды не имеет:
Дела Его гласить и Пиндар онемеет;
И хижина есть храм, где Александра лик!

Ф. Кокошкин

LVI

АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ ПО ВЗЯТИИ ПАРИЖА

Величеством Своим, как солнце в свете, ясен,
И столь же благ — и столь же, как оно, прекрасен;
Как солнце, озарил Ты ныне целый свет:
Ты вождь царей — Ты вождь планет!
Комета злобная хвостом своим горящим,
Раздор, войны, болезнь на землю низводящим,
Хотела возмутить тел стройных в мире ход;
Но солнца росского почувствовать восход,
Мгновенно в бездну тьмы со ужасом сокрылась —
И вся Вселенная Тобою оживилась.

А. С. … в.

LVII

ТОРЖЕСТВО ВЕРЫ И ДОБРОДЕТЕЛИ

Составил пагубную цепь злодей
Для общей пагубы людей;
Но Вера, дар Небес бесценный[1],
Явилася в Тебе, российский АЛЕКСАНДР,
И цепь разорвалась, грозившая Вселенной[2].
От Провиденья Ты для всех небесный дар:
Злодею спутник ад; доброты все с Тобою.
Сравнится ль что-нибудь со славою Твоей?
Ты будешь наречен спасителем людей.
Так торжествует здесь лишь *Вера, Добродетель*;
Так торжествуешь Ты, российских стран Владетель!

Н. Овдулин

LVIII

К ПОРТРЕТУ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

Кутузов! Образ твой Россия и Вселенна
На алтарь сердец потщится утвердить;
Святая истина, тобой восстановленна,
В веках твои дела должна изобразить.
Ты памятник себе воздвиг не из металлов;
Ты цепи снял с царей, народы свободил;
Ты гидру низложил богопротивных галлов:
Ты истребителя Вселенной истребитель![1]

Н. И. Писарев

К портрету его же

Кто нагло унижал народы и царей,
Того унизил ты, достойный алтарей!
Тобой исполнился велик судеб закон:
Наказан царств земных злодей — Наполеон!

В. Колосов

LIX

К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

Сей вождь российских сил, французам столь опасный,
Непобедимого трикраты победил,
И разметав полки, числом врагов ужасны,
Как некий дивный щит, Петрополь оградил.

Н. И. Писарев

LX

К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА КУЛЬНЕВА

Се образ Кульнева, чей меч в боях сверкал
Подобно молнии, — и галлы трепетали;
Когда ж среди побед герой сраженный пал,
Тогда не только мы — враги о нем рыдали.

Н. И. Писарев

LXI

К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

Он славою своей был одолжен — себе,
И кончил век, служа, Отечество, тебе[1].

К. Ш-в

LXII

СТИХИ ГЕНЕРАЛУ РАЕВСКОМУ

Вера твоя спасет тя![1]

Великодушный русский воин,
Всеобщих ты похвал достоин!
Себя и юных двух сынов
Приносишь все царю и Богу;
Дела твои сильней всех слов.
Ведя на бой российских львов,
Вещал: «Сынов не пожалеем;
Готов я с ними вместе лечь,
Чтоб злобу лишь врагов пресечь!..
Мы россы!.. Умирать, умрем»[2].

Орлы взвилися на врагов;
На Бога твердо уповают,
Полки врагов не исчисляют,
За веру льют родную кровь.
Враг отражен; и снова
На россов злость его сурова
К стенам Смоленска привлекла,
Стотысячна толпа пришла.
Мал русских сонм — но вера с ними!
Опять с полами стал своими
Раевский, веры сын — герой…
Идет кровопролитный бой!
Все россы вихрями несутся,
До положенья глав дерутся;
Их тщетно к отдыху зовут;
«Всем дайте умереть нам путь!»
Так русски воины вещают,
Разят врага — не отступают:
Не страшен россам к смерти путь[3].

И мы, о, воины, за вами
Из градов русских все пойдем;
За нас вы боретесь с врагами,
И мы, мы с вас пример возьмем.
Или России избавленье,
Иль смерть врагу и пораженье
Мы вместе с вами принесем;
Иль с верой — верными умрем!

LXIII

СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Вспомним, братцы! Россов славу,
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу:
Лучше смерть, чем в рабстве жить![1]

Мы вперед, вперед, ребята!
С Богом, верой и штыком;
Вера нам и верность свята:
Победим, или умрем!

Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Будем биться со врагами;
Не пропустим злых зверей! —

Вот! Рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.

Враг строптивый мещет громы,
Храмов Божьих не щадит;
Топчет нивы, палит домы,
Змеем лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!..
Нет уж сил владеть собой:
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится на бой!

Мы вперед, вперед, ребята!
С Богом, верой и штыком;
Вера нам и верность свята:
Победим, или умрем!

Федор Глинка

LXIV

ТРИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

1.

Станем, братья, собираться,
Весело пришлось гулять;
Станем пить, не напиваться,
Милых нежно забавлять.

На Руси теперь веселье;
Время гроз уже прошло;
С славой нашей всех спасенье
Красным солнышком взошло.

И в старинушку бывало
От Руси не без чудес;
Мало нас всегда пугало,
Кто б себя как ни вознес.

Мы Мамая поразили,
Пал пред нами бурный швед;
Фридерику ль уступили
Мы на поприще побед?

И теперь, как ополчился
Против нас Наполеон,
Удалец сей посрамился,
И не чуть уже, где он.

Видно Небесам угоден
Наш Надежа-Государь;
Он у нас на все способен[1]:
Он по сердцу Божью царь!

(Из Сына Отеч.)

2.

За горами, за долами,
Бонапарте с плясунами
Вздумал вровень стать. — 2.
Конь куда с копытом мчится,
Рак туда ж с клешней тащится,
И давай плясать. — 2.

Невпопад пошел Англезу,
Вздумал, бросив экосезу[1],
Польскую пройтить; — 2.
Не видавши пыли русской,
К верху вздернул нос французский,
И давай кружить. — 2.

А сарматы-пустословы
Подыграть ему готовы:
Гостик дорогой! — 2.
Скрипки, басы заревели,
Звонки трубы загремели,
То-то пир горой! — 2.

Скоро польским он наскучил,
Музыкантов перемучил,
«Сем на Русь пойду!» — 2.
«Там я Барыню пройдуся,
Фертом в боки подопрутся,
Пляску заведу!» — 2.

Бородинские заботы
Не отбили в нем охоты
В матушку Москву. — 2.
«Там мне есть, где разойтиться»;
«А чтобы повеселиться,
Барынь позову». — 2.

Побывать-то удалося,
Да не так отозвалося, —
Не с кем поплясать. — 2.
Только проложил дорогу,
Занозил скоренько ногу,
Пришлось отдыхать. — 2.

Князь Кутузов помнил слово:
Хоть не скоро, да здорово.
Старый воробей! — 2.
Знавши вывертки французски,
Заиграть велел по-русски
Музыке своей. — 2.

Наши грянули по-свойски:
«Мы не знаем по-заморски,
Ну-тка *Козачка*!» — 2.
Чуть прослышал *корсиканец* —
«Провались проклятый танец:
Даст он мне толчка! — 2.

То ли дело по-немецки,
Танцовать по-молодецки,
Старый *алеманд*![2] — 2.
Эта пляска мне сходнее,
И для ног моих сноснее;
Ну, назад, назад!» — 2.

«Видно, хват, ты из французов», —
Говорит ему *Кутузов*: —
«Нет, брат, погоди! — 2.
Шаркать мастер ты ногою,
Сем попляшем мы с тобою,
Ну-тка, выходи! — 2.

Захотел плясать по-русски,
Приседай-ка по-французски
Ты, Наполеон!» — 2.
Бонапарту не до пляски,
Растерял свои подвязки,
Хоть кричать пардон. — 2.

Стал он в стороны кидаться!
Мелким бесом извиваться,
Дрогнула нога! — 2.
Его музыки не стало,
Скрипок будто не бывало:
Пляска дорога! — 2.

Марганул он *Коленкуру*[3]:
«Сем-ка выкинем фигуру
На цыганский лад». — 2.
Бросив пышные ухватки,
По-*цыгански*, без оглядки,
Шаркнули назад. — 2.

Не соваться было в воду,
Не спросяся прежде броду,
Хват — богатырю! — 2.
Мать Российская Держава,
Силы много! — Слава! Слава
Белому царю! — 2.

С. Черная слобода[4]

3.

Пойте, радуйтесь, ребята!
АЛЕКСАНДР нам верный щит!
Имя русского солдата
Там и за морем гремит.

Белый царь шутить не любит:
Он французам доказал,
Что тому жить плохо будет,
Кто зло русским помышлял!

Гость незванный к нам явился
Не во сне, а наяву,
И тем, изверг, веселился,
Что жег матушку Москву![1]

Сердца вздрогнули! — Ребята!
Мы в Париже! — Слава нам!
Уж не стало супостата!
Мир земле! — И мир врагам!

Пойте, радуйтесь, ребята!
АЛЕКСАНДР нам верный щит!
Имя русского солдата
Там и за морем гремит!

В. Пушкин

LXV

ПЕСНЬ РУССКИХ ПОСЕЛЯН РУССКИМ ВОИНАМ

Братья наши в ратно поле
Головы за нас несут;
Чтоб мы жили в мирной доле,
Кровь за нас родную льют.
Веди, Господь! Людей своих,
И мы готовы в путь за них.

Мы в довольстве, мы в приволье,
Есть *хлеб-соль*, спокойно спим;
В русском царстве нам раздолье,
И чужбин мы не хотим:
Нас Господь благословляет,
Все, что нужно, посылает.

Золотеют наши нивы;
Тучная трава в лугах:
Мы в домах своих счастливы,
Рай житье нам в деревнях.
Рай житье свое родное[1]*;*
Не приманит нас чужое.

Слышим, что в странах французских
Извелся людской весь корм,
И у нас французы, русских,
Хлеб отнять хотят ружьем!
Есть хлеб-соль у нас для добрых;
Грудь железна есть на злобных[2].

Братья-воины России!
Прочь от нас гоните злых!
Мы все братья, все родные;
У французов сброд чужих.
Братья братьев не забудут,
Крепкой им защитой будут.

Государь великий с вами;
Сам идет Он на врагов!
Огражден Он не стенами,
Верой огражден сынов.

За царя, за веру, Бога,
К смерти не страшна дорога!

С вами полководцы верны;
Царь и Бог у них в сердцах;
Души их нелицемерны
Не дрожат, хоть смерть в глазах;
Идет грудью на коварство
За святое наше царство.

Молвил царь — и мы готовы
С ним идти на бой, на смерть;
Если враг грозит суровый,
Нам ли жизнь тогда жалеть?
Не себя, своих жалеем;
Души полагать умеем.

Слышим, хочет враг голодный
Наших жен, детей избыть,
Храмы разорить Господни,
Веру нашу истребить!..
Молви царь — кипим душами!
Молви — в бой пойдем с врагами!

Грудью Русь свою святую,
Царь-отец! Мы отомстим![3]
Чтоб спасти страну родную,
Все с весельем отдадим.
Царство чтоб спасти святое,
Отдадим житье родное.

Братья-воины России!
С вами Бог и царь-отец;
Пусть враги грозятся злые,
Не смутят у нас сердец.
Бог неверных поражает;
Бог за правду помогает.

С. Г.

LXVI

ПЕСНЬ ДОНСКОМУ ВОИНСТВУ

Грянул незапно гром над Москвою!
Выступил с шумом Дон из брегов:
Все запылало мщеньем, войною,
Против врагов.
Ай, донцы-
Молодцы!

Только взгремело царское слово:
Россы-полканы! Враг под Москвой!
Тотчас сто тысяч храбрых готово
Броситься в бой.
Ай, донцы-
Молодцы!

Кто против Бога? — Кто против русских?
Выхватив саблю, рек атаман;
Праха не будет полчищ французских!
Где вражий стан?
Ай, донцы-
Молодцы!

Царь православный! Все мы готовы
На супостата бранью идти,
Натиском быстрым адские ковы
Предупредить.
Ай, донцы-
Молодцы!

Русским знакома к славе дорога:
С Нары до Рейна вдруг пролетим;
Всех превозможем с верой на Бога —
И отомстим.
Ай, донцы-
Молодцы!

Верь и надейся. — Русь безопасна:
Сил крестоносных мышца крепка.
Страшен аркан, сабля ужасна,
Пика метка.

Ай, донцы-
Молодцы!

Тщетны все козни Наполеона,
Не устрашит нас множеством сил:
Матери Божьей с нами икона[1]
И Михаил[2].
Ай, донцы-
Молодцы!

Время на кони, — враг наступает,
Вера святая к брани зовет;
Правому делу Бог помогает:
Дети! Вперед!
Ай, донцы-
Молодцы!

Грянем на встречу полчищ французских.
Встанем, как горы, на Уперти[3],
Да не посмеют в сердце стран русских
Дале идти.
Ай, донцы-
Молодцы!

Грянули чада тихого Дона:
Мир изумился, враг задрожал,
Рушилась слава Наполеона —
И побежал.
Ай, донцы-
Молодцы!

Где ни посмотришь, пики мелькают,
Граду подобно стрелы шумят,
Пули, как пчелы, роем летают,
Сабли звучат.
Ай, донцы-
Молодцы!

Против сил русских не устояли
Полмиллиона буйных голов;
Сернам подобно, вострепетали
От козаков.

Ай, донцы-
Молодцы!

Бросили пушки, ружья, снаряды,
Чая спасенье в бегстве найтить;
Всеми корыстьми жертвовать рады,
Только б уйтить.
Ай, донцы-
Молодцы!

Но не успели, как ни хитрили:
Враг кровожадный пал при Орле;
Славу и кости все положили
В русской земле.
Ай, донцы-
Молодцы!

Тако разрушен замысл крамольный,
Тако ужасный враг истреблен;
Так православный, первопрестольный
Град свобожден.
Ай, донцы-
Молодцы!

Богу сил горних благодаренье!
Честь и спасибо мудрым вождям!
Слава монарху, царству спасенье,
Лавры донцам!
Ай, донцы-
Молодцы!

Н. Шатров

LXVII

ПЕСНЯ РАТНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Не труба трубит звонка золота,
Как возговорит православный царь:
Ох, вы русские добрые молодцы!
Вы седлайте все ретивых коней,
Надевайте вы сабли вострые,
Что идет злодей на святую Русь.
Есть ли Минины и Пожарские?
Нам тогда снимать наш булатный меч,
Когда выгоним врага лютого,
Врага лютого, кровожадного.
Лишь успел наш царь слово вымолвить,
Не река течет, не волна шумит,
То народ к нему весь стекается.
«Ох, ты батюшка, православный царь!
Есть и Минины и Пожарские.
Ты бери у нас злато, серебро,
Ты и нас возьми во ряды свои;
Наши деды как шли за Родину,
Так и мы теперь за тебя идем.
Рады головы за тебя нести.
Мы тогда снимем наш булатный меч,
Когда выгоним врага лютого,
Врага лютого, кровожадного.
Ты отец будешь сиротам по нас».
Не расти трав на Неве-реке,
Не владеть чужим землей русскою!
Наши русские дети барские,
Наши в Питере веселилися:
Все бегут они встать дружинами;
Им забавушки опостылели.
Нам работушки уж на ум не идут,
Жены, детушки не удержат нас:
Покидаем все, сами в строй спешим.
Не орлы летят по поднебесью,
То дружинушки идут к Полоцку.
Как встречает нас витязь Витгенштейн:
«Удалые вы, добры молодцы!

Мы послужим те, царю белому!
Не дадим врагу поругаться нам».
«Славный витязь наш, храбрый Витгенштейн!
Прикажи ты нам за собой идти!
За тобою всяк и в огонь готов!
Засвистели вдруг ядра калены,
Застонала вся мать сыра земля,
Засверкал огнем наш граненый штык;
Мы дралися тут три дня, три ночи;
С нами вместе шел сенатор отец,
Впереди у нас все начальники;
И вскочили мы в станы Полоцка,
И стремглав злодей побежал от нас.
Не светлей светит солнце красное,
А громчей гремит слава русская.
Ты беги, беги, наш злодей, от нас!
Не дадим тебе поругаться нам.
Ты взгляни, взгляни на солдат своих:
Между ребер их уж трава растет.
Мы прогоним вас и с чужих земель;
Вы узнаете, что мы русские,
Что мы русские, православные».

М. Щулепников

LXVIII

НАПОЛЕОНОВ БОСТОН

Наполеон, открыв любимый свой *бостон*[1],
Обетил всех почти, а сам взошел на трон,
Но *левою* схватясь за царский скипетр рукою,
Он принужден держать *колоду карт* другою,
Чтоб тем финансы всех к своим рукам прибрать,
И славу *игрока* потомкам передать.
Чтоб всех *обечивать*, брать *взятки* без расчету, —
Вот правило *игры*, известной ныне свету!

Сначала игран был в Египте сей *бостон*,
В котором рисковал чресчур *Наполеон*.
Играя *гран-мизер*, он ставил *бет* за *бетом*[2],
И чуть *игру* свою не кончил тут *расчетом*.
Но, видя пред собой ужасной бездны край,
Он Небо променял на Магометов рай;
Начал неправильно брать на *ренонсах призы*[3],
И средством сим успел сыграть свои *ремизы*[4].

Потом в Италии великой *игрок*
Играл, как и везде, на деньги, на *мелок*[5];
Но более всего, надеяся на *сюры*[6],
Масть в руку подбирал и снашивал *фигуры*;
А, наконец, уже открыл и *короля*,
Чтоб *призою* ему досталася земля.

В Германии ему игру все уступали,
В *простых* и без *онер*[7] *бостон* играть давали:
Ну, словом, тут ему *вист*[8] совершенный был,
И не смотря на то, он *игроком* прослыл;
Однако скрыть того никак не мог пред светом,
Что *призы* брал он там и *дамой* и *валетом*.

В Испании всегда несчастливо играл,
Затем, что в сей земле никто *не вистовал*.
Хоть Короля поддел, хоть сделал новы *сюры*,
Но *масти* разошлись, и разошлись *фигуры*.
Худой бостон, как нет ни масти, ни фигур;
Сто бетов можно тут в один поставить тур

Вот отчего *игра* надолго завязалась
И трудно верить, чтоб без *бетов* разыгралась.

А в Риме с Папою без риску, без хлопот,
Наполеон сыграл *двенадцать* и *шапо*[9].
Но счастливо играл и Пап в *первы туры,*
Как в руки шли к нему и *масти* и *фигуры.*

Наполеон, возмнив, что он большой *игрок,*
Пошел на Русь играть, взял *карты* и *мелок;*
Но *коренной русак,* всегда в *сюрах* игравший,
Наделал чудеса, *колоду* в руки взявши;
Другой русак подвел, *воспользуясь рукой*,
Наполеоновы фигуры под убой.
А третьему из них тогда достались в *призы*

Наполеоновы и *марки* и *ремизы*[10].
И так ввели в Руси *Наполеона* в *бет,*
Что ныне и всегда дивиться будет свет;
Но как *Наполеон* в *игре* сей рассчитался:
То ужас всех объял! — Он гол, как перст, остался.
Тут проиграл он все: казну, людей, багаж,
Фурлетов[11], лошадей и весь свой экипаж.
Герои русские в *игре* сей знаменитой
Заставили его играть *мизер открытой.* —
Пришлось теперь ему не скипетр держать, а хлыст,
И не надеяться вперед на русский *вист.*

Яков Пожарский

LXIX

АКРОСТИХ

Нерона злобнее, Калигулы гнуснее,
Атиллу лютостью, коварством превзошел;
Пил кровь, ругался всем, что в мире есть святое;
Ограбив свой народ, чужими завладел.
Лия коварства яд, союзы расторгая,
Европу в дику степь хотел преобразить[1];
Отличен зверством был, в веках блистать мечтая:
Но что всего странней — мнил россов покорить!..

Н. И. Писарев

LXX

НАДПИСЬ КОРОНОВАВШЕМУСЯ ЖЕЛЕЗНОЙ КОРОНОЙ[1]

В железном ты венце, с железною державой,
Железом ты творишь из поданных рабов;
Железной обольстясь губительною славой,
Свободу, правоту считаешь за врагов;
В железном сердце ты весь свет определяешь,
Носишь железные оковы на руках;
Железом ты свой век железный сохраняешь,
Железом будешь ты преобращен во прах!

LXXI

НАДГРОБИЕ ФРАНЦУЗАМ НА РУСИ

Великой нации сыны непобедимы,
Победы, слава, спесь — в могиле сей лежат. —

LXXII

СОВЕТ РУССКОГО ФРАНЦУЗАМ. НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Чу!.. И к нам уж налетела
Иноземна саранча!
Иль отведать захотела
Богатырского плеча?
Черный гад на Русь Святую
Наглу лапу потянул:
Вот затеял мысль шальную,
Будто лишнее хлебнул.

На страну ты благодатну
Зубы волчьи навострил!
Иль забыл ты грудь булатну,
Их об кою иступил?
Иль забыл, что воевода
Русских воинов — сам Бог?
Что рукой Его народа
Он сотрет предерзких рог?

Иль забыл, что нами правит
Царь-Надежда АЛЕКСАНДР?
Что в сердцах у нас пылает
Верности к монарху жар?
Он отец — Его мы дети;
Он наш щит — Его мы меч.
Трудно ль вражьи ковы, сети
Нам, как мягкий пух, рассечь?

С нашей матушкой Москвою
Оглядайся, да шути:
К нам пришедши с головою,
Не утащишь и пяты.
Русский рук не пожалеет:
Так не хватит по горбу,
Инда свет затуманеет[1],
Будь хоть семь пядей во лбу,

Кожи, рожи не оставит,
Кости, как в мешке, стряхнет;
Словно гадину раздавит,
Иль, как луковку, сожмет;
Небо съежится в овчину,
Искры вылетят из глаз,
Коль русак, взмахнув дубину,
Треуха тебе задаст;

Войски ваши все размечет,
Махом сто голов снесет,
С грязью, с пылью всех вас смесит,
И, как щепки, покладет;
Трупы ваши разбросает
В чистом поле, будто сор!
Нечестивцев — Бог карает
Всему свету на позор!

Так послушайся ж совету:
Сломя голову беги;
А чтоб не было в примету,
Кучу глупостей налги.
Зло оставь — твори благое,
И Европы не тряси;
Помни времечко худое,
Как бывал ты на Руси.

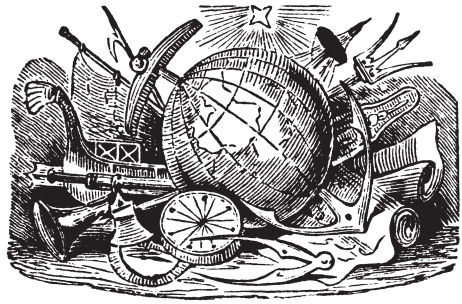
LXXIII

ЗАВЕЩАНИЕ Н. БОНАПАРТЕ

Предчувствуя мою кончину,
Законным Королям я уступаю трон,
Чтобы из милости производили сыну
Хотя сиротский пенсион.
От братьев не видал я никакой заслуги,
Пускай живут их, чем хотят,
Пускай из королей пойдут они хоть в слуги,
Сестер же в госпиталь под старость поместят.
Остатки гвардии и войска распускаю,
И благодарность им мою
За службы, раны их и голод объявляю,
Но жалованья не даю:
Где взять его, когда я сделался банкротом?
Все знают, что война была без барыша.
(Обманут жестоко я *Коленкуром* плутом!)
Вся собственность моя теперь: *одна душа*,
Один мой только гений! —
Отказываю их я *Князю Сатане*,
Который сочинял со мною бюллетени,
И помогал во многом мне.
Пред смертию своей прошу у всех прощенья.
Не требую себе богатых похорон;
Я даже обойтись могу без погребенья.
Прощайте; помните, что *был Наполеон.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. А. Айзикова

Историко-литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», изданное в двух частях в Москве в 1814 г., долгое время находилось на периферии исследовательских интересов. С одной стороны, многие авторитетные литературоведы признают «Собрание…» одним из важнейших памятников «незабвенных» для России 1812—1814 гг., в частности, литературного, культурного процесса этого периода[1]. С другой стороны, за многие десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет двухтомника, так и не были созданы исследования, посвященные этому изданию, оно ни разу не переиздавалось. Более того, до последнего времени не был установлен даже составитель и издатель «Собрания…». Совсем недавно, в 2012 г., в журнале «Новое литературное обозрение» была опубликована статья А. С. Бодровой «Кто же был составителем "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"?», в которой, на основании архивных разысканий, было названо это имя — князь Николай Михайлович Кугушев (1777 — после 1825)[2]. Участник итальянского похода А. В. Суворова, автор одного из первых подражаний «Слову о полку Игореве», а также ряда литературных произведений разных жанров, сотрудник нескольких периодических изданий (в том числе, «Вестник Европы», «Друг юношества», «Новости русской литературы» и др.), творческая деятельность которого пришлась на два первых десятилетия XIX в., сегодня относится к числу забытых писателей второго ряда. Между тем, рецензент изданного им «Собрания…» называет его «одним из почтенных любителей просвещения»[3].

К счастью, интерес к «Собранию стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», выпущенному в свет Н. М. Кугушевым, пробудился вновь в связи

---

[1] О поэзии 1812 г., включая «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», см.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 186—187, 203—212; *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 3—23; *Вацуро В. Э.* Война 1812 года и эволюция русской элегии. Историческая элегия. Элегия Д. Давыдова // *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 154—192.

[2] О Н. М. Кугушеве см.: *Кочеткова Н. Д.* Кугушев Николай Михайлович // Русские писатели. 1800—1917. Т. 3: К—М. М., 1994. С. 197—198; *Кочеткова Н. Д.* Кугушев Николай Михайлович // Словарь русских писателей XVIII в. Вып. 2: К—П. СПб., 1999. С. 163—165.

[3] Московские ведомости. 1814. № 72. 9 сентября. С. 1764.

с 200-летним юбилеем Отечественной войны 1812 г., предоставляя возможность вернуть любителям отечественной истории и словесности это памятное издание.

* * *

Создание и публикацию «Собрания…» необходимо рассматривать в системе многих контекстов: исторического, идеологического, историко-философского, историко-культурного, историко-литературного, одновременно имея в виду тот факт, что само издание, собственно, является контекстом во всех перечисленных выше аспектах. Границы рассматриваемого издания и его контекста определяются отношениями диалогизма, которые предполагают взаимопроникновение.

Именно идея диалога лежит в основе творческой концепции «Собрания…». Телеология издания, определяющая его целостность, безусловно, вытекала из историко-культурной ситуации и в то же время была связана с тем, чтобы влиять на нее в таких важнейших аспектах, как сохранение национального духа и идентичности, культурное самовоспроизведение в тяжелейших обстоятельствах войны и оккупации — через поддержание литературных традиций, активное использование определенных жанрово-стилевых моделей, архетипов, концептов и т. д. В качестве целеполагания составителя и издателя «Собрания…» следует назвать и стремление к самовыражению, в котором оказались сконцентрированы позиции многих литературных голосов России, и та коммуникация, тот диалог с нацией, о котором шла речь выше.

Хронология работы над «Собранием стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» восстанавливается по документам Московского цензурного комитета за 1814 г., обнаруженным А. С. Бодровой в ЦИАМ (Ф. 31. Оп. 1. № 5). В своей статье исследовательница указывает: «В “Книге для записей рукописей и книг” содержатся отметки о прохождении обеих частей “Собрания…” через цензуру: 6 марта к цензорам профессору В. М. Котельницкому и декану А. А. Прокоповичу-Антонскому поступила рукопись на 180 страницах в лист — “Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812-му году. Книга первая”[4], 20 апреля — “Книга вторая”, на 88 страницах в лист[5]»[6].

Таким образом, окончание работы над первой частью «Собрания…» следует отнести к 6 марта 1814 г., а второй — к 20 апреля этого же года. Начало же формирования сборника можно установить более приблизительно, опираясь на некоторые косвенные аргументы.

Прежде всего примем во внимание самую раннюю публикацию, вошедшую в издание Н. М. Кугушева. Это «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки, датированные самим автором 30 марта 1812 г. и опу-

[4] ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 5. Л. 47 об. — 48.

[5] Там же. Л. 53 об. — 54.

[6] *Бодрова А. С.* Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 (6). С. 159.

бликованные впервые, что для нас в данном случае более важно, в 18-й части, № 4 «Русского вестника» за 1812 г., которая имеет цензурное разрешение от 3 апреля 1812 г. Кроме того, обратимся к сравнительному текстологическому анализу помещенных в антологии стихотворений Н. М. Кугушева, проведенному А. С. Бодровой.

Она пишет: «Князь Кугушев напечатал в сборнике два своих стихотворения: помимо <…> "Жертвы храбрым россиянам…"[7], это "Цидулка к соседу, при получении известия о совершенном изгнании врагов из России"[8]. Оба названных текста вошли и в авторский сборник Кугушева, также анонимный — "Праздное время инвалида"[9], который был подан в московскую цензуру одновременно с первой частью "Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году"[10]. Работа над обеими книгами, по всей видимости, подвигла автора на довольно серьезную переработку одного из стихотворений — "Жертвы храбрым россиянам…" — по отношению к его первой публикации в "Русском вестнике" (1813. Ч. 3. № 8. — *И. А.*). Существенные изменения Кугушев внес уже при подготовке "Собрания стихотворений…", а незначительную правку продолжил, по-видимому, затем в рукописи "Праздного времени инвалида"[11]»[12]. И далее приводятся убедительные сравнительные материалы, которые позволяют нам сделать вывод о том, что пик редакторской работы Кугушева, по крайней мере, над его собственными сочинениями, отобранными в «Собрание…», приходится на вторую половину 1813 — начало 1814 г. (вплоть до сдачи рукописи первой части в Цензурный комитет).

Такие же результаты дает текстологический анализ других стихотворений антологии, проведенный нами. Корректорско-редакторская правка внесена, напр., в «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» Г. Р. Державина, опубликованный впервые в «Чтениях в Беседе любителей российской словесности» за 1813 г. (Чтение 10. Ценз. разр. от 30 января 1813 г.). Так, стихи «Бегут все смертные смятенны / От Князя тьмы у крокодильных стад» исправлены в «Собрании…»: «Бегут все смертные смятенны / От Князя тьмы и крокодильных стад». В стихотворении Д. И. Хвостова «Освобождение Москвы» снята опечатка, допущенная при его первой публикации в

[7] Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 1. С. 197—204.

[8] Там же. С. 243—244.

[9] Праздное время инвалида. Стихотворения. М., 1814 (ценз. разр. от 26 апреля). С. 13—22, 128—129.

[10] ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 1. № 5. Л. 47 об. — 48.

[11] Другое стихотворение Кугушева, напечатанное в «Собрании», — «Цидулка к соседу…» (впервые опубл.: Друг юношества. 1813. № 2. Февраль. С. 133—134), авторской переработке не подверглось. Единственное отличие текста «Собрания…» от первой публикации и перепечатки в «Праздном времени инвалида» можно, вероятно, счесть ошибкой набора: «Но и последний прах / Их **свеян** за границу» (Собрание…) — «Но и последний прах / Их **свеем** за границу» (ДЮ; Праздное время инвалида).

[12] *Бодрова А. С.* Указ. статья. С. 160.

«Сыне Отечества» (1812. Ч. 1. № 4): «Вещая тяжкий плен Москвы» — ср. в «Сыне Отечества»: «Вещая тяжкий пост Москвы»; здесь же отредактировано подстрочное примечание: «Сии стихи написаны по случаю представления трагедии покойного М. М. Хераскова, называемой: *Освобожденная Москва*, октября 28 дня 1812 года, в Санкт-Петербурге» — ср. в «Сыне Отечества»: «Сии стихи написаны по случаю представления трагедии покойного М. М. Хераскова, называемой: *Освобожденная Москва, в пользу актрисы г-жи Каратыгиной,* октября 28 дня 1812 года». В «Стихах на изгнание неприятеля из России, посвященных его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» Д. П. Горчакова (первая публикация в «Сыне Отечества» за 1813. Ч. 5. № 15 с ценз. разр. от 23 марта 1813 г.) стих «Искусством ты Россию спас» (о М. И. Голенищеве-Кутузове) исправлен на «Искусно ты Россию спас».

Примеры можно продолжать. Приведем лишь еще один, весьма показательный. Речь пойдет о стихотворении Ф. Ф. Иванова «На разрушение Москвы». Впервые оно было опубликовано в «Санкт-Петербургском вестнике» за 1812 г. (Ч. 4. № 10; ценз. разр. от января 1813 г.). Текст имеет множество разночтений, по сравнению с тем, что напечатано в «Собрании…». Для примера приведем некоторые:

СПбВ	**Собрание**
Эгона возгремел.	Бог правды возгремел.
Но где ж бесстрашных миллионы? Пред ней — за ней — кругом, Скрежещут в ярости сразиться со врагом… Но тако гибли Вавилоны,	Но где ж бесстрашных миллионы? Пред ней — за ней — кругом, Пылают в ярости сразиться со врагом… Подобно гибли Вавилоны,
Вспоенный кровью тигр	Вспоенный кровью вепрь
Пришел Петров разрушить дом.	Пришел покрыть всю Русь и пеплом, и стыдом
И в дерзостном мечтанье	Уже во дерзостном мечтанье
И прах от ног моих священным им явится	И прах от ног моих полижут в униженье
Очнися, гордой враг, от сладкой дремоты!	Очнися, гордой враг, от льстивой дремоты!
Росс россом быть всегда здесь праведно гордится!	Неведом рок тебе — оплачешь заблужденье!
Узря, как росс за зло злодеям воздает.	И Бога мстителя почтёт.

Второй раз стихотворение было напечатано в «Русском вестнике» за 1813 г. (Ч. 3. № 7; ценз. разр. от января 1813 г.). Текст, опубликованный в «Собрании…», идентичен именно варианту из «Русского вестника», т. е. более позднему. Приведенные примеры позволяют отнести начало работы Кугушева над своим изданием, по крайней мере, к началу 1813 г.

Итак, время подготовки к печати «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» совпадает с кульминационными событиями Отече-

ственной войны и истории их отражения в русской поэзии. Это, напр., прибытие Александра I в июле 1812 г. в Москву («Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года» П. В. Голенищева-Кутузова, «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву» С. Н. Глинки), собрание московского дворянства и купечества в Кремле 27 (15) июля 1812 г. («Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года» С. Н. Глинки), организация московского ополчения («К воинам московской силы, вышедшим в поход 14-го августа» С. Н. Глинки), отправка гвардейских полков Русской императорской армии из Санкт-Петербурга в Вильно весной 1812 г. («На выступление гвардейских полков из С. Петербурга» С. Н. Глинки), соединение русской армии под Смоленском («На соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 июля» Ф. Н. Глинки), сдача Москвы Наполеону и ее освобождение от наполеоновских войск («Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам», подписано: А… Н… (А. А. Никитин. — *И. А.*), «Освобождение Москвы» Д. И. Хвостова, «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского, «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» С. В. Юшкова), сражения под Малоярославцем, Бородино («Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И. А. Кованько, «Сражение при Бородине, эпическая песня, посвященная храброму российскому воинству» Д. П. Глебова), издание приказов, манифестов Александра I, М. И. Кутузова-Смоленского («Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» Б. К. Бланка, «Стихи, писанные по прочтении в "Московских ведомостях" высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13 июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Г. Волкова, «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытия его величества в Москву июля 12 дня» Н. П. Николева, «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки), изгнание французской армии из России, западные походы, покорение Парижа («Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» Г. Р. Державина, «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. В. Голенищева-Кутузова, «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф. Ф. Кокошкина, «На поражение французов и Наполеона под Бриенной 20 января 1814 года» П. И. Шаликова, «Ода его императорскому величеству государю императору Александру Первому на покорение столицы Франции победоносным его оружием» П. В. Голенищева-Кутузова, «Ода на всерадостное известие о покорении Парижа» В. В. Капниста, «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина) и др.

* * *

Телеология «Собрания…» пронизывает и связывает все его элементы и уровни, начиная с единой историко-патриотической тематики и пафоса входящих в него произведений. Последние, по сути, являются кугушевскими принципами отбора материала в его издание. В этом плане показательна уже поэтика заглавий вошедших в «Собрание…» текстов: «Гимн лиро-эпический, на прогнание французов из Отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского» Г. Р. Державина, «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. В. Голенищева-Кутузова, «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И. А. Кованько, «Ода на победы над врагами» С. Н. Марина, «Песнь Богу, покровителю России» Г. Волкова, «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» Д. П. Глебова и т. д.

Семантико-конструктивную целостность «Собрания…» обеспечивает и его авторский состав, который красноречиво передает образ «русского мира» в ситуации всенародной войны за освобождение отечества. В издании опубликованы стихотворения около семидесяти авторов, среди которых представители чуть ли не всех социальных слоев России, принимавших или не принимавших непосредственное участие в боевых действиях 1812 г.: московский священник Матфей Аврамов, полковник Преображенского полка, в 1812 г. командир егерского полка Московского ополчения Александр Васильевич Аргамаков, можайский дворянин Борис Карлович Бланк, Дмитрий Петрович Глебов, принадлежащий к старинному дворянскому роду, непосредственный участник Отечественной войны 1812 г.; член ополчения, бригад-майор сычевской дружины Сергей Николаевич Глинка, его брат Федор Николаевич Глинка, декабрист, полковник, участник войн с Наполеоном; Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, государственный деятель, генерал-адъютант, участник наполеоновских войн…

Именной указатель авторов, входящий в состав предлагаемого переиздания антологии, освобождает нас от необходимости продолжать здесь этот славный список. Мы привели лишь несколько имен и биографических сведений, чтобы продемонстрировать одну из важнейших идей, заложенную и реализованную Н. М. Кугушевым в его издании: показать всенародный характер отклика на захватническую войну с Наполеоном.

В этом плане показателен и следующий факт: в «Собрание…» были отобраны, в основном, произведения столичных поэтов, среди которых уже состоявшиеся или будущие классики отечественной словесности, члены известных литературных сообществ («Беседы любителей русского слова», «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», «Общества любителей российской словесности»), издатели и сотрудники московских и петербургских журналов (А. Х. Востоков, П. А. Вяземский, А. Ф. Воейков, С. Н. и Ф. Н. Глинки, Д. П. Горчаков, Н. Ф. Грамматин, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Н. Д. Иванчин-Писарев, А. Е. Из-

майлов, Н. М. Карамзин, В. В. Капнист, В. А. Левшин, М. В. Милонов, Н. Ф. Остолопов, А. М. Пушкин, В. Л. Пушкин, П. И. Шаликов, С. А. Ширинский-Шихматов), а с другой стороны, в издании были опубликованы стихотворения провинциальных малоизвестных авторов. Наконец, отметим, что в «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» вошла и мужская, и женская поэзия. Последняя представлена произведениями широко известных в свое время поэтесс А. П. Буниной, А. А. Волковой[13].

Примечательно при этом, что под одной обложкой издания Н. М. Кугушева объединились в патриотической порыве творчества военной поры сторонники классицизма, сентиментализма и зарождающегося в русской литературе романтизма. Так что при всем разнообразии авторского состава «Собрания…», подобранного Н. М. Кугушевым (которое может произвести даже впечатление пестроты и отсутствия принципов отбора), в издании постепенно вырастает единый целостный образ автора с единой целостной позицией по отношению к изображаемому материалу, к читателю, к проблематике и тематике издания, отражающий лицо русской литературы начала XIX в., ее живое разнообразие, подвижность границ между разными литературными направлениями, между ключевыми и «контекстными» (второстепенными, попутными) именами и явлениями, их живые взаимодействия, или, выражаясь емким словом М. М. Бахтина, диалог.

Образ автора в «Собрании…» в целом можно охарактеризовать такими чертами: патриотизм, безусловная вера в победу над врагом и столь же безусловные вера в русского царя, в русский народ и в Бога, надежда на Его помощь в спасении. Авторское представление о происходящем и его исходе почти во всех стихотворениях базируется также на историческом опыте, не раз доказывающем, что Россия не потерпит ига врагов на своей земле. Не случайны столь частые упоминания в стихотворениях «Собрания…» об изгнании Мамая, о Куликовской, Полтавской битвах, о событиях русско-турецких войн и т. п. Центральными фигурами «Собрания…», наряду с Александром I, М. И. Кутузовым, являются Петр I, русские полководцы А. В. Суворов, Г. А. Потемкин-Таврический, П. А. Румянцев-Задунайский.

Очевидна и единая философская позиция коллективного автора «Собрания…», в частности, философия войны, в рамках которой война 1812 г. трактуется как справедливая для россиян, победа которых над Наполеоном буквально предрешена верховными силами. Так, в «Гимне лиро-эпическом…» Г. Р. Державина, открывающем первую часть «Собрания…», читаем:

Благословен Господь наш, Бог!
На брань десницы ополчивый

[13] Н. Е. Никонова обратила внимание на подписи к стихотворениям «Собрания…». Самым показательным в русле наших размышлений является использование подписей-топонимов («С. Черная Слобода», «Село Загорье», «Село Старорусино»; «Молога», «С.-Петербург»), которые, по справедливому заключению исследователя, подчеркивают «всеохватность событий 1812 г., памятных в равной степени для столицы и для русских сел и деревень» (см. ее статью в настоящем издании).

И под стопы нам подклонивый
Врагов надменных дерзкий рог!

В «Оде на истребление врагов…» П. В. Голенищева-Кутузова:

Но что я вижу? — Дух крылатый
Летит на рдяных облаках,
Блестит броня и шлем пернатый,
Перун и огнь в его руках;
Он их в дракона злобы мещет:
Кичливый сонм его трепещет,
Низвержен с гор, стремглав упал,
И в ярости своей безмерной
В кипящей адской бездне серной
Добычей лютой смерти стал.

Так Богом избранный чудесно
Великий храбрых россов вождь
Свершает мщение небесно…

Из «Оды на случай войны с французами» М. И. Невзорова:

Но Бог на страже нашей станет,
Покроет нас щитом Своим;
Он крепкий с нами лук натянет,
И мы спасенны будем с Ним;
Не силой многой Бог спасает;
Он кротких агнцев возвышает
И тигров покоряет им.
К Нему возопием, о россы!
Падут пред нами все колоссы;
Бог с нами, коль мы будем с Ним!

И т. д., примеры можно продолжать.

Одним из важнейших механизмов, управляющих телеологий «Собрания…» и, соответственно, его целостностью, является жанрово-стилевая система издания. Ведущими здесь стали высокие поэтические жанры: гимн, ода, молитва, песнь, глас. Наряду с типичными для классицистической поэтики жанрами в «Собрании…», практически уравновешивая их, находят свое место свойственные сентиментализму «Чувствования россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой, «Чувствования русского в Кремле» Д. П. Глебова, «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского, «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» (подписано: Калужский житель (А. П. Степанов. — *И. А.*), в которых патриотические идеи передаются средствами сентименталистского пейзажа, системой опреде-

ленных лейтмотивов и образов, выстроенных по контрасту (несущийся на Россию вихрь, содрогание Вселенной, льющиеся потоки крови невинных и противостоящие им мотивы повеявшего с востока ветра, предвещающего спасение; готовности россиян принести отчизне «кроваву дань», стремительного приближения русских воинов к победе; черная мгла, закрывающая солнце; страшные молнии, дуб как символ Наполеона, ад как символ наступающей на Россию наполеоновской армии и по контрасту к ним образы с противоположной семантикой — Борей, с размаху разящий вековое дерево; с треском поваленный на землю дуб; блеск меча Кутузова, отражающийся «во глубине» русских сердец; матери и дети, подносящие хлеб-соль победителям; образ монарха — отца своих подданных).

В ряд с довольно многочисленными в «Собрании…» «чувствованиями» встают послания, обращения, произведения с заглавиями «К портрету…», «Надпись…», отличающиеся, прежде всего, лирическим звучанием патриотической темы, ее, если так можно выразиться, индивидуализацией. Назовем также и характерные для романтизма «Русскую песню во время занятия Москвы неприятелями, посвященную любезным соотечественникам» А. А. Никитина, «Солдатскую песню» И. А. Кованько, «Солдатскую песню» Н. И. Ильина, «Солдатскую песню в память князя Кутузова-Смоленского» (подписано: Село Загорье), «Цидулку к соседу при получении известия о совершенном изгнании врагов из России» Н. М. Кугушева, «Солдатскую песню» Ф. Н. Глинки, «Три народные песни», «Песнь русских поселян русским воинам» С. Н. Глинки, отличающиеся прежде всего активным использованием фольклорных традиций.

Но, пожалуй, самым частотным в «Собрании…» можно назвать универсальное, синтезирующее жанровое определение «стихи», написанные по какому-то конкретному случаю: «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н. И. Язвицкого, «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» Д. П. Горчакова, «Стихи по случаю крестного хода на другой день по освящении Архангельского собора, в день празднества Сретения Господня» С. Н. Глинки, «Стихи по прочтении манифеста от 3 Ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» Б. К. Бланка, «Стихи в день Богоявления Господня. На войну» А. Кулакова, «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина и на монаршие щедроты, излиянные на них» А. А. Писарева, «Стихи в день Светлого Христова Воскресения матери от детей» (подп.: (Из Вестн. Евр.)), «Стихи, писанные по прочтении в “Московских ведомостях” высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13 июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Г. Волкова и т. д.

В издании Н. М. Кугушева, как видим, весьма плодотворно сосуществуют разные стилевые тенденции, что, безусловно, дополняет наше представление о золотом веке русской поэзии. Составитель смело соединяет в одной книге, по-видимому, не усматривая в этом нарушения каких-то эстетических норм и законов, поэтический

стиль классицизма с его активным и программным использованием библейских образов, мотивов, сюжетов (напр., образы Давида, Соломона, змия, агнца, мотив пира у Валтасара, Вавилонского столпотворения, сюжет о пленении и рабстве израильского народа в Египте и последующем его освобождении Моисеем и др.), цитат и реминисценций (чаще всего, из Апокалипсиса), а также образов античной мифологии (музы, Парнас, тартар, Александрийский маяк, Беллона, Ахерон, Стикс) и «примеров» или «образцов» из русской и европейской истории (наиболее часто упоминаются имена Аттилы, Герострата, Нерона, Карла XII, Мамая, Батыя, а с другой стороны — Д. М. Пожарского, А. В. Суворова, Петра I, М. И. Голенищева-Кутузова, Александра I, П. И. Багратиона и такие исторические события, как падение Римской империи, события Великой французской революции, интервенция Речи Посполитой) и т. д., и новые для своего времени стилевые веяния, из которых уже начинал прорастать сентиментализм и романтизм (образ чувствительного лирического героя, образы природы, мотивы родного дома, семьи, таинственной предначертанности победы русских, личного подвига во имя Отчизны и др.).

Так, в стихотворении А. А. Волковой «Чувствования россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества» перед читателем предстает образ русской женщины, переживающей «сладостное прехожденье от грусти к счастливым часам», неожиданно почувствовавшей «полнощный, спасение несущий ветр». Ее «чувствования» развиваются на фоне характерного пейзажа: «Жестокий, грозный вихрь несяся, / Крылами воздух колебал», «скрывался солнца светлый луч», «лишь молний блеск сверкал из туч», «дымился лес, кипели воды / И страх повсюду пролетал». И далее наступает перемена направления ветра, который «…дохнул — и тучи удалились, / Открыв небесную лазурь; / Покой с надеждой возвратились, / Промчались стоны мрачных бурь».

В «Стихах в день Светлого Христова Воскресения матери от детей» монолог матери выстроен на тех же природных образах, оппозициях и мотиве погодных изменений: затихают «грозны бури», «замолчал Борей»:

Вьюги к Норду уклонились,
С шумом реки распустились,
И журчит ручей;

Зеленеют холмы, горы,
Птичек слышны громки хоры
В честь весенних дней.

Не гремят вблизи перуны,
Не бежит и стар, и юный
Хижины родной.

Страшная гроза промчалась; —
Там вдали еще осталась;
Там лишь слышен бой!

Расцвела природа снова: —
Мы, избавясь рока злого
Расцвели душой!

В «Песни русских поселян русским воинам» С. Н. Глинки картина мирной жизни тоже передается образами природы, сельского быта:

Мы в довольстве, мы в приволье,
Есть *хлеб-соль*, спокойно спим;
В русском царстве нас раздолье,
И чужбин мы не хотим:
Нас Господь благословляет,
Все, что нужно посылает.

*

Золотеют наши нивы;
Тучная трава в лугах:
Мы в домах своих счастливы,
Рай житье нам в деревнях.
Рай житье свое родное;
Не приманит нас чужое.

Этой идиллической зарисовке противопоставлена ситуация войны, созданная, впрочем, образами и мотивами того же ряда:

Слышим, что в странах французских
Извелся людской весь корм,
И у нас французы, русских,
Хлеб отнять хотят ружьем!
Есть хлеб-соль у нас для добрых;
Грудь железна есть на злобных.

<…>

Слышим, хочет враг голодный
Наших жен, детей избыть,
Храмы разорить Господни,
Веру нашу истребить!..

В «Чувствованиях верноподданного, возродившихся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского «верноподданный» лирический герой обращается к соотечественникам с призывом, передающим его личное понимание долга перед Россией: «Долг русских — край родной спасать». И далее:

Отечества ль не пожалеем,
Коль рабством оному грозят?
Иль духа предков не имеем?
Нет! Предки нас не обвинят!..
Сердца и души пламенеют,

Горят бесчестие отмстить;
Лишь изверги не порадеют
Всю кровь за родину пролить.
<…>
Тебя ль, Отечество драгое,
Тебя ли мы не защитим?
Все, что ни есть для нас святое,
Себя самих не пощадим.
Имущество, все, что имеем,
Тебе на жертву принесем,
Коварство с злобою рассеем,
Умрем или тебя спасем!

Эту пламенную речь лирического героя подхватывает голос спустившегося с небес призрака:

За жен, детей вооружайтесь,
За родину, любезну нам;
Перед врагом не унижайтесь;
В бою предшествую я сам!

В стихотворении активно используется мотив злой и слепой судьбы, пославшей на Россию тяжкие испытания; ей противопоставлена сила Божьего Промысла, к которому посылают «моленья теплы», к которому «с слезами припадают» «вдовы ограблены и сиры» и все «усердные рабы» Господа.

Однако преобладающей стилистической особенностью «Собрания…» является его славянизированность и русифицированность. Она проявляется в поэтике практически всех стихотворений как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Приведем примеры:

лексические славянизмы — сретаем, *приосенят*, *нет премены*, *глас*, *пресекся*, *вы зрели*, *он двигнулся*, *глава*, *оттенетяя*, *ошибами*, *чело-перунный*, *татьба* и т. д. В стихотворениях обильно используются не только церковнославянизмы, давно воспринимавшиеся как примета высокого стиля и поэтической речи, но и те, которые в первой половине XIX в. уже были в ней малоупотребительными;

грамматические славянизмы — брат*ия* (форма мн. ч.), царя *единого* (церковнославянское числительное), лице, отц*ем*, увенчан в небес*и* (церковнославянские падежные формы существительных), достигнул древн*ия* столицы; цель нужды общ*ия* (родительный падеж прилагательных женского рода); *пришед*, ты будешь в род и род! (форма краткого причастия) и др.

Главной стилистической тенденцией «Собрания…» становится, кроме использования церковнославянской лексики и грамматических форм, и особая интонация вошедших в него произведений, которая складывается из определенных синтаксических «примет»: обилие восклицательных знаков, обращений, инверсии, система выделений акцентируемых слов и словосочетаний, — из возвышенной поэтической лексики, способа рифмовки (объявле́нной — полвселенной; знамень — камень; появле́нный — отравле́нный и т. п.).

Думается, что отмеченная особенность отобранных в «Собрание…» текстов диктовалась не только и не столько эстетическими симпатиями Н. М. Кугушева, сколько темой, пафосом задуманного им издания. Иначе говоря, славянизированность «Собрания…» состоит не в механическом подборе его составителем текстов определенного художественного метода, которому свойственна эта черта. Кугушев формирует особую языковую палитру «Собрания…», попутно, вольно или невольно фиксируя славянизированность русской поэзии начала XIX в. В этом можно убедиться, сравнив стихотворения Державина, Карамзина, Жуковского.

	Г. Р. Державин Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского	Н. М. Карамзин Освобождение Европы и слава Александра I	В. А. Жуковский Певец во стане русских воинов
Лексические славянизмы	в багряну длань; персты; рогами солнце прут; отенетяя вкруг всю ошибами сферу; нощь, татьба; тул; влага слана; класы; глад, мраз, драгих; огорстить, наляцать; велелепным; выя, челоперунный, гладный, по странам (в значении: по сторонам); женет	нощи, утучнять, главы, стенали; лепотой сияли; глад, от хлада; мы вашей крови не жадали; и перстом; отверзлися врата; выспренний; другиня; десницей, глас	длань; во сретенье врагам; хладен; глава; твои перуны; пламень; младой, днесь; младость; вотще; ты зиждешь ополченья; хлад, глад, глас, десница
Грамматические славянизмы	на брань десницы ополчивый / и под стопы нам подклонивый; ея же кровью; дышай зефирами; и все в един вмещаяй взгляд; и бысть; Упадши в чашу; со всадники, со колесницы; с уст посинелых хлад дыхав; на кони наваленны кони; быв прогнанный; быв чуждых царств не сыт; лобзайте, родши, чад; печалью мрачныя главы; лучем возблещут вновь Москвы; осмь крат; седьмглавый; ось всея вселенны; злый вождь; что се?; се Бог как их казнил!; се бранных подвигов венец!; царь, Бог — и се не бе!	се утро; се глас Природы; един; и бысть!; отцем; хотел *всемирныя Державы;* мечем, палачем; се Ты, злодейства Истребитель! / се Ты на бурных облаках; се ваши громы; с лицеем; благий; мещет; и се последний грянул гром; духи выспренняго мира; ея совет	се твой полёт орлиной!; там родших милый дом; се орёл пронзил; гибель устрояет; пепел милой (в значении: милого); нам грозил с Кремлёвския вершины!; от верных братий; о сладость тайныя мечты!; и се блеснул!; и Вождь летит перед ряды; вам, вам все блага на земли!; *здесь верныя любви*

Степень славянизированности рассмотренных стихотворений, конечно, различна. Но подводя итоги в целом, можно сказать, что славянизированность «Собрания…» была задана Н. М. Кугушевым телеологически, являясь сознательным языковым решением его как составителя.

* * *

При достаточно интенсивной публикации патриотической лирики в журналах, отдельными брошюрами, проект, задуманный и осуществленный Н. М. Кугушевым, был единственным и уникальным. В первом же отклике на «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», опубликованном в «Московских ведомостях» в сентябре 1814 г., отмечалась значимость самого мотива, который побудил издателя выпустить в свет «Собрание…» — «желание иметь такую книгу, в которой бы собраны были цветы поэзии, коими усыпан путь отечественной истории и украшены следы, ознаменованные неподражаемыми подвигами наших патриотов-героев»[14]. Однако книга удовлетворила далеко не всех. В частности, в «Сыне Отечества» за 1814 г. (Ч. 16. № 38) появилась короткая заметка, довольно критически оценивающая первую часть «Собрания…»: «С сожалением должны мы сказать, что сие собрание стихотворений, взятых из разных журналов и особых книжек, не может назваться хорошим. Между прекрасными стихотворениями помещены самые посредственные и дурные без всякого разбора. Притом число первых весьма невелико, а последние занимают большую часть сей книги. Видно, издатель ее имел в виду угодить публике количеством, а не качеством, и в сем случае совершенно достиг своей цели»[15]. Упрек, адресованный Н. М. Кугушеву, как видим, касается принципов отбора стихотворений в издание, отсутствие которых, с точки зрения рецензента, привело к утрате целостности «Собрания…», понимаемой автором заметки как монолитность, долженствующая отразить монолитность литературного процесса, к количественному, а не качественному отображению «цветов поэзии», украшающих «следы неподражаемых подвигов наших патриотов-героев» 1812 г.

Довольно развернутый отклик на критическую заметку, опубликованную в «Сыне Отечества», почти сразу после ее публикации, дал редактор «Исторического, статистического и географического журнала» М. И. Невзоров. В статье под названием «О новой книге: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» [16] он, в свою очередь, упрекает «г. критика» в несправедливости и пристрастности оценок, вынесенных им «Собранию…». По его подсчетам, «едва не две третьи части означенной книги» составляют сочинения «Державина, Голе-

[14] Московские ведомости. 1814. № 72. 9 сентября. С. 1764.

[15] Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 38. С. 243.

[16] Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1814 год. М., 1814. Ч. III. Кн. 1—2. Июль, август. С. 166—168. (ценз. разр. 23 сентября 1814 г.), вышел 17 октября (по объявлению о предстоящей раздаче подписчикам: Московские ведомости. 1814. № 82. 14 октября. С. 1983).

нищева-Кутузова, Николева, Жуковского, Воейкова, Востокова и некоторых других, которые г. критик никак не может назвать ни самыми худыми, ни самыми посредственными»[17]. Кроме того, утверждает М. И. Невзоров, все стихотворения, вошедшие в «Собрание…» Н. М. Кугушева, взяты им из лучших русских журналов, в том числе и из «Сына Отечества», пройдя в них апробацию. И «в противность утверждения г. критика» М. И. Невзоров пишет о том, что, по его мнению, «в означенной книге нет ни одного такого сочинения, которое можно было бы в прямом смысле самым посредственным и худым назвать, хотя, конечно, между ими есть степени различия, и немалые. Притом я, по своей совести, и никакого сочинения, кроме развратного и распутного, самым худым назвать не могу, опасаясь, чтобы летая на восковых икаровских крыльях самолюбия и лишней уверенности в уме своем и залетев в теплую страну строгой разборчивости, не повергнуться оттуда стремглав». «Кто находит удовольствие в собраниях стихотворений, тот может найти его и в сем собрании», — заключает автор статьи[18].

Но отправной точкой размышлений М. И. Невзорова становится само заглавие книги, которое представляется ему принципиальным, раскрывающим концепцию издания: «Он (т. е. Н. М. Кугушев. — *И. А.*) не назвал ее: Собрание лучших стихотворений, а вообще просто Собрание стихотворений, относящихся к 1812 году, желая соотечественникам своим принести удовольствие, представивши им *собранные вместе различные изображения* сердечных чувствований веселящихся и торжествующих россов» (курсив наш. — *И. А.*)[19].

Чуть позже, М. И. Невзоров публикует в своем журнале «Письмо к издателю журнала», датированное и подписанное: «Покорнейший слуга: издатель книги «*Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году*». 2-го ноября 1814 года. г. Тамбов»[20]. Оно тоже было вызвано рецензией на «Собрание…» из «Сына Отечества» и опровержением, написанным на нее М. И. Невзоровым «на скороспешное решение г. критика на изданную… книгу».[21] Выразив благодарность редактору «Исторического, статистического и географического журнала» за «беспристрастность и справедливость» суждений о «Собрании…», его издатель, представивший себя «любителем отечественной словесности, несколько в оной упражняющимся», подтверждает метатекстовую природу своего издания, которую усмотрел М. И. Невзоров и которая осталась за рамками внимания рецензента из «Сына Отечества», а также пытается защищать начинающих писателей, чьи стихот-

[17] Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1814 год. М., 1814. Ч. III. Кн. 1—2. Июль, август. С. 167.

[18] Там же. С. 168.

[19] Там же. С. 166.

[20] Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1814 год. Москва, 1814. Ч. IV. Кн. 1—2. Октябрь, ноябрь. С. 153—155. (ценз. разр. 16 ноября 1814 г.). Вышел 16 декабря — объявление о предстоящей раздаче подписчикам: Московские ведомости. 1814. № 99. 12 декабря. С. 3333).

[21] Там же. С. 153.

ворения он опубликовал в составе своего «Собрания…», и одновременно ставит острейший для русской литературы начала XIX в. вопрос о назначении критики: «ободрять расцветающие таланты и снисходить на их несовершенства» или «пугать и даже оскорблять» писателей. «Письмо к издателю» заканчивается следующим стихотворением, построенным как эстетическая программа литературной критики и как прямой отклик на рецензию из «Сына Отечества»:

Коль *критика* умна, разборчива, правдива,
Наукам свет *она*:
А ежели темна, скора, упряма, лжива,
К чему проказница нужна?..
В *количестве* ее суждений скороспелых,
Нет вовсе *качества*, нет рассуждений зрелых,
Каких бы ожидали мы…[22]

Широкого резонанса выход в свет «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» не имел — возможно, из-за малого тиража, возможно из-за того, что Россия стремительно входила в новый этап своего исторического, культурного, литературного, в частности, развития. В дальнейшем это издание надолго выпало из поля зрения и читателей, и исследователей. Лишь сейчас, когда заметно возрастает интерес к событиям 1812 г. и их отражению в литературе, начинается его возвращение в научный и общекультурный оборот. Авторский коллектив, подготовивший этот памятник русской словесности к научному переизданию, атрибутировав многие стихотворения, датировав или уточнив их датировку, проведя большую текстологическую работу, подготовив научный комментарий текстов «Собрания…», введя данное издание в широкий историко-литературный и социокультурный контекст эпохи, надеется, что данное переиздание послужит определению настоящего значения «Собрания…», подготовленного к печати почти 200 лет назад Н. М. Кугушевым в тяжелейших обстоятельствах войны. С нашей точки зрения, оно заключается в попытке воспроизведения живой картины нравственно-философского и поэтического развития отечественной лирики начала XIX в., безусловно, повлиявшей на последующую русскую литературу, обращавшуюся к теме войны 1812 г. (поздние декабристы, славянофилы, Л. Н. Толстой). Наше переиздание имеет также своей целью восстановить то важное место, которое занимало «Собрание…» Н. М. Кугушева в истории русского книгоиздания, вместе с тем предлагая свои решения вопросов об эдиционных принципах современного переиздания русской классики.

[22] Исторический, статистический и георафический журнал… 1814. Ч. IV. Кн. 1—2. Октябрь, ноябрь. С. 155.

В. С. Киселёв

Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

Форма альманаха только начала утверждаться в отечественной литературе после «Аглаи» (1794, 1795), «Аонид» (1796, 1797, 1799) и «Пантеона иностранной словесности» (1798) Н. М. Карамзина. Первые десятилетия XIX в. — время выявления её коммуникативно-повествовательных возможностей, экспериментов с содержательной организацией. В итоге из всех функций альманаха на первое место выдвинулись репрезентативная и ценностно-ориентирующая — доведение до читателя текстов данного круга авторов, формируемого по кружковому принципу или с прицелом на сложившуюся иерархию литературных авторитетов. Следствием такой коммуникативно-повествовательной структуры являлось отсутствие выраженного концептуального задания. Оно поглощалось репрезентацией текущего литературного творчества.

Для обретения программности требовалась дистанция вкупе с более строгими критериями отбора текстов. Так параллелью альманаха становился литературный сборник, имевший характер антологии. Этот тип сборника стремился к полному панорамному отражению избранной сферы литературного творчества, давая репрезентативный для определённого жанра набор текстов авторитетных авторов. Подобные издания, проникнутые духом универсализма, оказались самым значимыми, по ним судили о развитии отечественной и состоянии иностранной словесности — по «Собранию русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (М., 1810—1815) В. А. Жуковского, по «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах / в прозе» (СПб., 1815—1817) А. Ф. Воейкова, В. А. Жуковского и А. И. Тургенева[1].

«Собранию стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814) в этом ряду принадлежит собственное значительное место — как благодаря важности осмысляемого события, Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813—1814 гг., так и благодаря литературной репрезентативности: здесь были собраны едва ли не все современные поэтические отклики от Г. Р. Державина и В. А. Жуковского до малоизвестных литераторов-дилетантов. Между тем сборник не стоит причислять к продуманным и тщательно организованным антологиям, призванным донести до читателя лучшее и наиболее показательное в отечественной

[1] См. подробней в нашей статье: *Киселёв В. С.* «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // Русская литература. 2008. № 2. С. 3—15.

словесности. Его составитель, князь Николай Михайлович Кугушев (1777 — не ранее окт. 1825), проживавший после отставки из армии в Тамбове и в пригородном имении Знаменское, не принадлежал к литераторам первого ряда и не отличался ярким талантом, выступая как рядовой последователь школы Н. М. Карамзина. В один год с «Собранием» он выпустил в свет ещё и сборник собственных поэтических произведений «Праздное время инвалида» (М., 1814), также организованный как простая сводка стихов разного времени, частью уже опубликованных в журналах, частью новых[2]. Для Н. М. Кугушева главным при составлении «Собрания стихотворений» были не чисто эстетические мотивы, которые определяли композицию и отбор в антологиях В. А. Жуковского и, позднее, А. Ф. Воейкова. Поэт-солдат и поэт-патриот желал в первую очередь сохранить в памяти читателя образ «незабвенного 1812 года», ещё вполне живой и порождавший множество ассоциаций.

Эта насыщенность и многообразие легче всего укладывались в сентиментальную форму «безделок» и «досугов» — типа сборника, имитировавшего естественную пестроту жизни, полного контрастов, переходов от жанра к жанру и от одной стилистики к другой[3]. Так, мы не найдем в «Собрании» какой-либо рубрикации, ни тематической, ни жанровой, ни по авторам, отсутствует здесь и упорядоченность хронологическая, по времени создания стихов или по смене их предмета — событий Отечественной войны и заграничных походов. Стихи идут сплошным потоком, как бы передавая безыскусную неупорядоченность самой действительности. Около 70 авторов, очень разных по художественным установкам и стилистике, 150 стихотворений, помещённых в сборнике фактически без редакторской обработки, порождают эффект мгновенного среза литературной жизни, ценного своим многообразием, пестротой и контрастностью.

Здесь мы встретим произведения убежденных архаистов, членов «Беседы любителей русского слова» (Г. Р. Державина, С. А. Ширинского-Шихматова, Н. П. Николева), и приверженцев Карамзина, как старшего (сам Н. М. Кугушев, П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин), так и младшего поколения (В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, А. Ф. Воейков). Здесь есть столичные именитые авторы, петербуржцы и москвичи, и десятки провинциалов и дилетантов, вроде чиновника А. А. Никитина или купца И. В. Попова, а то и анонимных Калужского жителя (А. П. Степанова) и обитателя села Черная слобода (И. М. Коваленского). Произведения, крайне неровные по своему уровню — от новаторского «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского до эпигонских опусов вроде «Певца на гробах братьев-воинов россиян», идут здесь в калейдоскопической череде стилистик и жанров — ода, «русская песня», элегия, шуточное стихотворение, подражание псалму, надпись к портрету, гимн, стансы и т. п.

---

[2] О Н. М. Кугушеве и его творчестве см.: *Кочеткова Н. Д.* Кугушев Николай Михайлович // Русские писатели, 1800—1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 197—198; *Дмитриев Л. А.* Кугушев Николай Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 108—109.

[3] См. подробнее о данном типе циклизации: *Киселёв В. С.* Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII — первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 90—122.

Тем не менее сама тема произведений — грандиозное историческое событие — трансформировал тип «безделок», придавая хаотичности черты возвышенной значительности и даже монументальности. Это было общее направление в циклизации 1800—1810-х гг., искавшей интеграции в изображении одной жизненной сферы, в создании тематических подборок. Некоторые элементы подобной организации ощущались и в «Собрании», где, при отсутствии строгой архитектоники, был пунктирно намечен как жанровый принцип расположения текстов — от эпической оды в начале частей («Гимн лиро-эпический…» Г. Р. Державина) к россыпи малых жанров, в том числе игровых (надписи к портретам, эпитафии, акростихи), в конце. Последовательность произведений демонстрировала также и определённую привязку к хронологии Отечественной войны, хотя отступлений от неё не меньше, чем её соблюдения.

Тем самым можно определить «Собрание» как тематическую подборку стихов, заимствованных из журналов 1812—1814 гг. («Русский вестник», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Друг юношества», «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Санкт-Петербургский вестник») и отдельных публикаций, в первую очередь московских (малотиражные издания од, которых относительно немного). Их скрепляющим элементом выступает исторический контекст, живая память о недавних грандиозных событиях — вторжении неприятеля, первых поражениях и оставлении городов, приезде императора Александра в Москву и сборе ополчения, битвах под Смоленском, при Бородине, Тарутине, известии о смерти М. И. Кутузова, победоносных заграничных кампаниях. В определенном смысле «Собрание» можно воспринять как поэтическую хронику Отечественной войны: здесь нашли отражение не только большие, но и малые её эпизоды вроде присяги русскому императору дезертиров из испанского полка Жозефа Бонапарта, на которую отозвался Д. И. Хвостов («На присягу испанцев в Сарском селе»), или сюжет из времени визита Александра I в Москву, ставший источником «Стихов, написанных по прочтении письма преосвященнейшего Платона, при котором препровождён к государю императору образ преподобного Сергия, игумена Радонежского» С. Н. Глинки.

Те или иные события образовывают в сборнике внутренние блоки — о сборе ополчения, о кончине М. И. Кутузова, о Бородинской битве и т. п. Однако их сближает не только предмет, но и его осмысление. Как справедливо утверждал А. Л. Зорин, «конверсия идеологических конструкций, созданных изящной словесностью, в собственно идеологическую риторику, по крайней мере, не более сложная задача, чем трансформация идеологических клише в поэтическую речь»[4]. В «Собрании» концентрированно, как ни в одном художественном произведении начала XIX века, отразилось идеологическое движение эпохи, подготавливающее и сопровождающее репрезентацию Отечественной войны в официальной идеологии и общественном сознании.

[4] *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 27.

В этом аспекте антологию можно назвать идеологической хроникой эпохи. В её стихах зафиксированы мгновенные отклики на многие высочайшие реляции 1812—1814 гг. Так, отзывом на именной рескрипт, данный председателю Государственного совета и Комитета министров графу Н. П. Салтыкову «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от российских пределов» стали «Стихи, писанные по прочтении в "Московских ведомостях" высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13-го июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы» Г. Волкова. Они подхватывали центральный образ монаршего воззвания — лицемерие неприятеля и решимость сражаться за родину:

> Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем ещё времени миролюбивых обещаний. И потому не остаётся мне иного, как поднять *оружие*, и употребить все врученные мне Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие моего народа и храбрость войск моих. Будучи в недрах домов своих *угрожаемы*, они *защитят* их с свойственною им твёрдостью и мужеством. *Провидение благословит праведное наше дело*. Оборона *Отечества*, сохранение независимости и чести народной принудили нас препоясаться на брань. Я не положу *оружия*, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем (курсив мой. — *В. К.*)[5].

Г. Волков развил эти мотивы в героико-одическую картину вероломного нападения французов и самоотверженной защиты Отечества его храбрыми сынами, сохранив ключевые слова рескрипта как организующий центр (курсив мой. — *В. К.*):

К *оружию*! к *защите*, россы!
Вам галлы гибелью *грозят*;
Готовьте громы смертоносны
И злобу отразите вспять;
Рассейте сонмы сих *лукавых*,
Коварство тщитесь истребить;
Защитник Бог всегда есть правых:
Мы пасть должны, иль победить!
<…>
Все части света полны славой
О ваших подвигах, делах:
Пойдете вы — и путь кровавой
Проложите в своих следах;
Взмахнете меч — тьмы целы лягут
Или рассеются, как прах…
И днесь нам россы, днесь докажут
Любовь к *Отечеству* в сердцах! (II, 4—5)[6]

[5] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г.: Сборник документов. М., 1962. С. 14.

[6] Здесь и далее цитаты из «Собрания» приводятся по изданию: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. М., 1814. В скобках после цитаты указывается номер части и страницы.

Подобная идеологическая хроникальность выступает принципом большого числа стихотворений, в ряде случаев демонстрируясь открыто, через заглавие. Таковы «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского, «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытии его величества в Москву июля 12 дня» Н. П. Николева, «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки и «Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и в след за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го чисел того же ноября» Б. К. Бланка, «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н. И. Язвицкого и ряд других. К ним примыкают стихи, в которых образы, словесные обороты и стилевые формулы прямо или с небольшой трансформацией заимствуются из реляций и манифестов.

Тон здесь задает уже первый текст «Собрания» — «Гимн лиро-эпический…» Г. Р. Державина, где мы найдем целый ряд отсылок к официальным документам, в том числе расшифровываемых самим автором в примечаниях. Например, комментарием «(12) Манифест об ополчении 6-го числа июля 1812 года» (I, 23) сопровождены стихи:

> Уже блаженств своих с одра
> Россия внемлет глас царя,
> Зовущего на ополченье (12). (I, 4)

Здесь же мы встретим упоминание о «реляции от 23 августа», «реляции от 27-го августа» (о Бородинской битве), о «журнале о военных действиях от 16-го числа октября» (о сражении за Малоярославец) (I, 27, 24). Не менее яркий образец предлагают стихи составителя антологии Н. М. Кугушева, в частности «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани», в которой перелагаются (с соответствующей отсылкой: «Слова высочайшего манифеста ноября 3 дня 1812 года») формулы официальной идеологии:

> Во всей подсолнечной народы
> Последний день своей свободы
> В твоих все заревах почли… (I, 200)

В оригинале эти слова звучали следующим образом: «Весь свет обратил глаза на страждущее наше Отечество и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости»[7].

Циркуляция подобных риторических формул между правительственными документами и художественными текстами, причем как в одном, так и в другом направлении (в случае, например «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского или «Освобождения Европы и славы Александра I» Н. М. Карамзина), делает на-

[7] Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17—24. С. 146.

глядным процесс междискурсивного становления новой идеологической системы, призванной закрепить в массовом культурно-политическом сознании определённую интерпретацию событий Отечественной войны и заграничных походов[8].

Контекстом её выступал процесс нациостроительства, порождённый внутренними потребностями имперской культуры, вступившей на путь модернизации и создания национального государства. Противоречивый процесс этнизации, общий вектор развития европейских империй XVIII — начала XIX веков, требовал выработки разветвлённых идеолого-символических систем, позволявших опознавать «своё», национально маркированное и работающее на консолидацию этнического «ядра» метрополии, и проводить различение с «другим», составляющим дальнюю или ближнюю периферию мира «нации-государства». В многонациональной России создание подобных идеологем, призванных сменить, а вернее дополнить, универсальные формулы лояльности царствующей династии, в эту эпоху только началось. Поиски национальных истоков, особый интерес к русской истории и традиционной допетровской культуре, формирование национального пантеона исторических и культурных деятелей — очевидные приоритеты поколения Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова, по-разному видевших направления имперской модернизации, но убежденных в необходимости консолидировать культурную и социальную элиту, укрепляя её национальное самосознание[9].

Действенность идеологии «нации-государства» блестяще продемонстрировала революционная и наполеоновская Франция, сумевшая в сложнейших условиях не просто объединить население под лозунгами национального спасения, но и направить патриотизм, ощущение особой миссии нации на достижение экспансионистских целей. В Европе начала XIX века этот идеологический и политический импульс претворился в ряде специфических стратегий нациостроительства, в частности в немецком романтическом национализме, чьи концепции оказали глубокое влияние на сторонников государственной модернизации во многих странах[10]. При отрица-

[8] См. о ней: *Предтеченский А. В.* Отражение войн 1812—1814 гг. в сознании современников // Исторические записки. Т. 31. [М.,] 1950. С. 222—244; *Лотман Ю. М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли // *Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 601—611; *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980; *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 239—266.

[9] См. постановку этой проблемы в работах: *Киселёва Л. Н.* Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807—1812): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1982; *Киселёва Л. Н.* Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение / Учёные записки Тартуского университета. Тарту, 1985. Вып. 645. С. 3—20; *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 157—266; *Живов В. М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114—140.

[10] Так, А. Л. Зорин отмечает влияние идей Ф. Шлегеля на становление модернизационной идеологической программы С. С. Уварова, а Е. Е. Земскова прослеживает рецепцию трудов Й. Г. Циммермана, Й. Х. Кампе и Э. М. Арндта в творчестве А. С. Шишкова и С. Н. Глинки:

тельном отношении к французской (эгалитаристской) версии подобной идеологии в целом она оказалась созвучна российской культуре, принявшей иной её вариант, когда опорой империи становится национально ангажированная дворянская элита[11].

События Отечественной войны 1812 г. выступили катализаторами процесса нациостроительства и рождения русского национализма, поставив перед общественным сознанием целый ряд проблем: новое понимание самодержавия, которое должно было приобрести национальную укорененность; преодоление или, по крайней мере, ослабление сословных перегородок, мешавших формированию единого национального целого; переосмысление статуса корпоративных социальных общностей, в частности, армии, подразумевавшее её превращение из самодостаточного института в часть национального организма[12]. Литература эпохи в полной мере отозвалась на эти темы, став полем кристаллизации нового национального канона, призванного в наглядных сюжетах и образах солдат, полководцев, обычных мирных людей претворить идеал народного единства перед лицом врага — без различия сословий и занятий. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» предлагает в этом плане богатейший материал, ценный не только свежестью первоначальной, а значит эмоциональной, реакции, но и, благодаря внутренней пестроте, разнообразием идеологического видения. Монолитные идеологические формы Отечественная война приобретет значительно позднее[13], и в антологии мы найдем, как в палимпсесте, наслоения разновременных, несходных в социальном и политическом плане и высказанных очень различающимися художественными языками идеологических конструкций. Важнейшей из них являлась категория нации — «русского народа», «россов», «русских», претерпевшая значительные видоизменения от июня 1812 до середины 1814 года параллельно с трансформацией официальной идеологической позиции.

Само понятие нации, пришедшее из Европы еще при Петре I, активизировалось в отечественном политическом дискурсе, как констатировал А. И. Миллер, только к 1820-м годам, конкурируя с понятиями народа, народности, национальности[14].

Зорин А. Л. Указ. соч. С. 352—359; *Земскова Е. Е.* Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII — начале XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

[11] Последовательная история становления русской националистической идеологии в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. еще не написана, хотя отдельные ее эпизоды анализировались в статьях и монографиях Дж. Л. Блэка, Р. Уортмана, А. М. Мартина, А. Л. Зорина, Л. Н. Киселёвой, В. М. Живова, М. Л. Майофис и ряда других ученых, а о необходимости её системного изучения ещё в начале 2000-х писал Р. Уортман в статье: *Вортман Р.* Национализм, народность и Российское государство / Пер. с англ. О. Майоровой // Неприкосновенный запас. 2001. № 3 (17). С. 100—105.

[12] См. о последнем аспекте: *Каменев Е. В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.

[13] Лишь к 1830-м гг. в обстановке юбилейных торжеств память о 1812 г. вполне соединится с программой уваровской «официальной народности» и предстанет как мифологическое воплощение семейного единства нации, о чем см.: *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 193—202.

[14] *Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия нация в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории

Следы этого европейского генезиса вполне ощутимы в «Собрании», где слово нация использовано дважды и только применительно к французам или представителям армии Наполеона (курсив наш. — *В. К.*): «Бонапарте выпускает / Разных *наций* хилый сброд» («Песня к русским воинами, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым. Июля дня, 1812», I, 181); «Великой нации сыны непобедимы, / Победы, слава, спесь — в могиле сей лежат. — / — «Но кто ж их разгромил полки неодолимы?» — / Непобедимейших в лице гром, хлад и град!!!» («Надгробие французам на Руси»; II, 247).

В противовес ему слово народ использовано в стихотворениях антологии 164 раза, причем в большинстве случаев подразумевая русский народ. Заметим, что этническая семантика в этом обозначении находилась на периферии, а на первый план выходила историко-политическая сема «население империи». Составным элементом здесь выступала и коннотация подданичества династии Романовых и определенному императору. Подобное понимание концепта сформировалось еще на рубеже XVIII—XIX веков в обстановке повышенного интереса к национальной специфике — русской истории, языку, мифологии[15]. Но реальность литературно-научным построениям придали события 1812 года, заставившие осознать «народ» и его «русскость» как актуальную данность, как самостоятельный субъект военного и политического противостояния.

Это действенное начало существенно определило поэтику стихов «Собрания», в которой народ персонифицируется и наделяется голосом, чувствами, мыслями, поступками, что ощущается уже по заглавиям текстов (курсив наш. — *В. К.*): «*Голос русского народа* по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву» С. Н. Глинки и анонимная «*Молитва русских* при опоясании на брань», «*Песнь русского воина* перед сражением» Н. Ф. Граматина, «*Чувствования калужских жителей* по приезде генерала Милорадовича» Калужского жителя (А. П. Степанова), «*Чувствования русского* в Кремле» Д. П. Глебова, «*Чувствования Россиянки*, возбуждённые победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой и др. Авторы и персонажи стихов выступают как представители огромного целого, слитого воедино органической общностью и допускающего легкую метонимическую замену: от имени народа может говорить любой — поэт, воин, житель тех или иных мест, город («Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесённые ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих» М. А. Знаменского).

Российской империи (1700—1917). М., 2010. С. 42—66. Ср. также: *Бадалян Д. А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. СПб., 2006. С. 108—122.

[15] См.: *Rogger H.* National Consciousness in Eighteenth-Century Russia. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1960; *Лотман Ю. М.* Идеи общественного развития в русской культуре // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. IV. С. 27—83; *Земскова Е. Е.* Указ. соч.; *Schierle I.* «Vom Nationalstolze»: Zur russischen Rezeption und Übersetzung der Nationalgeistdebatte im 18. Jahrhundert // Zeitschrift für slavische Philologie. 2005—2006. Vol. 64. P. 63—85.

Столь активная сила требовала своего места в круге официально признанных субъектов идеологии. И единственным путём здесь на первом этапе войны стало отталкивание от монархической модели. Только самодержец или лицо / сословная группа / профессиональная корпорация (армия, чиновничество), которым монарх делегирует часть своих полномочий, в отечественных идеологических представлениях XVIII — начала XIX вв. могли выступать полноценными актёрами на сцене политики и истории. Тем самым вхождение народа в идеологическое поле требовало легитимации со стороны императора, вызывавшего «россиян» на военное служение и передававшего им собственные прерогативы по защите Отечества. Так, в первом уже цитированном выше рескрипте от 3 июня 1812 года Александр I выступал как единственный субъект: «И потому не остаётся *мне* иного, как поднять оружие, и употребить все вручённые *мне* Провидением способы к отражению силы силою… <…> *Я* не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве *моём*»[16]. Однако уже здесь не удалось избежать обращения к народу, хотя и фигурирующего лишь как собственность монарха: «*Я* надеюсь на усердие *моего* народа и храбрость войск *моих*» (курсив мой. — *В. К.*) [17].

В следующем манифесте от 6 июля 1812 г., написанном для императора А. С. Шишковым, одним их первых последовательных идеологов раннего русского национализма[18], народ (пока в лице отдельных сословий) выступил как самостоятельный адресат монаршего внимания:

> Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему, Москве; а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдёт он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший Синод и духовенство! Вы всегда тёплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: с крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют[19].

---

[16] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 14.

[17] Там же.

[18] См.: *Попов А. Н.* Эпизоды из истории 1812 года. Граф Ростопчин — Сперанский — Шишков // Русский архив. 1892. № 8. С. 399—418; *Martin A. M.* Romantics, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 15—38; *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 239—266; *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 19—92; *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 337—365.

[19] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 15.

Народ здесь рисовался уже единой мощной стихией, слитно чувствующей и совокупно действующей, без неё высочайшая власть лишалась опоры, возможности полноценно противостоять врагу. Образ монарха тем самым включался в общую перспективу, будучи лишь символическим средоточием национального организма, недаром формулы единства (наш, нами) проходят лейтмотивом через весь манифест. Сюжеты, предложенные А. С. Шишковым, воскрешали в памяти и еще один важный мотив — выборность династии Романовых, которая после событий Смутного времени и польско-литовской интервенции получила престол совокупной волей народа и должна была дорожить семейственным единством с подданными (в отличие от самозванца Наполеона[20]).

Риторика монаршего воззвания была подхвачена и воплощена в обширном ряде стихов «Собрания», в частности в «Чувствованиях верноподданного, возродившихся по прочтении призвания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского:

Сыны Отечества! внемлите,
Что вам вещает царский глас;
Делами самыми явите,
Что дух геройской не угас;
Пред целым светом оправдайте,
Что в вас Пожарских кровь течет;
С благословеньем приступайте,
К чему вас долг и честь зовет!
Спасать Отечество спешите;
Оставьте жен, детей, родных,
На поле ратное летите;
Мечом врагов карайте злых,
Пусть лесть коварная узнает,
Колико страшен Россов гнев:
Когда Отечество страдает,
То и младенец — духом лев.
Чего нам ждать? Мы ополчимся! (II, 7)

В особенности популярными стали в поэзии эпохи образы героев Смутного времени и ополчения 1612 года. Они появляются в «Гимне лиро-эпическом…» Г. Р. Державина, «Русской песне во время занятия Москвы неприятелями, посвященной любезным соотечественникам» А. А. Никитина, «Стихах на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского» С. Н. Глинки, «Солдатской песне» И. А. Кованько и многих других. Как указал А. Л. Зорин, активную разработку эти темы приобрели еще в 1806—1807 гг. в произведениях Г. Р. Державина, С. Н. Глинки, С. А. Ширинского-Шихматова, М. В. Крюковского: «В написанных в эти месяцы

[20] См. о сюжете самозванства и его контексте в литературе 1812 г.: *Лейбов Р. Г.* 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. II. С. 68—104.

произведениях писателям этого круга удаётся предложить целостный набор идеологических метафор, разработать новую мифологию происхождения российской государственности, нащупать исторические аналогии для происходящих событий, поменять расположение фигур в национальном пантеоне»[21]. В годы Тильзитского мира сюжеты Смутного времени оказались временно невостребованными, но 1812 год придал им новую актуальность, особенно как напоминание о союзе народа и царя, совершившемся немногим менее двухсот лет назад.

Эту формулу семейной общности, также густо замешанную на риторике шишковского манифеста, выразительно рисуют «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвящённые его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» Д. П. Горчакова:

Усердье зря своих сынов,
Твой царь к ним нежность усугубит;
Он зрел в нашествие врагов,
Как росс своих монархов любит.
Он видел, как дворянский род
За веру, за царя, народ,
Взгорел простерть к оружью длани,
Презря жен, дщерей токи слез,
Именье, кровь на жертву нес,
Как к пиршеству, летел ко брани.

За ним сословья все вослед,
Горя единодушным жаром,
Спешат на поприще побед
К врагу с решительным ударом;
Оратай, мещанин, купец,
Одним движением сердец
Карать злодеев воружились;
Одним усердьем воспалясь,
В сей горький для России час,
Отчизну защищать сдружились. (I, 80—81)

В развитии темы семейного единения скоро, однако, наметился внутренний дисбаланс, связанный с возможной расстановкой акцентов на монархическом или народном компоненте. В перспективе он породит раскол на официальную и декабристскую идеологическую версию Отечественной войны[22]. Первый вариант подразумевал полное подчинение нации воле императора и трактовку народной войны

[21] *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 186.

[22] О последней существует обширный ряд исследований: *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. I. С. 50—80; *Яхин Р. Х.* Политические и правовые взгляды декабристов Северного Общества. Казань, 1964. С. 17—43; *Окунь С. Б.* Декабристы. М., 1972. С. 5—26; *Никандров П. Ф.* Революционная идеология декабристов. Л., 1976. С. 11—39; *Федоров В. А.* Декабристы и их время. М., 1992. С. 37—52 и др.

как жертвы за царя. Её предложил, в частности, С. Н. Глинка еще в августе 1812 г., отзываясь на идеологический жест Александра I в виде июльского посещения Москвы. Р. Уортман интерпретировал этот шаг как попытку императора использовать в кризисной ситуации ресурс национальных чувств, ярко воплощенных в «Воспоминании о московских происшествиях в достопамятный 1812 год от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы» С. Н. Глинки (опубликовано в 1814 г.)[23]. Стихотворным аналогом их явился «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву», где монарх представал в роли отца нации, попечителя и защитника своих подданных, отвечающих ему самоотверженной любовью (курсив автора — *В. К.*):

За тебя мы все молились:
«Господи! Царя спаси!
Им одним мы все живились;

Жизнь в царе нам принеси!»
Бог хранит нас всех тобою.
Ты изрек: *нам враг грозит!*
Все мы жертвуем собою;
Бог, сам Бог нас ополчит.

Ополчит!.. пусть враг трепещет;
За царя-отца идем!
Пусть из ада смерть он мещет;
Победим, или умрем! (II, 3)

Контекстом сюжетной ситуации «жертва за царя» также выступало значимое историческое событие эпохи Смутного времени — подвиг Ивана Сусанина, по легенде, пожертвовавшего собой ради спасения недавно выбранного царя Михаила Федоровича. Статью об этом сюжете, начавшем активно развиваться в литературе с 1800-х гг., С. Н. Глинка поместил в «Русском вестнике» в 1810 г., а в майском номере 1812 г. вновь его изложил в составе первой части «Опыта о народном нравоучении»[24]. Сюжет «жертвы за царя» был неразрывно связан с концепцией патерналистской монархии, развиваемой С. Н. Глинкой, с её нерушимостью сословных границ и системой неотчуждаемых прав и обязанностей каждого сословия и корпоративной группы, гарантом чего являлся монарх — высшая, но неотрывная от целого часть общественной иерархии, подобной семье. Именно семейная модель общества составляла, согласно его взглядам, основу русского национального своеобразия[25].

[23] *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 286—292.

[24] См. о генезисе сюжета: *Киселёва Л. Н.* Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 279—303; *Велижев М., Лавринович М.* «Сусанинский миф»: становление канона // Новое литературное обозрение. 2003. Т. 63. С. 186—204.

[25] См. о политико-социальной концепции С. Н. Глинки: *Киселёва Л. Н.* Система взглядов С. Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981.

В полном объеме патерналистскую концепцию популярного журналиста разделяли, конечно, не все русские литераторы, но её мотивы обнаруживаются в большом количестве текстов «Собрания», где император обычно представал в образе отца (всего около 60 употреблений), как в стихах С. Н. Марина «Ода на победы над врагами», что свидетельствует об установлении прочной идеологической связи между самодержавием и представлением о нации:

> Но может ли что нам злодейство,
> Где весь народ — одно семейство
> И царь где — подданным отец? (I, 72)

В свою очередь перенос акцента на монархическую легитимацию народной стихии приводил к метонимическому слиянию, в рамках которого заслуги по освобождению Отечества автоматически переносились с подданных на царя. Эта тенденция стала вполне очевидна уже к октябрю 1812 г., когда на волне военных успехов необходимость во всенародной защите Отечества стала менее острой, а затем и совсем пропала. Индикатором идеологической перемены здесь выступает не только смена официальной риторики, но и изменение жанрового состава стихов. Большая сосредоточенность на персональном аспекте — на образе императора, а также на образах полководцев, выступающих символическими субститутами монарха, — повышала актуальность жанра оды («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П. В. Голенищева-Кутузова, «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского, «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И. А. Кованько, «Ода на чудесные российские победы» М. И. Невзорова и др.) Влияние её поэтики чувствуется и в сентиментальных по генезису жанрах «чувствований», «песни», «гласа», «молитвы», стихов «на случай», доминировавших в начальный период войны[26]. Одическая стилистика, предполагающая возвышение предмета, придавала образу царя всё больший героический ореол и способствовала в итоге новому витку сакрализации государственного начала — в противовес началу народному, отступавшему на смысловую периферию[27].

В период заграничных походов 1813—1814 гг. одический подход приобрел особую монументальность, оказав влияние даже на Н. М. Карамзина, который

(Ученые записки Тартуского университетата. Вып. 513. = Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение). С. 52—72; *Martin A. M.* The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808—1812) // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 28—49.

[26] См. об этом процессе в более широкой хронологической перспективе: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 154—156.

[27] См. о риторике 1812 г. как истоке новой сакрализации монархии: *Cherniavsky M.* Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1961. P. 128—136; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 135—136; *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 99—110.

в «Освобождении Европы и славе Александра I» создал на основе ходовых риторических приёмов величественную панораму падения Наполеона и возвышения российского монарха[28]:

В сем общем, радостном волненье,
Царей, героев прославленье,
Чьё имя первое в устах?
Кому гремят Вселенной лики?
Без лести в искренних хвалах
Дают название: *великий!*
Отечество мое! Ликуй
И с Александром торжествуй! (II, 214—215, курсив автора — *В. К.*)

Не остались в стороне и представители младшего поколения карамзинистов — А. Ф. Воейков («К Отечеству», «Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому»), В. А. Жуковский («Князю Смоленскому»), П. А. Вяземский, чья «Надпись к портрету Александра I» позднее выступила предметом иронического переосмысления арзамасцами за свою высокопарность:

Муж твёрдый в бедствиях и скромный победитель,
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! Пади пред ним: он твой спаситель!
Россия! Им гордись: он сын твой, он твой царь! (II, 221)

В произведениях литераторов второго ряда сотериологическая сакрализация монарха приобретала уже гипертрофированные черты[29], как в надписи Ф. Ф. Кокошкина «К изображению беспримерного во владыках Александра I»:

Боголюбивый царь и царь, любимый Богом,
Блаженства, славы нам ниспосланный залогом,
Освободивый днесь полсвета от оков!
Ты выше всех похвал, ты выше всех венцов!
Тебе бы древний мир храм божеский поставил,
И гимнами тебя, как божество, в нём славил;
Но царь наш, наш герой, в смирении велик:
Живет в сердцах — в хвалах и нужды не имеет:
Дела его гласить и Пиндар онемеет;
И хижина есть храм, где Александра лик! (II, 222)

Тем не менее, будучи вызвана к жизни и обретя хотя бы временную монархическую легитимацию, концепция нации как единого и действенного начала уже не

[28] См. также о его замыслах обобщающего труда по истории войны 1812 г.: *Пигарев К. В.* Неосуществлённый замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 293. Ср.: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. С. 162—163.

[29] См. подробнее: *Давыдова* [*Пастернак*] *Е. Е.* Образ Александра I в русской литературе его времени (1777—1825): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1996.

могла потерять актуальность, особенно на фоне сбора ополчения и развернувшейся партизанской войны. Причём если первый происходил с санкции императора, то вторая была событием стихийным и не поддающимся строгому контролю. С точки зрения власти, даже ополчение мыслилось мерой вспомогательной и временной, охватывающей лишь узкую часть населения в некоторых губерниях, о чем гласил манифест от 18 июля 1812 г.:

> Вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения Отечества. Каждый из военноначальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, то есть, по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям[30].

Однако развернувшееся общественное движение превратило ополчение из подручного средства армии в символ всей Отечественной войны, в наглядную репрезентацию общей судьбы и единой воли всего народа. Знаменательно, что именно в духе этой риторики докладывал императору генерал-адъютант Ф. О. Паулуччи уже 26 июля 1812 г. «По велению Вашего Императорского Величества ознакомился с организацией Московской военной силы, которая мне показалась не только соответствующей *духу и характеру нации*, но и вполне способной выполнить своё назначение <…>» (курсив мой. — *В. К.*)[31].

В «Собрании» можно выделить целый блок стихотворений, посвящённых как правительственному манифесту об ополчении, так и участию ополченцев в военных действиях. К числу первых, в основном воспроизводящих официальную риторику и круг сюжетов (Минин, Пожарский, жертва за царя), относятся «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» Н. М. Кугушева, «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года», «На манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года» и «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки и некоторые другие. Вторые гораздо более разнообразны и рисуют ополченцев как самостоятельную патриотическую силу, выражающую волю нации («Песнь соотечественникам по прогнании злодеев из земли русской» А. А. Никитина, «Солдатская песня» И. А. Кованько и Н. И. Ильина, «Жертва храбрым россиянам, приносимая от соотечественника их, некогда служившего на поле брани» Н. М. Кугушева, «Песнь русского воина перед сражением» Н. Ф. Грамматина, «На возвращение ополчения» Д. И. Хвостова, «Песня ратников Санкт-Петербургского ополчения» М. С. Щулепникова и др.). Тема национального сопротивления возвышается здесь нередко до утверждения равенства царя и народа, как в «Любви к Отечеству» А. А. Писарева:

---

[30] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. С. 16.

[31] Там же.

Успех во всем, коль свято чтимы
Права граждан, народов честь;
Коль власти истиной водимы,
Коль трону предстоит не лесть,
Но верных груди для защиты,
Не гнувших выи под ярем…
Цари народом знамениты,
Народ блажен царем! (II, 48—49)

А. Х. Востоков в дифирамбе «К россиянам» не менее высоко ценит подвиг защитников Отечества, делая их символом нации наряду с императором и его полководцами:

Но изочту ль вас всех, герои знамениты,
Которыми враги отражены, разбиты,
И коих доблестью Россия спасена?
Священны ваши имена
У благодарного останутся потомства. (I, 105—106)

Снятие границ между ополченцами и регулярной армией, нужно заметить, — характерная черта общественного сознания и литературы 1812 г. Массовое участие представителей различных сословий в военных действиях размыло корпоративную замкнутость офицерства, обнаружившего, в свою очередь, прямую сопричастность уже не столько с властью, чей базой и кадровым резервом было со времен Петра I[32], сколько с обществом. Это в полной мере ощутили офицеры, вынужденные включиться в стихийную партизанскую борьбу, где приходилось устанавливать контакты с населением. В результате, как писал позже Д. В. Давыдов в «Дневнике партизанских действий 1812 года», «я на опыте узнал, что в народной войне должно не только говорить языком черни, но приноравливаться к ней и в обычаях, и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным»[33]. Но даже не при столь радикальном подходе восприятие себя частью нации, выполняющей общую миссию со всем народом, было, безусловно, присуще офицерам и солдатам 1812 года[34], также как и соответствующее отношение к армии у невоенного населения, выразившееся в «Чувствованиях россиянки, возбужденных победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой, в анонимном «Певце на гробах братьев-воинов россиян», «Песне к русским воинам» Н. Остафьева, «Чувствованиях калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» Калужского жителя (А. П. Степанова) и др.

---

[32] См.: *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000. С. 230—231.

[33] *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Проза. *Дурова Н. А.* Записки кавалерист-девицы. М., 1987. С. 192.

[34] См.: *Целорунго Д. Г.* Русские офицеры — участники Бородинского сражения: историко-социологическое исследование. М., 2001.

Из коллективного образа армии выделялись индивидуальные портреты, очень скоро начавшие складываться в новый национальный пантеон героев во главе с М. И. Кутузовым. В них уже нельзя видеть проекции исключительно государственной миссии, отблеска монаршей славы, они воплощали черты общей судьбы и национального характера. Подобные персональные блоки легко вычленяются в «Собрании» применительно к М. И. Кутузову, получившему знаменательное имя «спасителя Отечества», М. А. Милорадовичу, П. И. Багратиону, П. Х. Витгенштейну, А. И. Кутайсову, Я. П. Кульневу, Н. Н. Раевскому, но, пожалуй, самый совершенный и художественно убедительный образец пантеона героев 1812 года создал В. А. Жуковский в «Певце во стане русских воинов», окружив его символикой национального единения и интимно-лирически акцентировав основные компоненты национального сознания: память предков («Сей кубок чадам древних лет! / Вам слава, наши деды!» I, 39) и герои-защитники нации (Святослав, Дмитрий Донской, Петр I, Суворов), малая родина, семья, дом («Отчизне кубок сей, друзья! / Страна, где мы впервые / Вкусили сладость бытия…» I, 41), отечественная литература («Сей кубок чистым музам в дар!» I, 53). В подобном контексте куплетно раздвигающийся ряд здравиц во славу живых и павших воинов-героев становился основой нового национального канона, источником нарождающейся исторической мифологии[35].

Идеологический фон её составляет картина всеобщего героизма русских, жертвующих своим имуществом, домом, семьей и жизнью во имя спасения Отечества. Рассказами подобного рода полнились журналы 1812 года. Так, в «Русском вестнике» С. Н. Глинки прославлялись многочисленные случаи патриотического самопожертвования: «Усердие русского купечества к военнослужащим» (1812. Ч. 19. № 9), «Подвиг смоленского дворянина Петра Николаевича Клочкова», «Пожертвование и великодушное терпение смоленского дворянина и отца семейства Николая Михайловича Калячитского» (там же), «Верный смоленский служитель Давид Алексеев» (все — 1812. Ч. 20. № 10) и т. д. Не меньше таких сюжетов предлагал «Сын Отечества» Н. И. Греча, где мы найдем, например, рассказ о капитане Р. И. Захарове (сражался под Бородиным), который, будучи раненым, отослал на линию огня двух нёсших его канониров («Вы там нужны, а меня и двое как-нибудь доволокут!»; 1812. Ч. 1. № 4. С. 167), или о раненом гренадере, не понимавшем, почему лекарь щупает ему спину («…ведь я шел грудью!»; 1812. Ч. 2. № 8. С. 83).

В «Собрании» стихов о личном героизме было не меньше. Тот же Р. И. Захаров удостоился героической эпитафии А. П. Буниной «На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова»:

---

[35] См. подробнее об идеолого-историческом смысле «Певца»: *Лотман Ю. М.* Тарутинский период Отечественной войны 1812 года и развитие русской общественной мысли; *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 3—23; *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения, 1797—1814. М., 1999. С. 595—605 (примечания А. С. Янушкевича).

Узря простерта на плаще меня,
Не сетуйте, родители любезны!
И мрачну горесть прогоня,
Отрите токи слезны!
<…> Днесь к Богу отошел
Принять за подвиг мой награду.
А ты, о юный друг моей души!
Оставшемусь тебе в отраду
Младенцу нашему внуши,
На ранню указав мою могилу:
Сколь сладко смерть вкусить за родину нам милу! (I, 246—247)

Еще более колоритный эпизод вызвал к жизни «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгарда и Шубина и на монаршие щедроты, излиянные на них» А. И. Писарева. В «Сыне Отечества» за 1813 г. (Ч. 3. № 4. С. 195—195) описывалась героическая смерть подполковника Павла Энгельгарда, не покинувшего своё поместье под Смоленском после вторжения французов и организовавшего партизанское сопротивление, за что он вместе с коллежским асессором Шубиным был судим и казнен, не выказав страха даже в последний момент. Подвиг их был замечен и награждён императором Александром, о чем гласил указ Сенату, напечатанный в том же «Сыне Отечества» (1813. Ч. 9. № 40. С. 81—82).

Сыны Отечества, защитники державы!
Се подвигам пример, щедротам образец!
Воззрите: Энгельгард, ревнуя вечной славы,
За Отчество вкусил страдальческий венец;
Ни улещения, ни вражески угрозы
Не в силах Шубина к измене преклонить:
Все муки — радости, и терния — им розы —
За веру и царя поклявшись кровь пролить.
Отечество заслуг толиких не забудет,
Скрыжаль потомственна сих дел не умолчит;
Семейство и родня их славою жить будет,
Признательный монарх героев вновь творит… (I, 237)

В совокупности эти материалы журналов, а в «Собрании» — стихи о подвигах россиян разных сословий от дворян-полководцев до купцов и мещан создавали образ единой патриотически настроенной нации, не учитывать который официальная идеология уже не могла. И действительно, уже в манифесте от 3 ноября 1812 г., составленном А. С. Шишковым, народ представлен главным деятелем войны, защитником Отечества:

> Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, в начале приносим мы тёплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад, Всемогущему Богу; потом, торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность нашу всем нашим

верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения и главною частию или истреблены, или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почётное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верный народ — мещанство и крестьяне — показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твёрдая грудь их и смелая рука с тою же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какою за несколько пред тем недель раздирала плугом поля. <…> Между тем, почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъявить пред целым светом благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому[36].

Тем не менее, как констатировал Р. Уортман, «обстоятельства, заставившие самодержавного монарха вступить в союз с народными массами, поставили его лицом к лицу с проблемой примирения самодержавного правления с принципом верховной власти народа. Включение народа в императорский сценарий угрожало образу царя как высшей силы, дарованной её носителю извне или свыше и санкционированной иноземным влиянием, божественным соизволением или, наконец, разумом. С социальной точки зрения невозможно было представлять народ в качестве движущей силы истории в сценарии, прославлявшем власть монарха, как идеализацию правящей элиты»[37]. Этот идеологический диссонанс был устранён достаточно быстро, уже к концу 1812 — началу 1813 года, когда война из народной и оборонительной превратилась в наступательную и «профессиональную». Это вернуло в центр внимания образ императора. Смерть М. И. Кутузова, «спасителя Отечества», 16 апреля 1813 года еще более способствовала концентрации сотериологического дискурса на Александре I, который в ходе заграничных походов становился уже не столько главой нации, сколько освободителем европейских народов, новым светочем христианского мира.

Индикатором этой перемены служит в поэтическом плане трансформация мотивного пласта, связанного с библейской семантикой. Она активно моделировала репрезентацию событий Отечественной войны[38], однако до 1813 года в основном сосредотачивалась вокруг сюжета об избранном Богом народе и его борьбе против оккупантов-иноверцев («Молитва израильского народа во время нашествия Сеннахеримова воинства на Иерусалим» Н. М. Шатрова, «Песнь на поражение галльского фараона, посвященная знаменитому покровителю сочинителя, его превосходитель-

[36] Высочайший манифест об изъявлении российскому народу благодарности за спасение Отечества // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1912. № 17—24. С. 146.

[37] *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. С. 295.

[38] См.: *Гаспаров Б. М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999. С. 89—99; *Парсамов В. С.* Библейский нарратив войны 1812—1814 годов // История и повествование. М., 2006. С. 100—121.

ству, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову» А. Урываева, «Стихи в день Богоявления Господня» А. Кулакова, «На совершение истребления неприятельских войск в пределах России: Подражание 78 псалму» А. А. Писарева и др.). Подобные мотивы легко сочетались с изображением патриотического подъема и общенационального подвига, причём не только в светской литературе, но и в церковных проповедях, выполнявших в 1812 году роль средств коммуникации и мобилизации необразованного населения империи[39]. В их контекст органично включался и образ императора, выступавший водителем и спасителем избранного народа (Моисей, Давид).

Настал ужасный час отмщенья!
Уже врагам Ты казнь изрек,
И наших стран для защищенья
Меч правосудия извлек;
Послал на землю серафима
Внушить царю Ерусалима
К оружию народ воззвать,
Составить грозные дружины
И под щитом Твоей судьбины
Сразить иноплеменну рать. (I, 62)

Однако новая идеологическая ситуация, связанная с заграничными походами, потребовала уже не национальных, а универсальных образов, снимавших, в том числе, и акцент с народных заслуг по освобождению отечества и переносивших его на безличный Божественный Промысел — и императора как помазанника Божия и исполнителя Его воли. В официальном дискурсе подобная трансформация свершилась уже к рождеству 1812 г. в манифесте об изгнании французов из России, где утверждалось:

> Зрелище погибели войск его невероятно! Едва можно собственным глазам своим поверить. Кто мог сие сделать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующего над войсками нашими знаменитого полководца, принёсшего бессмертные Отечеству заслуги; ни у других искусных и мужественных вождей и военачальников, ознаменовавших себя рвением и усердием; ни вообще у сего храброго нашего воинства, можем сказать, что содеянное ими есть превыше сил человеческих. Итак, да познаем в великом деле сем промысел Божий. Повергнемся пред Святым его Престолом, и видя ясно руку его, покаравшую гордость и злочестие, вместо тщеславия и кичения о победах наших научимся из сего великого и страшного примера быть кроткими и смиренными законов и воли исполнителями…[40]

[39] См. подробнее: *Мельникова Л. В.* Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002.

[40] Манифест о принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского // Высочайшие указы и манифесты, относящиеся к войне 1812 г. СПб., 1912. С. 15—16.

Пройдя через многие правительственные реляции, формула божественного спасения, для которого и народ, и армия, и император выступали лишь орудиями, нашла свое каноническое закрепление в «Рассуждении о нравственных причинах неимоверных успехов наших в войне с французами 1812 года» московского архимандрита Филарета (В. М. Дроздова). Эта концепция прокладывала путь к идеологии Священного союза, начавшей подспудно складываться уже к 1813 году[41].

Вне нового контекста не осталась и литература, где образ Божественного щита, спасения избранных, присутствовал с первых дней войны. В период заграничных походов он приобрел доминирующий характер, соединившись с образом Александра-Мессии, как в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П. В. Голенищева-Кутузова:

Царь россов! Царь сердец полсвета!
Ты наших радостей вина:
Не Ты ли мудростью совета
Прославил наши знамена?
<…> Тобой Европа огражденна
Избегнет козней и коварств;
Тебе самим Творцом врученна
Судьбина и царей и царств;
<…> Россия, Богом огражденна,
Пред ним колена преклони!
Ты им избавлена, спасенна,
Ты им вкушаешь сладки дни;
Ты паки шествуешь к покою;
Низвержен враг его рукою.
Не Бог ли стер кичливый рог?
Не он ли слезы отирает?
Не он ли россов утешает?
Благословен Господь наш Бог!! (I, 31—32, 33)

Так завершился первый цикл вхождения в отечественную идеологию и литературу представления о нации, вначале мощно заявившего о себе на волне патриотического подъема и набиравших силу националистических устремлений, но потом вынужденного уступить консервативной традиции имперского дискурса, обогатившегося в послевоенные годы символикой христианского универсализма.

[41] См. о ней: *Зорин А. Л.* Указ. соч. С. 267—296; *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815—1818 годов. М., 2008. С. 691—725; *Ghervas S.* Réinventer la tradition. Alexandre Stourdza et l'Europe de la Sainte-Alliance. Paris, 2008.

В. С. Киселёв

Книжные и журнальные источники «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

I

Условия наполеоновского вторжения и общенародной войны 1812 г. существенно повлияли на состояние литературной коммуникации, приведя к возникновению ряда новых форм и модернизации старых. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», подготовленное к печати Н. М. Кугушевым, представляет собой поэтический срез эпохи, отражая в своем составе следы этих социокультурных изменений. Его генезис неразрывно связан с судьбой целого ряда коммуникативных форм от журнала до листовки-брошюры. Для адекватного понимания антологии необходимо обозначить главные моменты данного контекста.

Здесь отчетливо выделяются несколько аспектов. Прежде всего, это радикально повысившаяся роль общественного мнения, выражение и формирование которого в определенном русле стало одной из главных политических задач момента. Движение в данном русле активно шло уже с первых лет александровского царствования. Новый цензурный устав 1804 г., сняв многие запреты, сделал бурно растущую журналистику полем интенсивного обсуждения идеологических тем, в том числе с оппозиционных точек зрения, как консервативных, так и либеральных[1]. Сам император, провозгласивший программу широкомасштабных реформ, отлично осознавал, что без опоры на общественное мнение, без его подготовки невозможно достижение намеченных целей. Так, еще в 1798 г. он выступил покровителем «Санкт-Петербургского журнала», издаваемого И. П. Пниным и А. Ф. Бестужевым[2], а впоследствии оказывал прямую или косвенную поддержку различным печатным органам, становившимся рупором предпочтительной идеологии.

Особая роль общественного мнения влияла не только на повышение идеологической значимости изданий, но и на изменение их системы и структурных особен-

---

[1] См. общий обзор журналистики данного периода: Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 155—176; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959; *Березина В. Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965; *Иезуитова Р. В.* Литературные объединения и журналы первой четверти XIX века // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. С. 36—51.

[2] См.: *Даденков Н.* Иван Петрович Пнин. Опыт его биографии и обзор литературной деятельности. Нежин, 1912. (Известия Нежинского историко-филологического института. Т. 27). С. 9—30; *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1950. С. 107—144.

ностей. Так, еще в самом начале века Н. М. Карамзин в «Вестнике Европы» создал новый, универсальный тип метатекста, призванный отразить общую панораму культурно-идеологического движения эпохи. Он предложил и новую форму — литературно-политический журнал, стремящийся к энциклопедическому охвату действительности и сопрягающий ориентацию на современность (политические и культурные новости, новинки литературы) с приверженностью «вечным» темам[3]. Хотя в предвоенные годы до уровня карамзинского журнала периодика в своей массе подняться не сумела, но он оказал глубокое влияние на тенденции журналистики.

Подобные процессы затронули и форму альманаха, которая под воздействием опытов того же Н. М. Карамзина («Аглая» и «Аониды»), начала превращаться из феномена дилетантской или узкокружковой коммуникации (издания Благородного пансиона, Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и т. п.) в орудие широкого представления отечественной словесности, в том числе с идеологической стороны[4].

В этом плане альманах приобретал черты антологии, причем источником текстов для него являлась в первую очередь журналистика, как в «Собрании русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» В. А. Жуковского (М., 1810—1815). «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н. М. Кугушева стало еще одним ярким образцом нового альманаха.

Под влиянием журналистики оказались и другие типы изданий — от крупноформатных, вроде трактата или романа, до малых в виде од или статей. Так, А. Ф. Бестужев в 1798 г. на протяжении ряда выпусков публиковал в «Санкт-Петербургском журнале» свой трактат «О воспитании военном относительно благородного юношества», а С. Н. Глинка представил публике «Опыт о народном нравоучении» в номерах «Русского вестника» первой половины 1812 г. Схожую судьбу претерпела ода, которая в XVIII в., как правило, печаталась отдельными изданиями, а затем входила в авторские собрания сочинений. Теперь оды чаще всего помещались сначала в журнале, будь то «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Друг юношества» или «Русский вестник», и лишь потом выходили особыми брошюрами.

«Журнализация» словесности свидетельствовала о новом состоянии публичной коммуникации, отразившем наметившийся переход от имперской модели культуры к модели национальной. Система литературного патронажа, органичная для самодержавно-сословного государства, организовывала общение узкого круга

[3] См.: *Гиппиус В. В.* «Вестник Европы» 1802—1830 годов // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 46. Серия филологических наук. Вып. 3. С. 201—204; *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 269—276; *Зубков Н. Н.* Иностранная литература в журнале «Вестник Европы» Н. М. Карамзина: (Структура журнала и позиция издателя) // Книга в системе международных культурных связей. М., 1990. С. 63—84.

[4] См. подробнее: *Киселёв В. С.* «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе» и альманахи-антологии начала XIX века // Русская литература. 2008. № 2. С. 3—15.

субъектов власти и дворянской элиты[5]. Процесс нациостроительства, подстёгнутый александровскими реформами и отражавший общеевропейское движение, предполагал вовлечение в культурную коммуникацию больших масс населения, преодоление сословных границ и, как следствие, перенос внимания с самодержавной власти на общество — в лице его политических и культурных элит[6]. Полнее всего эти задачи решала профессиональная литература, в начале XIX в. ещё не сформировавшаяся в России. Её функции частично приняла на себя система кружковой коммуникации, в рамках которой определенные группы дворянства, более или менее замкнутые, вырабатывали культурно-идеологические программы развития, но востребованность и влиятельность им придавала уже не только власть, но и общество, где крепли стремления к национальному единству, к полноценному нациостроительству, выразившиеся, в том числе, в настойчивом обсуждении проблемы национальной самобытности, народности[7].

Наполеоновские войны, в которые Россия вступила в 1805 г., стимулировали усилия по взаимодействию власти и общества: из печати правительство могло почерпнуть сведения о состоянии умов, о настроениях различных групп дворянской элиты и с учетом контекста проводить активную информационную политику. Как убедительно показал М. Б. Велижев, в роли проводника официальной идеологии в 1806—1807 гг. эффективнее всего выступал «Вестник Европы» под редакцией М. Т. Каченовского[8]. Тильзитский договор и смена правительственного курса с антифранцузского на профранцузский определили новую сложную задачу журнальной пропаганды, предполагавшую, в том числе, объяснение столь крутых поворотов. Разочарование в императора Александра в возможности союза с Наполеоном вновь привело в 1810—1811 гг. к изменению информационной стратегии и обращению к ресурсам националистической риторики, заставлявшей апеллировать к патриотическим изданиям вроде «Русского вестника» С. Н. Глинки.[9]

---

[5] См. наиболее подробное ее рассмотрение в кн.: *Кляйн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010.

[6] См. о влиянии процессов нациостроительства на литературную коммуникацию: *Андерсен Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 33—59.

[7] См. о модели кружковой коммуникации: *Тодд III У. М.* Литература и общество в эпоху Пушкина. СПб., 1996. См. также о полемиках вокруг категории народности и нации: *Бадалян Д. А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. СПб., 2006. С. 108—122; *Агейкина И. Н.* Идеологемы «народ» и «народность» в русской публицистике XIX в. // Вестник РГГУ. 2008. № 11. С. 228—237; *Миллер А. И.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII — середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700—1917). М., 2010. С. 42—66.

[8] *Велижев М. Б.* «Вестник Европы» в литературной и общественной жизни второй половины 1800-х гг.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004.

[9] См.: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 187—266.

Отечественная война 1812 г. затронула всё российское общество и превратила идеал национальной консолидации в конкретную социально-политическую задачу. Это глубоко повлияло на состояние литературной коммуникации, которая, с одной стороны, оказалась затруднена в связи с военным положением и затем оккупацией Москвы, важнейшего культурного центра империи, но, с другой, приобрела особую значимость и интенсивность, отражая общую заинтересованность в новостях с театра военных действий, в обсуждении настоящего и будущего страны. Журналистика и книгоиздание этой эпохи неоднократно становились объектом описания[10], поэтому подчеркнем лишь ряд важнейших аспектов, необходимых для понимания коммуникативного фона «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н. М. Кугушева.

Прежде всего, в годы войны сократилось количество журналов. Продолжали издаваться лишь несколько старых: санкт-петербургские «Чтения в Беседе любителей русского слова», московские «Вестник Европы», «Русский вестник» и «Друг юношества», и два новых — «Санкт-Петербургский вестник», основанный в начале 1812 г., и «Сын отечества», начавший, с одобрения императора, выходить в северной столице с октября 1812 г. Из них часть являлась кружковыми органами и имела явственные черты альманаха, нацеленного не столько на внешнюю коммуникацию, сколько на отражение внутренней жизни Вольного общества любителей словесности, наук и художеств («Санкт-Петербургский вестник»), Беседы любителей русского слова («Чтения») и московского масонского круга М. И. Невзорова («Друг юношества»)[11]. Отражение современных событий на их страницах имело фрагментарный характер, в том числе в виде поэтических публикаций, приобретавших характер концентрированного выражения общенационального духа.

Полноценных органов освещения и обсуждения войны было всего три: «Русский вестник», «Вестник Европы» и «Сын Отечества». Они демонстрировали разные подходы к репрезентации материала и ориентировались на отличные читательские группы. Для «Русского вестника» и «Вестника Европы» аудиторией выступал провинциальный помещик, «Сын Отечества» 1812—1813 гг. адресовался всему образованному национальному сообществу. Кроме того, московские журналы позиционировались как литературно-публицистические, в особенности «Вестник Европы», в годы редактирования В. А. Жуковского приобретший характер в первую очередь художественного издания[12]. В «Русском вестнике» доминировала скорее

[10] См., в частности: *Березина В. Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965. С. 41—49; *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 215—232; Листовки Отечественной войны 1812 года. М., 1962; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967.

[11] К подобным изданиям 1812 г. можно добавить ещё несколько — московские «Труды Общества любителей российской словесности» и откровенно дилетантский авторский журнал «Муза, или Собеседник любителей древнего и нового стихотворства и вообще словесности, издаваемый И. И. Сиряковым».

[12] См. подробнее: *Велижев М. Б.* Указ. соч.; *Киселёв В. С.* Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII — первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 322—358.

публицистика, ориентированная, однако, не на сиюминутный контекст, не на детальное осмысление сложившейся политической ситуации, а на морально-патриотическое воспитание, использующее современные события как урок и пример. Для «Сына Отечества» главным был новостной блок, усиленный приложениями с публикацией журнала военных действий, часто эксклюзивного характера, а затем и особым бюллетенем «Политический листок». Фоном для новостей выступал обширный публицистический раздел с актуальными идеологическими материалами, отражавшими общественные настроения и предпринимавшими опыты целостного осмысления текущей политики («Глас истины» Э. М. Арндта, «Отступление французов» Э. Х. А. фон Пфуля и др.). Разница подходов влияла и на роль поэтических текстов о войне: в «Вестнике Европы» они занимали скромное место, хотя и отличались высоким уровнем и художественной обобщенностью (стихи В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина); «Русский вестник» печатал их из номера в номер, в первую очередь оды издателя С. Н. Глинки, и они становились своеобразной хроникой патриотических настроений; в «Сыне Отечества», где иные художественные материалы отсутствовали, регулярный поэтический блок, помещаемый в конце номера, служил эмоциональной кодой и часто обнаруживал параллелизм новостному разделу.

Последняя тенденция — сближение поэзии и новостных материалов, удовлетворявших общую потребность публики в быстром осмыслении событий, — ощущалась не только в журналах, но и в оперативных формах печати — газете, листовке, брошюре, получивших бурное развитие в 1812—1813 гг., в том числе благодаря Военно-походной типографии Главной квартиры штаба русской армии. Организованная в июле 1812 г., она печатала как агитационную публицистику, листовки и брошюры, разоблачавшие наполеоновскую политику и адресованные солдатам Великой армии и европейской публике, так и материалы, освещавшие в официальном ключе ход военных действий и предназначенные отечественному читателю на фронте и в тылу («Журнал военных действий», патриотические листовки)[13]. В число последних входили и художественные тексты разных жанров от басен И. А. Крылова до лубочного «Послания Серединской станицы козака Ермолая Гаврильевича к атаману своему Матвею Ивановичу»[14].

Главная квартира выступала основным поставщиком военной информации, но в дальнейшем, а иногда и опережая Военно-походную типографию («Список пленных французских генералов», воззвание М. И. Кутузова к жителям Пруссии, опу-

[13] См. о ее работе: *Лотман Ю. М.* Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность; *Тартаковский А. Г.* Указ. соч.

[14] См. опыт их анализа в серии статей И. Ю. Фоменко: *Фоменко И. Ю.* Редкие издания Военно-походной типографии (1812—1815) в фонде Музея книги Российской государственной библиотеки // Русская литература. 2002. № 1. С. 249—251; *Фоменко И. Ю.* «Большая походная сума» — редкое издание Военно-походной типографии // Отечественная война 1812 года: Источники, памятники, проблемы: Материалы XII Всероссийской научной конференции. М., 2005. С. 348—352; *Фоменко И. Ю.* Военно-походная типография и стилистические поиски первой четверти XIX в. // Отечественная война 1812 года: источники, памятники, проблемы: материалы XIII Всероссийской научной конференции. М., 2006. С. 70—79.

бликованные в «Сыне Отечества»), она распространялась в газетах и журналах, вступавших в своеобразную конкуренцию, как произошло в случае «Сына Отечества», имевшего благодаря поддержке правительства первоочередной доступ к известиям с фронта, и газеты «Русский инвалид» П. П. Пезаровиуса, перехватившей в 1813 г. эту инициативу. Сближение газеты и журнала отозвалось в изменении журнальной структуры, наиболее очевидной в «Сыне Отечества», номера которого обычно сопровождались приложениями-листовками, где иногда размещались и поэтические тексты («На погребение генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского» Н. Ф. Остолопова, «Завещание Н. Бонапарте» А. Е. Измайлова и др.). В свою очередь влияние журнала испытала на себе малоформатная печать. Только за 1812 г. в обеих столицах вышло более 50 брошюр, воспроизводивших журнальные материалы («Отступление французов» Э. Х. А. фон Пфуля и др.) или близких к ним по жанру (памфлеты, воззвания, афиши, рассуждения)[15]. В их число входили и стихотворные тексты, нередко имевшие параллельные версии — журнальную и книжную («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» П. И. Голенищева-Кутузова, «Ода на случай войны с французами 1812 года» М. И. Невзорова и мн. др.). Подобные произведения сохраняли в своей семантике элементы журнального контекста и, как правило, циркулировали в литературной среде, связанной с определенным кружком и его главным печатным органом («Беседа любителей русского слова», «Друг юношества» и т. п.). Непременным их элементом выступала и агитационная установка, выражение патриотических чувств и осмысление текущих событий в свете определённой идеологии (националистической, религиозно-мистической, либеральной).

II

Таким образом, можно констатировать, что «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» собрало под своей обложкой тексты, генетически связанные с определенными формами социокультурной коммуникации военного времени. Начать их обзор стоит с книжных малоформатных публикаций. Как свидетельствует «Опыт каталога всем отдельным сочинениям… об Отечественной войне 1812 года» И. П. Липранди, в этот период вышло в свет около 100 подобных поэтических изданий. Н. М. Кугушев достаточно полно представил в сборнике их спектр. В состав антологии вошло 27 стихотворений, напечатанных в 1812—1814 гг. в виде отдельных брошюр или в их составе. Они существенно отличались по художественному уровню: здесь соседствовали знаменитые «Певец во стане русских воинов» и «К князю Смоленскому» В. А. Жуковского, «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина, рядовые образцы одического творчества П. И. Голенищева-Кутузова, Н. П. Николева и М. И. Невзорова, наконец, вполне дилетантские тексты Д. П. Глебова, С. В. Юшкова, И. В. Попова и других.

[15] См.: *Липранди И. П.* Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М., 1876.

Отдельных публикаций последнего типа в годы войны было много (оды С. В. Салтыкова, Е. А. Кушелева, Г. В. Геракова и пр.), и из них составитель выбрал в первую очередь московские, очевидно, более ему доступные, и отличавшиеся объёмностью, как обширные «Сражение при Бородине. Эпическая песнь» (М., 1813) Д. П. Глебова и «Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесённые ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих» (М., 1813; второе изд. М., 1814) свящ. М. Аврамова (М. А. Знаменского).

При разном эстетическом достоинстве совокупность стихотворений, извлечённых из отдельных публикаций, отражала общую установку подобных изданий. В XVIII столетии они являлись привычным элементом системы литературного патронажа и, как правило, были нацелены прежде всего на восприятие адресата-покровителя и только потом широкой публики. На рубеже веков это соотношение существенно изменилось в пользу образованного общества, оставив открытую комплементарность дилетантской словесности. Отечественная война 1812 года создала новую ситуацию, когда субъектом исторического действия выступили не только отдельные лица — император, полководцы, вельможи, но и нация в целом. Это превращало поэтические брошюры из репрезентации персонального мнения в выражение общего духа, объединявшего автора и предполагаемого адресата, чаще всего коллективного. Показателем патриотической переориентации выступали, в частности, посвящения. Так, из текстов, напечатанных в «Собрании», Н. М. Карамзин посвятил «Освобождение Европы» «московским жителям», Д. П. Глебов адресовал «Сражение при Бородине» «храброму российскому воинству», И. В. Попов «московским гражданам». Безусловно, много было од и старого, «патронажного» образца, вроде «Оды его императорскому величеству государю императору Александру Первому на покорение столицы Франции победоносным его оружием» (М., 1814), которую «с чувствованиями и сердцем, его славою восхищёнными, благоговейно» посвящал «верноподданный Павел Г. Кутузов». Тем не менее и в них комплементарная установка не заслоняла ориентации на общественное мнение.

Со всей очевидностью изменение социокультурных функций отразилось в знаковых отдельных публикациях эпохи — «Певце во стане русских воинов» В. А. Жуковского (СПб., 1813, два издания) и «Освобождении Европы и славе Александра I» Н. М. Карамзина. «Певец» создавался в круге А. С. Кайсарова и был связан с пропагандистской работой Военно-походной типографии[16]. Включённость автора в события, близость к участникам сражений акцентировалась подзаголовком «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине», сохранённым в «Собрании»[17].

[16] См. о деятельности В. А. Жуковского во время Отечественной войны: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. С. 71—75; *Березкина С. В.* А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова (По неопубликованным воспоминаниям Н. А. Старынкевича) // Русская литература. 1986. № 1. С. 138—147.

[17] Во втором отдельном издании «Певца» это указание было перенесено в примечания. Ср. подзаголовок к стихотворению «К князю Смоленскому» (СПб., 1813) «Писано после сражения под Красным» (не сохранен в «Собрании»).

Особое значение имели и черты хроникальности, следование за свежими событиями, подвигами героев, складывавшимися в куплетно раздвигающийся ряд поэтических биографий. Наконец, сама центральная сюжетная ситуация текста — поэт, находящийся в окружении воинов и исполняющий для них песнь, — меняла одическую вознесённость над аудиторией на равное дружеское общение, подчёркнутое лексикой единства («наш союз», «друзья», «братья»). Какая-либо персональная адресация не вписывалась в коммуникативную структуру «Певца», что, очевидно, почувствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна, не одобрив замысел В. А. Жуковского посвятить ей второе издание (вышло в конце октября 1813 г.)[18]. И действительно, стихотворение уже в 1813 г. стало общенациональным достоянием, разойдясь на крылатые слова, цитаты в журналах, вызвав массу подражаний[19], помещённых в том числе и в «Собрании» Н. М. Кугушева («Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И. В. Попова, анонимный «Певец на гробах братьев-воинов россиян»).

«Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина, посвящённое взятию Парижа и отречению Наполеона, подводили итог Отечественной войне и заграничным походам. Историограф, признанный глава новой литературы, в 1812—1813 гг. фактически ничего не печатал, хотя очень внимательно следил за новостями и современной публицистикой[20]. Публикация его стихотворения, разошедшаяся в двух изданиях и продублированная в «Вестнике Европы», воспринималась как попытка оценить общий смысл эпохальных событий. Знаменательно, что Н. М. Карамзиным одновременно задумывался исторический труд об Отечественной войне, от которого сохранились предварительные заметки («Мысли для истории Отечественной войны»)[21]. Обобщающая точка зрения тем не менее не превращала оду в тяжеловесный идеологический манифест, а адресовалась равному собеседнику, пережившему те же события, на что нацеливало посвящение, не воспроизведенное в «Собрании»:

> С вами, добрые москвитяне, провел я четверть века и лучшее время моей жизни; с вами видел грозу над сею столицею Отечества; с вами ободрялся великодушием достойного нашего градоначальника; с последними из вас удалился от древних стен Кремлевских — и с вами хожу ныне по священному пеплу Москвы, некогда цветущей. Сердце моё принадлежит вам более, нежели когда-нибудь. Во дни тревоги и бедствий

[18] См.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. М., 1999. Т. 1. С. 597 (комментарий А. С. Янушкевича).

[19] См. о восприятии современников: *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Вып. 9. Томск, 1983. С. 3—23; *Янушкевич А. С.* В мире Жуковского. М., 2006. С. 110, 115—116.

[20] См. о деятельности Н. М. Карамзина в этот период: *Дурылин С. Н.* Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. М., 1943. С. 74—81; *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. С. 278—279; *Эйдельман Н. Я.* Последний летописец. М., 1983. С. 77—79.

[21] См.: *Пигарев К. В.* Неосуществленный замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 292—293.

видел я вашу доблесть: лица горестные, но ознаменованные твёрдостию; слёзы, но слёзы умиления, всегда исчисляемые Отцом небесным: они были для тирана Европы гибельнее самого оружия героев российских. Примите жертву моей искренности. Счастлив буду, если, пользуясь остатком дней моих и способностей, успею изобразить на скрижалях истории чудесную, беспримерную славу Александра I и нашу: ибо слава монарха есть народная[22].

Сопоставление узурпатора Наполеона и освободителя Александра, содержавшее очевидный «урок» царю, наставление русскому императору на будущее, сопровождалось в оде постоянной актуализацией общего исторического опыта и предполагало как прочный эмоциональный контакт, так и вовлечение читателя в совместную рефлексию. Судьба центральных героев ставилась автором в зависимость от исторических судеб нации, которая являлась и главным действующим лицом, и основным адресатом текста[23].

На фоне отдельных изданий В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина, чьи тексты вынесены в кугушевском «Собрании» в начало первой части и в конец второй, в сильные композиционные места, остальные публикации имели очевидный кружковый характер, хотя и в них ощущалась установка на консолидацию аудитории, на обращение через «группового» читателя к нации в целом. Примечательным образцом здесь служат вполне дилетантские «Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И. В. Попова (М., 1813; второе изд.: М., 1814) и миниальманах «Знай русских!» (М., 1813). Как вспоминал К. А. Полевой, автор первой брошюры «званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков <…> и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых <…> он был самый жалкий писатель и рифмотворец, исписавший горы бумаги»[24]. Колоритным эпизодом его биографии выступила и публикация «Певца», сопровождённая эпиграфом из претекста В. А. Жуковского и предисловием, где описывались обстоятельства создания: песнь предназначалась для исполнения на празднике московских купцов в годовщину освобождения Москвы. Примечательно, однако, что текст для кружкового слушателя И. В. Попов мыслил частью общенациональной истории:

В угождение их воле и по желанию собственному сия Песнь написана мною 6 числа того же октября, т. е. в самый тот день, в который полночные герои наши <…> довершили священнейший подвиг праведного мщения <…> — в достопамятнейший день единственной в летописях мира битвы Лейпцигской, коей благодетельные следствия

[22] Освобождение Европы и слава Александра I. Стихотворение Н. Карамзина, посвящённое московским жителям. Второе издание. Продается в пользу С.П.Б. женского патриотического общества. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1814. (Ценз. разр. от 19 июня 1814 г.). С. 3—4.

[23] См. подробнее о поэтике и проблематике оды: *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского. С. 6—8; *Фризман Л. Г.* 1812 год в русской поэзии. М., 1987. С. 44—46.

[24] *Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1. С. 106.

неизобразимы. <…> Радуюсь ото всего сердца, что всеконечное поражение злодеев всемирных, совершённое на равнинах лейпцигских, видел я в душе своей, находясь в стенах Москвы и — первый воспел оное[25].

Лубочная брошюра «Знай русских!» являлась уже непосредственным образцом коллективного творчества. Она была составлена из семи небольших анонимных произведений, отзывавшихся на победы русских войск и воплощавших общее, не нуждающееся в персонификации, мнение о смысле и ходе войны. Из этих текстов в «Собрание» вошли четыре: «Акростих на новый 1813 год»[26], «Совет русского французам, народная песня», «Надпись короновавшемуся железною короною» и «Надгробие французам на Руси». Помещённые в конце антологии, они воспринимались как выражение национального духа и народной мудрости, видящей в поражении французов провиденциальный знак превосходства россиян. Характерной чертой миниальманаха «Знай русских!» являлась и стилизация под фольклорные формы песни, паремии, под простонародно-диалектный дискурс («Мысли украинского жителя о нашествии французов, малороссийская ода»), сохраненная в «Собрании» и органично вписывавшаяся в контекст других «русских песен».

Подобные формы циклизации были характерны и для «высокой» литературы. Так, в кугушевскую антологию вошли стихи из брошюр Н. П. Николева «Три лирические стихотворения» (М., 1814) и М. И. Невзорова «Три оды» (М., 1814). Обе они соединяли тексты, ранее напечатанные в журналах[27] и посвящённые разным эпизодам Отечественной войны, в плотное тематическое целое, за которым вырисовывалась картина общей исторической судьбы, переживаемой автором и его аудиторией. Особенно выразительно это звучало в брошюре Н. П. Николева, связанной образом слепого поэта, чьи личные страдания усугубляются бедствиями родины. Н. П. Николев, который до последнего момента в своем подмосковном поместье «помогал и утешал бедный народ, а при том принимая, кормя, поя, леча и похороняя ежедневно приходящих ко мне раненых и умирающих»[28], после оставления Москвы бросил всё свое имущество и с трудом добрался до Тамбова, где и были созданы стихотворения, вошедшие в брошюру («Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытия его величества в Москву июля 12 дня», «Гимн песнопевца, сочинённый в Тамбове по изгнании всеобщего врага

[25] *Попов И. В.* Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года. М.: В типографии С. Селивановского, 1814. С. 2. (Ценз. разр. 22 мая 1814 г.)

[26] «Акростих на новый 1813 год» принадлежал перу Н. Д. Иванчина-Писарева и был опубликован ранее в «Вестнике Европы» (1812. Ч. 66. № 23/24. С. 197).

[27] О чем, например, предуведомлял читателя М. И. Невзоров в примечании к «Оде на чудесные российские победы»: «В первый раз напечатано в апреле месяце «Друга юношества и всяких лет 1814 года» (Три оды. Сочинение Максима Невзорова. М.: В университетской типографии, 1814 (без даты ценз. разр.). С. 11).

[28] Письма русских писателей XVIII века. Л., Наука, 1980. С. 410 (письмо Д. И. Хвостову от 5 ноября 1812 г.).

из пределов российских», «Ода победам российского воинства»), а затем в «Собрание» Н. М. Кугушева.

В целом стихотворения, извлечённые из отдельных публикаций, занимали в антологии значительное место. Среди ещё не упоминавшихся это «Любовь к Отечеству. Ода» А. Писарева (СПб., 1812), «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года» (М., 1812), «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного отечества» (М., 1813), «На взятие Парижа. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великого государя императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона» (М., 1814) П. И. Голенищева-Кутузова, «Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» (СПб., 1812) Н. Ф. Остолопова, «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» (М., 1813) Д. П. Глебова, «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» (Харьков, 1813) С. В. Юшкова, «Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесённые в царство мёртвых князем Смоленским» (СПб., 1813; второе изд.: СПб., 1814) Г. А. Окулова, «Наполеонов бостон» (СПб., 1813) Я. О. Пожарского. В совокупности они создавали в кугушевском «Собрании» фон активного персонального участия в литературной коммуникации, стремления литераторов разного уровня, мировоззрения, художественных ориентаций обратиться к национальной аудитории напрямую, быстро откликаясь на текущие события. Их универсальной формулой становился образ «поэта среди сограждан».

III

Эту коммуникативную установку журналистика, основной источник «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», превращала в реальное «хоровое» единство. Поэтические тексты, отобранные Н. М. Кугушевым, были опубликованы в шести журналах: «Русский вестник», «Сын отечества», «Вестник Европы» (26 стихотворений), «Друг юношества» (12 стихотворений), «Чтения в Беседе любителей русского слова» (6), «Санкт-Петербургский вестник» (2). Подавляющая часть пришла на страницы антологии из «Русского вестника» и «Сына отечества», самых популярных изданий эпохи — соответственно 55 и 48 текстов[29]. Составитель заимствовал из журналов 1812 — начала 1814 гг. большинство значимых стихотворений, связанных с Отечественной войной и заграничными походами, и память о первоначальных публикациях вполне сохранялась в сознании аудитории.

Более того, она выступила и значимым аргументом для критиков в дискуссии, завязавшейся с подачи П. М. Строева: «С сожалением должны мы сказать, что сие собрание стихотворений, взятых из разных журналов и особых книжек, не может назваться хорошим. Между прекрасными стихотворениями помещены самые по-

[29] Здесь нужно учитывать, что целый ряд стихотворений имел параллельные публикации в нескольких журналах, а также отдельных изданиях.

средственные и дурные без всякого разбора. Притом число первых весьма невелико, а последние занимают большую часть сей книги»[30]. В ответ М. И. Невзоров переадресовал упреки в низком уровне многих стихов самим журналам, из которых они были заимствованы: «<…> немало стихотворений в книге сей помещено из "Сына Отечества", которого издатель, по моему мнению, равнодушно не вытерпит, когда бы кто сказал, что он в журнал свой помещает самые посредственные и самые дурные стихотворения. <…> Остальная часть стихотворений в сей книге выбрана из «Вестника Европы» и других журналов, которых издатели могут сами за себя отвечать, таковые ли помещаются ими стихотворения, какими называет их г. критик»[31].

Перенос ответственности за уровень художественных текстов с составителя антологии на редакторов журналов был наследием кружковой коммуникации: большинство журналов эпохи отражали групповые мнения и печатали произведения вполне определенного ряда авторов. От этой традиции в 1812—1813 гг. существенно отступал лишь «Сын Отечества» Н. И. Греча, санкт-петербургское еженедельное издание, имевшее публицистически-новостной характер. Художественные произведения здесь занимали периферийное место и не подвергались «кружковому» отбору. Среди поэтов «Сына Отечества» мы встретим представителей разных литературных обществ, групп, выразителей далёких друг от друга художественных программ: «беседчиков» и архаистов Г. Р. Державина, А. А. Волкову, Д. И. Хвостова, Н. П. Николева, С. Н. Марина, Д. П. Горчакова, карамзинистов В. Л. Пушкина, П. И. Шаликова, А. П. Бунину, В. А. Жуковского, членов «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» И. А. Кованько, А. Х. Востокова, Н. Ф. Остолопова, А. Е. Измайлова, А. А. Писарева, М. В. Милонова и многих других (Ф. Н. Глинку, Ф. Ф. Кокошкина, А. В. Аргамакова, Г. Г. Волкова, Н. И. Ильина, П. А. Корсакова, И. И. Ламанского). В их стихотворениях вряд ли можно найти общую эстетическую основу. Объединяла их коммуникативная направленность: в контексте журнала они становились элементами пёстрой современной хроники, быстрым отзывом на текущие события. Основная часть поэтических текстов «Сына Отечества» были стихотворениями «на случай», написанными по поводу конкретного военного эпизода.

Это способствовало тематической циклизации. В журнале легко выделяются поэтические блоки, посвящённые актуальному событию. Так, в составе первой части, номера которой вышли в свет в октябре-ноябре 1812 г., был помещён целый ряд стихотворений о наполеоновской оккупации и освобождении Москвы — «Солдатская песня» И. А. Кованько (№ 1), «Освобождение Москвы» Д. И. Хвостова (№ 4), «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского (№ 5), «Солдатская песня» Н. И. Ильина (№ 6). В этих и следующих выпусках 1812 г. предметом поэтической

[30] Сын Отечества. 1814. Ч. 18. № 38. С. 243.

[31] *Невзоров М. И.* О новой книге: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света, на 1814 год. Ч. III. Кн. 1—2. Июль, август. С. 167.

рефлексии стал тарутинский манёвр и перипетии отступления французов — «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» И. А. Кованько (№ 5), «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н. Н. Язвицкого (№ 6), «Ода на победы над врагами» С. Н. Марина (№ 8), «Чувствования россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества» А. А. Волковой (№ 9), «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф. Ф. Кокошкина (№ 9) и др. Хроникальное начало усиливалось оперативной публикацией. Многие стихи «Сына отечества» точно датированы авторами и напечатаны «по свежим следам», как «Солдатская песня» (15 сентября 1812 г.) и «Ода на бегство Наполеона…» (29 октября 1812 г.) И. А. Кованько, «Освобождение Москвы» (28 октября 1812 г.) Д. И. Хвостова, «Стихи, писанные по прочтении известия…» (3 ноября 1812 г.) Н. Н. Язвицкого и пр. Еще одним элементом «репортажного» подхода становились тексты с передовой, вроде «Авангардной песни» Ф. Н. Глинки, сопровождённой подзаголовком «Сочинена во время командования авангардом главной армии графом Михаилом Андреевичем Милорадовичем. В Бунцлау марта 16 1813» и примечанием «Доставлена из главной квартиры российской армии» (1813. Ч. 6. № 26. С. 306).

Подобные поэтические материалы органично встраивались в тематическое целое отдельного номера или части, где обнаруживали связи как с новостным блоком, так и с блоком публицистическим. Это особенно остро чувствовалось в первых выпусках, где раздел новостей с фронта ещё не приобрёл позднейшего оперативного вида или вообще отсутствовал. Его функции частично выполняла рубрика «Смесь», куда входили отрывки из писем, случаи-анекдоты, выдержки из иностранных газет и книг. Частью пестрой панорамы становились и стихотворения, создававшие лирическую версию того или иного события — смерти П. И. Багратиона («Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» (1812. Ч. 1. № 2) Н. Ф. Остолопова), успехов П. Х. Витгенштейна («Стихи графу Витгенштейну на одержанные им над французами победы» (1812. Ч. 1. № 4) А. А. Волковой), символических эпизодов Бородинского сражения («Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в августе 1812 года» (1812. Ч. 1. № 6) К. З-ского)[32].

Здесь иногда возникали и прямые переклички текстов. Так, в «Смеси» № 4 за 1812 г. была опубликована заметка «Кончина Захарова», посвящённая героической смерти гвардейского капитана на Бородинском поле. Через несколько месяцев А. П. Бунина отозвалась на этот случай в стихотворении «На смерть капитана гвардейской артиллерии Ростислава Ивановича Захарова», помещённом в № 12 за 1813 г. Целую серию подобных откликов вызвала смерть М. И. Кутузова, сообщение о которой было напечатано в «Смеси» № 20 за 1813 г. (с. 37—43). Своеобразным

[32] См. о последнем: *Фоменко И. Ю.* Бородинское сражение в русской поэзии. Первые отклики // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы XII Международной научной конференции. Можайск, 2008. С. 49—58.

продолжением некролога выступила «Песнь барда на кончину князя Г. К. Смоленского» П. А. Корсакова (с. 44—46), а в других номерах на утрату полководца отозвались А. Е. Измайлов («На кончину генерал-фельдмаршала князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского», Ч. 5. № 19), М. В. Милонов («Мысли при гробе князя Кутузова-Смоленского», Ч. 6. № 24), чьё стихотворение следовало за сообщением о погребении М. И. Кутузова 13 июня 1813 г. в Казанском соборе (с. 208), Н. Ф. Остолопов («На погребение генерал-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского», прибавление № 8 от 13 июня 1813 г.).

Хроникальное начало совмещалось в «Сыне Отечества» с нацеленностью на идеологическое осмысление событий, выявление их актуального политического значения, причём журнал не стремился воплощать единую жесткую систему взглядов, как «Русский вестник» С. Н. Глинки. Публицистика «Сына Отечества», занимавшая центральное место в каждом номере, существенно эволюционировала, отражая изменение общественного сознания. Так, идеологемы народной войны, общенационального сопротивления задавали тон номеров 1812 г. («Глас истины» Э. М. Арндта, «Глас русского», «Послание к русским» А. П. Куницына), в ходе заграничных походов на первое место постепенно вышли образы императора и полководцев, воплощавших в себе национальный дух («Отступление французов» Э. Х. А. фон Пфуля, «Воззрение на войну Франции с десятью европейскими державами противу России 1812 года», «Обозрение кампании 1812 года, с 12 июня по 31 декабря» и др.), наконец ко второй половине 1813 г. вполне сложилась концепция божественного спасения России, ведомой историческим Промыслом («Слово, говорённое при гробе князя Смоленского» и «Рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне» архимандрита Филарета)[33]. Как орган, имевший целью «опровержение вредных толков насчёт хода происшествий» и «сосредоточение патриотических мнений»[34], «Сын Отечества» выступил инструментом формирования общественного мнения, рождавшегося из хора отдельных голосов.

Поэтические тексты журнала служили переходным звеном между публицистикой и эмпирически-новостным материалом, плотно встраиваясь в проблемно-тематическую структуру номеров. Среди них мы не найдём этапных стихотворений, предлагавших новые художественные формы для идеологического осмысления

[33] См. о них подробнее: *Тартаковский А. Г.* Из истории русской военной публицистики 1812 г. // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962. С. 109—114; *Тартаковский А. Г.* Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 232—254. Ср. также: *Степанов Н. Л.* «Сын Отечества» // Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1. С. 199—210. *Михайловская Н. М.* Журнал «Сын Отечества» периода Отечественной войны и становления декабризма (1812—1818) // Ученые записки Удмуртского педагогического института. 1956. Вып. 9. С. 57—83; *Войнич Л. В.* Журнал «Сын Отечества» в литературной и общественной борьбе 1812—1825 гг.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Киев, 1986; *Федотова Л. В.* Образ Наполеона на страницах журнала «Сын Отечества» в период Отечественной войны 1812 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2009. № 2. С. 137—143.

[34] Цит. по кн.: *Мордовченко Н. И.* Журналистика начала XIX века // История русской литературы: В 10 т. М., 1941. Т. 5. Ч. 1. С. 50.

событий, и эта усредненность, оперирование устоявшимися стилевыми, жанровыми, сюжетно-образными средствами помогала интеграции с ярким публицистическим разделом, лирически усиливая его риторику. Так, апелляция к патриотическому духу, призывы к национальному единению, к народной войне, характерные для публицистики конца 1812 г. находили продолжение в стихах, стилизованных под народные песни («Солдатская песня» И. А. Кованько, «Солдатская песня» Н. И. Ильина, «Песня к русским воинам» некоего «отставного из Фанагорийского гренадерского полку солдата Никанора Остафьева» (1812. Ч. 1. № 3) и др.), в обращении к форме патриотического гимна («К россиянам. Дифирамб» А. Х. Востокова, 1812. Ч. 1. № 4), в воскрешении сюжетов Смутного времени, связанных польской интервенцией и ополчением («Освобождение Москвы» Д. И. Хвостова). В дальнейшем на первый план выдвинулись «персональные» жанры, либо выражавшие личное патриотическое чувство автора, либо посвящённые определённому герою заграничных походов. Первые представлены «Чувствованиями россиянки» и «Стансами» (1812. Ч. 2. № 11) А. А. Волковой, стихами «На бегство Наполеона с остатком войск его» Ф. Ф. Кокошкина (1812. Ч. 2. № 9), «Прощанием с 1812 годом декабря 12 во всерадостный день рождения его императорского величества» А. Х. Востокова (1812. Ч. 2. № 10), «Моей молитвой» Н. Ф. Остолопова (1813. Ч. 3. № 4), «К жителям Нижнего Новгорода» В. Л. Пушкина (1813. Ч. 4. № 8) и т. п. Ряд «портретных» текстов был не менее широк, превращая «Сына Отечества» в своеобразную галерею 1812 г. Помимо центрального героя — М. И. Кутузова, эталонный образ которого создал В. А. Жуковский в послании «Князю Смоленскому» (1813. Ч. 3. № 5)[35], это П. И. Багратион («Лирическая песнь…» Н. Ф. Остолопова, эпитафия Д. И. Хвостова (1813. Ч. 5. № 18), П. Х. Витгенштейн («Стихи графу Витгенштейну» А. А. Волковой, «К портрету графа Витгенштейна» Г. Р. Державина (1812. Ч. 1. № 6), Р. И. Захаров («На смерть капитана… Захарова» А. П. Буниной) и др. Только тема Божественного промысла, спасшего Россию от иноземного нашествия, не нашла в «Сыне Отечества» подробной поэтической разработки, хотя её мотивы, конечно, появлялись в ряде стихотворений от «Моей молитвы» Н. Ф. Остолопова до «Оды на всерадостное известие о покорении Парижа» В. В. Капниста (1814. Ч. 13. № 17).

Таким образом, блок стихотворений, заимствованных Н. М. Кугушевым из санкт-петербургского журнала, сохранял тесную связь с хроникой Отечественной войны и актуальной патриотической публицистикой, внося в «Собрание» отзвуки оперативной новостной коммуникации.

IV

В отличие от журнала Н. И. Греча «Русский вестник» был изданием авторским и обладавшим достаточно долгой историей. Он издавался С. Н. Глинкой с 1808 г., и к началу Отечественной войны публика хорошо представляла систему взглядов, исповедуемых редактором. Если «Сын Отечества» был органом, отражавшим раз-

[35] Напечатано также в «Вестнике Европы» (1812. Ч. 66. № 21/22) и в отдельном издании (см. выше).

ные стороны общественного мнения, то «Русский вестник» 1812—1814 гг. последовательно продолжал программу патриотического воспитания, обнаружившую особую актуальность в условиях внешней угрозы и национальной консолидации. Стихотворения из этого журнала составляют треть исследуемой антологии, что позволяет сделать вывод не только об особой популярности издания, но и о близости Н. М. Кугушеву идейно-художественных установок С. Н. Глинки. Поэзия «Русского вестника» благодаря своей содержательной цельности выступила своеобразной основой «Собрания».

Идеология журнала уже становилась предметом подробного описания в работах И. И. Замотина, Л. Н. Киселевой, А. Мартина и Е. Б. Мирзоева[36], поэтому подчеркнём лишь главные её моменты, существенно сказавшиеся в поэтическом разделе. Идеалом С. Н. Глинки являлась «семейственная» монархия, призванная преодолеть рознь сословий отечески-сыновними отношениями, самоотверженным исполнением обязанностей каждым гражданином национального сообщества от царя до крестьянина. Служение «общему делу» обретало высшую санкцию в лице Божественного Провидения, перед которым все люди и сословия мыслились равными. Подобное гражданско-религиозное единство представляло собой особый национальный мир, специфически русский, имеющий древние истоки, но расколотый петровскими реформами и нуждающийся в восстановлении. «Русский вестник» рассматривался издателем как одно из орудий национального объединения, как средство воспитания образованного сословия в идеалах православия, социальной филантропии, служения Отечеству — и как орган опровержения разрушительных революционных веяний с их материалистическими концепциями, требованиями социального равенства, космополитической культурой. Журнальная форма позволяла С. Н. Глинке не разворачивать эти положения в системном виде, а развивать их, отталкиваясь от разнообразного материала — исторического, документального, художественного. Одним из компонентов здесь выступала и поэзия, в первую очередь стихи самого издателя, публиковавшиеся фактически в каждом номере.

Лирические тексты не выделялись в журнале в особый раздел, а прослаивали прозаические статьи, что подчеркивало их содержательные переклички. Более того, стихи часто выполняли функции публицистически-новостных материалов, поскольку прямое обсуждение политических тем, в особенности внешней политики, цензурой не допускалось. В годы Отечественной войны этот запрет отпал, но доступа к свежим новостям с фронта у С. Н. Глинки, в отличие от издателя «Сына

[36] *Замотин И. И.* «Русский вестник» Глинки // Отечественная война и русское общество. 1812—1912. М., 1912. Т. 5. С. 130—138; *Киселёва Л. Н.* Система взглядов С. Н. Глинки // Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. (Учёные записки Тартуского университета. Вып. 513. = Труды по русской и славянской филологии. XXXII. Литературоведение). С. 52—72; *Martin A. M.* The Family Model of Society and Russian National Identity in Sergei N. Glinka's Russian Messenger (1808—1812) // Slavic Review. 1998. Vol. 57. № 1. P. 28—49; *Мирзоев Е. Б.* С. Н. Глинка против наполеоновской Франции. У истоков консервативно-националистической идеологии в России. М., 2010.

Отечества», не было, и его основным источником выступали правительственные известия и манифесты. Следует принять во внимание и то, что 10—12 номера 1812 г. из-за оккупации Москвы выходили с опозданием, уже в начале 1813 г., что лишало их новостной актуальности (№ 8—9 вышли в свет в июле 1812 г.). В результате стихи редактора и его корреспондентов превращались в своеобразную идеологическую хронику, будучи сопровождены ещё и частыми развёрнутыми примечаниями-микростатьями, усиливающими их публицистическое звучание. Далеко не все они вошли в состав кугушевской антологии, однако более 20 текстов С. Н. Глинки, самый большой авторский корпус «Собрания», и 35 стихов других поэтов откликались на ряд важных идеологических событий эпохи, предлагая их осмысление в духе патерналистско-православного монархизма и национализма.

Так, редактор с воодушевлением воспринял официальные знаки изменения внешней политики и в последних весенних номерах 1812 г. приветствовал приготовления к войне с наполеоновской Францией («Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» (1812. Ч. 18. № 4), «Стихи на выступление гвардейских полков из Санкт-Петербурга» (1812. Ч. 18. № 4), «Стихи на отъезд государя императора из С.-Петербурга по отпетии путешественного молебствия в Казанском соборе» (1812. Ч. 18. № 5), рассматривая их как призыв к национальной консолидации вокруг царя и веры:

Монарх! Одно твое реченье
Есть щит, есть царства огражденье.
Ты рек, властитель наш, отец:
«Сыны! Отечество спасайте,
Россию, веру защищайте!»

Где Бог — властитель всех сердец,
Там жертва жизни есть отрада;
Там смерть за родину — награда;
И там гремит всеобщий глас:
«Монарх! употреби всех нас!» (II, 23)

Следующий блок стихотворений, открывающийся «Стихами по случаю известия о нашествии неприятеля» (1812. Ч. 19. № 7) с их начальной цитатой из императорского манифеста «На зачинающего Бог!», был посвящён сбору ополчения и посещению Александром I Москвы, для С. Н. Глинки подобному заключению священного союза монарха и его народа для обороны Отечества[37]. Нетрудно заметить, что поводом стихотворений становились в первую очередь правительственные манифесты, деяния членов августейшей семьи и церковных иерархов, патриотические жесты московского дворянства и купечества[38]. К стихам С. Н. Глинки присо-

[37] См. подробнее об освещении С. Н. Глинкой июльского визита императора в Москву: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 286—292.

[38] «Молитва Богу при воспоминании Полтавской победы (1812. Ч. 19. № 7), «Песнь русских поселян русским воинам», «Голос русского народа по случаю прибытия государя императора в

единялись произведения других авторов идеологической хроники начала войны — «Стихов, написанных по прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13 июня 1812 года, по случаю вероломного разрыва мира» А. А. Волковой (1812. Ч. 19. № 7), «Чувствований верноподданного, возродившихся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского (1812. Ч. 20. № 10), с запозданием опубликованных «Стихов по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября» Б. К. Бланка (1813. Ч. 2. № 4) и др.

Собственно военные события освещались в поэзии С. Н. Глинки и его корреспондентов достаточно скупо — это «Стихи на отличие гвардейских казаков при начале военных действий» (1812. Ч. 19. № 8), «Стихи на новую победу российских войск, одержанную под началом графа Витгенштейна» (1812. Ч 9. № 9), «Стихи генералу Раевскому» (1812. Ч. 20. № 10), а также «Польской на прибытие императорской гвардии в город Вильну» А. А. Писарева (1812. Ч. 19. № 8) и «Стихи на соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 июля» Ф. Н. Глинки, опубликованные через два года после написания в составе «Писем русского офицера» (1814. Ч. 26. Кн. 6). Широкий отклик вызвали только оккупация и освобождение Москвы и смерть М. И. Кутузова, в чем «Русский вестник» не отличался от других журналов 1812—1813 гг. («На разрушение Москвы» (1813. Ч. 23. № 7) Ф. Ф. Иванова, «Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвящённая любезным соотечественникам» (1813. Ч. 24. № 10) А. А. Никитина, «Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского» (1813. Ч. 22. № 6) С. Н. Глинки, «Стихи в память князю Кутузову-Смоленскому» (1813. Ч. 23. № 9) И. И. Нечаева и др.)

Символическим итогом лирики 1812 г. стали стихи, посвященные спасшему Россию Божественному Провидению («Благодарственная песнь Богу, избавителю России» (1813. Ч. 21. № 1), «Стихи по случаю крестного хода на другой день по освящении Архангельского собора, в день празднества Сретения Господня» (1813. Ч. 21. № 3)). Эти мотивы-идеологемы пронизывали поэзию «Русского вестника» в целом, но завершенный облик они приобрели к началу 1813 г. («Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» (1813. Ч. 21. № 2) П. В. Голенищева-Кутузова, «Молитва Израильского народа во время нашествия Сеннахеримова воинства на Иерусалим» (1813. Ч. 22. № 4) Н. М. Шатрова, «Песнь Богу, покровите-

первопрестольный град Москву» (оба — 1812. Ч. 19. № 8), «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15 1812 года», «Стихи, написанные по прочтении письма преосвященнейшего Платона, при котором препровожден к государю императору образ преподобного Сергия, игумена Радонежского», «Стихи, написанные по прочтении рескрипта… великой княгини Екатерины Павловны, в котором изображено желание ее пожертвовать на службу государя императора некоторое число воинов», «Стихи на манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года» (все — 1812. Ч. 19. № 9), «К воинам московской силы, вышедшим в поход 14-го августа», «Стихи на пожертвование в пользу нового ополчения, учиненное всеавгустейшею материю государя императора (оба — 1812. Ч. 20. № 10).

лю России» (1813. Ч. 22. № 5) Г. Волкова и пр.), отразив и во многом предвосхитив официальную концепцию Отечественной войны:

Господь! Ты предводил полками,
Ты гром и молнию метал;
Ты смертоносными путями
Враждебную гордыню гнал!
И днесь будь наш Ты повелитель,
Сердец будь наших учредитель,
Учи нас Твой закон любить;
Храни от зол иноплеменных,
От обольщенья ухищренных;
Дай твердость — россами нам быть. (I, 88—89)

Среди авторов «Русского вестника», чьи стихи вошли в антологию, заметных имен немного — это, в основном, круг московских поэтов: брат издателя Ф. Н. Глинка, Н. М. Шатров, Н. П. Николев, Н. М. Кугушев, П. И. Шаликов, Н. Д. Иванчин-Писарев, В. А. Левшин, П. А. Словцов, Ф. Ф. Иванов, а также петербуржцы П. В. Голенищев-Кутузов, А. А. Писарев, А. А. Волкова. Остальные представляли московскую и провинциальную дилетантскую словесность — А. А. Никитин, Н. И. Ильин, И. И. Нечаев, В. М. Колосов, Д. П. Глебов, А. П. Степанов, С. В. Юшков, Б. К. Бланк, Г. Волков, Н. Овдулин, И. И. Ламанский. К их числу относились и ещё несколько анонимных корреспондентов из Санкт-Петербурга (автор «Певца на гробах братьев-воинов россиян» (1813. Ч. 24. № 12), из села Загорье («Солдатская песня в память князя Кутузова-Смоленского» (1813. Ч. 23. № 8) и др.

Эклектичные художественные вкусы С. Н. Глинки сказались в разнородности круга сотрудников: убеждённые приверженцы А. С. Шишкова, вроде Н. М. Шатрова, здесь соседствовали с верными последователями Н. М. Карамзина, подобными П. И. Шаликову или Н. М. Кугушеву. Очень пёстрым был и спектр стилистик — оссианическая лирика «Певца на гробах братьев-воинов россиян», сатирическая сказка в духе И. И. Дмитриева «Побег Наполеона Карловича из земли русской», памфлет («Исповедь Наполеона французам» (1813. Ч. 21. № 1) С. Н. Глинки, «Возвращение тирана Наполеона во Францию» (1813. Ч. 21. № 2) Н. П. Николева), подражания псалмам и духовные оды Н. М. Шатрова, С. Н. Глинки, Н. Д. Иванчина-Писарева, Г. Г. Волкова и др., стилизации народных песен Н. И. Ильина, А. А. Никитина, С. Н. Глинки и Ф. Н. Глинки, эксперименты с национальной экзотикой («Шаманство» (1813. Ч. 22. № 5) П. А. Словцова), масонские аллегории («Торжество Веры и Добродетели» (1814. Ч. 26. Кн. 4) Н. Овдулина), различные варианты сентиментальных «чувствований» («Чувствования русского в Кремле» (1814. Ч. 1. Кн. 2) Д. П. Глебова, «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» (1812. Ч. 19. № 9) А. П. Степанова) и одической риторики (С. Н. Глинка, П. В. Голенищев-Кутузов, А. А. Писарев и пр.). При всей стилевой разнородности объединяющим художественным началом было в лирике «Русского вестника» преромантическое стремление к характерности, к передаче национального коло-

рита, а на другом полюсе — к нравственно-психологической сфере. Библейские, оссианические, сказочно-песенные мотивы в контексте журнала репрезентировали определённую ипостась русского мира, который раскрывался с иной стороны в патриотических чувствах лирического героя, в его религиозных переживаниях. Любое стихотворение здесь превращалось в моральный урок, в экспрессивное воздействие на аудиторию с воспитательно-пропагандистскими целями. Эта коммуникативная установка достаточно полно передавалась комплексом текстов, вошедших в «Собрание стихотворений» Н. М. Кугушева, и актуализировала в антологии черты идеологической хроники и нравственно-патриотической публицистики.

V

Поэзия других журналов, не так активно откликнувшихся на военные действия, была представлена в «Собрании» в гораздо меньшем объеме. Самый крупный блок из 26 текстов был заимствован из «Вестника Европы», чьи публикации довольно часто являлись перепечатками[39]. Тем не менее они выделялись своим ровным художественным уровнем и, во многом, близостью поэтики. Это обуславливалось ведущей ролью литературного раздела, вполне обозначившейся в годы редактирования В. А. Жуковского (1808—1810), и ориентацией на карамзинскую традицию. Её усилило активное участие в выпуске журнала В. В. Измайлова, в 1813 г. часто заменявшего тяжело болевшего М. Т. Каченовского, а в 1814 г. полностью взявшего на себя редактирование[40]. Из его стихотворений, обильно публиковавшихся в «Вестнике Европы», в кугушевскую антологию вошли «К московским стихотворцам на день 2-го сентября 1812 года» (1812. Ч. 65. № 18) и «Песнь Отечеству на победы над французами» (1812. Ч. 65. № 19/20). К кругу карамзинских последователей принадлежали и другие авторы журнала — П. И. Шаликов («Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» (1812. Ч. 65. № 17), «На поражение французов и Наполеона под Бриенной 20 января 1814 года» (1814. Ч. 74. № 5)), Н. Д. Иванчин-Писарев («К портрету генерала графа Витгенштейна» и «К портрету генерала Кульнева» (1812. Ч. 66. № 21/22), «К портрету светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» и «Акростих» (1812. Ч. 66. № 23/24), «Надпись на поле Бородинском» (1813. Ч. 68. № 5/6), «Память князю Багратиону» (1813. Ч. 72. № 23/24)), А. П. Бунина

[39] «Певец во стане русских воинов» (отд. изд.) и «Князю Смоленскому» («Сын Отечества», отд. изд.) В. А. Жуковского, «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина (отд. изд.), «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П.В. Голенищева-Кутузова («Русский вестник», отд. изд.), «Любовь к Отечеству» А. А. Писарева («Русский вестник»), «На поражение французов и Наполеона под Бриенной 20 января 1814 года» П. И. Шаликова («Сын Отечества»), «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» С. В. Юшкова («Русский вестник», отд. изд.), «Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года» И. В. Попова (отд. изд.), «Акростих» Н. Д. Иванчина-Писарева (отд. изд.).

[40] См. подробнее об этом периоде издания: *Гиппиус В. В.* «Вестник Европы» 1802—1830 годов. С. 212—214; *Прохорова И. Е.* В. В. Измайлов — издатель и журналист первой трети XIX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1995.

(«На кончину графа Александра Ивановича Кутайсова, в Бородинском сражении убитого 1812 года августа 26» (1813. Ч. 70. № 13)), Ф. Ф. Иванов («К российскому дворянству» (1812. Ч. 64. № 14), «Песнь великому вождю героев» (1813. Ч. 68. № 5/6)), И. В. Попов, С. В. Юшков и др. Закономерным явлением для журнала стала в этом контексте перепечатка оды самого Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I» (1814. Ч. 75. № 12), а параллелью ей выступили характерные образцы романтического осмысления Отечественной войны В. А. Жуковского («Певец во стане русских воинов» (1812. Ч. 66. № 23/24) и «Вождю победителей» (1812. Ч. 66. № 21/22; в отдельной публикации — «К князю Смоленскому»)) и А. Ф. Воейкова («К Отечеству» (1813. Ч. 69. № 11/12), «Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» (1813. Ч. 69. № 9/10)), трансформировавшие сентиментальную поэтику.

Доминантой военной поэзии «Вестника Европы» выступило лирическое видение. Политические известия и публицистика даже в разгар военных действий занимали в журнале скромное место, будучи главным образом переводами иностранных источников, помещаемых на последних страницах в рубрике «Политическая история» и «Смесь». Стихи также не образовывали прочной хроникальной последовательности, идеологической или новостной, как в «Сыне Отечества» и «Русском вестнике», растворяясь в потоке произведений вполне мирной сентиментальной тематики. Их отличительной чертой становилась личностная рефлексия: у В. А. Жуковского, А. Ф. Воейкова или В. В. Измайлова в центре находился образ автора, человека невоенного, переживавшего вместе с читателем трагические события — сбор ополчения, разорение Москвы, смерть М. И. Кутузова, гибель интимно знакомых героев (А. И. Кутайсова, П. И. Багратиона) — и находившего выразительные формы для передачи общего эмоционального опыта. Жанровым воплощением подобного видения становились надпись-эпитафия, песня (самый частый жанр), послание, близкое к оде, но отмеченное гораздо большей интимностью в восприятии адресата (вплоть до камерных «Стихов в день Светлого Христова Воскресения матери от детей» анонимного автора). Все они сближались установкой на персональную коммуникацию, на общение в рамках дружеского круга, метафорически расширявшегося до масштабов нации.

Совершенно иные модели предполагала лирика «Друга юношества и всяких лет» и «Чтений в Беседе любителей русского слова». Оба журнала были далеки от ориентации на современность, на новостной подход и скорее напоминали альманах, отличаясь закрытой коммуникативно-повествовательной структурой и очень ограниченным кругом постоянных авторов. Военная тематика для них стала явлением временным и не заняла большого места в репертуаре. Так, Н. М. Кугушев заимствовал из «Друга юношества» 1812—1814 гг. 12 лирических текстов, которыми фактически исчерпывалось обращение журнала к событиям Отечественной войны. Для М. И. Невзорова и его корреспондентов основной целью являлось моральное вос-

питание юношества, основанное на идеалах сентиментальной педагогики и масонских практиках духовного делания[41]. Художественная литература использовалась здесь, по сути, в прикладном плане — как эмоционально-образное продолжение нравоучительных эссе, речей и проповедей. Этот оттенок приобретали в «Друге юношества» и военные тексты, основной мыслью которых являлась покорность Божественному Промыслу, обрушившему на Россию многочисленные бедствия, дабы испытать свой народ, но в итоге пославшего победу верным христианам.

Образы национального единения вытеснялись в журнале религиозной экзальтацией, а стихи приобретали черты духовного гимна, как в «Гласе к Богу московских жителей во время нашествия французов» П. Замыслова (1812. Ноябрь), «Стихах в день Богоявления Господня. На войну» А. Кулакова и «Песни на поражение галльского фараона» А. Урываева (1813. Январь), «Песни на смерть светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» М. Виноградова (1813. Апрель), «Песни Богу, покровителю России» Г. Волкова (1813. Июль). Элементы проповеди, библейская образность пронизывали и одические тексты, образцом чего служили стихи самого М. И. Невзорова «Ода на случай войны с французами 1812 года» (1812. Июль) и «Ода на чудесные российские победы» (1814. Апрель), а также П. И. Голенищева-Кутузова («Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца Александра Первого июля 11 дня 1812 года» (1812. Июль)), А. Прожина («К друзьям» (1813. Январь)), М. Виноградова («Ода на Новый 1813-й год» (1813. Март)) и А. Нестерова («На смерть спасителя Отечества» (1813. Июнь)). Событие или герой здесь раскрывались в максимально обобщенном виде, становясь предметом религиозно-мистической рефлексии как символ власти Промысла над человеческой судьбой. Из этого контекста выделялось лишь иронически-сентиментальное послание Н. М. Кугушева «Цидулка к соседу при получении известия о совершенном изгнании врагов из России» (1813. Февраль), восходившее к иной, карамзинской традиции.

«Чтения в Беседе любителей русского слова», являясь органом литературного общества, были ориентированы в первую очередь на представление его эстетической программы и творчества его участников. Репрезентация событий Отечественной войны здесь скорее подчинялась общим художественным установкам, чем имела самостоятельное значение, хотя идеологом «Беседы» выступал сам А. С. Шишков, глашатай националистических взглядов. Эта слитность звучания была подчеркнута в кугушевской антологии композиционно: 5 из 6 стихотворений журнала шли сплошным единым рядом и лишь «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года…» Г. Р. Державина (1813. Чтение 10) был вынесен составителем в заглавное положение, он открывал «Собрание». В какой-то мере сохранилось в антологии и функционирование текстов в составе авторских блоков, характерных для «Чтений». Так, державинский блок включал в себя еще «Оду на смерть

[41] См. подробнее: *Кульман Н. К.* М. И. Невзоров // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2 (репринтное переизд.: М., 1991. Т. 2). С. 203—225.

фельдмаршала князя Смоленского апреля в 16-й день 1813 года» (1813. Чтение 13), а вторым стали стихи С. А. Ширинского-Шихматова «Песнь россиянина на новый 1813 год» (1813. Чтение 11) и «На кончину генерал-фельдмаршала князя Смоленского» (1813. Чтение 13). Репрезентацией других авторских «гнёзд» выступили стихи «К прошлому 1812-му и к наступившему 1813-му годам» (1813. Чтение 11) С. П. Потемкина и «Храм славы истинных героев» П. А. Корсакова (1813. Чтение 12).

При различии авторских стилей все стихи «Чтений» принадлежали к жанру оды и развивали его ораторско-риторические установки, исключая только персональную адресацию. Аудитория, к которой обращались Г. Р. Державин, С. А. Шихматов или С. П. Потемкин, включала в себя весь круг сограждан, чьи патриотические реакции, коллективный дух старался передать поэт. Эта коммуникативная направленность могла отражаться и в заглавии, как в державинском «Гимне», написанном «во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». Предельная обобщенность, стремление рассматривать события на вселенском фоне, гипертрофированная эмоциональность и образность, нарочито архаизированный язык и затрудненный синтаксис подчёркивали здесь возвышенный характер описываемых событий или личности героя. Подобная художественно-коммуникативная модель предполагала трудность восприятия и превращала тексты в монументальный памятник эпохе, отдалённый от ее сиюминутной динамики и пестрого личностного опыта читателей. В результате «Гимн лиро-эпический…», приобретя статус образцового стихотворения об Отечественной войне, быстро оказался на обочине культурного сознания, как и оды других членов «Беседы», и стал, благодаря «Арзамасу», предметом иронического переосмысления уже через несколько лет[42].

В заключение необходимо упомянуть ещё два стихотворения, впервые опубликованные в «Санкт-Петербургском вестнике», журнале Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Его номера выходили в свет с февраля 1812 по май 1813 г. и в последнем были помещено послание К. Н. Батюшкова «К Д. В. Д.» (№ 10. С. 26—28) и стихи Ф. Ф. Иванова «На разрушение Москвы» (С. 22—25), прочитанные на заседании общества 3 апреля 1813 г. Вскоре оба стихотворения были переопубликованы: первое — в «Сыне Отечества» (1813. Ч. 7. № 31), второе — в «Русском вестнике» (1813. Ч. 3. № 7). Как показывает сопоставление вариантов текста, Н. М. Кугушев напечатал их по версии этих журналов (в частности, стихи К. Н. Батюшкова получили в «Сыне Отечества» название «Послание к Д. В. Д.», сохранённое в антологии). Тем самым говорить о «Санкт-Петербургском вестнике» как прямом источнике «Собрания» не приходится, однако опосредованно оригинальная художественная программа журнала в нем отразилась[43]. Тексты Ф. Ф. Ива-

[42] См.: *Фризман Л. Г.* 1812 год в русской поэзии. С. 43—44; *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 78—82.

[43] См. о ней: *Орлов В. Н.* Русские просветители 1790—1800-х годов. С. 209—488; Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. С. 161—169; *Орлов П. А.* Поэты-радищевцы // Поэты-радищевцы. Л., 1979. С. 5—52.

нова и, особенно, К. Н. Батюшкова предлагали читателю новую версию элегии, аналоги которой трудно найти в антологии. Обострённая личностная рефлексия, романтическая отчужденность, яркий автобиографизм открывали новую страницу в развитии литературы и выступали предвестиями романтической журналистики конца 1810—1820-х гг.

В целом же можно констатировать чрезвычайную репрезентативность «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» Н. М. Кугушева в плане коммуникативном. Публикации, выступившие для составителя источником текста, не только передают общий дух, центральные тенденции книгоиздания и журналистики военного времени, но и отражают спектр важнейших коммуникативных подходов. Они позволяют увидеть, как обостренное внимание к современности, к событиям, на глазах приобретающим историческую значимость, трансформирует культурное общение, выдвигая на первый план оперативность, способность к быстрому, но и, по возможности, полному, универсальному осмыслению материала. Это ярко выраженное хроникальное начало сделало лирику «Сына Отечества» и «Русского вестника» наиболее значимым явлением словесности — и становым хребтом антологии. В его контексте коммуникативные установки отдельных изданий, подходы литературного журнала («Вестник Европы»), кружкового вестника («Друг юношества», «Чтения в Беседе», «Санкт-Петербургский вестник») меняли свое звучание, лишаясь смысловой и художественной замкнутости. Рефлексия о современности соединялась со стремлением обратиться к широкой, в пределе — общенациональной аудитории и передавала движение коллективного сознания, формируемого хором отдельных голосов. Круг источников «Собрания», отразивший разнообразие идеологий, эстетических позиций, авторских стилистик, наглядно демонстрирует это трудное обретение единства, за которым стоял идеал национальной консолидации, мощно заявившей о себе потребности в последовательном нациостроительстве.

Н. Е. Никонова

Образы Наполеона в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»

Эпоха наполеоновских войн является одной из самых непростых в русской истории и культуре: с одной стороны, период перемен и активных военно-политических событий, небывалой сплоченности армии и народа, церкви и государства; с другой — время великих мифов, которые создавались, чтобы укреплять и поддерживать чувство национального достоинства. По замечанию Н. А. Троицкого, «“Отечественная война 1812 года” как историографическая проблема остается столь же дискуссионной, сколь и актуальной»[1]. Литература первой половины 1810-х гг. была неотделимым продолжением правительственной политики в сфере общественного мнения.

Художественная литература военного и послевоенного времени несет на себе отпечаток идеологии и служит в той или иной степени патриотической пропаганде, превращаясь в историческую публицистику. Философско-эстетические проблемы отступают на второй план перед насущными задачами культуры, естественной необходимостью осмыслить недавнее прошлое и настоящее в контексте изменившихся реалий. По верному замечанию А. С. Янушкевича, поэзия этой эпохи отличалась «безличностью, безындивидуальностью», поскольку представляла собой «набор повторяющихся оборотов, образов, эпитетов»[2]; похожая картина наблюдалась и в патриотической прозе[3]. Однако, думается, эта общая специфика времени не может оправдать пробелы в истории культуры и нивелирование литературных фактов, значительных как для своей эпохи, так и для общей картины развития отечественной словесности. Поэтому спустя почти два века поэтическая антология в двух частях, изданная в честь российской победы над наполеоновской армией, вновь заслуживает специального внимания.

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» уникально своим масштабом: издание объединило семьдесят авторов, как знаменитых

---

[1] *Троицкий Н. А.* 1812. Великий год России. М., 2007.

[2] *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 г. и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9. С. 18.

[3] *Лобачкова М. Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799—1815 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007. С. 3.

(Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский и др.), так и анонимных, подписавшихся лишь топонимами (к примеру, «село Старорусино»). Двухтомный сборник составили стихотворения разных стилей (от классицистического до фольклорных стилизаций) и жанров (от оды до плача), что заставляет воспринимать его вне критериев высокой художественности, но соответственно важнейшему синхроническому контексту, в котором определяющую роль играла народность, массовость, то есть простота, незамысловатость и потенциальная способность выразить общее настроение и суждение россиян, отпраздновавших победу. Современные антологии, посвященные памяти войны с Наполеоном, обращались к стихотворениям, вошедшим в «Собрание» (см., например, «1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников». М., 1987; «1812 год. Воспоминания воинов русской армии». М., 1991), но сборник представляет особый интерес как самостоятельный издательский проект начала 1810-х гг.

За две сотни лет «Собрание» удостоилось специального внимания исследователей единственный раз. В юбилейном семитомном издании, посвященном столетней годовщине войны 1812 г., — «Отечественная война и Русское общество» — была опубликована обстоятельная работа Н. П. Сидорова «Отечественная война в русской лирике», материалом для нее послужила главным образом поэзия, вошедшая в «Собрание»[4]. Под русской лирикой автор статьи подразумевает исключительно поэзию, эстетически полноценную, считая таковой известные басни Крылова и «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского. Остальной поток, «неудержимым потоком хлынувший вдогонку врагу», все эти «оды, гимны, песни, гласы, дифирамбы, поэмы», а затем «панегирики в честь “героев севера”», созданные «повылезавшими из щелей мошками да букашками», только оживили «державинскую помпу и поддерживались главным мотивом — «жаждой мести», «завязанной в один узел с мотивами националистическими и религиозными»[5]. Первый поэт, по мнению Н. П. Сидорова, который сумел «благородно осмыслить» войну 1812 г., — это А. С. Пушкин. Несмотря на резко критическое отношение к массовой поэзии, понятное с эстетической точки зрения, автор замечает, что «за искусственно-героической позой и звонким лирным бряцанием, за крикливой и вычурной патриотической риторикой, за мглистым фимиамом славословий, за всей этой условной поэтической бравадой можно усмотреть некоторые живые черты подлинных настроений русского общества того времени», и «даже крайне приподнятый тон тогдашнего стихотворства может объясняться не только готовым литературным шаблоном»[6]. Однако эти утверждения историка никак не комментируются далее и не получают развития.

Этим словам вторит исследователь фольклора военного времени, коллега Н. П. Сидорова, историк В. В. Каллаш, замечая в народных и псевдонародных

[4] *Сидоров Н. П.* Отечественная война в русской лирике // Отечественная война и Русское общество. М., 1911. Т. 5. С. 159—171.

[5] Там же. С. 164.

[6] Там же. С. 162.

творениях первой половины 1810-х гг. «анахронистическую комбинацию мотивов», «очевидный налет искусственных оборотов», «мотивы предшествующей исторической песни, кое-как, на живую нитку, прилаженные к новым событиям»[7] и т. п.

На этом история специального изучения поэзии эпохи наполеоновских войн в силу отсутствия у нее самостоятельной роли практически исчерпывается. В силу промежуточного положения этого высокого жанра в военное время свое значение имеют выводы исследователей русской публицистики, истории церкви и российского государства. Думается, спад художественно-эстетического уровня лирики связан именно с небывалым усилением государственной пропаганды и господством централизованной общественной политики, проникновением основных ее постулатов во все социальные сферы. В результате вероятность какой-либо оригинальности и самостоятельности суждений теряла смысл, как и шанс на существование.

Главным жанром начала XIX в. являлась публицистика, которая «представляла собой одновременно и способ формирования, и возможность выражения общественного мнения»; «в условиях жесткой цензуры проблемы внутренней жизни страны не то что не критиковались, но и не появлялись на страницах печатных изданий, и вся политическая тематика, представленная в них, относилась к истории других стран и международной ситуации. Естественно, что наиболее популярным персонажем в русских журналах и публицистических сочинениях становился Наполеон Бонапарт»[8]. И «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» должно рассматриваться именно в этом контексте, а не в ряду явлений элитарной культуры, что было бы более подобающим в случае с крупной поэтической антологией, созданной в иную эпоху.

Проект по изданию двух частей «Собрания» представляет самый репрезентативный материал для выявления характера образов, господствовавших в культуре важнейшей эпохи в истории Российской империи. Ярчайшими из них являются, конечно, представления о «своем» и «чужом», о враге Наполеоне и защитниках родного Отечества. При этом изначально вполне понятны магистральные коннотации восприятия обеих сторон, интересен сам механизм формирования и особенности функционирования этих образов в поэтических текстах.

Согласно наблюдениям целого ряда литературоведов, художественное отражение личности Бонапарта в русской литературной классике XIX в. при всем многообразии воплощений в поэзии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, прозе Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского обнаруживает четкое развитие: от идеализации и преклонения перед личностью Наполеона в конце XVIII в. к ее отрицанию в начале XIX в., от романтического восхищения 1820—1830-хх гг. к про-

[7] *Каллаш В. В.* Отечественная война в русской народной поэзии // Отечественная война и Русское общество. М., 1911. Т. 5. С. 172—182.

[8] *Лобачкова М. Г.* Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799—1815 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007. С. 5.

стому человеческому соучастию и пародированию наполеонизма[9]. Как бы ни изменялась художественная интерпретация образа Наполеона, неизменным оставалась сама серьезность проблемы, не оставлявшей равнодушными поэтов, писателей и просто «думающих» людей в России и Европе. Образ Наполеона выступал в роли мировоззренческого ориентира. Они не ориентированы на сообщение нового, но интересны с точки зрения информации об авторе-создателе повествования, поскольку выявляют именно его понимание мира. Так, декабристы в своем восприятии Бонапарта пришли от «резкого неприятия» к «мифопоэтической трактовке» и «проекции судьбы Наполеона на собственную судьбу»[10]. В результате апология Наполеона стала «неотъемлемой частью декабристской рефлексии над историей своего движения»[11].

В современном литературоведении для обозначения этого явления используется понятие мифологического сознания, или мифа. По замечанию Л. И. Вольперт, культурный миф «помогает осмыслить современность»[12]. «Анонимность, повторяемость, цикличность, тенденциозность», по наблюдению исследователя, становятся постоянными характеристиками такой мифологической структуры, разновидностью которой является и наполеоновский миф.

В случае с интересующим нас «Собранием» речь идет не об индивидуальном «мифе», но о живом коллективном мифотворчестве, о превращении мифа о Наполеоне, господствовавшего на захваченных им территориях, в слово. В российском массовом сознании в начале 1810-х гг. сформировалась четкая антибонапартистская установка.

Массовая проза — многочисленные памфлеты и брошюры, журнальные статьи, выпущенные в начале 1810-х гг., — имели в большинстве своем подражательный или переводной характер. Они вторили централизованной установке и также были наполнены резкой критикой Наполеона. Авторы памфлетов творили самые неимоверные легенды о лидере французов, а чаще пересказывали и приукрашали правдивые и выдуманные истории и ставшие бродячими анекдоты. В результате легко определились основные устойчивые черты и сюжеты интернационального

---

[9] *Грунский А. К.* Наполеон в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. Т. 40. С. 100—120; *Sorokin D.* Napoléon dans la littérature russe. Paris, 1974. P. 145—173; *Эткинд Е. Г.* «Сей ратник, вольностью венчанный» // Revue des tudes slaves. Paris, 1971. P. 40; *Каменев Е. В.* Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007; *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007; *Гуминский В. М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. № 3. С. 216—232 и др.

[10] *Парсамов В. С.* Наполеоновский «миф» и декабристы // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/1812. Дата обращения: 27.01.2012 г.

[11] Там же.

[12] *Вольперт Л. И.* «Мятежной вольности наследник и убийца» (Наполеоновский «миф» Пушкина и Стендаля) // *Вольперт Л. И.* Пушкин в роли Пушкина. Творческая игра по моделям французской революции. Пушкин и Стендаль. М., 1998. С. 294.

антибонапартистского мифа. Так, памфлетисты с удовольствием эксплуатировали штампы о Бонапарте — лицемере и «обольстителе народов», безнравственном властителе, развращающем подданных, продолжателе дела французской революции.

Русская лирика первой половины 1810-х гг. не могла оставаться в стороне от литературных и историко-политических процессов, она была частью ориентирована на общенациональную идею, на поддержание патриотического духа, и потому поэтическая образность сама по себе имела второстепенное значение, подчиненное наполеоновской идее, которую авторы произведений стремились выразить в ярких, часто повторяющихся образах.

При изображении образа Наполеона-губителя критерий объективности и историческая достоверность, конечно, играли подчиненную роль. Такому положению вещей способствовала, в первую очередь, государственная идеология и пропаганда. Антинаполеоновские высочайшие манифесты, приказы и воззвания, исходившие непосредственно от монарха и верховной власти, имели законодательную силу и были призваны пробудить в народе и войске патриотический дух, мобилизовать все сословия на борьбу с врагом. Не последнюю роль в создании этого мифа играла церковь. Целый ряд стихотворений «Собрания…» созданы в ответ на правительственные манифесты, рескрипты и обращения церкви к российским подданным, что отражено непосредственно в заглавиях: «Отголосок лиры на случай изданного манифеста»; «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии»; «Стихи, написанные по прочтении рескрипта»; «На Манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года»; «Стихи, написанные по прочтении письма Преосвященнейшего Платона».

Пожалуй, самым популярным, ключевым клише стал образ Наполеона-безбожника, врага христиан. Его внедрение в общественное сознание организовывало одно из основных направлений деятельности православного духовенства — антинаполеоновскую церковную проповедь. Православие служило без преувеличения духовной основой государства и народного самосознания. Русская Церковь практически провозгласила войну 1812 г. священной, следуя указу Александра I, сделанному в декабре 1806 г. в связи с созывом народного ополчения. На местах — в тылу и в действующих войсках — священники в своих проповедях объясняли всю значимость воинского долга, необходимость защищать Веру, Отечество и Государя от противного Христу Наполеона. Такой имидж Бонапарт получил из-за своего разрыва с Папой, случившегося перед началом войны против России, все предшествующие этому разрыву попытки упорядочить конфессиональную анархию во Франции, как и союз с Римско-католической церковью при формировании общественных представлений о Наполеоне российской государственной пропагандой во внимание, конечно, не принимались.

Второе «доказательство» дьявольской сущности Наполеона — споспешествование в разграблении и надругательство над православными храмами и монастырями — отыскалось после его изгнания из Москвы, оно в отличие от первого является бесспорным. «После освобождения Москвы по распоряжению Александра I

во всех церквах России было прочитано составленное по достоверным данным особое «Известие» о состоянии Москвы (от 17 октября 1812 г.), в котором не только сообщалось об оставленных оккупантами «следах зверства и лютости» (разграблении и осквернении храмов), но делался также ряд выводов, касающихся сущности противника и характера предыдущих и последующих взаимоотношений с Францией»[13]. Так, взгляд на французского вождя как на антихриста в той или иной форме доводился до прихожан.

«Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» как часть общей политики в области общественного мнения открывает антинаполеоновский миф во всем многообразии вербальных воплощений. Основная поэтическая фигура авторов-стихотворцев при введении характеристик французского главнокомандующего — это сравнение. Победное шествие Наполеона по Европе инициировало историческую доминанту, в коллективной памяти всплыли образы мифологизированных узурпаторов власти и поработителей народов. Древнеримские императоры Нерон и Калигула, вождь гуннов Аттила, император Запада Карл Великий, ассирийский царь Синаххериб и другие известные правители, полагавшиеся в своей политике исключительно на грубую силу, ставятся в один ряд с Наполеоном, который «Нерона злобнее, Калигулы гнуснее»; «Как злейший *Нерон* жаждет крови». Сопоставления Наполеона с тиранами было излюбленным приемом памфлетистов, одно из таких творений, широко известных читающей публике, имело заглавие «Аттила XIX века». Авторы стихотворений заимствуют и также активно эксплуатируют этот популярный ход. Ср.:

Калигула, Нерон, Филипп ожесточенный,
И Цезарь, и Алкид, и дерзновенный Карл,
Не так в крови людей невинных обагренны,
Как Франции глава, который с силой пал.

В ореол сравнений по понятным причинам входят и вожди времен татаро-монгольского ига Тамерлан и Мамай, Чингисхан и Батый: «избавлена вселена / От новых Тамерлана орд!»; «Падет второй Мамай, свирепый, кровожадный»; «Ничто Аттилы, Чингис-Ханы; / Ничто Батыи, Тамерланы / Пред ним в свирепости своей».

Часто авторы «Собрания» прибегают к весьма неожиданным с точки зрения современного читателя аналогиям. Так, Бонапарт выступает в поэтических текстах антологии и как «новый Герострат» («славу Герострата / Затмил всех прав гоненьем злым»); и как кичливый Голиаф («Уже в Сионские пределы / Сей новый Голиаф вступил»), и как «смешной и глупый неудачник» Дон-Кихот («Как в дурь себя ты потопил? / И Дон-Кишот умнее был!»; «Изчезнул Геркулес… И видим Дон-Кишота»). Собственное имя Наполеона употребляется только с негативными по

[13] *Мельникова Л. В.* Антинаполеоновская церковная проповедь в 1812 году // Проблемы изучения истории Отечественной войны 1812 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/history_rus/1812. Дата обращения: 27.01.2012 г.

коннотации эпитетами: «Неприятель наш — Бонапарт лихой!»; «Бонапарт злодей», «Поведи полки исполинские // На разбойника Бонапартия».

Поэзия любого, даже не самого высокого, уровня предполагает «сгущение мысли» (А. А. Потебня), уплотнение образности. Взятая в совокупности лирика «Собрания…» напоминает, на первый взгляд, беспорядочное деструктивное накопление памфлетных образов-шаблонов. Несоответствие неупорядоченной формы, нагромождения образов вполне серьезному, патетическому содержанию вызывает ощущение эстетического диссонанса. Такое положение является результатом активного и в тоже время «сырого» (неосмысленного в силу отсутствия временной дистанции) межкультурного и внутрикультурного смешения дискурсов. В результате быстрого сближения русского и немецкого (большинство памфлетов было переведено с немецкого языка), дворянского и народного, армии и церкви содержание захлестнуло форму, равнопротяженность текста и смысла, определяющая художественную полноценность, отошла на второй план.

Приобретя утилитарное общественное значение, поэтическая речь (как и любая другая на этом месте) естественным образом трансформировалась в соответствии с потребностью в функциональности, в минимализации коммуникативных усилий автора и читателя, стремясь к облегчению воспроизводимости оборотов. В результате этого поэтическая образность практически перестает быть свободной и сужается до ограниченного набора готовых формул, клише, общепонятных стереотипов, которые в совокупности составляют целую «русскую версию “черной легенды” о Наполеоне»[14]. Действительной территорией творчества в военное время становится агитационная, идеологически маркированная, проза. Авторы переводных и оригинальных памфлетов и мемуаров, информационных листков и проповедей и выступают создателями тех сравнений, которые мы встречаем в лирике «Собрания». Значение и экспрессивность этих выражений не тускнеет с течением времени, семантика и выразительность образа Наполеона-врага нарастает по мере движения к победе.

Череду злодеев в ряду определений Наполеона венчает воплощение зла с точки зрения религии. Сатана, дьявол, антихрист — эти имена становятся неотъемлемой частью антибонапартистского мифа. «Собрание стихотворений…» открывается сочинением Державина, полное заглавие которого гласит: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года, во славу всемогущего Бога, великого Государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского». «Гимн…» представляет собой полное воплощение истории о победе над Наполеоном-антихристом и продолжается распространенным списком из полусотни примечаний, подробно объясняющих и доказывающих мифопоэтическую образность стихотворения. Из них мы узнаем о том, что Бонапарт есть предсказанный Апо-

[14] *Амбарцумов В. А.* Образ Наполеона I в русской официальной пропаганде, публицистике и общественном сознании первой четверти XIX в. Магистерская диссертация. СПб., 2009. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.museum.ru/1812/index.html. Дата обращения: 27.01.2012 г.

калипсисом «змий древний, нарицаемый Диавол»; который «исходит от бездны»[15]. В подтверждение приводятся неопровержимые, с точки зрения автора, факты из многочисленных легенд и памфлетов. Наполеон, как антихрист, дает своим подданным «начертание на руце или на челах их», «оставляя клеймо или печать с собственным именем на теле своих воинов»; «имеет седмь глав и рогов десять» — «семь Королей» и «десять народов, ему подвластных»[16]. Образ французов, согласно примечаниям Державина, соответствует их правителю поскольку «…разврат, соблазн, нечестие и само безбожие Французского народа, не упоминая о бывших в последнюю революцию, видны в Истории самых давних веков Христианства»[17].

В «апокалиптический» сюжет вписывается и М. И. Кутузов, который, по версии поэта, «как бы нарочно пожалован Князем, чтобы сблизиться с Священным Писанием; впрочем он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения». Подразумеваются в данном случае слова пророка Даниила: «Восстанет Михаил Князь Великий». Русско-французская война предстает как предначертанная Апокалипсисом «брань змия с агнцем»[18]; тут же автор разъясняет еще более конкретно: «Под видом агнца представляется Христианская кротость и имеет отношение к тому, что царствующий Император вступил на Престол под знаком Овна»[19].

«Гимн» Державина не только задает высокий архаично-классицистический тон, открывая «Собрание», но и предоставляет необходимый ключ для прочтения образов «своего» и «чужого», озвучивает «официальную версию», от которой следует отталкиваться. В продолжающих антологию стихотворениях этот кодовый набор образов ширится и развивается. В унисон державинским строкам и рассуждениям в примечании звучат поэтические сравнения и «красноречивые» эпитеты в адрес Бонапарта в стихотворениях многих других. Ср.: «ада выродок», «истребитель вселенной», «адский владыка, дерзнувший против Небес», «Исчадие вражды, крамолы / Виновник зла, несметных бед», «злодей, в злодействиях всегда ненасытим», «адский сын гордыни», «Царств земных злодей» и т. п.

Отдельным мотивным комплексом антинаполеоновского мифа выступают анималистические образы, проистекающие главным образом из представления о звериной сущности антихриста. Так, французский император изображается русскими стихотворцами как «алчный, лютый зверь», «хищник инороден»; «гидра смертоносна яда»; «тьмоглавый сей дракон». Легенда о добром предзнаменовании, увиденном в появлении орла, воспарившего над головой главнокомандующего Кутузова накануне Бородинского сражения, породила «птичий» сюжет образности Наполеона. Эта история была общеизвестной в кругу современников, воспоминания о нем можно встретить, например, в мемуарах И. Р. Дрейлинга, М. И. Муравьева-

[15] Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. 1. С. 16.
[16] Там же. С. 18.
[17] Там же. С. 19.
[18] Там же. С. 17.
[19] Там же.

Апостола, Ф. Н. Глинки и др[20]. Под пером одного из авторов «Собрания» она превращается в распространенное поэтическое сравнение с участием более десятка различных птиц:

Уж как слышно нам: Бонапарт злодей
Не одних *скворцов?* на Москву пустил;
А привел он с собой и *гусей*, и *грачей*,
И чижей, и синиц, воробьев, журавлей,
И сорок, и ворон, коршунов и сычей,
Вислоухих сов и ночных филинов,
Да и тех дураков — *полевых дудаков…*
Так возможно ли могучим Орлам,
Могучим Орлам, *Орлам Северным*,
Таковую *дрянь* на себя пустить? <…>
Будь *ты* проклят от нас враг *ощипанной сыч!*
Не из рода Орлов — *Корсиканской петух!* <…>

Да и кто же видал, да кто же слыхал,
Чтоб ободранной сыч *мог сразиться* с Орлом?
Орел всем птицам Царь, всему свету судья!..
А ощипанной сыч *всему свету — смех!*

В другом шутливом стихотворении образ Наполеона определяется в сопоставлении с целым рядом обитателей русских лесов:

Как заяц, уплелся домой.
Как тигр, он злобой распалился,
Несытый ястреб сам падет;
Отличен зверством был, в веках блистать мечтая:
Черный гад на Русь Святую
Наглу лапу потянул:
Зубы волчьи навострил!

Карикатурные образы, с точки зрения современного читателя, доходящие до комизма, отражают лишь попытку выразить официальную версию антибонапартистского мифа. Нужно понимать, что тождество Наполеон — антихрист воспринималось обществом не как сравнение, но как аксиома, и эпитеты, выдуманные авторами стихотворений, призваны иллюстрировать прямую аналогию, не подлежащую сомнению. Эффект карикатуры возникает в данном случае из-за усиления и без того надуманного, утвержденного государством образа врага.

[20] *Дрейлинг И. Р.* Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год: Воспоминания воинов русской армии / Сост. Ф. А. Петров и др. М., 1991. С. 373; *Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия / Авт. вступ. ст. и коммент. Н. М. Жаркевич. Киев, 1991. С. 331; Мемуары декабристов. Южное общество / Под ред. И. В. Пороха и В. А. Федорова. М., 1982. С. 171.

Третья ипостась антибонапартистской образности «Собрания…» связана с национальным мотивом. Сама по себе характеристика особенностей менталитета той или иной нации в начале XIX в., века литературных путешествий и травелогов, не считалась предосудительной, скорее наоборот только входила в моду, обозначая оживление межкультурного взаимодействия и интерес к инонациональному. Остров Корсика — родина Наполеона — славилась гордостью, суровостью нрава и непримиримостью своих обитателей. Авторы памфлетов подхватили это наблюдение и превратили в легенду, выставляя определение национальной принадлежности «корсиканец» синонимом к слову «разбойник» и подразумевая при этом фигуру Наполеона. Так, например, по убеждению одного из сочинителей памфлетов, корсиканцы «горды, наглы, много о себе думают и чрезвычайно мстительны. Варварская их ненависть к неприятелям беспредельна. Они весьма склонны к возмущению и не должно полагаться на их клятвы в договорах»[21]. В этом контексте следует понимать выражения авторов стихотворений из антологии 1812 г.: «Шут-Корсиканец повалился»; «Корсиканец злой, ада выродок»; «Не из рода Орлов — Корсиканской петух!» и др.

Сходное переосмысление получает характеристика всего французского. Именование «галл» под пером стихотворцев превращается в ругательство: «Ты гидру низложил богопротивных Галлов»; «сей хитрый Галл»; «Галл — злодей вселенной»; «Сей вихрь, — се смертоносный Галл!»; «Галл / Трепещет, видя бурь сих грозных приближенье»; «Что если б был твой нос отрублен Козаком, / В минуту бы тебя сочли мы Калмыком» и т. п.

Структура любой мифопоэтики основывается на оппозициях, и антибонапартистский миф не является исключеним. В стихотворных сочинениях авторов антологии Галлу-антихристу противопоставлены «святые Россы» — весь российский народ, «славный богатырями», армия во главе с героями-военачальниками и самим «великим Монархом» Александром I. Ср.: «Ликуй и радуйся Россия! / В тебе прославился Господь»; «Ты, Боже! двигнулся за нас»; «О Росс! сам Бог твой щит!»; «О Витязи! Славянска кровь! / России щит надежный!»; «Ликуй, священная Российская Держава! / Питайся вечностью, паряща к небу Слава!»; «Не устрашимся… Россы! с вами Бог!»; «Россия верностью и верой возрожденна!» и т. п.

Организующая метатекст «Собрания…» патриотическая тема подчеркивается непосредственно в названиях стихотворений сборника, содержащих указания на национальную принадлежность автора: «Песнь русского воина перед сражением»; «Чувствования русского в Кремле»; «Песнь россиянина на новый 1815 год»; «Чувствования россиянки»; «На незабвенные подвиги россиян для освобождения народов». Статус всенародной патриотичность обретает в широком спектре обращений к различным социальным слоям и областям России. Ср.: «Песнь русских поселян русским воинам»; «К российскому дворянству»; «Стихи, по случаю собрания дворянства и купечества»; «К жителям Нижнего Новгорода»; «Песнь донскому

[21] Вот каковы Бонапарте и народ французский. СПб., 1807. С. 10.

воинству»; «Чувствования калужских жителей по приезде генерала Милорадовича» и т. п. Впечатление всеохватности антинаполеоновского дискурса достигается благодаря сочетанию под одной обложкой произведений знаменитых поэтов, столичных журналистов, участников военных действий и простых сочинителей из российских деревень.

В результате этих коллективных стараний образ Наполеона-героя оказывается тотально развенчанным и диаметрально противопоставленным всем русским гражданам и каждому из них. «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году», заключая в себе многократные повторения одних и тех же мотивов и выражений, достигает главных коммуникативных, связанных с идеологией целей — прославление воинского подвига погибших и оставшихся в живых соотечественников и уничтожение страшного врага. Эта поэтическая антология обозначает, пожалуй, ту «точку невозврата», с которой началась переориентация русской культуры с франкофилии на «германофильство».

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА 1812 ГОДА ВО СЛАВУ ВСЕМОГУЩЕГО БОГА, ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ, ВЕРНОГО НАРОДА, МУДРОГО ВОЖДЯ И ХРАБРОГО ВОИНСТВА РОССИЙСКОГО

посвящает Державин

(«Благословен Господь наш, Бог!»)
(С. 17)

П е р в ы е: Чтения в Беседе любителей российской словесности. 1813. Чтение 10. С. 3—29, с заглавием: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года; во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского посвящает Державин», без подписи. Примечания. С. 30—35, без подписи.

Д а т и р у е т с я: не позднее 30 января 1813 г. (по ценз. разр. 10-го «Чтения в Беседе любителей российской словесности»).

А в т о р: Г. Р. Державин

13 января 1813 г. А. Е. Измайлов писал Н. Ф. Грамматину из Петербурга: «Державин, сказывают, написал какой-то славный гимн на наши победы. Я не думаю, однако, чтоб этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского «Певец во стане русских воинов» (Библиографические записки. 1859. № 14. Стб. 418), что позволяет уточнить датировку «Гимна…» Державина. Стихотворение было напечатано в «Чтениях в Беседе любителей российской словесности» (1813. Кн. X) и, по-видимому, оттуда перепечатано в «Собрании стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». Кроме того, письмо Измайлова обозначает характер рецепции «Гимна лиро-эпического…» Державина и «Певца…» Жуковского современниками: эти произведения изначально сравнивались, а их авторы воспринимались в контексте идеи творческого соревнования. Очень яркой и показательной является рецепция «Гимна…» А. С. Пушкиным. В стихотворении «Тень Фон-Визина» (1815 г.) «Гимн…» называется «статей библейских преложеньем», «из гимнов гимн прямой». Ниже, как было отмечено Б. В. Томашевским, Пушкин пародирует державинский «Гимн…», составляя фрагменты своего произведения из измененных цитат стихотворения Державина:

Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,

Превосходясь, как дивий Гог,
Упал как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!

И далее, подчеркивая славянизированность «Гимна…», Пушкин продолжает:

«Ого! — насмешник мой воскликнул, —
Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров».

Издатель, открывая державинским гимном свою антологию, определяет таким образом собственную (от идеологической до жанрово-стилевой) позицию.

Чуть позже, как указывает Я. К. Грот, «Гимн…» перевел на немецкий язык П. О. фон Гётце (P. O. von Goetze, 1793—1880). Немецкий перевод гимна напечатан отдельно в Риге и в Дерпте, в 1814 г. гимн переведен был также на английский язык молодым Я. В. Петровым, сыном известного лирика В. П. Петрова, и Державин отправил этот перевод в Лондон к русскому посланнику, графу С. Р. Воронцову, с просьбою напечатать несколько экземпляров его на счет Державина и переслать их в Петербург к переводчику (см. письмо Державина к Воронцову от 31 мая 1814 г.).

Текст в «Собрании…» почти идентичен первой публикации, отличаясь от нее в ряде случаев пунктуацией. Немногочисленные разночтения отмечены в реальном комментарии ниже.

[1] *тимпанница* — Девушка, играющая на тимпане, древнем музыкальном инструменте, напоминающем современный бубен или литавры.

[2] *Разрушенну и обагренну / Под пеплом в дыме зрю Москву…* — Московский пожар 1812 г. произошёл 2—6 сентября (по ст. стилю) во время оккупации войсками Наполеона I Москвы, оставленной российской армией после Бородинского сражения. Пожар истребил три четверти построек. Существует несколько версий возникновения пожара — организованный поджог при оставлении города, действия оккупантов, случайное возгорание, распространению которого способствовал общий хаос в оставленном городе. Поскольку очагов у пожара было несколько, возможно, что в той или иной мере верны все версии.

[3] *эмпир* — Или Эмпирей (от греч. empyros — объятый пламенем). В представлениях древних греков и ранних христианских писателей — самая высокая часть неба, наполненная огнем и светом и служащая местопребыванием богов (у греков) или святых (у христиан).

[4] *отенетяя* — От глагола отенетить, т. е. окружить, окинуть, обнести, заплести тенетами (охотничьей сетью для ловли некрупных животных).

[5] *ошибами* — Ошиб (ц.-слав.) — хвост. В первой публикации: Отенетяя всю ошибами сферу.

[6] *понт* — От греч. Pontos — глубина, пучина моря.

[7] *От Князя тьмы и крокодильных стад.* — В первой публикации: От Князя тьмы *у* крокодильных стад.

[8] *чело-перунный* — То есть с челом, мечущим молнии (от имени древнеславянского бога грома и молнии Перуна).

[9] *татьба* — От старослав. сущ. «тать»: вор, хищник, похититель, злодей, преступник вообще; в древнем русском праве сущ. «татьба» означало преступное похищение чего-ли-

бо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой. Это выражение употреблялось, когда речь шла о корыстном похищении имущества.

[10] *Галл* — Представитель одного из кельтских племён, в античную эпоху населявших территорию современной Франции. Здесь употреблено в переносном смысле: француз.

[11] *И фараон, гордыней полный, / Ступил в невлажный понт ногой.* — Фараонами называли полурыб-полулюдей, живущих в морях и реках семьями, но способных появиться на глаза человеку в виде кошки или медведя. Поверье о фараонах возникло на севере Руси под воздействием апокрифической легенды, сложившейся на основе библейского сюжета о переходе Моисея через Красное (Чермное) море. Согласно «Сказанию о переходе Чермного моря» (XVII в.), море чудесным образом расступилось перед сынами Израиля, но вновь сомкнуло свои волны над преследующими их египтянами. Люди фараона утонули и превратились в рыб с человеческими головами, с оперением вместо ушей.

[12] *Иаковль род* — Имеется в виду род патриарха Иакова. Поскольку Исав продал ему свое первородство, именно он фигурирует в Библии как продолжатель рода Исаака, сына прародителя еврейского народа Авраама. Иаков во сне услышал голос Божий, обещавший, что от него произойдет многочисленный народ. «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; [не бойся]. Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные» (Быт. 28:12—14).

[13] *Норд* — Буквальный перевод слова Nord, обозначающего «север» в ряде европейских языков.

[14] *слана* — Иней (ц.-слав.).

[15] *тул* — Колчан для стрел (устар.).

[16] *Всевышний управляет царствы / Дает (16) — отъемлет за коварствы.* — В первой публикации: Всевышний управляет царства, / Дает (16) — отъемлет за коварства.

[17] *Вторым став Навходоносором* — Навуходоносор — царь Вавилонии в 605 (или 604) — 562 гг. до н. э., прославился тем, что возглавлял многие войны (между Вавилонией и Египтом, против Иудеи, с Эдомом), в ходе которых захватывал, грабил и разрушал такие города, как Аскалон, Иерусалим (в частности, вавилоняне захватили сокровища царского дворца и часть сокровищ и богослужебных предметов центрального в древнем Израиле Иерусалимского храма), Сидон. Навуходоносор является одним из действующих лиц библейскойКниги Даниила.

[18] *женет* — 3 л. ед. ч. от слав. глагола «женути» (гнать, изгонять).

[19] *афр* — От лат. Afer (африканец), древнеримское имя, здесь наименование ветви, рода (когномен).

[20] *огорстить* — Охватить горстями, ладонями.

[21] *мамелюк* — Мамелюки (также мамлюки) — военная каста в средневековом Египте, рекрутировавшаяся из юношей-рабов тюркского и кавказского происхождения. Похищенных или взятых в плен мальчиков обращали в ислам, а затем в закрытых лагерях-интернатах учили искусству верховой езды и приемам владения оружием. По достижению совершеннолетия юноши вступали в отряд мамелюков — «купленных солдат», который находился под непосредственным руководством султана. С такими воинами-рабами и встретился Наполеон, когда в 1798 г. вторгся в Египет. После разгрома французской эскадры британским флотом под командованием адмирала Нельсона у Наполеона не оставалось никаких надежд получать подкрепления из Франции, и новых солдат ему пришлось набирать на месте:

в сентябре 1798 г. Бонапарт подписал декрет, позволяющий принимать в ряды французской армии всех молодых мамелюков в возрасте от 8 до 16 лет, а также бывших мамелюкских рабов того же возраста. В результате были сформированы две роты сирийских янычар и одна рота мамелюков, которая стала *самой экзотической воинской частью армии французского императора, отличавшейся не только своим необычным для Европы внешним видом, но и безумной храбростью, неудержимым напором в атаке, а также верностью своему повелителю.* В марте 1812 года мамелюки отправились в Польшу, чтобы присоединиться к наполеоновской армии, готовившейся к вторжению в Россию. Рота мамелюков вошла в Москву в полном составе, не понеся никаких потерь. Война для них началась только осенью, когда армия Наполеона покатилась назад, к границе. С приходом холодов и голода мамелюки, как и вся французская армия, начали нести тяжелые потери в личном составе.

[22] *Сатанаил* — Сатана — в славянских сказаниях злой дух. Имя «Сатанаил» восходит к христианскому сатане, однако его функции связаны с архаическими дуалистическими мифологиями. В дуалистической космогонии Сатанаил — противник бога-демиурга.

[23] *Тавр, Евксин, Бельт* — Имеются в виду горная система, охватывающая залив Антилья; Черное море и два морских пролива (Большой и Малый Бельт), которые вместе соединяют Балтийское море с проливом Каттегатом, соединяющим Северное море с Балтийским.

[24] *родши* — То есть родившие.

[25] *Рымникской, Таврской, Задунайской* — Имеются в виду выдающиеся русские полководцы А. В. Суворов (1729—1800), граф Рымникский (с 1789 г.), за победу в русско-турецкой войне при Рымнике был возведён Екатериной II в графское достоинство с наименованием «Рымникский»; Г. А. Потемкин-Таврический (1739—1791), в 1783 реализовал свой проект присоединения Крыма к России, получив за это титул «светлейшего князя Таврического», и П. А. Румянцев-Задунайский (1725—1796), за победы над турками при Ларге, Кагуле и др., которые привели к заключению Кючук-Кайнарджийского мира, удостоен титула «Задунайский».

[26] *Мамай, Желковский, Карл* — Мамай (1335?—1381) — Военачальник Золотой орды; Станислав Жолкевский (1547 (или 1550) — 1620) — польский гетман и канцлер великий коронный; вероятно, речь идет о Карле X Густаве (1622—1660) — короле Швеции, правившем с 1654 по 1660 г., или Карле XII (1682—1718), короле Швеции в 1697—1718 гг.

[27] *тристаты* — Военачальник (греч. церк.*)*.

[28] *…и се не бе!* — …и этого не было! (ц.-слав.).

[29] *наляцать* — Напрягать, натягивать, настораживать.

[30] *изженутся* — Изгонятся (от слав.‘изженути’).

[31] *Что мною в день Его рожденья / Предречено…* — Имеются в виду «Стихи на рождение в севере порфирородного отрока» (1779), в основу которых положено воспевание родившегося монарха, будущего Александра I.

[32] *Реляция от 17-го июня* — Для вторжения в Россию 23 июня генерал Эбле со своими понтонерами навел через реку Неман у Ковна три моста, 12 июня утром войскам прочитано было знаменитое воззвание: «Солдаты, вторая польская война начата!» 12—14 июня по мостам под Ковно прошли корпус Даву, кавалерия Мюрата, императорская гвардия, корпуса Удино и Нея. Известия о военных действиях из главной квартиры от 17 (29) июня [1812] были напечатаны в «Прибавлении к “Санкт-Петербургским ведомостям”» № 50 от 21 июня 1812 г.; в «Северной почте» № 50 от 22 июня 1812 г. и в «Прибавлении к “Московским ведомостям”» № 51 от 26 июня 1812 г. В них говорилось: «В феврале месяце войска французские перешли Эльбу и Одер, направляя движение свое к Висле. С того времени война казалась неизбежною. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР решился предпринять только меры осторожности

и наблюдения, в надежде достигнуть еще продолжения мира, почему и расположил войска свои согласно с сим намерением, не желая со своей стороны подать ни малейшего вида к нарушению тишины. Сие особливо принято было потому, что опыты прошедших браней и положение наших границ побуждают предпочесть оборонительную войну наступательной, по причинам великих средств приготовленных неприятелем на берегах Вислы.

В конце апреля французские силы были уже собраны. Не взирая однако ж на то, воинские действия открыты не прежде 12 июня: доказательство уважения неприятеля к принятым нами против него мерам.

Корпуса под начальством фельдмаршалов Нея, Даву, Удино, Магдональда, [генерала] князя Понятовского и гвардия перешли Неман почти в одно время в Юрбурге, Ковне, Олите и Мерече. Как скоро ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО узнал о сем движении, то повелел войскам своим соединиться. Пункты соединения должны быть в некотором расстоянии от границы, а особенно, когда оная имеет немалое протяжение. По сему расположению, все корпуса, бывшие впереди, должны обратиться к занятию назначенных заблаговременно им мест; и сие движение ныне совершается» (здесь и далее донесения, известия из армии, материалы журнала военных действий приводятся по: http://www.memorandum.ru Материалы опубликованы в рамках интернет-проекта «1812 год», подготовлены к публикации А. Подмазо. 2005. Библиотека интернет-проекта «1812 год»).

[33] *При сих местах три славных победы решили участь не токмо России и Европы, но, так сказать, целой вселенной.* — Имеются в виду крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. — Бородинское (состоялось 26 августа (7 сентября) у села Бородино); сражение под Малоярославцем (12 (24) октября) и сражение под поселком Красный (3 (15) ноября — 6 (18) ноября 1812 г.

[34] *В реляции от 27-го Августа…* — Имеется в виду «Донесение М. И. Голенищева-Кутузова от 27 августа (8 сентября) 1812 г.», в котором читаем: «Главнокомандующий всеми действующими армиями, генерал от инфантерии князь Голенищев-Кутузов из главной квартиры при селе Бородине от 27 августа доносит ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ следующее:

После донесения моего [от 25 августа] о том, что неприятель 24 числа [августа] производил атаку важными силами на левый фланг нашей армии, 25 число [августа] прошло в том, что он не занимался важными предприятиями; но вчерашнего числа, пользуясь туманом, в 4 часа с рассветом направил все свои силы на левый фланг нашей армии. Сражение было общее, и продолжалось до самой ночи: потеря с обеих сторон велика; урон неприятельский, судя по упорным атакам на нашу укрепленную позицию, должен весьма нашу превосходить. Войска ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА сражались с неимоверною храбростью: батареи переходили из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами».

[35] *…от 16 го числа октября…* — В журнале военных действий с 8 по 15 октября, представленном 16 октября главнокомандующим армиями генерал-фельдмаршалом князем Голенищевым-Кутузовым его императорскому величеству, записано: «Неприятель оставив Москву, с намерением отступить изобильными нашими провинциями, потянулся всеми своими силами по новой Калужской дороге к Боровску. При всех хитрых и свойственных ему движениях, намерение его было предупреждено, и 11 на 12 число [октября] в ночи генерал от инфантерии Докторов с корпусом приближась к Малому-Ярославцу, нашел часть сил неприятельских в нем. В 5 часов утра завязалось дело, которое впоследствии с приближением всех наших войск сделалось довольно значущим сражением и продолжалось по 11 час ночи. Предмет сражения был город, который восемь раз занимаем был

нашими войсками и столько ж был уступаем сильному стремлению неприятеля; при последнем же ударе наших стрелков, остался он за нами. Положение Малого-Ярославца оказалось такое, что войска неприятельские, выбиваемые из оного нашими, всегда подкрепляются высотами правого берега реки Лужи, и для того решился главнокомандующий, около 1 часа по полуночи город, который со всех сторон от канонады горел, оставить, и занять высоты в двух с половиною верстах от города, где армия российская готовая к сражению, ожидала неприятеля».

[36]*Видно из письма доктора Рокруак доктору Граю…* — Автограф письма хранится в РГБ, в 1912 г. оно было опубликовано, см.: Два документа из эпохи 1812 г.: Рапорт Московского губернского предводителя дворянства В. Д. Арсеньева гр. Растопчину и письмо французского военного доктора Рокруа доктору Грану. Калуга: тип. Губ. зем. управы, 1912. 6 с.

[37]*профессор Гецель* — Вильгельм Фридрих Гецель (Johann Wilhelm Friedrich Hezel, 1734—1824) — доктор философии, профессор экзегетики и восточных языков в Дерптском университете. 11 июня 1812 г., то есть в день вторжения наполеоновской армии в Россию, он послал главнокомандующему I Западной армией Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли (1761—1818) письмо, в котором излагал истолкование двух мест из Откровения Иоанна Богослова (гл. 12, ст. 18 и 5):

«В Апокалипсисе Св. Иоанна Богослова находится одно достопамятное пророчество о падении Наполеона в сём 1812 году, а именно на следующих местах:

В главе 13-й в стихе 18-м. Здесь мудрость, иже имать ум, да почтет число зверино; число бо человеческо есть, и число его шестьсот шестьдесят шесть.

И той же главы в стихе 5-м, и даны быша ему уста глаголюща велика и хульна.

И даны бысть ему область творити месяц четыредесят два.

Как в имени и титуле зверином, кои на французском языке изображаются сими словами: L'EmpereurNapoléon, — так и в числе четыредесяти двух, кои на оном же языке пишутся словами: quarantedeux, находятся оба раза число 666, которое определено в помянутой главе стихе 18-м Апокалипсиса». Далее, после исчислений, приведенных в примечании к «Гимну…» Державина, делается вывод: «Итак, Наполеон есть тот зверь, который в Апокалипсисе числом 666 означается и коего веку славы предел положен числом 42-мя, ибо в нынешнем году число лет его от роду есть точно 42».

Гецель полагал, что эти расчеты должны быть доведены полковыми священниками до сведения солдат:

«Милостивый Государь.

Если бы можно было вселить в императорское российское воинство то уверение, что оно Провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу, то сие усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержание победы.

Таковое уверение может произведено быть в действо чрез прилагаемое при сём кабалистическое изъяснение двух мест Апокалипсиса Св. Апостола Иоанна, т. е. главы 13-ой ст. 18 и 5, если полковые священники благоразумно разгласят оное.

А каким образом сие всячески достопамятное изъяснение должно быть в войске разглашено, раздачею ли печатных листов на российском языке или только изустным от духовенства внушением, то предоставляю вышнему благоусмотрению.

На всякий же случай прошу ваше высокопревосходительство быть уверенным, что мое намерение есть благое и патриотическое, кое осмелился я представить во уповании, что не будет осуждено ни от его императорского величества, ни от вашего высокопревосходительства.

Имею честь быть и проч.

Подписал: Вильгельм Фридрих Гецель, коллежский советник и профессор Дерптского университета. В Дерпте. 11 июня 1812 года».

По приказу М. Б. Барклая-де-Толли письмо В. Ф. Гецеля было размножено и распространено «для надлежащего употребления» среди полковых священников 1-й Западной армии. Согласно рапорту полевого обер-священника Алексия Торопогрицкого, письмо профессора Гецеля было доставлено ему генерал-майором Ставицким по приказу Барклая-де-Толли, а уже Торопогрицкий оповестил о нем полковое духовенство русской 1-й Западной армии (см. об этом подробнее: *Чимаров С. Ю.* Русская православная церковь в войне 1812 года. СПб., 2004. С. 80—82).

Представления о Наполеоне как об Антихристе были распространены в действующей армии, в том числе за счет проповеднической практики. Как утверждает в своей диссертации «Категории мировоззрения русского офицерства эпохи наполеоновских войн» (Петрозаводск, 2007) Е. В. Каменев, в основу идеологического противостояния, начавшегося в 1806—1807 гг. и нараставшего в 1812—1815 гг., было положено обвинение Наполеона в безбожии, выдвинутое российскими идеологами и принятое Русской православной церковью. Производным от этого стал тезис о том, что Наполеон и есть воплощение сил зла, антихрист.

[38] *Их упрекают, что они еще во время обладания Гишпаниею и Франциею Готфами при Короле Вамбо, совокупясь с некоторым похитителем престола Павлом Греком, как ныне с Бонапартом, поругали Христианскую веру разными бесчиниями.* — Речь идет о короле вестготов Вамбе (годы правления 672—680) и иберо-римлянине герцоге Септимании Флавие Павле (казнен в 673 г.) и о мятеже в Нарбонской Галлии, на подавление которого король послал герцога, но тот сам поднял мятеж, захватил Нарбонну, за чем последовал его разгром войсками Вамбы.

[39] *Генерал Раевский выводил вперед на сражение своих детей.* — По легенде в бою под Салтановкой 23 июня 1812 г. русский полководец Николай Николаевич Раевский (1771—1829) сражался вместе со своими сыновьями 17-летним Александром и 11-летним Николаем. Н. М. Орлов вспоминал: «В момент решительной атаки на французские батареи взял их с собою в главе колонны Смоленского полка, причем меньшого, Николая, он вел за руку, а Александр, схватив знамя, лежавшее подле убитого в одной из предыдущих атак нашего подпрапорщика, понес его перед войсками. Геройский пример командира и его детей до исступления одушевил войска» (Русская старина. 1874. Т. 9. № 3. С. 765—766). Но сам Раевский позднее возражал, что хотя сыновья и были с ним в то утро, но в атаку не ходили (см. об этом подробнее: *Качурин М. Г.* Батюшковские анекдоты о Раевском в истории русского реализма // Венок поэту. Жизнь и творчество К. Н. Батюшкова. Вологда, 1989; *Лекманов О. А.* Генерал Раевский и сыновья. Из комментария к одной пушкинской рецензии. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://www.webcitation.org/67mZiNzx2

[40] *…от 23 Августа…* — В «Донесении М. И. Голенищева-Кутузова от 23 августа (4 сентября) 1812 г.» главнокомандующий всеми действующими армиями генерал от инфантерии князь Голенищев-Кутузов из главной квартиры при селе *Бородине* доносил его императорскому величеству следующее: «Позиция, в которой я остановился при деревне *Бородине* в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших, какую только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить посредством искусства. Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, в таком случае имею я большую надежду к победе, но ежели он найдя мою позицию крепкою, маневрировать будет по дорогам, ведущим к Москве; тогда должен буду идти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся» (опубл. в: Прибавление к «Санкт-Петербургским

ведомостям». № 70 от 30 августа 1812 г.; Северная почта. № 70 от 31 августа 1812 г.). В «Донесении М. И. Голенищева-Кутузова от 4 (16) сентября 1812 г.» Главнокомандующий армиями доносил: «Осмеливаюсь всеподданнейше донести ВАМ, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив того с армиею делаю я движение на Тульской дороге. Сие приведет меня в состояние прикрывать пособия, в обильнейших наших губерниях заготовляемые. Всякое другое направление пресекло бы мне оные равно и связь с армиями Тормасова и Чичагова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятие столицы не было раною чувствительнейшею, но не колеблясь между сим происшествием и теми событиями, могущими последовать в пользу нашу с сохранением армии, я принимаю теперь в операцию со всеми силами линию, посредством которой начиная с дорог Тульской и Калужской, партиями моими буду пресекать всю линию неприятельскую, растянутую от Смоленска до Москвы, и тем самым отвращая всякое пособие, которое бы неприятельская армия с тылу своего иметь могла, и обратив на себя внимание неприятеля надеюсь принудить его оставить Москву и переменить всю свою операционную линию» (опубликовано в: Северная почта. № 75 от 18 сентября 1812 г.).

[41] *Граф Витгенштейн* — Петр Христианович Витгенштейн (Зейн-Витгенштейн-Берлебург Петер Людвиг Адольф, 1768—1843), граф, российский генерал-лейтенант (с 22 октября (*3 ноября*) 1812 г. генерал от кавалерии), шеф лейб-гвардии Гусарского полка, в 1812 г. командир 1-го пехотного корпуса, входившего в начале войны в 1-ю Западную армию, затем командир отдельного корпуса, в 1813 г. командующий российской армией, после смерти М. И. Голенищева-Кутузова в апреле-мае 1813 г. главнокомандующий российско-прусскими войсками, в 1813—1814 гг. командир российского корпуса в Богемской армии.

II. ОДА НА ИСТРЕБЛЕНИЕ ВРАГОВ И ИЗГНАНИЕ ИХ ИЗ ПРЕДЕЛОВ ЛЮБЕЗНОГО ОТЕЧЕСТВА

(«Восстань, о Муза вдохновенна!»)
(С. 37)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 65. № 19/20 (октябрь). С. 195—200, с заглавием: «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» и подписью: Павел Г. Кутузов.

Д р у г и е и з д а н и я: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 2. С. 3—11, подписано: Павел Г. Кутузов; Отдельное издание: Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества. М., 1813 (8 с.) В Университетской типографии. Ценз. разр. 10 янв. 1813 г. Цензор — д-р медицины и проф. Василий Котельницкий. В конце подпись: Павел Г. Кутузов

П о д п и с ь в «Собрании…»: Павел Г. Кутузов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 20 декабря 1812 г. (по ценз. разр. ч. 65 ВЕ за 1812 г.).

А в т о р: П. И. Голенищев-Кутузов.

В публикации ВЕ[1], РВ[2], в отдельном издании первые стихи строф сверстаны с большим отступом, строфы отделены друг от друга значком *. Разночтения встречаем, главным образом, в пунктуации, в выделении отдельных слов, о других см. в реальном комментарии ниже.

[1] Здесь и далее ВЕ — Вестник Европы.

[2] Здесь и далее РВ — Русский вестник.

[1] *Свободно* — Во всех других изданиях: свободней.
[2] *Кремлевских* — Во всех других изданиях: Кремлевых.
[3] *Россов* — Во всех других изданиях: Росский.
[4] *Страшить победами Стамбул…* — Имеется в виду русско-турецкая война.
[5] *Рымник, Силистрия, Кагул* — Места сражений русско-турецкой войны.

III. ОДА НА СЛУЧАЙ ВОЙНЫ С ФРАНЦУЗАМИ 1812 ГОДА

(«Одеян молнией, громами…»)
(С. 42)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1812. Июль. С. 131—135, с заглавием: «Ода на случай войны с французами. 1812 года», с подписью: Максим Невзоров. Июля 15 дня 1812 года.

Д р у г и е и з д а н и я: Ода на случай войны с французами. 1812 года. М.: В университетской типографии, 1812 (без даты ценз. разр. и цензора). На с. 7 подпись и дата: Максим Невзоров. Июля 15 дня 1812 года.

Три оды: I. На случай войны с французами 1812 года. II. На новый 1814-й год. III. На чудесные победы российские. Сочинение Максима Невзорова. Издание второе. М.: В университетской типографии, 1814. С. 3—8 (без даты ценз. разр. и цензора). С. 3 — примечание к заглавию: В первый раз напечатано в июле месяце 1812 года особливо и того ж года и месяца в «Друге юношества» на с. 131.

В обоих изданиях текст идентичен.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Максим Невзоров

Д а т и р у е т с я: 15 июля 1812 г. (по дате в издании: Ода на случай войны с французами. 1812 года. М.: В университетской типографии, 1812).

А в т о р: М. И. Невзоров.

В изданиях «Ода на случай войны с французами. 1812 года» и «Три оды», в отличие от публикации стихотворения в «Собрании…», строфы отделены друг от друга значком **, и первый стих в строфах сверстан с большим отступом. Разночтения встречаются в пунктуации, кроме того, последний стих «Оды…» выделен в данных изданиях курсивом; о других см. в реальном комментарии ниже.

[1] *Я помню дани все сердечны…* — В ДЮ[3] и отдельных изданиях: Я помню дани те сердечны.
[2] *Твой АЛЕКСАНДР, и вечный…* — В ДЮ и отдельных изданиях: Твой кроткий Александр, и вечный.

IV. ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ
(ПИСАНО ПОСЛЕ ОТДАЧИ МОСКВЫ ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ ПРИ ТАРУТИНЕ)

(«На поле бранном тишина!»)
(С. 46)

В п е р в ы е: отдельное издание. СПб.: В Морской типографии, 1813 г. 24 с. (ценз. разр. от 24 января 1813 г.).

[3] Здесь и далее ДЮ — Друг юношества.

Д р у г и е и з д а н и я: Вестник Европы. 1812. Ч. 66. № 23/24 (ноябрь — декабрь). С. 176—196 (ценз. разр. от 3 февраля 1813 г.), с заглавием: «Певец во стане русских воинов (Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине)» и подписью: В. Жуковский; отдельное издание. СПб., 1813 (ценз. разр. от 12 мая 1813 г.), подзаголовок перенесен в примечания; отдельное издание. СПб., 1837 (с нотами А. Н. Верстовского); Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [1-е изд.]. СПб., 1815—1816; В 3 ч. 2-е изд. СПб., 1818; В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824; В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844; В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—IX. СПб., 1849. Т. X—XIII. СПб., 1857. И далее стихотворение входило во все посмертные Собрания сочинений поэта.

П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Жуковский

Д а т и р у е т с я: 13—20 октября 1812 г., 1813—1814 гг. (доработка отдельных строф).

А в т о р: В. А. Жуковский.

Творческая история «Певца…» довольно сложна, распадается на несколько этапов. Стихотворение имеет 2 редакции — в изданиях, подготовленных А. И. Тургеневым (СПб.: В Морской типографии, 1813 г. 24 с. (ценз. разр. от 24 января 1813 г.)) и с помощью И. И. Дмитриева и Д. В. Дашкова (СПб., 1813 (ценз. разр. от 12 мая 1813 г.)). В «дмитриевском» издании стихотворение дополнено 122 стихами (строфы, характеризующие полководцев и героев Отечественной войны 1812 г.) и 15 примечаниями (9 из них принадлежат Д. В. Дашкову, остальные — Жуковскому). Как установлено исследователями, текст этого издания положен в основу всех последующих прижизненных публикаций. См. об истории создания «Певца…», а также о его датировке подробно в комментарии к «Певцу…», составленном А. С. Янушкевичем: *Жуковский В. А.* ПССиП: В 20 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 595—607.

Публикации в отдельном издании (СПб.: В Морской типографии, 1813 г. 24 с. (ценз. разр. от 24 января 1813 г.)) и ВЕ почти идентичны. Они отличаются от текста в «Собрании…» пунктуацией, написанием некоторых слов (супостат / сопостат; олтарь / алтарь, дубравы / дубровы) со строчной или прописной буквы (вождь, герой), способами выделения (напр., в строфе «Тебе сей кубок, русский ЦАРЬ!» вместо «ТЕБЕ сей кубок, русский ЦАРЬ!», «Твоя держава! / ТВОЯ держава!», «Твой нам олтарь / ТВОЙ нам алтарь», «Твоих сынов / ТВОИХ сынов!», «К Тебе горим любовью! / К ТЕБЕ горим любовью!»). Существенные разночтения немногочисленны, напр., в отдельных стихах: *Она* в пылу сраженья (в «Собрании…») / *Она* в огне сраженья; Грустит, о друге слёзы льёт (в «Собрании…») / Грустит о друге, слёзы льёт; Наш Витгенштеин, Вождь Герой! / Петрополя спаситель (в «Собрании…» и ВЕ) — в «тургеневском» издании: И Витгенштеин наш Арей! / Твердыня Петрограда. Кроме того, один стих о П. П. Коновницыне в тургеневском издании («Наш Коновницы смелый…») расширен до строфы в публикации ВЕ и «Собрания…», так же как первоначальные 2 стиха о Л. Л. Бенингсоне расширены до 4-х, 1 стих о М. С. Воронцове — до 2-х; напротив, строфа о Наполеоне («Злодей! он лестью приманил…») отсутствовала в «тургеневском» издании.

Разночтения публикации стихотворения в «Собрании…» с «дмитриевским» изданием и остальными прижизненными, последовавшими за ним, а так же с текстом, опубликованным в Полном собрании сочинений и писем В. А. Жуковского, издание которого продолжается в настоящее время, весьма значительны. Подзаголовок — Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине — перешел в них в отделенные от текста примечания, где звучал так: «*Автор писал эти стихи после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском Ополчении*». Изменены также многие знаки пунктуации (для примера приведем первую строфу):

Публикация в «Собрании…»	**Публикация в ПССиП (М., 1999. Т. 1. С. 225)**
На поле бранном тишина! Огни между шатрами! Друзья! Здесь светит нам луна, Здесь кров небес над нами! Наполним кубок круговой! Дружнее! Руку в руку! Запьём вином кровавый бой И с падшими разлуку! Кто любит видеть в чашах дно, Тот бодро ищет боя! О всемогущее вино, Веселие героя!	На поле бранном тишина; Огни между шатрами; Друзья, здесь светит нам луна, Здесь кров небес над нами, Наполним кубок круговой! Дружнее! руку в руку! Запьём вином кровавый бой И с падшими разлуку! Кто любит видеть в чашах дно, Тот бодро ищет боя… О всемогущее вино, Веселие героя!

Изменено написание слов с прописной или строчной буквы (напр. русский Царь / Русский царь), сняты выделения.

Разнятся припевы воинов:

Публикация в «Собрании…»	**Публикация в ПССиП (М., 1999. Т. 1. С. 228)**
Наш каждый ратник — славянин! Все долгу здесь послушны; Бежит предатель сих дружин, И чужд им малодушный!	Не изменим; мы от отцов Прияли верность с кровью; О Царь, здесь сонм Твоих сынов, К Тебе горим любовью.

Разнятся некоторые стихи: «И храбрым удивленье!» / «И смелым удивленье!»; «Москва на разрушенье!» / «Москва на разрушенье!»; «С младенцами сынами!» / «С отважными сынами!». Разнится следующий фрагмент:

Врагов блюдет не дремля он, Как змий орел с полета! Хвала, отважный *Воронцов*, Младой, но духом зрелый! И *Тормасов*, гроза врагов, Во брани поседелый! И *Багговут*, среди мечей (*), Средь громов безмятежный!… Хвала вам, бранный сонм вождей, Отчизны щит надежный! В о и н ы Хвала вам, бранный сонм вождей, Отчизны щит надежный!	Блюдет врагов не дремля он, Как змей орел с полета. Хвала, наш Остерман-герой, В час битвы ратник смелый! И Тормасов, летящий в бой, Как юноша веселый! И Багговут, среди громов, Средь копий безмятежный! И Дохтуров, гроза врагов, К победе вождь надежный! Наш твердый Воронцов, хвала <…> (с. 231—232).

Но самое главное: текст в «Собрании…» имеет 586 стихов вместо 672-х в ПССиП, поскольку в него не вошел фрагмент со стиха «Наш твердый Воронцов, хвала!» по стих из припева воинов: «Вселенная: спасенье!» Не вошли в него и примечания, сделанные Д. В. Дашковым. См. их, а также о характере доработки Жуковским текста в целом, о его поэтической традиции, жанровой специфике, вхождении в русское и европейское общественное сознание в указ. комментарии А. С. Янушкевича.

[1] О *Святослав*! — Речь идет о великом князе Святославе Игоревиче. См. примеч. Д. В. Дашкова.

[2] *Донской / С четой двух соименных* — Имеются в виду великий князь Дмитрий Иоаннович, Иоанн III и Иоанн IV. См. примеч. Д. В. Дашкова.

[3] *Полтава*! — Имеется в виду Полтавская битва. См. примеч. Д. В. Дашкова.

[4] *наш бодрый Вождь!* — Речь идет о Михаиле Илларионовиче Голенищеве-Кутузове (1745—1813), русском генерале-фельдмаршале, главнокомандующем во время Отечественной войны 1812 г. С 1812 г.— светлейший князь Смоленский. См. примеч. Д. В. Дашкова.

[5] *Ермолов, витязь юный* — Речь идет о русском генерале и государственном деятеле Алексее Петровиче Ермолове (1777—1861). Перед началом Отечественной войны назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии.

[6] *Раевский, слава наших дней* — Речь идет о генерале Н. Н. Раевском. Далее пересказывается легенда о том, как Раевский выступил в бой со своими двумя малолетними детьми.

[7] *Наш Милорадович* — Имеется в виду генерал русской армии Михаил Андреевич Милорадович (1771—1825). С детства записанный в армию, Милорадович начал военную карьеру во время русско-шведской войны 1788—1790 и к 1796 стал капитаном, при Павле I дослужился до генерал-майора. В 1799 г. участвовал в Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова. В 1805 г. командовал бригадой и неоднократно отличился в сражениях с французами. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. проявил себя как деятельный, честный и храбрый командир. В 1806 г. Милорадович освободил Бухарест, заслужив за это алмазную шпагу с надписью: «За храбрость и спасение Бухареста». В 1809 г. Милорадович стал генералом от инфантерии. В Отечественную войну 1812 г. занимался формированием резервных войск, с которыми присоединился к основным силам русской армии. В Бородинском сражении командовал правым крылом 1-й армии. Был назначен М. И. Кутузовым начальником арьергарда и обеспечивал отход русской армии в Тарутино. При наступлении М. И. Кутузова командовал авангардом, став одним из любимейших командиров, кумиром солдат и народным героем. Во время заграничного похода русской армии в 1813—1814 гг. участвовал в наиболее опасных сражениях и был награжден Александром I титулом графа и орденом Андрея Первозванного. С 1818 г. был военным губернатором Петербурга. 14 декабря 1825 г. Милорадович явился на Сенатскую площадь, пытаясь убедить солдат прекратить бунт, и был смертельно ранен выстрелом П. Г. Каховского.

[8] См. примеч. Д. В. Дашкова, а также наши примечания к «Оде на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в августе 1812» в данном издании.

[9] *Наш Витгенштеин, вождь-герой!* — Речь идет о генерале П. Х. Витгенштейне.

[10] *Наш Коновницын смелый!* — Генерал, государственный деятель Петр Петрович Коновницын (1766—1822). В начале Отечественной войны 1812 года 3-я пехотная дивизия Коновницына была в корпусе генерала Н. А. Тучкова. Принимал участие в обороне Смоленска, в Бородинском сражении. После отступления из Москвы Кутузов назначил Коновницына дежурным генералом штаба русской армии.

[11] *Платов* — Матвей Иванович Платов (1751—1818), прославленный герой Отечественной войны 1812 г., начал службу урядником (унтер-офицером). В двадцать три года у реки Калалах одержал победу над крымскими татарами. Участвовал в бою на Кинбурнской косе и по представлению Суворова был произведен в полковники. Участвовал в штурме Очакова, в сражении при Каушанах. При штурме Измаила проявил исключительную отвагу и, по предложению Суворова, произведен в генерал-майоры. В 1801 г. был назначен наказным атаманом войска Донского. В кампанию 1806 г. прославился преследованием французов на реке Алле. В 1808—1809 гг. на Дунае участвовал в бою при Россевате, осаде

Силистрин, разгроме турок у Татарицы. В 1812 г. нанес поражение коннице Наполеона 28 июня у Мира и 2 июля у Романова, задержав продвижение французов. Прикрывал движение войск Багратиона после боя при Салтановке. После соединения армии у Смоленска встал во главе общего арьергарда. Во второй период кампании атаманским приказом Платов поднял общее ополчение донцов и возглавил войско в двадцать тысяч сабель. Казаки стали грозой для французов (захватили более пятидесяти тысяч пленных, пятьсот орудий и другие трофеи). В 1813 г. Платов преследовал французов до Рейна, в начале 1814 г. взял штурмом город Немур. Воинские подвиги Платова принесли ему огромную славу и популярность во всей Европе.

[12] *наш Нестор, Бенингсон* — То есть генерал Леонтий Леонтьевич Бенингсон, начальник штаба армии (1745—1826). Участник Бородинского сражения, руководил боем при Тарутине.

[13] *отважный Воронцов* — Генерал-майор граф Михаил Семенович Воронцов (1782—1856), герой Отечественной войны 1812 года. В Бородинской битве командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией, которая первой приняла на себя атаки на Багратионовы флеши, и получил рану в штыковом бою, принудившую его оставить ряды войск, а его дивизия практически прекратила существование. Едва поправившись, Воронцов вернулся в строй и был назначен в армию Чичагова, причём ему был вверен отдельный летучий отряд. Во время перемирия (летом 1813 г.) он был переведён в Северную армию; по возобновлении военных действий находился в деле под Денневицем и в битве под Лейпцигом.

В более поздней редакции его характеристика расширена до 2-х строф.

[14] *Тормасов* — Граф Александр Петрович Тормасов, генерал от кавалерии (1752—1819). Командовал 3-й Западной армией на южном фланге.

[15] Багговут — Карл Фёдорович Багговут (Карл Густав фон Баггенхуфвудт) (1761—1812), герой Отечественной войны 1812 г., генерал-лейтенант. Командовал 2-м пехотным корпусом в армии Барклая-де-Толли и за Бородинское сражение награждён орденом св. Александра Невского, но знаки и грамота на орден не были вручены: в сражении под Тарутиным, в самом начале обходного движения, он был убит неприятельским ядром.

[16] *Кульнев* — Яков Петрович Кульнев (1763—1812), генерал-майор (1808), герой Отечественной войны 1812 г. Один из самых популярных военачальников русской армии. Наполеон назвал Я. П. Кульнева «одним из лучших генералов русской кавалерии» и «Ласалем русской армии». На военной службе с 1785 г. Участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг., Польской кампании 1794 г., войны с Францией (1807). Во время русско-шведской войны 1808—1809 гг. командовал отдельным отрядом, применяя методы партизанской борьбы. Во главе отряда корпуса П. И. Багратиона совершил героический переход по льду Ботнического залива и овладел г. Гриссельгамом. В 1810 г. командовал авангардом Дунайской армии. В Отечественную войну возглавлял авангард 1-го пехотного корпуса П. Х. Витгенштейна.

[17] *Кутайсов* — Генерал-майор Александр Иванович Кутайсов (1784 — 1812), во время войны 1812 г. занимал пост начальника артиллерии армейского арьергарда. В Бородинской битве ему было поручено командовать всей артиллерией русской армии, Кутайсов погиб в самом начале сражения, оставив русскую артиллерию без общего командования.

[18] *Петру возник среди снегов / Певец — податель славы!* — Имеется в виду М. В. Ломоносов как сподвижник Петра I.

[19] *Честь Задунайскому Петров!* — Речь идет о поэте В. П. Петрове, писавшем о победах над турками фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

[20] *Пой, лебедь!* — Речь идет о Г. Р. Державине.

V. МОЛИТВА ИЗРАИЛЬСКОГО НАРОДА ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВИЯ СЕННАХИРИМОВА ВОИНСТВА НА ИЕРУСАЛИМ

(«Почто, царь правды, попущаешь…»)
(С. 62)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2 (22). № 4. С. 75—81, с заглавием: «Молитва израильского народа во время нашествия Сейнахиримова воинства на Иерусалим» и подписью: Николай Шатров (выделено курсивом).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Николай Шатров

Д а т и р у е т с я: начало 1813 г., не позднее января (по ценз. разр. Ч. 2 РВ за 1813 г.)

А в т о р: Н. М. Шатров.

Публикации в РВ и «Собрании…» разнятся, главным образом, в пунктуации, а также в написании некоторых слов со строчной или прописной буквы (хоругви, вера).

VI. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

(«Холмистого Олимпа житель…»)
(С. 66)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. Октябрь-ноябрь. № 4. С. 174—175, с заглавием: «Освобождение Москвы» и подписью: Гр. Д. Хв.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Гр. Д. Хв.

Д а т и р у е т с я: не позднее 7 октября 1812 г. (по ценз. разр. Ч. 1. СО за 1812 г.).

А в т о р: Д. И. Хвостов.

Впервые трагедия М. М. Хераскова «Освобожденная Москва», на постановку которой 28 октября 1812 г. написано стихотворение Д. И. Хвостова «Освобождение Москвы», была опубликована в Москве в 1798 г., премьера состоялась в Петровском театре в Москве 18 января 1798 г. Историческую основу трагедии составляет освобождение русским ополчением в 1612 г. Москвы от польских интервентов. Трагедию играли с большими перерывами на сценах Петербурга и Москвы до 1816 г., в том числе в Петербурге во время Отечественной войны, 28 октября и 1 ноября 1812 г., после изгнания из Москвы Наполеона, основные войска которого покинули Москву 19 октября, 23 октября из города ушли последние французские военные части, с этого времени началось освобождение всей России.

В публикации СО[4] строфы отделены друг от друга значком *, первые стихи строф сверстаны с большим отступом, разночтения встречаются, в основном, в пунктуации, об остальных см. в реальном комментарии ниже.

[1] *плен* — В СО: пост. Но в следующем номере это отмечено как ошибка при наборе.

[2] *Твой Гетман Вьянко, твой Желковский…* — Польский полковник Иван Жолкевский, сын коронного гетмана С. Жолкевского, упоминается русскими источниками в связи с ос-

[4] Здесь и далее СО — Сын Отечества.

вобождением Москвы от поляков. Вьянко Желковский — один из персонажей трагедии М. М. Хераскова «Освобожденная Москва».

[3] *свирепые* — В СО: свирепыя.

[4] *темным* — В СО: черным.

[5] *стогны* — Площадь (поэт., устар.).

[6] Ср. в СО: Сии стихи написаны по случаю представления трагедии покойного М. М. Хераскова, называемой: Освобожденная Москва, в пользу актрисы г-жи Каратыгиной, октября 28 дня 1812 года

VII. ОДА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ

(«Москва взята! — Благодаренье…»)
(С. 68)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. Октябрь-ноябрь. № 5. С. 213—218, с заглавием: «Ода на освобождение Москвы» и подписью: И. Ламанский.

П о д п и с ь в «Собрании…»: И. Ламанский.

Д а т и р у е т с я: не позднее 7 октября 1812 г. (по ценз. разр. Ч. 1. СО за 1812 г.).

А в т о р: И. И. Ламанский.

В публикации СО строфы отделены друг от друга значком *, первые стихи строф сверстаны с большим отступом, разночтения встречаются, в основном, в пунктуации, об остальных см. в реальном комментарии ниже.

[1] *сонмы воев* — Множество воинов (кн., устар.).

[2] *…уж у ворот.* — В СО: …уже у врат.

[3] *подземный* — В СО: подземной

[4] *черный* — В СО: черной

[5] *твоей* — В СО: своей

[6] *Капчаков* — Имеются в виду кыпчаки или кипчаки (в русских источниках — половцы, в арабо-персидских — кипчаки), древний тюркский полукочевой народ причерноморских степей, впервые напавший на Русь еще в 1055 г.

[7] *Питала в недрах и Сарматов…* — Сарматы — общее название кочевых скотоводческих ираноязычных племён (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), населявших степные районы от Южного Урала и Западного Казахстана до Дуная.

[8] *Дивившие собой Алкиды!* — Персонажи греческой мифологии. По различным версиям, Алкидов было от двух до восьми.

[9] *Вавилон, колосс Родосский* — Висячие сады Вавилона и Колосс Родосский, гигантская статуя древнегреческого бога Солнца Гелиоса, которая стояла в портовом городе Родосе, входят в число семи чудес света.

[10] *пирамиды Мемфиски* — Одно из семи чудес света — пирамиды Мемфиса, столицы древнего Египта.

[11] *Останков* — В СО: Остатков

VIII. ОДА НА БЕГСТВО НАПОЛЕОНА ОТ МАЛОЯРОСЛАВЦА ЧРЕЗ МОЖАЙСК, ГЖАТСК И ВЯЗЬМУ, БЕСПРЕРЫВНЫМИ ПОРАЖЕНИЯМИ ЕГО АРМИИ СОПРОВОЖДАЕМОЕ

(«Бежит… Россия! Веселися…»)
(С. 72)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. Октябрь-ноябрь. № 5. С. 222—224, с заглавием: «Ода на бегство Наполеона от Малоярославца чрез Можайск, Гжатск и Вязьму, беспрерывными поражениями его армии сопровождаемое» и подписью: Ив. Кованько. 29 октября 1812.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ив. Кованько.

Д а т и р у е т с я: 29 октября 1812 г.

А в т о р: И. А. Кованько.

Темой стихотворения, получившей в нем одическое изображение, являются реальные исторические события. Сражение под Малоярославцем, между русскими и французскими войсками, состоялось 24 октября (12 октября). Ему предшествовало решение Наполеона оставить Москву и отступать к базам снабжения в Смоленске через Калугу. Этот путь перед Малоярославцем наполеоновским войскам преградил пехотный корпус под командованием генерала Д. С. Дохтурова. В результате боя Малоярославец сгорел почти полностью, на улицах города из-за пожаров погибло много раненых с обеих сторон. 26 октября Наполеон приказал отступать на Можайск. Бои за Малоярославец оказались для французов безрезультатными и лишь задержали их отступление. Из Можайска французская армия возобновила движение к Смоленску через Гжатск и Вязьму, т. е. той дорогой, по которой наступала на Москву. Е. В. Тарле в гл. IX «Отступление Великой армии. — Малоярославец и начало партизанской войны» своей книги «Наполеон» пишет: «Наполеон отступал от Малоярославца на Боровск, Верею, Можайск. На этот раз он приказывал забирать у населения решительно все, что может пригодиться в походе, и беспощадно сжигать города, села и деревни, через которые будет отступать его армия. Правда, после первого прохождения по этим местам русской и следовавшей за ней наполеоновской армии сжигать там осталось очень мало <…> После Вязьмы мороза еще не было, но стало много холоднее. Милорадович и Платов шли за французским арьергардом, постоянно его тревожа, казачьи отряды и партизаны рыскали по флангам отступающей французской армии, захватывали обозы, рубили в нечаянных налетах отдалившиеся от главных сил отряды. <…> Голод приобретал катастрофические размеры для французской армии».

В публикации СО строфы отделены друг от друга значком*, первые стихи строф сверстаны с большим отступом, малочисленные разночтения находим в пунктуации.

IX. ОДА НА ПОБЕДЫ НАД ВРАГАМИ

(«Велик, велик твой Бог, Россия!»)
(С. 74)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 8. С. 84, с заглавием: «Ода на победы над врагами» и подписью: Марин.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Марин.

Д а т и р у е т с я: не позднее 15 ноября 1812 г. (по ценз. разр. 2-й ч. СО за 1812 г.).

Автор: С. Н. Марин.
Тексты в СО и «Собрании…» идентичны, за исключением некоторых знаков препинания.

X. СТИХИ, ПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ИЗВЕСТИЯ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА ОТ 28 ОКТЯБРЯ ИЗ г. ЕЛЬНИ

(«Велик Бог сил!.. Победа! — пишет…»)
(С. 75)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. Октябрь-ноябрь. № 6. С. 248—249, с заглавием: «Стихи, писанные по прочтении известия генерал-фельдмаршала князя Голенищева-Кутузова от 28 октября из г. Ельни» и подписью: Язвицкий. С. П. Б. Нояб<ря> 3. 1812.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Язвицкий. С. П. Б. Нояб. 3, 1812.

Д а т и р у е т с я: 3 ноября 1812 г.

А в т о р: Н. И. Язвицкий.

В публикации СО строфы разделены значком *, разночтения есть в пунктуации, в выделении отдельных слов и фраз (напр., первый стих выделен курсивом), в написании отдельных слов со строчной или прописной буквы (напр., небо, милость).

[1] В «Донесении М. И. Голенищева-Кутузова от 28 октября (9 ноября) 1812 г.» из г. Ельни главнокомандующий армиями доносил его императорскому величеству следующее: «Велик Бог, всемилостивейший государь!

Припадая к стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, поздравляю вновь с победою.

Сей час получил рапорт (генерала М. И. Платова к генерал-фельдмаршалу князю М. И. Голенищеву-Кутузову, от 27 октября (8 ноября) 1812 г. из д. Манторово), который в оригинале при сем следует. Совершенное разбитие 4 корпуса французского под командою вице-короля Италийского, одних пленных 3.000 [человек], множество убитых, 62 пушки со всею упряжью и зарядными ящиками.

Казаки делают чудеса: истребляют не только пехотные колонны, но нападают быстро и на артиллерию. Есть надежда, что малые остатки сего корпуса истреблены будут еще до Духовщины.

Несколько дней тому назад, как все французы, в плен приводимые, неотступно просят о принятии их в российскую службу; и вчерашнего числа итальянской гвардии 15 офицеров приступили с тою же просьбою, говоря, что нет выше чести, как носить мундир российский» (опубликовано в: Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». № 89 от 5 ноября 1812 г.; Северная почта. № 89 от 6 ноября 1812 г.; Московские ведомости. № 71—94 от 23 ноября 1812 г.; Исторический, статистический и географический журнал. 1812. Ч. 4. Кн. 2—3 (ноябрь — декабрь). С. 120—121).

[2] *велиим* — Полная форма т. п. ед. ч. от ц.-слав. прилагательного «велий», т. е. «великий» с оттенком усиленной интенсивности, здесь означает «очень громким».

[3] *споборайте* — То есть «способствуйте», «помогайте», «содействуйте».

[4] *убо* — (ц.-слав.) 1) итак, сего ради, посему, следовательно, стало быть; 2) ибо, так как, потому что.

XI. ОДА НА ПАРЕНИЕ ОРЛА НАД РОССИЙСКИМИ ВОЙСКАМИ ПРИ СЕЛЕ БОРОДИНЕ В АВГУСТЕ 1812 ГОДА

(«Орел, вияся над главою…»)
(С. 77)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 6. С. 250—251, с заглавием: «Ода на парение Орла над российскими войсками при селе Бородине в Августе 1812», с подписью: К.-З-кий. Тверь. Нояб. 8, 1812.

П о д п и с ь в «Собрании…»: К.-З-кий. Тверь. Нояб. 8, 1812.

Д а т и р у е т с я: 8 ноября 1812 г.

А в т о р: не известен.

Эпизод, согласно которому либо при первом знакомстве с армией в Царевом-Займище, либо при осмотре позиций накануне Бородинского сражения над головой М. И. Кутузова парил орел, нашел отражение в ряде мемуарных источников (и даже документов — напр., в «партикулярном» письме из Главной квартиры от 26 августа 1812 г. читаем: «…в самый первый день, когда главнокомандующий наш ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головою: князь Михайло Ларионович снял шляпу, и все воскликнули тогда "ура!" Где россы, подобно римлянам, идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними» (Северная почта. 1812. 4 сентября)) и художественных произведений. «С быстротою молнии во все концы обширной России разнеслась весть, будто бы в самое то время огромный орел вознесся над головою Кутузова, сопровождая его при объезде лагеря. Это событие, действительное или вымышленное, осталось в народных преданиях», — справедливо утверждает А. В. Горбунов (*Горбунов А. В.* Музеефикация Бородинского поля и развитие Бородинского музея-заповедника // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XII Всероссийской науч. конф. М., 2005. С. 35).

Из стихотворных откликов назовем самые известные. 31 августа 1812 г. была написана «Ода по случаю парения орла над российскою армиею, под предводительством князя Кутузова при селе Бородине, 1812 года в августе» Г. Р. Державина, который хорошо знал министра внутренних дел О. П. Козодавлева и мог получить информацию об эпизоде из первых рук, не дожидаясь выхода газеты:

Се знак: — мы победим врагов.
Мужайся, бодрствуй, князь Кутузов!
Коль над тобой был зрим орел,
Ты верно победишь французов.

Укажем также на строки из «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского (октябрь 1812 г.):

О диво! се орел пронзил
Пред ним небес равнины…
Могущий вождь главу склонил <…>.

Второе издание «Певца…», как известно, было дополнено прозаическими примечаниями Д. В. Дашкова. В одном из них отмечалось: «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы: знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устроивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею погибели врагов наших».

Упоминание этого эпизода, всё более обретающего метафорические или символические оттенки, находим и в других публикациях — 1813 г., в том числе в «эпической песни» «Сражение при Бородине» Д. П. Глебова, в поэме «Наполеон в России» Н. Телепнева, в стихотворении Н. Д. Иванчина-Писарева «Надпись на поле Бородинском» и в более поздних стихотворениях: «На Бородинские вершины / Седой орел с детьми засел… » (Ф. Н. Глинка), в стихотворении В. А. Жуковского «Вождю победителей» орел не упомянут, но угадывается: «О старец-вождь! Я мнил, что над тобою / Тогда сам Рок невидимый летел».

Стихотворение неизвестного автора «Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в августе 1812», вошедшее в «Собрание…», встает в один ряд с названными произведениями как еще одно отражение легендарного события.

В СО строфы разделены значком *, первый стих всех строф сверстан с отступом, разночтения находим в пунктуации, о других см. в реальном комментарии ниже.

[1] *ввысь* — В СО: выспрь

[2] *ширяясь* — Деепричастие от глагола «ширять» (книжн. устар.), т. е. «широко взмахивать (крыльями)».

XII. ОДА НА ИЗГНАНИЕ ВРАГА

(«Во мраке *туч* — в густом тумане…»)
(С. 78)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 3. № 1. С. 44—46, с заглавием: «Ода на изгнание врага», с подписью: Александр Аргамаков. Декабря 6, 1812. Местечко Шклов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Александр Аргамаков.

Д а т и р у е т с я: 6 декабря 1812 г.

А в т о р: А. В. Аргамаков.

В СО первый стих всех строф сверстан с отступом, разночтения находим в пунктуации, в написании отдельных слов с прописной или строчной буквы, о других см. в реальном комментарии ниже.

[1] *Румянцев* — Имеется в виду П. А. Румянцев-Задунайский.

[2] *судеб* — В СО: судеб.

[3] *громовые* — В СО: громовыя.

[4] *злые* — В СО: злыя.

[5] *мечтанья* — В СО: мечтаньи.

XIII. ПЕСНЬ БОГУ, ПОКРОВИТЕЛЮ РОССИИ

(«Велик Господь! Велик и дивен чудесами!»)
(С. 80)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2 (22). № 5 (май). С. 3—4, с заглавием: «Песнь Богу, по истреблении врагов России», с подписью: Григорий Волков. Пенза. 13 генваря 1813 года.

Д р у г и е и з д а н и я: Друг юношества. 1813. Июль. С. 80, с заглавием: «Песнь Богу, покровителю России» и с подписью: Гр. Волков. Пенза. 1813. Января.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Гр. Волков. Пенза. 1813, января.

Д а т и р у е т с я: 13 января 1813 г.

А в т о р: Г. Волков.

Публикации в РВ и ДЮ практически идентичны тексту из «Собрания…», за исключением нескольких пунктуационных знаков и отмеченного в реальном комментарии случая. Кроме того, стихи 1-й и 4-й сверстаны с отступом.

[1]*злого* — В ДЮ: злаго

XIV. СТИХИ НА ИЗГНАНИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ ИЗ РОССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ЕГО СВЕТЛОСТИ, КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЛАРИОНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

(«Приник с превыспренних небес…»)
(С. 81)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 15. С. 153—155, с заглавием: «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому» и подписью: Князь Дмитрий Горчаков.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Князь Дмитрий Горчаков.

Д а т и р у е т с я: не позднее 23 марта 1813 г. (по ценз. разр. 5-й ч. СО за 1813 г.).

А в т о р: Д. П. Горчаков.

В СО строфы разделены значком *, первые стихи строф сверстаны с отступом, разночтения находим в пунктуации, в написании отдельных слов с прописной или строчной буквы (напр., в СО: дворянский род, вера, отчизна; в Собрании: Дворянский род, Вера, Отчизна).

[1]*Осклаби* — То есть широко улыбнись.
[2]*Умателел* — То есть «достиг полной зрелости», «набрался опыта».
[3] *Искусно* — В СО: Искусством.

XV. КНЯЗЮ СМОЛЕНСКОМУ

(«О вождь славян! Дерзнут ли робки струны…»)
(С. 84)

В п е р в ы е: отдельное издание: В походной типографии штаба М. И. Кутузова при главной квартире русской армии в селе Романове, с указанием даты: 1812 года. Ноября 10.

Д р у г и е и з д а н и я: Вестник Европы. 1812. Ч. 66. № 21—22. С. 12—15, с заглавием: «Вождю победителей», подписью: В. Ж. и примечанием: «С печатанного в селе Романове 1812-го года ноября 10 в походной типографии»; Сын Отечества. 1813. Ч. 3. № 5. С. 242—245, с заглавием: «Князю Смоленскому», с подписью: В. Жуковской и примечанием: «Сие стихотворение напечатано при главной квартире российской армии»; отдельное издание «К князю Смоленскому» (СПб., 1813), с подзаголовком «Писано после сражения под Красным». Стихотворение вошло во все прижизненные собрания сочинений Жуковского с заглавием: «Вождю победителей» и датой: 1812 (в последнем прижизненном собрании — пятом — ошибочно отнесено к 1811 г.).

П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Жуковский.

Д а т и р у е т с я: 10 ноября 1812 г.

А в т о р: В. А. Жуковский.

Об истории создания стихотворения см. комментарий Ф. З. Кануновой в: *Жуковский В. А.* ПССиП: В 20 т. Т. 1. С. 607—609.

Тексты из «Собрания…», ВЕ и СО почти идентичны (см. комментарий ниже).

[1] *Сколь Промысел для нас неизъясним!* — В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского: Закон судьбы для нас неизъясним.

[2] *пески ливийские пылали* — Речь идет о египетской экспедиции Наполеона (1796 г.).

[3] *Вотще враги пучину осаждали* — Имеется в виду обход преследующей эскадры английского адмирала Нельсона (1798 г.).

[4] *Достойные Арминия сыны* — То есть потомки вождя германского племени херусков Арминия (XVII—XXI вв. до н. э.), с которыми сравниваются германские правители.

[5] *Уж росс главу под низкий мир склонил!..* — Имеется в виду Тильзитский мир (1807 г.).

[6] *Как Промысел, явился ты полкам* — В ВЕ: Как Божий дар, явился ты полкам. В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского: Посол судьбы, явился ты полкам.

[7] *Еще вдали трепещет оттоман* — Имеются в виду победы русской армии над турками и заключение мира с Турцией в 1812 г.

[8] *погибельное мщенье* — В ВЕ и СО: спасительное мщенье.

[9] *Се он! се он!* — В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского: Вот он! Вот он!

[10] *И щит с рамен* — В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского: И меч с бедра.

[11] *Да вкусишь там покоя наслажденье* — В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского далее следует стих, отсутствующий в публикациях «Собрания…», ВЕ и СО: Пред славными победами побед.

[12] *Речет сынам: «Мне им сбережена / В стране отцов спокойная могила!»* — В последнем прижизненном собрании стихотворений Жуковского: В семействе скажет: «Им сбережена / Мне мирная в отечестве могила».

XVI. БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ПЕСНЬ БОГУ, ИЗБАВИТЕЛЮ РОССИИ

(«Господь! Вселенной повелитель…»)
(С. 87)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 1. С. 3—6, заглавием: «Благодарственная песнь Богу, избавителю России», с подписью: 1813 года, января 6 дня.

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Из Р. Вест.)

Д а т и р у е т с я: 6 января 1813 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

В РВ строфы разделены значком *, первые стихи строф сверстаны с отступом, немногочисленные разночтения встречаются, в основном, в пунктуации, о др. см. в реальном комментарии ниже.

[1] *Господь сил с нами: заступник наш Бог Иаковль* — Пс. 45:12.
[2] *Злоумыслитель* — В РВ: Злоумышлитель.
[3] *Влек всю Европу за собою, / Шагнул…* — В РВ: Влек всю Европу за собою / Шагнуть…
[4] *самого* — В РВ: самаго.

XVII. СТИХИ ПО СЛУЧАЮ КРЕСТНОГО ХОДА НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ОСВЯЩЕНИИ АРХАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА, В ДЕНЬ ПРАЗДНЕСТВА СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ

(«Велик наш Бог, Господь, Спаситель…»)
(С. 89)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 3. С. 3—5, с заглавием: «Стихи по случаю крестнаго хода на другой день по освящении Архангельскаго собора, в день празднества Сретения Господня». И с датой в конце: 2 февраля 1813 года.

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Из Р. В.)

Д а т и р у е т с я: 2 февраля 1813 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

Стихотворение написано как отклик на реальные события, связанные с Собором Михаила Архангела (Архангельский) в Кремле, который был построен в 1505—1508 гг. Как указывает протоиерей А. Лебедев, в 1812 г. из собора французами была похищена серебряная рака с мощами св. чудотворцев Черниговских, великого князя Михаила и боярина его Федора (*Лебедев А. Н.* Московский кафедральный Архангельский собор. М., 1880. С. 231—232). Храм был осквернен. По рассказам очевидцев, при французах в Архангельском соборе размещалась кладовая с запасами зерна и других продуктов. По словам А. Лебедева, с икон и рак со святыми мощами были содраны дорогие ризы, иконы были поруганы, т. к. их употребляли для бытовых нужд. Восстановление собора началось в конце 1812 г. Викарий Московской митрополии, преосвященный Августин с ноября 1812 г. по январь 1813 г. приготовил собор к освящению, которое было торжественно совершено 1 февраля. Во время этого празднества в крестном хождении вокруг собора участвовали настоятели всех монастырей, протоиереи со священниками церквей Кремля. Главной святыней этого хода были мощи св. ца-

ревича Димитрия. (см. подробнее публикацию А. Ю. Послыхалина: [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://trojza.blogspot.com/2012/04/1812_12.html).

В РВ строфы разделены значком *, первые стихи строф сверстаны с отступом, немногочисленные разночтения встречаются, в основном, в пунктуации, о др. см. в реальном комментарии ниже.

[1]*и пепел…* — В РВ: и в пепел.

[2]*взгляните* — В РВ: воззрите.

XVIII. СТИХИ ПО ПРОЧТЕНИИ МАНИФЕСТА ОТ 3 НОЯБРЯ 1812 ГОДА И ВСЛЕД ЗА НИМ ИЗВЕСТИЯ ОТ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО 7- И 8-го ЧИСЛ ТОГО ЖЕ НОЯБРЯ

(«Велик и дивен правды Бог!»)
(С. 91)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2. № 4. С. 3—5, с заглавием: «Стихи по прочтении Манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го чисел того же ноября» и подписью: Б*. С. Борисовка.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Б* Село Борисовка

Д а т и р у е т с я: не ранее 8 ноября 1812 г. (ценз. разр. РВ от января 1813 г.).

А в т о р: Б. К. Бланк.

3 ноября 1812 г. был объявлен «Манифест об изъявлении Российскому народу благодарности за спасение Отечества от 3 [/ 15] ноября 1812 г.», в котором говорилось: «Божиею милостью Мы АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всенародно: Всему свету известно, каким образом неприятель вступил в пределы нашей империи. Никакие приемлемые нами меры к точному соблюдению мирных с ним постановлений, ниже прилагаемое во всякое время старание всевозможным образом избегать от кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорного и ничем не преклонного намерения. С мирными в устах обещаниями не переставал он помышлять о брани. Наконец, приготовя сильное воинство и приумножа оное Австрийскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Итальянскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками, угрозами и страхом приневоленными, со всеми сими многочисленными силами и множеством орудий двинулся он внутрь земли нашей. Убийства, пожары и опустошения следовали по стопам его. Разграбленные имущества, сожженные города и селы, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и алтари Господни, словом, все неслыханные доселе неистовства и лютости, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать. Исполнен сею боязнию и глубокою ненавистью к ней, вращал, изобретал, устроял он в уме своем все коварные средства, которыми бы мог нанести силам ее страшный удар, богатству ее всеконечное разорение, изобилию ее повсеместное опустошение. Даже хитрыми и ложными обольщениями мнил потрясть верность к престолу, поруганием же святыни и храмов Божьих поколебать веру, и нравы народные заразить

буйством и злочестием. На сих надеждах основал он пагубные свои замыслы, и с ними, наподобие тлетворной и смертоносной бури, понесся в грудь России. Весь свет обратил глаза на страждующее наше Отечество, и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости. Но велик и силен Бог правды! не долго продолжалось торжество врага. Вскоре, стесненный со всех сторон храбрыми нашими войсками и ополчениями, почуствовал он, что далеко дерзкие стопы свои простер, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодейств, мужественных и верных Россиян устрашить и от погибели своей избавиться не может. После всех тщетных покушений, видя многочисленные войска свои повсюду побитые и сокрушенные, с малыми остатками оных ищет личного спасения своего в быстроте стоп своих: бежит от Москвы с таким уничижением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней. Бежит оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои и предавая в жертву все то, что за скорыми пятами его последовать не успевает. Тысячи бегущих ежедневно валятся и погибают. Тако праведный гнев Божий карает поругателей святыни Его! Внимая с отеческим чадолюбием и радостным сердцем сим великим и знаменитым подвигам любезных наших верноподданных, в начале приносим Мы теплое и усердное благодарение источнику и подателю всех отрад всемогущему Богу. Потом торжественно от лица всего Отечества изъявляем признательность и благодарность нашу всем нашим верноподданным, яко истинным сынам России. Всеобщим их рвением и усердием доведены неприятельские силы до крайнего истощения, и главною частью или истреблены или в полон взяты. Все единодушно в том содействовали. Храбрые войска наши везде поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего к умножению государственных сил. Почтенное купечество ознаменовало себя всякого рода пожертвованиями. Верные народ, мещанство и крестьяне, показали такие опыты верности и любви к Отечеству, какие одному только русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно в ополчения, в самом скором времени собранные, явили в себе мужество и крепость приученных к браням воинов. Твердая грудь их и смелая рука с такою же неустрашимостью расторгала полки неприятелей, с какою, за несколько перед тем недель, раздирала плугом поля. Таковыми наипаче оказали себя под Полоцком и в других местах Санктпетербургские и Новгородские дружины, отправленные в подкрепление войск, вверенных графу Витгенштейну. Сверх того из донесений главнокомандующего и других генералов с сердечным удовольствием видели Мы, что во многих губерниях, а особливо в Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали из себя предводителей, и не только никакими прельщениями врагов не были уловлены, но и с мученическою твердостью претерпевали все наносимые ими удары. Часто приставали к посылаемым отрядам нашим и помогали им делать поиски и нападения. Многие селения скрывали в леса семейства и малолетних детей, а сами вооружась и поклявшись перед Святым Евангелием не выдавать друг друга, с невероятным мужеством оборонялись и нападали на появляющегося неприятеля, так что многие тысячи оного истреблены и взяты в плен крестьянами и даже руками женщин, будучи жизнью своею обязаны человеколюбию тех, которых они приходили жечь и грабить. Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков. При таковых доблестях его, Мы вместе с православною церковью и Святейшим Синодом и духовенством призывая на помощь Бога, несомненно надеемся, что если неукротимый враг наш и поругатель святыни не погибнет совершенно от руки России, то по крайней мере по глубоким ранам и текущей крови своей почувствует силу ее и могущество. Между тем почитаем за долг и обязанность сим нашим всенародным объявлением изъявить перед целым светом благодарность нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому.

Дан в Санктпетербурге, в 3-й день месяца ноября, в лето от Рождества Христова 1812, Царствования же нашего во второнадесять. Александр» (опубликовано в: Прибавление к «Санкт-Петербургским ведомостям». № 90 от 8 ноября 1812 г.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. № 45 от 9 ноября 1812 г.; Северная почта. № 90 от 9 ноября 1812 г.; Московские ведомости. № 71—94 от 23 ноября 1812 г. и др.).

В донесениях М. И. Голенищева-Кутузова от 6 и 8 ноября 1812 г. его императорскому величеству перечислялись поражения неприятеля и победы русской армии, количество взятых за эти дни у французов пушек, зарядных ящиков, экипажей и пленных.

Публикации в ПВ и «Собрании…» идентичны, за исключением того, что в РВ строфы отделены друг от друга звездочками.

[1] *коснит* — От глагола «коснить» — медлить, затягивать.

XIX. К ОТЕЧЕСТВУ

(«О русская земля, благословенна Небом…»)
(С. 93)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 11—12. С. 176—179, с заглавием: «К Отечеству», с подписью: Воейков.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Воейков.

Д а т и р у е т с я: не ранее мая-июня 1813 г.

А в т о р: А. Ф. Воейков.

Разночтения с текстом в ВЕ находим, главным образом, в пунктуации и написании отдельных слов с прописной или строчной буквы (напр., в ВЕ: цари, царства, вера).

[1] *выспренний* — Высочайший, наивысочайший (в переносном смысле).

[2] *Задунайский Вождь, Крымский, и Чесменский* — Имеются в виду русские военные и государственные деятели Пётр Александрович Румянцев-Задунайский, Василий Михайлович Долгоруков-Крымский (1722—1782) — князь, генерал-аншеф, и Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737—1808) — генерал-аншеф (1769), граф (1762), сподвижник Екатерины II.

[3] *Десная пусть рука моя меня забудет* — Перифраз библейского выражения «Да будет забвенна десница моя, аще забуду тебя, Иерусалиме».

[4] *Несытного* — В ВЕ: Несытого.

[5] *Царица скифская, рассеяв персиян, / Несытного кровей главу отъемлет Кира* — Согласно легенде соседи скифов, персы, многократно пытались покорить этот вольный народ. В 530 г. до Рождества Христова, правитель персов Кир решил захватить земли скифского племени массагетов, царицей которых была царица Томирис. Лидийский царь Крез посоветовал Киру напоить вином массагетов и таким образом одержать над ними победу. В результате погибли многие скифские воины, был взят в плен сын Томирис, которая отправила к Киру вестника, велев передать ему: «Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Не твои воины победили нас, но виноградная лоза одолела их сном. Послушайся последнего моего совета. Отдай мне сына и всех пленников и уходи подобру-поздорову с нашей земли. Если же не уйдешь, то клянусь, что напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен». Кир даже не дослушал посланника. Сын Томирис убил себя на глазах у Кира. На следующий день состоялась битва войск Кира и Тимирис, в которой персидский предводитель погиб.

Царица Томирис отрубила Киру голову и бросила ее в винный мех, наполненный до краев человеческой кровью. «Ты жаждал крови — напейся же ею теперь досыта!» — сказала она. Победа скифов и гибель персидского царя передаются как параллель к современным 1812 году событиям в России.

[6] *Опустошителю Персеполя и Тира* — Персеполь стал, наряду с Вавилоном, Сузами и Экбатанами, одной из четырех столиц персидского царя Кира, финикийский город Тир со времени царя Кира подпал под власть Персии.

[7] *орать поля* — То есть пахать поля.

[8] *смарагдов, перл* — Смарагд — драгоценный камень зеленого цвета, перл — старинное русское название жемчуга.

[9] *из ныищ* — Развалины, место разрушенного дома (ц.-слав.).

[10] *Димитрий с громами* — Дмитрий I Иванович (1350—1389), прозванный Донским за победу в Куликовской битве, сражении войск русских княжеств против ордынцев (8 сентября 1380 г.).

[11] *Лев Скандинавский, Карл* — Карл XII (1682—1718) — король Швеции в 1697—1718 гг., полководец, потративший большую часть своего правления на продолжительные войны в Европе. В частности, далее в стихотворении упоминается Полтавская битва — крупнейшее сражение Северной войны между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII (27 июня (*8 июля*) 1709 г.), победа в которой русской армии привела к перелому в Северной войне в пользу России и положила конец господству Швеции как одной из ведущих военных сил в Европе.

[12] *Стремится Фридерик Европу возмутить* — Имеется в виду Фридрих II, или Фридрих Великий (1712 — 1786) — король Пруссии с 1740 г., инициировавший Семилетнюю войну.

[13] *Салтыков* — Граф Пётр Семёнович Салтыков (1698 — 1772) — русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (18 августа 1759 г.), главнокомандующий русской армией в Семилетнюю войну (1756—1763 гг.). С его именем связаны наиболее крупные успехи русской армии в этой войне, когда Россия противоборствовала с Пруссией, помогая Австрии и другим своим союзникам.

XX. ОДА НА НОВЫЙ 1813-й ГОД

(«Разверзи мрачный зев твой, Вечность…»)
(С. 96)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1813. Март. С. 108—113, с заглавием: «Ода на Новый 1813-й год», с подписью: Михайла Виноградов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Михайла Виноградов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 23 апреля 1813 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: М. Виноградов.

В публикации ДЮ строфы разделены тремя значками *, первые стихи строф сверстаны с отступом, немногочисленные разночтения встречаем в пунктуации, в написании отдельных слов с прописной или строчной буквы, в выделениях.

[1] *Смоленск, сколь древний, столь прекрасный, / Огнем в конец разрушен был* — Утром 16 августа 1812 г. Наполеон начал бомбардировку Смоленска. Город оборонялся дивизией Раевского. Сражение шло весь день. Ночью корпус Раевского был сменен корпусом Дохту-

рова. Утром 17 августа битва возобновилась, артиллерийский бой длился до вечера. Предместья Смоленска и части города были объяты пламенем. Ночью канонада и пожары усилились: Б. де Толли приказал взорвать пороховые склады и выйти из города.

[2] *днесь* — В ДЮ: здесь.

[3] *Ругаясь дерзостью* — В ДЮ: Ругаясь с дерзостью.

XXI. ПЕСНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ ГАЛЛЬСКОГО ФАРАОНА, ПОСВЯЩЕННАЯ ЗНАМЕНИТОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ СОЧИНИТЕЛЯ, ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ

(«Восстани свыше вдохновенный…»)
(С. 99)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1813. Январь. С. 62—65, с заглавием: «Песнь на поражение галльского фараона посвящается знаменитому покровителю моему его превосходительству, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову», с подписью: А. Урываев.

П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Урываев.

Д а т и р у е т с я: не позднее 22 марта 1813 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: А. Урываев.

В публикации ДЮ строфы разделены значком *, первые стихи строф сверстаны с отступом, разночтения находим в пунктуации, в написании некоторых слов с прописной или строчной буквы (напр.: заступник, покровитель).

[1] *И конь, и всадник купно пали!* — Аллюзия, содержащая отчетливый намек на образ всадников Апокалипсиса.

[2] *в снедь* — В ДЮ: в след

[3] *зияющей* — В ДЮ: сияющей

[4] *И всадник гордый с колесницей / В земле зияющей погряз!* — В одном из видений пророка Захарии (которое соответствует видению о всадниках у Иоанна) речь идёт о появлении четырёх колесниц, которые «предстоят пред Господом всей земли» (Зах. 6, 5), цвет коней, кроме одного, соответствует цвету колесниц.

[5] *Покрыл их тьмою, как пучиной* — Ср. в Библии: Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море. Господь крепость моя и слава моя, Он был мне спасением. Он Бог мой, и прославлю Его; Бог отца моего, и превознесу Его. Господь муж брани, Иегова имя Ему. Колесницы фараона и войско его ввергнул Он в море, и избранные военачальники его потонули в Чермном море. Пучины покрыли их: они пошли в глубину, как камень (Исх. 15:1—5).

[6] *студ* — Срам, позор, посрамленье (ц.-слав.).

[7] *древле* — Некогда, когда то, в древности, давно, в старину (устар.).

[8] *бездна понта* — То есть бездна моря.

[9] *Михаил* — Имеется в виду архангел Михаил, в христианстве главный архангел, являющийся одним из самых почитаемых библейских лиц, верховный военачальник, полководец верных Богу ангелов, победоносный враг Сатаны, победитель зла.

[10] *О Боже! Кто Тебе подобен? / Колико к нам благоутробен* — Ср.: Боже, до самых высот, — в том, что Ты для меня сделал великого, Боже, — кто подобен Тебе? (Пс. 70:19). *Благоутробен* — т. е. милосерден, милостив, сострадателен (ц.-слав.).

XXII. К РОССИЯНАМ. ДИФИРАМБ

(«Година страшных испытаний…»)
(С. 102)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 4. С. 168 — 172, с заглавием: «К Россиянам. Дифирамб», с подписью: А. Востоков.

П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Востоков.

Д а т и р у е т с я: не позднее 7 октября 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: А. Х. Востоков.

Тексты почти идентичны, за исключением некоторых пунктуационных знаков, написания отдельных слов со строчной или прописной буквы и отмеченных в реальном комментарии случаев.

[1] *страж* — В СО: страх.

[2] *Чингисов* — Имеется в виду собирательный образ Чингисхана (ок. 1155 или 1162—1227) — основателя и первого великого хана Монгольской империи, объединившего разрозненные монгольские племена; полководца, организовавшего завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу.

[3] *свершить* — В СО: свершать.

[4] *как Алкид, / Антея нового в объятиях теснит* — Алкид — имя, данное при рождении Гераклу (в древнегреческой мифологии — герой, сын бога Зевса и Алкмены — жены героя Амфитриона). Антей (Ανταίος), в греческой мифологии сын Посейдона и богини земли Геи, великан. Славился неуязвимостью, но был неуязвим до тех пор, пока прикасался к материземле. Геракл на пути к саду Гесперид встретил Антея и одолел его, оторвав от земли и задушив в воздухе.

[5] *басенных* — В СО: басненных. Здесь имеется в виду: мифологических.

[6] *изъязвлены* — В СО: изъявлены.

[7] *Витгенштейн троих драконов жало стер!* — В СО: Витгенштейн троим драконам жало стер!

[8] *златокрыл* — В СО: златокрил.

XXIII. К ДРУЗЬЯМ

(«Ах! Можно ли забыть год, россам незабвенный…»)
(С. 104)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1813. Январь. С. 59—62, с заглавием: «К друзьям» и подписью: Александр Прожик. Харьков, января 22 дня 1813 года.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Александр Прожик.

Д а т и р у е т с я: 22 января 1813 г.

А в т о р: А. Прожика.

Разночтения текстов из ДЮ и «Собрания…» чаще всего встречаем в пунктуации, о других см. ниже в реальном комментарии.

[1] *толь* — В ДЮ: столь.

[2] *лавры счастья* — В ДЮ: лавры, счастье.

[3] *мщенья* — В ДЮ: мщений.

[4] *Филипп ожесточенный* — Имя многих европейских правителей, среди них — римский император Филипп I, короли Испании и Франции, македонский царь Филипп II, отец Александра Македонского. Трудно сказать, кто именно здесь имеется в виду, можно лишь предположить, судя по ряду имен, в который вставлено имя «Филипп», что речь идет о римском императоре Филиппе I.

[5] *дерзновенный Карл* — В ДЮ: дерзкий смелый Карл. Судя по ряду имен, в который вставлено имя «Карл», можно предположить, что речь идет о Карле Великом, императоре Священной Римской империи.

XXIV. СТИХИ В ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНИЯ ГОСПОДНЯ. НА ВОЙНУ

(«Блеснула молния — мгновенно…»)
(С. 106)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1813. Январь. С. 66—67, с заглавием: «Стихи в день Богоявления Господня. На войну», с подписью: Андрей Кулаков и датой и местом создания стихотворения: от 6 января 1813 года. Молога.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Андрей Кулаков. Января 1813 года. Молога.

Д а т и р у е т с я: 6 января 1813 г.

А в т о р: А. Кулаков.

Немногочисленные разночтения текстов находим в пунктуации, в написании отдельных слов с прописной или строчной буквы (напр.: Закон, Вера). О других см. ниже в реальном комментарии.

[1] *Фурия ада*— В ДЮ: Фурия из ада.

[2] *змий* — В ДЮ: змей.

[3] *изрыгать* — В ДЮ: возжигать.

[4] *Во гневе, ярости*— В ДЮ: Во гневе ярости.

[5] *Омыл*— В ДЮ: Обмыл.

XXV. ПЕСНЬ ВЕЛИКОМУ ВОЖДЮ ГЕРОЕВ

(«Маститый сын Беллоны!»)
(С. 108)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 5—6. С. 17—21, с заглавием: «Песнь великому вождю героев» и подписью: Ф. Иванов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ф. Иванов

Д а т и р у е т с я: не позднее марта-апреля 1813 г.

Автор: Ф. Ф. Иванов.

Тексты почти идентичны, разночтения в пунктуации немногочисленны.

[1]*сын Беллоны* — Беллона — в римской мифологии богиня войны. Ее считали матерью Марса, иногда его сестрой или кормилицей.

[2]*веждей* — То есть ресниц, век (ц.-слав.).

XXVI. НА РАЗРУШЕНИЕ МОСКВЫ

(«Челом во прах! — Благоговейте…»)
(С. 112)

В п е р в ы е: Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 4. № 10. С. 22—25, с заглавием: «На разрушение Москвы», с подписью: Иванов.

Д р у г и е и з д а н и я: Русский вестник. 1813. Ч. 3 (23). № 7. С. 3—8, с заглавием: «На разрушение Москвы», с подписью: Ф. Иванов. В «Собрании…» публикуется вариант из РВ.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ф. Иванов

Д а т и р у е т с я: не позднее января 1813 г. (по ценз. разр. РВ. 1813. Ч. 3. № 7).

А в т о р: Ф. Ф. Иванов.

Публикации в СПбВ[5] и «Собрании…» имеют множество разночтений, см. ниже реальный комментарий. Публикация в РВ практически идентична тексту в «Собрании…», за исключением некоторых знаков препинания и отдельных слов, но в ней, как и в публикации СПбВ, стихотворение длиннее на 1 стих и делится значком * на три части: ст. 1—8, 9—21, 22—75 (76).

[1] *Бог правды* — В СПбВ: Эгона — Возможно, так назван Агон — В древнегреческое божество, олицетворяющее соперничество.

[2] *Пылают* — В СПбВ: скрежещут.

[3] *Подобно* — В СПбВ: Но тако.

[4] *вепрь* — В СПбВ: Тигр.

[5] *покрыть всю Русь и пеплом, и стыдом.* — В СПбВ: Петров разрушить дом.

[6] *Уже во дерзостном мечтанье…* — В СПбВ: И в дерзостном мечтанье.

[7] *полижут в униженье…* — В СПбВ: священным им явится; в РВ: полижут в умиленьи.

[8] *льстивой* — В СПбВ: сладкой.

[9] *Неведом рок тебе — оплачешь заблужденье!* — В СПбВ: Росс Россом быть всегда здесь праведно гордится!

[10] *Мы все ему рабы, владыка наш лишь он.* — В СПбВ: Мы все его рабы, владыка нам лишь он.

[11] *жар* — В СПбВ: дух.

[12] *скимн* — «Молодой лев», ц.-слав. «детеныш животного», «зверь» (др. рус.).

[13] *в осенню* — В СПбВ: в глубоку.

[14] *Вражда! Вражда!* — В СПбВ: Вражда, …

[15] разоренье — В СПбВ: истребленье.

[16] *великодушный!* — В СПбВ и РВ далее идет стих: Росс! Богу и Царю законному послушный!

[17] *Спаси* — В СПбВ: Избавь.

[18] *И Бога мстителя почтёт!* — В СПбВ: Узря, как Росс за зло злодеям воздает.

---

[5] Здесь и далее СПбВ — Санкт-Петербургский вестник.

XXVII. НАДПИСЬ НА ПОЛЕ БОРОДИНСКОМ

(«Стой росс! Ты подошел к полям Бородина!»)
(С. 114)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 5—6 (март). С. 23—25, с заглавием: «Надпись на поле Бородинском», с подписью: Ник. Иванчин-Писарев.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ник. Иванчин-Писарев.

Д а т и р у е т с я: не позднее марта-апреля 1813 г.

А в т о р: Н. Д. Иванчин-Писарев.

В № 7—8 (апрель, с. 308—309) опубликован стихотворный отклик П. И. Шаликова «К сочинителю стихов под названием «Надпись на поле Бородинском» и с примечанием: «Сии стихи были бы прекрасным местом героической поэмы. Молю Феба, чтобы он цветущему талантом поэту внушил желание написать ее» и подписью: К. П. Ш-в. Приведем стихотворение:

Певец младый! Певец отечественной славы!
Певец Бородина — Фарсалии второй,
Где Цезарь наш владел всемощною Судьбой,
Склонившей к нам свои правдивые уставы —
И дерзким случаем возникнутый Помпей
Начало испытал своих превратных дней!
Певец любезнейший! Мы слезы проливали
Из тронутых сердец, когда тебе внимали
В вещаньи старика ко внучатам своим
На месте славных жертв — на поле Бородинском,
Унизившем врага в киченье исполинском,
И в умиленьи душ мы поклонялись им;
Певец! Возьми свою вновь арфу золотую
И возгреми на ней бессмертныя дела
Героев-россиян и славу их святую:
Достойна их твоя хвала!

Тексты «Надписи…» в ВЕ и «Собрании…» идентичны, за исключением нескольких знаков препинания.

[1]*Князь русский Михаил* — Аллюзия, содержащая намёк на образ архангела Михаила.

И. Айзикова

XXVIII. СТИХИ СВЕТЛЕЙШЕМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ ЛАРИОНОВИЧУ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

(«Отмщай врагу за слезы, раны…»)
(С. 116)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 12. С. 279—280, с заглавием: «Стихи светлейшему князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому», с подписью: «Князь Петр Шаликов. Москва».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Князь Петр Шаликов.
Д а т и р у е т с я: не позднее декабря 1812 г.

А в т о р: П. И. Шаликов.

[1] *На подвиг славный обращен! / И каждый шаг твой быстрый, смелой…* — В публикации СО: На подвиг славный обращен; / И каждый шаг твой быстрый, смелой…

[2] *Так древле светлый, яркий луч… Хранил пловцов под мраком туч.* — Свет Александрийского маяка (III в. до н. э. — 796 г. н. э.), одного из «семи чудес» античного мира, на о. Фарос при входе в александрийскую бухту.

[3] *…Аттил.* — Аттила — вождь гуннов с 434 по 453 г., объединивший под своей властью варварские племена от Рейна до Северного Причерноморья, неоднократно совершавший походы в Византию и Западную Римскую империю. Символ варвара-разрушителя.

XXIX. ГЛАС МОСКОВСКОГО ЖИТЕЛЯ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ РОССИИ ОТ ВРАГОВ

(«Где силы адского владыки…»)
(С. 118)

В п е р в ы е: Глас московского жителя на освобождение России от врагов. М.: В губернской типографии у А. Решетникова, 1813. (ценз. разр. 14 февраля 1813 г., проф. Алексей Мерзляков). Подпись: Д. Гл. б. въ. В «Собрании» при публикации выпущены ст. 16 и 4-я строфа (ст. 31-40).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Д. Глебов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 14 февраля 1813 г. (по ценз. разр. отдельного издания).

А в т о р: Д. П. Глебов.

[1] *…славу Герострата.* — Герострат — молодой житель Эфеса, который сжёг храм Артемиды в своём родном городе 21 июля 356 г. до н. э. для того, чтобы, как он сознался во время пытки, его имя помнили потомки. Приговором стала казнь и как высшая мера наказания — приказ о его полном забвении. Для этого были наняты специальные глашатаи, которые в продолжение многих десятков лет разъезжали по всей Греции и объявляли следующее распоряжение: «Не смейте помнить имя безумного Герострата, сжёгшего из честолюбия храм богини Артемиды».

[2] *святыни, храмов осквернённые…* — В отдельном издании далее стих: Разбой, грабеж, опустошенье…

[3] *…злейший Нерон.* — Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68 гг. н. э.) — римский император в 54—68 гг. н. э. Символ развращенной тиранической власти.

[4] *Все рушилось… и дом и храм!* — В отдельном издании далее идет строфа:

Но что стремится мысль смущенна,
К отраве ран твоих, Москва?..
Да новым блеском озаренна
Возносится твоя глава;
Ты вновь явилась россам краше:
С тобой покой, блаженство наше

Гоненье, муки претерпели,
В тебе мы вновь их обретаем,
И меч, и сети попираем
Врага России… всей Земли.

[5] *Кем вновь от тяжкия работы / Израиля средь бед Он спас?..* — Реминисценция библейского сюжета о пленении и рабстве израильского народа в Египте и последующем его освобождении Моисеем.

[6] *Смоленский князь….* — Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

XXX. КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ-КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

(«Князь славы! Именем народов и царей…»)
(С. 120)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 9/10. С. 29—32, с заглавием: «Князю Голенищеву-Кутузову-Смоленскому», с подписью: «Воейков». На с. 29 примеч. изд.: Написано до получения плачевного известия о кончине великого нашего полководца.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Воейков.

Д а т и р у е т с я: апрель 1813 г.

А в т о р: А. Ф. Воейков.

[1] *О! будь благословен, верховный вождь вождей…* — В публикации ВЕ: О, будь благословен, верховный вождь вождей…

[2] *Тристаты…* — Военачальники.

[3] *Росс склонит под ярмо позорное главу. / Но гибельны пути лукавы и строптивы!* — В публикации ВЕ: Росс склонит под ярмо позорное главу! / Но гибельны пути лукавы и строптивы; / И справедливый…

[4] *От коего дрожит в основах мир своих. / И где Сеннахериб? Где кони, колесницы?* — В публикации ВЕ: От коего дрожит в основах мир своих; / И где Сеннахериб? Где кони, колесницы? Сеннахериб (Синаххериб, Сеннахирим) — царь Ассирии, правил приблизительно в 705—680 годах до н. э. В Библии образец грубого захватчика.

[5] *Ликуют небеса, и стонет мрачный ад!* — В публикации ВЕ: Ликуют небеса, и стонет мрачный ад.

[6] *Теки, о исполин! Рази, карай злодейство!* — В публикации ВЕ: Теки, о исполин! Рази, карай злодейство; / Мир миру…

[7] *И раны сограждан спокойством уврачуй: / Да будет целый мир единое семейство!* — В публикации ВЕ: И раны сограждан спокойством уврачуй. / Да будет целый мир единое семейство!

[8] *…Платон* — Платон (между 430 и 427 гг. — 348 или 347 гг. до н. э.), уроженец Афин, ученик Сократа, основатель классической греческой философии.

[9] *…Цицерон* — Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.), древнеримский политик и философ, блестящий оратор.

[10] *Гершель* — Уильям Гершель (Фридрих Вильгельм Гершель, 1735—1822), выдающийся английский астроном немецкого происхождения. Прославился открытием планеты Уран, а также двух её спутников — Титании и Оберона. Он также является первооткрывателем двух спутников Сатурна.

[11] *Рафаэль* — Рафаэль Санти (1483—1520), великий итальянский живописец, график и архитектор.

[12] *Державин, Дмитриев…* — Державин — см. справку об авторах «Собрания». Дмитриев — Дмитриев Иван Иванович (1760—1837), поэт, баснописец, государственный деятель, в 1800—1810-е гг. один из наиболее авторитетных литераторов.

XXXI. ПЕСНЯ НА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЦАРСТВУЮЩЕГО ГРАДА МОСКВЫ ОКТЯБРЯ 11 ДНЯ 1812 ГОДА

(«Не в чистом поле, не в пустой степи…»)
(С. 123)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 3 (23). № 7. С. 9—14. С заглавием: Русская песня на освобождение царствующего града Москвы. Октября 11 дня 1812 года. (Из Белгорода). На с. 14 помета: Степан Юшков. Ноября 26 числа, 1812 года. Белгород.

Д р у г и е и з д а н и я: Вестник Европы. 1813. Ч. 70. № 15. С. 168—170; отдельное издание: [*Юшков С. В.*] Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года. Харьков: В университетской типографии 1813 (ценз. разр. 2 января 1813 г., проф. Иван Срезневский).

Подпись в «Собрании…»: Степан Юшков. В «Собрании» напечатано по тексту «Вестника Европы» с тем же заглавием и пометами.

Д а т и р у е т с я: 26 ноября 1812 г.

А в т о р: С. В. Юшков.

[1]*Осрамил ты нас всех, мелких пташечек…* — В публикации ВЕ: Осрамил ты нас всех, мелких птичек своих…

XXXII. ПЕВЕЦ СРЕДИ МОСКОВСКИХ ГРАЖДАН 11-го ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА

(«Настал день славы, торжества…»)
(С. 126)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 21—22. С. 5—10. В «Собрании» напечатано по тексту «Вестника Европы» с тем же заглавием и пометами.

Д р у г и е и з д а н и я: *Попов И. В.* Певец среди московских граждан 11-го октября 1813 года. М.: В типографии С. Селивановского, 1813; 2-е изд. М.: В типографии С. Селивановского, 1814 (ценз. разр. 22 мая 1814 г. , проф. Василий Котельницкий).

Подпись в «Собрании…»: И. Попов.

Д а т и р у е т с я: 6 октября 1813 г.

А в т о р: И. В. Попов.

[1] *Пойдем, сограждане! и там…* — В публикации ВЕ: Пойдем, сограждане, и там…

[2] *Хвала ТЕБЕ, наш ЦАРЬ-отец! / ТЫ…* — В публикации ВЕ: Хвала ТЕБЕ, наш ЦАРЬ-Отец; / ТЫ…

[3] *О! Будь ЕМУ везде вождем…* — В публикации ВЕ здесь и ниже (ст. 53): О, будь ЕМУ везде вождем…

[4] *Не тщетно упованье; / Всегда отверста длань Его…* — В публикации ВЕ: Не тщетно упованье: / Всегда отверста длань Его…

[5] *Напрягши мышцы, гряньте вновь! / Разите род мятежный!* — В публикации ВЕ: Напрягши мышцы, гряньте вновь; / Разите род мятежный!

[6] *Сей подвиг, други! Подвиг свят…* — В публикации ВЕ: Сей подвиг, други, подвиг свят…

[7] *Сограждане, веселье! / Мы все сыны России здесь…* — В публикации ВЕ: Сограждане, веселье; / Мы все сыны России здесь…

XXXIII. ГИМН, ПЕТЫЙ НА КОНЦЕРТЕ, ДАННОМ РОССИЙСКИМИ МУЗЫКАНТАМИ В ДОМЕ ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА С. С. АПРАКСИНА, В ПОЛЬЗУ РОЖДЕННОГО И ВОСПИТАННОГО В МОСКВЕ МУЗЫКАНТА г. РЕЙНГАРДТА, ЯНВАРЯ 7 ДНЯ 1814 ГОДА

(«О Кутузов! Истребитель…»)
(С. 131)

В п е р в ы е: не установлено.

Д р у г и е и з д а н и я: Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова, действительного члена Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, изданные оным обществом в четырех частях с портретом автора. М.: В университетской типографии, 1824. Ч. 1. С. 63.

Подпись в «Собрании…»: Ф. Иванов.

Д а т и р у е т с я: не ранее 16 апреля 1813 г. — не позднее 7 января 1814 г.

А в т о р: Ф. Ф. Иванов.

XXXIV. ЧУВСТВОВАНИЯ РОССИЯНКИ, ВОЗБУЖДЕННЫЕ ПОБЕДАМИ РОССИЙСКИХ ВОЙСК НАД БЕГУЩИМ ВРАГОМ ОТЕЧЕСТВА

(«Жестокий, грозный вихрь, несяся…»)
(С. 132)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 9. С. 131—134, с заглавием «Чувствования Россиянки, возбужденные победами российских войск над бегущим врагом Отечества», с подписью: «А. Волкова».

Подпись в «Собрании…»: А. Волкова.

Д а т и р у е т с я: не позднее 15 ноября 1812 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: А. А. Волкова.

[1] *Борей* — В греческой мифологии олицетворение северного бурного ветра. Сын Астрея (бога звёздного неба) и Эос (богини утренней зари), брат Зефира и Нота.

[2] *Витгенштейн* — Этому полководцу Волкова посвятила отдельное стихотворение «Стихи графу Витгенштейну на одержанные им над французами победы» (см. далее).

[3] *Лакедемон* — Древнее государство в Греции в области Лакония на юге полуострова Пелопоннес, образец суровой военной республики.

[4] *Кутузов, Витгенштейн навеки…* — В публикации СО: Кутузов, Витгенштейн вовеки…

XXXV. НА БЕГСТВО НАПОЛЕОНА С ОСТАТКОМ ВОЙСК ЕГО

(«Земля познает мой закон…»)
(С. 136)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 9. С. 134—136, с заглавием «На бегство Наполеона с остатком войск его», с подписью: «Ф. Кокошкин».

Подпись в «Собрании…»: Ф. Кокошкин.

Д а т и р у е т с я: не позднее 15 ноября 1812 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Ф. Ф. Кокошкин.

[1] *Прор. Аввак…* — Аввакум Хаваккук — восьмой из малых пророков, предсказавший приход Мессии и пленение Иерусалима. Пророчества его, состоящие из трёх кратких глав, составляют восьмую книгу сборника 12 Малых пророков в еврейском каноне. Время и место деятельности Аввакума с точностью не обозначено; но из содержания его речей, в которых он жалуется на угнетение слабых сильными и говорит о завоевательных походах халдеев, можно заключить, что он жил во время первого нашествия халдеев на Иерусалим, при царе Иоакиме.

XXXVI. ПРОЩАНИЕ С 1812 ГОДОМ ДЕКАБРЯ 12, ВО ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

(«Как древле, бегствуя, израильский народ…»)
(С. 138)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 10. С. 183—184, с заглавием «Прощание с 1812 годом декабря 12, во всерадостный день рождения Его Императорского Величества», с подписью: «А. Востоков».

Д р у г и е и з д а н и я: Стихотворения Александра Востокова. СПб.: В типографии императорской Российской академии, 1821. С. 240—242.

Подпись в «Собрании…»: А. Востоков.

Д а т и р у е т с я: 12 декабря 1812 г.

А в т о р: А. Х. Востоков.

[1] *Чермный понт…* — Церковнославянское словосочетание в русском переводе Библии, употребляемое для обозначения водоёма, воды которого расступились и пропустили Моисея и еврейский народ во время исхода из Египта, а затем сомкнулись и погубили войско фараона. Традиционно принято отождествлять это место с Красным морем.

XXXVII. ПЕВЕЦ НА ГРОБАХ БРАТЬЕВ-ВОИНОВ РОССИЯН

(«В пустынной тишине, средь зданий диких, мшистых…»)
(С. 140)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 4 (24). № 12. С. 88—95 с заглавием «Певец на гробах братьев-воинов россиян», без подписи. На с. 88 примечание: «При сих стихах присланы неизвестным благотворителем пятьдесят рублей для раздачи пострадавшим от врагов». На с. 95 помета: С. Петербург. 15 сентября 1813 года.

Подпись в «Собрании…»: С. Петербург.

Д а т и р у е т с я: 15 сентября 1813 года.

А в т о р: не установлен.

[1] *Но где проникнет в гроб печальный глас сердец; / И чувствий горестных исполненный певец…* — В публикации РВ: Но где проникнет в гроб печальный глас сердец! / Я, чувствий горестных исполненный певец…

XXXVIII. РУССКАЯ ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЯ МОСКВЫ НЕПРИЯТЕЛЯМИ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЛЮБЕЗНЫМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

(«Где ты, матушка белокаменна…»)
(С. 143)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 4 (24). № 10. С. 15—20, с заглавием: «Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам». На с. 15 примечание: Сии две песни сообщены издателю россиянкою, любительницею отечественной словесности. На с. 20 подпись: А… Н… 1812 года в сентябре.

Подпись в «Собрании…»: А… Н…

Д а т и р у е т с я: сентябрь 1812 г.

А в т о р: А. А. Никитин

[1] *Древней старости слава вечная?* — В публикации РВ: Древней старости слава вечная!

[2] *Уж не видим мы золотых крестов…* — В публикации РВ далее идут два опущенных стиха: Башен гордых и величавых, / Дворцов царских велелепных…

[3] *Пепел, смрад и страх, и развалины…* — В публикации РВ: Пепел, смрад и прах, и развалины…

[4] *Так, как встарь была, в время слезное, / Во нашествие злых литовских сил…* — Подразумевается интервенция Речи Посполитой, начавшаяся в 1604 г. и переросшая в длительную русско-польскую войну (1606—1618).

[5] *Сармат…* — Здесь: поляк. Наименование возникло благодаря сарматизму, шляхетской идеологии Речи Посполитой XVI — XIX вв. Сарматизм возводил шляхту к древним сарматам, отделяя этим знать от простолюдинов.

[6] *Отрепьев…* — Григорий Отрепьев — монах, дьяк Чудова монастыря, бежавший в Речь Посполитую и выдавший себя в 1604 г. за царевича Дмитрия. При поддержке польско-литовских сил был царем Руси в 1605—1606 г. Убит в ходе заговора боярской оппозиции.

[7] *Корсиканец злой…* — Наполеон.

[8] *Пожарский…* — Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1642), национальный герой, военный и политический деятель, глава второго народного ополчения (1611—1612), освободившего Москву от польско-литовских оккупантов.

[9] *От глубока сна пробудись на час…* — В публикации РВ: От сна мертвого пробудись на час…

[10] *Смерти лютыя ты разрушишь власть.* — В публикации РВ: Смерти лютыя ты разрушь устав.

[11] *Посмотри славян, скорби преданных!* — В публикации РВ: Посмотри славян в скорби, в горести!

[12] *Сбрось свой саван бел, вождь российских сил…* — В публикации РВ: Сбрось свой бел саван, вождь российских сил…

XXXIX. ПЕСНЬ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ ПО ПРОГНАНИИ ЗЛОДЕЕВ ИЗ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

(«Самозванец злой, нечестивый враг…»)
(С. 146)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 4 (24). № 10. С. 21—27 с заглавием: «Песнь моим соотечественникам по прогнании злодеев из земли русской». На с. 27 подпись: А… Н… 1813 года, Маія 2 дня. К стихотворению относится примечание на с. 15 (см. предыдущее стихотворение): Сии две песни сообщены издателю россиянкою, любительницею отечественной словесности.

Подпись в «Собрании…»: А… Н…

Д а т и р у е т с я: 2 мая 1813 г.

А в т о р: А. А. Никитин.

[1] *Бич невинности, враг спокойствия…* — В публикации РВ далее идет опущенный стих: Недруг целого человечества…

[2] *Он Вселенною завладеть хотел…* — В публикации РВ: Всей Вселенною завладеть хотел…

[3] *Звонким золотом ослепить глаза…* — В публикации РВ: Лживым золотом ослепить глаза…

[4] *По велению царя доброго…* — В публикации РВ: По велению отца доброго… Далее идет опущенный стих: По указу царя белого…

[5] *Мы восстали все со крестом в руках.* — В публикации РВ: Мы ж восстали все со крестом в душах.

[6] *Благолепием ты украсишься…* — В публикации РВ: Торжествами ты украсишься…

XL. ИСПОВЕДЬ НАПОЛЕОНА ФРАНЦУЗАМ
(РУССКИЙ ПЕРЕВОД ХВАСТЛИВЫХ НАПОЛЕОНОВЫХ БЮЛЛЕТЕНЕЙ ИЛИ ВОЕННЫХ ИЗВЕСТИЙ)

(«Я винюсь и признаюся…»)
(С. 149)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 1. С. 100—105. Без подписи с тем же названием. На с. 100—101 примечание к заглавию: «Наполеон в бегстве своем издал следующее объявление: “*Пехота потеряна; пушки пропали; конница побита; однако я совершил*

чудесный поход: всех же потерь наших — причиною русский климат!" Вместо ответа на такие наглые слова довольно припомнить стихи Екатерины Второй из оперы ее "*Горе-богатырь*"»:

Пословица сбылась:
Синица поднялась…
Вспорхнула, полетела
И море зажигать хотела,
Но море не зажгла,
А шуму сделала довольно.

Подпись в «Собрании…»: отсутствует.
Д а т и р у е т с я: конец 1812 г. — январь 1813 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Неман…* — В стихотворении здесь и далее перечисляются ключевые события Отечественной войны 1812 г.: переход наполеоновских войск через Неман 12 июня, взятие ими Вильно 16 июня, захват Динабурга (совр. Даугавпилс) на Западной Двине в июле 1812 г., форсирование Днепра и осада Смоленска 16—19 августа, битва при Бородине 26 августа, захват Москвы 14 сентября, битва при Тарутино 18 октября, оставление Наполеоном Москвы 19 октября и бегство Наполеона в Париж 6 декабря 1812 г.

[2] *Будто лист перед травою…* — В публикации РВ: Так, как лист перед травою…

[3] *В ус с досады я подул!* — В публикации РВ стих сопровождён примечанием (с. 103—104): Почти во всех своих бюллетенях или лживых известиях Наполеон нещадно бранит графа Федора Васильевича Ростопчина за то, что не нашёл в Москве, чего хотел. Сочинитель книжки под заглавием «Глас истины» весьма справедливо сказал, что ругательство в устах Бонапартия есть лучшая хвала. Глас истины, стр. 6. «Глас истины» — статья в «Сыне Отечества» (1812. Ч. 1. № 1. С. 3—16) немецкого публициста Эрнста Морица Арндта (Ernst Moritz Arndt, 1769—1860), служившего в 1812—1813 гг. личным секретарём барона Генриха Фридриха Карла фон Штейна (Freiherr Heinrich Friedrich Karl von Stein, 1757—1831), опального прусского министра, приглашённого Александром I в Россию.

XLI. ВОЗВРАЩЕНИЕ ТИРАНА НАПОЛЕОНА ВО ФРАНЦИЮ

(ВЫПИСКА ИЗ «ГАЗЕТЫ МУЗ» 1813 ГОДА № 1)

(«Когда Наполеон, в чреде своей греховной…»)

(С. 152)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 2. С. 108—117 с тем же заглавием, подписью и примечанием.

Подпись в «Собрании…»: Николай Николев
Д а т и р у е т с я: январь 1813 г.

А в т о р: Н. П. Николев.

[1] *Дюки…* — Герцоги (в романских языках).

[2] *…чуть турок не ослеп, / От русских за тебя чуть не ушел в Алепп…* — Имеется в виду египетский поход Наполеона, вынудивший Османскую империю воевать не с русскими, а с французами. Алеппо — город на севере Сирии, опорный военный пункт Османской империи.

XLII. ПОБЕГ НАПОЛЕОНА КАРЛОВИЧА ИЗ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. ШУТЛИВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

(«Чтоб Бонапартьевску петь шайку…»)
(С. 155)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2 (22). № 5. С. 30—47 с заглавием: Побег Наполеона Карловича из земли русской. Шутливое стихотворение, в трех частях: первая, побег из Москвы; вторая, побег из Смоленска; третья, побег из Вильны. Часть первая. Побег из Москвы. Заглавие сопровождено примечанием (с. 30): В сих стихах описывается не убийца шестисот тысяч европейцев; но Наполеон затейник, проказник и самохвал. Если б шалунам головорезам, вместо лавров, приклеивали ослиные уши, то, может быть, гордость менее бы бушевала. Здесь же помета (с. 30): Из села Старорусина. На с. 47 помета: Конец первой части Наполеонова подвига. Марта 20, 1813. Село Старорусино. Продолжения этого стихотворения в «Русском вестнике» напечатано не было.

Подпись в «Собрании…»: Село Старорусино.

Д а т и р у е т с я: 20 марта 1813 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Так называли французы простое наше вино.* — В публикации РВ примечание более обширное: (*) Так называли французы простое наше вино; из чего часто происходили смех и горе. Если кто из русских не понимал бестолковых их требований, они тот час за саблю и за ружье; и били чужие спины за свое невежество.

[2] *В этом уверяли все те, которые оставались в Москве.* — В публикации РВ примечание более обширное: (**) В этом могут уверять все те, которые оставались в Москве. Галки и вороны после французов уже начали слетаться.

[3] *Рюстаном…* — Рустам Раза (1782—1845) — мамелюк, перешедший на службу к Наполеону в 1799 г. во время Египетского похода. До 1814 г. был телохранителем и оруженосцем французского императора.

[4] *А кажется — впросак всадил.* — В публикации РВ стих сопровожден примечанием: Мне пересказывал это один иностранец, который оставался в Москве и у которого всё ограбили. Вместо одежды принуждён он был прикрываться рогожею. Однажды шёл он за двумя французскими чиновниками, которые никак не могли подозревать, чтобы человек в рогоже и лаптях мог их разуметь. Один из них с досадой говорил: «Уж терпенья не стало; хорошо Наполеону; он с своим мамелюком Рюстаном опоражнивает по нескольку чашек в день кофею с коньячком. Он и сыт, и тёпел, и пьян: а нам каково?»

[5] *Смотри! Русак вон престарелый / Там под Тарутиным засел…* — Имеется в виду М. И. Кутузов, под руководством которого в битве, произошедшей в районе села Тарутино Калужской области между русскими и французскими войсками, которыми командовал маршал Мюрат, первыми была одержана победа. Успех укрепил дух русской армии, перешедшей в контрнаступление.

[6] *Об ней Левек писал рассказы!* — В публикации РВ стих сопровожден примечанием: В предисловии к мнимо-русской истории француз Левек поместил сказки из языческого русского баснословия. Примеч. изд. За ст. 156 в публикации РВ следует опущенный стих: Какие ж от нее проказы! Пьер Левек (1737—1812) — французский историк, первоначально гравёр. Первую известность ему принесли литературные и философские сочинения, благодаря которым на него обратил внимание Дидро. По его протекции Левек в мае 1773 г. получил место преподавателя Сухопутного шляхетного корпуса в Петербурге. В России он

провел семь лет в качестве педагога: в корпусе преподавал французский язык и логику, в Академии художеств — историю и географию. Левека привлекали и для преподавания великому князю Павлу Петровичу. В Петербурге он собрал материал для своей «Российской истории», первое издание которой вышло в 1772 г. в Париже: Levesque Historiede Russie (Vol. 1—5. Paris, 1782).Впоследствии «Российская история» Левека трижды переиздавалась на французском языке в 1783, 1800 и 1812 гг., четыре раза на итальянском. Попытка русского издания завершилась выходом в свет первого тома «Российская история, сочиненная из подлинных летописей, из достоверных сочинений и лучших российских историков г. Левеком. Перевод с французского языка» (СПб., 1787). На рубеже XVIII—XIX вв., до выхода в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина в дворянских семьях историю Отечества изучали преимущественно по ней.

[7] *Хоть бег бесчестен, да здоров.* — В публикации РВ стих сопровождён примечанием: Когда Наполеон был в России, наёмные его писцы то и дело извещали Францию и Европу, что Наполеон здоров; что русский воздух весьма полезен его здоровью. Прим. изд.

[8] *И никого я не боюся*. — В публикации РВ стих сопровожден примечанием: Говорят, что Наполеон в Москве приказал выбить медаль с портретом своим и надписью: мой мир и моя воля.

[9] *Ней…* — Мишель Ней (1769—1815) — один из наиболее известных маршалов Франции времен Наполеоновских войн, герцог Эльхингенский и принц Москворецкий. Наполеон называл его «le Bravedes Braves» — «храбрейший из храбрых». В Русской кампании 1812 г. командовал корпусом и за битву при Бородине получил титул князя Москворецкого. Во время отступления из России стоял во главе арьергарда. С железной строгостью поддерживал дисциплину, при переходе через Березину спас остатки войска.

[10] *Чуть может на ногах держаться*. — В публикации РВ стих сопровождён примечанием: Ней в последних числах сентября с двенадцатитысячным отрядом был в Богородске и располагался зимовать; но, получа известие 1 октября в пять часов по полудни, он опрометью побежал в Москву, и сколько не лакомок к деньгам, но второпях забыл кошелек с золотом.

[11] *Мортье…* — Эдуард Адольф Казимир Мортье, герцог де Тревизо (1768—1835) — маршал Франции. До 1811 г. командовал корпусом на Пиренейском полуострове, а в 1812 г. ему было вверено начальство над молодой гвардией. По занятии Москвы он назначен был её губернатором, и после ухода оттуда французов взорвал по приказанию Наполеона часть кремлевских стен.

[12] *Бертье…* — Луи Александр Бертье (1753—1815) — маршал и вице-коннетабль Наполеоновской Франции, владетельный князь Невшательский, герцог Валанженский, князь Ваграмский. В 1799—1807 гг. — военный министр и одновременно в 1799—1814 гг. — начальник штаба Наполеона. Разработал основы штабной службы, использованные во многих европейских армиях.

XLIII. НАДПИСЬ К ПОБЕДАМ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ М. Л. КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Идет… гремит… разит!.. Пред ним и смерть и слава!»)
(С. 163)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 4 (24). № 10. С. 28—29 с заглавием: Надпись к победам светлейшего князя Михаила Ларионовича Кутузова-Смоленского. На с. 29 примеч. изд.: Сии стихи и следующие сочинены при жизни к. Кутузова. На с. 29 подпись: В… Л…

Подпись в «Собрании…»: В… Л…
Д а т и р у е т с я: не позднее 16 апреля 1813 г.

А в т о р: В. А. Левшин.

XLIV. НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Кому подобен он? — Тому, Мамай кем пал…»
«Восстань, Суворов! — Зри сотрудника побед…»)
(С. 164)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 4 (24). № 10. С. 30—31 с заглавием: Надписи к портрету его светлости князя Кутузова-Смоленского. Подписи: В… Л… (с. 30) и В. Левшин (с. 31). На с. 29 примеч. изд., относящееся к данным стихотворениям: Сии стихи и следующие сочинены при жизни к. Кутузова.
Подпись в «Собрании…»: 1. В… Л…; 2. В. Левшин
Д а т и р у е т с я: не позднее 16 апреля 1813 г.

А в т о р: В. А. Левшин.

[1] *Тому, Мамай кем пал…* — Подразумевается князь Московский Дмитрий I Иванович.
[2] *Тому, кем Карл сражен…* — Подразумевается Пётр I , одержавший победу над шведскими войсками под предводительством Карла XII в Полтавской битве.
[3] *В два месяца сармат тобою покорен…* — Речь идет о подавлении А. В. Суворовым польского восстания (август — октябрь 1794 г.), итогом чего стал третий раздел Речи Посполитой.

XLV. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

(«Хоть Москва в руках французов…»)
(С. 165)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 1. С. 42 с тем же заглавием, подписью и датой: 15 сент. 1812.
Подпись в «Собрании…»: Ив. Кованько.
Д а т и р у е т с я: 15 сентября 1812 г.

А в т о р: И. А. Кованько.

[1] *Вспомним, братцы, что поляки…* — Речь идёт об интервенции Речи Посполитой, начавшейся в 1604 г. и переросшей в длительную русско-польскую войну (1606—1618).
[2] *Знает крепко то Варшава…* — Речь идёт о подавлении А. В. Суворовым польского восстания и взятии Варшавы (август — октябрь 1794 г.), итогом чего стал третий раздел Речи Посполитой.

XLVI. ПЕСНЯ К РУССКИМ ВОИНАМ, НАПИСАННАЯ ОТСТАВНЫМ ИЗ ФАНАГОРИЙСКОГО ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКУ СОЛДАТОМ НИКАНОРОМ ОСТАФЬЕВЫМ. ИЮЛЯ ДНЯ, 1812

(«Братцы! Грудью послужите…»)
(С. 166)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 3. С. 117—118 с заглавием: «Песня к Русским воинам, написанная отставным из Фанагорийского гренадерского полку солдатом Никанором Остафьевым. — Июля дня, 1812». На с. 118 помета: «Из Вологды».

Подпись в «Собрании…»: Вологда.

Д а т и р у е т с я: июль 1812 г.

А в т о р: Н. Остафьев.

[1] *Истина сих слов сбылась в 1815 году. Изд. …* — Речь идёт о событиях Ста дней, времени вторичного правления императора Наполеона во Франции (20 марта — 22 июня 1815 г.) после его бегства с острова Эльба. Против наполеоновской империи выступила антифранцузская коалиция с участием многих европейских стран. После ряда сражений этой кампании, прошедших с переменным успехом, армия Наполеона была окончательно разгромлена в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 года. 22 июня 1815 года Наполеон вторично отрёкся от престола.

XLVII. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

(«Ночь темна была и не месячна…»)
(С. 168)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 6. С. 267—269 с тем же заглавием и пометой (с. 269): Николай Ильин. 11 сентября Красная Пахра. В «Собрании» напечатано по тексту «Сына Отечества».

Д р у г и е и з д а н и я: Русский вестник. 1813. Ч. 1 (21). № 1. С. 83—85. Помета: Красная Пахра. 11 сентября, 1812 года. Н. Ильин. С изменениями текста.

Подпись в «Собрании…»: Николай Ильин.

Д а т и р у е т с я: 11 сентября 1812 г.

А в т о р: Н. И. Ильин.

[1] *У солдат слёзы градом сыпались.* — В публикации РВ: Коль заплакали русски воины!

[2] *Грудь сосала их богатырскую…* — В публикации РВ: Грудь сосла крепку богатырскую…

[3] *Разорённую Бонапартием.* — В публикации РВ далее следует опущенный стих: Но не долго же они плакали…

[4] *Тут как вдруг они встрепенулися… / Во все стороны и воскликнули…* — В публикации РВ: В один миг орлы встрепенулися, / Во все стороны взор окинули / С искрой пламенной и воскликнули

[5] *Не отмстив врагу за родну Москву!* — В публикации РВ: Не отмстив врагу за Москву родну.

[6] *И мы примемся по-старинному…* — В публикации РВ: И мы примем его по-старинному…

[7] *Не дадим, друзья, люта промаху…* — В публикации РВ: Не дадим, друзья, сильна промаху.

[8] *А народы все матерой земли, / Чтоб поведали, каково идти…* — В публикации РВ: Чтоб народы все света белого / Все поведали, каково идти…

[9] *АЛЕКСАНДРУ царю на белом свете!* — В публикации РВ: АЛЕКСАНДРУ царю в каменной Москве!

XLVIII. АВАНГАРДНАЯ ПЕСНЯ. СОЧИНЕНА ВО ВРЕМЯ КОМАНДОВАНИЯ АВАНГАРДОМ ГЛАВНОЙ АРМИИ ГРАФОМ МИХАЙЛОМ АНДРЕЕВИЧЕМ МИЛОРАДОВИЧЕМ, В БУНЦЛАУ, МАРТА 16, 1813

(НА ГОЛОС: ВЕСЕЛЯСЯ В ЧИСТОМ ПОЛЕ)

(«Скоро зов послышим к бою…»)
(С. 170)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 6. № 26. С. 306, с тем же заглавием и примечанием: Доставлена из главной квартиры Российской армии.

Д р у г и е и з д а н и я: в составе «Писем русского офицера»: Русский вестник. 1814. Ч. 27. № 8. С. 14—15 с заглавием: Авангардная песня (На голос: В чистом поле под шатром).

Подпись в «Собрании…»: В главной квартире Российской армии.

Д а т и р у е т с я: 16 марта 1813 г.

А в т о р: Ф. Н. Глинка.

[1] Во время Отечественной войны 1812 г. автор стихотворения Ф. Н. Глинка был адъютантом М. А. Милорадовича.

[2] *Над дунайскими брегами / Слава дел его гремит…* — Подразумеваются победы М. А. Милорадовича в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., в том числе освобождение Бухареста 13 декабря 1806 г. (см. ст. 12).

[3] *Вязьма, Красный, Ней разбитый…* — 22 октября 1812 г. состоялось сражение под Вязьмой авангарда русской армии под командованием генерала Милорадовича и донского атамана М. И. Платова (25 тыс. чел.) с 4 французскими корпусами (всего 37 тыс. чел.), окончившееся блестящей победой российских войск и в результате которого французы потеряли 8,5 тыс. чел. убитыми, ранеными и пленными. Урон русских составил около 2 тыс. чел. Под Красным произошли два сражения Отечественной войны 1812 г. (2 августа и 3—6 ноября); в последнем арьергард французской армии был практически полностью уничтожен русскими войсками. 18 ноября 1812 г. 3-й корпус маршала Нея попал в окружение под Лосьминками на берегу Днепра и был вынужден сдаться Милорадовичу.

XLIX. КУБРЕ. 1812 ГОДА

(«Кубра! Ты прежде поселяла…»)
(С. 171)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 7. С. 47—48 с тем же заглавием и примечаниями (обозначенными как примечания сочинителя), без подписи.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 15 ноября 1812 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Д. И. Хвостов.

[1]*Кубра! Ты прежде поселяла…*— Д. И. Хвостов подразумевает своё стихотворение «Реке Кубре» (1806). На р. Кубре располагалось поместье Хвостова.

[2]*…грозна Ахерона…*— Ахерон — древнее название реки в эпирской области Феспотии, пробегающей в своём верхнем течении суровую, дикую и гористую местность затем проходящей через узкое и мрачное ущелье, длиной 5 км, в равнину Эпира, или Кихира, но вскоре исчезающей в озере-болоте (Acherusia palus), воды которого стекают в Элейскую гавань. В древнегреческой мифологии Ахерон — вход в царство мёртвых.

[3]*Мать, сердцу многих вожделенна…*— Имеется в виду мать Д. И. Хвостова — Вера Григорьевна Карина, сестра писателей Александра, Николая и Федора Кариных.

[4]*Багратион, свой век полезный / Приходит близ Кубры кончать…*— Петр Иванович Багратион (1765—1812), сподвижник А. В. Суворова и М. И. Кутузова, участник Наполеоновских войн 1800-х гг., герой Отечественной войны 1812 г., командующий 2-й западной армии, был ранен в Бородинской битве и умер 25 сентября 1812 г. от гангрены. Похоронен в селе Сима на берегах реки Симки в 25 км на север от Юрьев-Польского (Владимирская область). Д. И. Хвостов создал эпитафию для памятника Багратиона («В Симе, селе князя Бориса Андреевича Голицына, марта 7 дня 1813 года», см. в настоящем издании).

[5]*Стигия хладного струями…* — Стикс — река в Аиде, царстве мёртвых. По Гесиоду, река Стикс составляла десятую часть всего потока, проникавшего через мрак в подземное царство, где в Стикс впадал Коцит; остальные девять частей потока окружали своими извивами землю и море.

L. СТАНСЫ

(«Первопрестольная столица…»)
(С. 173)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 2. № 11. С. 235—236 с тем же заглавием и подписью. На с. 236 помета: Из Н.<ижнего> Н.<овгорода>

П о д п и с ь в «Собрании…»: Москвитянка.

Д а т и р у е т с я: не позднее середины декабря 1812 г.

А в т о р: А. А. Волкова.

[1]*Испанцев дух ничто пред нашим…* — Речь идет овойне за независимость Испании против наполеоновской Франции 1808—1814 гг.

LI. СТИХИ НА КОНЧИНУ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Пал, россы! Вождь победоносный…»)
(С. 175)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2. № 6. С. 93—98 с тем же заглавием и подписью.

Д р у г и е и з д а н и я: Выписки из послания Серединской станицы казака Ермолая Гавриловича к атаману своему, Матвею Ивановичу Платову. Русский царь за пределами России.

Молитва к Богу, при известии о победе. Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова-Смоленского, и письмо из Одессы. М., 1813.

Подпись в «Собрании…»: Сергей Глинка.

Д а т и р у е т с я: конец апреля, не ранее 16-го (28), 1813 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Како паде сильный, спасая Израиля!..* — Цитата из Библии (второканонические книги): Первая книга Маккавейская, гл. 9, ст. 21.

[2] *Батыя… — Батый* (Бату) (ок. 1209 — 1255 или 1256) — монгольский полководец и государственный деятель, правитель улуса Джучи, сын Джучи и Уки-хатун, внук Чингисхана. Покорил Русь в ходе Западного похода 1236—1242 гг.

LII. СТИХИ В ПАМЯТЬ КНЯЗЮ КУТУЗОВУ-СМОЛЕНСКОМУ

(«Где ты теперь, герой, России избавитель!»)
(С. 177)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 3 (23). № 9. С. 3—6 с тем же заглавием. На с. 3 помета: Из Воронежа. На с. 6 подпись: И… Н.ч…в 26 мая, 1813. Воронеж.

Подпись в «Собрании…»: И… Н.ч…в. Воронеж.

Д а т и р у е т с я: 26 мая 1813 г.

А в т о р: И. И. Нечаев.

LIII. ШАМАНСТВО

(«Вчера, когда заря вспорхнула…»)
(С. 179)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2 (22). № 5. С. 27—29 с тем же заглавием, подписью и пометой на с. 27: Из Петербурга.

Подпись в «Собрании…»: П. С…в. С. Петербург.

Д а т и р у е т с я: не позднее января 1813 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: П. А. Словцов.

[1] *В руке с ногою от ямана…* — В публикации РВ стих сопровождён примечанием: Ибо шаманство бурятское шаманы их всегда с ногою барана или козла совершают. А яман по сибирскому наречию: козёл.

LIV. ПЕСНЬ БОГАТЫРЯМ РУССКИМ

(«Слава вам, герои Севера!)
(С. 181)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 2 (22). № 6. С. 47—49 с тем же заглавием и подписью. На с. 49 помета: 1813 года.

П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Колосов.

Д а т и р у е т с я: не позднее января 1813 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: В. М. Колосов.

[1] *В царство русское, в престольный град; / Вы дозволили занять Москву.* — В публикации РВ: В царство русское, занять Москву.

LV. ЖЕРТВА ХРАБРЫМ РОССИЯНАМ, ПРИНОСИМАЯ ОТ СООТЕЧЕСТВЕННИКА ИХ, НЕКОГДА СЛУЖИВШЕГО НА ПОЛЕ БРАНИ

(«О россы! Чада вечной славы!»)
(С. 183)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 3 (23). № 8. С. 3—13. На с. 3 помета: Из Тамбова. На с. 13 подпись и помета: Инвалид. Тмб-въ.

Д р у г и е и з д а н и я: *Кугушев Н. М.* Праздное время инвалида. М.: В университетской типографии, 1814. С. 13—22 (ценз. разр. 26 апреля 1814 г., ордин. проф. Василий Котельницкий). В «Собрании» напечатано по тексту «Праздного времени инвалида».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Кн. Ник. Кугушев.

Д а т и р у е т с я: не позднее января 1813 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: Н. М. Кугушев.

[1] *Следил кровавою браздою / И пламя разливал рекою. / Побитый россом — шел вперед.*— В публикации РВ: Приобретал своей бедою, // Злодейска кровь лилась рекою, // Но *вождь-злодей* шагнул вперед.

[2] *В Москву он с лютостью идет.* — В публикации РВ: В Москву он ад с собой ведёт.

[3] *Когда и Кремль в плену стонал…* — В публикации РВ: Когда последний час настал…

[4] *И твердо в мыслях уповали / Зреть гибель русския земли.*— В публикации РВ: И твердо в мыслях полагали / Погибель русския земли.

[5] *Слова высочайшего манифеста ноября 3 дня 1812 года…* — Весь свет обратил глаза на страждущее Наше Отечество и с унылым духом чаял в заревах Москвы видеть последний день свободы своей и независимости (Благодарственный манифест российскому народу от 3 ноября 1812 года).

[6] *Главу, исполненну химеры…*— В публикации РВ: Главу, исполненну мечтанья…

[7] *И не имея в сердце веры…*— В публикации РВ: Совокупя все злодеянья…

[8] *Вошел в Москву, напитан злом.*— В публикации РВ: Геенной был в Москву влеком.

[9] *Желая лучше смерть вкусить.*— В публикации РВ: Желая лучше в гробе быть.

[10] *См. журнал: Сын Отечества, 1812, № VI, стр. 262…* — В разделе «Смесь» под заглавием «Русские анекдоты» здесь опубликован рассказ о мужественной смерти двадцати крестьян, захваченных и осужденных на казнь французами в целях устрашения (Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 6. С. 261—262).

[11] *Так Бог на россов обратился…*— В публикации РВ: К нам Бог, Бог правды обратился…

[12] *И к нам ниспослан Михаил!* — М. И. Кутузов.

[13] *Луга все кровию облиты…*— В публикации РВ: Луга все кровию улиты…

[14] *Восторг и радость несказанна!* — В публикации РВ: О радость! радость несказанна!

[15] *Лице его стыдом покрылось, / И ныне то над ним свершилось, / Чем с адской злобой нам грозил.*— В публикации РВ: Лице его стыдом пылает, / В отчаяньи на ад пеняет; / Что ад злодейств не довершил!

[16] *И силу вражью истребил.* — В публикации РВ: И силу вражью поразил.

В. Киселёв

LVI. СТИХИ ГРАФУ ВИТГЕНШТЕЙНУ НА ОДЕРЖАННЫЕ ИМ НАД ФРАНЦУЗАМИ ПОБЕДЫ

(«Бессмертным лавром осененный…»)
(С. 189)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 4. С. 168—169, с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Волкова.
Д а т и р у е т с я: не позднее 7 октября 1812 г. (по ценз. разр. СО)

А в т о р: А. А. Волкова.

Русскими войсками под командованием графа Витгенштейна был одержан целый ряд крупных побед. 19 июля 1812 г. его армией одержана первая значимая победа русских под Клястицами, когда Витгенштейн был ранен, но не покинул поле боя. После изгнания Наполеона из России и перенесения войны на территорию Германии Витгенштейн действовал на правом фланге русских армий, занял Кенигсберг и 27 февраля 1813 года вступил в Берлин. Последнее сражение, в котором он участвовал, произошло во время кампании 1814 г. на территории Франции. 15 февраля 1814 г. у Бар-Сюр-Об Витгенштейн был тяжело ранен, но продолжал руководить войсками до конца битвы. Популярность Витгенштейна основывалась не только на его военных победах, но и на привлекательных чертах характера — личной храбрости, честности, простоте в обращении с подчиненными.

LVII. НА ПРИСЯГУ ИСПАНЦЕВ В САРСКОМ СЕЛЕ

(«Стремленье ревностно рождая друг во друге…»)
(С. 190)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 19. С. 343, с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Гр. Хвостов.
Д а т и р у е т с я: не позднее 23 марта 1813 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Д. И. Хвостов.

[1] *Испанцы прежде всех его презрели злобу…* — Имеются в виду тайные дипломатические переговоры между Россией и Испанией в 1811—1812 гг., в результате которых 20 июля 1812 г. канцлером Н. П. Румянцевым и представителем испанских кортесов был подписан договор о союзе против Франции. Выполнение обеими сторонами условий договора позволило согласовать военные усилия и затруднить переброску французских войск в кампаниях 1812—1813 гг.

[2] *Пред Фердинандов трон несут сердца в обет…* — Во главе Испании во время войны стоял король Фердинанд VII Желанный. В 1808—1814 гг. он жил во Франции и был фактиче-

ски пленником Наполеона, борьбу против которого вели испанские национальные кортесы. Король вернулся в Испанию после падения французского господства в марте 1814 г.

LVIII. ХОР (ДЛЯ ПОЛЬСКОГО) НА НОВЫЙ 1813 ГОД, НАЧАВШИЙСЯ ПОД ЗВУКАМИ СЛАВЫ ПОБЕДОНОСНЫХ РОССИЯН

(«Год преславный, возрожденный…»)
(С. 191)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 14. С. 95—97,с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Николев.
Д а т и р у е т с я: не позднее 3 апреля 1813 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Н. П. Николев.

[1] *Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* — Пс. 117:11. Молитва царя Давида, владения которого окружили враги и угрожали покорить Израильское царство. Давид победил их и покорил многие народы.
[2] *… сарыни…* — сарынь (сорынь) — чернь, толпа.
[3] *…Секвану…* — река Сена.

LIX. ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ ПРИ ИЗВЕСТИИ О КОНЧИНЕ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

(«Гул страшный в воздухе несется!»)
(С. 193)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 2. С. 71—73, с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Николай Остолопов.
Д р у г и е и з д а н и я: Лирическая песнь при известии о кончине Генерала от Инфантерии Князя Петра Ивановича Багратиона. СПб.: В Морской типографии, 1812. (ценз. разр. 5 октября 1812, Иван Тимковский). На с. 3 подпись и дата: Николай Остолопов. 22 сентября 1812.
Д а т и р у е т с я: 22 сентября 1812 г.

А в т о р: Н. Ф. Остолопов.

LX. МОЯ МОЛИТВА

(«Сбылось предчувствие мое!»)
(С. 195)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 3. № 4. С. 200—201. С примечанием к ст. 1: «Сие относится к последней строфе Лирической песни на кончину Князя Багратиона». В первой публикации оно гласит: «Сие относится к последней строфе “Лирической песни на кончину Князя Багратиона”. См.: Сын Отечества. № 2, прошлого года» (с. 200). См. предыдущее (LIX) стихотворение Н. Остолопова.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Остолопов. 18 января 1813 г.
Д а т и р у е т с я: 18 января 1813 г.

А в т о р: Н. Ф. Остолопов.

LXI. НА СОВЕРШЕННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИХ ВОЙСК В ПРЕДЕЛАХ РОССИИ

(ПОДРАЖАНИЕ 78 ПСАЛМУ)

(«Исчадие вражды, крамолы…»)
(С. 196)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814 (1813). Ч. 25. № 1. С. 58—60, под заглавием «Стихи на совершенное истребление неприятельских войск в пределах России (Подражание 78 псалму)».
П о д п и с ь в «Собрании…»: Писарев.
Д а т и р у е т с я: не позднее 10 ноября 1813 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: А. А. Писарев.

[1] *Подражание 78 Псалму* — Псалом 78 Ветхого Завета (псалом Асафу) представляет собой молитву-плач над развалинами Иерусалима, разрушенного врагами-язычниками; авторство псалма прнадлежит одному из потомков Асафа — главного псалмопевца царя Давида.
[2] *Не устрашимся… Россы! С вами Бог!* — В публикации РВ: Не устрашимся Россы! С нами Бог!
[3] *Всевышний мстит!..* — В публикации РВ: Всевышний мстит…

LXII. ЧУВСТВОВАНИЯ РУССКОГО В КРЕМЛЕ

(«Ограда святости, Кремля высоки стены!»)
(С. 197)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814 (1813). Ч. 25. № 2. С. 135—139. С подписью: «Д. Глебов».
П о д п и с ь в «Собрании…»: Дм. Глебов.
Д а т и р у е т с я: не позднее 10 ноября 1813 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: Д. П. Глебов.

[1] *Ограда святости, Кремля высоки стены!* — В публикации РВ: Ограда Святости, Кремля высоки стены!
[2] *Потомки Рюрика! В вас то же сердце…* — В публикации РВ: Потомки Рюрика! в вас то же сердце бьется…
[3] *Но буйный враг всех прав — сей чести недостоин…* — В публикации РВ: Но буйный враг всех прав, сей чести недостоин…
[4] *…Юлиан…* — Имеется в виду Юлиан Отступник Флавий Клавдий (331—363) — римский император, выступавший против христианства.
[5] *Или достойный мир, народам всем свобода; / Иль непрерывная кровавая война! / Скорее вечный хлад пошлет в наш край природа…* — В публикации РВ: Или достойный мир! народам всем свобода; / Иль непрерывная кровавая война. / Скорее вечный хлад пошлет в наш край природа.

[6] *…Бауцен и Люцен встрепетали…* — Имеются в виду сражения между Наполеоном и объединенной русско-прусской армией под командованием российского генерала Витгенштейна при городах Лютцене 2 мая 1813 г. и Бауцене (40 км восточнее Дрездена) 20—21 мая 1813 г. В результате сражений союзники отступили, но это было выгодно русской стороне. Армии Наполеона был нанесен серьезный удар, а потери французов в несколько раз превосходили потери союзников.

[7] *Царь Севера…* — Зд.: Александр I.

[8] *И стены Лейпцига пред доблестными пали…* — Подразумевается Битва под Лейпцигом (Битва народов), крупнейшее сражение, в котором французская сторона потерпела поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции. Основные силы союзников заключались в Богемской армии Александра I и Фридриха-Вильгельма III.

LXIII. НА СМЕРТЬ СПАСИТЕЛЯ ОТЕЧЕСТВА

(«Какое скорбное виденье!»)
(С. 199)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1813. Июнь С. 169—172. С примечанием к ст. 23—24: «Император в Рескрипте Своем к овдовевшей Светлейшей Княгине Голенищевой-Кутузовой-Смоленской произнес следующие незабвенные для Русских, достойные отеческого Его сердца слова: С вами проливаю слезы Я и вся Россия» (с. 170).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ап. Нестеров.

Д а т и р у е т с я: апрель-июнь 1813 г.

А в т о р: Нестеров Ап<оллоний>.

Под «спасителем Отечества» подразумевается Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов. Во время освободительного похода российских войск главнокомандующий скончался от простуды 16 (28) апреля 1813 г. в небольшом прусском городке Бунцлау (территория Польши).

[1] *Ода Ломоносова…* — «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», написанная после 13 августа 1747 г., когда в Академическом собрании был оглашен новый устав и утверждены новые штаты Академии наук. Строки оды, взятые А. Нестеровым в качестве эпиграфа к стихотворению, являются эпитафией Петру I.

[2] *Се АЛЕКСАНДР в их круг вступает!* — В публикации ДЮ: Се АЛЕКСАНДР в их круг вступает.

[3] *Казалося, в печаль повергся.* — В публикации ДЮ: Казалося, в печаль повергся!

[4] *О, лютый рок! О, страшный час?* — В публикации ДЮ: О, лютый рок! о, страшный час!

[5] *Кем адски ковы сокрушились?* — В публикации ДЮ: *Кем адски ковы сокрушились*,…

[6] *Кто беспредельно царство спас?*— В публикации ДЮ: Кто беспредельно царство спас;…

[7] *И тяжки цепи разорвал?* — В публикации ДЮ: И тяжки цепи разорвал;…

[8] *О славе? — Счастья всех творец!* — В публикации ДЮ: О славе! — Счастья всех творец!

[9] *И ни на миг не разлучалась* — В публикации ДЮ: И ни на миг не разлучалась, —…

[10] *Ты блеском славы озарился.* — В публикации ДЮ: Ты, блеском славы озарился.

[11] *Утешьтесь! С вами ваш Хранитель…* — В публикации ДЮ: Полнощный Ангел, Утешитель…

LXIV. НА ПОГРЕБЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ МИХАИЛА ЛАРИОНОВИЧА ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО. ИЮНЯ 13 ДНЯ 1813

(«Ужасная смерть! Устремила ты жало…»)
(С. 202)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Прибавление № 8 от 13 июня. С. 1, с тем же заглавием и подписью.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Остолопов.

Д а т и р у е т с я: 13 июня 1813 г.

А в т о р: Н. Ф. Остолопов.

Тело Кутузова после его кончины было забальзамировано, отправлено в Санкт-Петербург и погребено в Казанском соборе, где и покоится до сегодняшнего дня.

LXV. ПЕСНЬ НА СМЕРТЬ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Какой, какой удар свершился…»)
(С. 203)

В п е р в ы е: Друг юношества. Апрель, 1813. С 127—135. С заглавием: «Песня на смерть светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского» и примечанием к ст. 78: «Покойный Князь, отправляясь из Санкт-Петербурга в армию, принес молитвы свои Богу в Казанском Соборе» (С. 130).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Михайла Виноградов.

Д а т и р у е т с я: вторая половина апреля 1813 г.

А в т о р: М. Виноградов.

[1] *Поколебал и страх рассеял, / Которой галлы зрели в нем, / И в россах ужас он посеял / Своим паденья страшным днем!..* — В публикации ДЮ: Поколебал — и страх рассеял, Которой галлы зрели в Нем, / И в россах ужас Он посеял / Своим паденья страшным днем. — …

[2] *С Москвы за эльбски берега…* — В публикации ДЮ: С Москвы за эльбски берега —…

[3] *Несется томный звук трубы: / О, росс! Где, где твоя надежда? / Увы! Разрушили судьбы.* —… — В публикации ДЮ: Несется томный звук трубы; / О, росс! Где? — где твоя надежда? — / Увы! Разрушили Судьбы. — … За этим стихом следуют 67 стихов, пропущенных в публикации «Собрания»:

Из стран, Россия! Отдаленных,
Где все твои полки стоят,
Из стран, Смоленским покоренных,
Унылы вестники летят: —
Не о трофеях нам вещают,
Взор темный к небу возводя,
Что мертв Кутузов, возвещают,

Что нет Смоленского Вождя. —
Печальны вестников сих взоры
Гласят тебе, унылый Росс:
Лишился твердой ты подпоры,
Пал знаменитый твой Колосс. —
Он пал — и не в Его уж воле
Победу Россам начертать;
Он пал — и нет его уж боле;
Престал наш мудрый Вождь блистать; —
Сомкнулись те уста Героя,
Умолк Его тот строгий глас,
Который учреждал средь воя
Полки в решительнейший час;
Закрылась светлая зеница,
Не зрев уронов никогда,
И хладна твердая десница
Врагов, каравшая всегда. —
Ах! Те, Перуном что владели
В пример языческих врагов. —
Те мощны длани охладели,
И не опасны для врагов. —
Итак, о Россы! Вы лишились
Того, победою чией
Пред всей вселенной вы гордились,
И сами удивлялись ей;
Лишилась Мужа знаменита,
Который кончил свой предел,
Которым лаврами покрыта
Досталась Слава нам в удел;
Но — Слава, к коей довершенью
И лестный получить венец
Сего Героя к сожаленью
Не допустил Его конец:
Он кончил жизнь на поле брани,
Другим оставив довершить
С успехом мнили совершить. —
Но кто? О, Россы! Кто забудет
Велики подвиги Его? —
Нет! — Росс вовеки помнить будет
Вождя-героя своего:
Он гордые Луны кровавой
Рога собою низложил,
Знамена сильные со Славой
Ее к России приклонил: —
В России Галлов он надменных
Полки ужасны истребил,
Остатки ж тварей сих презренных
За Эльбу гнал, разил, губил. —
Забудет ли когда Россия,
Забудет ли когда тот час,

Когда Он в дни несчастны, злые
Явясь ее от смерти спас? —
Она ль забудет те минуты,
Как гордый враг ее терзал,
Лил в грудь ее печали люты,
И смертью угрожать дерзал?
Уже все Россы предавались
Унынью, грусти и слезам;
Уже в России раздавались
Удары Галлов по полям;

[4] *Смоленский часть для славы вам!..* — В публикации ДЮ: Смоленский часть для Славы вам!..

[5] *Окончил жизнь свою великий…* — В публикации ДЮ: Окончил жизнь свою Великий…

[6] *Теченье громкое скончал; …* — В публикации ДЮ: Теченье громкое скончал;

[7] *Соделай страшным для врагов!..* — В публикации ДЮ: Соделай страшным для врагов: …

LXVI. НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«О, весть плачевная! Отечества спаситель…»)
(С. 207)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 19. С. 342.
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Измайлов.
Д а т и р у е т с я: 17 апреля — 8 мая 1813 г.

А в т о р: А. Е. Измайлов.

[1] *Как солнце в ясный день, скончал свое теченье!..* — В публикации СО: Как солнце в ясный день, скончал свое теченье.

[2] *И не щадил для нас своих последних сил, / Любви к Отечеству, к царю пример великий!..* — В публикации СО: И не щадил для нас своих последних сил. / Любви к Отечеству, к Царю пример великий!..

LXVII. ПЕСНЬ БАРДА НА КОНЧИНУ КНЯЗЯ Г. К. СМОЛЕНСКОГО

(«Чьи вопли жалобны, чьи стоны раздаются?»)
(С. 208)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 6. № 20. С. 44—46. С примечанием к ст. 65 на с. 45: «Слова Светлейшего в донесении из Ельни от 20 Октября 1812. Соч.».
П о д п и с ь в «Собрании…»: П. Корсаков.
Д а т и р у е т с я: 17 апреля — 15 мая 1813 г.

А в т о р: П. А. Корсаков.

[1] «*Чьи дни пресеклися велением небес?*» — В публикации СО: «Чьи дни — пресеклися велением небес?»

[2] *Где в лаврах блещущих сынов моей державы…* — В публикации СО: Где в лаврах блещущих, сынов моей державы…

[3] *Пылая бешенством, с десницею подъятой…* — В публикации СО: Пылая бешенством, с десницею подъятой, —…

[4] *Чей вздох, последний вздох дубрава повторяет, / Кипит слез русских ток?.. Смоленский умирает! / Свершилось! Нет тебя, полночных вождь вождей!..* — В публикации СО: Чей вздох, последний вздох дубрава повторяет? / Кипит слез русских ток… Смоленский умирает! / Свершилось! нет тебя, полночных вождь вождей!..

[5] *Едва скончала речь печальная Россия,* — В публикации СО:Едва скончала речь печальная Россия, —…

[6] *Воспряньте! Грянул гром!* — В публикации СО: Воспряньте: грянул гром!..

[7] *Ужель его забыли глас…* — В публикации СО: Ужель — его забыли глас…

[8] *Велик Российский Бог! — средь лавров восклицал?..* — Восклицание «Велик русский бог!», по преданию, принадлежит Мамаю, потерпевшему поражение в битве на Куликовом поле (1380 г.). В XIX в. фраза была довольно популярной.

[9] *Он с вами вечно будет жить…* — В публикации СО: Он с вами вечно будет жить. — …

[10] *Воспряньте! грянул гром!*» —… — В публикации СО: Воспряньте: грянул гром!» —…

LXVIII. МЫСЛИ ПРИ ГРОБЕ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Как изумленный свет делам твоим дивился…»)
(С. 210)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 6. № 24. С. 209.
П о д п и с ь в «Собрании…»: М. Милонов.
Д а т и р у е т с я: не ранее 17 апреля 1813 г.

А в т о р: М. В. Милонов.

[1] *И избавителя, тебя, благословлял,…* — В публикации СО: И избавителя, тебя, благословлял;…

[2] *Восторгов наших глас в плачь тяжкий превратился!…* — В публикации СО: Восторгов наших глас в плачь тяжкий превратился,…

[3] *Кто мужеством врагов заставить трепетать?* — В публикации СО: Кто мужеством — врагов заставить трепетать?

[4] *Сей глас, сей огнь души вместится ль в исступление?* — В публикации СО: Сей глас, сей огнь души вменится ль в исступление?

[5] *Что их Отечество в тебе имело сына…* — В публикации СО: Что их Отечество в тебе имело сына:…

LXIX. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ В ПАМЯТЬ КНЯЗЯ КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Что солдатушки, что кручинны так?»)
(С. 211)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 23. № 8. С. 73—75. С подзаголовком «(Из села Загорья)», подписью: «10 мая 1813 г.», а также с примечанием к ст. 36 на с. 74: «Слова Князя Кутузова из приказа, выданного вскоре после поражения врагов под Малым-Ярославцем».

Подпись в «Собрании…»: *Село Загорье*
Датируется: 10 мая 1813 г.

Автор: не установлен.

[1] *Как он войско вел по темным облакам…* — В публикации РВ: Как он войско вел ко темным облакам…

[2] *И ни холоду, и ни голоду…* — Битва под Малым Ярославцем, о которой упоминает автор в примечании к данному стиху, произошла 24 октября 1812 г. между армиями Наполеона и Кутузова, в ходе кровопролитного сражения город восемь раз переходил из рук в руки, и был практически уничтожен.

[3] *И как кланялся он солдатушкам…* — В публикации РВ: А как кланялся он солдатушкам…

[4] *Ах! и зимушка не знобила вас…* — В публикации РВ: Ах! и зимушка не знобила нас…

[5] *Не кажись, злодей! — грудью бросимся…* — В публикации РВ: Не кажись, злодей! грудью бросимся…

[6] *У престола Царя небесного.* — В публикации РВ: У престола у Господнева.

LXX. СТИХИ НА ПОДВИГИ ДВУХ СМОЛЕНСКИХ ПОМЕЩИКОВ ЭНГЕЛЬГАРДА И ШУБИНА И НА МОНАРШИЕ ЩЕДРОТЫ, ИЗЛИЯННЫЕ НА НИХ

(«Сыны Отечества, защитники державы!»)
(С. 213)

Впервые: Сын Отечества. 1813. Ч. 9. № 40. С. 82.

Другие издания: Русский вестник. 1813. Ч. 24. № 12. С. 86—87. С примечанием: «Сии стихи в память двух верных смоленских дворян сочинены по препоручению графа А. А. Аракчеева». С указанием даты и места после текста: «1 сентября 1813 года. Бивак, близ Теплиц».

Подпись в «Собрании…»: А. Писарев.
Датируется: 1 сентября 1813 г.

Автор: А. А. Писарев.

[1] *Сыны Отечества, защитники державы*!… — В публикации РВ: Сыны Отечества, защитники Державы,..

[2] …*Энгельгард*… — Энгельгардт Павел Иванович (1774 — 15.10.1812, Смоленск), помещик Смоленской губернии, в 1807—1812 гг. — подполковник в отставке. В 1812 г., собрав своих дворовых, нападал на неприятельские отряды; ему предлагали чин полковника в наполеоновской армии, но Энгельгардт остался верен присяге, на месте расстрела его вдова соорудила небольшой памятник. В 1835 г. по воле Николая I он был заменен на чугунный; а в 1886 г. к эпитафии в память Энгельгарта была добавлена надпись о казни С. И. Шубина (см. ниже).

[3] …*Шубина*… — Шубин Семен Иванович — отставной коллежский асессор. Во время прохождения французских войск чрез Смоленскую губернию командовал частью ополчения, собравшегося против французов, и был взят в плен; не согласился встать под знамена Наполеона, за что был расстрелян 24 октября 1812 г. под Смоленском. Александр I в воздаяние за героизм определил его жене, матери и двум сестрам солидную пенсию.

LXXI. НА КОНЧИНУ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУТАЙСОВА, В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ УБИТОГО 1812 ГОДА АВГУСТА 26

(«Ужель и ты… и ты…»)
(С. 214)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 70. № 13. С. 14—15.
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Бунина.
Д а т и р у е т с я: август 1812 г. — апрель 1813 г.

А в т о р: А. П. Бунина.

[1] *…во смертну мрежу!..* — Мрежа — рыболовная сеть.
[2] *Потоком слезным орошенны?* — В публикации ВЕ: Потоком слезным орошенны!
[3] *Нежнейша мать тебя зовет…* — В публикации ВЕ: Нежнейша мать твоя зовет…
[4] *Заранее к тебе простерли руки;…* — В публикации ВЕ: Заранее к тебе простерли руки; —
[5] *Алкающих твоей беседы сладкой,…* — В публикации ВЕ: Алкающих твоей беседы сладкой, —
[6] *Что юного тебя с собой чли равноденным,..* — В публикации ВЕ: Что юного тебя с собой чли равноденным, —

LXXII. СТИХИ В ДЕНЬ СВЕТЛОГО ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНИЯ МАТЕРИ ОТ ДЕТЕЙ

(«Не бушуют грозны бури…»)
(С. 216)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 5—6 (март). С. 19—21.
П о д п и с ь в «Собрании…»: (Из Вестн. Евр.)
Д а т и р у е т с я: март 1813 г.

А в т о р: не установлен.

[1] *Мир нам даровав…* — В публикации ВЕ строка выделена разрядкой.

LXXIII. ЦИДУЛКА К СОСЕДУ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О СОВЕРШЕННОМ ИЗГНАНИИ ВРАГОВ ИЗ РОССИИ

(«Хвала да будет Богу…»)
(С. 218)

В п е р в ы е: Друг юношества и всяких лет. 1813. Февраль. С. 133—134. С подписью: «1813. С<ело>. Знаменское».
Д р у г и е и з д а н и я: *Кугушев Н. М.* Праздное время инвалида. М.: В университетской типографии, 1814. С. 128—129. (Ценз. разр. 26 апреля 1814 г.).
П о д п и с ь в «Собрании…»: Кн. Николай Кугушев.
Д а т и р у е т с я: январь-февраль 1813 г.

А в т о р: Н. М. Кугушев.

[1] *Цидулка* — Маленькое письмо, записка.
[2] *…свеян…* — В отдельном издании: своем.

LXXIV. ПАМЯТЬ КНЯЗЮ БАГРАТИОНУ

(«Можайские поля, свидетели ударов…»)
(С. 219)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 23—24, декабрь. С. 305.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Николай Иван. Писарев.
Д а т и р у е т с я: сентябрь-ноябрь 1813 г.

А в т о р: Н. Д. Иванчин-Писарев.

[1] *Можайские поля, свидетели ударов…* — Имеется в виду Бородинское сражение (село Бородино находится под Можайском).

LXXV. НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ М. Л. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Отечество в слезах — познало весть ужасну…»)
(С. 220)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 11/12 (июнь). С. 188.
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Пушкин
Д а т и р у е т с я: не ранее 16 (28 апр.)1813 г.

А в т о р: А. М. Пушкин.

LXXVI. В СИМЕ, СЕЛЕ КНЯЗЯ БОРИСА АНДРЕЕВИЧА ГОЛИЦЫНА, МАРТА 7 ДНЯ 1813 ГОДА

(«Прохожий! В Симе зри того героя прах…»)
(С. 221)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 5. № 18. С.288.
П о д п и с ь в «Собрании…»: *Племянник Суворова правой его руке, покойному Князю Петру Ивановичу Багратиону*
Д а т и р у е т с я: 7 марта 1813 г.

А в т о р: Д. И. Хвостов.

Это — надпись на могиле П. И. Багратиона, в селе Сима Владимирской губ., но в ней последние два стиха читаются так: Бог-рати-он, слуга Отечества и Трона / Здесь кончил жизнь свою, разя Наполеона. Она подписана: «Племянник Суворова правой его руке в селе Симе марта 7-го дня 1813 года граф Хвостов».

[1] Село Сима стоит на берегах реки Симки. В 1708 г. царь Пётр пожаловал село с окрестными деревнями генерал-фельдмаршалу князю М. М. Голицыну за победу над генералом Левенгауптом в период Северной войны 1700—1721 гг. После ранения М. И. Кутузов был перевезён в Симу, где скончался.

LXXVII. К ПОРТРЕТУ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

(«Петрополю грозил в Наполеоне пламень…»)
(С.222)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1812. Ч. 1. № 6. С. 270.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Державин.
Д а т и р у е т с я: не позднее 7 октября 1812 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Г. Р. Державин.

[1] Граф Витгенштейн Пётр Христианович в 1812 г. командовал отдельным корпусом на петербургском направлении, в апреле — мае 1813 г. был главнокомандующим русско-прусской армией в Германии; после смерти Кутузова был назначен главнокомандующим русскими и прусскими войсками, но вскоре подал просьбу об увольнении, затем, командуя частью русских войск, Витгенштейн участвовал в боях под Дрезденом и Лейпцигом. В сражении при Бар-сюр-Обе был тяжело ранен в ногу и сдал командование русским корпусом.

[2] *Иль разъяренный понт…* — Понт (зд.) — море.

LXXVIII. НА СМЕРТЬ КАПИТАНА ГВАРДЕЙСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ РОСТИСЛАВА ИВАНОВИЧА ЗАХАРОВА

(«Узря простерта на плаще меня…»)
(С. 223)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 4 . № 12. С. 299.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Анна Бунина.
Д а т и р у е т с я: не ранее 26 августа 1812 г.

А в т о р: А. П. Бунина.

[1] Примеч. автора к заглавию: «*Убитого ядром 26-го Августа в Бородинской битве*» — Захаров Р. И. (1784—1812) — офицер лейб-гвардии артиллерийского батальона, в Бородинском сражении батарея под его руководством спасла левый фланг и все русские войска от возможного окружения.

Н. Никонова

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вторая часть «Собрания…» открывается эпиграфом, в качестве которого взята последняя строфа стихотворения Д. Хвостова «Освобождение Москвы», опубликованного в первой части этого издания (см. комментарий к нему выше).

I. РАДОСТНЫЙ ГЛАС ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОГО ГРАДА МОСКВЫ ПРИ ВОЖДЕЛЕННОМ ПРИБЫТИИ МОНАРХА И ОТЦА, АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО, ИЮЛЯ 11 ДНЯ 1812 ГОДА

(«Ты входишь в древнюю столицу…»)
(С. 227)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1812. Июль. С. 129—130, с заглавием: «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года», без подписи.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Павел Г. Кутузов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 22 июня 1812 г. (по ценз. разр. ДЮ).

А в т о р: П. И. Голенищев-Кутузов.

6 (18-го по н. ст.) июля 1812 г. государственный секретарь А. С. Шишков по приказу Александра I подготовил царский манифест «Первопрестольной столице нашей Москве», в котором император обращается к первопрестольной столице, призывая собрать «новые внутренние силы» для «надежнейшей обороны». О реакции москвичей на это воззвание вспоминает С. Н. Глинка в своих записках о 1812 г.: «В достопамятный и бурный 1812 год жил я в переулке Тишине близ Драгомиловского моста. 11 июля на ранней заре утренней разбудил меня внезапный приход хозяйки дома. Едва вышел я к ней, она со слезами вскричала: «Мы пропали! Мы пропали!» — и подала мне печатный лист. То было воззвание к первопрестольной столице Москве от 6-го июля из Полоцка. Прочитав воззвание, я сказал: «Благодарите бога, сударыня! Где заранее предвидят опасность, там примут и меры к отвращению ее. Будьте спокойны и молитесь богу!» Далее Глинка пишет о том, как он в 3 часа пополудни за Драгомиловскою заставою «протеснялся» «сквозь бесчисленные сонмы народа», пришедшего встречать Александра I и о том душевном подъеме, тех настроениях, которые захватили всех присутствующих: «Не вмещая в стенах своих радости и восторга, казалось, что вековая Москва, сдвинувшись с исполинского основания своего, летела на встречу государя. Все сердца ликовали; на всех лицах блистало веселье. Дух народный всего торжественнее выказывается в годину решительного подвига. В часы грозной, в часы явной опасности народ русский подрастает душою и крепчает мышцею отважною. Размышляя о дивном полете духа русского, часу в шестом вечера очутился я на Поклонной горе, где тогда была дубовая роща. Земля как будто бы исчезала под сонмами народа; иные читали воззвание к первопрестольной столице Москве; другие спокойно и с братским радушием передавали друг другу мысли свои. Под шумом бурь исчезает личность и сердца сродняются союзом общей опасности. Речи лились рекою и пламенели рвением любви». П. А. Вяземский в своем «Воспоминании» пишет: «С приезда государя в Москву, война приняла характер войны народной. Все колебания, все недоумения исчезли; всё, так сказать, отвердело, закалилось и одушевилось в одном убеждении, в одном святом чувстве, что

надобно защитить Россию и спасти её от вторжения неприятеля. Уже до появления государя в собрание дворянства и купечества, созванное в Слободском дворце всё было решено, всё было готово, что бы на деле оправдать веру царя в великодушие и неограниченное самопожертвование народа в день опасности» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1881. С. 192).

Тексты в ДЮ и «Собрании…» идентичны, отличаясь лишь некоторыми знаками препинания и способами выдения отдельных слов (монарх, ты, тобой).

[1] *сретаем* — То есть встречаем (устар.).

II. ГОЛОС РУССКОГО НАРОДА ПО СЛУЧАЮ ПРИБЫТИЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА В ПЕРВОПРЕСТОЛЬНЫЙ ГРАД МОСКВУ

(«Слышишь ли сердечны клики…»)
(С. 229)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 8. С. 80—82, с заглавием: «Голос русского народа. По случаю прибытия государя императора в первопрестольный град Москву», с подписью: Издатель «Русского вестника». 12 июля 1812 года. Москва.

П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Г.

Д а т и р у е т с я: 12 июля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

Тексты РВ и «Собрания…» идентичны, за исключением нескольких знаков препинания. Об исторической основе стихотворения см. выше комментарий к «Радостному гласу первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года».

[1] *Воспойте Господеви песнь нову!* — Пс. 95:1.

III. СТИХИ, ПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ В «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» ВЫСОЧАЙШЕГО РЕСКРИПТА НА ИМЯ ГРАФА Н. И. САЛТЫКОВА, ОТ 13-го ИЮНЯ 1812, О БУЙНОМ ВТОРЖЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК В РОССИЙСКИЕ ПРЕДЕЛЫ

(«К оружию! К защите, россы!»)
(С. 230)

В п е р в ы е: не определено.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Гр. Волков.

Д а т и р у е т с я: не ранее 18 июня 1812 г. (по времени первой публикации «Рескрипта»).

А в т о р: Г. Волков.

В ночь с 12 (24) на 13 (25) июня 1812 г. Александр I, находившийся в Вильне, получил известие о переправе французской армии через Неман и поручил государственному секретарю А. С. Шишкову подготовить приказ войскам и фельдмаршалу, председателю Государ-

ственного совета и Комитета министров графу Н. И. Салтыкову о вступлении неприятеля на территорию России. Это были первые государственные документы, относящиеся к началу войны 1812 г. В «Приказе по армиям от 13 (25) июня 1812 г.» говорилось: «Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные… Французский император нападением на войски НАШИ при Ковне открыл первый войну». Далее следует призыв к русской армии: «Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу. Я с вами. На зачинающаго Бог». В «Рескрипте» на имя Н. И. Салтыкова отмечалось: «Французские войска вошли в пределы НАШЕЙ империи. Самое вероломное нападение было возмездием за строгое наблюдение союза. Я для сохранения мира истощил все средства, совместные с достоинством престола и пользою МОЕГО народа. Все старания МОИ были безуспешны. Император Наполеон в уме своем положил твердо разорить Россию. Предложения самые умеренные остались без ответа. Внезапное нападение открыло явным образом лживость подтверждаемых в недавнем еще времени миролюбивых обещаний. И потому не остается МНЕ иного, как поднять оружие и употребить все врученные МНЕ Провидением способы к отражению силы силою. Я надеюсь на усердие МОЕГО народа и храбрость войск МОИХ. Будучи в недрах домов своих угрожаемы, они защитят их с свойственною им твердостью и мужеством. Провидение благословит праведное НАШЕ дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудило НАС препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве МОЕМ. Пребываю вам благосклонный. Вильна, июня 13-го 1812 года» (опубликовано в: Санкт-Петербургские ведомости. № 49 от 18 июня 1812 г.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. № 25 от 22 июня 1812 г.; Московские ведомости. № 50 от 22 июня 1812 г.; Казанские известия. № 26 от 29 июня 1812 г.).

IV. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ПОЛУЧЕННОГО ПРИКАЗА, ОТДАННОГО ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ ДЕЙСТВУЮЩИМ АРМИЯМ 13-го ИЮНЯ 1812 ГОДА, ПО СЛУЧАЮ ВЕРОЛОМНОГО РАЗРЫВА МИРА С ФРАНЦУЗАМИ

(«МОНАРХ, владеющий сердцами!»)
(С. 232)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 7. С. 88—89, с заглавием: «Стихи, написанные по прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13 июня 1812 года, по случаю вероломного разрыва мира французами» (Из С. Петербурга), с подписью: А. В.

Д р у г и е и з д а н и я: Стихи, написанные по прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13 июня 1812 года, по случаю вероломного разрыва мира французами. Ценз. разр. от 19 июня 1812. Цензор статский советник и кавалер Ив. Тимковский. СПб. В медицинской типографии. 1 л. (как листовка), в конце подписано: А. В.

П о д п и с ь в «Собрании…»: А. В.

Д а т и р у е т с я: не позднее 19 июня 1812 г. (по ценз. разр. отдельного издания).

А в т о р: А. А. Волкова.

Стихотворение написано по поводу выхода императорского «Приказа по армиям от 13 (25) июня 1812 г.» (см. комментарий к «Стихам, писанным по прочтении в Московских Ведомостях Высочайшего Рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13 июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы»).

Публикации в основном идентичны, за исключением некоторых знаков препинания, о других разночтениях см. ниже в реальном комментарии.

[1] В отдельном издании эпиграф: «С нами Бог, разумейте языцы!» Всенощное бдение начинается великим повечерием, на котором поется торжественная песнь пророка Исаии: «С нами Бог, разумейте, языцы, и покаряйтеся, яко с нами Бог!» (Исх. 8:9—10, 12—14, 17—18; 9:2, 6).

[2] *вечно* — В отдельном издании и РВ: верно.

V. ЧУВСТВОВАНИЯ ВЕРНОПОДДАННОГО, ВОЗРОДИВШИЕСЯ ПО ПРОЧТЕНИИ ПРИЗЫВАНИЯ К ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА, ОБНАРОДОВАННОГО В 10 ДЕНЬ ИЮЛЯ 1812 ГОДА

(«Сыны Отечества! Внемлите…»)
(С. 233)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 20. № 10. С. 20—29, с заглавием: «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите Отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года», с подписью: И. Ламанский. С. П. Бург. 12 Июля 1812 года.

П о д п и с ь в «Собрании…»: И. Ламанский.

Д а т и р у е т с я: 12 июля 1812 г.

А в т о р: И. И. Ламанский.

О царском манифесте «Первопрестольной столице нашей Москве», по поводу которого написано стихотворение И. И. Ламанского, см. комментарий к произведению П. И. Голенищева-Кутузова «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года».

Тексты из РВ и «Собрания…» почти идентичны, разночтения находим, в основном, в пунктуации. Кроме того, в публикации РВ перед стихами «Оставь обители небесны…», «Разверзлось небо предо мною!», «Умолк — и призрак сей священный…» и «К Тебе, о Боже, прибегаем…» сделаны пробелы. О других см. ниже в реальном комментарии.

[1] *прю* — То есть спор, борьбу (устар.).

[2] *…аду лишь внимать…* — В РВ далее: Мы ль вторгнулись в его пределы, / Смутили домы поселян?

[3] *добрый* — В РВ: бодрый.

[4] *Давно ли Александр Полночный / Хотел Россиян истребить…* — Имеется в виду Карл XII (1672—1718), король Швеции, сравнивавший себя с Александром Македонским, его называли Александром Севера, Полуночным паладином. Полночным Александром Карл XII назван в «Эпитафии Карлу XII, королю шведскому» А. П. Сумарокова. Здесь имеется в виду его вторжение в Россию, которое закончилось поражением в Полтавской битве 1709 г.

[5] *не закосни* — Закоснить — замедлить (устар.).

VI. ОТГОЛОСОК ЛИРЫ НА СЛУЧАЙ ИЗДАННОГО МАНИФЕСТА ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ ПЕРВЫМ ПО ВЗЯТИИ НЕПРИЯТЕЛЕМ СМОЛЕНСКА И ПРИБЫТИЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В МОСКВУ ИЮЛЯ 12 ДНЯ

(«Зовет к защите ЦАРЬ, определяет Бог…»)
(С. 238)

В п е р в ы е: Три лирические стихотворения Н. П. Николева, изданные М-<асловы> м. М., 1814. В университетской типографии. С. 5—8. Ценз. разр. 5 июня 1814 г. Цензор — ординарный профессор и кавалер Лев Цветаев.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Николев.

Д а т и р у е т с я: не позднее 5 июня 1814 г. (по ценз. разр. отдельного издания).

А в т о р: Н. П. Николев.

Стихотворение было создано как отклик на царский «Манифест о наборе рекрут с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих во всех тех губерниях, где не назначено ополчения, со ста душ по два человека, и о исключении из сего набора губернии, в военном положении объявленные, также Псковской и Эстляндской» от 4 (16) августа 1812 г., который открывался упоминанием манифестов от 6-го «О сборе внутри государства земского ополчения», составленного накануне приезда Александра I в Москву (см. комментарий к стихотворению «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года») и от 18-го июля 1812 г. «О составлении временного внутреннего ополчения». В июльском манифесте от 6-го числа говорилось: «Божиею милостью Мы, Александр Первый, император и самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ее и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему в преграду войска наши, кипящие мужеством попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разнодержавные силы велики, и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради, при всей твердой надежде на храброе наше воинство, полагаем Мы за небходимо-нужное: собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех.

Мы уже воззвали к первопрестольному граду нашему, Москве; а ныне взываем ко всем нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям, духовным и мирским, приглашая их вместе с нами единодушным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство хра-

брых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначаемых сил, предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными, и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми Предводитель» (опубликовано в: Санкт-Петербургские сенатские ведомости. № 28 от 13 июля 1812 г.; Исторический, статистический и географический журнал. 1812. Ч. 3. Кн. 1 (июль). С. 72—75).

Июльский манифест от 18-го числа, по сути, продолжал предыдущий: «По воззвании ко всем верноподданным нашим о составлении внутренних сил для защиты отечества, и по прибытии нашем в Москву, нашли Мы, к совершенному удовольствию нашему, во всех сословиях и состояниях, такую ревность и усердие, что предлагаемые добровольно приношения далеко превосходят потребное к ополчению число людей; сего ради, приемля таковое рвение с отеческим умилением и признательностью, обращаем Мы попечение Наше на то, чтобы составя достойные силы из одних губерний, не тревожить без нужды других. Для того учреждаем:

1). Округа, состоящая из Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калугской, Смоленской губерний, примет самые скорые и деятельные меры к собранию, вооружению и устроению внутренних сил, долженствующих охранять первопрестольную Столицу нашу Москву и пределы сего округа.

2). Округа, состоящая из Санктпетербургской и Новгородской губерний, сделает тоже самое для охранения Санктпетербурга и приделов сего округа.

3). Округа, состоящая из Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской, Вятской губерний, приготовится расчислить и назначить людей, но до повеления не собирает их не отрывает от сельских работ.

4). Все прочие губернии остаются без всякого по оным действия, доколе не будет надобности употребить их к равномерным отечеству жертвам и услугам.

Наконец, 5). Вся составляемая ныне внутренняя сила не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение, устрояемое из предосторожности в подкрепление войскам и для надежнейшего охранения отечества. Каждый из военноначальников и воинов при новом звании своем сохраняет прежнее, даже не принуждается к перемене одежды, и по прошествии надобности, то есть, по изгнании неприятеля из земли нашей, всяк возвратится с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям.

Государственные, экономические и удельные крестьяне в тех губерниях, из коих составляется временное внутренее ополчение, не участвуют в оном, но предоставляются для обыкновенного с них набора рекрут, по установленным правилам» (опубликовано в: Санкт-Петербургские сенатские ведомости. № 30 от 27 июля 1812 г.).

Августовский манифест был составлен в день начала оборонительного для русской армии Смоленского сражения. В нем император говорит о необходимости усилить армию новым подкреплением и повелевает произвести новый рекрутский набор: «Манифестами, в 6-й день и 18 минувшего июля изданными, учинили Мы известными распоряжения, предназначенные нами к отражению неприязненных покушений врага, вторгшегося в пределы империи нашей. Движимы будучи теми же побуждениями и на тех же основаниях, признали мы нужным усилить армии наши новым подкреплением; чего ради повелеваем произвести рекрутский набор следующим порядком:

1). С удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих во всех тех губерниях, где по манифесту 18 июля не назначено ополчения, собрать по два рекрута со 100 душ шестой ревизии.

2). Губернии, в военном положении объявленные, из сего набора исключить.

3). Равным образом из набора сего исключить и губернии Псковскую и Эстляндскую, по уважению, что они при настоящих военных обстоятельствах обременены разными тягостными повинностями.

4). Набор сей начать с 1 сентября, и окончить к 1 числу ноября.

5). При наборе сем поступать по тем же правилам, по коим производился последний общий рекрутский набор.

Правительствующий Сенат, на основании существующих постановлений, не оставит учинить с своей стороны надлежащих к успешному дела сего производству и совершению распоряжений» (опубликовано в: Санкт-Петербургские сенатские ведомости. № 32 от 10 августа 1812 г.).

В отдельном издании строфы разделены пробелами, первые стихи строф сверстаны с отступом. Открывается всё издание предисловием от издателя: «Имея лестное для меня препоручение издать в свет сии три стихотворения российского барда, написанные для славы и чести России, которые, подобно Софии и Сорене, навсегда останутся бессмертными, за особенное поставляю себе счастие посвятить оные знаменитому российскому дворянству. Издатель» (имеются в виду пьесы Н. Николева «София» и «Сорена и Замир»).

[1] В отдельном издании, на обороте титульного листа, общий эпиграф: Ввел ны еси в сеть: положил еси скорби на хребте нашем. Возвел еси человеки на главы наши; проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой. Пс. LXV, ст. 11 и 12. — Строфы разделены пробелами.

[2] *безмездный* — То есть бескорыстный, даровой.

[3] *ступень* — Здесь ‘ступня’ (ц.-слав.).

[4] *Чем в родине врага увидим!* — В отдельном издании: Чем в родине врага в венце увидим!

[5] *почетное* — В отдельном издании: почтенное.

[6] *сословие дворян* — В отдельном издании далее: Тебя, орудие всех действий россиян…

[7] *крин* — Лилия (ц.-слав.).

[9] *Тит* — Римский император Тит Флавий Веспасиан (39—81), в отличие от отца, своего полного тёзки (Веспасиана, 9—79), вошедший в историю под личным именем Тит.

VII. ВОЕННАЯ ПЕСНЬ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫСОЧАЙШЕГО МАНИФЕСТА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ОБ ОПОЛЧЕНИИ НА ЗАЩИТУ ОТЕЧЕСТВА ИЮЛЯ 15 ДНЯ 1812 ГОДА

(«Стремися, грозно ополченье…»)
(С. 241)

В п е р в ы е: ВЕ. 1812. Ч. 65. № 17. Сентябрь. С. 15—16, с заглавием: «Военная песнь (При получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества Июля 15 дня 1812 года)» и подписью: К.-въ.

П о д п и с ь в «Собрании…»: К.-въ.

Д а т и р у е т с я: не ранее 15 июля 1812 г.

А в т о р: П. И. Шаликов.

Стихотворение является откликом на оглашение 15 июля 1812 г. в Нижнем Новгороде царского манифеста от 6 июля 1812 г. «Первопрестольной столице нашей Москве». 17 июля в городе был оглашен манифест Александра I «О сборе внутри государства земского ополчения» (от 6 июля). Согласно манифесту от 18 июля организовывалось три территориальных военных ополчения: Московское, Петербургское и III округа в губерниях Поволжья, куда вошла и Нижегородская губерния. Нижний Новгород был определен и местом пребывания штаба III округа. Начальником Нижегородского ополчения стал действительный камергер князь Г. А. Грузинский, предводитель нижегородского дворянства, Нижегородское губернское правление брало на себя контрольную функцию по созданию ополченских структур. По сообщению Ф. Б. Дроздова, «формирование Нижегородского ополчения началось в сентябре 1812 г. <…> Командный состав ополчения набирался из дворян». Основную массу ополченцев составляли крепостные крестьяне, а также мещане, чиновники, семинаристы, ремесленники. 8 ноября 1812 г. на имя командующего ополчениями III округа графа П. А. Толстого пришел высочайший указ с повелением выступать. 9—10 декабря 1812 г. ополчение выступило на Курск, Киев, Глухов и далее на биваки в Волынскую губернию. Отсюда ополченские полки в начале 1813 г. в составе Польской армии генерала Л. Л. Беннигсена двинулись в заграничный поход» (Отечественная война 1812 г. и Нижегородский край: библиографический указ. // Отдел краевед. литературы, Нижегор. гос. обл. универс. науч. б-ка / Сост. И. Г. Горностаева [и др.]; предисл. Ф. Б. Дроздов. Н. Новгород, 2011). В написанном Ф. Б. Дроздовым предисловии упоминается губернский секретарь, дворянин А. М. Кураков, заявлявший о своем желании защищать отечество: «Сам будучи в преклонных летах и полной силе, имею ревность бодрствовать противу врага России, защищать Отечество». Возможно, он является автором «Военной песни…», опубликованной с подписью в виде криптонима: К.-въ.

«Военная песнь…», распеваемая Нижегородским ополчением, быстро была подхвачена ополченцами других губерний (в частности, в сборнике методическо-библиографических материалов к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 г. «Гроза двенадцатого года… (1812—2012)», вышедшем в Казани в 2011 г., сообщается, что «Военная песнь…» стала любимой у казанских ополченцев).

Публикации в ВЕ и «Собрании…» почти идентичны, за исключением некоторых знаков препинания.

VIII. СТИХИ ПО СЛУЧАЮ СОБРАНИЯ ДВОРЯНСТВА И КУПЕЧЕСТВА В СЛОБОДСКОМ ДВОРЦЕ ИЮЛЯ 15, 1812 ГОДА

(«Ты повелел, Творец Вселенной…»)
(С. 243)

В п е р в ы е: РВ. 1812. Ч. 19. № 9. С. 31—34, с заглавием: «Стихи по случаю собрания дворянства и купечества в Слободском дворце июля 15, 1812 года», с датой: 15 июля 1812 года. Москва.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Р. Вест.

Д а т и р у е т с я: 15 июля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

Собрание московского дворянства и купечества в Кремле состоялось 27 (15) июля и стало исходной точкой народного ополчения. Представители этих сословий собрались в Слободском дворце. Сначала император посетил дворянское собрание, потом залу с представи-

телями купечества, где произнес речь, в которой призвал жертвовать деньги и имущество, создавать военные дружины из крепостных. Те и другие обещали Александру I поддержку в борьбе с Наполеоном. Дворянство Московской губернии приняло решение выставить до 80 тысяч ополченцев, обмундировав их, снабдив оружием, а также предоставить казне 3 миллиона рублей. Московское купечество пожертвовало около 10 миллионов рублей.

По воспоминаниям С. Н. Глинки, присутствовавшие хотели знать о положении дел на фронте: «Мы должны спросить у государя, сколько у нас войска и где наше войско?» Александр I сообщил о заключении союзов со Швецией и Турцией, о предстоявшем возобновлении отношений с Англией, а также о тяжелом финансовом состоянии в России и о предстоящих трудностях.

П. А. Вяземский пишет в своем «Воспоминании о 1812 годе»: «Главное внимание наше обращается на духовную и народную сторону этого события, а не на вещественную. Оно было не мимолётной вспышкой возбуждённого патриотизма, не всеподданнейшими угождениями воли и требованиям государя. Нет, это было проявление сознательного сочувствия между государем и народом. Оно во все своей силе и разности продолжалось не только до изгнания неприятеля из России, но и до самого окончания войны, уже перенесённой далеко за родной рубеж с каждым шагом вперёд яснее обозначалась необходимость расчесться и покончить с Наполеоном не только в России, но и где бы он ни был. Первый шаг на этом пути было вступление Александра в Слободский дворец. Тут невидимо, неведомо для самих действующих, Провидение начертало свой план: начало его было в Слободском дворце, а окончание в Тюильрейском» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1881. С. 193).

Публикации в РВ и «Собрании…» практически идентичны, немногочисленные разночтения находим в пунктуации.

[1] Эпиграф в РВ набран курсивом. Представляет собой цитату из 110-го Псалма, ст. 2.

IX. НА МАНИФЕСТ, ДАННЫЙ В МОСКВЕ 18 ИЮЛЯ 1812 ГОДА

(«Отец — МОНАРХ! *Кто россов знает…*»)
(С. 245)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 100—102, с заглавием: «На манифест, данный в Москве 18 июля 1812 года».

П о д п и с ь в «Собрании…»: отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не ранее 18 июля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка

О манифесте императора от 18 июля 1812 г. см. выше, в комментарии к стихотворению «Отголосок лиры на случай изданного манифеста государем императором Александром Первым по взятии неприятелем Смоленска и прибытия его величества в Москву июля 12 дня».

Тексты в РВ и «Собрании…» практически идентичны, немногочисленные разночтения находим в пунктуации, о др. см. ниже в реальном комментарии.

[1] *противостать* — В РВ: *противустать*. К первым трем стихам в РВ дано подстрочное примечание: Стихи Ломоносова.

[2] К последнему стиху в РВ сделано подстрочное примечание: Смысл из стихов Ломоносова.

X. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ МАНИФЕСТА О НОВОМ НАБОРЕ РЕКРУТ

(«МОНАРХ! Одно твое реченье…»)
(С. 246)

В п е р в ы е: РВ. 1812. Ч. 18. № 4. С. 103, с заглавием: «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут», с подписью: С. Г. и датой: Марта 30, 1812.

П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Г.

Д а т и р у е т с я: 30 марта 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

25 марта (6 апреля) 1812 г. в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях» (№ 14) был опубликован «Манифест о наборе рекрут со всего государства с пятисот душ двух» от 23 марта (4 апреля) 1812 г., в котором говорилось:

«БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая.

Настоящее состояние дел в Европе требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ОПОЛЧЕНИЯ, которое могло бы верным и надежным образом оградить великую ИМПЕРИЮ НАШУ от всех могущих против нее быть неприязненных покушений. Издавна сильный и храбрый народ российский любил со всеми окрестными народами пребывать в мире и тишине, соблюдая свой и других покой; но когда бурное дыхание возстающей на него вражды понуждало его поднять меч свой на защиту веры и Отечества, тогда не было времен, в которыя бы рвение и усердие верных сынов России во всех чинах и званиях не оказалось во всей своей силе и славе. Ныне настоит необходимая надобность увеличить число войск НАШИХ новыми запасными войсками. Крепкия о Господе воинския силы НАШИ уже ополчены и устроены к обороне царства. Мужество и храбрость их всему свету известны. Надежда престола и державы твердо на них лежит. Но жаркий дух их и любовь к НАМ и к Отечеству да не встретят превосходнаго против себя числа сил неприятельских!

Сего ради, хотя и с Отеческим соболезнованием о новой народной тягости, но с тем же отеческим попечением приемля все возможныя меры и предосторожности к охранению безопасности и благоденствия каждаго и всех, повелеваем:

1. Собрать во всем государстве с пяти сот душ шестой ревизии по два рекрута.

2. Набор начать во всех губерниях со дня получения о сем Указов чрез две недели и кончить в течении одного месяца.

3. В приеме рекрут руководствоваться правилами, предписанными в Указе, данном правительствующему Сенату 1811-го сентября 16-го дня.

4. Рекрут по сему набору принимаемых содержать в губернских городах при гарнизонных полках и внутренних баталионах на том же основании, как содержатся и приготовляются рекруты в запасных депо.

Распоряжение об успешном производстве и окончании сего набора в постановляемый срок, возлагается на попечение правительствующего Сената».

Тексты в РВ и «Собрании…» идентичны.

XI. ПО СЛУЧАЮ ИЗВЕСТИЯ О НАШЕСТВИИ НЕПРИЯТЕЛЯ

(«На зачинающего Бог!»)
(С. 247)

В п е р в ы е: РВ. 1812. Ч. 19. № 7. С. 77—80, с заглавием: «Стихи по случаю известия о нашествии неприятеля», с датой: 25 Июня 1812.

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Р. Вест.).

Д а т и р у е т с я: 25 июня 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

О документах, подписанных императором в связи с началом войны с Наполеоном, по случаю оглашения которых написано стихотворение, см. выше в комментарии к «Стихам, писанным по прочтении в «Московских ведомостях» высочайшего рескрипта на имя графа Н. И. Салтыкова, от 13 июня 1812, о буйном вторжении французских войск в российские пределы».

Тексты в РВ и «Собрании…» практически идентичны, немногочисленные разночтения находим в пунктуации, в написании некоторых слов со строчной или прописной буквы; о др. см. ниже в реальном комментарии.

[1] *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!* — Начало молитвы Честному Кресту Господню, в которой верующий выражает веру, что крестное знамение есть сильнейшее средство на прогнание бесов, и просит у Господа духовной помощи силою святого Креста.

[2] *О Росс! Сам Бог, Бог будет с вами;* — В РВ: О Россы! Бог, Бог будет с вами.

XII. НА ОТЪЕЗД ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗ С. ПЕТЕРБУРГА ПО ОТПЕТИИ ПУТЕШЕСТВЕННОГО МОЛЕБСТВИЯ В КАЗАНСКОМ СОБОРЕ

(«С кругов превыспреннего свода…»)
(С. 249)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 18. № 5. С. 125—127, с заглавием: «Стихи на отъезд государя императора из С. Петербурга по отпетии путешественного молебствия в Казанском соборе», с подписью: С. Г., датой: Апреля 18. 1812. Москва.

П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Г.

Д а т и р у е т с я: 18 апреля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

9 (21) апреля 1812 г. после торжественного молебна в Казанском соборе Александр I со свитой покинул Петербург и отправился в Вильно к 1-й Западной армии, чтобы наблюдать за общим ходом политических и военных событий. На запад к этому времени были стянуты десятки полков из глубины России.

Тексты в РВ и «Собрании…» практически идентичны, немногочисленные разночтения находим в пунктуации.

XIII. НА ВЫСТУПЛЕНИЕ ГВАРДЕЙСКИХ ПОЛКОВ ИЗ С. ПЕТЕРБУРГА

(«Наследники, друзья героев…»)
(С. 251)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 18. № 4. С. 96—102 под названием: «Стихи, написанные по прочтении в «Ведомостях» о выступлении гвардейских полков из С.-Петербурга», с подписью: С. Г.

П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Г.

Д а т и р у е т с я: не позднее 3 апреля 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: С. Н. Глинка.

Стихотворение написано по случаю отправки гвардейских полков Русской императорской армии из Санкт-Петербурга в Вильно весной 1812 г., о чем сообщалось в «Московских ведомостях» от 20 марта 1812 г. Полки направлялись в Вильно, где находилась главная квартира 1-й Западной армии.

Тексты в РВ и «Собрании…» практически идентичны, разночтения находим в пунктуации, в написании отдельных слов с прописной или строчной буквы. О других см. ниже в реальном комментарии.

[1] *Которых Петр сам вскормил* — В РВ к этому стиху сделано подстрочное примечание: Петр Первый называл русские полки своими *кормленниками*.

[2] *Гольяф* — То есть Голиаф, огромный филистимлянский воин в Ветхом Завете.

[3] *Давид* — Молодой Давид, будущий царь Иудеи и Израиля, побеждает Голиафа в поединке с помощью пращи, а затем отрубает его голову (1Цар. 17:49—51).

[4] *Для вас не пощажу себя!* — В РВ к этому стиху сделано подстрочное примечание: «Сии стихи суть слабое подражание словам Петра Первого, сохраненным Феофаном в Истории сего Государя. Пред началом войны, говорит Феофан, «рассудил за благо Петр Первый собственным своим увещанием воспалить воинство к дерзновению. Немного, рече, вдова требует, о друзи! К научению вашему; как-то далекий слух был о силе неприятеля нашего, сами своим делом искусили есте: но да и наше имя воскресит славу свою… Великую имеем надежду в правосудии Бога!». Речь идет об «Истории имп. Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно; сочиненной Феофаном Прокоповичем…, изданной с обретающегося в кабинетной архиве дел Е. И. Вел. списка, правленного рукою самого сочинителя». СПб., 1773.

[5] Иль все со славою умрем! — В РВ к этому стиху сделано подстрочное примечание: И сии стихи суть также слабый отголосок единодушного восклицания Русских воинов: *Готовы за тебя, государь! Готовы за Отечество! Твоя кровь не пользует нам, мы до крови служители твои! Или русскими сынами быть нам, или живыми не быти нам.*

[6] *Надежды совершат твои* — В РВ к этому стиху сделано подстрочное примечание: В известии о выступлении Гвардейских полков сказано: «Блистательное начало образования сих полков чудесным Гением наивеличайшего из монархов и героев, прошедшие знаменитые их подвиги и внедренный в них самим государем императором воинский дух чести, каковой только свойствен благородным и возвышенным русским воинам, оставляют его величество в несомненной уверенности и о нынешнем их рвении к новым деяниям, соответственным их достоинству и кровию приобретенной на поле чести». «Московские ведомости» 1812 года, марта 20 дня.

XIV. МОЛИТВА РУССКИХ ПРИ ОПОЯСАНИИ НА БРАНЬ

(«Помолимся! Да Бог услышит…»)
(С. 254)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 7. С. 81, с заглавием: «Молитва русских при опоясании на брань» и подзаголовком: (Из С. Петербурга).

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Р. Вест.).

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 июля 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: не установлен.

Тексты в РВ и «Собрании…» идентичны, за исключением нескольких знаков препинания.

XV. ГЛАС К БОГУ МОСКОВСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВИЯ ФРАНЦУЗОВ

(«Всесильный Господи, премудрый…»)
(С. 255)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1812. Ноябрь. С. 56—57, с заглавием: «Глас к Богу московских жителей во время нашествия французов», с подписью: Московской академии Павел Замыслов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: З. П.

Д а т и р у е т с я: не позднее ноября 1812 г. (по номеру журнала с первой публикацией).

А в т о р: П. Замыслов.

В публикации ДЮ четырехстишные строфы разделены пробелами, разночтения встречаются также в пунктуации, о др. см. ниже в реальном комментарии.

[1] *и благ* — В ДЮ: Ты благ.
[2] *Колена наши* — В ДЮ: Колена в вздохах.

XVI. ПЕСНЬ РУССКОГО ВОИНА ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

(«О други! О восторг! О брани сладкий час!»)
(С. 256)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 5. С. 28—30, с заглавием: «Песнь русского воина перед сражением», с подписью: Г.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Г.

Д а т и р у е т с я: не позднее 23 февраля 1814 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: Н. Ф. Грамматин.

Тексты в ВЕ и «Собрании…» почти идентичны, за исключением некоторых знаков препинания, но в журнале текст сверстан по-иному: четверостишия «О други! О восторг! О брани сладкий час! <…> Блеснули молнией булаты изощренны!» выделены меньшим отступом.

[1] *Блеснули молнии, булатом изощренны!* — В ВЕ: Блеснули молнией булаты изощренны!
[2] *ветер* — В ВЕ: ветр.
[3] *падает* — В ВЕ: падет.

XVII. К ВОИНАМ МОСКОВСКОЙ СИЛЫ, ВЫШЕДШИМ В ПОХОД 14-го АВГУСТА

(«Ступайте, воины! Сразитесь со врагами!»)
(С. 259)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 20. № 10. С. 93—94, с заглавием: «К воинам московской силы, вышедшим в поход 14-го августа».

П о д п и с ь в «Собрании…»: отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 октября 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: С. Н. Глинка.

По прибытии Александра I в Москву 12 июля 1812 г. был составлен комитет по организации московского ополчения. В него вошли А. А. Аракчеев, А. Д. Балашов и А. С. Шишков, председательствовал Ф. В. Ростопчин. Комитет выработал положение об организации московской военной силы, которую планировали представить конными и пешими полками. Для ополченцев была назначена форма одежды, награды. 16 июля был назначен командующий московским ополчением граф И. И. Морков. Московская губерния в июле-сентябре дала около 28 000 ополченцев. К 26 августа формирование ополчения практически завершилось. И. И. Морков вступил в командование 10 августа, а 11 августа три полка уже выступили к Можайску. 14 августа Ростопчин, командующий первым округом ополчения, направил туда 16 000 ополченцев, многие из которых приняли участие в Бородинском сражении.

Тексты в РВ и «Собрании…» идентичны.

[1] *Давид был пастырем* — Образ Давида является образом идеального руководителя, из рода которого (по мужской линии), согласно еврейскому преданию, выйдет Мессия, что уже осуществилось, согласно христианской Библии, где подробно описано происхождение Мессии — Иисуса Христа от царя Давида.

[2] *с нами Бог! … никто на ны.* — Ср. народную пословицу: «Аще Бог с нами, никто же на ны»; слова на доспехах русских воинов: «С нами Бог! никто на ны»; «Если Бог за нас, кто против нас?» (Римл. 8:31. Ср. Пс. 55:12; 117:6).

XVIII. НА ПОЖЕРТВОВАНИЕ В ПОЛЬЗУ НОВОГО ОПОЛЧЕНИЯ, УЧИНЕННОЕ ВСЕ АВГУСТЕЙШЕЮ МАТЕРИЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

(«Когда от горнего к нам свода…»)
(С. 260)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 20. № 10. С. 63—66, с заглавием: «Стихи на пожертвование в пользу нового ополчения, учиненное всеавгустейшею матерью государя императора», с подписью: С. Г. и датой: Августа 10, 1812.

Подпись в «Собрании…»: С. Г.
Датируется: 10 августа 1812 г.

Автор: С. Н. Глинка.

Тексты в РВ и «Собрании…» идентичны, за исключением нескольких знаков препинания.

[1] В 1812 г. императрицей Марией Фёдоровной был снаряжён обоз с медикаментами и хирургическими материалами для армии генерала П. Багратиона, к которому императрица относилась с особой симпатией. На её личные средства содержались 5 000 раненных солдат и офицеров русской армии.

[2] В РВ эпиграф набран курсивом.

[3] ПАВЛА и МАРИИ — Имеются в виду родители Александра I, император Павел I (Павел Петрович Романов; 1754—1801 — император Всероссийский с 1796 по 1801 гг.) и императрица Мария Фёдоровна.

XIX. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ РЕСКРИПТА ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, ГОСУДАРЫНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ ПАВЛОВНЫ, В КОТОРОМ ИЗОБРАЖЕНО ЖЕЛАНИЕ ЕЕ ПОЖЕРТВОВАТЬ НА СЛУЖБУ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НЕКОТОРОЕ ЧИСЛО ВОИНОВ

(«Где Бог сердцам законы пишет…»)
(С. 262)

Впервые: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 98—99, с заглавием: «Стихи, написанные по прочтении рескрипта ее императорского высочества, государыни великой княгини Екатерины Павловны, в котором изображено желание ее пожертвовать на службу государя императора некоторое число воинов».
Подпись в «Собрании…»: (Р. Вест.).
Датируется: не позднее 13 (25) июля 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

Автор: С. Н. Глинка.

«Рескрипт» великой княгини Екатерины Павловны, сестры Александра I, к министру уделов действительному тайному советнику, сенатору Д. А. Гурьеву, по поводу прочтения которого написано стихотворение, датируется 30 июня (12 июля) 1812 г. Он был опубликован в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях» (№ 28 от 13 июля 1812 г.). Приведем его текст:

«Дмитрий Александрович! В то время, когда любовь к Отечеству и преданность государю, одушевляя всех россиян, делают их готовыми к величайшим пожертвованиям жизнею и имуществом; в то время, когда соединение постоянных и великих усилий потребно на отражение врагов и охранение общей безопасности, я не могла воспротивиться влечению моего сердца, чтоб принять некоторое деятельное участие в способах к умножению военных наших ополчений.

Испросив на то волю и согласие ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА вселюбезнейшего моего государя брата, я обращаюсь к вам для приведения в исполнение моего намерения, внушенного беспредельною ревностью к пользам и славе дражайшего Отечества и живейшею любовью к государю. Оно состоит в том, чтоб с определенного мне в удел имения собрать известное число воинов, коим предоставляю я особенные выгоды, и которых воору-

жа собственным иждевением, содержать буду во все продолжение войны. Сбор сей должен быть произведен на следующих основаниях:

1). Со всех имений, удел мой составляющих, взять из ста ревизских душ одного.

2). В число сие принимать предпочтительно тех, кои по усердию к вере и Отечеству добровольно пожелают вступить во временную сию службу; а за сим уже из тех, на которых падает рекрутская очередь.

3). При приеме на сию службу как добровольно, так и очередных, придерживаться общих правил, какие при рекрутских наборах наблюдаются в отношении роста, лет и здорового сложения.

4). За всех сих воинов во все продолжение их жизни платеж государственных податей и оброчных денег приемлю я на себя, и они потому от оного освобождаются навсегда со дня приема их на службу.

5). При приеме их в селениях не требовать никакой особой одежды и оставить в обыкновенном их платье: провиант и все продовольствие в пути до Твери, где назначается сборное место, получат они от моего иждивения.

6). Сбор по селениям сих воинов должен быть окончен в течении двух недель по получении предписания вашего г[осподами] управляющими, которые по истечении сего срока должны отправить их немедленно в Тверь.

7). В Твери должны они быть сданы назначенному к приему их чиновнику. Полное их обмундирование и вооружение, равно и содержание жалованьем и провиантом во все продолжение войны приемлю я на себя.

8). В следствие высочайшего соизволения государя императора, воины сии не будут разделены по полкам, но составят особый батальон, и по окончании настоящей войны возвращены будут на прежние жилища в недра своих семейств.

9). Семействам поступивших на службу воинов зачесть их за рекрут при будущих общих Государственных наборах, хотя бы они и возвратились по окончании войны в домы свои.

Я совершенно уверена, что усердие и храбрость, свойственные всем состояниям российского народа, наполнят немедленно положенное число воинов, если только в селениях г[оспода] Управляющие внушат поселянам прямую цель служения, к коему они призываются; и потому не сомневаюсь, что по наставлениям, какие от вас даны им будут, сбор сей благоуспешно совершится, и что отличная ревность избранных на защиту веры и Отечества, сравняет их вскоре со старыми воинами».

Тексты стихотворения РВ и «Собрания…» идентичны.

XX. СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПО ПРОЧТЕНИИ ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ПЛАТОНА, ПРИ КОТОРОМ ПРЕПРОВОЖДЕН К ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО

(«Нет! Не стареет дух, парящий к небесам!»)
(С. 263)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 94—97, с заглавием: «Стихи, написанные по прочтении письма Преосвященнейшего Платона, при котором препровожден к государю императору образ Преподобного Сергия, игумена Радонежского», рукой в журнале подписано: Глинка.

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Р. Вест.).

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 июля 1812 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: С. Н. Глинка.

В публикации РВ выделены курсивом некоторые слова (Голиаф, Давид, второй Мамай), есть разночтения в пунктуации, в остальном тексты идентичны.

[1] Речь идет о письме митрополита Платона императору Александру, написанном 23 июля из Вифании, в котором пророчески предсказывалась победа русских над силами зла, и о складной иконе Святого Преподобного Сергия Радонежского, которая написана на верхней гробовой доске Преподобного Сергия Радонежского, о чем свидетельствует надпись на задней стороне иконы. На средней доске изображено явление Богоматери с двумя апостолами (явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию было в 1385 г., в пятницу Рождественского поста); на боковых досках изображены: на одной преподобный Сергий, а на другой преподобный Никон. Икона не раз выручала от бед. Царь Алексей Михайлович брал ее в польский поход в 1657 г. и по возвращении в 1659 г. приказал написать на самом образе, что по молитвам Пресвятой Богородицы и заступлению святых чудотворцев Сергия и Никона Бог даровал ему победу над королем польским и предал в его руки Вильну и другие города польские, литовские и немецкие. В 1703 г. образ был послан в военный лагерь графу Б. П. Шереметеву и был с ним во всех походах войны с Карлом XII. В 1812 г. митрополитом Платоном икона была послана императору Александру I и вручена московскому ополчению. После изгнания французов из России образ возвращен на место, в собор Радонежских Святых (в Троице-Сергиевой лавре).

[2] *Всесильный возвеличит род правых.* — В РВ эпиграф набран курсивом, и к нему сделано подстрочное примечание: Слова из письма Преосвященнейшего Платона. — Митрополит Платон (в миру — Пётр Георгиевич Левшин, 1737—1812) — епископ Русской Церкви; с 1775 г. — архиепископ (с 1787 г. — митрополит) Московский и Коломенский. Как об одном из важнейших бородинских событий, С. Н. Глинка вспоминает о письме митрополита Платона императору Александру, написанном 23 июля из Вифании, в котором пророчески предсказывалась победа русских над силами зла. В романе Л. Н. Толстого, в сцене, открывающей 4-й том и описывающей салон Анны Павловны Шерер в день Бородинского сражения, князь Василий цитирует эти слова, получая похвалы за стиль и воодушевляя ими гостей салона.

XXI. НА СОЕДИНЕНИЕ АРМИИ ПОД СТЕНАМИ СМОЛЕНСКА 1812 ГОДА 22 ИЮЛЯ

(«Граждане, радуйтесь! Приспел желанный час!»)
(С. 265)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814. Ч. 26. Кн. 6. С. 20—26, в составе «Писем русского офицера», с заглавием: «На соединение армий под стенами Смоленска 1812, 22 Июля».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Федор Глинка.

Д а т и р у е т с я: не позднее 8 декабря 1813 г. (по ценз. разр. журнала).

А в т о р: Ф. Н. Глинка.

21 июля (2 августа) 1812 г. в доме смоленского военного губернатора Бахметьева состоялась встреча Барклая-де-Толли и Багратиона, во время которой Багратион выразил готовность подчиниться Барклаю-де-Толли как военному министру. Барклай-де-Толли стал де-факто главнокомандующим русских армий, что означало соединение Первой и Второй

Западных армий. Дело в том, что с первых дней войны в армиях не было единого главнокомандующего. Обе армии отступали отдельно, согласования в их действиях были минимальными. Такая ситуация неминуемо бы привела объединенные армии к гибели, и опытный Багратион это прекрасно понимал. Поэтому он согласился признать главнокомандующим армий Барклая, хотя должность военного министра официально не ставила Барклая выше Багратиона. Армиям удалось избежать окружения и уничтожения, от соединенных войск ждали генерального сражения. Генерал Толь спланировал наступательную операцию соединенных русских войск, хотя стратегическая обстановка требовала отступления и Барклай-де-Толли прекрасно понимал, что успех до сих пор сопутствовал русским только потому, что обе армии всеми силами старались избежать решающей битвы.

К началу Отечественной войны 1812 г. Ф. Н. Глинка находился в отставке и жил в своем имении Сутоки Смоленской губернии. Генерал Милорадович, собиравший войска в Калуге, собственноручным письмом вызвал Глинку на службу. Но наполеоновские войска подошли раньше, чем Глинка отправился в Калугу. Бросив свое поместье на произвол судьбы, он поскакал к отступающей армии и стал участником битвы за Смоленск. Стихотворение «На соединение армии под стенами Смоленска 1812 года 22 июля» впервые было опубликовано в составе «Писем русского офицера», главы «18 июля, 1812. Село Сутоки», пафос которой заключается в утверждении необходимости генерального сражения, ставшего возможным, по мнению Ф. Глинки, в результате соединения армий: «Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских: ибо Первая Западная армия, под начальством Барклая-де-Толли, а вторая — князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля, соединились наконец у Смоленска. Г. Платов прибыл сюда же с 15 000 Донского войска. Армия наша немногочисленна; но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. Войска получают наилучшее продовольствие; дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: мы уже видим седые бороды отцов наших, говорят они: отдадим ли их на поругание? Время сражаться!» Заканчивается глава лаконичной историей создания двух стихотворений: «Сидя на биваках, я написал *Солдатскую песню*, которую в некоторых полках пели, и еще *нечто* на соединение армий под стенами Смоленска» (Русский вестник. 1814. Ч. 26. Кн. 6. С. 17—19).

Тексты РВ и «Собрания…», за исключением некоторых знаков препинания, идентичны.

[1] *Се люди дерзкие, лихие* — В РВ далее идет стих: Как люты аспиды глухие

XXII. К РОССИЙСКОМУ ДВОРЯНСТВУ

(«Сыны Отечества избранны!»)
(С. 267)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 64. № 14. С. 99—100, с заглавием: «К российскому дворянству» и подписью: Ф. Иванов.

Другие издания: Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова, действительного члена Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, изданные оным обществом в четырех частях с портретом автора. М., 1824. Ч. 1. С. 56—57.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Ф. Иванов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 2 июля 1812 г. (по ценз. разр. ВЕ).

А в т о р: Ф. Ф. Иванов.

Тексты ВЕ и Собрания почти идентичны, за исключением некоторых знаков препинания.

[1] *Пультуск* и *Кагул, / И Гейльсберг, Гутштад и Ейлау…* — Места сражений русской армии: польский город Пултуск, у которого 23—26 декабря 1806 г. произошла битва русских войск под командованием графа М. Ф. Каменского с французскими корпусами под командованием Ожеро и Сульта; река Кагул, при которой произошло сражение с турецкими войсками (21 июля (1 августа) 1770 г.); восточно-прусский город Гейльсберг, у которого 29 мая (10 июня) 1807 г., в ходе войны четвёртой коалиции, сражались русская армия генерала Л. Л. Беннигсена и французская армия Наполеона I; Гутштадт — населенный пункт в Восточной Пруссии, близ которого 24 мая 1807 г., в ходе Русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг., произошло сражение между русской армией под командованием генерала Л. Л. Беннигсена (100 тыс. чел.) и французским корпусом под командованием маршала М. Нея; прусский город Прейсиш Эйлау, при котором 7—8 февраля 1807 г. состоялась самая кровавая битва Русско-прусско-французской войны.

[2] *Воспомни Карла* — Имеется в виду шведский король Карл XII.

XXIII. ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ. ОДА

(«Душа всех Царств и их ограда…»)
(С. 269)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 64. № 14. С. 101—103, с заглавием: «Любовь к Отечеству. Ода», подписью: А. Писарев. Из 1-й Западной армии.

Д р у г и е и з д а н и я: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 8. С. 45—49, с заглавием: «Любовь к Отечеству. Ода», подзаголовком: (Сообщено из первой Западной армии) и подписью: (А. Писарев); Любовь к Отечеству. Ода. СПб., 1812 (4 с.).

П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Писарев.

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 июля 1812 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: А. А. Писарев.

Тексты ВЕ, РВ и «Собрания…» идентичны.

[1] *Сама* — В РВ: Сама ль.

XXIV. НА ЕДИНОДУШНОЕ ИЗБРАНИЕ С. ПЕТЕРБУРГСКИМ ДВОРЯНСТВОМ В НАЧАЛЬНИКИ НОВОЙ ВОЕННОЙ СИЛЫ ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА

(«Еще, Кутузов, прибавляешь…»)
(С. 272)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 130—131, с заглавием: «На единогласное избрание С. Петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова», с подзаголовком: «Из С. Петербурга» и подписью: (Р. Вест.).

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Р. Вест.).
Д а т и р у е т с я: не позднее 13 июля 1812 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: не установлен.

17 июля 1812 г. М. И. Кутузов был единогласно избран петербургским дворянством в начальники земского ополчения губернии. Это было знаком общественного уважения к нему. Он изъявил готовность принять начальство над ополчением, но с условием, что «ежели он будет вызван к другой комиссии или каким-либо образом это упражнение не будет угодно Государю, тогда он сдаст свою должность другому, по избранию дворянства». Высочайшее соизволение последовало вскоре (*Михайловский-Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1843. Ч. 2. С. 24). Кутузов занялся формированием ополчения (почти 13 000 чел.), снабжением его всем необходимым. 29 июля Государь, в изъявление особенного благоволения к усердной службе и ревностным трудам графа Михаила Илларионовича, способствовавшего к окончанию войны с Оттоманскою Портою и к заключению полезного мира, пределы Империи распространившего (слова Высочайшего указа, данного правительствующему Сенату. — *И. А.*), возвел его в достоинство светлейшего князя; 2 августа утвердил членом Государственного Совета и 8 августа назначил его главнокомандующим над всеми армиями и ополчениями.

Тексты РВ и Собрания идентичны, однако в журнале выделены пробелами 4 строфы: ст. 1—12, 13—20, 21—25, 26—30.

XXV. ПОЛЬСКОЙ НА ПРИБЫТИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В ГОРОД ВИЛЬНУ

(«Гром оружий раздавайся…»)
(С. 273)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 9. № 8. С. 49—51, с заглавием: «Польской на прибытие императорской гвардии в город Вильну», с подписью: А. Писарев. Город Вильна. 29 мая 1812.
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Писарев.
Д а т и р у е т с я: 29 мая 1812 г.

А в т о р: А. А. Писарев.

П. С. Пущин в своем дневнике описывает путь лейб-гвардии Семеновского полка под командованием П. А. Криднера, в составе которого Пущин командовал 9-й ротой, а полковник А. А. Писарев — 3-м батальоном. Войска вышли из Петербурга 9 марта. Пущин упоминает несколько встреч с Писаревым во время перехода полка из Петербурга в Вильну, к месту главной квартиры 1-й Западной армии. Они встречались в Пасху, 21 апреля, и в следующий день на мызе Укля, 28 апреля, когда пришло известие, что великий князь Константин Павлович, брат Александра I, командир 5-го пехотного корпуса, в состав которого входила и гвардия, назначил смотр полка, 1 мая в Кородине и т. д. 28 мая войска подошли к заставе у Вильно и получили приказ не входить в город, а занять квартиры в окрестностях города. 29 мая, по воспоминаниям Пущина, войска «были под ружьем с 3-х часов. Было холодно. Мы прошли через весь город, и вся наша дивизия выстроилась в боевом порядке в Погулянке. Мы прошли церемониальным маршем перед государем, который остался очень доволен

нами. Смотр кончился в 11 часов; нас разместили по квартирам в самом городе, именно — в посаде Заречье» (Дневник Павла Пущина. 1812—1814. Л., 1987).

Тексты РВ и «Собрания…» идентичны, за исключением некоторых знаков препинания.

И. Айзикова

XXVI. К ЖИТЕЛЯМ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

(«Примите нас под свой покров…»)
(С. 275)

В п е р в ы е: Сын отечества. 1813. Ч. 4. № 8. С. 100—101. С пометой на с. 101: Нижний Новгород. Сентября 20. 1812.

Д р у г и е и з д а н и я: ВЕ. 1815. Ч. 82. № 16. С. 256—257 (редакция, рассчитанная на музыкальное переложение, с нотами профессора Г. И. Фишера); ВЕ. 1815. Ч. 83. № 17. С. 69—70; Сочинения В. Пушкина. СПб., 1822. С. 172—174.

П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Пушкин.

Д а т и р у е т с я: 20 сентября 1812 г.

А в т о р: В. Л. Пушкин.

[1] *О волжских жители брегов!* — В публикации «Сочинений»: «Питомцы Волжских берегов!» Нижний Новгород сыграл в Отечественной войне 1812 г. важную роль. В Нижний из Москвы были эвакуированы университет, архивы, почтамт, московские департаменты Правительствующего Сената и другие учреждения. Также были перевезены вещи Оружейной палаты. Город оказал гостеприимство многим москвичам, в том числе и тяжелораненым воинам. В Нижнем Новгороде нашли себе приют видные московские ученые и литераторы. В Нижнем находились в течение более или менее длительного времени Н. М. Карамзин, А. Ф. Малиновский, Д. Н. Бантыш-Каменский, С. Н. Глинка, раненый К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, то есть значительная и авторитетная часть московских литераторов (следует учитывать, что в это время Москва имела репутацию центра русской литературы). Такая концентрация литературных сил в одном месте делала Нижний своеобразным центром русской интеллектуальной жизни 1812 г. Эти видные деятели культуры составили так называемый «кружок литераторов», объединившийся вокруг Карамзина (см.: *Лейбов Р. Г.* 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. II. С. 68—104; *Белоногова В. Ю.* «Примите нас под свой покров, питомцы волжских берегов!..» // Земляки: нижегородский альманах. Н. Новгород, 2010. Вып. 10. С. 288—299). Кроме того, с 30 августа 1812 г. в уже переполненном Нижнем Новгороде был размещен Московский университет, который вернулся на прежнее место не сразу после окончания войны. Правительство не торопилось вернуть университет, имея мнение о том, что «в Москве без университета безопаснее». Однако, под давлением общественного мнения, учебное учреждение возвратилось в столицу в апреле 1813 г.

[2] *Святые храмы осквернены…* — В публикации «Сочинений»: Святые храмы осквернились…

[3] *Жилища в пепел обращенны!..* — В публикации «Сочинений»: Жилища в пепел обратились!

[4] *Давно ли славою сияла…* — В публикации «Сочинений»: Давно ли славою блистала?

[5] *Тебе ль платить поносны дани…* — В публикации «Сочинений»: Тебе ль платить позорны дани?

XXVII. ЧУВСТВОВАНИЯ КАЛУЖСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПО ПРИЕЗДЕ ГЕНЕРАЛА МИЛОРАДОВИЧА

(«Кого все жители встречают…»)
(С. 276)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 128—129. С пометой на с. 128: Из Калуги. На с. 129 подпись: Калужский житель.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Калужский житель.

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 (25) июля 1812 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: А. П. Степанов.

[1] *Весь град спешит. Кто ж посетитель?* — В публикации РВ: Весь град спешит: кто ж посетитель?

Калуга сыграла важную роль в Отечественной войне 1812 г., она была главной тыловой базой русской армии. Генералу М. А. Милорадовичу в короткий срок удалось сформировать в Калуге корпус из 55 батальонов пехоты, 34 эскадронов кавалерии, 18 рот артиллерии. За две недели было собрано для нужд армии 350 376 пудов муки, 317 528 пудов овса и 500 тысяч пудов сена. Деньгами от разных лиц поступило 248 906 рублей. Кроме того, было собрано пожертвований разными предметами, годными для войск, на 157 582 рубля. Калужане предоставили 605 своих домов для размещения раненых. В октябре М. И. Кутузов укрепился в Тарутинском лагере. Военные действия перенеслись на территорию Калужской губернии. На месте Тарутинского лагеря в 1834 г. установлен памятник с надписью: «На сем месте российское воинство, под предводительством фельдмаршала Кутузова, укрепясь, спасло Россию и Европу». В центе военных действий оказался также г. Малоярославец, который расположен 1120 км к юго-западу от Москвы и в 60 км к северо-востоку от Калуги. Сражение под Малоярославцем явилось стратегической победой русской армии, которая завладела инициативой, не допустила выхода противника в южные губернии и вынудила его к отступлению по разорённой Смоленской дороге. В Малоярославце есть братская могила солдат, погибших в 1812 г.

[2] *Суворова побед ревнитель…* — М. А. Милорадович в ряде военных кампаний находился под началом А. В. Суворова, прошёл его военную школу.

[3] *Ад грозный видел пред собой.* — В публикации РВ: Ад грозный видел под собой.

[4] *И алчет край наш поглотить; / МОНАРХ сердец и душ вещает…* — В публикации РВ: И алчет край наш поглотить! / Монарх сердец и душ вещает…

XXVIII. СРАЖЕНИЕ ПРИ БОРОДИНЕ.
ЭПИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ХРАБРОМУ РОССИЙСКОМУ ВОИНСТВУ

(«Когда ночной покров с лица земли исчез…»)
(С. 277)

В п е р в ы е: Сражение при Бородине. Эпическая песнь. Посвящена храброму российскому воинству. М.: В типографии Н. С. Всеволожского, 1813. (Цензор Алексей Мерзляков, без даты ценз. разр.). Подписана: Д. Гл. б. в.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Д. Гл. б. в.

Д а т и р у е т с я: не ранее 26 августа (7 сентября) 1812 г.

А в т о р: Д. П. Глебов.

[1] *Какая грозная открылася картина!* — В отдельном издании: Какая грозная явилася картина!

[2] *…хитрый вождь несметных галльских сил…* — Наполеон Бонапарт.

[3] *Добычей овладев, орлом самодержавным…* — То есть Российской империей, гербом которой был двуглавый орел.

[4] *Их знаменитый вождь…* — М. И. Кутузов.

[5] *Чей дух Владимира и Ольгу ополчил…* — Владимир Святославич (ок. 960—1015), великий князь Киевский, креститель Руси, славный походами на окрестные племена и организатор регулярной защиты от половцев. Ольга (ок. 890—969), княгиня Киевская, правила после гибели мужа, князя Игоря Рюриковича с 945 до 962 г. Первая из русских правителей приняла христианство. Известна походами на древлян и другие племена.

[6] *Во дни княжения прияла Святослава…* — Святослав Игоревич (942—972), великий князь Киевский, прославился военными походами на хазар, Болгарское царство и Византию.

[7] *…кем Невский мог престол ваш защитить…* — Александр Невский (1221—1263), князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский, знаменитый русский полководец.

[8] *Димитрий, Иоанн врагов в бою смирить!* — Подразумеваются князь Московский Дмитрий I Иванович, Иоанн IV Васильевич (прозвание Иван Грозный; 1530—1584), великий князь Московский и всея Руси с 1533, первый царь всея Руси (с 1547), присоединивший к ее пределам Казанское царство и одержавший ряд побед в Ливонской войне.

[9] *В ком Минин лептами, а мужеством Пожарский…* — Кузьма (Козьма) Минин (полное имя Кузьма Минич Захарьев Сухорукий; конец XVI века — 1616), русский национальный герой, организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611—1612 гг. в период борьбы против польской и шведской интервенции. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1642), национальный герой, военный и политический деятель, глава второго народного ополчения (1611—1612), освободившего Москву от польско-литовских оккупантов.

[10] *Там готфов Петр смирил…* — Готфы — племена восточных германцев. В III в. приблизились от Балтийского к Черному морю и в IV в. заняли часть европейской России от Крыма и Черного моря до Балтийского. Здесь выступают как синоним шведов, побеждённых императором Петром I в ходе Северной войны, в том числе в Полтавской битве.

[11] *Там понт перунами смущен Екатерины…* — Подразумеваются победы, одержанные императрицей Екатериной II (урождённая София Августа Фредерика Анхальт-Цербстская, в православии Екатерина Алексеевна; 1729—1796) в войнах с Оттоманской портой.

[12] *…герой ваш Италийский…* — Речь идет об Итальянском походе А. В. Суворова (апрель — август 1799), для которого русские войска переправились через перевал Сен-Готард в Альпах.

[13] *…Аннибал…* — Ганнибал Барка, более известный как просто Ганнибал (247—183 до н. э.) — карфагенский полководец. Считается одним из величайших полководцев и государственных деятелей древности. В ходе войны с Римом в 218 г. до н. э. перешел Альпы с большим войском.

[14] *…Этна…* — Действующий вулкан в Сицилии. Один из традиционных образов русской оды XVIII — начала XIX века.

[15] *Героя Кремского несут окровавленна!* — Подразумевается Петр Иванович Багратион, он командовал арьергардом русских войск в битве под Кремсом 30 октября 1805 г.

[16] *Сначала битвы пал от раны Воронцов!* — Михаил Семёнович Воронцов.

[17] *Ударом роковым повержен и Тучков!* — Александр Алексеевич Тучков 4-й (1778—1812), герой Отечественной войны 1812 года, генерал-майор. Бригада Тучкова сдерживала неприятеля под Витебском, Смоленском и Лубином. На Бородинском поле он, вдохновляя дрогнувший под ураганным неприятельским огнем Ревельский полк, с полковым знаменем в руках бросился вперед и был смертельно ранен в грудь картечной пулей у средней Семеновской флеши. Его не смогли вынести с поля боя, вспаханного артиллерийскими снарядами и бесследно поглотившего героя.

[18] *Кутайсова то конь! Вождь храбрый низложен!* — Имеется в виду Александр Иванович Кутайсов. В Бородинском сражении был убит при попытке отбить батарею Раевского. Тело Кутайсова не было найдено.

[19] *Но что ж? как бунт стихий, природе всей грозящий, / Окрест твердыни все со треском в прах дробящий…* — В отдельном издании: Но что ж? как бунт стихий, природе угрожащий, / Окрест твердыни все со треском низложащий…

[20] *Мамая страшный бой… / Прейсиш-Эйлавское, Рымникское сраженья…* — Имеется в виду Куликовская битва. Прейсиш-Эйлавское сражение — самая кровавая битва в русско-прусско-французской войне, состоялась 8 февраля 1807 г. и не принесла победы ни одной из сторон. Битва при Рымнике 11 сентября 1789 г. — одно из главных сражений русско-турецкой войны 1787—1791 гг., окончившееся разгромом турецкой армии.

XXIX. НА ОТЛИЧИЕ ГВАРДЕЙСКИХ КАЗАКОВ ПРИ НАЧАЛЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

(«За первый к славе шаг героев…»)
(С. 282)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 8. С. 73—76 с заглавием: Стихи на отличие гвардейских казаков при начале нынешних военных действий. На с. 73 примечание: «В окончании известия от 17 июня о военных действиях сказано: “Происходили некоторые сшибки, в которых гвардейские казаки себя отличили”».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Р.<усский> Вест.<ник>

Д а т и р у е т с я: не ранее 17 (29) июня 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Тебе подобает песнь, Боже, в Сионе!* — Псалтырь. Кафизма 9. Пс. 64:2. Речь в псалме 64 идет о возвращении древних евреев из вавилонского плена после указа царя Кира Старшего (538 г. до Рождества Христова). Сион в Ветхом Завете имеет разные значения: Царство Иудейское, страна Израиль, народ Израиля и также духовное значение (Ис. 2:3). Для христиан Новый Сион — это Иерусалимская Церковь. В стихотворении Сиону уподобляется Россия и её народ.

[2] *За первый к славе шаг героев…* — Вечером 11 (23) июня 1812 г. разъезд лейб-гвардии Казачьего полка заметил подозрительное движение на Немане. Когда совсем стемнело, через реку с возвышенного и лесистого берега на русский берег на лодках и паромах переправилась рота французских сапёров, произошла первая перестрелка. Это произошло в трёх верстах вверх по реке от Ковно, в Литве. После полуночи 12 (24) июня 1812 г. по четырём наведённым выше Ковно мостам началась переправа французских войск через пограничный Неман. В 6 часов утра 12 (24) июня 1812 г. авангард французских войск вошёл в российский город Ковно. Переправа 220 тысяч солдат Великой армии под Ковно заняла 4 дня. Реку фор-

сировали 1-й, 2-й, 3-й пехотные корпуса, гвардия и кавалерия. Бои лейб-гвардии Казачьего полка с соединениями наполеоновской армии стали предметом данного стихотворения.

[3] *Честь, славу в ревностных полках.* — В РВ стих сопровожден примечанием: «Не в ежемесячных листках, но в огромной французской книге, сочиненной профессором истории, находятся о наших казаках сии слова: “Казаки трусливы и подлы; они суть поношение человечества. Две тысячи сих малодушных и ничтожных всадников не отважутся напасть на один французский эскадрон, если только оный твердо будет их ожидать”. Из “Французской истории”, сочиненной профессором Шантро. Часть II. Стран. 578. Не стыдно ли тем самым писателям, которые величаются просвещением, выставлять в историях своих, будто бы тот чудовище, кто ревностно, отважно и мужественно исполняет свою должность! Мы воздержимся от всяких замечаний: храбрые наши казаки начали и будут опровергать оружием ложь и клевету, возведённые на них писателями, достойными презрения потому, что они передают потомству ложь и клевету». Речь в примечании идёт о словах французского философа и публициста Пьера-Николя Шантро (1741—1807) из его «Краткой хронологической истории Франции» (1807). Об образе России у П. Н. Шантро см. подробнее: *Митрофанов А. А.* Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры // Россия и Франция: XVIII—XX века / Отв. ред. П. П. Черкасов. Вып. 9. М.: Наука, 2009. С. 69—99.

[4] *И гордый Вавилон смиришь.* — В Ветхом Завете Вавилон — предмет целого ряда пророчеств, предрекавших разрушение столице сильного и воинственного царства (Ис. 13; Иер. 51 и др.). Здесь Вавилон — аллюзия наполеоновской Франции.

XXX. К МОСКОВСКИМ СТИХОТВОРЦАМ НА ДЕНЬ 2-го СЕНТЯБРЯ 1812 ГОДА

(«Где вы, питомцы российского Феба…»)
(С. 283)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 65. № 18. С. 93—94 с тем же заглавием и подписью: Владимир Измайлов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Вл. Измайлов.

Д а т и р у е т с я: 2 сентября 1812 г.

А в т о р: В. В. Измайлов.

[1] *Где вы, питомцы российского Феба…* — Стихотворение посвящено массовому исходу из Москвы после решения о сдаче города французам. Москву покинуло большинство дворян, в том числе литераторы, обосновавшиеся главным образом в Нижнем Новгороде (см. комментарий к стихотворению В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода»), а также университет с преподавателями и студентами и все официальные учреждения. Это бегство породило своеобразный феномен «внутренней эмиграции» (см.: *Лейбов Р. Г.* 1812 год: две метафоры // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. (Новая серия). Тарту, 1996. Вып. II. С. 68—104) и вызвало к жизни ряд стихотворных и прозаических текстов («Письма из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола и др.). Аполлон, Феб — в древнегреческой мифологии златокудрый, сребролукий бог — охранитель стад, света (солнечный свет символизировался его золотыми стрелами), наук и искусств, бог-врачеватель, предводитель и покровитель муз (за что его называли Мусагет), дорог, путников и мореходов, предсказатель будущего, также Аполлон очищал людей, совершавших убийство.

[2] *…зефиры…* — Зефир — в древнегреческой мифологии олицетворение южного теплого ветра. Сын Астрея (бога звёздного неба) и Эос (богини утренней зари), брат Борея и Нота.

[3] *…Эрев…* — Эреб — в древнегреческой мифологии олицетворение вечного мрака. Сын Хаоса и брат Ночи (Нюкты).

[4] *…Пинд…* — Горы на Западе Балканского полуострова, в северной части Греции и Албании (северные предгорья). В древнегреческой культуре Пинд считался местом пребывания Аполлона и муз и выступал как символ поэтического искусства.

XXXI. МОСКВА, ОПЛАКИВАЮЩАЯ БЕДСТВИЯ СВОИ, НАНЕСЕННЫЕ ЕЙ В 1812 ГОДУ РУКОЮ ЖЕСТОКОГО И ЗЛОЧЕСТИВОГО ВРАГА, И ВМЕСТЕ УТЕШАЮЩАЯ СТРАЖДУЩИХ СЫНОВ СВОИХ

(«Москва, престольный град российския державы!»)
(С. 285)

П е р в ы е: Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесённые ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая сынов своих. Сочинил Софийский, что на Лубянке, священник Матфей Аврамов. М.: В университетской типографии, 1813 (2-е изд. М., 1814) (без даты ценз. разр. и цензора).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Священник Матфей Аврамов.

Д а т и р у е т с я: сентябрь-октябрь 1812 г.

А в т о р: М. А. Знаменский (М. А. Аврамов).

[1] *Сии стихи писаны в 1812-м году в продолжение самого разорения Москвы и в первые дни ее избавления от неприятеля.* — Решение о сдаче Москвы французам было принято 1 (13) сентября 1812 г. на совете в Филях. 14 (26) сентября Наполеон занял город без боя. Военным губернатором был назначен маршал Мортье, комендантом крепости и города — Дюронель, интендантом города Москвы и Московской провинции (гражданская власть) — Лессепс. Лессепс «выбрал», а Наполеон утвердил 22 человека из русского населения, которые и получили название муниципалитета, не имевшего никакой власти. Уже в ночь с 14 на 15 сентября город был охвачен пожаром, который к ночи с 15 на 16 сентября усилился настолько, что Наполеон был вынужден покинуть Кремль. До 400 горожан из низших сословий были расстреляны французским военно-полевым судом по подозрению в поджогах. Пожар бушевал до 18 сентября и уничтожил большую часть Москвы. Из 30 тысяч домов, бывших в Москве перед нашествием, после выхода Наполеона из города оставалось около 5 тысяч. Французская армия покинула Москву 19 октября (1 ноября) 1812 г., оставив город полностью разорённым.

[2] *I. 1. Како седе един град умноженный людьми <…> и вознови дни наша, якоже прежде. Плач Иерем.* — Книга плач Иеремии (церковнославянский текст). Эта книга представляет собой плачевную песнь, в которой выражается скорбь о бедствии, постигшем израильский народ в 586 г. до н. э., когда вавилонский царь Навуходоносор разрушил Иерусалим.

[3] *…Сион…* — В стихотворении Сиону уподобляется Москва.

[4] *Ни юнческая кровь, ни агнцев чистых тук…* — Юнческая — телячья, агнец — ягненок, тук — жир.

[5] *…семидал…* — Самая лучшая пшеничная мука, крупчатка.

[6] *…род, чтущий Магомета…* — То есть исповедующий ислам.

[7] *…изрек второй Нерон…* — Имеется в виду Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37—68 гг. н. э.).

[8] *…сил тартарских….* — Тартар — в древнегреческой мифологии глубочайшая бездна, а также её божественная персонификация, находящаяся под Аидом, в недрах Земли. В позднейшие времена значение Тартара изменилось: под ним стали подразумевать нижние пространства в царстве грешников.

[9] *Лишь на развалинах поставить бы свой трон….* — В отдельном издании: Лишь на руинах сих поставить бы свой трон…

[10] *…Эдем….* — В Библии (Книга Бытия) райский сад, место первоначального, до грехопадения, обитания людей.

[11] *…кокош….* — Курица.

[12] *…персть….* — Пыль, прах.

[13] *Бежит — и в память сей постыдной ретирады…* — В отдельном издании: Бежит — и в память сей бессмертной ретирады…

[14] *Вождь россов — Михаил….* — М. И. Кутузов.

[15] *…вертоград….* — Место процветания.

[16] *…манну….* — Согласно Библии, пища, которой был накормлен Богом Моисей и его соплеменники во время 40-летних скитаний после исхода из Египта. Когда у евреев вышел весь хлеб, Бог послал им с небес еду, выглядящую как белые маленькие крупинки или похожую на мелкий град.

[17] *Тогда Елизавет — мать россов и царица…* — Елизавета Алексеевна (Луиза-Мария-Августа, 1779—1826), дочь маркграфа Баден-Дурлахского Карла-Людвига, жена Александра I, императрица, известная своей обширной благотворительной деятельностью.

[18] *Мария кроткая…* — Мария Федоровна (София Мария Доротея Августа Луиза фон Вюртембергская, 1759—1828), дочь принца Фридриха Евгения Вюртембергского, вторая супруга великого князя и императора Павла I. Российская императрица в 1796—1801 гг., с 1801 г. — вдовствующая императрица. Мать императоров Александра I и Николая I.

XXXII. ПОСЛАНИЕ К Д. В. Д.

(«Мой друг! я видел море зла…»)
(С. 306)

В п е р в ы е: Санкт-Петербургский вестник. 1812. Ч. 4. № 10. С. 26—28 с заглавием «К Д. В. Д.» и подписью: Б.; Сын Отечества. 1813. Ч. 7. № 31. С. 209—210 с заглавием «Послание к Д. В. Д.» и подписью: Б. В «Собрании» напечатано по тексту СО.

Д р у г и е и з д а н и я : *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. СПб.: Тип. Н. Греча, 1817. Ч. 2. С. 77—80.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Б.

Д а т и р у е т с я: март 1813 г.

А в т о р: К. Н. Батюшков.

[1] *Мой друг! я видел море зла…* — Написано под впечатлением приезда в 1812 г. в разорённую Москву (см. примечания к предыдущему стихотворению). Начало послания рисует страдания русских беженцев из разорённых городов и сёл. Батюшков наблюдал эти ужасы войны по дороге из Москвы в Нижний Новгород, куда он уехал в сентябре 1812 г. В письме

к Н. И. Гнедичу от октября 1812 г., которое является как бы прозаическим конспектом начала послания, он сообщал другу: «От Твери до Москвы и от Москвы до Нижнего я видел, видел целые семейства всех состояний, всех возрастов в самом жалком положении; я видел то, чего ни в Пруссии, ни в Швеции видеть не мог: переселение целых губерний! Видел нищету, отчаяние, пожары, голод, все ужасы войны и с трепетом взирал на землю, на небо и на себя» (*Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1887. Т. 3. С. 208—209). Изображая в послании ужасы наполеоновского нашествия, поэт использовал «Письма из Москвы в Нижний Новгород» (1813—1814) И. М. Муравьева-Апостола, государственного деятеля и писателя, отца будущих декабристов. Батюшков вместе с И. М. Муравьевым-Апостолом проделал путь от Москвы до Нижнего Новгорода и, вероятно, читал его «Письма» еще в рукописи. В послание перешли из них «многие образы и целые фразы» (см.: *Серман И. З.* Поэзия К. Н. Батюшкова // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук. 1939. Вып. 3. С. 254). Друг Д. В. Д. — Дмитрий Васильевич Дашков (1784—1839), государственный и литературный деятель, с которым К. Н. Батюшков познакомился в начале 1812 г. Член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1810—1812) и «Арзамаса» (прозвище «Чу»).

[2] *Трикраты с ужасом потом / Бродил в Москве опустошенной…* — В 1812—1813 гг. Батюшков трижды посещал сожжённую Москву, которая произвела на него потрясающее впечатление. 4 марта 1813 г. он писал Е. Г. Пушкиной: «Всякий день сожалею… о Москве, о прелестной Москве: да прилипнет язык мой к гортани моей, и да отсохнет десная моя, если я тебя, о Иерусалиме, забуду. Но в Москве ничего не осталось, кроме развалин…» (*Батюшков К. Н.* Сочинения. СПб., 1887. Т. 3. С. 220).

[3] *…цевницы…* — Свирели.

[4] *…ветреных Цирцей…* — Кирка (лат. Цирцея) — в древнегреческой мифологии дочь Гелиоса и океаниды Персеиды, колдунья, превратившая в свиней спутников Одиссея и заставившая его год быть своим любовником. В редакции «Опытов в стихах и прозе» ст. 43—46 приняли следующий вид:

Мне петь коварные забавы
Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..

[5] *Пока с израненным героем…* — Генералом от инфантерии Алексеем Николаевичем Бахметевым (Бахметьев 3-й; 1774—1841), начальником 23-й пехотной дивизии. В начале 1812 г. дивизия входила в состав 4-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. При отступлении А. Н. Бахметев сражался под Островной и Смоленском, при Заболотье. За Бородинское сражение, где ему оторвало ядром правую ногу ниже колена, был 31 октября 1812 г. награждён чином генерал-лейтенанта. Интересно, что на поле боя А. Н. Бахметева спас 20-летний поручик князь Пётр Андреевич Вяземский, в будущем известный поэт. А. Н. Бахметев познакомился с К. Н. Батюшковым в 1812 г. в Нижнем Новгороде и обещал взять его к себе в адъютанты. К. Н. Батюшков во время сочинения послания ожидал в Петербурге приезда Бахметева (он был зачислен адъютантом к нему только 29 марта 1813 г., но Бахметев из-за болезни не мог принять участие в военных действиях, и поэт стал адъютантом генерала Н. Н. Раевского-старшего).

[6] *…хариты…* — Хариты — в древнегреческой мифологии богини изящества, прелести и красоты, были даровательницами вдохновения и покровительницами искусств.

XXXIII. ЧУВСТВОВАНИЯ РУССКОГО В КРЕМЛЕ

(«Ограда святости! Кремля высоки стены!»)
(С. 308)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814. Ч. 25. № 2. С. 135—139 с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Д. Гл. б. в.
Д а т и р у е т с я: не ранее октября 1813 г.

А в т о р: Д. П. Глебов.

[1] *…Рюрика…* — Рюрик (ум. 879), летописный основатель государственности Руси, варяг, князь Новгородский с 862 г. и родоначальник княжеской, ставшей впоследствии царской, династии Рюриковичей.

[2] *…Донского…* — Подразумевается князь Московский Дмитрий I Иванович.

[3] *Невского…* — Александра Невского.

[4] *…сокрылся Юлиан…* — Флавий Клавдий Юлиан. Здесь под Юлианом понимается Наполеон.

[5] *Он рек — и Бауцен и Люцен встрепетали…* — Имеются в виду сражения при Лютцене (20 апреля (2 мая) 1813 г.) и Бауцене (20—21 мая 1813 г.).

[6] *И стены Лейпцига пред доблестными пали…* — Битва под Лейпцигом (также Битва народов, 16—19 октября 1813 г.) — крупнейшее сражение в череде Наполеоновских войн, в котором Наполеон потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции. Битва произошла на территории Саксонии, с обеих сторон в ней участвовали немецкие войска. В первый день сражения 16 октября Наполеон удачно атаковал, но под давлением превосходящих сил союзников вынужден был 18 октября отступить к Лейпцигу. 19 октября Наполеон с большими потерями начал отступление во Францию. Сражение завершило кампанию 1813 г. тем, что под властью Наполеона осталась одна только Франция, привело к вторжению союзников в 1814 г. во Францию и к первому отречению Наполеона от престола.

[7] *…пари, орел двуглавой…* — Подразумевается вознесение Российской империи, гербом которой был двуглавый орёл.

XXXIV. МОЛИТВА БОГУ ПРИ ВОСПОМИНАНИИ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ

(«Пусть злобой хвалится строптивый…»)
(С. 310)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 7. С. 90—93 без подписи, с заглавием: «Молитва к богу при воспоминании Полтавской победы» и пометой: «1812 года 27 июня. Москва».
Подпись в «Собрании…»: Р.<усский> Вест.<ник>
Д а т и р у е т с я: 27 июня 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Что хвалишися во злобе, сильне?* — Псалтырь. Кафизма седьмая. Пс. 51:3.

[2] *Петр…* — Подразумевается император Пётр I, одержавший в Полтавской битве победу над шведскими войсками под предводительством короля Карла XII.

XXXV. ГИМН ПЕСНОПЕВЦА, СОЧИНЕННЫЙ В ТАМБОВЕ ПО ИЗГНАНИИ ВСЕОБЩЕГО ВРАГА ИЗ ПРЕДЕЛОВ РОССИЙСКИХ

(«Сый, троичный и повсеместный…»)
(С. 312)

В п е р в ы е: Три лирические стихотворения Н. П. Николева, изданные С. М-<асловы>м. М.: В университетской типографии, 1814. С. 9—17. (ценз. разр. 5 июня 1814 г., ординарный профессор и кавалер Лев Цветаев). На с. 9 примечание издателя к заглавию: «Гимн сей еще 1813 года отправлен был к Гавриилу Романовичу Державину для помещения оного в изданиях санктпетербургской «Беседы»; но по причине замешательства почт по случаю тогдашних обстоятельств оный не был к нему доставлен: то посему сочинитель и препоручил мне напечатать оный в Москве».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Николев.

Д а т и р у е т с я: не ранее 14 декабря 1812 г. — не позднее 14 января 1813 г.

А в т о р: Н. П. Николев.

[1] *Гимн песнопевца, сочинённый в Тамбове по изгнании всеобщего врага из пределов Российских.* — После оставления Москвы французам Н. П. Николев бежал в Тамбов, о чем сообщил Д. И. Хвостову в письме от 5 ноября 1812 г.: «Разорённый, ограбленный, лишённый в подмосковной и в Москве более нежели на сто тысяч имения от общего врага России и наконец кой-как дотащившийся с бедной семьёю своею до Тамбова, почитая за милость Божию и то, что в крестьянской избе покамест определил Бог безопасную кровлю далее от супостата <…> О ежели бы свидетелем были бедственного состояния Москвы и её окрестности, вы бы согласились со мною, что никакое перо, никакая кисть изобразить и описать той картины не могли бы, которая вживе представлялася в очах страждущего человечества! …я же, живучи на самом опасном пути, за семь вёрст от Вязьмы, видя всех соседей моих скрывшихся и не имея холодного сердца к страданию своих и соседних поселян меня окружающих, до тех пор сидел на гнезде моём, помогал и утешал бедный народ, а при том принимая, кормя, поя, леча и похороняя ежедневно приходящих ко мне раненых и умирающих паче после 26 августа, дня страшного сражения под Можайском, пока увидел уже все селения по можайской и боровской дорогам выжженным <и>, а поселян с скотом и без скота полунагих мимо себя бегущих, не зная, где искать спасения…» Из Тамбова тому же Д. И. Хвостову Н. П. Николев отправил целый ряд стихов, в частности, в письме от 14 января 1813 г.: «А между тем, так как богатая материя открылась ныне для поэтов российских, то уверен быв, что и ваш гений не остался в праздности, покорно прошу обогатить провинциальный наш Парнас сокровищем от вашего Олимпа; а от меня приять при сем к вам приложенные кой-какие пустячки <…>» (Письма русских писателей XVIII века. Л., Наука, 1980. С. 410, 412). К числу стихов, сочинённых в Тамбове, принадлежит и данный «Гимн…», посвящённый окончательному исходу наполеоновских войск из России, который состоялся 14 декабря 1812 г., когда остатки Великой Армии в количестве 1600 человек переправились через реку Неман в Варшавское герцогство. Бегству Наполеона, покинувшего свою армию 6 декабря 1812 г., Н. П. Николев посвятил стихи «Возвращение тирана Наполеона во Францию».

[2] *Лишённый зрения…* — До 1785 г. Н. П. Николев был на военной службе, возвращаясь курьером в Санкт-Петербург, сильно простудился. В связи с этим ухудшилось его зрение, он

ослеп и вышел в отставку в чине майора; с 1801 г. безвыездно жил в Москве и подмосковной усадьбе.

[3] *…Асмодея…* — Асмодей (собственно Ашмедай, то есть искуситель), злой, сластолюбивый демон, упоминаемый в позднейшей еврейской литературе.

[4] *…Геркулес…* — Геракл (лат. Геркулес).

[5] *…Михаил предстал…* — М. И. Кутузов.

[6] *Атлант…* — Атлас (или Атлант) — в древнегреческой мифологии могучий титан, сын титана Иапета и Климены. За участие в титаномахии против олимпийских богов был приговорён держать на голове и руках небесный свод.

[7] *…Харибды…* — Харибда — морское чудище из древнегреческой мифологии, олицетворённое представление всепоглощающей морской пучины.

[8] *…горволь…* — Горволь — пузырь на воде.

[9] *Уверь и в том себя и Тита…* — Тит Флавий Веспасиан (39—81 н. э.). Здесь под Титом понимается император Александр.

XXXVI. ПЕСНЬ ОТЕЧЕСТВУ НА ПОБЕДЫ НАД ФРАНЦУЗАМИ

(«Граждане-россы! Пал сын брани, сей надменный…»)
(С. 319)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 65. № 19/20. С. 200—203 с теми же заглавием и подписью. На с. 203 помета: 1812, декабря 3 дня. Ряжск.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Влад. Измайлов.

Д а т и р у е т с я: 3 декабря 1812 г.

А в т о р: В. В. Измайлов.

[1] *А ты, водимый полк орлов рукой героя…* — М. И. Кутузова.

[2] *Легли во прахе Энцелады.* — Энцелад — один из гигантов в древнегреческой мифологии.

[3] *Денисьев* — Лука Алексеевич Денисьев (1762—1846), герой Отечественной войны 1812 г., генерал-майор. Отличился при Бресте, Борисове. Участвовал в заграничных походах 1813—1814 гг. Сражался под крепостью Торн, при Бауцене, Лейпциге, Париже.

XXXVII. ОДА НА ЧУДЕСНЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОБЕДЫ

(«Синайски восшумели бури…»)
(С. 321)

В п е р в ы е: Друг юношества. 1814. Апрель. С. 117—124 с тем же заглавием и подписью; Три оды: I. На случай войны с французами 1812 года. II. На новый 1814-й год. III. На чудесные победы российские. Сочинение Максима Невзорова. М.: В университетской типографии, 1814. С. 11—20. (без даты ценз. разр. и цензора). С заглавием «На чудесные российские победы» и примечанием к нему (с. 11): В первый раз напечатано в апреле месяце «Друга юношества и всяких лет 1814 года».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Максим Невзоров.

Д а т и р у е т с я: не ранее 19 (31) марта — не позднее апреля 1814 г.

А в т о р: М. И. Невзоров.

[1] *Синайски восшумели бури…* — Синай — гора на Синайском полуострове в Египте; согласно Библии на этой горе Бог являлся Моисею.

[2] *Жених в полунощи грядет!* — Цитата из тропаря Великого Понедельника, Великого Вторника и Великой Среды «Се, Жених грядёт в полунощи» (из евангельской притчи о десяти девах).

[3] *…Мамая…* — Мамай (1335 (?) — 1381) — Беклярбек и темник Золотой орды. С 1361 по 1380 г. от имени марионеточных ханов из династии Батуидов управлял западной частью (временами также столицей) Золотой Орды. Отношения Мамая с Москвой были весьма противоречивыми и изменчивыми. На первых порах своего правления Мамай оказывал поддержку Москве. В 1363 г. между Мамаем и митрополитом Московским Алексием, фактическим правителем Московского княжества при малолетнем князе Дмитрии, было заключено «докончание» (договор) об уменьшении дани, взимаемой с Руси. Также в 1363 г. Мамай выдал ярлык на великое княжение малолетнему московскому князю Дмитрию, который таким образом признал свою зависимость именно от Мамая и его хана Абдуллаха, а не от ханов из Сарая. Однако в 1370 г. Мамай отнял у Дмитрия великое княжение и передал его Михаилу Тверскому. Впрочем, уже в 1371 г. Дмитрий лично приехал в Мамаеву Орду и в итоге получил обратно из рук нового мамаева хана Мухаммада-Булака ярлык на великое княжение. В 1374 г. происходит окончательный разрыв между Москвой и Мамаевой Ордой и начинается «великое розмирье», окончившееся только в 1380 г. победой объединённых русских войск на Куликовом поле 8 сентября.

[4] *Поля вкруг Эбра…* — Эбро — река на северо-востоке Пиренейского полуострова, самая полноводная в Испании. Речь в стихе идёт о завоевании Испании Наполеоном, натолкнувшемся на активное сопротивление испанцев.

[5] *От По до Вислы берегов…* — По — река на севере Италии, Висла — река в Польше.

[6] *Под Ярославцем, Вязьмой, Красным…* — Сражение под Малоярославцем. После ухода из Москвы Наполеон 11 октября 1812 г. двинулся на Боровск, чтобы обойти русскую армию. Ближе всех к Боровску находились Дорохов (Коряково) и Дохтуров (Аристово). Им было приказано как можно быстрее двигаться на Малоярославец и преградить Наполеону путь. На улицах города завязалось сражение, продлившееся три дня с 12 по 15 октября 1812 г. и закончившееся отходом Наполена на Боровск. Малоярославец в ходе боев был полностью разрушен. 22 октября 1812 г. состоялось сражение под Вязьмой авангарда русской армии под командованием генерала Милорадовича и донского атамана М. И. Платова, окончившееся победой российских войск. Под Красным произошли два сражения — 2 августа и 3—6 ноября 1812 г.

[7] *Поля германские, богемски, / Брега одерски, эльбски, рейнски…* — Перечисляются места важнейших сражений 1813—1814 гг. в Германии, Богемии, по Одеру, Эльбе и Рейну.

[8] *Уже в Париже развевают / Российски славны знамена…* — Взятие Парижа, ознаменовавшее конец войны Шестой каолиции, состоялось 19 (31) марта 1814 г.

[9] *…Иосия…* — Иосия (ум. в 608 до н. э.), 16-й царь Иудейский. Воцарился в возрасте восьми лет (4Цар. 22:1) и правил в течение 31 года (639—608 до н. э.). На 18-м году царствования Иосии во время исправления повреждений в доме Господнем (4Цар. 22:8) первосвященник Хелкия нашел книгу, которую обычно отождествляют с кодексом Второзакония. Когда она была прочитана перед старейшинами и народом Иуды и Иерусалима (4Цар. 23:1—25), Иосия с согласия народа объявил завет — соблюдать содержащиеся в ней религиозные заповеди и очистить страну от идолопоклонства. В стихотворении под Иосией понимается император Александр I.

[10] *Какой я вижу под Москвою…* — В ДЮ и «Трех одах»: Какой я вижу над Москвою.

XXXVIII. НА НОВУЮ ПОБЕДУ РОССИЙСКИХ ВОЙСК, ОДЕРЖАННУЮ ПОД НАЧАЛЬСТВОМ ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

(«Не премолчит наш Бог! Вещает…»)
(С. 326)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 9. С. 140—143 без подписи, с заглавием «Стихи на новую победу российских войск, одержанную под начальством графа Витгенштейна».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Р.<усский> Вест.<ник>

Д а т и р у е т с я: не ранее 20 июля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Бог яве приидет, Бог наш, и не премолчит…* — Псалтирь. Кафизма седьмая. Пс. 49:3.

[2] *Где славимое ополченье?* — В РВ стих сопровожден примечанием: «Войсками французскими против графа Витгенштейна предводительствовал маршал Удино. Во всех французских ведомостях и историях несколько лет сряду величают гренадер Удино. Даже лжесвидетельствуют, будто бы он в 1805 году, Удино с тремя тысячами разбил тридцать тысяч русских». Никола Шарль Удино (1767—1847), граф Удино, 1-й герцог Реджо (1810), маршал Империи (1809). В начале 1805 г. Удино поручают командование над сводно-гренадерской дивизией, сформированный раньше генералом Жюно. Удино довел подготовку своих солдат до совершенства и затем долгие годы наводил ужас на всю Европу своей, как ее прозвали «адской колонной». В ходе компаний 1805—1807 гг. участвовал в битвах при Остроленке, под Данцигом и под Фридландом. В 1809 г. стоял во главе 2-го армейского корпуса; за битву при Ваграме получил маршальский жезл, а вскоре после того титул герцога. В 1812 г. во главе 2-го армейского корпуса Удино сражался с российским генералом графом П. Х. Витгенштейном; 17 августа, тяжело раненый в первом сражении под Полоцком, сдал командование Гувиону Сен-Сиру, от которого 2 месяца спустя принял его обратно. Во время переправы через Березину он помог Наполеону спастись, но сам был тяжело ранен. Не оправившись ещё от ран, принял командование 12-м армейским корпусом, сражался под Бауценом и был разбит при Лукау 4 июня 1813 г.

[3] *Трехдневное то пораженье…* — Подразумевается сражение под Клястицами — 3-дневный бой между французами и отдельным корпусом русской армии на Петербургском направлении у деревни Клястицы (ныне Россонский) на дороге между Полоцком и Себежем 18—20 июля 1812 г. В этом сражении русские войска под командованием генерал-лейтенанта П. Х. Витгенштейна одержали победу над превосходящими силами маршала Удино.

[4] *Я с русскими; они со Мною.* — В РВ стих сопровождён примечанием: «От самого начала нынешней войны во всех речах к русским воинам и во всех известиях о успехах нашего оружия все относят к Богу. Так поступал великий Суворов. Не себе, но предводительству Бога приписывал он славу и победу русских воинов. Слава и честь подражателям Суворова: с ними будет Бог и победа».

[5] *Нет Кульнева! Полки вещают…* — Яков Петрович Кульнев (1763—1812). 19 июля 1812 г. у Клястиц и Якубово он разгромил авангард французского корпуса маршала Удино, захватив девятьсот пленных и большой обоз противника. 20 июля Кульнев переправился через Дриссу, вновь атаковал французов и опрокинул их. Увлёкшись преследованием, он не заметил подхода главных сил французского корпуса, обрушивших на его отряд сильный артиллерийский огонь. Прорываясь назад, Кульнев замыкал отступление своего отряда, и в этот момент неприятельское ядро сразило его, картечью ему оторвало обе ноги выше колен.

XXXIX. ПЕСНЬ РОССИЯНИНА НА НОВЫЙ 1813 ГОД

(«Помчался год, как вихрь ужасный…»)
(С. 328)

В п е р в ы е: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 11. С. 3—19 с той же подписью и заглавием: «Песнь россиянина в новый 1813 год».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Князь Сергий Шихматов.

Д а т и р у е т с я: конец 1812 г. (не ранее 14 декабря).

А в т о р: С. А. Ширинский-Шихматов.

[1] *Пылал Смоленск…* — После оборонительного сражения 16—17 августа 1812 г. Смоленск был оставлен, и русские войска вынуждены были продолжить отступление к Москве.

[2] *Пылала и Москва…* — Имеются в виду пожары в Москве 14—18 сентября 1812 г.

[3] *…брашном…* — Брашно (ст.-слав.) — еда, пище, кушанье.

[4] *…сионских песней…* — В стихотворении Сиону уподобляется Россия и ее народ.

[5] *…адаманта…* — Адамант — устаревшее название алмаза, символ исключительной прочности.

[6] *Гром победы Бородинской…* — Имеется в виду сражение 26 августа 1812 г. у села Бородино, в 125 км на запад от Москвы.

[7] *…лествицей…* — Лествица (ст.-слав.) — лестница.

[8] *Смоленский вслед летит за ним.* — М. И. Кутузов.

[9] *И се — у неменских брегов….* — Остатки Великой Армии Наполеона в количестве 1600 человек переправились через реку Неман в Варшавское герцогство 14 декабря 1812 г.

[10] *Сретает…* — Сретать (ст.-слав.) — встречать.

[11] *…Рифейских гор…* — Рифейские горы (Рипейские горы, Рипы, Рифы, Рипеи, Рифеи) — обозначение возвышенностей, дающих начало основным рекам Скифии; в греческой мифологии это и горы, на которых находилось жилище северного ветра Борея. В русской одической традиции Рифейские горы — обозначение Уральских гор.

[12] *…Савский чистый фимиам…* — Царица Савская — легендарная правительница аравийского царства Саба (Шеба), чей визит в Иерусалим к израильскому царю Соломону описан в Библии.

[13] *…рала…* — Рало (ст.-слав.) — примитивный плуг.

[14] *…Галлия…* — Галлия — римское название исторической части Европы, ограниченной руслом реки Рубикон, Аппенинами, руслом реки Макра, побережьем Средиземного моря, Пиренеями, Атлантическим океаном, руслом реки рейн и Альпами. Ко времени первых упоминаний Галлии в римских письменных источниках, наибольшая часть её территории была заселена различными кельтскими племенами, которых римляне обобщенно называли «галлами», что и послужило основой для выбора названия соответствующих земель. Здесь Галлия — синоним Франции.

[15] *Как древле предходил пред Киром…* — Кир II Великий — персидский царь, правил в 559—530 гг. до н. э., основатель персидской империи Ахеменидов. В Библии — освободитель иудеев из вавилонского плена.

[16] *…аггел…* — Аггел — неверное прочтение ст.-сл. и греч. написания слова «ангел». За этим прочтением закрепилось значение «злой дух, дьявол».

XL. К ПРОШЛОМУ 1812-му И НАСТУПИВШЕМУ 1813-му ГОДАМ

(«Прости навек, о год ужасный!»)
(С. 338)

В п е р в ы е: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 11. С. 105—114 с той же подписью и заглавием.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Граф Сергей Потемкин.

Д а т и р у е т с я: январь 1813 г.

А в т о р: С. П. Потемкин.

[1] *Залог в Можайске положил.* — В 1812 г. западнее Можайска произошло знаменитое Бородинское сражение. Французская армия дважды проходила через Можайск: 28 августа, сразу после Бородинского сражения, по дороге в Москву, и в октябре, отступая на запад. Можайск сильно пострадал от нашествия Наполеона.

[2] *Бородино еще дымится…* — Имеется в виду сражение 26 августа 1812 г. у села Бородино.

[3] *Увы, Олегов град пылает!* — Имеется в виду Киев.

[4] *Зажег Москву, Москва сгорает…* — Речь идет о пожарах в Москве 14—18 сентября 1812 г.

[5] *Пророчество Даниила, гл. IX, ст. 17, 18 и 19.* — И ныне услыши, Боже наш, молитву раба Твоего и моление его и воззри светлым лицем Твоим на опустошенное святилище Твое, ради Тебя, Господи. Приклони, Боже мой, ухо Твое и услыши, открой очи Твои и воззри на опустошения наши и на город, на котором наречено имя Твое; ибо мы повергаем моления наши пред Тобою, уповая не на праведность нашу, но на Твое великое милосердие. Господи! услыши; Господи! прости; Господи! внемли и соверши, не умедли ради Тебя Самого, Боже мой, ибо Твое имя наречено на городе Твоем и на народе Твоем (Дан. 9:17—19).

[6] *Был победитель многостранный…* — Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

[7] *Чтоб Михаила, Витгенштейна…* — Имеются в виду М. И. Кутузов, умерший 16 апреля 1813 г., и П. Х. Витгенштейн.

[8] *Елизаветы кротки свойства…* — Российская императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I.

[9] *…Пиндар благозвучный…* — Пиндар (522/518 до н. э. — 448/438 до н. э.) — один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции. Здесь Пиндар — образец одического поэта.

[10] *Или певцу Екатерины…* — Г. Р. Державину (см. комментарий к стихотворению «Гимн лиро-эпический…»).

[11] *Да Ломоносов громкогласной…* — Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765), великий русский ученый и поэт, основоположник классицистической оды.

[12] *Псалом LXVII, ст. 36.* — Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев: Той даст силу и державу людем Своим, благословен Бог (Псалтирь. Кафизма 9. Пс. 67:36).

[13] *Псалом CXL, ст. 8 и 9.* — Яко к Тебе, Господи, Господи, очи мои: на Тя уповах, не отыми душу мою. Сохрани мя от сети, юже составиша ми, и от соблазн делающих беззаконие (Псалтирь. Кафизма 19. Пс. 140:8—9).

XLI. НА КОНЧИНУ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО

(«Горе и горе! Скрылась, угасла…»)
(С. 344)

В п е р в ы е: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 1—10 с тем же заглавием и подписью.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Князь Сергий Шихматов.

Д а т и р у е т с я: не ранее 16 апреля 1813 г. — не позднее 5 июня 1813 г.

А в т о р: С. А. Ширинский-Шихматов.

[1] *Лавром дунайским, свежим, ветвистым…* — Речь идёт русско-турецкой войне 1811 г., в ходе которой М. И. Кутузов нанёс ряд крупных поражений турецкой армии и вынудил Турцию к заключению Бухарестского мирного договора от 4 мая 1812 г., по которому переходила к России Бессарабия с частью Молдавии.

[2] *Бой Бородинский…* — Имеется в виду сражение 26 августа 1812 г. у села Бородино.

[3] *Щоглу ссекает…* — Щогла — здесь мачта.

[4] *Окрест Смоленска брань распылалась…* — Речь идёт об оборонительном сражении 16—17 августа 1812 г.

[5] *Витязь Смоленский — имя тебе.* — М. И. Кутузов.

[6] *Немен с Москвою кровью слиялся…* — Остатки Великой Армии Наполеона в количестве 1600 человек переправились через реку Неман в Варшавское герцогство 14 декабря 1812 г.

[7] *Видели Висла, Одер и Эльба…* — Речь идёт об участии М. И. Кутузова в Войнах Третьей коалиции в 1805 г.

[8] *Галла-Батыя…* — Здесь под Батыем понимается Наполеон Бонапарт.

[9] *Вождь Задунайский, вождь Италийский…* — Имеются в виду П. А. Румянцев и А. В. Суворов.

[10] *С дивным колоссом славы Петровой…* — Подразумевается император Пётр I .

XLII. ОДА НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА КНЯЗЯ СМОЛЕНСКОГО. АПРЕЛЯ В 16-й ДЕНЬ 1813 ГОДА

(«Отколе пал внезапно гром…»)
(С. 350)

В п е р в ы е: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 13. С. 107—110 с тем же заглавием и подписью.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Державин.

Д а т и р у е т с я: не ранее 16 апреля 1813 г. — не позднее 5 июня 1813 г.

А в т о р: Г. Р. Державин.

XLIII. ВСТРЕЧА СУВОРОВА С КУТУЗОВЫМ, ИЛИ ВЕСТИ, ПРИНЕСЕННЫЕ В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ КНЯЗЕМ СМОЛЕНСКИМ

(ПОСВЯЩЕНО ЛЮБИТЕЛЮ СЛОВЕСНОСТИ ОСИПУ СЕРГЕЕВИЧУ ШИРЯЕВУ)

(«Тебя ли вижу я? Кутузов! Ты ли здесь?»)
(С. 352)

В п е р в ы е: Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским. СПб.: В типографии Военного министерства, 1813 (ценз. разр. 5 ноября 1813 г., статский советник и кавалер Иван Тимковский). На обложке — портрет Кутузова и надпись: «Се храбрый россов предводитель / и Царства Русского спаситель». На с. 3 посвящение: «Любителю словесности милостивому государю Осипу Сергеевичу Ширяеву в знак совершенного почтения посвящает сочинитель». На с. 19 подпись: Г. Окулов.

Д р у г и е и з д а н и я: Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским. Издание второе. СПб.: В типографии И. Байкова, 1814 (ценз. разр. 5 ноября 1813 г., статский советник и кавалер Иван Тимковский). На с. 17 подпись: Г. Окулов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Г. Окулов.

Д а т и р у е т с я: не ранее 16 апреля 1813 г. — не позднее 5 ноября 1813 г.

А в т о р: Г. Окулов.

[1] *Какую весть несешь Петру, Екатерине?* — Подразумеваются император Пётр I Великий, Екатерина II Великая.

[2] *В Египте грабежу толпы рабов своих…* — Речь идёт о Египетском походе Наполеона 1798—1801 гг., в ходе которого была предпринята попытка завоевания Египта.

[3] *Носил я Павлов гром на Альповых хребтах!* — Речь идёт об Итальянском походе А. В. Суворова (апрель — август 1799) и императоре всероссийском Павле I.

[4] *Как вольность, власть поправ, лила кровавы реки…* — Подразумевается якобинский террор 1793—1794 гг., ставший результатом Великой французской революции 1789 г.

[5] *Хотел и Фридерик, Бурбонов крови друг…* — Подразумевается Фридрих Вильгельм II, король Пруссии с 1786 г. После начала Великой французской революции и неудавшегося бегства королевской семьи в июне 1791 г. во дворце Пильниц под Дрезденом состоялась встреча Фридриха Вильгельма II и принца Карла Артуа, брата французского короля Людовика XVI из династии Бурбонов. 30 июля 1792 г. прусский король лично участвовал в военном походе в Шампань против революционной Франции. В битве при Вальми 20 сентября солдатам революции впервые удалось выдержать массивное наступление противника. Ослабевшие от болезней, голода и дождя прусские войска спустя десять дней отступили. Война против Франции завершилась для Фридриха Вильгельма II подписанием Базельского мира 5 апреля 1795 г. с установлением демаркационной линии, обеспечившей нейтралитет и мир не только для Пруссии, но и для всей Северной Германии.

[6] *Меж ним и Австрией возникла неприязнь…* — В отдельном издании: Меж ним и Австрией возникнув неприязнь… Речь идет о специфической политике императора Священной Римской империи Леопольда II (1747—1792). К Великой французской революции Леопольд, хотя и брат Марии-Антуанетты, относился осторожно и только после попытки бегства короля согласился на пильницком съезде сначала с прусским послом Бишоффвердером, потом с самим Фридрихом Вильгельмом II, относительно оборонительно-наступатель-

ных действий против Франции. С принятием французской конституции Людовиком XVI (1791) Леопольд объявил цель соглашения предварительно достигнутой. Новые осложнения повели к союзу германских держав 1792 г., но и теперь Леопольд думал более об обороне.

[7] *Бурбонов скиптр златой преобратил в свинец…* — Подразумевается самопровозглашение Наполеона императором Франции в 1804 г.

[8] *…кто б был Тюреннам равной…* — Анри де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюренн (1611—1675), известный под именем Тюренн, — знаменитый французский полководец, маршал Франции (1643) и главный маршал Франции (1660).

[9] *…Моро…* — Жан Виктор Моро (1763—1813) — генерал Первой французской республики, сын адвоката, одержавший ряд громких побед в 1790-е гг. Наполеон, видевший в Моро своего соперника, обвинил его в участии в заговоре. Генерал был приговорён к тюремному заключению, которое Наполеон заменил изгнанием. Прожив несколько лет в Северной Америке, он в 1813 г. вернулся в Европу по приглашению императора Александра. Состоя в роли советника при главной квартире союзных монархов, в сражении при Дрездене 15 августа был смертельно ранен ядром. Тело его отвезено в Санкт-Петербург и погребено в католической церкви св. Екатерины.

[10] *Не так Катон, не так Брут строгий вел себя…* — Марк Порций Катон Младший (95—46 до н. э.) — древнеримский государственный деятель. Оставался неформальным политическим и идейным лидером большинства в римском сенате с конца 60-х годов до н. э. и до самой гражданской войны. Для современников был наиболее известен как образец строгих нравов, сторонник республиканских идей, принципиальный противник Цезаря и видный философ-стоик. После самоубийства в осаждённой Цезарем Утике стал символом защитников республиканского строя. Марк Юний Брут Цепион (85—42 до н. э.) — римский сенатор, сторонник республиканской власти, известный как убийца Цезаря.

[11] *…Бастиль…* — Бастилия — изначально крепость, построенная в 1370—1381 гг., и место заключения государственных преступников в Париже. В начале Великой французской революции 14 июля 1789 г. крепость была взята революционно настроенным населением и через год разрушена, и на её месте подрядчик работ по сносу, Пьер-Франсуа Паллой установил табличку с надписью: «Здесь танцуют и всё будет хорошо» (ici l'on danse, ah ça ira, ah ça ira!).

[12] *…в отечестве Кондеев…* — Людовик II де Бурбон-Конде, принц де Конде, известный под именем Великий Конде (1621—1686) — полководец Франции, генералиссимус, прославившийся победами в Тридцатилетней войне и в походах Людовика XIV.

[13] *…Сципиона гений…* — Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 до н. э.) — римский полководец Второй Пунической войны, победитель Ганнибала.

[14] *Влачить остаток дней, как Велизарий, в бедствах.* — Велисарий, Велизарий, Флавий (ок. 504—565) — полководец императора Восточной Римской империи Юстиниана I Великого. Один из величайших полководцев Византийской империи. Под конец жизни в 562 г. Велисарий подвергся опале: его громадные имения были конфискованы. Но в 563 г. Юстиниан оправдал и освободил полководца, вернув все конфискованные имения и ранее пожалованные титулы, хотя и оставил его в безвестности.

[15] В отдельном издании вместо отточий, обозначающих пропуск четырех стихов, сделанный, вероятно, по требованию цензуры, идет следующий фрагмент:

> Мюрат, Бертье, Даву, Сюшет, Ней, Талейран, / И множество других, равно как сам тиран, / Суть все плоды её, которых Провиденье / Ей даровало в казнь царя за умерщвленье; <…>

[16] *Шесть лет Германии законы подавал…* — В начале XIX в. Германия всё ещё оставалась Священной Римской империей германской нации. В неё входило более 350 государств разной степени независимости. Наполеоновские войны перекроили карту Германии: из 51-го вольного города Наполеон оставил всего пять, остальные же были переданы десятку крупнейших государств. Та же судьба постигла сотни мелких княжеств. При подписании договора о создании Рейнского союза 12 июля 1806 г. 16 южно- и западногерманских княжеств официально объявили о своём выходе из рейха и объединении в конфедерации под патронажем Наполеона. Перед подписанием Наполеон поставил перед участниками 24-часовой ультиматум, при котором в случае неподписания французские войска должны были быть введены в южно- и западногерманские земли. Спустя несколько дней после заключения договора о Рейнском союзе Франц II, ставший в 1804 г. императором Австрийской империи, отрёкся от престола Священной Римской империи германской нации и объявил об её упразднении.

[17] *И дом Фридерика, и Австрия, и Рим <…> Британия с наследием Петровым…* — После поражения при Йене 14 октября 1806 г. Пруссия пала. Победа французского оружия в кампании 1806 г. была полной, сокрушительной и безоговорочной. Правительство, генералитет и народ Пруссии были подавлены и отказались от сопротивления. О капитуляции Австрии см. предыдущее примечание. В 1801 г. Наполеон заключил конкордат с папой Римским. Рим признавал новую французскую власть, а католицизм объявлялся религией большинства французов. С 1806 г. Наполеон применил к Британии систему континентальной блокады, в которую вынуждена была включиться и Россия по Тильзитскому договору 1807 г. Только после вторжения Наполеона в Россию, Россия и Великобритания 6 (18) июля 1812 года подписали мирный договор, а 12 (24) сентября 1812 г. был опубликован манифест Александра I о возобновлении торговых отношений между странами.

[18] *И тени Мининых, Димитриев, Пожарских / И тени Сергиев…* — Подразумеваются Кузьма (Козьма) Минин, князь Московский Дмитрий I Иванович, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, Сергий Радонежский (в миру Варфоломей; 1314—1392) — монах Русской церкви, основатель Троицкого монастыря под Москвой. Считается величайшим подвижником земли Русской. По версии жития благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

[19] *Носились над Москвой, объятой вкруг огнем…* — Имеется в виду московские пожары 14—18 сентября 1812 г.

[20] *Пожертвовал Москвой России для спасенья…* — Речь идет о решении сдать Москву французам, принятом на совете в Филях 1 (13) сентября 1812 г.

[21] *…в полях пространных Бородинских…* — Имеется в виду сражение 26 августа 1812 г. у села Бородино.

[22] *Ах! Лучше б Немана в волнах погребесть злодеев!* — После полуночи 12 (24) июня 1812 г. по четырём наведённым выше Ковно мостам началась переправа французских войск через пограничный Неман. В 6 часов утра 12 (24) июня 1812 г. авангард французских войск вошёл в российский город Ковно.

[23] *Сам Цесарь с Фабием иначе бы сражался…* — Гай Юлий Цезарь (100 или 102 гг. до н. э. — 44 г. до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, диктатор, полководец, писатель. Своим завоеванием Галлии, Цезарь расширил римскую державу до берегов северной Атлантики и подчинил римскому влиянию территорию современной Франции, а также начал вторжение на Британские острова. Обладая блестящими способностями военного стратега и тактика, одержал победу в сражениях гражданской войны и стал единовластным повелителем Pax Romana. Квинт Фабий Максим (ум. 45 до н. э.) — римский генерал. Служил под руководством Юлия Цезаря в должности легата во время Галльской

войны и оставался сторонником Цезаря во время гражданской войны 40-х гг. против Помпея Великого.

[24] *Ни Дарий, ни сам Ксеркс такого пораженья…* — Дарий I — персидский царь, правил в 552—486 гг. до н. э. Великий полководец, создавший огромную Персидскую империю. Ксеркс I, сын Дария I — персидский царь, правил в 486—465 гг. до н. э., известен своим неудачным походом против Греции в 480 г. до н. э.

[25] *…Смоленск отомщены…* — Имеется в виду оставление Смоленска русскими войсками 16—17 августа 1812 г.

[26] *И кровью Красного равнины упоены…* — Имеются в виду сражения под Красным (2 августа и 3—6 ноября).

[27] *Тарутински поля…* — Имеется в виду Тарутинский бой.

[28] *И бой у Саламин, бой у Платейских стен…* — Саламинское сражение — морское сражение между греческим и персидским флотами в ходе греко-персидских войн, произошедшее в 480 г. до н. э. близ острова Саламин в Сароническом заливе Эгейского моря неподалеку от Афин. Закончилось победой греков. Битва при Платеях — одно из крупнейших сухопутных сражений греко-персидских войн, состоявшееся в 479 г. до н. э. рядом с небольшим городком Платеи в Беотии. В битве при Платеях персидская армия потерпела сокрушительное поражение.

[29] *Смотри, как Александр, смотри, как Цесарь, Кир…* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.) — македонский царь с 336 до н. э., полководец, создатель мировой державы, распавшейся после его смерти. В западной историографии более известен как Александр Великий. Ещё в Античности за Александром закрепилась слава одного из величайших полководцев в истории. Кир II Великий (ок. 590—530 гг. до н. э.).

[30] *…Лукулл…* — Луций Лициний Лукулл (118—56 гг. до н. э.), римский полководец, политик и консул.

[31] *А Милорадович?* — Михаил Андреевич Милорадович.

[32] *…Дохтуровым…* — Дмитрий Сергеевич Дохтуров (1759—1816) — военачальник, генерал русской армии. В 1812 г. командовал 6-м пехотным корпусом 1-й армии. В самом начале был отрезан от главных сил в районе города Лиды, но смог вырваться и привести корпус в Дриссу. В Смоленском сражении принял начальство над войсками и оборонял город против атак Наполеона. Получив приказ оставить город, в полном порядке соединился с главной армией. В Бородинском сражении командовал центром русской армии между батареей Раевского и деревней Горки, а после ранения Багратиона всем левым крылом. Привёл в порядок расстроенные войска и закрепился на позиции. В сражении при Тарутине также командовал центром. В сражении под Малоярославцем 7 часов выдерживал сильнейший напор французов. За этот бой был награждён орденом Святого Георгия 2-й степени. Отличился в сражении при Дрездене и в Битве народов под Лейпцигом.

[33] *Гишпанцы, полные к царям своим любови, / Падущий свой престол спасли ценою крови…* — С 1808 по 1814 г. в Испании продолжалась народная война против оккупационных войск Наполеона, низвергнувшего короля Фердинанда и заточившего его в замке Валансе. В 1814 г. испанская монархия была восстановлена. В некоторых отношениях Испанская кампания послужила репетицией Отечественной войны 1812 г.: отсутствие решающего сражения, сданная неприятелем столица, широкомасштабная партизанская кампания, проблемы с подвозом провианта в незнакомой стране — всё это изматывало силы оккупантов.

[34] *Властитель Австрии, воспрянув напоследок <…> Доколь все гидры злой не сокрушатся главы.* — В начале 1813 г. войну против Наполеона в центральной Европе вела только Россия.

В коалицию с Россией в марте 1813 г. вошла Пруссия (во главе с Фридрихом Вильгельмом III), затем летом того же года вступили Англия, Австрия (во главе с Францем II, потомком императора Иосифа II) и Швеция, а после разгрома Наполеона в Битве народов под Лейпцигом в октябре 1813 г. к коалиции присоединились германские государства Вюртемберг и Бавария.

[35] *Румянцев и Репнин, Голицын и Орлов…* — Имеются в виду граф П. А. Румянцев-Задунайский (князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801) — один из виднейших деятелей екатерининской эпохи, боевой генерал и удачливый дипломат, проявивший себя в ходе Семилетней войны и русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг.; князь Александр Михайлович Голицын (1718—1783) — генерал-фельдмаршал, военный и государственный деятель царствования Екатерины II, знаменитый победами в ходе Семилетней войны и в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.; граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский, прославившийся морскими победами в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

XLIV. ЛИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ ПРИ ИЗВЕСТИИ О НОВЫХ ПОБЕДАХ

(«Еще победы глас раздался!»)
(С. 362)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1813. Ч. 8. № 37. С. 207—208 с тем же заглавием, подписью и датой «1 сентября 1813» (с. 208).

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Остолопов.

Д а т и р у е т с я: 1 сентября 1813 г.

А в т о р: Н. Ф. Остолопов.

[1] *Еще победы глас раздался!* — Подразумевается сражение под Кульмом — разгром 29—30 августа 1813 г. русско-прусско-австрийскими войсками французского корпуса генерала Вандама под Кульмом в Богемии (ныне Чехия). Сражение длилось два дня. В первый день, 29 августа, русская гвардия под командованием графа Остермана-Толстого сдержала ценой больших потерь натиск втрое превосходящих сил французского корпуса Вандама. На второй день, 30 августа, французский корпус сам оказался в окружении союзных войск и был принуждён к сдаче. Многие современники считали сражение под Кульмом поворотом в кампании 1813 г. Богемия была спасена от вторжения французских войск и развертывания на её территории боевых действий.

[2] *Но зарево Москвы блистает…* — То есть пожары в Москве 14—18 сентября 1812 г.

XLV. ОДА ПОБЕДАМ РОССИЙСКОГО ВОИНСТВА

(«Ура! меч Божий, броня света!»)
(С. 363)

В п е р в ы е: Три лирические стихотворения Н. П. Николева, изданные С. М-<асловы>м. М.: В университетской типографии, 1814. С. 18—23. (Ценз. разр. 5 июня 1814 г., ордин. проф. и кавалер Лев Цветаев.) На с. 18 примечание к заглавию: «Ода сия с некоторою переменою была послана в главную квартиру к Государственному статс-секретарю Александру Семеновичу Шишкову; а теперь, по соображению с настоящими обстоятельствами, для которых оная написана, издается в свет. Изд.».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Николев.
Д а т и р у е т с я: не ранее 6 апреля — не позднее 5 июня 1814 г.

А в т о р: Н. П. Николев.

[1] *…Петр Великий…* — Император Пётр I.

[2] *…на троне Тит…* — Тит Флавий Веспасиан (39—81 н. э.).

[3] *Как правнук Марса…* — Арес или Арей (лат. Марс) — в древнегреческой мифологии бог войны. В римской мифологии один из древнейших богов Италии, входил в триаду богов, первоначально возглавлявших римский пантеон (Юпитер, Марс и Квирин). Здесь под Марсом понимается Пётр I.

[4] *Как внук Фемиды… — Фемида* — в древнегреческой мифологии богиня правосудия. Здесь под Фемидой понимается Екатерина II.

[5] *Он с братом, князем Константином…* — Цесаревич и великий князь Константин Павлович (1779—1831) — второй сын Павла I и Марии Федоровны. В 1799 г. участвовал в Итальянском и Швейцарских походах А. В. Суворова. В битве под Аустерлицем в 1805 г. Константин командовал гвардейским резервом. В 1812 г. участвовал в Отечественной войне, а затем и в Заграничном походе. В лейпцигской Битве народов осенью 1813 г. — командующий резервных частей, участвовавших в бою. Сражался достойно, получив золотую шпагу «За храбрость».

[6] *Пожар первопрестольна града…* — Имеются в виду пожары в Москве 14—18 сентября 1812 г.

[7] *…князь Смоленский…* — М. И. Кутузов.

[8] *С брегов Пахры на бреги Рейнски…* — Красная Пахра — населенный пункт на Калужской дороге, в котором сосредоточились русские войска 9 (21) сентября 1812 г. в ходе Тарутинского манёвра. Отсюда армия отошла к р. Наре и 21 сентября (3 октября) остановилась в Тарутинском лагере. В результате Тарутинского маневра, явившегося блестящим образцом полководческого искусства М. И. Кутузова, русская армия вышла из-под удара противника и заняла выгодное положение для подготовки и перехода в контрнаступление.

[9] *Раевский, Бенигсен, Толстой…* — Речь идет о Н. Н. Раевском (1771—1829) — герое Отечественной войны 1812 г., генерале от кавалерии (1813). За тридцать лет безупречной службы участвовал во многих крупнейших сражениях эпохи. После подвига под Салтановкой стал одним из популярнейших генералов русской армии. Борьба за батарею Раевского явилась одним из ключевых эпизодов Бородинского сражения. Участник Битвы народов и взятия Парижа. Граф Леонтий Леонтьевич Беннигсен (Левин Август фон Беннигсен; 1745—1826) — генерал от кавалерии на русской службе. В Отечественную войну 1812 г. назначен начальником главного штаба к М. И. Кутузову, участвовал в Бородинском сражении (награждён за него орденом св. Владимира 1 ст.). После Бородинской битвы на знаменитом совете в Филях отстаивал необходимость дать Наполеону новое генеральное сражение у стен Москвы, но не получил поддержки. Руководил удачно боем при Тарутине, где был ранен. В 1813 г. командовал Польской армией. Участник Битвы народов и взятия Парижа. Граф Александр Иванович Остерман-Толстой (1770—1857) — генерал от инфантерии (1817), герой Отечественной войны 1812 г., в ходе которой командовал 4-м пехотным корпусом в 1-й Западной армии Барклая-де-Толли, отличился под Островно. В Бородинском сражении Остерман-Толстой участвовал в боях на батарее Раевского, был контужен, но через несколько дней вернулся в строй. В кампанию 1813 г. прославил свое имя в блестящем бою под Кульмом, где потерял левую руку, оторванную ядром.

[10] *И сокол гурб донских удалый…* — Матвей Иванович Платов.

[11] *Взгляни… на Бриену…* — Бой под Бриенном — сражение 17 (29) января 1814 г. между армией Наполеона и русскими корпусами под командованием прусского фельдмаршала Блюхера за французский город Бриенн. Первое крупное сражение после вторжения союзников в январе 1814 г. на территорию Франции. В ходе ночного сражения французам удалось захватить замок Бриенна, в то время как сам город остался за русскими. Блюхер принял решение отойти на более выгодную позицию по направлении к главной армии союзников под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга. Через два дня, 19 января (1 февраля) 1814 г., Блюхер, соединившись с Главной армией, атаковал Наполеона при Ла-Ротьере и заставил французов отступить.

[12] *…Сион…* — В стихотворении Сиону уподобляется Россия и ее народ.

[13] *Взвела на трон Бурбонов кровь…* — 6 апреля 1814 г. сенат, действуя по внушению Талейрана и по желанию союзников, провозгласил восстановление монархии Бурбонов в лице Людовика XVIII. Он сначала отказывался подчиниться требованию наполеоновского сената, но, по настоянию императора Александра I, подписал декларацию с обещанием конституции, после чего торжественно въехал в Париж. Бурбоны — европейская королевская династия, младшая ветвь королевского дома Капетингов, происходящая от Роберта (1256—1317) графа Клермона, по жене сира де Бурбон. Вступили на французский престол с пресечением другой ветви Капетингов — династии Валуа — в 1589 г. (в лице Генриха IV Наваррского). В герб Бурбонов входит изображение золотой лилии.

XLVI. НА НЕЗАБВЕННЫЕ ПОДВИГИ РОССИЯН ДЛЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ НАРОДОВ

(«Для россов нет столпов Алкида…»)
(С. 368)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 11. № 4. С. 157 с тем же заглавием, подписью и пометой: «Москва. Янв. 1. 1814».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Д. Гл. б. в.

Д а т и р у е т с я: 1 января 1814 г.

А в т о р: Д. П. Глебов.

[1] *…столпов Алкида…* — То есть Геркулесовы столбы — название, использовавшееся в Античности для обозначения высот, обрамляющих вход в Гибралтарский пролив.

[2] *…эгида…* — Эгида или эгид — щит Зевса, по некоторым преданиям, сделанный Гефестом из шкуры мифической козы Амалтеи. Стала синонимом несокрушимой защиты.

XLVII. НА ПОРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ И НАПОЛЕОНА ПОД БРИЕННОЙ 20 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА

(«Где солнце днесь весны и славы…»)
(С. 369)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 12. № 9. С. 105—106 с той же подписью, заглавием «Стихи на поражение французов и Наполеона под Бриенной 20 января 1814 года» и пометой: «12 февраля 1814. Москва»; Вестник Европы. 1814. Ч. 74. № 5. С. 35—36 с тем же заглавием, подписью и пометой «12 февраля 1814». В «Собрании» напечатано по тексту СО.

П о д п и с ь в «Собрании…»: К.<нязь> П. Шаликов.
Д а т и р у е т с я: 12 февраля 1814 г.

А в т о р: П. И. Шаликов.

[1] *Бриенская военная школа <…> Мудрецу корсиканскому нечему будет учиться иному, кроме несколько трудной науки — умирать при пламенниках фурий! К. Ш.*— В варианте ВЕ: Мудрецу Корсики нечему будет учиться иному, кроме несколько трудной науки — умирать при пламенниках фурий. Соч.

[2] *Вознесшей власть своих мечей!* — В варианте ВЕ: Поставить власть своих мечей!

[3] *И чувством счастья озарит…* — В варианте СО и ВЕ: И чувством счастья озлатит…

XLVIII. ХРАМ СЛАВЫ ИСТИННЫХ ГЕРОЕВ

(«О ты! Что смертного бессмертием венчаешь…»)
(С. 370)

В п е р в ы е: Чтения в Беседе любителей русского слова. 1813. Чтение 12. С. 3—7 с тем же заглавием и подписью.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Петр Корсаков.
Д а т и р у е т с я: не позднее 17 июля 1813 г.

А в т о р: П. А. Корсаков.

[1] *Сократов, Кодров я, Зопиров там обрел…* — Сократ (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ из Афин, один из родоначальников диалектики. Гай Муций Сцевола (иногда Корд) — легендарный римский герой. Прославился тем, что, согласно легенде, пытался убить Порсену, царя этрусского города Клузия, который осадил Рим в 509 г. до н. э. Сцевола пробрался в шатер Порсены, но по ошибке убил царского писца, который был одет дороже и красивее царя. Сцеволу схватили, и тогда он объявил Порсене, что он лишь один из 300 римских юношей, поклявшихся ценою своей жизни убить Порсену. Когда герою стали угрожать пыткой и смертью, если он откажется раскрыть все детали этого замысла, Сцевола протянул правую руку в разведенный на алтаре огонь и держал её там, пока она не обуглилась. Отвага римлянина так поразила Порсену, что его отпустили, и Порсена заключил с Римом мир. За потерю правой руки Муция прозвали «Сцевола» (лат. scaevola — «левша»). Зопир, по рассказам греческих историков, один из семи заговорщиков против Лжесмердиса. Когда Дарий I не в состоянии был взять восставший Вавилон, Зопир сам искалечил себя, чтобы вавилоняне поверили ему как перебежчику, и, договорившись с царём, перешёл на сторону осаждённых. В Вавилоне Зопир вскоре был назначен главным военачальником, чем он и воспользовался, чтобы открыть войскам Дария городские ворота. Восстав ещё раз при Ксерксе, вавилоняне убили Зопира. По словам греков, персы чтили Зопира, как величайшего, после Кира, благодетеля народа.

[2] *Там — имена Петра, Ликурга соплетались…* — Петр I Великий. Ликург — древнеспартанский законодатель, которому древние писатели единогласно приписывают политическое устройство, господствовавшее в Спарте в течение нескольких веков.

[3] *Там — Фабий, Цинциннат… являлись…* — Квинт Фабий Максим Веррукоз Кунктатор (ум. 203 до н. э.) — древнеримский полководец, пятикратный консул. Луций Квинкций Цинциннат (ок. 519 — ок. 439 до н. э.) древнеримский патриций, консул 460 г., римский диктатор 458 и 439 г. до н. э. Считался среди римлян одним из героев ранних годов Римской респу-

блики, образцом добродетели и простоты. Цинциннат жил в скромных условиях, работая на своей небольшой вилле.

[4] *Там — Курций, Леонид, Гораций, Сципион…* — 1) Квинт Курций Руф (I в. н. э.) — римский историк, написавший «Историю Александра Великого Македонского», одно из наиболее полных жизнеописаний полководца, дошедших до наших дней. 2) Леонид I — царь Спарты, правивший в 491—480 гг. до н. э. Обессмертил своё имя сражением при Фермопилах. Защищал с 6 тысячами воинов (в том числе и личной гвардией из 300 спартанцев) Фермопильский проход при наступлении персидских войск и погиб в бою. 3) Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — древнеримский поэт «золотого века», создатель эпической поэмы «Энеида». Его творчество приходится на эпоху гражданских войн конца республики и первые десятилетия нового режима Октавиана Августа. 4) Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (235—183 гг. до н. э.) — римский полководец.

[5] *Там — верный Гермоген…* — Патриарх Гермоген (ок. 1530—1612) — второй Патриарх Московский и всея Руси (1606—1612), известный церковный общественный деятель эпохи Смутного времени. С декабря 1610 г., находясь в заключении, рассылал по городам грамоты с призывом к борьбе с польской интервенцией. Благословил оба ополчения, призванные освободить Москву от поляков. Не дождавшись освобождения Москвы, умер от голода.

[6] *Там — Ольга мудрая…* — Ольга, в крещении Елена (ок. 890—969) — княгиня, правила Киевской Русью после гибели мужа, князя Игоря, с 945 до 962 г. Первая из русских правителей приняла христианство ещё до крещения Руси, первая русская святая.

[7] *Цветущи славою дела Екатерины…* — Екатерина II Великая.

[8] *Там — Нума, Антонин, великодушный Тит…* — Имеются в виду 1) Нума Помпилий — по легенде, второй царь Древнего Рима. Правил с 715 по 673/672 г. до н. э. Ему приписывается упорядочение календаря, учреждение религиозных культов, жреческих и ремесленных коллегий; 2) Марк Аврелий Антонин (121—180) — римский император (161—180) из династии Антонинов, философ, представитель позднего стоицизма, последователь Эпиктета; 3) Тит Флавий Веспасиан (39—81 н. э.).

[9] *Там были — Регулы, Суворов, Аристид…* — Марк Атилий Регул (III в. до н. э.) — римский полководец и флотоводец времен Первой Пунической войны. Аристид (ок. 530—467 до н. э.) — афинский государственный деятель, полководец периода греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.). Отличился в битвах при Марафоне и при Саламине.

[10] *Я видел Сцеволу, зрел Дециев, Катонов…* — 1) Гай Муций Сцевола — см. примеч. к ст. 27. 2) Публий Деций Мус (ум. 340 до н. э.) — консул Древнего Рима. В 340 до н. э., во время Второй Латинской войны, был избран консулом. Выступив против латинов, стал лагерем около Капуи. По преданию, ему приснился вещий сон о том, что победителем в предстоящем сражении будет та сторона, чей командир погибнет в бою. Консулы решили, что в жертву подземным богам и Матери Земле принесёт себя тот, чьи войска первыми дрогнут в бою. Во время битвы первым начал отступать левый фланг римлян, которым командовал Деций. Деций подозвал понтифика и под его руководством произнёс жертвенные слова, после чего бросился в центр сражения. В этой битве римляне одержали верх. 3) Марк Порций Катон Младший (95—46 до н. э.) — древнеримский государственный деятель.

[11] *Алкиды севера…* — Здесь имеются в виду россы.

[12] *Здесь — лаврами покрыт почтенный Бенингсен…* — Граф Леонтий Леонтьевич Бенингсен.

[13] *Здесь — спасший град Петров, бессмертный Витгенштейн…* — Имеется в виду сражение под Клястицами (между Полоцком и Себежем) 18—20 июля 1812 г., когда русские войска остановили продвижение французов на Петербург. В ходе битвы под Полоцком

18—20 октября 1812 г. русские войска под командованием П. Х. Витгенштейна атаковали и нанесли поражение баварскому корпусу французов под командованием маршала Сен-Сира. В результате успеха удалось освободить город Полоцк от французов, что создало угрозу и без того уязвимым путям снабжения войск Наполеона.

[14] *Здесь разумеется не отец Сеидов, трагический Вольтеров Зопир…* — Зопир — герой трагедии Вольтера «Фанатизм, или пророк Магомет» (1740).

[15] *Достойный меч носить святого Гавриила…* — Архангел Гавриил — один из ангелов в христианстве. Согласно христианской традиции, Гавриил открывает тайное знание Бога. На иконах архангел Гавриил часто изображён с цветущей райской ветвью или лилией. Также он — один из щитодержателей на гербе Российской империи.

[16] *Но здесь — маститого зрю князя Михаила…* — М. И. Кутузова.

[17] *Аврелий Севера…* — Марк Аврелий Антонин (121—180). Здесь Александр I.

XLIX. ОДА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ, НА ПОКОРЕНИЕ СТОЛИЦЫ ФРАНЦИИ ПОБЕДОНОСНЫМ ЕГО ОРУЖИЕМ

(«Где ты, с огромными крылами…»)
(С. 373)

В п е р в ы е: Ода его императорскому величеству государю императору Александру Первому на покорение столицы Франции победоносным его оружием. С чувствованиями и сердцем, его славою восхищёнными, благоговейно посвящает верноподданный Павел Г. Кутузов. М.: В университетской типографии, 1814. (Ценз. разр. 18 апреля 1814, медиц. доктор и проф. Василий Котельницкий.)

П о д п и с ь в «Собрании…»: Павел Г. Кутузов.

Д а т и р у е т с я: не ранее 6 апреля — не позднее 18 апреля 1814 г.

А в т о р: П. И. Голенищев-Кутузов.

[1] *Ты, огнь приемля Прометея…* — Прометей — в древнегреческой мифологии титан, защитник людей от произвола богов. Похитил с Олимпа огонь и передал его людям.

[2] *О чудо! — на брегах Секваны / Се веют россов знамена…* — Речь идет о взятии Парижа в 1814 году — завершающем сражении кампании 1814 г., после которого император Наполеон отрекся от трона. 18 (30) марта 1814 г. союзные армии фельдмаршалов Блюхера и Шварценберга (главным образом русские корпуса) атаковали и после ожесточённых боёв захватили подступы к Парижу. Столица Франции капитулировала на следующий день, прежде чем Наполеон успел перебросить войска для её спасения. Наполеон узнал о капитуляции Парижа в Фонтенбло, где поджидал подхода своей отставшей армии. Он сразу же решил стянуть все имеющиеся войска для продолжения борьбы, однако под давлением маршалов, учитывающих настроения населения и трезво оценивающих соотношение сил, 4 апреля 1814 г. Наполеон отрёкся от трона. Сражение за Париж стало в кампании 1814 г. одним из самых кровопролитных для союзников, потерявших за один день боёв более 8 тысяч солдат (из них более 6 тыс. русских), но в результате окончило эпоху Наполеоновских войн.

[3] *Пал гордый, пышный Вавилон!* — Здесь Вавилон — аллюзия наполеоновской Франции.

[4] *…выю…* — Выя (ст.-сл.) — шея.

[5] *Круша железную корону…* — Железная корона — название короны Лангобардского королевства, состоящей из золотого обруча в 3 дюйма шириной, покрытого драгоценными камнями, внутри которого помещается узкий железный обруч. Кроме самостоятельных лангобардских королей, ею короновались большая часть германских императоров, от Карла Великого до Карла V. В 1805 г., после возобновления Итальянского королевства, Железной короной короновался Наполеон I.

[6] *Не так ли Гейнрих незабвенный…* — Генрих IV Великий (1553—1610) — лидер гугенотов в конце Религиозных войн во Франции, король Наварры с 1572 г. (как Генрих III), король Франции с 1589 г. (фактически — с 1594), основатель французской королевской династии Бурбонов.

[7] *Смоленского священный прах…* — М. И. Кутузова.

[8] *Тобой восходит царь законный…* — См. примеч. 13, с. 606—607.

[9] *Я зрю Петра, Екатерину…* — Подразумеваются император Петр I Великий и Екатерина II Великая.

[10] *Послал Я мудрость Соломона…* — Соломон — третий еврейский царь, легендарный правитель объединённого Израильского царства в 965—928 гг. до н. э., в период его наивысшего расцвета. Сын царя Давида, его соправитель в 967—965 гг. до н. э. Традиционно считается автором «Книги Екклезиаста», книги «Песнь песней», «Книги Притчей Соломоновых», а также некоторых псалмов.

[11] *…Парнас…* — Парнас — священная гора в Греции, связанная, подобно Олимпу, Гилекону, с мифическими сказаниями и известная местонахождением у её подножия дельфийского оракула. В одической традиции — символ поэтического творчества, место обитания Муз.

L. РАДОСТНАЯ ПЕСНЬ ВО СЛАВУ БЕССМЕРТНЫХ ПОДВИГОВ ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО, ВОССТАНОВИТЕЛЯ ЦАРЕЙ И ЦАРСТВ, ПОКОЯ И БЛАГОДЕНСТВИЯ ЕВРОПЫ, НА НИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ВРАГА И НИЗВЕРЖЕНИЕ ЕГО С ПОХИЩЕННОГО ИМ ТРОНА

(«Луна полкруга не свершила…»)
(С. 381)

В п е р в ы е: На взятие Парижа. Радостная песнь во славу бессмертных подвигов великого государя императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона, сочиненная Павлом Голенищевым-Кутузовым и изданная в 5-й день мая 1814. М.: При первом кадетском корпусе, 1814. (Ценз. разр. 5 июня 1814 г., статский советник и кавалер Иван Тимковский.)

П о д п и с ь в «Собрании…»: Павел Г. Кутузов.

Д а т и р у е т с я: не ранее 6 апреля — не позднее 5 мая 1814 г.

А в т о р: П. И. Голенищев-Кутузов.

[1] *Мой дух! Пари до облаков…* — В отдельном издании: Мой дух! Несись до облаков…

[2] *И шествию сему чудесну…* — В отдельном издании: И шествию его чудесну…

[3] *Войной кровавой многих лет…* — В отдельном издании: Кровавой бранью многих лет…

[4] *Ярмом тиранским отягчена…* — В отдельном издании: Ярмом тиранским угнетенна…

[5] *Возведши очи к небесам…* — В отдельном издании: Простерши длани к небесам…

[6] *Ко Северу простерла длани…* — В отдельном издании: На Север обращает взоры…

[7] *Прося защиты в лютой брани…* — В отдельном издании: Защиты просит и подпоры…

[8] *Химеру…* — Химера — в древнегреческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы, хвостом в виде змеи; порождение Тифона и Ехидны.

[9] *Царь, верой, правдой ополченный…* — В отдельном издании: Царь, верой, правдою возженный…

[10] *Уже с огромною столицей <…> Покорен, кроток и смирен.* — Речь идет о взятии Парижа в 1814 году.

[11] *…чад Эреба… — Согласно мифам,* Эреб со своей сестрой Нюктой породил Эфира, Харона Танатос, Гипноса, иногда к сыновьям Эреба и Нюкты относят также Онироса и Мома.

[12] *…оратаев…* — Оратай (устар.) — землепашец.

[13] *Британский бодрственный народ <…> Хранил Бурбонов славный род…* — Бурбоны — европейская королевская династия, младшая ветвь королевского дома Капетингов, происходящая от Роберта (1256—1317) графа Клермона, по жене сира де Бурбон. Вступили на французский престол с пресечением другой ветви Капетингов — династии Валуа — в 1589 г. (в лице Генриха IV Наваррского). В 1793 г. после казни Людовика XVI, правление Бурбонов во Франции прервалось. В 1795 г. в тюрьме умер малолетний Людовик XVII, а его правопреемник граф Прованский, провозглашенный эмигрантами королем Людовиком XVIII и его брат граф Артуа, впоследствии король Карл X, нашли пристанище в Англии, откуда вернулись в 1814 г.

[14] *Царь россов их зовет ко трону…* — См. примеч. 13, с. 606—607.

[15] *Что все стихии так в волненье…* — В отдельном издании: Что стихии в таком волненье…

[16] *К блаженству царь великий дан!* — В отдельном издании: К блаженству царь толь мудрый дан!

[17] *Вас целый мир не победит!* — В отдельном издании: И вас никто не победит!

[18] *С небес Астрею призывает…* — Астрея — в древнегреческой мифологии богиня справедливости. С помощью весов она взвешивала судьбы людей. По преданию, является дочерью Зевса и Фемиды, а также сестрой Стыдливости. Во времена Золотого века она жила на земле, среди людей. Однако с пришествием железного века люди стали жить грабежом, и даже приязнь между братьями стала редкостью. Видя это, Астрея последней из божеств покинула землю и вознеслась на небо, где с ней связывается созвездие Девы.

В. Киселёв

LI. НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ОПОЛЧЕНИЯ

(«России мощные сыны миролюбивы…»)

(С. 387)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 12. № 10. С. 154, с заглавием: «На возвращение ополчения», подписью: граф Д. Хвостов.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Граф Д. Хвостов.

Д а т и р у е т с я: не позднее 10 февраля 1814 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: Д. И. Хвостов.

[1] *…Сейна…* — Река Сена.

LII. ОДА НА ВСЕРАДОСТНОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПОКОРЕНИИ ПАРИЖА

(«Раздался гром из жерл медяных…»)
(С. 388)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 13. № 17. С. 183. С примечанием: «Ода сия поднесена Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне, и удостоилась Всемилостивейшего восприятия».

Подпись в «Собрании…»: Капнист.

Д а т и р у е т с я: 1—16 апреля 1814 г.

А в т о р: В. В. Капнист.

[1] *Потрясшей целый мир державы…* — В публикации СО: Потрясшей целый мир Державы…

[2] *Низверг Он, изверга, стремглав…* — В публикации СО: Низверг Он, — изверга, — стремглав…

[3] *К спасенью всех земных держав…* — В публикации СО: К спасенью всех земных Держав…

[4] *Великого царя — великой…* — В публикации СО: Великого Царя — Великой

[5] *Он на престоле — человек…* — В публикации СО: Он на Престоле — человек…

[6] *…профира* — Порфира — верхняя торжественная одежда правителя.

[7] *…крину…* — Крина — лилия (книжн., поэт., устар.).

[8] *Орел полнощный! Возносися…* — В публикации СО: Орел полнощный! возносися…

[9] *Отцом твоим царем гордися…* — В публикации СО: Отцом твоим — Царем гордися…

[10] *И плод, достойнейший побед!* — В публикации СО: И плод, достойнейший — побед!

LIII. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ И СЛАВА АЛЕКСАНДРА I

(«Конец победам! Богу слава!»)
(С. 390)

В п е р в ы е: Освобождение Европы и слава Александра I. Стихотворение Н. Карамзина, посвященное московским жителям. Второе издание. Продается в пользу С. П. Б. женского патриотического общества. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1814 (ценз. разр. 19 июня 1814, ст. сов. и кав. Иван Тимковский). На с. 3—4 посвящение: «С вами, добрые москвитяне, провел я четверть века и лучшее время моей жизни; с вами видел грозу над сею столицею Отечества; с вами ободрялся великодушием достойного нашего градоначальника; с последними из вас удалился от древних стен Кремлевских — и с вами хожу ныне по священному пеплу Москвы, некогда цветущей. Сердце мое принадлежит вам более, нежели когда-нибудь. Во дни тревоги и бедствий видел я вашу доблесть: лица горестные, но ознаменованные твердостию; слезы, но слезы умиления, всегда исчисляемые Отцом небесным: они были для тирана Европы гибельнее самого оружия героев российских. Примите жертву моей искренности. Счастлив буду, если, пользуясь остатком дней моих и способностей, успею изобразить на скрижалях истории чудесную, беспримерную славу Александра I и нашу: ибо слава Монарха есть народная». Все примечания к стихотворению напечатаны отдельно на с. 23.

Д р у г и е и з д а н и я: Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 12 (июнь). С. 258—271; с примечанием: «Оно (стихотворение. — *Н. Н.*) напечатано особливо в Москве и посвящено московским жителям с кратким предисловием. Мы уверены, что доставим удовольствие и пользу,

напечатав в Вестнике новое стихотворение нашего славного автора»; *Карамзин Н. М.* Сочинения. М., 1820. Т. 1. С. 241—262.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Карамзин.

Д а т и р у е т с я: пер. пол. 1814 г.

А в т о р: Н. М. Карамзин.

[1] *Quae homines arrant… (Саллустий)* — Перевод: Что создано людьми, все плуги, корабли, постройки, служит добродетели (*Н. Н.*). Саллюстий (86 — ок. 35 г. до н. э.) — древнеримский историк.

[2] *Лишь небо Богу уступал…* — Примеч. автора в отдельном издании и в публикации ВЕ: На одной медали Наполеона времени изображено всевидящее око с надписью: *Тебе небо, мне земля.*

[3] *Стоит против двоих один!* — Примеч. автора в отдельном издании и в публикации ВЕ: Уверяют, что Французов было 180,000, а наших 90,000, кроме Московского ополчения, не бывшего в деле.

[4] *Тебя мы в пепел обратим!* — Примеч. автора в отдельном издании и в публикации ВЕ: Очевидцы рассказывают, что Каретный и Москотильный ряды зажжены рукою самих лавочников, также и многие дома хозяйскою.

[5] *Бежит!.. Но Бог с седым героем…* — Примеч. автора: Князем Смоленским.

[6] *И Бога гнева укротил…* — Примеч. автора в отдельном издании и в публикации ВЕ: Читатели помнят о сем умилительном священном действии на месте, где варвары убили Людовика LVX.

[7] *От них — Наполеона нет!..* — Примеч. автора в отдельном издании и в публикации ВЕ: Если бы Наполеон злодействовал не в просвещенные, а в варварские времена, то он мог бы умереть в величии.

LIV. НА ПОСЛЕДНИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В ЕВРОПЕ

(«У тихих вод Москвы пернатых обладатель…»)
(С. 402)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. 4. 14. № 24. С. 200—201. заглавием: «Стихи на последние происшествия в Европе» и подписью: «15 апреля 1814 г. С. Петербург».

П о д п и с ь в «Собрании…»: (Из Сына Отеч.)

Д а т и р у е т с я: 15 апреля 1814 г.

А в т о р: не установлен.

[1] *Прияты раны им стократно отмщевать…* — В публикации СО: Прияты раны им стократно отмщевает…

[2] *И выспрь торжественно парит…* — Выспрь — ввысь.

LV. НАДПИСИ К ПОРТРЕТУ АЛЕКСАНДРА I

(1. «Дарами мужества и мудрости обилен…»)
(С. 403)

В п е р в ы е: Сын Отечества, 1814. Ч. 13. № 18. С. 224. С датой после текста: «Апр. 15. 1814».

П о д п и с ь в «Собрании…»: А. Х.

Д а т и р у е т с я:15 апреля 1814 г.
А в т о р: предположительно А. С. Хвостов.

(2. «Муж твердый в бедствиях и скромный победитель…»)
(С. 403)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 22. № 45. С. 98. С подписью: «Из Сев.<ерной> почты».
П о д п и с ь в «Собрании…»: Кн. Вяземский.
Д а т и р у е т с я: май 1814 г.

А в т о р: П. А. Вяземский.

[1] *Муж твердый в бедствиях и скромный победитель…* — В публикации СО: Муж твердый в бедствиях и скромный Победитель…

К ИЗОБРАЖЕНИЮ БЕСПРИМЕРНОГО ВО ВЛАДЫКАХ АЛЕКСАНДРА I

(«Боголюбивый царь, и царь, любимый Богом…»)
(С. 403)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 14. № 23. С. 151.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Ф. Кокошкин.
Д а т и р у е т с я: 1814.

А в т о р: Ф. Ф. Кокошкин.

[1] *Освободивый днесь полсвета от оков!..* — В публикации СО: освободивый днесь полсвета от оков,..
[2] *Ты выше всех похвал, ты выше всех венцов!..* — В публикации СО: ты выше всех похвал, ты выше всех венцов,..

LVI. АЛЕКСАНДРУ ПЕРВОМУ ПО ВЗЯТИИ ПАРИЖА

(«Величеством Своим, как солнце в свете, ясен…»)
(С. 404)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 13. № 17. С. 186, с заголовком «Стихи Александру Первому по взятии Парижа».
П о д п и с ь в «Собрании…»: А. С. … в.
Д а т и р у е т с я: 1—17 апреля 1814 г.

А в т о р: не установлен.

LVII. ТОРЖЕСТВО ВЕРЫ И ДОБРОДЕТЕЛИ

(«Составил пагубную цепь злодей…»)
(С. 405)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814 (1813). Ч. 26. № 4. С. 74—75.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Овдулин.

Д а т и р у е т с я: 1813 г.

А в т о р: Н. Овдулин.

[1] *Но Вера, дар Небес бесценный…* — В публикации РВ: Но вера, дар небес бесценный…
[2] *Явилася в Тебе, российский Александр, / И цепь разорвалась, грозившая Вселенной…* — В публикации РВ: Явилася в Тебе, Российский Александр; / И цепь разорвалась, грозившая вселенной!..

LVIII. К ПОРТРЕТУ СВЕТЛЕЙШЕГО КНЯЗЯ ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКОГО

(«Кутузов! Образ твой Россия и вселенна…»)
(С. 406)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 66. № 23 (декабрь). С. 197. Под заголовком: «К портрету Светлейшего Князя».
П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. И. Писарев.
Д а т и р у е т с я: 1812 г.

Автор: Н. Д. Иванчин-Писарев.

[1] *Ты истребителя Вселенной истребитель!..* — В публикации ВЕ: Ты истребителя вселенной истребил!..

К ПОРТРЕТУ ЕГО ЖЕ

(«Кто нагло унижал народы и царей…»)
(С. 406)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 22. № 5. С. 81.
П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Колосов.
Д а т и р у е т с я: 1813.

А в т о р: В. М. Колосов.

LIX. К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ВИТГЕНШТЕЙНА

(«Сей вождь российских сил, французам столь опасный…»)
(С. 407)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 66. № 21/22. С. 16. С подписью: «Николай Иванчин-Писарев»; примечанием к ст. 2: «Удино, Французский Фельдмаршал, предводительствовавший отборными войсками, по храбрости своей искусству назван непобедимым, к тому ж никем и никогда до сих пор не был разбит».
П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. И. Писарев.
Д а т и р у е т с я: 1812 г.

А в т о р: Н. Д. Иванчин-Писарев.

См. примечания к стихотворениям: «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества 1812 года, во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского посвящает Державин», «Стихи по прочтении манифеста от 3 ноября 1812 года и вслед за ним известия от светлейшего князя Кутузова-Смоленского 7-го и 8-го числ того же ноября», «Стихи графу Витгенштейну на одержанные им над французами победы», «К портрету графа Витгенштейна», «На новую победу российских войск, одержанную под начальством графа Витгенштейна»,«Храм славы истинных героев».

LX. К ПОРТРЕТУ ГЕНЕРАЛА КУЛЬНЕВА

(«Се образ Кульнева, чей меч в боях сверкал…»)
(С. 408)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. Ч. 66. № 21/22. С. 16. С подписью: «Николай Иванчин-Писарев» и примечанием к ст. 4: «Сен-Женье, пленный Французский Генерал, услышав в Москве о смерти Кульнева, залился слезами и сказал: «Сей храбрый Муж, коего неустрашимость засвидетельствуют все войска, с ним сражавшиеся, сей истинный Герой, во время самого жаркого сражения спас мне жизнь, не допустив разъяренных солдат умертвить меня».

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. И. Писарев.

Д а т и р у е т с я: 1812 г. (вероятно, написано в связи со смертью Я. П. Кульнева 20 июля (1 августа) 1812 г.).

А в т о р: Н. Д. Иванчин-Писарев.

LXI. К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

(«Он славою своей был одолжен — себе…»)
(С. 409)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1813. Ч. 21. № 1. С. 95. С пометой: «Стихи «Песнь Отечеству» будут помещены во второй книжке «Русск.<ого> Вестн.<ика>».

П о д п и с ь в «Собрании…»: К. Ш-в

Датируется: конец 1812 г. (вероятно, написано, в связи с днем смерти П. И. Багратиона: 12 (24) сентября 1812 г.) — начало 1813 г. (ценз. разр. РВ — январь 1813 г.)

А в т о р: П. И. Шаликов.

LXII. СТИХИ ГЕНЕРАЛУ РАЕВСКОМУ

(«Великодушный русский воин…»)
(С. 410)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 20. № 10. С. 79—81 — с заглавием: «Стихи генералу Раевскому», без подписи.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 13 октября 1812 г. (по ценз. разр. РВ).

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Вера твоя спасет тя!* — Цитата из Евангелия (Мф. 9:22).

[2] *Мы Россы! … умирать, умрем…* — Примеч. автора: Никогда, нигде никакое Русское сердце не забудет слов Героя Раевского, который, с двумя своими юными сынами став впереди Русских воинов, вещал: «Впредь, ребята! за Веру и за Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь».

[3] *Не страшен Россам к смерти путь…* — Примеч. автора: Рассказывают, что когда полки Генерала Докторова пришли на смену утомленных воинов генерала Раевского, сии последние сказали: «Мы не устали; дайте нам биться; рады все умереть».

LXIII. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

(«Вспомним, братцы! Россов славу…»)
(С. 411)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1814 (1813). Ч. 26. № 6. С 19—26.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Федор Глинка.
Д а т и р у е т с я: 1814.

А в т о р: Ф. Н. Глинка.

[1] *Лучше смерть, чем в рабстве жить!* — В публикации РВ строка выделена разрядкой.

LXIV. ТРИ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

(1. «Станем, братья, собираться…»)
(С. 412)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 14. № 14. С. 201—202, с заглавием: «Песнь народная», без подписи.
П о д п и с ь в «Собрании…»: (Из Сына Отеч.)
Д а т и р у е т с я: не позднее 12 мая 1814 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: неизвестен.

[1] *Видно Небесам угоден / Наш Надежа-Государь; / Он у нас на все способен:* — В публикации СО: Видно небесам угоден / Наш надежа-Государь; /Он у нас на все способен,

(2. «За горами, за долами…»)
(С. 412)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 9 (май) С. 79—82. С подзаголовком: «(На голос: За горами, за долами.)» и примечанием: «Подражание французской, напечатанной в первой книжке Вестника 1813 года».
П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Чёрная слобода.
Д а т и р у е т с я: не позднее 20 апреля 1814 г. (по ценз. разр. ВЕ).

А в т о р: И. М. Коваленский.

[1] *Вздумал, бросив экосезу…* — Экосез (фр. Écossaise «шотландка») — шотландский народный танец.

[2] *Старый алеманд!…* — Алеманд — танец, распространенный в XVII—XVIII вв., вероятно, немецкого происхождения, на что указывает его название (от французского allemande — немецкий).

[3] *Марганул он коленкуру…* — Генерал О. Ж. Г. де Коленкур (1777—1812), начальник главной квартиры Наполеона в период русской кампании 1812 г., убит в Бородинском сражении.

[4] Подпись. *С. Черная слобода…* — Село на юго-востоке Рязанской области.

(3. «Пойте, радуйтесь, ребята!»)
(С. 415)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. 4. 14. № 26. С. 283, с заглавием: «Народная песня», с подписью: В. Пушкин.

П о д п и с ь в «Собрании…»: В. Пушкин.

Д а т и р у е т с я: не позднее 12 мая 1814 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: В. Л. Пушкин.

[1] *Что жег матушку Москву!* — В публикации СО: Что жег Матушку Москву!

LXV. ПЕСНЬ РУССКИХ ПОСЕЛЯН РУССКИМ ВОИНАМ

(«Братья наши в ратно поле…»)
(С. 416)

В п е р в ы е: Русский вестник. 1812. Ч. 19. № 8. С. 13—18. С пометой после текста: «1 июля 1812. Москва» и примечанием к ст. 20 на с. 16: «В земле Французской, по крайнему недостатку хлеба, кормится теперь народ похлебкою, вываривaемою из говяжьих, бараньих, телячьих и прочих огложенных костей. Некто добрый человек Румфорд выдумал сию похлебку для нищих. У нас в России, по милости Божией, и нищие едят такой же хлеб, как и прочие православные. Не порицаем французов, что у них по недостатку хлеба, кормятся костяною похлебкою; но жалеем, что они из куска хлеба должны мыкаться и нести головы свои на смертный бой. Бог сохранял нас доселе от такой напасти! Ни мы, ни предки наши не ходили по чужим землям пожирать то, чего не сеяли. И доколе сохраним Веру и верность, Бог будет посылать все нужное для продовольствия народного, и силу на врагов неправедных».

П о д п и с ь в «Собрании…»: С. Г.

Д а т и р у е т с я: 1 июля 1812 г.

А в т о р: С. Н. Глинка.

[1] *Рай житье нам в деревнях. / Рай житье свое родное…* — В публикации РВ: Рай, житье нам в деревнях. / Рай, житье свое родное…

[2] *Грудь железна есть на злобных…* — В публикации РВ: Грудь, железо есть на злобных…

[3] *Царь-отец! Мы отомстим!* — В публикации РВ: Царь-Отец, мы отомстим!

LXVI. ПЕСНЬ ДОНСКОМУ ВОИНСТВУ

(«Грянул незапно гром над Москвою!»)
(С. 418)

В п е р в ы е: не установлено.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. Шатров.
Д а т и р у е т с я: 1812.

А в т о р: Н. М. Шатров.

[1] *Матери Божьей с нами Икона…* — Икона Казанской Богоматери.
[2] *И Михаил.* — М. И. Кутузов.
[3] *Встанем, как горы, на Упертии…* — Уперть — Упёрта — река в Тульской области, вблизи поворота на Куликово поле.

LXVII. ПЕСНЯ РАТНИКОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ

(«Не труба трубит звонка золота…»)
(С. 421)

В п е р в ы е: не установлено.
П о д п и с ь в «Собрании…»: М. Щулепников
Д а т и р у е т с я: не установлено.

А в т о р: М. С. Щулепников.

LXVIII. НАПОЛЕОНОВ БОСТОН

(«Наполеон, открыв любимый свой *бостон*…»)
(С. 423)

В п е р в ы е: Наполеонов бостон. СПб.: В медицинской типографии, 1813. (Ценз. разр. 28 марта 1813, ст. сов. и кав. Иван Тимковский.) Подпись: Яков Пожарский.
П о д п и с ь в «Собрании…»: Яков Пожарский.
Д а т и р у е т с я: не позднее 28 марта 1813 г.

А в т о р: Я. О. Пожарский.

[1] *Бостон* — Карточная игра, похожая на вист.
[2] *Играя гран-мизер, он ставил бет за бетом…* — Гран-мизер уверт — игра с открытыми картами и без взяток; бет (лабет) — недобор взяток.
[3] *… на ренонсах призы…* — Ренонс — положение, когда, не имея требуемой масти, сбрасывают другую пустую карту.
[4] *Ремиз* — Ставка за сдачу каждого тура.
[5] *…на мелок…* — Играть на мелок — делать ставки, не имея наличных.
[6] *…надеяся на сюры…* — Сюркуп — перебитие козыря при ходе в некозырную масть, отсутствующую у остальных игроков.

[7]*… и без онер …* — Онера — почетная карта.

[8]*… вист совершенной…* — Гарантированный вист — комбинация карт, обеспечивающая взятку в игре.

[9] *…сыграл двенадцать и шапо…* — Двенадцать — прием в игре, когда игрок набирает максимальное количество карт; шапо — очевидно, маневр Дешапеля, когда игрок жертвует старшей картой в надежде найти у партнера вторую и передать ему право хода.

[10] *…марки и ремизы…* — Марка — единицы расчета, ставки; ремиз — здесь: штраф.

[11] *Фурлет* — Ямщик, возница (диалектн.).

LXIX. АКРОСТИХ

(«Нерона злобнее, Калигулы гнуснее…»)
(С. 425)

В п е р в ы е: Вестник Европы. 1812. № 23—24. С. 197.

П о д п и с ь в «Собрании…»: Н. И. Писарев.

Д р у г и е и з д а н и я: Знай русских! М.: В университетской типографии, 1813. С. 3—4 (с заглавием: «Акростих на новый 1813 год»). Ценз. разр. от 20 июня 1813 г.

Д а т и р у е т с я: 1812 г.

А в т о р: Н. Д. Иванчин-Писарев.

[1] *Европу в дику степь хотел преобразить…* — В публикации ВЕ: Европу в дику степь хотел преобратить…

LXX. НАДПИСЬ КОРОНОВАВШЕМУСЯ ЖЕЛЕЗНОЙ КОРОНОЙ

(«В железном ты венце, с железною державой…»)
(С. 426)

В п е р в ы е: Знай русских! М.: В университетской типографии, 1813. С. 10. Без подписи. Ценз. разр. от 20 июня 1813 г.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 20 июня 1813 г.

А в т о р: не установлен.

[1] Примеч. автора: *Железная корона (La couronne de fer) есть та самая, которою некогда короновался Шарлемань. Сия корона, будучи отыскана, — вероятно между старым, заржавленным железом, увенчала голову бывшего правителя Французов в день его так называемой коронации; и он, по пристрастию своему к железу, учредил орден Железной короны.* — Шарлемань — Карл Великий — увенчал себя Железной короной Лангобардов, завоевав в 774 г. Ломбардское королевство; после чего она стала атрибутом власти германских императоров. По преданию, внутри золотого обруча, украшенного драгоценными камнями, находится железная вставка, выплавленная из гвоздя, которым распяли Христа. В настоящее время корона находится в храме Иоанна Крестителя в Монце (Италия).

LXXI. НАДГРОБИЕ ФРАНЦУЗАМ НА РУСИ

(«Великой нации сыны непобедимы…»)
(С. 427)

В п е р в ы е: Знай русских! М.: В университетской типографии, 1813. С. 16. Без подписи. Ценз. разр. от 20 июня 1813 г.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 20 июня 1813 г.

А в т о р: не установлен.

LXXII. СОВЕТ РУССКОГО ФРАНЦУЗАМ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(«Чу!.. И к нам уж налетела…»)
(С. 428)

В п е р в ы е: Знай русских! М.: В университетской типографии, 1813. С. 5—7. Без подписи. Ценз. разр. от 20 июня 1813 г.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 20 июня 1813 г.

А в т о р: не установлен.

[1] *Инда свет затуманеет…* — инда, индо — так, что даже (нар., разг).

LXXIII. ЗАВЕЩАНИЕ Н. БОНАПАРТЕ

(«Предчувствуя мою кончину…»)
(С. 430)

В п е р в ы е: Сын Отечества. 1814. Ч. 13. № 16. Второе прибавление № XXXII (20 апреля). С. 8.

П о д п и с ь в «Собрании…» отсутствует.

Д а т и р у е т с я: не позднее 19 апреля 1814 г. (по ценз. разр. СО).

А в т о р: А. Е. Измайлов.

Н. Никонова

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ»

1. Аврамов Матфей (Матвей Абрамович (Матфей Авраамович) Знаменский (178?—182?)) — московский протоиерей, сочинитель патриотических стихотворений.
2. Аргамаков Александр Васильевич (1776—1833) — представитель древнего дворянского рода, выпускник Московского благородного пансиона, полковник Преображенского полка, в 1812 г. командир егерского полка Московского ополчения; активную литературную деятельность начал с 1790-х гг., его переводные и оригинальные стихотворения публиковались в «Приятном и полезном препровождении времени».
3. Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт, литературный и художественный критик, переводчик, основоположник русского романтизма. В 1807 г. записался в народное ополчение и в качестве сотенного начальника милиционного батальона отправился в Прусский поход. В сражении под Гейльсбергом был тяжело ранен, однако остался в армии и в 1808—1809 гг. участвовал в войне со Швецией. Выйдя в отставку, целиком посвятил себя литературному творчеству. Во время событий 1812 г. К. Н. Батюшков, из-за болезни не ушедший в действующую армию, испытал на себе «все ужасы войны», «нищету, пожары, голод», что нашло свое отражение в «Послании к Д. В. Дашкову» (1813). В 1813—1814 гг. участвовал в заграничном походе русской армии против Наполеона. Впечатления войны составили содержание многих стихов: «Пленный», «Судьба Одиссея», «Переход через Рейн» и др.
4. Бланк Борис Карлович (1769—1826) — можайский дворянин, его сентиментальная поэзия печаталась в «Московском Зрителе», «Аглае» и «Дамском журнале».
5. Бунина Анна Петровна (1774—1829) — популярная поэтесса и переводчица трактатов Батте и Буало, ее первые стихотворные опыты в духе сентиментализма относятся к тринадцатилетнему возрасту, поздние сочинения тяготеют к романтизму, с 1806 г. они начинают появляться в журналах. Деятельность ее связана с Российской академией и «Беседой любителей русского слова», к 1812 г. поэтесса уже была известна широкому кругу читателей благодаря своим авторским изданиям (Неопытная Муза. Ч. 1—2. СПб., 1809—1812; Сельские вечера, СПб., 1811).
6. Виноградов Михаил (Михайла) — московский поэт и прозаик, участник масонского круга М. И. Невзорова, с 1813 по 1815 гг. активно публиковался в журнале «Друг юношества и всяких лет».
7. Воейков Александр Федорович (1778—1839) — поэт, переводчик, журналист, издатель. Учился в Благородном пансионе при Московском университете (1791—1796). В 1796—1801 гг. находился на военной службе в конной гвардии, начал печататься в популярных изданиях. Член «Дружеского литературного общества», куда входили В. А. Жуковский, Андрей и Александр Тургеневы, А. Ф. Мерзляков, Андрей и Михаил Кайсаровы, Семен Родзянко. В 1812—1813 гг. находился в ополчении. Там Воейков примкнул к литературному кружку, сложившемуся вокруг походной армейской типографии при штабе Кутузова, во главе которой стоял А. С. Кайсаров. Воодушевленный победой России, Воейков создал стихотворения «К отечеству» и «Князю Голенищеву-Кутузову Смоленскому», которые, возможно, предназначались для отдельной публикации в походной типографии. В послевоенные годы принимал активное участие в литературных полемиках (сатира «Дом сумасшедших»), был членом общества «Арзамас» (прозвище «Дымная печурка»).

8. Волков Григорий — московский поэт, публиковался в «Журнале российской словесности» («К дружбе», 1805), «Друге юношества и всяких лет» («Стихи сына на смерть матери», 1813; «На случай грома», 1814 и др.), «Вестнике Европы» («К Отечеству», 1815; «К моей будущей невесте», 1817 и др.), «Русском вестнике», издал ряд стихотворений отдельными брошюрами.
9. Волкова Анна Алексеевна (1781—1834) — санкт-петербургская поэтесса. Получила домашнее образование. В 1794—1796 гг. публикует цикл стихов о сельской жизни. Позднее писала многочисленные оды, в том числе на коронацию императора Павла I (СПб., 1796). В 1807 г. по инициативе покровителя поэтессы А. С. Шишкова и с его предисловием вышли «Стихотворения девицы Волковой»; в 1812 г. опубликована книга ее анакреонтической поэзии «Арфа стихогласная». В 1817 г. избрана в почетные члены «Беседы любителей российской словесности».
10. Востоков Александр Христофорович (Остенек) (1781—1864) — известный филолог-русист, автор работ по фонологии, истории славянских языков, этимологии; поэт и переводчик, член «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств»; в 1805—1806 гг. выпустил сборник своих стихов под заглавием «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах», в 1820—1840-х гг. хранитель славянских рукописей старший библиотекарь Румянцевского музея.
11. Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, князь.
12. Глебов Дмитрий Петрович (1789—1843) — поэт, переводчик. Родился в Москве. Из старинного дворянского рода. Учился в Московском университетском благородном пансионе. Служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Первые стихи напечатаны в 1807 г. В 1810—1816 гг. опубликовал ряд патриотических од, в том числе о событиях Отечественной войны 1812 г., в которой принимал участие. Отдельными изданиями вышли «Сражение при Бородине», «Певец в кругу россиян», «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» (все опубликованы: М., 1813). В 1817—1827 гг. постоянно помещал стихи в периодических изданиях («Вестник Европы», «Сын Отечества»). Был связан дружескими и родственными связями (его мать — урожд. Кошелева) с широким кругом московских писателей, преимущественно карамзинистов: М. Н. Макаров, П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин, А. И. Кошелев. Свои стихи Глебов выпустил позднее отдельным сборником под заглавием «Элегии и другие произведения» (М., 1827).
13. Глинка Сергей Николаевич (1776—1847) — мемуарист, поэт, прозаик, драматург, переводчик, журналист, издатель. Брат декабриста Ф. Н. Глинки. В судьбе Глинки важную роль сыграла Екатерина II, определившая его, сына отставного гвардейского офицера, в Сухопутный Шляхетский корпус. В 1795 г. он окончил корпус и назначен адъютантом кн. Ю. В. Долгорукова в Москве. Через два года переведен в полк под командованием М. И. Кутузова. В 1799 г. был включен в состав дополнительных частей, направленных на помощь А. В. Суворову в Австрию и Италию. Но принять участие в боях Глинке не пришлось — когда он прибыл к границе, война уже окончилась. В 1800 г. в чине майора он вышел в отставку. Два года учительствует на Украине. В 1807 г. вступил в ополчение и был бригад-майором Сычевской дружины. Во время войны в 1812 г. одним из первых вступил в ополчение, пожертвовал на нужды обороны 3000 рублей, полученные от Александра I как поощрение его литературной деятельности в «Русском вестнике», для антифранцузской пропаганды. Писать он начал еще в корпусе, поощряемый наставниками (послания, стихи, посвященные торжественным датам, и т. п.). В 1806 г. Глинка перевел и выпустил «Юнговы ночи в стихах», до 1820 г. дважды переизданные. После окончания корпуса он пробует силы в драматургии — переделывает прозаические тексты в оперные либретто, а затем и в драмы для театра Медокса в Москве («Наталья, боярская дочь» по повести Н. М. Карамзина (1805), «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806), «Михаил, князь Черниговский» (1808), «Минин» (1809). Много времени уделял изучению прошлого, в начале 1810-х гг. издал свою «Русскую историю». Особое место в биографии Глинки занимает издание «Русского вестника». На его страницах писатель выступил за самобытное развитие России, предупреждал о политической и военной

угрозе со стороны бонапартистской Франции. В публицистике Глинки периода «Русского вестника» своеобразно переплелись национальный традиционализм и дух свободомыслия, независимости. Позиция Глинки существенно отличалась от официальной. Расцвет журнала пришелся на период войны 1812 г. По словам П. А. Вяземского, журнал тогда «облекся в плоть и кровь». С окончанием войны журнал утратил популярность, и слава его стала угасать. В 1820 г. Глинка прекратил издание. Попытка возобновить его в 1824 г. успеха не имела. В 1828 г. Глинка, стесненный в средствах, поступает цензором в Московский цензурный комитет. В 1830 г. за пропуск фельетона «Утро в кабинете знатного барина» в «Московском телеграфе» он был отстранен от должности цензора. Историю своей жизни Глинка описал в «Записках» (посмертно изданных в 1895 г.).

14. Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, публицист, офицер, участник декабристских обществ; брат С. Н. Глинки. Воспитание получил в первом кадетском корпусе. В 1805—1806 гг. состоял адъютантом при М. А. Милорадовиче, участвовал в походе против французов и был при Аустерлице. В 1807 г. был сотенным начальником дворянского ополчения. В 1812 г. опять поступил в армию адъютантом к Милорадовичу и находился в походе до конца 1814 г. Вернувшись в Россию, издал отдельной книгой «Письма русского офицера» (М., 1815—1816, 2-е изд. М., 1870, впервые опубликованы в «Русском вестнике»). Эти письма принесли ему литературную известность. В 1816 г. переведен в гвардию, в Измайловский полк, с прикомандированием к гвардейскому штабу. В это время при штабе образовались библиотека и «Общество военных людей», а вскоре начал выходить и «Военный журнал», редактором которого был Глинка. Большое участие он принимал и в Вольном обществе любителей российской словесности, где состоял то вице-председателем, то председателем. Участвовал в деятельности тайного декабристского «Союза спасения», затем вместе с М. Ф. Орловым и А. Н. Муравьёвым основал «Союз благоденствия северных рыцарей», но скоро отстал от общества. Тем не менее восстание декабристов 14 декабря отразилось и на нем: в 1826 г. он был исключён из военной службы и сослан в Петрозаводск. Здесь он был определён советником олонецкого губернского правления (в 1826 г. в Санкт-Петербурге вышли и его «Опыты священной поэзии»), в 1830 г. переведен в Тверь, где женился на А. П. Голенищевой-Кутузовой, а в 1832 г. — в Орёл. В 1835 г. он вышел в отставку и поселился в Москве, где в 1839 г. вышли его «Духовные стихотворения». В 1862 г. переселился в Тверь, занимался там археологией и принимал участие в общественных делах.

15. Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829) — писатель, переводчик, племянник М. И. Голенищева-Кутузова. В 1776—1798 гг. служил в пехотных полках и во флоте, участвовал в ряде крупных военных кампаний. В декабре 1796 г. произведен в полковники. В 1798 г. перешел на гражданскую службу, получил чин действительного статского советника и через посредство влиятельных масонов назначен куратором Московского университета (до 1803 г.). Позднее был сенатором и попечителем Московского учебного округа и университета. Начал писать в годы военной службы (оды, сатиры и эпиграммы, переводы Э. Грея и Дж. Мильтона). С начала 1800-х гг. активно участвовал в литературной борьбе. А. С. Шишков и близкие к нему критики пытались утвердить авторитет Голенищева-Кутузова как писателя в противовес литераторам карамзинского лагеря. В 1803—1804 гг. издал три книги «Стихотворений» (в 1810 г. — четвертую), куда вошли оригинальные сочинения и переводы. В 1804—1806 гг. вместе с гр. Д. И. Хвостовым и гр. Г. С. Салтыковым издавал журнал «Друг просвещения» — орган литераторов-архаистов. С января 1811 г. почетный член Петербургской академии наук, в том же году избран почетным членом «Беседы любителей русского слова». Свое служебное положение Голенищев-Кутузов использовал для нападок на Н. М. Карамзина, в преддверии войны 1812 г. приобретших политический характер. В годы Отечественной войны и заграничных походов опубликовал целую серию патриотических од. В декабре 1816 г. был отставлен от должности попечителя, а в июле 1821 г. отрешен и от Сената. В последние годы жизни занимался «писательством для себя».

16. Горчаков Дмитрий Петрович (1758—1824) — поэт, драматург-сатирик, член Российской академии и «Беседы любителей русского слова»; автор ряда комических опер, подражания «Страданиям юного Вертера» И. В. Гёте.
17. Грамматин (Грамотин) Николай Федорович (1786—1827) — поэт, переводчик, филолог. Из небогатой дворянской семьи Костромской губернии. Выпускник Московского университетского благородного пансиона. Печатал переводные и оригинальные стихи в пансионских изданиях «Утренняя заря», «И отдых в пользу». За «Рассуждение о древней русской словесности» (М., 1809) получил ученую степень магистра. В 1811 г. публикует первое собрание своих стихотворений («Досуги». Ч. 1. СПб.) и вступает в члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а также сближается с литераторами из «Беседы любителей русского слова». Литературные позиции Грамматина близки фольклорно-эпическому стилю Мерзлякова и реализуются в оригинальной балладе «Услад и Всемила» (1810), в стилизованных «народных песнях», где «чувствительная» поэтичная лексика «карамзинистов» сочетается с церковнославянизмами «архаистов».
18. Державин Гаврила Романович (1743—1816) — поэт, писатель, критик, великий представитель русского классицизма, в начале XIX в. активный член «Беседы любителей русского слова».
19. Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, писатель, переводчик, критик, журналист, родоначальник романтизма в России.
20. Замыслов Павел — студент Московской духовной академии, участник масонского круга М. И. Невзорова, в 1812 г. опубликовал в журнале «Друг юношества и всяких лет» несколько стихотворений.
21. Знаменский М. А. (см. Матфей Аврамов).
22. Иванов Федор Федорович (1777—1816) — родился в семье обедневшего генерал-майора, бывшего приближенного императрицы Елизаветы. Обучался в гимназии при Московском университете. В 1794 г. был выпущен во второй морской полк капитаном и принял участие в морской кампании против Швеции. В 1797 г. вышел в отставку, однако материальные трудности заставили его через два года вернуться на службу, на этот раз в один из московских департаментов. Писать начал достаточно поздно поздно: около 1803 г. он попал, на правах ученика и дилетанта, в кружок А. Ф. Мерзлякова. Одновременно начали развиваться его театральные интересы. Он сблизился с известными актерами и с театральным кружком Сандуновых. Перевел с французского трагедию Ламартельера «Робер, атаман разбойников» (русское название — «Разбойники») и написал оригинальную трагедию «Марфа Посадница», а также пьесу «Семейство Старичковых». Поэтическое творчество Иванова имело в первую очередь сатирический характер и распространялось в рукописях. Архив писателя погиб в огне московского пожара, заодно уничтожившего и все остальное его бедное имущество. Последние годы он провел почти в нищете и умер, оставив без всяких средств семью. В 1815 г. выпускал, вместе с А. Ф. Мерзляковым и С. В. Смирновым, журнал «Амфион». Его «Сочинения и переводы» были изданы в 1824 г. с приложением биографии, написанной Мерзляковым (Сочинения и переводы Ф. Ф. Иванова, действительного члена Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете, изданные оным обществом в четырех частях с портретом автора. М., 1824).
23. Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790—1849) — поэт и прозаик, из московского дворянства, принадлежал к литературному кружку И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова и М. Т. Каченовского; сотрудничал в «Аглае», «Вестнике Европы» (с 1814), «Сыне Отечества», «Северной пчеле», во многих альманахах 1820-х и 1830-х гг. и почти во всех московских журналах. Первый из трех сборников его стихов вышел в 1819 г.
24. Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — баснописец, прозаик, журналист и издатель; выпускник Горного кадетского корпуса; член «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». В 1809—1810 гг. издавал журнал «Цветник», в 1812 г. — газету «Санкт-

Петербургский вестник». Первое печатное произведение — перевод стихотворения Ф. Малерба «Смерть» (1798). В романе «Евгений, или Пагубные следствия плохого воспитания и сообщества» (1799—1801) он продолжал традиции нравоописательного романа и сатирической журналистики XVIII в. Его перу принадлежат сентиментальная повесть «Бедная Маша. Российская, отчасти справедливая, повесть» (1801) и восточная повесть морально-назидательного характера «Ибрагим и Осман, или Трудись, делай добро и будешь счастлив» (1806). Однако главное место в творчестве Измайлова занимают басни, печатавшиеся с 1805 года и пользовавшиеся у современников большим успехом.

25. Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830) — писатель, журналист, цензор. Получил хорошее домашнее образование, служил в лейб-гвардии Семеновском полку, вышел в отставку премьер-майором. В 1799 г. продал имение, купил библиотеку, совершил путешествие по южной России. В 1805 г. открыл в своем имении пансион для мальчиков, за что впоследствии был награждён орденом св. Владимира четвёртой степени. С 1827 г. замещал должность цензора в Московском цензурном комитете. В «Приятном и полезном препровождении времени» его учителя В. С. Подшивалова появилась одна из первых повестей Измайлова: «Ростовское озеро» (1795), затем в этом журнале, а также в «Аонидах» и «Вестнике Европы» публиковались и другие его сочинения. «Путешествия в полуденную Россию» (1800—1802 г.; 2-е изд. 1805), написанное под влиянием Карамзина (в письмах, как и «Письма русского путешественника»), в жанре «сентиментального путешествия» — самое крупное и известное произведение писателя. Литературная репутация Измайлова была достаточно высокой, особенно среди московских литераторов-сентименталистов. Свой авторитет он приобрел во многом за счет переводческой и журнальной деятельности. Им были переведены «Картина Европы» Л. Ф. Сегюра, «Письма о ботанике» Ж.-Ж. Руссо, прозаические и стихотворные произведения Шатобриана, Жанлис, Флориана, Мильвуа. Как журналист он выступал три раза: в 1804 г. стал издателем (и автором большинства опубликованных в журнале статей и переводов) «Патриота, журнала воспитания» (1804), в 1814—1815 гг. редактировал «Вестник Европы» и «Российский Музеум», в которых впервые появились в печати стихи А. С. Пушкина, А. А. Дельвига. Наконец, в 1827 г. он выпустил альманах «Литературный Музеум», готовил его продолжение на следующий год, а также вел переговоры по изданию нового журнала «Современник».
26. Ильин Николай Иванович (1777 или 1779—1823) — драматург, литератор из кружка князя А. А. Шаховского, Ф. Ф. Кокошкина и Ф. Ф. Иванова, состоял членом «Беседы любителей русского слова» и пользовался расположением Г. Р. Державина, был еще членом Московского общества любителей российской словесности. Выступил на литературное поприще переводами с французского в конце XVIII в., а в 1800-е гг. приобрел громкую известность двумя оригинальными драмами: «Лиза или торжество благодарности» (представлена в Петербурге 20 июля 1803 г.) и «Великодушие или рекрутский набор» (представлена в Петербурге 13 ноября 1803 г.). Позднейшие произведения Ильина состоят из нескольких переделок французских комедий и двух оригинальных комедий: «Физиономист и хиромантик» (1815) и «Семик» (1818). Ильин сотрудничал также в «Вестнике Европы» и в «Амфионе», а в 1809 г. сам издавал в Москве журнал «Друг детей». Уже после смерти Ильина, 12 января 1837 г., была поставлена петербургской сцене его комедия «Монастырка или счастливая сирота». С 1806 по 1810 г. управлял хозяйственной частью московских театров. По протекции А. С. Шишкова стал секретарем канцелярии московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина.
27. Капнист Василий Васильевич (1758—1823) — поэт, переводчик, видный представитель русского сентиментализма.
28. Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — поэт, писатель, переводчик, критик, журналист, издатель, историк, глава русского сентиментализма.

29. Коваленский Илья Михайлович (ум. 1854) — галантный кавалер, друг А. А. Писарева, московский барин, просвещенный человек, утонченный аристократ, женился на своей крепостной в имении под Рязанью Черная Слобода, удалился от двора и светского круга. Прадед поэта и философа С. М. Соловьева. В молодости — приверженец легкой поэзии, в том числе стилизаций в народном духе, позднее много работал над хронологией библейской истории.
30. Кованько Иван Афанасьевич (1774 или 1775—1830) — поэт, из малороссийских дворян. Окончил Горное училище в Санкт-Петербурге и служил в различных учреждениях горного ведомства. Как поэт Кованько становится известным в 1790-е гг.; первая публикация — «Тленность» («Приятное и полезное препровождение времени», 1795. Ч. 5). В целом для Кованько характерна сильная зависимость от поэзии Г. Р. Державина, на которого он сознательно ориентировался. В 1802 г. вступил в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств и стал одним из наиболее деятельных членов. Из многообразного в жанровом отношении творчества Кованько (оды, анакреонтика, мадригалы, надписи, шарады) выделяются первый русский печатный стихотворный перевод песни Ф. Шиллера «К радости» и получившая беспрецедентную для Кованько известность «Солдатская песня» («Хоть Москва в руках французов…») — агитационное стихотворение, открывшее 1-й номер журнала «Сын Отечества» (1812) и вошедшее в народные песенники. В эпоху Отечественной войны 1812 г. были очень популярны и другие патриотические стихотворения Кованько («Ода на бегство Наполеона от Малоярославца», «На изгнание французов из Москвы» и др.). Периодически он продолжал печататься в «Сыне Отечества» и позднее (патриотическая «Песня русского солдата…» (1815. № 21)), «Песня русских воинов перед сражением» («Друзья! На смертный мир!..» (1818)).
31. Кокошкин Фёдор Фёдорович (старший) (1773—1838) — драматург, поэт и театральный деятель. Получил образование в Московском университете, служил в гвардии; в 1818 г. назначен членом театральной дирекции в Петербурге; в 1823—1831 гг. состоял директором московского театра. В 1827—1830 гг. был председателем Общества любителей российской словесности при Московском университете (основанного при его участии в 1811 г.). Перевел «Мизантропа» Мольера (1816) и другие пьесы, но успеха на сцене они не имели, кроме комической оперы «Чертенок в отпуску» (1818). Стихотворения Кокошкина («На бегство Наполеона», 1812 г.; «Излияние чувств глубочайшей благодарности», 1814 г.) печатались в «Сыне Отечества», «Вестнике Европы», «Амфионе» и других журналах.
32. Колосов Василий Михайлович (1782—1857) — происходил из купеческого звания. В 1802 г. из студентов Московского университета поступил на службу в ведомство Экспедиции кремлёвского строения, впоследствии принимал участие в работе различных комиссий (1803—1813 гг. — в грузинской, 1808—1812 гг. — в комиссариатской и др.) В 1830 г. служил смотрителем Кремлёвского архитектурного училища, был уволен в обер-офицерском чине в 1832 г. по состоянию здоровья. Первые стихи были напечатаны в Москве в 1801 г. по случаю восшествия на престол Александра I. Несколько стихотворений опубликовал в 1803—1805 гг. в «Друге просвещения» и «Новостях русской литературы». Посвятил ряд стихов событиям Отечественной войны 1812 г. («Песнь богатырям русским», «К портрету светлейшего князя Голенищева-Кутузова-Смоленского»). Автор сентиментальных повестей, ориентированных на Н. М. Карамзина и В. В. Измайлова.
33. Корсаков Петр Александрович (1790—1844) — переводчик, драматург, критик, публицист, издатель. Из родовитых дворян, известен в петербургских литературных кругах с начала 1810-х гг. В 1807—1810 гг. состоял при русской миссии в наполеоновском Королевстве Голландия. Был знатоком и переводчиком голландской литературы. В 1817 г. издавал два журнала: «Русский пустынник, или Наблюдатель отечественных нравов», затем «Северный наблюдатель» (вышло по 26 номеров каждого). С 1835 г. был цензором. В 1840-м г. выступил соиздателем журнала «Маяк», где активно публиковал нравоучительную прозу. В статьях 1840-х гг. призывал отечественных литераторов к народничеству.

34. Кугушев Николай Михайлович (1777 — не ранее окт. 1825) — князь, поэт, драматург, писатель. С молодых лет на военной службе, участник суворовских походов. Был дважды ранен. Печатался с 1800 г. Опубликовал стихи и сентиментальные («чувствительные») повести: «Петр и Параша» (1802) и «Испытание верности» (1805). Отдельно вышли две одноактные комедии: «Любовная шутка» (Смоленск, 1800) и «Соболья шуба, или Спорь до слез, а об заклад не бейся» (М., 1803), высмеивающие недалеких и спесивых дворян. В подражание Н. М. Карамзину издал поэму «Грановитая палата» (1805—1808), в которой излагались события конца XII в. В 1810-е гг. напечатал ряд статей («Разговор между Сократом и Вольтером о царстве мертвых», «Разговор Сократа с Альцибиадом») и стихотворений. Из них наиболее значителен стихотворный «Отрывок из повести о князе Мстиславе» (1814) — одно из первых подражаний «Слову о полку Игореве». В сборник стихов «Праздное время инвалида» (М., 1814) вошли и ранее опубликованные, и новые стихи (дружеские послания, басни, песни, поэтические «мелочи»). Для поэзии Кугушева характерно восхваление радостей сельской жизни, дружбы, любви, интерес к исторической тематике. Наиболее удачны стихи с автобиографическими мотивами: «Инвалид в деревне» (1804), «Письмо к П. И. См-ву» (1805), «Инвалид в городе» (1806), «Мой уголок» (1814); в них воспоминания о походах и боевых схватках («Семь часов в огне сражался», «Страшный Сент-Готард») чередуются с подробным описанием времяпрепровождения в отставке. В 1813—1814 гг. подготовил и издал двухчастное «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 1814)
35. Кулаков Андрей — корреспондент М. И. Невзорова, в 1813 г. опубликовал в журнале «Друг юношества и всяких лет» единственное стихотворение, отправленное из Мологи, села в Белгород-Днестровском районе Одесской области Украины, на берегу Днестровского лимана.
36. Ламанский Иван Иванович (1793—1879) — действительный тайный советник, сенатор, директор особой канцелярии министерства финансов по кредитной части, получил дворянство, отец четверых сыновей, каждый из которых оставил свой след в русской истории XIX в.
37. Лёвшин Василий Алексеевич (1746—1826) — поэт, писатель, переводчик. Родился в Смоленске в небогатой дворянской семье, получил домашнее образование. В 1765 г. поступил на военную службу, принимал участие в русско-турецкой войне (1768—1774), после окончания которой был назначен секретарем Вольного экономического общества. В 1773 г. вышел первый сборник его трудов «Загадки, служащие для невинного разделения праздного времени». В 1782—1786 гг. сотрудничал в журнале Н. И. Новикова «Городская и деревенская библиотека». В списке работ Левшина встречаются переводные и оригинальные сельскохозяйственные руководства, конский лечебник, поваренный словарь, руководство для обращения с винами, «Всеобщее и полное домоводство», «Коммерческий словарь», «Словарь ручной натуральной истории», перевод «Естественной истории для малолетних» Раффа, оригинальные и переводные водевили, комические оперы, торжественные оды, трагедия «Троян и Лида», критическое рассуждение о письме Вольтера по поводу лиссабонского землетрясения и т. д. С 1810 г. состоял при помощнике статс-секретаря (А. Н. Голицына). В 1818 г. вышел в отставку с чином статского советника. С 1818 г. почётный член Санкт-Петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, с 1821 г. — член Московского общества сельского хозяйства. В 1810-е гг. жил литературным трудом, в нужде, имел ок. 15 000 рублей долга, почти потерял зрение, переводил при помощи своих детей.
38. Марин Сергей Никифорович (1776—1813) — поэт-сатирик. Родился в Воронеже в дворянской семье. Служил в Преображенском полку; был автором прославленного «Преображенского марша» (1805). В сражении под Аустерлицем был ранен. Печатался с 1806 г. Автор пародий, шуточных од, посланий, эпитафий, басен, обличающих военные придворные нравы. Марину принадлежат также переводы (в т. ч. трагедии Вольтера «Меропа») и первая в русской литературе бурлескная трагедия «Превращенная Дидона» (на сюжет «Энеиды»). В 1809 г. вместе с К. Н. Батюшковым, Г. Р. Державиным, И. А. Крыловым, А. А. Шаховским участвовал

в издании «Драматического вестника» — первого русского театрального журнала. В 1811 г. был принят в члены «Беседы любителей русского слова». Во время Отечественной войны 1812 г. состоял при генерале П. И. Багратионе. Скончался от ран, полученных в ходе Бородинской битвы.

39. Милонов Михаил Васильевич (1792—1821) — поэт. Родился в семье мелкопоместного дворянина. Окончил Московский благородный пансион (1809), по окончании курса служил в министерстве юстиции и провиантском департаменте. В печати выступил в 1807 г. в альманахе «Утренняя заря». Писал поэтические послания, элегии, героико-патриотические стихи, но наибольшей известностью пользовались сатиры, в которых он выступил как предшественник гражданской поэзии декабристов. В 1819 г. вышло его единственное прижизненное собрание произведений — «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения».
40. Невзоров Максим Иванович (1762 или 1763—1827) — писатель, поэт, масон, один из сподвижников Н. И. Новикова. Происходил из духовного звания, выпускник Московского университета. Большое влияние на Невзорова в студенческие годы оказал И. В. Лопухин. С 5 марта 1802 г. Невзоров стал помощником цензора Университетской типографии. С 13 ноября 1803 г. — член Цензурного комитета. В 1805 г. стал директором Университетской типографии. Первым выступлением Невзорова в печати явилась его «Ода преосвященнейшему Симону, епископу Рязанскому и Шацкому <...> майя 10 дня 1781 г.» (отд. изд.: 1781). В дальнейшем помещал оды и элегии в разных повременных изданиях, а также опубликовал сборник «Стихотворения» (М., 1804; посв. М. Н. Муравьеву). Невзоров — автор ряда переводов нравоучительных сочинений, «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» (М., 1800), которое он совершил, сопровождая И. В. Лопухина во время его сенаторской ревизии. С января 1807 г. по апрель 1815 г. издавал журнал «Друг юношества». С сентября 1812 г. по декабрь 1813 г. также издавал «Исторический, статистический и географический журнал» («Политический журнал») в связи с тем, что его издатель М. Г. Гаврилов еще не вернулся в Москву после нашествия французской армии. В 1812 г. пожертвовал значительную сумму в пользу университета и типографских служащих. До самого нашествия французских войск Невзоров оставался в Москве. 4—5 сентября 1812 г. перебрался в подмосковное имение Лопухина Савинское, но вскоре вернулся в Москву и занялся делами типографии. В связи с событиями 1812 г. Невзоров опубликовал ряд произведений патриотического характера.
41. Нестеров Ап<оллоний> — московский поэт, сотрудник «Вестника Европы», «Аглаи», «Друга юношества» и других журналов 1810-х гг.
42. Нечаев Иван Иванович (1768—1838) — воронежский купец 2-й гильдии; потомственный почетный гражданин, в 1821—1825 гг. городской голова.
43. Никитин Андрей Афанасьевич (1790—1859) — из приказнослужительских детей, в 1807 г. был принят студентом в Московский университет, окончил курс кандидатом в 1809 г. С этого времени служил в разных петербургских ведомствах, дослужившись до должности статс-секретаря Государственного совета и чина тайного советника (1843). С 1849 г. был почётным членом Московского университета. В 1816 г. стал одним из организаторов Вольного общества любителей российской словесности (ВОЛРС), был его секретарём и членом цензурного комитета. В начале 1820-х гг. преподавал риторику, логику, поэзию, мифологию и российское сочинение в Горном кадетском корпусе в Петербурге. В 1821—1822 гг. участвовал в масонской ложе «Избранного Михаила», сблизился с декабристами. Стихи печатал в «Соревнователе просвещения и благотворения» (1817—1819) и «Благонамеренном» (1820); в 1818 г. в Петербурге вышел сборник «Сочинения и переводы в стихах и прозе». Переводил (и публиковал) стихи с немецкого и латыни (Оссиан и Гораций).
44. Николев Николай Петрович (1758—1815) — поэт и драматург. Воспитывался в доме Е. Р. Дашковой, где получил превосходное образование. В 20-летнем возрасте ослеп. В 1792 г. избран членом Российской академии. Свои взгляды сторонника классицизма Николев изложил

в «Лиро-дидактическом послании» Е. Р. Дашковой (1791, 2-е изд. с «дополнительными примечаниями», 1796). Однако в творческой практике Николев испытывал влияние различных направлений. Кроме од в стиле классицизма, он написал «Две оды на взятие победоносным российским воинством города Очакова 1788 года декабря 6 дня» (1789); в первой из них использованы элементы литературной пародии, во второй — фольклорные мотивы. В стихах Николева, ставших популярными песнями и написанных в духе сентиментализма, также использован фольклор («Взвейся, выше понесися…», «Вечерком в румяну зорю…» и др.). Основное место в творчестве Николева занимает драматургия (трагедии «Сорена и Замир» (1784, пост. 1785, опубл. 1787), «Пальмира» и «Святослав» (в рукописи), комедии «Самолюбивый стихотворец» (1775, пост. 1781, опубл. 1787), «Попытка не шутка», «Испытанное постоянство», «Прикащик» и др., комическая опера «Розана и Любим» (1776, пост. 1778, изд. 1781)). В 1800—1810-е гг., продолжая писать, Николев почти ничего не печатал, лишь изредка помещая стихи в «Русском вестнике» и «Сыне Отечества». В 1811 г. Николев был принят почетным членом в Общество любителей российской словесности при Московском университете и избран почетным членом «Беседы любителей русского слова». Летом 1812 г. Николев в своей подмосковной деревне при известии о взятии 12 августа французской армией Смоленска произнес патриотическую речь, обращенную к крестьянам Верейской округи (опубликована в кн.: Памятник друзей Н. П. Николеву. М., 1819. С. 34—43; также: Рус. вестн. 1819. Ч. 1. № 23—24). Он помогал приходившим к нему раненым солдатам, «принимая, кормя, поя, леча и похороняя их». Вынужденный наконец оставить свое имение, он переселился с семьей в Тамбов. В письмах к Д. И. Хвостову от 16 ноября 1812 и 14 января 1813 г. Николев привел текст нескольких своих эпиграмм на Наполеона. После победы над французской армией Николев снова переселился в Москву. В 1813 г. здесь было напечатано его стихотворение «Чувствование по случаю кончины М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленского». Событиям Отечественной войны посвящен целый ряд стихов Николева из настоящего собрания («Хор (для Польского) на новый 1813 год», «Ода победам российского воинства» и др.).

45. Овдулин Н. — корреспондент С. Н. Глинки, в 1813 г. опубликовал в журнале «Русский вестник» единственное стихотворение.

46. Окулов Григорий — учитель Санкт-Петербургской духовной семинарии, писатель; происходил из духовного звания. По окончании курса в Александро-Невской академии определился на службу в Санкт-Петербургскую палату Гражданского суда, откуда в октябре 1828 г. перешел на службу в Санкт-Петербургскую духовную семинарию учителем финского языка; кроме того, с апреля следующего года, по поручению Комитета духовных училищ, занимался корректурой, а затем и переводом издаваемых на финском языке книг духовного содержания; в 1833 г. ездил для усовершенствования в финской филологии в Гельсингфорский университет и вскоре издал финскую азбуку, а затем и грамматику. В 1837 г. был признан начальством «неблагонадежным по болезненным припадкам и неисправности по классу» и уволен от службы. Г. Окулов писал и прозой, и стихами. В 1813 г. издал «Встречу Суворова с Кутузовым или вести, принесенные в царство мертвых кн. Смоленским» (2-е изд. 1814 г.), посвященную переводчику О. С. Ширяеву; в 1817 г. вышло отдельной брошюрой его «Рассмотрение рассуждения изданного г. Измайловым в журнале Сын Отечества о басне и самых его басен»; в 1836 г. Г. Окулов издал «Грамматику финского языка, сочиненную для преподавания в Санкт-Петербургской духовной семинарии». Стихотворные опыты Окулова выдержаны в стилистике классицизма, в которой чувствуется влияние его покровителя гр. Д. И. Хвостова. Г. Окулову принадлежит «Послание гр. Д. И. Хвостову» (1812); «На брак моего благотворителя С. И. Голенищева-Кутузова»; «Ироническая песнь на победы, одержанные над французами при Двине»; «На победы, одержанные над французами гр. Витгенштейном»; «Ода на взятие Парижа» (1814); «Чувства русского в день священного коронования государя императора Николая Павловича» (1826).

47. Никанор Остафьев — отставной солдат Фанагорийского гренадерского полка, проживавший в Вологде и опубликовавший в 1812 г. единственное стихотворение в «Сыне Отечества».
48. Остолопов Николай Федорович (1782—1833) — поэт, переводчик, теоретик стиха. В 1803 г. опубликовал нравоучительную повесть «Евгения, или Нынешнее воспитание». В 1802—1805 гг. — член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. В 1806 г. издавал журнал «Любитель словесности». Сборник «Прежние досуги» (1816) содержал лирические (с пасторальными мотивами) и патриотические стихи об Отечественной войне 1812, басни, «народные» романсы. Главный труд Остолопова — «Словарь древней и новой поэзии», который он создавал 14 лет (Ч. 1—3, изд. 1821) — первый свод знаний по теории и истории стиха, подводящий итог классицистическому периоду русской литературы.
49. Писарев Александр Александрович (1780—1848) — командир эпохи наполеоновских войн, генерал-лейтенант. Член Российской академии, Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в 1823 г. избран президентом Московского общества любителей истории и древностей Российских. Известен как один из первых историков Отечественной войны 1812 г. Писал басни, сатиры, позже — военно-патриотические оды, гимны, «хоры», печатался в журналах. В 1817 г. напечатал «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году».
50. Пожарский Яков Осипович — филолог, поэт, переводчик. В 1806 г. в чине губернского секретаря, состоял учителем уездного и приходского училища при Санкт-Петербургской губернской гимназии. В 1820—1822 гг. служил советником в Департаменте Главного Суда в Могилеве, а в 1824—1830 гг. в I Департаменте Главного Суда в Вильне. Состоял также членом Общества любителей словесности, наук и художеств. По выходе в отставку жил в Могилеве, а затем в Крестецком уезде Новгородской губернии. Выступил в печати с переводом французской поэмы в 3-х песнях «Весна изгнанника» (СПб., 1812); в том же году издал «Притчу: комары, ослы и человек» (СПб., 1812); в 1813 г. — «Наполеонов бостон». Главным достижением Пожарского был перевод «Слова о полку Игоревом», изданный им на средства графа Н. П. Румянцева, под заглавием «Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода Северского, вновь переложенное, с присовокуплением примечаний» (СПб., 1819). Перевод вызвал множество разноречивых отзывов, из которых отрицательные принадлежат Шишкову, Ганке, Добровскому, Сахарову и др. Однако за перевод свой Пожарский был избран в действительные члены Вольного общества любителей российской словесности.
51. Попов Иван Васильевич (ум. 1839) — московский купец, автор од. Учился в Московском университете. По воспоминаниям современников, был «величайшим оригиналом»: «званием купец, по занятиям книгопродавец, типографщик, писатель, ходатай по делам, поверенный питейных откупщиков <...> и всегда близкий знакомый многих литераторов и ученых <...> он был самый жалкий писатель и рифмотворец, исписавший горы бумаги» (*Полевой К. А.* Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого. СПб., 1860. Ч. 1. С. 106). Первым литературным произведением Попова была «Ода на торжественный день коронования <...> Екатерины Вторыя...» (1791). С февраля 1797 г. — владелец книжной лавки в Гостином дворе на Ильинке. В начале XIX в. Попов вместе с Люби и Гари содержал книжную лавку и был арендатором Университетской типографии. По предложению Попова и на его средства с 1802 г. издавался «Вестник Европы» Н. М. Карамзина. По случаю опубликования манифеста о намерениях российского правительства начать переговоры с Францией для заключения мирного договора на взаимовыгодных условиях (Московские ведомости. 1806. № 73. 12 сентября) Попов написал патриотическую «Оду на случай высочайшего е. и. в. манифеста...» (М., 1806), напечатав ее на свой счет. В октябре 1813 г. московские чиновники, собравшиеся праздновать освобождение Москвы, предложили Попову сочинить подобающее для этого случая стихотворение. 6 октября Попов сочинил песнь в форме диалога певца и гражданина «Певец среди московских граждан», которую торжественно произнес в собрании чиновников 10 октября. Отечествен-

ная война 1812 отразилась также в басне Попова «Волк, который, шед в овчарню, ошибкою забрел на псарню» (М., 1814), написанной в подражание басне И. А. Крылова и с эпиграфом из стихотворения Г. Р. Державина «Видение мурзы»: «Я в шутках правду возвещу». Победе над Наполеоном посвящена также «Ода на совершенное низложение врага России и вселенной» (М., 1814). В том же году Попов написал еще несколько од на случай. Подражая псалму 47, он сочинил короткую оду с хорами «Песнь на торжественное вшествие всеавгустейшего государя императора Александра Первого в Париж» (М., 1814). «Песнь на прибытие е. и. в. из-за границы в Санкт-Петербург по заключении с Франциею мира» (М., 1814) была написана Поповым «в некоторой по сему случаю собравшейся беседе июля 19 дня». От московского купечества Попов написал приветственную «Оду на всевожделенное прибытие е. и. в. в первопрестольный град Москву» (М., 1816). Известно, что в конце 1830-х гг. некий Попов, купец 3-й гильдии, жил в собственном доме, вероятно в Сущевской части в Новой Слободе.

52. Потемкин Сергей Павлович (1787—1858) — граф, писатель, внучатный племянник Г. А. Потемкина, князя Таврического; уже при рождении был пожалован в офицеры. Участвовал в войнах 1805—1809 гг. Будучи членом «Беседы любителей российской словесности», Потемкин поместил в его «Чтениях» несколько стихотворений, крупнейшие из них: «И мои мечтания» (кн. VIII) и «К прошлому 1812 и наступившему 1813 г.» (кн. XI). Около того же времени участвовал в переводе Расиновой «Гофолии». Напечатал еще «Размышления при гробнице ген.-фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленского» (СПб., 1813) и «Последнюю песнь Лебедя» (1853). Являлся старшиной московского Английского клуба, где познакомился с А. С. Пушкиным, был посажённым отцом на свадьбе поэта.
53. Прожика Александр — воспитанник Московского благородного пансиона, жил в Харькове. Известны несколько его стихотворений и перевод отрывков из популярной поэмы Парни «Иснель и Аслега» (Разговор Юлия Цезаря с Пожарским в царстве мертвых. Любовь к родителям. Сновидения героев скандинавских. Из Parny Александр Прожин // В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. Ч. II. М., 1811. С. 280—287, 337—339, 382—383), был сотрудником журнала «Друг юношества» («К друзьям», 1813) и «Духа журналов» («Романс», 1817).
54. Пушкин Алексей Михайлович (1771—1830) — дальний родственник А. С. Пушкина, писатель, переводчик Мольера, Расина, Реньяра, актер-любитель, автор нескольких стихотворений.
55. Пушкин Василий Львович (1766—1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина. Родился в Москве. 18-летним юношей блистал в московских салонах; служил в Измайловском полку в Петербурге, поручиком вышел в отставку в 1799 г. и поселился в Москве. Первое печатное стихотворение В. Л. Пушкина послание «К Камину» появилось (без имени автора) в журнале И. А. Крылова и А. И. Клушина «Санкт-Петербургский Меркурий» в 1793 г. Знакомство с И. И. Дмитриевым резко изменило характер литературного творчества Пушкина. Он отдал дань «нежности», песенности, анакреонтике и всю свою жизнь считал Дмитриева своим учителем и другом, глубоко почитая его наравне с Карамзиным. 1803—1804 гг. Пушкин провёл за границей, главным образом в Париже, откуда привез библиотеку латинских, французских и английских писателей. С 1804 по 1810 гг. писал мало (всего 20 стихотворений). В эти годы крепнут дружеские связи В. Л. Пушкина с И. И. Дмитриевым, В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым. Личная дружба связывала Пушкина с П.И. Шаликовым, в журналах которого он по мере своих сил сотрудничал. Вместе с тем он общался и с Д. И. Хвостовым, который посвятил ему стихи. В 1810 г. В. Л. Пушкин был принят в масонскую ложу «Соединенных друзей». В 1810—1811 гг. наступил расцвет его творчества, он написал лучшие свои послания «К Жуковскому», «К Дашкову» и сатирическую поэму «Опасный сосед». Все эти произведения были связаны с борьбой карамзинистов со сторонниками А. С. Шишкова. В 1812 г. В. Л. Пушкин буквально бежал из горящей Москвы без денег и без теплой одежды в Нижний Новгород. Дом, все вещи и драгоценная библиотека погибли в Москве. Стихотворение «К жителям Нижнего Новгорода» было

написано в этот период и послано П. А. Вяземскому в письме от 14 декабря 1812 г., в котором поэт сообщает о своей жизни в городе после бегства из Москвы: «Живу в избе, хожу по морозу без шубы, и денег нет ни гроша» (*Пушкин В.* Сочинения. СПб., 1893. С. 149). После окончания войны В. Л. Пушкин вернулся в Москву. В 1816 г. стал членом Арзамаса» (арзамасское прозвище «Вот» или «Вот я вас», «Вотрушка»). С прекращением «Арзамаса» он стал менее заметен, сильно страдал подагрой, но продолжал посещать заседания Общества любителей российской словесности, литературные обеды, новые спектакли, пытался вмешаться в литературную полемику 1823 г. и написал эпиграмму на Кюхельбекера. Последние значительные произведения В.Л. Пушкина — его неоконченная поэма «Капитан Храбров» и два послания к А. С. Пушкину, а также прозаические «Замечания о людях и обществе».

56. Словцов Петр Андреевич (1767—1843) — историк, поэт. В 1779—1788 гг. учился в Тобольской духовной семинарии и за отличные способности был направлен в С.-Петербург в Главную Александро-Невскую семинарию. Сотоварищами его по учебе были М. М. Сперанский и И. И. Мартынов. В 1792 г., по окончанию семинарии, он был назначен в Тобольскую семинарию преподавателем философии и риторики. Ему же было поручено произнесение проповедей в Тобольском соборе. За вольнодумство и критику властей в 1794 г. был заточен в Валаамский монастырь (на Ладожском озере). По болезни был переведён в 1795 г. в Петербург, где в 1796 г. поступил на гражданскую службу. В начале 1808 г. был ложно обвинён во взяточничестве и выслан на службу в Тобольск. С 1815 г. Словцов — директор гимназии в Иркутске, с 1821 г. инспектор (визитатор) народных училищ Сибири. С 1829 г. в отставке. Основоположник историографии Сибири, сибирского краеведения («Историческое обозрение Сибири», множество статей). Поэтическое наследие Словцова невелико. В 1796 г. он печатался в журнале «Муза», позднейшие стихотворения единичны.
57. Степанов Александр Петрович (1781—1837) родился в семье обедневшего калужского дворянина, отставного премьер-майора Петра Семеновича Степанова. В девятилетнем возрасте потерял отца. Был отдан на обучение в пансион профессора Московского университета Б. Б. Шадена, а затем, в 1793 г., переведен в Московский университетский благородный пансион. По окончании курса состоял на военной службе — сначала в Преображенском полку, затем в Московском гренадерском полку. С 1798 г. участвовал в итальянском походе А. В. Суворова. Был адъютантом П. И. Багратиона, затем состоял в штабе Суворова. В одном из боев был тяжело ранен. Между сражениями и маршами находил возможность сочинять, за что получил от полководца прозвище «маленький Демосфен». Продолжал военную службу в России; вышел в отставку в 1801 г. в звании штабс-капитана. В декабре 1802 г. поступил в только что учрежденное министерство юстиции, где познакомился с поэтами И. И. Дмитриевым и Г. Р. Державиным. В 1804 г. по протекции Державина, высоко ценившего его честность и повышенное чувство справедливости, Степанов был назначен губернским прокурором в Калуге и занимал эту должность до своего выхода в отставку в январе 1812 г. С началом Отечественной войны 1812 года Степанов сформировал из крестьян конный отряд в 140 сабель и вступил с ним в Калужское ополчение. Участвовал в боях по взятию Вязьмы и в преследовании французов. Был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени. После войны Степанов в течение нескольких лет жил в своем калужском имении Ловать, где занимался литературными трудами, хозяйством и воспитанием сыновей. В 1822—1831 гг. вернулся на службу, был назначен первым енисейским гражданским губернатором, активным общественным деятелем, просветителем и ученым. Первой поэтической публикацией Степанова стало стихотворение «Поэзия и музыка» в «Трудах Общества любителей российской словесности» за 1812 г. 26 февраля 1816 г. Степанов был избран действительным членом Общества любителей российской словесности. Публиковал свои произведения как в «Трудах» Общества, так и в различных журналах. Изданная отдельной книгой поэма в 8-ми песнях «Суворов» (М., 1821) воспевала подвиги русской армии. С 1835 г. в «Библиотеке для

чтения» печатались повести и рассказы А. П. Степанова. Шумный успех имел роман «Постоялый двор», написанный в форме мемуаров и во многом автобиографичный. В романе отражены литературные и философские споры, которые велись в петербургских и московских гостиных, а также быт русской провинции. Уже после смерти Степанова были изданы его последние прозаические произведения: роман «Тайна» (СПб., 1838) и сборник «Повести» (СПб., 1838. Ч. 1—2).

58. Урываев Алексей Иванович (1789—1819) — воспитанник Московского благородного пансиона, учитель гимназии в г. Владимир, участник масонского круга М. И. Невзорова, активный участник журнала «Друг юношества», автор прозаических и стихотворных произведений.
59. Хвостов Александр Семенович (1753—1820) — двоюродный брат графа Д. И. Хвостова, стихотворец и переводчик. По окончании Академической гимназии служил в сенате, в 1779 г., участвуя во второй турецкой войне, отличился при взятии Измаила (1790). В 1793 и 1794 гг. состоял поверенным в делах в Константинополе; вступивший на престол Павел I исключил его из службы «за неприбытие к полку», и только Александр I, произведя его в тайные советники, назначил начальником Государственного заемного банка. Свои стихотворные переводы Хвостов начал печатать с 1770 г. («Любопытные оборотни» (комедия с французского в 1 д.; СПб., 1770); «Андриянка» (перев. комедия с латин.; СПб., 1773); «Ножка Фаншетина, или Сирота французская» (повесть; СПб., 1774)). Из оригинальных произведений известны шуточная ода «К бессмертию» и «Послание к творцу послания», т. е. к Д. И. Фонвизину. В 1793 г. Хвостов был избран в члены Российской академии, а в 1811 г., при учреждении «Беседы любителей русского слова», сделан председателем третьего ее разряда.
60. Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835) — поэт, переводчик. Потомок старинного дворянского рода. Получил хорошее образование — вначале дома, затем в частном пансионе и Московском университете. С 1772 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1779 г. перешел на гражданскую службу, с 1782 г. служил при генерал-прокуроре кн. А. А. Вяземском, для которого перевел «Трактат о финансах» французского министра финансов Ж. Неккера. В 1789 г. женился на княжне А. И. Горчаковой — племяннице А. В. Суворова, по ходатайству которого стал подполковником Черниговского пехотного полка. Был одним из близких друзей Суворова. В 1799 г. по просьбе полководца король Сардинии пожаловал Хвостову титул графа. В 1797 г. был назначен обер-прокурором Сената, в 1799 г. — обер-прокурором Синода. В 1807 г. он стал сенатором, в 1818 г. — членом Государственного совета. Уделял много внимания служебным обязанностям, пользовался репутацией неподкупного сановника. Вышел в отставку в 1831 г. в чине действительного тайного советника. С детских лет Хвостова окружала литературная атмосфера. В доме его родителей бывали А. П. Сумароков, В. И. Майков, А. Г. Карин, бывшие в родстве с Хвостовыми. Примерно в 19 лет Хвостов стал сочинять стихи. В печати выступил впервые в 1777 г. с комедией «Легковерный», поставленной тогда же на сцене придворного театра. На всем протяжении литературной деятельности Хвостов был убежденным и последовательным сторонником классицизма. Литературные вкусы диктовали выбор произведений для перевода: трагедия «Андромаха» Ж. Расина (1794), «Поэтическое искусство» Н. Буало под названием «Наука о стихотворстве» (1808). В 1791 г. он был избран членом Российской Академии. С возникновением «Беседы любителей русского слова» (1811) он становится одним из деятельных ее участников. Хвостов писал почти во всех жанрах: оды, послания, сатиры, басни, эпиграммы, элегии, мадригалы, эпитафии. Много сил и внимания уделил составлению биографического словаря русских писателей, собирая для него материалы, однако не успел завершить начатую работу.
61. Шаликов Петр Иванович (1767—1852) — писатель и журналист, из грузинского княжеского рода. Выступил как страстный поклонник карамзинского сентиментализма, которым оставался в течение всей своей многолетней деятельности. Свои поэтические и прозаические произведения помещал в «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах»,

«Ипокрене», «Московском Меркурии», «Патриоте», «Вестнике Европы», «Сыне Отечества», «Благонамеренном», «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском Университете», «Современнике» и «Москвитянине». Собрания его стихов вышли в 1798—1801 гг. («Плод свободных чувствований») и в 1802 г. («Цветы граций»). В 1803—1804 гг. опубликовал «Путешествие в Малороссию» и в 1805 г. — «Путешествие в Кронштадт». В 1806 г. выступил с журналом «Московский зритель», объявляя, что «хороший вкус и чистота слога, тонкая разборчивость литераторов и нежное чувство женщины будут одними из главных предметов внимания». За этим журналом последовали «Аглая» (1808—1812) и позднее «Дамский Журнал» (1823—1833). Впечатления очевидца событий 1812 г. отразились в ряде стихотворений и в его воспоминаниях «Историческое известие о пребывании в Москве французов в 1812 г.» (1813).

62. Шатров Николай Михайлович (1765—1841) — сын пленного персиянина Шатра, вывезенного в Россию мальчиком около 1727 г. и жившего в Москве в доме М. А. Матюшкина. Шатров не получил систематического образования. С середины 1790-х гг. начал публиковать свои стихи в «Приятном и полезном препровождении времени» (1796), в «Санкт-Петербургском журнале» (1798) и других изданиях; в 1810-х гг. он печатался, в частности, в «Амфионе», «Северном вестнике», «Сыне Отечества». Основное место в его творчестве занимали стихотворные переложения текстов из Священного Писания, главным образом из Псалтири. В 1820 г. Шатров ослеп и остался без средств к существованию. В 1831 г. Российская Академия издала в пользу находившегося в бедственном положении автора собрание стихотворений Шатрова в трех книгах: в первой и второй частях собраны подражания псалмам и другие духовные стихи, в третьей части — стихи на разные темы, в том числе «Песнь Донскому воинству».
63. Ширинский-Шихматов Сергей Александрович (1783—1837) — поэт, переводчик, духовный писатель, академик Императорской академии наук, иеромонах новгородского Юрьевского монастыря. Воспитанник морского кадетского корпуса, сотрудник с 1800 г. ученого комитета при адмиралтейств-коллегии и потом инспектор Царскосельского лицея, Ширинский-Шихматов в 1827 г. оставил службу, а в следующем принял монашество, под именем Аникиты, в Юрьевском монастыре, где был в то время архимандритом известный Фотий. В 1834 г. он отправился в путешествие в Иерусалим и во время его через три года скончался в Афинах. Очень рано Шихматов полюбил поэзию и сам писал стихотворения духовного и патриотического характера. Ему принадлежат «Опыт о критике», сочинение Попа, перевод с английского (1806); «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия» (1807); «Песнь российскому слову» (1809); «Петр Великий, лирическое песнопение» (1810); «Ночь на гробах», подражание Юнгу (1812); «Песнь Россу» (1812); «Ночь на размышления» (1814); «Песнь сотворившему все» (1818) и «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у креста» (1824). В своих литературных и религиозных взглядах Шихматов являлся последователем адмирала А. С. Шишкова и деятельным членом «Беседы любителей русского слова» с момента ее основания.
64. Щулепников Михаил Сергеевич (1778—1842) — поэт, журналист, генерал-аудитор флота, директор аудиторского департамента Морского министерства, военный переводчик. В 1812 г. был штаб-офицером Санкт-Петербургского ополчения, участвовал в боях под Полоцком в составе корпуса П. Х. Витгенштейна. Как активный участник наполеоновских войн был неоднократно отмечен наградами, в 1814 г. произведен в майоры, в 1815 г. назначен адъютантом к принцу Виртембергскому. Член «Беседы любителей русского слова».
65. Юшков Степан Васильевич (1781—1828) — сын священника, закончил Харьковский университет, деятель воронежской культуры, один из первых учителей первой воронежской школы — Главного народного училища, автор пьесы «Опыт дружбы», целого ряда стихотворений, написанных в народном духе, переводчик. С 1812 г. состоял штатным смотрителем уездного училища в Белгороде.

66. Язвицкий Николай Иванович (1782—?) — педагог, писатель и переводчик, уроженец г. Коврова, из духовного звания. Образование получил в Санкт-Петербургском педагогическом институте, по окончании которого назначен был учителем Санкт-Петербургской гимназии (1810 г.). Как педагог Я. очень быстро выдвинулся и некоторое время состоял даже учителем российского языка у императрицы Елизаветы Алексеевны. Автор нескольких руководств по теории словесности и языкознанию; переводчик «Слова о полку Игореве», сочинитель од.

И. Айзикова, В. Киселёв, Н. Никонова

СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К НЕЗАБВЕННОМУ 1812 ГОДУ

Юбилейное издание

Корректоры:
О. Неклюдова, И. Полосухина
Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 25.11.2015. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Миньон.
Усл. п. л. 51, 6. Тираж 600 . Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: 8-495-959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4
(Метро «Парк культуры»)